СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

I. ИСТОРІЯ СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

II. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ.

III. ОБЗОРЪ ЧЕШСКОЙ ИСТОРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, у Владимірской церкви, д. № 15.
1868.

2007058538

ИСТОРІЯ СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ.

ОБЗОРЪ ЧЕШСКОЙ ИСТОРІИ.

Авторъ имѣлъ не разъ случай слышать выраженіе желанія, чтобы онъ напечаталъ вновь свои сочиненія, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ давно вышли изъ продажи, а другія разбросаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; но онъ удерживался отъ этого, сознавая, что написанное имъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ объ исторіи южныхъ Славянъ и Славянъ прибалтійскихъ требовало бы во многомъ полной переработки. Онъ хотѣлъ притомъ, для новаго изданія этихъ историческихъ трудовъ, приготовить и ихъ окончаніе; на что потребовалось бы еще нѣсколько лѣтъ.

Между тѣмъ въ настоящее время обнаруживается въ нашемъ обществѣ возрастающій интересъ къ Славянству. Предполагая поэтому, что, при крайней скудости литературы нашей по славянской части, его прежнія работы могутъ послужить нѣкоторымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи, авторъ рѣшился нынѣ ихъ собрать и перепечатать.

I.

ИСТОРІЯ СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Исторія Сербовъ и Болгаръ [1].

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разселеніе Славянъ за Дунаемъ.

Славянское племя, въ глубокой древности раскинувшись въ восточной Европѣ, занимало нѣкоторыми своими вѣтвями края около Карпатскихъ горъ и по среднему теченію Дуная. Но земли на югъ отъ Дуная и Савы не были первоначально заняты Славянами. Тамъ жили многочисленные народы Ѳракійскаго и Иллирійскаго поколѣнія, какъ-то Мизы въ нынѣшней Болгаріи, Одризы и другіе Ѳракійцы въ нынѣшн. Румиліи, Трибаллы въ нын. княжествѣ Сербіи, Дарданы въ Старой Сербіи, Бревки и Автаріаты въ Босніи, Либурны и Далматы въ Приморской Хорватіи и Далмаціи, Лабеаты въ Черногоріи и мн. др. Большая часть этихъ народовъ покорены были Македонскими царями, которые начали распространять между ними начатки греческой образованности. Во II и I вѣкѣ до Р. Хр. они всѣ подпали подъ власть Римлянъ. Вліяніе Рима встрѣтилось здѣсь съ вліяніемъ Греціи; первое укоренилось преимущественно въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова, ближе къ Адріатическому морю, тогда какъ греческое вліяніе было сильнѣе въ южныхъ и восточныхъ краяхъ.

---

[1]) Первая часть настоящаго сочиненія печаталась подъ заглавіемъ: „Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ“, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ 1854 и 1855 г.; вторая часть была помѣщена въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 г. Нынѣ этотъ трудъ, въ коемъ исторія южныхъ Славянъ доведена до паденія втораго Болгарскаго царства въ XI-мъ вѣкѣ, является со значительными исправленіями и дополненіями. Хронологическія данныя повѣрены по Византійской хронографіи г. Муральта.

Славяне, жившіе на югъ отъ Карпатовъ и около средняго Дуная, были завоеваны (кажется, въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Хр.) народомъ Гетовъ или Даковъ, принадлежавшимъ тоже къ Ѳракійскому поколѣнію и перешедшимъ изъ нынѣшней Болгаріи на сѣверный берегъ Дуная. Даки основали могущественное государство въ восточной части нынѣшней Венгріи, Валахіи и Молдавіи. Около 100 г. по Р. Хр. государство это было разрушено Римскимъ императоромъ Траяномъ, и тамошнее населеніе, Даки и Славяне, получило значительную примѣсь латинскую отъ римскихъ колоній, которыя Траянъ тамъ учредилъ.

Между тѣмъ другія племена Славянскія, которыя жили къ сѣверу и востоку отъ предѣловъ Дакіи, между Вислой и Днѣпромъ и далѣе за Днѣпръ, были подвержены набѣгамъ воинственныхъ дружинъ Германскихъ.

Сильнѣйшая изъ этихъ дружинъ, Готы, въ концѣ II-го и въ III-мъ столѣтіи по Р. Хр., подвигаясь отъ Балтійскаго моря къ Черному, подчинили себѣ значительную часть Славянскихъ племенъ въ нынѣшней западной и юго-западной Россіи. Но на эту Готскую державу налетѣла (375 г.) грозная орда Гунновъ, пришельцевъ изъ Задонскихъ степей. Часть Готовъ покорилась Гуннамъ; другая (такъ наз. Вестготы) искали убѣжища въ Римскихъ владѣніяхъ и переселились за Дунай, въ Мизію, откуда эта дружина перешла потомъ въ западные края Балканскаго полуострова и оттуда въ Италію.

Вскорѣ потомъ Гунны, увлекая за собою оставшуюся въ ихъ службѣ дружину Готскую и другія племена, перекочевали изъ Черноморскихъ степей въ степи нынѣшней Венгріи, которыя сдѣлались средоточіемъ огромной державы, заключавшей въ себѣ земли Славянъ и значительную часть земель Германскихъ. Изъ этихъ степей Гунны дѣлали часто набѣги и за Дунай, проникая не только въ Мизію и Ѳракію, но и въ Ѳессалію. Чтобы отвратить отъ имперіи грозу сѣвернаго завоевателя, Константинопольскій дворъ не разъ отправлялъ къ Гунскому царю Аттилѣ посольства съ данью и богатыми подарками. Такое посольство, бывшее въ 448 г. и подробно описанное участникомъ его Прискомъ, представляетъ намъ тогдашнюю Венгрію, какъ страну съ населеніемъ смѣшаннымъ. Тутъ были Гунны въ собственномъ смыслѣ, безбородые кочевники Уральскаго или Тюркскаго племени, не знавшіе земледѣлія, питавшіеся мясомъ, которое согрѣвали подъ сѣдломъ, жившіе верхомъ или въ подвижныхъ кибиткахъ [1]); тутъ были Готы, воинственное товарищество, которое жило завоеваніями и, вѣчно готовое къ походу съ своими женами, дѣтьми и стадами, съ невѣроятною легкостью передвигалось отъ Балтійскаго моря къ устьямъ

[1]) См. изображеніе Гунновъ у Амміана Марцеллина 31, 2.

Днѣпра, отъ Днѣпра за Дунай и потомъ въ южную Италію, изъ Италіи въ Галлію и Испанію. Были также въ странѣ, надъ которою властвовалъ Аттила, люди, усвоившіе себѣ латинскій языкъ,—предки нынѣшнихъ Румыновъ. Наконецъ тамъ была четвертая стихія, которую Прискъ явно отличаетъ и отъ Гунновъ, и отъ Готовъ, и отъ Романцевъ, хотя онъ не умѣлъ означить это населеніе его настоящимъ именемъ и прилагалъ къ нему общее, неопредѣленное названіе Скиѳовъ. Эти Скиѳы, по выраженію Приска, «будучи смѣшаны (съ другими народами),—*сверхъ своей собственной варварской рѣчи* заимствуютъ языкъ Гунновъ, или Готовъ, или также Авсонійцевъ (т. е. Итальянцевъ), послѣдній особенно тѣ, которые имѣютъ соприкосновеніе съ Римлянами». Такимъ образомъ мы видимъ, рядомъ съ господствующимъ языкомъ Гунновъ, рядомъ съ языкомъ Нѣмецкимъ, принесеннымъ Готами, и Романскимъ, который былъ принятъ населеніемъ, смѣшавшимся съ римскими колоніями Траяна, еще туземный «Скиѳскій» языкъ. Напитокъ, который подносили греческимъ посламъ вмѣсто вина въ деревняхъ, гдѣ они проѣзжали, назывался у туземцевъ *медомъ* (μέδος), говоритъ Прискъ [1]). Справляя похороны, эти люди сопровождали ихъ обильной ѣдою, и такое пиршество они называли *стравою* [2]): слово, до сихъ поръ существующее у Поляковъ и Чеховъ въ томъ же значеніи ѣды, пищи. Такимъ образомъ, не остается сомнѣнія, что эта четвертая, коренная, осѣдлая стихія населенія въ странѣ, гдѣ царилъ Гунскій завоеватель, были Славяне. Тотъ же Прискъ указываетъ на то, что это былъ народъ земледѣльческій, что онъ жилъ въ деревняхъ, носилъ волосы остриженные въ кружокъ. Онъ описываетъ также мѣстопребываніе самого Аттилы. Оно не было похоже на улусы какого нибудь хана Монгольскихъ кочевниковъ, а на большую деревню европейскаго строя: избы, сложенныя изъ бревенъ и гладко тесанныхъ, украшенныхъ рѣзьбою досокъ, обнесенныя заборомъ съ воротами, внутри, вокругъ стѣнъ, уставленныя скамьями,—совершенно съ виду деревня славянская. При домѣ была баня, и эти «Скиѳы», какъ видно изъ разсказа греческаго посла, особенно ею дорожили.

---

[1]) Былъ у нихъ еще другой напитокъ, приготовленный изъ ячменя и который пили служители, тогда какъ господъ угощали *медомъ*. Этотъ напитокъ назывался κάμον (это слово поставлено у Приска въ винительномъ падежѣ). Если только здѣсь не описка вмѣсто κάσον—какъ Грекъ вѣроятно передалъ бы славянское *квасъ*, и названіе *камъ* можно признать подлиннымъ, то его слѣдуетъ отождествлять съ сербскимъ и словенскимъ *комъ*, которое сохранилось въ выраженіи *комина* гуща, дроба, *комовъ* сдѣланный изъ гущи и т. под.; эти производныя указываютъ несомнѣнно на потерянное послѣ у Славянъ слово *комъ*, которое означало вѣроятно нѣчто въ родѣ браги или другаго напитка, оставляющаго *комину*,— гущу.

[2]) Iord 49: Postquam talibus lamentis est defletus (Attila), *stravam* super tumulum eius, quam appellant ipsi, ingenti *comessatione* concelebrant.

Гунское нашествіе дало Славянамъ толчокъ; оно двинуло ихъ къ западу и югу. По всей вѣроятности, уже Вест-готы, уходя передъ Гуннами съ береговъ Днѣпра за Дунай, имѣли въ своихъ рядахъ и нѣкоторыхъ Славянъ. Потомъ Аттила, посылая безпрестанно свои войска въ Мизію и другія области Византійской имперіи, открывалъ туда дорогу Славянамъ. Сохранилось смутное сказаніе о томъ, что въ 449 г. Славяне заняли страну между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ и прогнали Римлянъ, тамъ обитавшихъ, въ приморскіе города, Рагузу (Дубровникъ), Сплѣтъ, Трогиръ, Задръ и т. д. Хотя невозможно принять это сказаніе буквально въ томъ смыслѣ, будто переворотъ, замѣнившій римское или романизованное населеніе древняго Иллирика славянскимъ, произошелъ такъ внезапно, однако начало славянской колонизаціи этой страны восходитъ несомнѣнно къ V-му вѣку. Такой колонизаціи могли особенно способствовать междоусобія, возникшія послѣ смерти Аттилы въ равнинахъ средняго Дуная. Готы и другія германскія дружины, которыя оставались тамъ подъ властію Гунновъ, пока Аттила былъ живъ, вооружились противъ его сыновей и прогнали Гунновъ назадъ къ Черному морю; потомъ они стали рѣзаться между собою, и поочередно уходить за Дунай и въ Италію, чтобы искать себѣ въ предѣлахъ распадавшейся Римской имперіи болѣе богатыхъ и спокойныхъ жилищъ. Съ уходомъ этихъ завоевателей Славянамъ открывалась въ Дунайской странѣ свобода дѣйствій; опустошенныя столько разъ Гуннами и Германцами области Балканскаго полуострова стояли открытыми для новыхъ поселеній. Ост-готы, занявшіе (около 460 г.) Паннонію и оттуда предпринимавшіе завоевательные походы въ Мизію и Иллирикъ, уходя потомъ (488 г.), подобно своимъ собратьямъ и предшественникамъ Вест-готамъ, въ Италію, оставляли Мизію и Иллирикъ на произволъ Славянамъ, которыхъ туда увлекли за собою. Народныя сказанія Далматинскихъ Славянъ, записанныя въ XIII и XIV столѣтіяхъ, говорятъ прямо, что Готы привели Славянъ съ сѣвера въ Далмацію и Иллирикъ, и часто даже отождествляютъ Готовъ съ Славянами [1]). Подробности этихъ сказаній баснословны и мы не будемъ здѣсь останавливаться на ихъ разборѣ, но ихъ историческая основа несомнѣнна, несомнѣненъ тотъ фактъ, что вторженія Готовъ въ страны Балканскаго полуострова потянули туда и Славянъ.

Ходъ славянской колонизаціи этихъ областей въ теченіе V-го вѣка скрытъ отъ насъ. Вѣроятно сами современники въ Константинополѣ мало замѣчали ее, оглушенные страшнымъ грохотомъ разрушенія разваливавшейся со всѣхъ сторонъ Римской имперіи. Но, судя по резуль-

---

[1]) См. Presbyt. Diocl. у Люція, 287, 288. Kronika Hrvatska въ Архивѣ za povestnicu jugoslavensku, I, 4 и слѣд. Thomae Archidiacon. VII, у Люція 317.

татамъ, славянская колонизація успѣла въ теченіе V-го вѣка глубоко измѣнить составъ населенія Балканскаго полуострова. Уже подъ 468 и 469 гг. мы читаемъ о подвигахъ Византійскаго вождя, котораго имя и отчество несомнѣнно обличаютъ Славянина, Оногостя (Αναγάστης) сына Унѣслава (Ονιγίσκλου). Онъ начальствовалъ надъ Ѳракіею; въ союзѣ съ Готами, онъ защищалъ имперію отъ Гунновъ и убилъ Аттилина сына Денгизика. — Перенесемся въ Византію первой половины VI-го вѣка.

Престолъ касарей занимаетъ великій законодатель, знаменитѣйшій изъ императоровъ восточнаго Рима. Сынъ *Истока*, онъ назывался прежде *Управдою*, а теперь перевели имя и зовутъ его Юстиніаномъ; родомъ изъ поселянъ деревни *Ведряны* [1]), обличавшій своимъ произношеніемъ чужеземца, «варвара». Онъ возвысился покровительствомъ прежняго императора, своего дяди, Юстина, который самъ когда-то, молодымъ земледѣльцемъ, пришелъ пѣшкомъ изъ Ведряны въ Византію, съ однимъ тулупомъ [2]) на плечахъ, и потомъ перевелъ туда жену свою, прозвищемъ *Лупкиню*, сестру *Бѣгленицу*, мать Управды, и племянницу *Бѣгленицу* же, по-римски Вигиланцію. — Славенъ своими войнами, побѣдами своихъ полководцевъ, императоръ *Управда:* а его полководцы кто такіе? Первый — Велисарій, родомъ изъ той же Дарданіи, откуда вышелъ императорскій домъ [3]): какое было тогда въ ней населеніе, показываетъ семья Юстинова, и названіе новой крѣпости, которую Юстиніанъ построилъ близъ самаго города, гдѣ родился Велисарій — *Скоплица* [4]); наконецъ имя великаго полководца не римское, не греческое, не германское, а какое другое, какъ не *Величаръ?* — Конницу Велисарія въ Италіи составляли 1600 человѣкъ, «большею частію Гунны, Славяне и Анты, что обитаютъ по ту сторону Дуная, не вдалекѣ отъ берега» (слова современника Прокопія). Въ одномъ изъ походовъ Византійцевъ подъ Кавказъ, славянскій ратникъ, по имени *Сварунъ*, оказывалъ имъ большія услуги мѣткими ударами копья; отдѣльнымъ коннымъ отрядомъ противъ Персовъ начальствовали «Доброгость и Всегордъ, оба варвары родомъ, но при всемъ томъ вожди римскихъ полковъ» [5]); Доброгость былъ именно изъ племени Антовъ, т. е. той части Славянъ, которая жила на сѣ-

---

[1]) Въ древней Дарданіи, гдѣ нынѣ Кюстендиль и Софія. Греки пишутъ Βεδεριανά.

[2]) σισύρα—косматая кожа, платье сшитое изъ косматой кожи; Plat., поздн. (Словарь Коссовича).

[3]) См. Procop. de bello Vandal. I, II и de aedif. IV, 1.

[4]) Σκαπλιζώ.

[5]) Agathias III, 6. Читателямъ извѣстно, что подъ именемъ Римлянъ, римскихъ полковъ и т. под., Византійскіе писатели разумѣютъ народъ Восточной Римской имперіи, т. е. преимущественно Грековъ, полки Византійскаго императора и т. дал.

веръ отъ Чернаго моря и раздвинулась по Дунаю. Здѣсь, на Дунаѣ, вотъ что происходило въ это время: у Юстиніана былъ приближенный человѣкъ, Хвилибудъ (Χιλβούδιος), отличный воинъ, родомъ Антъ [1]), котораго онъ (въ 531 г.) сдѣлалъ воеводою Ѳракіи [2]), поручивъ ему охраненіе Дуная отъ варваровъ, «ибо часто уже Гунны, Анты и Славяне переходили его и разоряли Римлянъ» (я придерживаюсь словъ лѣтописца). «И Хвилибудъ нагналъ такой страхъ на варваровъ, что они болѣе не смѣли переступать рѣки, а напротивъ, Римляне съ Хвилибудомъ стали къ нимъ вторгаться, бить ихъ и забирать въ плѣнъ. На четвертомъ году Хвилибудъ однажды, съ небольшимъ войскомъ, по обыкновенію переправился черезъ Дунай, Славяне же собрались и встрѣтили его всѣмъ народомъ: въ злой сѣчѣ много Римлянъ пало, и съ ними воевода Хвилибудъ (534 г.). И съ тѣхъ поръ варварамъ былъ всегда свободный переходъ черезъ Дунай, и Римскія области были имъ открыты; такъ что въ этой сторонѣ вся имперія не могла замѣнить силы одного человѣка».

Стало быть, въ VI вѣкѣ на императорскомъ престолѣ въ Византіи сидѣлъ Славянинъ, окруженный Славянскою семьею; Византійскія войска имѣли вождями Славянъ, и Славяне служили въ рядахъ ихъ; Славянинъ защищалъ сѣверную границу имперіи на Дунаѣ, а на противоположномъ берегу Дуная стояли Славяне огромнымъ племенемъ, готовые нахлынуть на земли Восточной Римской имперіи. Неизвѣстно, въ какое время произошло поселеніе Славянъ въ Дарданіи, родинѣ Юстиніана и Велисарія; когда проѣзжали послы изъ Византіи къ Аттилѣ, весь этотъ край находился, кажется, въ запустѣніи: вѣроятно, Славяне водворились въ немъ мирнымъ образомъ, не позже половины V-го вѣка.

Но съ VI вѣка движеніе приняло громадные размѣры и стало угрожать самому существованію Византійской имперіи. Съ этого времени какъ будто какая невѣдомая сила погнала массы Славянъ за Дунай. По всей вѣроятности ихъ двинулъ напоръ новыхъ ордъ Уральскаго или Тюркскаго племени, родственныхъ Гуннамъ, спѣшившихъ одна за другою занять богатыя степи Черноморья и нынѣшней Венгріи. Одна

---

[1]) Это оказывается изъ повѣствованія Прокопія о другомъ Хвилибудѣ, котораго Славяне взяли въ плѣнъ и сочли за римскаго воеводу Хвилибуда, на что онъ отвѣчалъ *„что и онъ также Антъ родомъ“* (de bello Gotth. III, 14).

[2]) Въ это время Балканскій полуостровъ (кромѣ Греціи въ собственномъ смыслѣ) дѣлился на двѣ главныя половины: восточную — *Ѳракію*, и западную — *Иллирикъ;* первая въ этомъ обширномъ смыслѣ обнимала Нижнюю Мизію (Болгарію), Малую Скиѳію (Добруджу), собственную Ѳракію (Румилію), Македонію и проч.; Иллирикъ заключалъ въ себѣ Верхнюю Мизію и Новую Дакію (нынѣшнее княжество Сербію), Дарданію (Старую Сербую), Далмацію (нын. Боснію, Герцеговину, Далмацію, Черногорію и сѣверную Албанію), Эпиръ и проч.

изъ этихъ ордъ, особенно прославившаяся своею свирѣпостью, носила названіе Болгаръ, которое производятъ отъ рѣки Волги [1]). Болгаре, которыхъ уже въ 482 г. Византійскій дворъ призывалъ къ нападенію на Готовъ, начали вскорѣ сами дѣлать набѣги на Византійскія области. Первый ихъ набѣгъ на Ѳракію записанъ подъ 499 г. Они тогда одержали большую побѣду надъ 15-тысячнымъ Византійскимъ войскомъ. Нападеніе вновь повторилось въ 502 г. Конечно, нашествію этихъ Болгаръ на Задунайскія страны не могли не предшествовать столкновенія ихъ съ Славянами. Потомъ они стали ходить вмѣстѣ за Дунай. Императоръ Анастасій въ 512 г. отгородилъ восточный уголокъ Ѳракіи, прилегающій къ Константинополю, длинной стѣною, проведенной отъ Мраморнаго моря до Чернаго, чтобы защитить столицу отъ Болгаръ и «Скиѳовъ» (т. е. Славянъ): этимъ самымъ онъ какъ бы предоставлялъ всѣ остальныя страны Балканскаго полуострова на произволъ пришельцевъ.

Болгаре однако, кажется, еще не думали водворяться за Дунаемъ. Они оставались въ Черноморскихъ степяхъ, довольствуясь грабежемъ Византійскихъ областей, и принуждены были вступить въ борьбу съ новою Тюркскою ордою, прикочевавшею изъ-за Дона, Аварами или Обрами, какъ ихъ звали Славяне. Авары, уходя на своихъ кибиткахъ отъ Турецкаго хакана въ средней Азіи (552 г.), вступили въ степи между Волгой, Дономъ и Дунаемъ, покорили Болгаръ и жестоко угнетая Славянъ, которыхъ встрѣчали на своемъ пути черезъ нынѣшнюю южную и югозападную Россію, вступили въ равнины Венгріи. Движеніе Славянъ за Дунай стало усиливаться все болѣе и болѣе.

Надобно было обновиться старому населенію Балканскаго полуострова, изнемогшему отъ многовѣковаго безсилія и разврата подъ римскимъ владычествомъ, отъ войнъ, отъ страшныхъ набѣговъ германскихъ дружинъ, и къ этому обновленію призвано было племя Славянское. Переходъ его съ праваго берега Дуная, гдѣ его собралъ и утвердилъ Аттила, въ земли имперіи, продолжался съ V вѣка до половины VII-го.

Исподволь, отдѣльными толпами, безъ единства и совокупности дѣйствій, переселялись Славяне за Дунай. Какой-то общій порывъ стремилъ ихъ въ опустѣлыя земли Мизіи, Ѳракіи, Македоніи и Далмаціи; ничья воля ихъ не двигала, ничья рука не направляла: ибо они тогда еще не составляли государствъ, а жили простыми общи-

[1]) Такъ думалъ уже пресвитеръ Діоклейскій въ XIII вѣкѣ: exiit innumerabilis multitudo populorum a magno flumine Volga, a quo et nomen ceperunt, nam a Volga flumine Vulgari usque in praesentem diem vocantur.

нами, не имѣя другой власти, кромѣ общаго совѣщанія и согласія, по свидѣтельству Прокопія.

Овладѣвъ переправою черезъ Дунай, Славяне могли занять всю Мизію (нын. Болгарію), и едва ли встрѣтили въ этомъ безлюдномъ краѣ какое-либо препятствіе: дѣйствительно, лѣтописецъ, сказавъ, что послѣ смерти Хвилибуда имъ открытъ былъ входъ въ Римскія земли, тринадцать лѣтъ однако же не упоминаетъ о какихъ-либо ихъ столкновеніяхъ съ Византійскими войсками. Но вскорѣ дѣло коснулось земель, болѣе населенныхъ и богатыхъ, земель чисто-греческихъ, а не тѣхъ только полу-варварскихъ областей, каковы были Мизія, Дарданія и сѣверные части Иллирика, которыми Константинопольскіе Греки менѣе дорожили. Съ этого времени мирное разселеніе Славянъ смѣняется насильственнымъ нашествіемъ, борьба принимаетъ часто характеръ ожесточенія. Подъ 548 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ объ опустошительномъ набѣгѣ Славянъ, которые, пройдя весь Иллирикъ, проникли до Адріатическаго моря у Эпидамна (нын. Драча или Дураццо въ Албаніи). Они вселили такой страхъ въ Римлянъ, что 15,000-ное войско не смѣло къ нимъ подходить на близкое разстояніе. Вскорѣ потомъ (551 г.) Славяне, въ числѣ 30,000 человѣкъ, перешли уже, безъ сопротивленія, Марицу, и здѣсь раздѣлились на двое: «оба отряда, при всей слабости своей, разбили однако же, паче чаянья, говоритъ лѣтописецъ, и обратили въ бѣгство войска въ Иллиріи и Ѳракіи». Побѣда открыла имъ дорогу еще на югъ: одинъ изъ отрядовъ достигъ берега Архипелага и овладѣлъ здѣсь важною крѣпостью Топиромъ. Славяне избили въ Топирѣ 15,000 жителей мужескаго пола, а женщинъ и дѣтей сберегли для рабства: «дотолѣ, говоритъ Прокопій, они предавали лютой смерти всѣхъ, безъ разбору, попадавшихся имъ Римлянъ, и усѣяли весь Иллирикъ и Ѳракію непогребенными трупами; теперь же оба полчища ихъ, точно пресыщенныя кровью, пощадили часть плѣнниковъ и воротились домой съ огромною добычею». Эта перемѣна поведенія явно означаетъ, что они думали уже основаться по близости, въ греческихъ земляхъ, а не имѣли въ виду дальняго перехода. Вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же году (551) огромная сила Славянъ, какой прежде не видали Греки, изъ-за Дуная пришла къ Нишу (Ниссѣ) и устремилась на югъ, съ намѣреніемъ взять Солунь (Салонику, на Эгейскомъ морѣ), но испугавшись войска Юстиніанова, поворотила на западъ и, черезъ горы, ворвалась въ Далмацію: «дѣйствуя тремя отрядами, эти Славяне, пишетъ Прокопій, нанесли страшный вредъ всей Европѣ (т. е. всему Балканскому полуострову): они не то чтобы грабили въ ней частными набѣгами, а *зимовали какъ будто въ собственной своей землѣ*, ни мало не опасаясь непріятеля». Потомъ они подъ Адріано-

полемъ одержали такую побѣду, что даже отбили главное римское знамя и подступили къ «длиннымъ стѣнамъ», ограждавшимъ Константинополь. Въ 559 г. Славяне вновь проникли до столицы имперіи.

Мы уже упомянули о завоеваніи Венгерскихъ равнинъ Аварами. Эта дикая орда кочевниковъ, занявъ Паннонію (западную Венгрію между Дунаемъ и Савою), подчинила себѣ вѣтви Славянскаго племени, обитавшія въ этой странѣ и далѣе на западъ; племена, которыя сидѣли на нижнемъ Дунаѣ и отъ которыхъ именно выходили переселенцы въ греческія земли, были также ими задѣты. Творецъ Аварскаго могущества, хаканъ (ханъ) по имени Баянъ, отправилъ пословъ въ Славянскую землю (въ нын. Валахіи или восточной Венгріи) къ князю Доврату [1]) и къ старшинамъ славянскимъ, требовать дани и покорности (такимъ образомъ у Славянъ Дунайскихъ, во второй половинѣ VI вѣка, начинаютъ появляться князья, которыхъ въ первой половинѣ еще не было). Довратъ и старшины отвѣчали: «Кто человѣкъ тотъ, живущій на землѣ и согрѣваемый лучами солнца, который покоритъ нашу силу? мы привыкли надъ чужими властвовать, а не поддаваться чужимъ, и это нашъ завѣтъ, доколѣ на свѣтѣ будетъ война и мечь» [2]). Слова эти, вложенныя Византійскимъ историкомъ въ уста славянскаго князя, свидѣтельствуютъ о томъ, какое высокое понятіе имѣли тогда о доблести и мужествѣ Славянъ. Въ слѣдствіе княжескаго отвѣта произошелъ споръ между Аварскими послами и Славянами, а тамъ схватка, и пословъ убили. Баянъ затаилъ гнѣвъ и рѣшился отомстить. Въ 577 г. Славяне (говорятъ, въ числѣ 100,000) сдѣлали ужасное вторженіе въ имперію: не довольствуясь разграбленіемъ Ѳракіи и Македоніи, они этотъ разъ ворвались уже въ собственную Грецію. Императоръ призвалъ на помощь Аварскаго хакана изъ-за Савы. Баянъ съ большимъ войскомъ прошелъ вдоль по южному берегу Дуная чрезъ всю Мизію до Малой Скиѳіи (нынѣшней Добруджи): ясное доказательство, что Мизія была тогда землею славянскою, ибо иначе такой походъ не имѣлъ бы цѣли, и Баянъ, дѣйствуя въ пользу Грековъ противъ Славянъ, не сталъ бы разорять этой области. За тѣмъ, перейдя Дунай въ Добруджѣ, онъ внесъ опустошеніе въ сердце славянскихъ жилищъ. Вскорѣ однако состоялось, видно, примиреніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Славяне были уже въ въ союзѣ съ Аварами противъ Грековъ. «Подговоренные и подосланные Аварами», говоритъ лѣтописецъ, Славяне заняли обширныя пространства греческихъ земель; ихъ нашествіе снова простерлось до

---

[1]) Трудно догадаться, какое было собственно имя этого князя: Довратъ, или что нибудь похожее. Менандръ пишетъ въ одномъ мѣстѣ Δαυρέντιος, въ другомъ Δαυρίτας; ошибка Парижскаго изданія заставила прежде читать: *Лаврентій* и *Лавритасъ*.

[2]) Менандръ (ed. Niebubrii) 406.

самой стѣны, ограждавшей Константинополь. Побѣда Византійцевъ, одержанная подъ Адріанополемъ (584) надъ Радогостемъ [1]), начальникомъ многочисленной рати славянской, только на короткое время остановила движеніе Славянъ. Въ 588 г. они опять разоряли Ѳракію, въ 590 г. распространились въ окрестностяхъ Ѳессалоники (Солуня), разселились по Ѳессаліи и Ливадіи, перешли Коринѳскій перешеекъ; мало-по-малу они стали заселять и Морею. Съ трудомъ держались, какъ скалы среди моря, нѣкоторые крѣпкіе города, Солунь, Адріанополь, Срѣдецъ (Софіа), Эпидамнъ (Дураццо), Коринѳъ, Патры, Навплія и другіе, брошенные Константинопольскимъ правительствомъ на произволъ собственныхъ жителей и слабыхъ гарнизоновъ. Но и большая часть этихъ городовъ, особенно въ Ливадіи и Мореѣ, лишившись своихъ стѣнъ и башенъ въ землетрясеніи 551 года, стояли открытыми славянскому нашествію.

Однако въ исходѣ VI вѣка Византійская имперія какъ будто ожила и собралась съ силами. Движеніе Славянъ почему-то пріостановилось, и Византійцы перешли сами къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Они нѣсколько разъ посылали войска даже за Дунай, въ нын. Валахію, для усмиренія Славянъ (593, 597, 601 гг.). Но дѣло было сдѣлано: Славянамъ принадлежала земля между Дунаемъ и Балканами, и далѣе на югъ до Солуня, на югозападъ за Охридъ. Въ славное царствованіе Ираклія (610—641) Византія противъ Славянъ ничего не предпринимала. Только однажды возобновились враждебныя дѣйствія, а именно когда Аварскій хаканъ, властвовавшій на сѣверѣ отъ Дуная, пошелъ войною на Ираклія [2]) и ведя съ собою, вмѣстѣ съ своими Аварами, большую рать Славянъ (626 г.), осадилъ Константинополь. Но Славяне его вскорѣ покинули, и тѣмъ принудили хакана отступить. Это былъ единственный случай столкновенія Ираклія съ Славянами; вообще же онъ относился къ нимъ дружественно и пользовался ими какъ союзниками. Византія какъ бы помирилась съ тѣмъ, что новое племя заняло ея области, — и это дало ей свободу дѣйствій въ Азіи, гдѣ Ираклій возстановилъ прежнее могущество Римской имперіи.

Вотъ что̀ повѣствуетъ одно древнее сказаніе, писанное на греческомъ языкѣ, но по славянскимъ преданіямъ [3]): «Европейскіе Мизы, обыкновенно называемые теперь Булгарами [4]), коихъ въ старину мощная рука Александра [5]) заставила отъ горы Олимпа у Прусы (Брус-

---

[1]) Ἀρδαγάστου.

[2]) Къ этому походу онъ былъ побужденъ Персами, съ которыми боролся Ираклій.

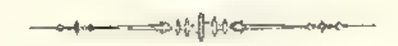
[3]) Легенда о св. Климентѣ, у Шафарика, Památky hlaholského písemnictwí LVII.

[4]) Т. е. Болгарскіе Славяне.

[5]) Македонскаго: въ этой личности народное сказаніе соединило всѣхъ враговъ, въ глубокой древности оттѣснявшихъ Славянъ на сѣверъ.

сы) удалиться къ Сѣверному океану и Мертвому морю [1]), потомъ, по истеченіи долгаго времени, перешли Дунай съ великою силою и пріобрѣли всѣ прилегающія къ нему страны, Паннонію и Дакію, Ѳракію и Иллирикъ, бо́льшую часть Македоніи и Ѳессаліи».

Записанное въ житіи св. Климента народное преданіе истинно: съ VII вѣка не только вся Мизія и почти вся Ѳракія, но и Македонія и бо́льшая часть Ѳессаліи и Греціи стали землями славянскими.

[1]) Сѣверный океанъ въ древности — Балтійское море, Мертвое море — Нѣмецкое и сѣверная часть Атлантики.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переходъ Сербовъ за Дунай. Покореніе Славянъ въ Мизіи Болгарами.

Мы описали переселеніе Славянъ изъ-за Дуная на Балканскій полуостровъ и сказали, что оно пріостановилось въ исходѣ VI вѣка. Это переселеніе, или лучше сказать разселеніе, продолжалось около полутора вѣка. Переселенцы выходили, какъ кажется, изъ нынѣшней Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи: то были колѣна славянскія, ближайшія по родству съ племенами Ильменскими и Днѣпровскими. Огромными, нестройными толпами удалялись они за Дунай. Переправа происходила обыкновенно, кажется, въ нынѣшней Добруджѣ, либо у Силистріи, или же западнѣе, у пороговъ Дуная, по дорогѣ къ Нишу. Множество выходцевъ, безъ сомнѣнія, селилось тотчасъ, между Дунаемъ и Балканами; другіе шли впередъ, почти всегда на Адріанополь, и здѣсь только встрѣчали Славяне со стороны Грековъ настоящій отпоръ. Если дальнѣйшій путь былъ прегражденъ, они не рѣдко бросались на западъ, черезъ горы, къ Адріатическому морю; въ случаѣ же успѣха подъ Адріанополемъ, устремлялись къ Босфору, или къ берегамъ Эгейскаго моря. Они, кажется, не думали брать Константинополя, и довольствовались разграбленіемъ его окрестностей; но на Эгейскомъ морѣ имъ, видно, хотѣлось утвердиться, и поэтому они съ усиліемъ добивались Солуня. Впрочемъ, захватывая не разъ значительныя крѣпости, они не умѣли ихъ за собою удерживать: ибо дѣйствовали безо всякаго единства. Они жили въ простотѣ первоначальнаго быта: во время Прокопія, когда переселеніе было въ самомъ разгарѣ, славянскія общины еще чуждались всякой власти; потомъ кое-гдѣ стали появляться князья; но такіе князья, будучи главою не цѣлаго народа, а лишь мелкихъ племенъ, на которыя въ старину дробились Славяне, не вносили единства въ древній ихъ бытъ, и не могли сосредоточить ихъ движеній за Дунаемъ.

Оттого, хотя почти весь Балканскій полуостровъ получилъ новое населеніе, хотя не только страна на сѣверъ отъ Балкановъ была потеряна для Византіи, но власть ея фактически прекратилась даже въ ближайшихъ къ Константинополю областяхъ, во Ѳракіи и Македо-

ніи, занятыхъ переселенцами славянскими и называвшихся уже новымъ именемъ *Славиніи*, — однако Греческая имперія не пала: ибо Славяне ничего не могли противопоставить той государственной организаціи, которой средоточіе, Константинополь, оставался нетронутымъ. Скоро эта государственная организація начала втягивать ихъ въ себя. Въ 657 году императоръ Константъ, какъ разсказываетъ лѣтопись, предпринялъ походъ въ «Славинію», взялъ тамъ многихъ въ плѣнъ и подчинилъ себѣ жителей. Это была первая попытка старой имперіи привести въ подданство Славянъ, занявшихъ ея области.

Между тѣмъ переходъ Славянскаго племени за Дунай еще не кончился. Пріостановилось только переселеніе Славянъ съ востока, изъ равнинъ Черноморья и нижняго Дуная. Но въ началѣ VII-го вѣка совершилось движеніе славянскихъ выходцевъ съ сѣвера, изъ страны Закарпатской, гдѣ была древняя земля Хорватская и Сербская и мѣстность, называвшаяся Бойки [1]) (въ нын. Галиціи). Они пошли на югъ и заняли западный уголъ Балканскаго полуострова отъ р. Моравы до Адріатическаго моря и Скутарскаго озера. И прежде уже Славяне появлялись поразъ въ этихъ краяхъ. Мы упоминали о преданіяхъ, соединяющихъ прибытіе туда славянскихъ переселенцевъ съ походами Готовъ за Дунай. Но Славяне еще, кажется, не вполнѣ утвердились въ этой странѣ. Важнѣйшіе города оставались въ рукахъ Римлянъ и признавали власть Византійскаго императора. Внутри страны держались туземцы, принявшіе по-видимому также римскую національность и которыхъ Славяне прозвали *Влахами*, какъ и другихъ людей Романскаго племени. Наконецъ, въ исходѣ VI или началѣ VII-го вѣка, стали вторгаться туда Авары, которые, какъ замѣчено выше, водворились въ Панноніи, и которыхъ только р. Сава отдѣляла отъ Иллирика. Въ царствованіе императора Ираклія, какъ разсказываетъ Константинъ Багрянородный, Авары частью выгнали, частью истребили тамъ римское населеніе, кромѣ немногихъ городовъ Далматскаго побережья, которые имъ не сдались и могли держаться подвозомъ съ моря. Авары перенесли свои шатры въ богатый Иллирикъ и земля эта пребывала въ запустѣніи; дѣйствительно, Авары были народъ кочевой, а не земледѣльческій. Они промышляли грабежемъ, и такое близкое ихъ сосѣдство не могло не устрашать Византіи. Императоръ Ираклій рѣшился призвать на помощь Славянъ. Изъ-за Карпатскихъ горъ онъ пригласилъ въ Далмацію племя Хорватовъ. «Отдѣлился одинъ родъ», такъ разска-

---

[1]) До сихъ поръ Бойками называется населеніе Стрыйскаго и части Самборскаго края въ восточной Галиціи. Они говорятъ русскимъ нарѣчіемъ.

зываетъ тотъ же Константинъ Багрянородный, «именно пять братьевъ, Клюкъ (Κλουκᾶς), Ловелъ, Коснецъ (Κοσέντζης), Мухолъ (Μουχλώ) и Хорватъ, и двѣ сестры, Туга и Вуга, съ своимъ народомъ, и пришли они въ Далмацію. Между Хорватами и Аварами началась война; черезъ нѣсколько времени Хорваты одолѣли, частью перебили Аваровъ, частью принудили покориться, и стали съ тѣхъ поръ владѣть этою землею». — Имена Хорватскихъ вождей такъ искажены, что трудно въ нихъ добраться до смыслу; но имя младшаго брата, *Хорватъ,* одно уже ясно показываетъ, что эти лица не принадлежатъ исторіи, а занесены въ лѣтопись изъ народнаго преданія; имена сестеръ также аллегорическія: слово *туга* извѣстное [1]), а *вуга* до сихъ поръ на Словенскомъ (Хорутанскомъ) нарѣчіи [2]) значитъ *восторгъ, наслажденіе:* не хотѣли ли Хорваты выразить, что имъ въ новое ихъ отечество предшествовали радость и печаль [3])? — За то самое событіе во всякомъ случаѣ достовѣрно: при императорѣ Иракліи (610 — 641) Славяне-Хорваты пришли въ военной силѣ, изъ-за Карпатскихъ горъ, предводимые княжескимъ родомъ, и завоевали Далмацію. Здѣсь они тотчасъ раздѣлились на двѣ самостоятельныя земли, южную или Приморскую, и сѣверную или Савскую (около рѣкъ Савы и Кулпы [4]).

За Хорватами и, безъ сомнѣнія, по ихъ примѣру, поднялись и двинулись за Дунай ихъ сосѣди и близкіе соплеменники, Сербы, обитавшіе также въ нынѣшней Галиціи, на востокъ отъ древней (такъ называемой Великой или Бѣлой) Хорватіи, между верхнею Вислою и истоками Днѣстра и Прута. Въ старой (Закарпатской) Сербіи, что потомъ прозвалась Бѣлосербіей, княженіе досталось, разсказываетъ преданіе, послѣ отца двумъ его сыновьямъ; одинъ братъ остался дома, другой, взявъ съ собою половину народа, отправился за Дунай и потребовалъ земель отъ императора Ираклія. Ираклій отвелъ Сербамъ жилища въ Солунской области [5]) (такъ далеко они зашли); но земля эта имъ не понравилась, и они рѣшились вернуться домой (такая склонность къ передвиженіямъ ясный признакъ, что Сербы шли однимъ военнымъ отрядомъ); Ираклій отпустилъ ихъ; уже переступили они за Дунай,

---

[1]) Отъ него у насъ общеупотребительный глаголъ *тужить.*

[2]) Весьма близкомъ къ Хорватскому и отличающемся вѣрнымъ сохраненіемъ многихъ остатковъ глубокой древности.

[3]) Замѣчательна еще другая пара именъ, Коснецъ и Мухолъ: *Коснецъ* по-видимому сродно съ глаголомъ *коснѣть,* а *мухлати* (также по-хорутански) значитъ опять-таки *медлить, коснѣть.*

[4]) Въ совокупности Хорваты занимали всю нынѣшнюю Австрійскую и Турецкую Кроацію, и большую, сѣверную половину Далмаціи: сѣверную границу составляла сава, восточную р. Вербасъ, южную р. Цетина (въ Далмаціи).

[5]) Часть ея долго потомъ носила имя *Сербіи*; въ этой же странѣ, на р. Инджекарасу, находится городъ *Сервія,* называвшійся, кажется, у Славянъ *Сербчище.*

но тутъ взяло ихъ раздумье: черезъ императорскаго намѣстника въ Бѣлградѣ [1]) они вторично снеслись съ Иракліемъ и стали просить другихъ жилищъ. Императоръ отдалъ имъ Иллирикъ, приведенный въ запустѣніе Аварами, и какъ Сербы находились въ своей древней родинѣ, такъ они поселились опять, на востокъ отъ Хорватовъ; владѣнія ихъ простирались отъ Вербаса до предѣловъ Дарданіи (приблизительно, до р. Ибра и Колубары); на югъ, обогнувъ землю Хорватскую, они раздвинулись по берегу Адріатическаго моря, до г. Бара (Антивари).

Подобно Хорватамъ и Сербы раздѣлились на вѣтвь сѣверовосточную и югозападную, хотя это раздѣленіе въ началѣ не являлось у нихъ такъ рѣзко, какъ у Хорватовъ. Сѣверо-восточная вѣтвь Сербская занимала *Сербію* въ собственномъ смыслѣ (въ нын. Княжествѣ Сербіи и части Босніи) и примыкавшія къ ней земли: *Босну* (край по р. Боснѣ и на западъ до Вербаса) и *Расу* (край около р. Рашки [2]). Юго-западнымъ Сербамъ принадлежали нын. Герцеговина, Черногорія и Адріатическое побережье отъ р. Цетины (въ Далмаціи) кругомъ Которскаго залива и до Скутарскаго озера. У нихъ образовались отдѣльныя земли: *Захолміе* съ Неретвой, *Травунія* съ Конавлемъ и *Діоклея* или Дукля [3]). Взаимное отношеніе этихъ Сербскихъ вѣтвей и земель между собою въ древнее время неизвѣстно; мы видимъ только, что переходъ Хорватовъ и Сербовъ въ Иллирикъ имѣлъ совсѣмъ другой характеръ, нежели прежнія переселенія Славянъ въ Мизію и Ѳракію: не въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ отдѣльными толпами, увлеченными какимъ-то общимъ, безсознательнымъ порывомъ, а въ два пріема, двумя, можно сказать, военными колоннами, предводимые князьями, вступили Хорваты и Сербы въ Задунайскую страну. Славяне Мизійскіе и Ѳракійскіе переселились нестройными общинами, Сербы и Хорваты, стройною дружиною. Замѣчательно, что древнія сказанія о приходѣ Чеховъ въ Богемію, выводя ихъ также изъ коренной земли Хорватской и Сербской (въ Галиціи), приписываютъ ихъ переселенію тотъ же дружинный характеръ, съ какимъ Хорваты и Сербы, по разсказу Константина Багрянороднаго, двинулись въ Иллирикъ.

Съ устройствомъ дружины сопряжена была, необходимо, правильная власть, и поэтому Сербы и Хорваты, какъ скоро пришли въ новыя свои жилища, тотчасъ же устроились государствами. «Когда тотъ князь, который привелъ Сербовъ въ земли императора, умеръ», го-

---

[1]) Бѣлградъ, видно, уже тогда заселенъ былъ Славянами, какъ показываетъ названіе; должно замѣтить, что онъ въ древнее время принадлежалъ къ Мизіи и затѣмъ вошелъ въ составъ Болгаріи, а не Сербіи.

[2]) Гдѣ нынѣ Новый Пазаръ.

[3]) Подробности о положеніи этихъ земель см. ниже въ гл. 9-той.

воритъ Константинъ Багрянородный, «ему наслѣдовалъ сынъ, за тѣмъ внукъ, и далѣе потомки его, изъ числа коихъ былъ въ послѣдствіи Вышеславъ, за нимъ Радославъ, потомъ Просигой, за нимъ Властиміръ». Это была первая династія Сербскихъ государей, властвовавшая, какъ кажется, въ собственной, т. е. сѣверо-восточной Сербіи и Расѣ, но имѣвшая притязанія на верховную власть и надъ другими землями Сербскими. Также точно у Хорватовъ государственное устройство установилось, по-видимому, съ самаго ихъ переселенія на югъ.

Отдѣльныя земли, образовавшіяя у Сербовъ и Хорватовъ, состояли изъ волостей или *жупъ; жупы* эти были весьма дробныя: въ одной Приморской Хорватіи, странѣ и безъ того небольшой, находилось ихъ одиннадцать; въ маленькой землѣ Сербовъ-Неретчанъ три; при всемъ томъ каждая *жупа* сохраняла свою внутреннюю самостоятельность, имѣла своего природнаго правителя, *жупана*. Эти волости составляли союзъ (федерацію), и государь былъ общимъ главою союза: онъ носилъ титулъ *великаго жупана*.

Такая федерація — явленіе необыкновенное въ Славянскомъ мірѣ, гдѣ почти всегда предъ верховною властью государя исчезали мелкіе князья отдѣльныхъ племенъ, и самыя племена теряли свою особность и сливались въ одно цѣлое. Но съ стихіями дружины Сербы и Хорваты принесли съ собою и возможность условнаго союза отдѣльныхъ частей народа, похожихъ въ этомъ случаѣ на военные отряды, и іерархіи въ властителяхъ, частныхъ и общемъ: словомъ сказать, въ смягченномъ и маломъ видѣ то самое, что̀ представили въ огромныхъ размѣрахъ средневѣковыя государства Западной Европы, основанныя дружинами. У Сербовъ въ послѣдствіи выступаетъ чрезвычайно рѣзко другая принадлежность дружиннаго государства, дѣленіе на сословія (*властелей*, т. е. знатныхъ, *себровъ*, свободныхъ простолюдиновъ, и *неропховъ* или *меропховъ*, крѣпостныхъ: дѣленіе весьма похожее на средневѣковое Германское), и вѣроятно, что оно велось съ самаго начала Сербскаго государства. Но мы должны теперь оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ, потому что онъ отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко отъ эпохи, которою занимаемся [1]).

[1]) Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что крѣпостное сословіе, *неропхи* или меропхи, было туземное населеніе, найденное Сербами въ Иллирикѣ: Шафарикъ показалъ тождество этого слова съ именемъ древняго народа *норопсовъ*, обитавшаго въ сѣверозападной Македоніи. — Изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ Чехи въ древности наиболѣе приближались своимъ внутреннимъ устройствомъ къ Хорватамъ и Сербамъ (такое же раннее установленіе государственнаго порядка, дѣленіе на *жупы* и, кажется, федерація мелкихъ князей подъ общимъ главою, наконецъ рѣзкое, съ самыхъ древнихъ временъ установленное, дѣленіе народа на сословія); но основаніемъ Чешскаго государства была именно, какъ замѣчено выше, также дружина: они, какъ извѣстно, пришли въ Богемію военною ратью, подъ предводительствомъ князя.

Какой долгій и трудный путь предстоялъ между тѣмъ, до водворенія государственнаго порядка, славянскимъ общинамъ, разселившимся въ Мизіи и Ѳракіи и, по обыкновенію, образовавшимъ множество отдѣльныхъ племенъ (въ одной Мизіи ихъ считалось до восьми)! Нужно было, чтобы эти племена почувствовали себя единымъ народомъ и, отказываясь отъ своей самостоятельности, рѣшились поставить себѣ государя извнѣ: ибо какъ племена были независимы другъ отъ друга и равноправны между собою, такъ и князь, если принадлежалъ къ одному изъ нихъ, не могъ требовать подчиненія отъ другихъ племенъ, не могъ сдѣлаться главою всего народа. Но Славянамъ Задунайскимъ не достало простору и покоя, чтобы это развитіе совершилось правильнымъ, безнасильственнымъ образомъ, какъ у ихъ соплеменниковъ на Ильменѣ и Вислѣ. Скоро нагрянулъ дикій народъ и насильно наложилъ на Задунайскихъ Славянъ государственное устройство.

Мы уже упоминали объ ордѣ Болгаръ. Они принадлежали къ многочисленной семьѣ кочевыхъ племенъ Уральскаго корня, бродившихъ по степямъ Поволжскимъ и Черноморскимъ. Ближайшіе родичи Гунновъ и позднѣйшихъ Угровъ (Мадьяръ), они, какъ мы видѣли, уже въ концѣ V вѣка приблизились къ Придунайскимъ землямъ, и въ 498 г. угрожали самому Константинополю. Потомъ они покорены были Аварами, власть которыхъ въ концѣ VI вѣка простиралась отъ Волги до предѣловъ Чешскихъ и Баварскихъ. Авары держали Болгаръ въ Донскихъ степяхъ, и, безъ сомнѣнія, употребляли въ своихъ свирѣпыхъ походахъ. Въ царствованіе Ираклія, въ то время, когда Славяне поражали Аваровъ въ Иллирикѣ, Болгаре освободились отъ нихъ, подъ начальствомъ *Куврата*, иначе *Кровата* или, въ древнемъ славянскомъ памятникѣ [1]), *Курта*. Послѣ его смерти они раздѣлились, какъ это всегда

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ хронографа, называемаго Еллинскимъ лѣтописцемъ, встрѣчается (послѣ IV-ой книги Царствъ) любопытная вставка, заключающая въ себѣ сказаніе или запись о первыхъ Болгарскихъ князьяхъ. Запись эта выведена до Умара, преемника Телеца, который былъ убитъ Болгарами въ 763 г. Она восполняетъ свидѣтельства Византійскихъ историковъ и подтверждается ими въ свою очередь.

Вотъ этотъ важный памятникъ, обнародованіемъ котораго мы обязаны г. Андрею Попову (Обзоръ хронографовъ Русской редакціи, вып. I, стр. 25):

«Авитохолъ житъ лѣтъ т҃. родъ емоу доуло. а лѣтъ е^м диломъ твиремъ. Ирникъ жытъ лѣтъ р҃ и н҃ лѣ^т ро^д емоу доуло. а лѣтъ емоу диломъ твиремъ. Гостунъ намѣстникъ сыи. к҃ лѣ^т ро^д емоу Ѐрми. а лѣ^т ѥмоу дохсъ твиремъ Коур'тъ а҃ лѣ^т дръжа ро^д емоу доуло. а лѣ^т емоу шѥгоръ вечѥмь. Бѥзмѣръ, г҃ лѣт^т. а родъ емоу дуло. а лѣ^т смоу шѥгоръ вѣчѥмь. сии ѥ кънѧзь дрьжашѥ кнѧженїѥ ѡбону страноу Доунаꙗ. лѣ^т ф҃. и е҃і. ѡстриженами гла-

легко дѣлалось у степныхъ кочевниковъ, на нѣсколько ордъ: двѣ орды остались около Дона и, вѣроятно, потомъ, подвинувшись на сѣверъ,

---

вами. И потомъ придѥ на страноу Дунаꙗ. Исперих кнѧзь тожде и доселѣ. Есперих кнѧзь з̃ѕ̃. и одино лѣто. род емоу доуло. а лѣтъ емоу верѥналѥмъ. Тѥрвѥль к̃ и а̃ лѣт. род емоу доуло. а лѣт ему текоучетѥмъ. твирѥмь. к̃ и ӣ лѣт. род емоу доуло. а лѣт ѥмоу дванишѥхтѥмь. Севаръ. ѕ̃ѥ. лѣт. род ему. дуло. а лѣт. емоу тохалтомъ. Кормисошь. з̃ѕ лѣт. родъ емоу вокиль. а лѣт емоу шегоръ твиримь. сиже кн̃зь измѣни род доуловъ рекше вихтунь винѥхъ. з̃ лѣт. а род емоу оукиль емꙋ имꙗшѥ горалѥмь. Тѥлѥць г̃ лѣт род емоу оуганинъ. а лѣт емоу соморъ. алтѥмъ. и сии иного радъ оуморъ. м̃ днiи, род емоу оукиль. а̂ ѥмꙋ диломь тоутомъ».

И такъ мы видимъ здѣсь перечень Болгарскихъ князей: пятеро держали княженіе по ту сторону (т. е. на сѣверной сторонѣ) Дуная, и при нихъ носили остриженные волосы; а слѣдующіе князья, начиная съ Исперихa (Аспаруха) «и доселѣ» владѣли на южной сторонѣ Дуная.

Далѣе мы замѣчаемъ, что первымъ двумъ князьямъ приписывается продолжительность жизни сверхъестественная: Авитохолу 300 лѣтъ, Ирнику 108 лѣтъ. Это означаетъ, очевидно, миѳическій періодъ въ преданіяхъ Болгарской орды. Потомъ является узурпаторъ, Гостунъ, можетъ быть какой нибудь Славянинъ, если судить по имени. Съ Курта (Куврата у Византійцевъ) начинается, собственно, въ записи, историческое сказаніе о Болгарскихъ правителяхъ, — и это совершенно подтверждается Византійскими свидѣтельствами, по которымъ Кувратъ возвратилъ Болгарской ордѣ свободу. Запись приписываетъ Курту 60, Испериху 61 годъ державы. При преемникахъ Исперихa княженія менѣе продолжительны, и приводимыя записью цифры мы въ правѣ признать приблизительно вѣрными, это доказываютъ Византійскія извѣстія. Запись говоритъ, что отъ перваго князя Авитохола до перехода Болгаръ черезъ Дунай прошло 515 лѣтъ; на князей, жившихъ по ту сторону Дуная *до Аспаруха* она полагаетъ въ сложности 473 года; — стало быть, она считаетъ, что переходъ черезъ Дунай совершился на 42-мъ году державства Аспаруха, а какъ Аспарухъ княжилъ 61 годъ, то 19 лѣтъ приходится на княженіе его послѣ перехода черезъ Дунай. На всѣ слѣдующія за Аспарухомъ княженія до Телеца включительно сказаніе полагаетъ 84 года, такъ что отъ перехода Болгаръ черезъ Дунай до конца княженія Телеца считается 103 года. А у Византійцевъ появленіе Аспаруха въ *Углѣ* (Буджакѣ), значится подъ 668 годомъ, такъ что съ этого года, конечно, считалось, въ преданіи Болгаръ, время ихъ перехода на южную сторону Дуная, гдѣ уже въ 679 г. мы видимъ ихъ вполнѣ водворившимися какъ въ покоренной землѣ.

Умерщвленіе Телеца записано въ Византійскихъ источникахъ подъ 763 годомъ: стало быть, 95 лѣтъ послѣ извѣстія о прибытіи Аспаруха на Дунай. Разница *восьми* лѣтъ, лишнихъ въ Славянской записи противъ Византійскихъ источниковъ, приходясь на столь длинный періодъ времени

основали знаменитое въ Русской исторіи царство Камскихъ Болгаръ. Прочія три орды пустились къ западу: одна ушла въ нынѣшнюю

должна быть признана совершенно ничтожною и могла произойти просто отъ того, что запись наша, обозначая, сколько продолжалось каждое княженіе, принимала неполные года за цѣлые. Такъ мы видимъ у Византійцевъ, что Телецъ возведенъ былъ на престолъ въ 762 г., а смерть его записана подъ 763 г. Должно полагать, что онъ царствовалъ около 2 лѣтъ, или 2 года съ небольшимъ, а въ записи сказано, что онъ княжилъ три года. Во всякомъ случаѣ, цифры нашей записи не могутъ быть признаны случайными и произвольными, онѣ оказываются имѣющими положительное основаніе.

Запись приводитъ послѣ имени князя и лѣтъ его жизни или княженія, названіе его рода. Первые князья происходятъ отъ одного рода «Дуло», и прекращеніе этого рода совпадаетъ съ эпохою династическаго переворота въ Болгаріи, который, по Византійскимъ историкамъ, предшествовалъ воцаренію Телеца.

Кромѣ имени рода запись прибавляетъ къ каждому князю какую-то непонятную формулу: «а лѣтъ ему диломъ твиремъ» и т. под. Нѣчто подобное мы находимъ въ послѣсловіи Тудора, черноризца Доксова, переписавшаго въ 6415 (907) году, по повелѣнію Болгарскаго князя Симеона, слова Аѳанасія Александрійскаго, переведенныя въ 6414 (906) году, съ Греческаго языка «въ Словенскъ», епископомъ Константиномъ, ученикомъ Меѳодія, архіепископа «Моравы». Въ этомъ послѣсловіи (см. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, Калайдовича, стр. 98), говорится: «въ се убо лѣто (6415) успе раб Божій, сего князя (т. е. Симеона) отецъ......великій, и честный и благовѣрный господ нашъ князь Болгарскъ именем Борисъ... С е й ж е Б о р и с ъ Б о л г а р ы к р е с т и л ъ е с т ь в л ѣ т о е т х ъ б е х т и, въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь». И такъ годъ, въ который Борисъ крестилъ Болгаръ (859) назывался *етхъ бехти*. Обычай давать прозвище году обыченъ на Востокѣ, и мы можемъ полагать, что онъ былъ заимствованъ Болгарами еще когда они странствовали между Волгой, Дономъ и Кубанью. Въ нашей записи, каждое княженіе имѣетъ подобное прозвище. Принималось ли такое прозвище особо, при воцареніи новаго государя, или прозвище какого нибудь года (напр. года восшествія на престолъ или года смерти) дѣлалось титуломъ всего княженія, мы отгадать не можемъ. Но эти прозвища представляютъ любопытный памятникъ языка завоевателей Болгаръ до сліянія ихъ съ Славянами и служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ происхожденія орды Аспаруховой. Они имѣютъ явное сходство съ словами языка Мадьярскаго и сродныхъ ему языковъ Уральской вѣтви Финскаго племени, Вотяцкаго и Зырянскаго, и мы увѣрены, что знатокъ этихъ языковъ истолковалъ бы вполнѣ удовлетворительно загадочныя для насъ Болгарскія прозвища.

Представимъ читателямъ объясненіе записи, какъ мы могли его сдѣлать при весьма бѣгломъ поискѣ въ словаряхъ этихъ нарѣчій. Будемъ пе-

Венгрію и смѣшалась съ Аварами; другая проникла еще далѣе, въ Италію, и утвердилась въ Равенской области; третья орда, подъ пред-

---

реводитъ запись. «Авитохолъ жилъ 300 лѣтъ. Родъ его Д у л о (т. е. Опустошитель: по-мадьярски *dulo* depopulator), а названіе лѣтъ его д и л о м ъ (?) т в и р е м ъ (сравн. съ зырянск. *тыр* полный, исполненный, совершенный; *эм* я есмь, такъ что это *твиремъ* значило бы: я исполненъ, я совершенъ; сравн. также мад. *türö*, tolerans, patiens). Ирникъ жилъ 108 лѣтъ; родъ его Дуло; а названіе лѣтъ его д и л о м ъ т в и р е м ъ. Гостунъ, намѣстникъ, —2 года, родъ его Ерни; а названіе лѣтъ его д о х с ъ (сравн. вышеприведенное имя черноризца Тудора Д о к с о в а) т в и р е м ъ. Куртъ держалъ (т. е. княжилъ) 60 лѣтъ. Родъ его Дуло, а названіе его лѣтъ: *я есмь помощникъ* или *я обиленъ помощью* (ш е г о р ъ в е ч е м ъ—сравн. мадьяр. *segetöm* iuvo, *segéllö* der Helfer, и *vagyok* ich bin, *vagyon* das Gut, das Vermögen). Безмѣръ 3 года, а родъ его Дуло, а названіе его лѣтъ: *я есмь помощникъ*. Эти пять князей держали княженіе по ту сторону Дуная, съ остриженными головами. И потомъ пришелъ на (сю) сторону Дуная Исперихъ князь, и такъ (продолжается) доселѣ. Исперихъ князь—61 годъ, родъ его Дуло, а названіе его лѣтъ—*я живу въ крови* (в е р е н и а л е м ъ: мадьяр. *vér* кровь, зырянск. *вір* кровь, *вірын* въ крови; мадьяр. *élni* жить, *élem* я живу, зырянск. *олны* жить, *олöм* житье). Тервель — 21 годъ; родъ его Дуло, а названіе его лѣтъ: *я почтеніемъ (*или *славою) исполненъ* (т е к о у ч е т е м ъ т в и р е м ъ: сравн. мад. *tekentem* intueor, *tekentelem* aspecto, respecto, *tekéntetés* illustris, spectabilis и т. д; о словѣ *твиремъ* было сказано выше)... (имя князя пропущено) —28 лѣтъ; родъ его Дуло; а названіе его лѣтъ: *добычу добываю* (д в а н ш е х т е м ъ: сравн. наше слово *дуванъ* (добыча), употребительное въ при-Уральскомъ краѣ, а съ словомъ *шехтемъ* сравн. мадьяр. *sákmany* præda, manubiæ, rapina). Севаръ—15 лѣтъ; родъ его Дуло, а названіе его лѣтъ: *я утверждаю* или *я исполняю*, (т о х а л т о м ъ, мадьяр. *tökellem* statuo, ratifico, obfirmo, *tökelletes* perfectus, absolutus, exactus). Кормисошъ—17 лѣтъ; родъ его Вокиль, а названіе его лѣтъ: *я исполненъ помощи* (ш е г о р ъ т в и р и м ъ, см. выше). Этотъ князь «измѣнилъ» родъ Дуловъ, то-есть *учинилъ ему конецъ* (в и х т у н ъ в и н е х ъ: сравн. мадьяр. *vég* конецъ, *véghez vinni* etwas ausführen, zu Ende bringen) въ 7 лѣтъ, а родъ его Укиль (Вокиль) имѣлъ . . . . . . (? г о р а л е м ъ). Телецъ—3 года; родъ его Угаинъ, а названіе лѣтъ его *погашаю печаль* (с о м о р ъ а л т е м ъ, мад. *szomoru* tristis, moestus, *oltom* stinguo); и этотъ иного рода. Уморъ—40 дней; родъ его Укиль, а прозвище его—д и л о м ъ т у т о м ъ (?).»

Само собою разумѣется, что мы не выдаемъ объясненій этихъ за достовѣрныя, а сообщаемъ ихъ только какъ первую попытку толкованія темнаго, но весьма замѣчательнаго памятника Болгарской исторіи. Любопытно, что записанное черноризцемъ Тудоромъ Доксовымъ прозвище года, въ который Болгарскій князь крестилъ свой народъ, весьма удовлетворительно объясняется по нашей методѣ изъ языка Мадьярскаго: е х т ь б е х т и значило бы *жажда спокойствія* или *мира:* по-мадьярски *éh* der Hunger, *ehetném*

водительствомъ *Аспаруха* [1]) (или по славянскому памятнику, *Испериха*), перешла Днѣпръ и Днѣстръ, заняла въ 668 г., *уголъ* [2]) между Днѣстромъ и устьями Дуная (южную часть нынѣшней Бессарабіи), Здѣсь былъ открытый входъ въ Мизію: нынѣшняя Добруджа есть какъ бы продолженіе Черноморскихъ степей, вдающихся въ Балканскій полуостровъ (не даромъ называли ее въ древности Малою Скиѳіею). Болгаре не замедлили перейти за Дунай. Императоръ Константинъ Погонатъ поспѣшилъ имъ на встрѣчу. Онъ сперва оттѣснилъ было ихъ, но заболѣлъ и покинулъ свое войско. Болгаре поразили растерявшихся Грековъ и обратили въ бѣгство. По пятамъ ихъ они явились подъ Варной и отсюда устремились внутрь Славянскихъ земель. Скоро они овладѣли всею страною между Дунаемъ и Балканами, до предѣловъ Аваріи, т. е. нынѣшнею Болгарію, покорили здѣсь племена Славянскія, наложили на нихъ дань и — такъ расказываетъ лѣтописецъ — помѣстили племя Сѣверянъ подъ Балканами, отъ Берегавскаго ущелья на востокъ, прочія семь вѣтвей къ югу и западу, до предѣловъ Аварскихъ (679 г.). Можетъ быть, они хотѣли очистить для себя сѣверо-восточный край Мизіи, наиболѣе удобный для степной орды.

Все это не могло обойтись безъ насилія, безъ жестокихъ страданій для Славянъ. Мы видимъ, что послѣ покоренія Болгарами страны на сѣверъ отъ Балкановъ, вдругъ возобновилось движеніе Славянъ въ южныя области Византійской имперіи: то были, безъ сомнѣнія, племена, которыя не хотѣли покориться Болгарамъ и искали себѣ отъ нихъ убѣжища. Въ 675 г. пять племенъ [3]), Дреговичи, Сакулаты, Ве-

---

ich habe Hunger; *béke* die Ruhe, *békét* винит. падежъ этого слова. Могло ли болѣе удачное прозвище быть дано году, въ который воинственные Болгаре приняли христіанскую вѣру?

[1]) Аспарухъ былъ третій сынъ Кубрата.

[2]) Такъ именно, т. е. *угломъ* (*онглъ* по древнему славянскому произношенію) и назывался этотъ край (Греки пишутъ ὄγγλον, ὄγκλον): теперешнее имя *Буджакъ* значитъ тоже *уголъ*.

[3]) См. объ нихъ подробности у преосвящ. Филарета, еп. Рижскаго: „Св. Димитрій и Солунскіе Славяне“ (Чтенія, № 6, 1848), Tafel, „Thessalonica“. Шафарика „Древности“ и „Wyklad některých pomístných jmen u Bulharuw (Časopis Č. Museum, 1847). – Объ этихъ племенахъ есть много свидѣтельствъ въ Греческихъ источникахъ. О Дреговичахъ и Сакулатахъ (иначе Сагудатахъ) см. Византійскаго лѣтописца Каменіату, de excidio Thessalonic. Имя *Дреговичей* сохранялось долго (еще въ XV в.) въ краѣ между Солунемъ и Верріею: съ конца IX-го в. существовало во Ѳракіи епископство Дреговичей (τῆς Δρουγοβιτίας или Δρουγουβιτείας), см. Tafel Thessalon. 59; Le Quien, Oriens Christianus. II. 93. Имя *Сакулатовъ* подтверждается и Славянскими памятниками (см. Шафарика „Древности“). *Велесичи* — у Византійцевъ Βελζῆται; ихъ край — Βελζητία (у лѣтописца Ѳеофана). Отъ нихъ, безъ сомнѣнія, получилъ свое имя городъ *Велестино* въ южной Ѳессаліи. Можетъ быть, и городъ *Велесъ* въ Македоніи принадлежалъ одной ихъ вѣтви, отставшей въ движеніи этого племени на югъ. О пребываніи Велесичей въ

лесичи, Βαγενέται (такъ пишутъ Греки это еще темное для насъ имя) и Борзяки или Борсяки [1]) поднялись въ огромныхъ силахъ, со всѣмъ домомъ, съ женами и дѣтьми и пошли осаждать Солунь; не успѣвъ одолѣть его стѣнъ, они водворились въ богатыхъ окрестныхъ мѣстахъ. Дреговичамъ и Сакулатамъ принадлежали поля близъ Солуня; Борзяки утвердились на сѣверозападѣ, гдѣ нынѣ города Охридъ и Монастиръ; Велесичи заняли южную Өессалію, Віотію съ Өивами, Аттику съ Аөинами; племя, обозначаемое въ греческихъ источникахъ подъ именемъ Βαγενέται, расположилось на западъ отъ Велесичей, въ южномъ Эпирѣ [2]). На западъ отъ Солуня поселились Струменцы по р. Струмѣ [3]), и Ряждане [4]) на поморьѣ Архипелага. Послѣдніе стали пускаться по морю, и на ладьяхъ своихъ не только тревожили острова Архипелага, но подходили подъ самый Цареградъ [5]).

Віотіи и Өивахъ свидѣтельствуетъ Житіе св. Димитрія (см. Преосв. Филарета, стр. 32), въ Аттикѣ — лѣтописецъ Өеофанъ (400). — О племени Βαγενέται см. подробности у Шафарика (Wyklad etc., стр. 578). Шафарикъ полагалъ, что имя Βαγενέται есть передѣлка славянскаго Войничи; но этого допустить нельзя, потому что въ южномъ Эпирѣ даже Греки очень хорошо умѣли различать эти два слова: тамъ есть урочища Войниково (Βοϊνίκοβα), есть село Войника (τοῦ Βοϊνίκου) и есть до сихъ поръ село τοῦ Βαγενέτι. Замѣчательно, что когда, послѣ покоренія Эпира Турками (въ 1431 г.), 14 селъ изъ волости Загорія близъ Янины заключили съ Турецкими начальниками добровольный уговоръ и обѣщали ставить имъ по нѣскольку человѣкъ въ войско, а потомъ получили позволеніе замѣнять эту повинность денежнымъ взносомъ, то условіе это было названо *войникомъ* (βοϊνίκον: см. χρονογραφία τῆς Ἠπείρου, II, 33). Стало быть, слово *войникъ* было извѣстно тамъ въ неискаженномъ видѣ; этотъ случай показываетъ также, какъ долго Славянскій языкъ сохранялся въ южномъ Эпирѣ, гдѣ теперь господствуетъ одинъ Греческій, и откуда вышло столько свѣжихъ силъ для освобожденія Эллады. Но какая была настоящая славянская форма имени Βαγενέται, трудно отгадать. Одна грамота деспота Эпирскаго, Симеона Палеолога, 1361 года (Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου II, 311) исчисляетъ села, находившіяся въ краѣ Βαγενετία; изъ этого исчисленія видно, что онъ заключалъ въ себѣ прибрежье южнаго Эпира, насупротивъ острова Корфу, нынѣшніе округи Филатскій, Парамиойскій и Маргаритійскій.

[1]) *Борсякъ, Берсяци* — такъ до сихъ поръ называютъ Болгаръ въ краѣ между Охридомъ и Битолемъ (Толи-Монастиръ): см. Григоровича, Путеш. 196 и Шафарика, Wyklad, 576. Греки пишутъ Βερζῆται и Βερεζῆται.

[2]) Въ Болгарскомъ народѣ сохранились до сихъ поръ нѣкоторыя племенныя прозвища, безъ сомнѣнія, наслѣдованныя изстари; о *Берсякахъ* было уже упомянуто, о *Шопахъ* будетъ сказано ниже; кромѣ того, Болгаре въ Неврокопскомъ округѣ прозываются *Мърваками*, близъ Водены *Поливаками*, въ Дебрѣ *Міяками*, выше Дебра, близъ села Кленье, *Кенкарами*, близъ Прилѣпа и Велеса *Бабунами* (см. Григоровича, тамъ же, 196).

[3]) Объ этихъ Струменцахъ упоминаетъ Житіе св. Димитрія и многіе другіе Византійскіе источники.

[4]) Ихъ называютъ то Ρεντίνοι, чит. Рендини, то Ρουγχῖνοι. Трудно рѣшить, какъ звучало ихъ имя по-славянски: вѣроятно *Ряждане*, отъ древне-болгарск, *рждъ* (ж—звукъ носовой). Заливъ *Рендинскій* у Святой Горы указываетъ донынѣ на ихъ старинныя жилища; тутъ былъ прежде укрѣпленный городъ *Рентина* или *Рендина*, средоточіе особой епархіи (см. подробности о немъ у Тафеля, Thessalonica, 68).

[5]) См. Житіе св. Димитрія (Преосв. Филарета, 34).

Византійской имперіи вновь пришлось завоевывать окрестности Солуня. Сынъ Константина Погоната, Юстиніанъ II (Ринотмитъ) послалъ конные легіоны во Ѳракію и, какъ говоритъ лѣтописецъ, «простеръ свои набѣги до Солуня» (въ 688 г.): такъ ничтожна была въ то время власть Цареградскаго кесаря на Балканскомъ полуостровѣ! Славяне Ѳракійскіе и Македонскіе частью силою принуждены были поддаться Юстиніану, частью добровольно признали надъ собою его власть; онъ организовалъ между ними управленіе, — такъ называемую Стримонскую область (р. Стримонъ, нынѣ Струма, на сѣверо-востокъ отъ Солуня) и устроилъ славянскія поселенія для охраненія горныхъ проходовъ, которые вели въ Македонію: очевидно онъ расчитывалъ на то, что эти Славяне захотятъ препятствовать дальнѣйшему распространенію Болгаръ. Въ то же время онъ перевелъ большое число Славянъ въ Малую Азію и выбралъ изъ нихъ 30,000 чел., которыхъ вооружилъ и устроилъ какъ вспомогательное войско для дѣйствій противъ Арабовъ.

Между тѣмъ, на сѣверъ отъ Балкановъ утверждалась власть Болгаръ. Славяне не оказали здѣсь, какъ кажется, большаго сопротивленія. Однимъ ударомъ можно сказать, Болгаре воздвигли государство между Задунайскими Славянами, и стали во главѣ его.

Много ордъ, въ теченіе вѣковъ, бросалось отъ Уральскихъ горъ или изъ Средней Азіи на земледѣльцевъ Славянъ, и всѣ почти сохраняли, среди мирнаго, общительнаго племени Славянскаго, свою дикую, исключительную народность, какъ-то: Авары, Мадьяры, Печенѣги, Половцы, Татары, Турки и столько другихъ: отрадное между ними исключеніе представляютъ тѣ степные пришельцы, которые, когда и превосходили Славянъ силою оружія, склонялись предъ ихъ духовною силою и роднились съ ними, дѣлались ихъ защитниками и братьями. Таковы были Гунны, столь ненавистные Германцамъ; таковыми оказались и Болгаре. Въ царствѣ, ими въ послѣдствіи основанномъ на Волгѣ и Камѣ, они слились съ туземными Славянами, царь ихъ именовался царемъ Славянскимъ (Малекъ-ель-Саклабъ), они представлялись Арабамъ смѣсью Тюркскихъ племенъ съ Славянами; въ Задунайскомъ своемъ царствѣ они еще легче и полнѣе допустили сближеніе [1]). Тотчасъ же завоеватели и завоеванные составили въ политическомъ отношеніи одно цѣлое: Славяне стали въ Болгарскихъ войскахъ рядомъ съ своими покорителями, а это было въ то время главнымъ знакомъ политическаго общенія, — Славяне сдѣлались участ-

[1]) Причиною была, безъ сомнѣнія, малочисленность орды (1/5 первоначальной орды Кувратовой), которая покорила Мизію, и отдаленность отъ соплеменныхъ народовъ, тогда какъ въ царствѣ Камскихъ Болгаръ Финно-Турецкій элементъ могъ безпрерывно обновляться.

никами въ побѣдахъ и славѣ преемниковъ Аспаруховыхъ, и, едва прошло сто лѣтъ со времени завоеванія ихъ, они являются уже какъ бы согражданами Болгаръ. Но еще не скоро исчезло наружное различіе между обоими народами. Долго еще звучали въ Мизіи два языка, Болгарскій и Славянскій, и все что мы знаемъ о внутреннемъ бытѣ Болгаріи, до перваго ея разрушенія въ концѣ X-го вѣка, показываетъ явные отпечатки той стихіи, которая дала этой странѣ государственную организацію.

Стихія эта, орда Аспарухова, была, какъ замѣчено выше, — и въ томъ нѣтъ сомнѣнія, — одна изъ отраслей восточной группы Финскихъ народовъ, къ которой принадлежатъ Зыряне, Вотяки, Черемисы, къ которой принадлежали безспорно и наши русскіе Болгаре на Волгѣ и Камѣ и которая и донынѣ имѣетъ своихъ представителей въ Дунайской странѣ въ лицѣ Мадьяръ. Болгаре состояли, мы знаемъ, долго въ подданствѣ у выходцевъ изъ Средней Азіи, Тюркской орды Аваровъ. По всей вѣроятности, отъ нихъ-то заимствовали они тѣ особенности Тюркскаго племени, которыя мы у нихъ находимъ. Такъ у нихъ существовалъ почетный титулъ *тархана*, столь извѣстный у Тюркскихъ народовъ. Конечно, вліяніе господствовавшаго тюркскаго элемента было сильнѣе въ первенствующихъ родахъ Болгарской орды, и этимъ мы объясняемъ имена чисто-тюркскаго склада, являющіяся у разныхъ Болгарскихъ вельможъ и военачальниковъ VIII и IX вѣка. Нѣкоторые обычаи Болгаръ за Дунаемъ указываютъ также на азіатское вліяніе: они ходили въ чалмахъ, ѣли на полу, носили конскій хвостъ (бунчукъ) вмѣсто знамени, для присяги ставили передъ собою саблю. Признакомъ азіатскаго вліянія было и то, что къ нимъ, передъ обращеніемъ въ христіанство, проникали «Сарацынскія» (магометанскія) книги.

Языческая религія Болгаръ-завоевателей была вѣроятно также мало развита, какъ и религія другихъ родственныхъ имъ кочевниковъ. Мы знаемъ только, что они поклонялись солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ. Они имѣли также какое-то религіозное почтеніе къ собакамъ. Для особеннаго утвержденія клятвы, они брали въ свидѣтельство собаку и разрубали ее пополамъ.

Государство, воздвигнутое этими завоевателями между Славянами, имѣло характеръ по преимуществу аристократическій. Если судить объ ордѣ Аспаруховой по примѣру послѣдовавшей за нею на Дунай Мадьярской ордѣ Арпада, то она состояла изъ союза родовъ, начальники которыхъ раздѣляли власть главнаго предводителя, князя. Потомъ самый фактъ завоеванія долженъ былъ сдѣлать изъ этихъ родоначальниковъ и ихъ потомства господствующую аристократію между Славянами. Это подтверждается несомнѣнными признаками. Когда, въ

послѣдствіи, Византійскій императоръ отправлялъ посольство въ Болгарію, то при представленіи своемъ, посолъ спрашивалъ прежде всего о здоровьѣ князя, его жены и дѣтей, и затѣмъ долженъ былъ освѣдомиться о здоровьѣ *шести великихъ былей* (*былями* назывались вельможи, бояре у Болгаръ); потомъ онъ спрашивалъ, какъ здоровы *прочіе были, внутри и внѣ?* и наконецъ, какъ здравствуетъ простой народъ. Шесть *великихъ былей*, именуемыхъ тотчасъ послѣ княжескаго дома, совершенно напоминаютъ намъ тѣхъ, шестерыхъ же, родоначальниковъ, которые окружали седьмаго, Арпада, признаннаго общимъ вождемъ орды Мадьярской и потомки которыхъ составляли господствующую аристократію и непремѣнный совѣтъ первыхъ королей Венгріи. Точно также и этихъ шестерыхъ *великихъ былей* Болгаріи мы въ правѣ считать главами родовъ завоевательной орды Аспаруховой; а прочіе *были* «внутри и внѣ» представляются намъ какъ члены той же аристократіи, частью жившіе внутри страны, частью начальствовавшіе надъ ея полками и пограничными отрядами. Нужно при этомъ замѣтить, что Болгаре содержали постоянную военную стражу на своихъ границахъ, и казнили смертію людей, переходившихъ черезъ пограничную черту: ясный признакъ опасеній, среди которыхъ жили они въ завоеванномъ краѣ. Конечно, также завоеванію слѣдуетъ приписать и то, что въ Болгаріи VII—IX вѣка встрѣчается несравненно бо̀льшая жестокость нравовъ и рабство гораздо болѣе развитое, нежели въ другихъ славянскихъ странахъ въ ту эпоху.

Государь Болгарскій не былъ властелинъ неограниченный. Есть указанія на то, что онъ совѣщался со своими подданными. Судя по всему, что̀ извѣстно о древней Болгаріи, совѣтъ ея государя составляли именно тѣ *были*, о которыхъ сказано выше. Болгарія была государство боярское по преимуществу, и этотъ характеръ въ ней не изгладился до конца ея независимаго существованія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первые два вѣка Сербіи и Болгаріи. — Первое крещеніе. — Борьба съ Греками и Франками: Крумъ и Людевитъ.

Такъ образовались государства у славянскихъ переселенцевъ за Дунаемъ, у Хорватовъ, Сербовъ и въ Болгаріи. Какъ способъ переселенія, такъ и самое начало государственной жизни, представляютъ намъ много существенно несходнаго между общинами, которыя изъ-за нижняго Дуная перешли въ восточную половину Балканскаго полуострова, и между дружинами Закарпатскими, занявшими западные края, у Адріатики. И тѣ и другіе, воинственные въ ту пору, когда нужно было оружіемъ добывать себѣ жилища, возвратились къ природному Славянамъ мирному быту, лишь только нашли себѣ привольныя земли; Сербы и Хорваты, побѣдители страшныхъ Аваровъ, точно также какъ тѣ славянскіе выходцы, которыхъ въ VI вѣкѣ описывалъ Прокопій свирѣпыми кровопійцами, грозою Грековъ, основавшись за Дунаемъ, притихли и замолкли совершенно [1]).

Великую разницу въ ихъ древней исторіи составляетъ то, что Славяне Мизійскіе вскорѣ вышли изъ этого бездѣйствія и безмолвія, предводимые Болгарами завоевателями, а Сербы и Хорваты оставались въ немъ необыкновенно долго. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ сіи послѣдніе чуждались еще политической дѣятельности, и какъ бы не сознавали своихъ народныхъ силъ: ибо не общественнымъ переломомъ,—ни завоеваніемъ, какъ Болгарскіе Славяне, ни сознательнымъ приговоромъ народной воли, какъ Русь и Польша, — а незамѣтнымъ почти и невольнымъ переходомъ отъ дружиннаго устройства, вступили они въ государственную жизнь, и она не имѣла силы ото-

[1]) Главнымъ занятіемъ этихъ Славянъ сдѣлалось, безъ сомнѣнія, хлѣбопашество; тѣ, которымъ достались берега и острова Далмаціи, пустились въ мореходство и торговлю. Исключеніе составляетъ только маленькая Сербская вѣтвь Нерстчанъ, въ южной Далмаціи, часть которыхъ предалась морскому разбою. Въ VIII вѣкѣ нѣкоторыя славянскія племена на Эгейскихъ берегахъ, также отваживались на море, для разбоя, такъ что у нихъ нашлось значительное число плѣнныхъ, взятыхъ ими на островахъ Имврѣ, Тенедосѣ и самоѳракіи: но эти предпріятія едва ли были важны, потому что только одинъ разъ (подъ 768 г.) встрѣчается на нихъ у лѣтописцевъ указаніе, и то косвенное.

рвать ихъ вполнѣ отъ того разрозненнаго, бездѣйственнаго состоянія, въ которомъ пребывали Славяне въ древнѣйшую эпоху. Нуженъ былъ страшный гнетъ иноплеменниковъ, чтобы въ началѣ IX вѣка вывести Хорватовъ изъ страдательнаго положенія, и тогда они, возбужденные борьбою за независимость, вліяніемъ римскаго народонаселенія, удержавшагося въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ Далмаціи, и сношеніями съ Италіею, въ особенности съ Венеціею, приняли болѣе дѣятельное участіе въ современныхъ событіяхъ; исторія же Сербовъ, въ продолженіе безъ малаго пяти столѣтій, съ VII-го по XII-е, оставалась почти всегда страдательною [1]).

Сербы и Хорваты охотно признали верховную власть императора Праклія, который и указалъ имъ, какъ намъ уже извѣстно, жилища въ Иллирикѣ. Праклій захотѣлъ воспользоваться ихъ послушаніемъ и распространить между ними христіанскую вѣру: они не оказали ей сопротивленія. По уставамъ кесарей, Иллирикъ съ Далмаціей принадлежалъ къ западной половинѣ Римской имперіи, и хотя онъ перешелъ потомъ къ державѣ Византійской, однако въ церковныхъ дѣлахъ оставался по прежнему подъ властію Римской митрополіи. На этомъ основаніи Праклій призвалъ для Сербовъ и Хорватовъ учителей изъ Рима: то было въ VII вѣкѣ, когда западный міръ находился въ церковномъ единствѣ и общеніи съ восточнымъ. Много народу, какъ у Хорватовъ, такъ и у Сербовъ, тотчасъ крестилось: поставили имъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ, подчинивъ ихъ архіепископу города Сплѣта (или Сплита, Spalatro), гдѣ сосредоточились потомки Римлянъ, переселенныхъ въ Далмацію Діоклетіаномъ [2]). «Крестившись, Хорваты, говоритъ Константинъ Багрянородный, дали обязательство, утвержденное ихъ подписями, и принесли св. Петру Апостолу крѣпкую присягу не нападать на чужія земли и жить мирно со всѣми сосѣдями, лишь бы ихъ самихъ не тревожили; а Римскій папа обѣщалъ имъ за то, что если другіе нападутъ на нихъ, то ихъ поборникомъ будетъ Богъ, заступничествомъ Петра, ученика Хри-

---

[1]) Въ это время, правда, Перетчане сильно тревожили берега Адріатическаго моря отважными разбоями: но разбои ихъ были только частныя предпріятія людей, которые не находили себѣ пропитанія въ родномъ уголкѣ; — земля двухъ жупъ Перетчанскихъ, занимавшихся разбоемъ, *Растоки* и *Мокрой* (гдѣ теперь городъ *Макарска*), была узенькая приморская полоса па сѣверъ отъ Наренты; политическаго, такъ сказать, значенія эти предпріятія вовсе не имѣли.

[2]) Извѣстна заботливость Діоклетіана о Далмаціи, своей родинѣ. Древнею столицею Далмаціи была Салона (теперь мѣстечко): при ея разрушеніи Аварами, римское населеніе укрылось въ Сплѣтъ (Aspalathum); кромѣ того римскими городами и во время Хорватской державы были: *Rausium* (Рагуза, по-слав. Дубровникъ), *Tragurium* (Трогиръ, Trau), *Diadora* или *Jadera* (Зара, Задръ), *Arba* (Арбе, Рабъ), *Vigium* или *Vecla* (Велья, на островѣ того же имени, называемомъ по-слав. Кръкъ), *Opsara* (Осора).

стова». Но недолго пребыли Сербы и Хорваты вѣрными этому первому своему крещенію, какъ и подданству Византійскимъ императорамъ: и то и другое они тогда скорѣе допустили по равнодушію, чѣмъ приняли по обдуманному рѣшенію. Часть вовсе не крестилась, другая часть осталась лишь по имени христіанскою, а верховная власть императоровъ уничтожилась сама собою, при слабыхъ преемникахъ Ираклія. До IX-го вѣка о Сербахъ и Хорватахъ нѣтъ и слуху.

Далеко не похожи на эту тишину и безвѣстность Сербовъ и Хорватовъ первые вѣка Болгаріи. Тутъ видно замѣчательное сходство съ древнѣйшею порою въ исторіи Руси. Какъ на Руси призваніе Варяговъ, такъ за Дунаемъ приходъ Болгаръ къ Славянскимъ племенамъ былъ для нихъ началомъ, можно сказать, героической эпохи: удаль боевой дружины соединилась съ обильными средствами, съ упорною силою многочисленнаго, крѣпкаго, трудолюбиваго народа земледѣльческаго.—Однако, насильственное рожденіе Болгарскаго государства, та дикость и свирѣпость, которую принесли съ собою Болгаре-кочевники изъ Заволжья, и нравственная порча, плодъ ранняго и постояннаго общенія съ Византіею, все это отозвалось въ судьбѣ Болгаріи, и что основано было мечемъ, то отъ меча и погибло: сначала весь родъ Аспаруха, потомъ и государство, имъ созданное, и ничего не осталось отъ дѣла Болгаръ-завоевателей; ибо только славянскій, завоеванный народъ сохранился среди развалинъ древней Болгаріи, и одно лишь имя, этимъ народомъ принятое, напоминаетъ о твореніи Аспаруха.

О самомъ Аспарухѣ, основателѣ Болгаріи, мы знаемъ также мало, какъ и о Рюрикѣ: вѣрно, оба были заняты внутреннимъ устройствомъ новыхъ своихъ владѣній. Вскорѣ однако, утвердившись въ Мизіи и усилившись (кажется, введеніемъ Славянъ въ свои войска), Болгаре перешли Балканы и начали разорять Ѳракію до такой степени, что императору Константину Погонату пришлось просить мира. «По множеству грѣховъ нашихъ, говоритъ лѣтописецъ Ѳеофанъ, онъ долженъ былъ обязаться, къ великому стыду Римскаго имени, платить Болгарамъ ежегодно опредѣленную дань. И было дивомъ, какъ для далекихъ, такъ и для близкихъ странъ, что люди, которые подчинили себѣ всѣ племена вселенной отъ востока до запада и отъ сѣвера до юга, теперь одолѣны были этимъ мерзкимъ и новоявившимся народомъ». Возобновляя войну, Юстиніанъ II, какъ мы видѣли, прежде всего обратилъ свои силы на Ѳракію и Македонію, противъ тамошнихъ Славянъ: очевидно, ему необходимо было утвердить за собою ближайшія къ Константинополю области, прежде чѣмъ дѣйствовать наступательно противъ самихъ Болгаръ. Но Болгаре

предупредили его. Когда Юстиніанъ возвращался изъ Македоніи, они напали на него въ тѣснинахъ горъ и разбили его на голову (688 г.) Однако это было, какъ видно, со стороны Болгаръ только мимолетнымъ нашествіемъ. Вѣроятно, не чувствуя свою власть упроченною въ Мизіи, они не старались распространить предѣловъ своего государства южнѣе Балкановъ; Ѳракійскіе и Македонскіе Славяне, не смотря на пораженіе Юстиніана, принуждены были, какъ сказано выше, подчиниться верховной власти Цареградскаго императора.

Неизвѣстно, кто въ эту войну правилъ Болгарами. Славянское сказаніе говоритъ, что Есперихъ (Аспарухъ) княжилъ 61 годъ, и въ томъ числѣ 19 лѣтъ по переходѣ Болгаръ за Дунай. Такимъ образомъ княженіе Аспаруха за Дунаемъ обнимало бы время съ 668 по 687 годъ. Преемникомъ Аспаруха таже славянская запись называетъ Тервеля (687 — 709) При немъ Болгаре достигли уже большаго могущества. Предводитель этого «новоявившагося» народа, какъ называетъ ихъ греческій писатель, Тервель держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Византіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ прельстился ея соблазнительнымъ блескомъ: не минуло тридцати лѣтъ государству Болгарскому, и торжествующій Тервель во главѣ своего народа подчиняется формамъ и церемоніямъ дряхлыхъ наслѣдниковъ Рима. — Мятежъ въ Константинополѣ свергнулъ императора Юстиніана II съ престола. Юстиніанъ долженъ былъ отправиться въ Херсонесъ. Опасаясь здѣсь за свою жизнь, онъ на ладьѣ пустился въ море, и прибылъ къ устьямъ Дуная. Тервель пригласилъ его къ себѣ, принялъ съ великою почестью и обѣщалъ ему помощь (702 г.). Онъ поднялъ всѣ свои войска, Болгарскія и Славянскія, и на другой годъ пошелъ съ Юстиніаномъ къ Цареграду. Юстиніанъ безъ боя признанъ былъ вторично императоромъ. Тервель съ своею ратью стоялъ у Влахернской стѣны. Ему уступлена была область Загорье — южный склонъ Балканскихъ горъ отъ нынѣшняго Сливна до Бургаса, съ важными приморскими городами Анхіаломъ и Месемвріей [1]); императоръ призналъ себя его данникомъ; онъ самъ вышелъ къ нему изъ Цареграда, облекъ его въ императорскую одежду и назвалъ кесаремъ [2]). Тервель возсѣдалъ на престолѣ рядомъ съ престоломъ императора, и народъ Константинопольскій склонялся передъ нимъ, какъ передъ собственнымъ государемъ; при разставаніи, Болгаринъ осыпанъ былъ несмѣтными дарами. Любопытенъ разсказъ Грека [3]) о богатствѣ и щедрости Тервеля: онъ клалъ на землю свой щитъ, выпуклостью внизъ,

---

[1]) Теперь Ахіолъ и Мисиври.
[2]) Титулъ кесаря былъ второй послѣ титула императора, т. е. августа.
[3]) Лексикографа Свиды, у Стриттера. II, 516.

на щитъ клалъ плеть, съ которою ѣздилъ верхомъ, и потомъ засыпалъ щитъ и плеть деньгами; воткнувъ въ землю копье, накладывалъ съ обѣихъ сторонъ до верху шелковыя ткани; раздавалъ своимъ воинамъ деньги цѣлыми ящиками, правою рукою загребая золото, лѣвою серебро.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Болгаре, разсорившись съ Греками, можетъ быть мстя имъ за умерщвленіе своего союзника Юстиніана, опять ходили подъ Цареградъ и снова заключили выгодный съ ними договоръ (716 г.)[1]. Вскорѣ потомъ они же оказали помощь имперіи: Цареградъ былъ осажденъ Арабами, въ страшныхъ силахъ, морскихъ и сухопутныхъ; Болгаре вступили съ ними въ бой, убили ихъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, говоритъ лѣтописецъ, до 22,000, и эта помощь, соединенная съ голодомъ и моромъ въ войскѣ мусульманъ, спасла Византію (718 г.).

Какъ на Руси за Рюрикомъ и витяземъ Олегомъ послѣдовало слабое княженіе Игоря, такъ и послѣ Аспаруха и Тервеля на время затихаетъ предпріимчивость Болгаръ. Тридцать семь лѣтъ о Болгарахъ не говорятъ Византійцы ни слова. Туземная запись, приписывающая Тервелю 21 годъ царствованія, называетъ за нимъ князя Севара; онъ царствовалъ 15 лѣтъ[2]. Съ нимъ, какъ кажется, прекратилась династія Аспаруха, «родъ Дуло», какъ его называетъ славянская запись, родъ, къ которому она причисляетъ всѣхъ прежнихъ князей Болгарскихъ. Новый владѣтель назывался Кормесошъ[3]), изъ рода «Вокиль» или «Укиль». Можно предполагать, что этотъ государь, утвердившись на престолѣ, сталъ угрожать Византійской имперіи. Императоръ Константинъ Копронимъ принялся строить укрѣпленія во Ѳракіи и, какъ видно, не надѣясь уже на Славянъ, поселилъ въ нихъ Сирійцевъ и Армянъ. Болгаре, съ своей стороны, потребовали отъ императора дани. Загорѣлась война. Болгаре вторглись во Ѳракію и показались подъ самыми стѣнами Константинополя. Но императоръ одержалъ надъ ними побѣду и принудилъ къ отступленію. Въ то же время онъ снарядилъ флотъ въ 500 судовъ и отправилъ съ нимъ войско въ устья Дуная; высадившіеся Греки стали опустошать жилища Болгаръ и захватили множество плѣнныхъ. Съ своей стороны, Кон-

---

[1]) Лѣтописецъ Ѳеофанъ приписываетъ этотъ договоръ одному изъ преемниковъ Тервеля, Кормесію, но, очевидно, по ошибкѣ, ибо Кормесъ или Кормесошъ княжилъ много лѣтъ спустя. Ѳеофанъ тѣмъ легче могъ сбиться, что онъ упоминаетъ о договорѣ по поводу гораздо позднѣйшихъ событій.

[2]) Надобно замѣтить однако, что между Тервелемъ и Северомъ былъ еще какой-то князь, владѣвшій 24 года, по имя котораго въ записи пропущено.

[3]) Греки пишутъ Кормесій или Комерсій.

стантинъ, наступая со стороны Ѳракіи, одержалъ большую побѣду близъ Болгарской границы. Болгаре принуждены были просить мира (755 г.).

Миръ, впрочемъ, не былъ продолжителенъ и черезъ четыре года Болгаре отомстили Грекамъ, поразивъ того же императора Константина Копронима въ Берегавскомъ ущеліи. Но вскорѣ въ самой Болгаріи произошелъ переворотъ. Не была ли новая династія слишкомъ миролюбива, слишкомъ благосклонна къ Славянскимъ своимъ подданнымъ? Ибо вдругъ вспыхиваетъ воинственная стихія Болгарская, возстаетъ въ кровавомъ противодѣйствіи противъ царствующаго рода, противъ Славянъ, противъ Византіи. Вотъ повѣствованіе современниковъ: «Гунны-Болгаре [1]), заключивъ между собою договоръ, избили весь родъ своихъ наслѣдственныхъ властителей и поставили себѣ государемъ Телеца [2]), высокомѣрнаго и полнаго юношеской отваги, который, собравъ войска, сталъ разорять области имперіи. Въ это же время множество Славянъ, покинувъ свою родину, прибѣгли добровольно къ императору и, переплывъ Эвксинъ, поселились, по его указанію, у р. Артаны (въ древней Виѳиніи, на сѣверномъ берегу Малой Азіи). Ихъ было, говорятъ, до 208,000».

Въ древнихъ источникахъ описываются походы и битвы Болгаръ, но нѣтъ указаній на ходъ ихъ внутренней жизни. Объ этомъ возможны лишь догадки. По-видимому, послѣ низверженія коренными Болгарами ослабѣвшаго рода Аспарухова, началось какое-то броженіе, въ которомъ только и сплотилось, кажется, настоящимъ образомъ, государство Болгарское изъ Славянъ и ихъ покорителей. То было время смутъ и бѣдствій. Болгаре требовали войны съ Греками, но вели ее неудачно. Греки послали свой флотъ Чернымъ моремъ въ устья Дуная, и сухопутнымъ войскомъ двинулись къ Анхіалу. Телецъ подошелъ туда съ 20,000 чел. войска, Болгаръ и Славянъ, былъ разбитъ и бѣжалъ (30 іюня 763 г.). Въ Болгаріи вспыхнулъ мятежъ. Телецъ, послѣ трехлѣтняго царствованія, былъ убитъ. Новый князь Умаръ изъ прежняго рода «Укиль», властвовалъ только 40 дней [3]). Болгаре возвели на престолъ зятя прежняго князя своего Кормесоша, Савина; но Савинъ думалъ о мирѣ съ Греками; Болгаре составили собраніе и кричали: «черезъ Савина Болгарія поддастся Грекамъ». Савинъ бѣжалъ къ императору (762—763). Смута продолжалась, и

---

[1]) Этимъ выраженіемъ лѣтописецъ Никифоръ, можетъ быть, хотѣлъ отличить собственно Заволжскихъ Болгаръ, отъ ихъ подданныхъ Славянъ.

[2]) По славянскому сказанію, Телецъ былъ изъ рода „Уганинъ“.

[3]) Объ немъ упоминается только въ славянской записи, которая на Умарѣ и останавливается.

Византія умѣла ею пользоваться. Новый государь Болгарскій Баянъ [1]) пожелалъ имѣть личное свиданіе съ императоромъ и пріѣхалъ къ нему на встрѣчу съ своими *былями* [2]) (боярами). Императоръ притворно согласился на миръ, но велѣлъ схватить князя Славянъ-Сѣверянъ (подданныхъ Болгаръ), причинившаго много зла Грекамъ во Ѳракіи, и пользуясь тѣмъ, что Болгаре, понадѣявшись на миръ, плохо стерегли пограничныя ущелья, повелъ войско въ Болгарію. Онъ вступилъ въ долину р. Тунджи (на южной сторонѣ Балканскаго хребта, вѣроятно около Ямболя и Сливна), сжегъ тамошніе дворы, но вдругъ возвратился. Въ Болгаріи происходили междоусобія. Умаръ, вѣроятно тотъ самый, о которомъ упомянуто выше, пытался править именемъ состоявшаго подъ покровительствомъ Византіи Савина; но Болгаре его убили и передали власть Тохту, брату Баяна. Но когда, въ слѣдующемъ году (766) императоръ Константинъ подошелъ къ Берегавскому ущелью и отправилъ сильный флотъ (1600 судовъ) къ берегамъ Болгаріи, то тамъ, какъ видно, вновь восторжествовала византійская партія. Баянъ и Тохтъ съ своими приверженцами бѣжали къ Дунаю и тамъ были убиты. Но походъ Грековъ не удался: буря разбила ихъ суда, и Константинъ отступилъ. Нѣсколько лѣтъ Византія не предпринимала ничего противъ Болгаріи. Наконецъ, въ 774 г., Константинъ Копронимъ снова пошелъ на нее войною; въ этотъ разъ онъ двинулся моремъ, съ флотомъ въ 2,000 ладей, а конницу послалъ сухимъ путемъ, чтобы она, пользуясь первою оплошностью отрядовъ, охранявшихъ Балканскія ущелья, старалась проникнуть въ Болгарію. Флотъ прибылъ къ Варнѣ; но императоръ, не отваживаясь на дальнѣйшія дѣйствія, думалъ уже воротиться, когда Болгаре прислали одного изъ своихъ *былей*, Цигата, для переговоровъ. Миръ былъ заключенъ; Болгаре обязались не дѣлать вторженій въ «Романію», т. е. въ Византійскую территорію, императоръ—не нападать на Болгарію: обѣ стороны обмѣнялись письменнымъ удостовѣреніемъ договора.

Но вскорѣ императоръ получилъ извѣстіе отъ своихъ тайныхъ приверженцевъ въ Болгаріи, что ея государь (имя этого князя пишется различно: Телеригъ, Телегуръ, Тзеригъ) снаряжаетъ войско въ 12,000 чел. и одного изъ своихъ *былей*, чтобы захватить и переселить въ Болгарію славянское племя Борзякей въ Македоніи (между Битолемъ и Охридомъ). Это подало Копрониму поводъ нарушить миръ; но, несмотря на побѣду, имъ одержанную (въ Октябрѣ 774), дѣло кончилось ничѣмъ. Болгарскій государь вошелъ въ сношенія съ императоромъ.

---

[1]) Παγανός, въ другомъ мѣстѣ Βαϊανός.

[2]) Βοϊλάδων.

Онъ написалъ ему, что принужденъ искать у него убѣжища, и просилъ сообщить ему имена лицъ, которымъ можетъ довѣрить свое намѣреніе. Вывѣдавъ такимъ образомъ, кто изъ Болгаръ служили замысламъ Византіи, Телеригъ всѣхъ ихъ приказалъ разсѣчь пополамъ. Вскорѣ однако ему въ самомъ дѣлѣ пришлось, неизвѣстно почему, бѣжать къ преемнику Константина; онъ былъ сдѣланъ патриціемъ, породнился съ императорскимъ домомъ и, первый изъ Болгаръ, принялъ крещеніе (777 г.).

На мѣсто его воцарился Кардамъ, и съ нимъ окончился этотъ переломъ въ Болгарской исторіи. Болгарія ожила, и борьба ея съ Византіею возобновилась. Греки сперва одержали верхъ, и императоръ (Константинъ VI) перешелъ за Балканы. Но Кардамъ разбилъ его на голову (791 г.) у Провата (теперь Правады). Болгарскій государь сталъ требовать прежней дани: «Пришли мнѣ дань по договору, писалъ онъ императору, или я приду къ Золотымъ воротамъ» [1]). Императоръ велѣлъ отвѣчать, что дань, сколько слѣдовало, онъ ему послалъ. «Ты старикъ, прибавляетъ онъ, и я не хочу, чтобы ты трудился итти сюда; я приду къ тебѣ на встрѣчу, и между нами разсудитъ Богъ». Но въ этотъ разъ рѣшенія не произошло. Императоръ, собравъ всѣ войска, какими располагалъ, дошелъ до мѣста, которое лѣтописецъ называетъ Вершницей [2]), а Кардамъ держался въ какомъ-то лѣсу [3]),—и оба разошлись. Слава великихъ подвиговъ была предоставлена Кардамову преемнику, Круму.

Между тѣмъ приблизились къ Задунайскимъ Славянамъ западные завоеватели, Франки. Подчинивъ себѣ Баварцевъ и Славянъ Каринтійскихъ (Хорутанскихъ), уже исповѣдывавшихъ христіанство, Карлъ Великій вступилъ въ бой съ Аварами, владѣнія которыхъ начинались въ то время за р. Энсомъ [4]) и простирались по всей нын. Венгріи. Восемь лѣтъ (791—799) длилась упорная борьба. «Сколько сраженій въ ней было, сколько крови пролито, говоритъ Эйнгардъ, тому свидѣтельница Паннонія, опустѣлая и безлюдная, и мѣсто царскихъ палатъ хакана [5]), гдѣ не осталось слѣда человѣческаго жилья». Въ пустынныхъ кочевьяхъ Аваровъ, Франки заходили за Тису; среднее теченіе Дуная съ сѣвера на югъ, кажется, принято было за границу Западной имперіи.

Съ тѣмъ вмѣстѣ и южные сосѣди Аваровъ, Хорваты, поддались

---

[1]) Въ Константинополѣ.

[2]) Βερσινίτια.

[3]) Названіе этого лѣса пишется Греками Ἀβρολέβα.

[4]) Въ нын. Австрійскомъ эрцъ-герцогствѣ.

[5]) Мѣсто это Нѣмцы называли кругомъ *(hring)*, Лангобарды станомъ *(campus)*: то лобы укрѣпленный станъ кочевниковъ.

Франкамъ, какъ въ землѣ между Дравою и Савою, такъ и въ Далмаціи; Сирмій [1]) на Савѣ сдѣлался Франкскою крѣпостью; въ 799 г. Франкское войско явилось въ сѣверной части приморской Хорватіи [2]); въ 806 г. римскіе города Далмаціи просили покровительства Карла, Далматскіе Славяне также подчинились его власти, и въ договорѣ съ Византійскимъ императоромъ (811 г.) Далмація была признана Франкскою областью.

Пораженіе Аваровъ Карломъ возбудило новую дѣятельность въ порабощенныхъ ими племенахъ. Славяне, жившіе въ Паннонія, оттѣснили далеко на западъ остатки Аваровъ [3]). Съ другой стороны, за Тисой, поднялись Болгаре той орды, которая, двинувшись въ одно время съ ордою Аспаруха изъ Черноморскихъ степей на западъ, осталась на сѣверномъ берегу Дуная и, какъ упомянуто, попала тамъ снова въ подданство Аварскаго хакана. Въ началѣ X в. они покорили, въ свою очередь, обитавшихъ между ними Аваровъ и присоединились къ Задунайскимъ Болгарамъ. Власть Кардамова наслѣдника, Крума, простерлась отъ Забалканья черезъ нынѣшнюю Валахію до юговосточныхъ отроговъ Карпатскихъ горъ; его предѣлы сошлись, на среднемъ Дунаѣ, съ предѣлами Франкской имперіи; его войска усилились новыми ратниками; въ полкахъ его, подлѣ Болгаръ и Славянъ, стали свирѣпые Авары.

Такимъ образомъ въ началѣ IX вѣка значительно измѣнилось положеніе Дунайскихъ народовъ. На одномъ концѣ удвоилось могущество, расширилась дѣятельность Болгарскаго государства; на другомъ—Хорватамъ пришлось извѣдать на себѣ власть иноземцевъ, и тяжесть гнета вызвала ихъ на борьбу, — а далѣе, въ Верхней Панноніи, Славянскія племена основали прекрасное, но недолговѣчное, государство Великоморавское.

Крумъ [4]) дѣйствовалъ уже не такъ, какъ его предшественники, не довольствовался пріобрѣтеніемъ отъ Грековъ добычи или какой-нибудь области. Онъ хотѣлъ, — это видно по всему, — основать цѣльное государство отъ Босфора до Карпатскихъ горъ: ему тѣсна была граница Балканская, а переступивъ Балканы, онъ понималъ, что негдѣ остановиться, кромѣ какъ въ Цареградѣ. Цареградъ была одна

---

[1]) По-слав. Срѣмъ: развалины у Митровицы.

[2]) Древней Либурніи.

[3]) Einhardi Annales a. 805. „Аварскій хаканъ прибѣгнулъ къ Карлу и выпросилъ себѣ жилище между Сабаріей и Карнунтомъ (теперь Sarwar и Heimburg, въ самомъ западномъ краю Венгріи, на границѣ Австріи), потому что онъ отъ буйства Славянъ не могъ уже оставаться въ прежнихъ своихъ земляхъ".

[4]) Въ славянскомъ переводѣ Манассіи онъ называется также Крумомъ (см. Черткова, о Славянскомъ переводѣ лѣтописи Манассіиной, 24); но въ Бѣлградскомъ Синаксарѣ 1340 г. его имя пишется Кржгъ (т. е. Кронгъ).

его цѣль: другая цѣль была—заселить обширныя области на сѣверномъ берегу Дуная, доставшіяся ему отъ Аваровъ и Болгарской орды, и гдѣ послѣ выхода Славянъ за Дунай, не было осѣдлаго населенія: утвердить тамъ, оплотомъ для собственной Болгаріи, осѣдлый народъ, вотъ къ чему стремился Крумъ, какъ бы предвидя съ этой стороны опасность.

Есть о Крумѣ замѣчательное преданіе, сохраненное извѣстнымъ Византійскимъ компиляторомъ Свидою: «Болгаре до конца погубили Аваровъ. Крумъ спросилъ плѣнныхъ Аваровъ:» «Отъ чего, по вашему мнѣнію, погибли вашъ государь и ваше племя?» — Отъ того, что умножились у насъ тяжбы и распри; что лихоимцы и воры стали судьями, что народъ предался пьянству и сталъ падокъ на подарки; что всѣ пустились въ торговлю, и другъ друга обманывали». —Крумъ, выслушавъ это, созвалъ всѣхъ Болгаръ и положилъ законы: неправыхъ истцевъ казнить; лихоимцамъ и ворамъ выламывать бедра; истребить всѣ виноградники; бѣдныхъ обезпечить, чтобъ они больше ничего не домогались, а потомъ недовольныхъ своимъ состояніемъ наказывать». Преданіе это есть какъ бы отголосокъ дѣятельности Крума, какъ законодателя; историческая основа несомнѣнна.

Византійсская имперія удерживала еще важные стратегическіе пункты въ Болгаріи: Анхіалъ и Месемврію (Мисиври) у подножія Балкановъ, Проватъ (Правады) на сѣверной сторонѣ Великаго Балкана, и Срѣдецъ (нын. Софіа) въ западной Болгаріи, на водораздѣлѣ между водами Архипелага (Струмою) и притоками Дуная (Искромъ). Открывая войну съ Греками, Крумъ началъ съ того, что отнялъ у нихъ этотъ послѣдній пунктъ. Въ 809 г. Срѣдецъ палъ передъ Болгарами. Императоръ Никифоръ сосредоточилъ въ «Славиніи», т. е. во Ѳракіи и Македоніи, всѣхъ ратниковъ имперіи; кромѣ того набралъ толпы бѣдняковъ, вооруженныхъ одними палками и пращами; огромными налогами увеличилъ свою казну, — и послѣ двухлѣтнихъ приготовленій вступилъ въ Болгарію. Увлеченный впередъ отсутствіемъ сопротивленія, онъ овладѣлъ Крумовымъ *ауломъ* (такъ называли Болгаре, говоритъ лѣтописецъ, жилище своего государя [1]): аулъ находился, кажется, близъ нынѣшней Шумлы. Крумъ сталъ просить мира, очевидно, чтобы выиграть время; когда Никифоръ прервалъ переговоры, то нашелъ себя запертымъ деревянными завалами; Крумъ загородилъ, какъ стѣнами, ущелья и спереди и позади его. Никифора поразило точно громомъ (я все это выписываю изъ Ѳеофана); обходя мѣстность иища выхода, онъ говорилъ: «птицами развѣ мы отсюда вылетимъ». Два дня прошли спокойно; въ ночь на субботу,

[1]) Зонара, Ѳеофанъ и проч. — Ясно, что слово αὐλή здѣсь не греческое.

25-го іюля (811 г.), услышали шумъ оружія и движеніе войска; все ждало съ трепетомъ; на зарѣ Болгаре, соединившись съ Аварами, ударили на Греческій станъ, и всѣхъ избили, самого императора Никифора, его сановниковъ, патриціевъ, стратиговъ, областныхъ начальниковъ, и безчисленное множество воиновъ: «погибъ въ этотъ день цвѣтъ христіанъ, пропали императорскія украшенія и все оружіе. Не дай Богъ христіанамъ видѣть когда-нибудь подобный день!— Отрубленную голову Никифора, наткнутую на древко, долго показывалъ Крумъ приходившимъ къ нему отъ разныхъ народовъ посѣтителямъ, потомъ выложилъ черепъ серебромъ и сдѣлалъ чашу, изъ которой пили на торжественныхъ пирахъ вожди Славянскіе». Тѣло императора сожгли. Судя по одному сказанію, Болгаре принуждали плѣнныхъ къ отреченію отъ христіанской вѣры и отказывавшихся предавали мучительной смерти. [1])

Крумъ пошелъ къ Черному морю, гарнизонъ Провата бѣжалъ, Анхіалъ сдался. Болгаре проникли въ Македонію и Ѳракію, Верія, Филиппополь и другіе города сдавались имъ безъ боя. Новый императоръ Михаилъ собралъ что только могъ войска, вызвалъ даже сторожевые отряды изъ Сиріи. Крумъ шелъ все далѣе. Съ помощью Араба, научившаго Болгаръ устройству осадныхъ машинъ, онъ взялъ Месемврію и овладѣлъ другою приморскою крѣпостью Девелтомъ (близъ нын. Бургаса). Онъ переселилъ оттуда жителей съ ихъ епископомъ за Дунай. Сами греческіе лѣтописцы говорятъ, что для мѣстныхъ жителей сбродное войско Византійское было хуже «варваровъ», Болгаръ:

---

[1]) Объ этомъ говорится въ Болгарскихъ синаксаряхъ, въ которыхъ побѣда Крума представляется уже съ христіанской точки зрѣнія. Такое сказаніе, извлеченное изъ Бѣлградскаго синаксаря 1340 г., напечатано г. Ламанскимъ въ его статьѣ „о Славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ" (въ прилож. къ VI т. Записокъ Академіи Наукъ) стр. 109. Приводимъ здѣсь это сказаніе по другому, сходному тексту, изъ Болгарскаго синаксара 1339 г., писанному „въ дни тогда царствѹѫщомѹ, и прѣобладаѫщѹ землеѫ блъгарскоѫ прѣвисокомѹ и самодръжавномѹ Иѡанѹ Алеѯандѹ (Погодинск. рп. № 58):

Іюля 24, памѧт скончѣвшихсѧ въ бл'гарѣх братиѫ нашѫ.

„При Никифоре цѣсари (ц҃ри). и ѡтци ставрикиевѣ. вь. ѳ. е. лѣт цѣсарства (ц҃рства) ѥго. случитисѧ рать быти грькомъ съ бл'гары. абие же цѣсареви (ц҃реви) по дрьжавѣ побѣдившоу по семь побѣдоѫ възнесьшоусѧ. и пищи и питию прилежѫщоу. ставше же сѧ с' вѫгры бльгаре. и нощіѫ на грьцкыѫ воѫ нападше исѣкошѫ, а дроугыѫ избодошѫ. и самого цѣсарѣ (ц҃рѣ) ѧшѫ. и много оубийство вь нихь створишѫ. не пощѫдѣшѫ ни ѥдиного же ни самого цѣсарѣ (ц҃рѣ). ѥлико же ихъ избыст и ти бѣжашѫ на горы гѫщьшѫѫ. и тамо избышѫ. елико же ѫто бѣ живыхь.и поудими бѣхѫ христа ѡтврѣщисѧ. и не покорившесѧ въ различныѫ сьмрьти вложени бышѫ. и мѫчениа вѣнець приѫшѫ».

Угры (въ Бѣлградскомъ текстѣ „оуставльшесѧ при Оугрѣхъ Бльгаре"; въ приведенной выпискѣ — вѫгре) были безъ сомнѣнія Авары, пришедшіе къ Круму на помощь: въ позднѣйшее время, когда имя Аваровъ сдѣлалось мало понятнымъ, его легко могли замѣнить именемъ Угровъ, занявшихъ страну Аваровъ.

можно себѣ представить, что Ѳракійскіе и Македонскіе Славяне съ радостью встрѣчали Крума. 22-го іюня 813 г. онъ одержалъ великую побѣду подъ Адріанополемъ; оставивъ здѣсь своего брата [1]) съ отрядомъ для осады, онъ двинулся къ столицѣ и обложилъ ее. Сначала, на лугу у Золотыхъ воротъ [2]), онъ совершилъ языческіе обряды, въ виду всѣхъ жителей Цареграда; закололъ въ жертву множество людей и животныхъ, потомъ, омочивъ ноги въ морѣ, исполнилъ обрядъ омовенія, окропилъ войско водою и, при кликахъ Болгаръ, прошелъ торжественнымъ шествіемъ черезъ толпу женщинъ, которыя предъ нимъ падали ницъ и его восхваляли. За тѣмъ онъ приступилъ къ осадѣ, обвелъ городъ окопами, но не надѣясь въ этотъ разъ на успѣхъ, началъ переговоры, требовалъ отъ императора дани, огромнаго количества дорогихъ одеждъ, извѣстнаго числа отборныхъ дѣвицъ и права водрузить копье на Золотыхъ воротахъ Цареграда. Для заключенія условія Крумъ выѣхалъ, по уговору, къ загородной церкви св. Безсребренниковъ, безоружный, съ четырьмя спутниками, сошелъ съ коня, сѣлъ на земь и вступилъ въ преніе съ полномочными; племянникъ его держалъ коня. Вдругъ изъ засады выскочили воины; Крумъ успѣлъ броситься на коня и ускакалъ, прочіе погибли. Болгаре пришли въ ярость: все, что было внѣ городской стѣны: церкви, дворы, дома, суда и строенія въ гавани, все было сожжено или разрушено; плѣнныхъ задушили, съ огромною добычею отправился Крумъ восвояси. Онъ повезъ съ собою въ Болгарію мѣднаго льва, украшавшаго циркъ, Гидрійскаго дракона и лучшія изъ мраморныхъ изваяній, которыми украшены были окрестности Цареграда. Онъ разорилъ всѣ города подъ столицею, взялъ Адріанополь, и опять отсюда перевелъ всѣхъ жителей въ новопріобрѣтенныя свои области на сѣверѣ, въ «Задунайскую Болгарію», по выраженію Грека. Число переселенцевъ было, говорятъ, до 10,000. Между ними были Адріанопольскій епископъ Мануилъ и бѣдное семейство изъ села Липра, уносившее съ собою въ плѣнъ въ Болгарію своего ребенка, — будущаго знаменитаго императора Василія Македонянина. Крумъ оставилъ по-видимому нѣкоторую свободу колоніямъ, которыя онъ такимъ образомъ учреждалъ на сѣверной сторонѣ Дуная. Эти колоніи плѣнныхъ выбирали сами своихъ начальниковъ; ихъ епископъ имѣлъ возможность проповѣдывать даже Болгарамъ.

Между тѣмъ Крумъ, видно, готовился къ чему-то великому, онъ собирался опять на Грековъ, и такъ, чтобы на этотъ разъ по-

---

[1]) Не тотъ ли это былъ князь Цокъ, о которомъ говорится въ одномъ славянскомъ памятникѣ, см. ниже стр. 51.

[2]) Теперь Семибашенныхъ (Едикулелеръ-капусси), на южной оконечности городской стѣны.

кончить дѣло въ Цареградѣ. Онъ вооружилъ, говоритъ лѣтописецъ, страшную рать, призвалъ Аваровъ и войска *изо всѣхъ Славиній*, т. е. ото всѣхъ подвластныхъ Славянскихъ племенъ, устроилъ всевозможныя осадныя орудія, стѣнобитныя, огнеметательныя, камнеметательныя, всякаго рода подвижныя башни; чтобы поднять все это, готовы были волы въ огромномъ числѣ и 5,000 телегъ, кованыхъ желѣзомъ; императоръ Левъ принималъ мѣры къ оборонѣ, выводилъ новую стѣну у Влахернъ [1]), производилъ земляныя работы; вдругъ приходитъ извѣстіе: «Крумъ умеръ, въ четвергъ на страстной недѣлѣ, скоропостижно задушилъ его приливъ крови» (13 Апрѣля 814 г.).— Омортагъ [2]), новый государь Болгарскій, заключилъ перемиріе съ Греками; онъ хранилъ его неизмѣнно, какъ и преемникъ его Пресямъ.— Цѣль стремленій Крума былъ Босфоръ; дѣйствія Омортага и Пресяма были направлены на западъ.

Здѣсь, начались неустройства, споры между Славянами и старыми приморскими городами. Военный начальникъ Франковъ, маркграфъ Кодолахъ или Хадало, жестоко угнеталъ Хорватовъ: Людевитъ, великій жупанъ сѣверныхъ, Савскихъ Хорватовъ, жаловался императору Людовику Благочестивому, но Людевита не слушали: онъ сталъ готовиться къ возстанію. Великій жупанъ Хорватовъ Далматскихъ, Боренъ [3]), враждовалъ съ нимъ и былъ усерднымъ слугою иноземцевъ; и въ это время, когда собиралась гроза, славянскія вѣтви, жившія на западъ отъ собственной Болгаріи, по обѣимъ сторонамъ Дуная отъ Тимока до устья Дравы, Бодричи, Кучевляне и Тимочане [4]), признававшіе себя подданными Болгаръ, отказались отъ

[1]) Сѣверная оконечность Константинополя: Влахернскія ворота — теперь Балатъ-капусси.

[2]) Иначе Мортагъ, Муртагонъ. Объ этомъ Омортагѣ упоминаетъ любопытная надпись, высѣченная на мраморной колоннѣ, находящейся въ бывшей великой Лаврѣ 40-ка мучениковъ (нынѣ мечети) въ Терновѣ, и изданной г. Даскаловымъ (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859 кн. 2). Надпись эта писанная по-гречески, весьма безграмотнымъ правописаніемъ, гласитъ: „Гіом (?) Омортагъ, пребывая въ старомъ домѣ своемъ, построилъ новый великолѣпный домъ на Дунаѣ; и я (т. е. Омортагъ) между двумя всеславными домами измѣривъ средину, сдѣлалъ курганъ, и отъ самой средины кургана до моего стараго двора двадцать тысячъ саженъ (ὀργυῖε); и до Дуная двадцать тысячъ саженъ. . . . . Надпись эту сдѣлалъ человѣкъ тлѣнный (?); онъ умираетъ и другой рождается. И да рожденный въ послѣднія времена, видя это, вспомнитъ сдѣлавшаго, (то) имя начальника есть Омортагъ-канъ; если онъ согрѣшилъ, Богъ да проститъ его. Будьте здоровы“.

[3]) Это имя пишется въ источникахъ *Борна*, но форма *Боренъ* подтверждается древними Сербскими и Хорватскими именами и формами Βόρενα (винит. падежъ), Πόρινος у Константина Багр.

[4]) Объ этихъ племенахъ, ихъ жилищахъ и названіяхъ см. Слав. Древности Шафарика. Вѣроятно, что власть Болгаръ распространилась надъ ними довольно поздно, при паденіи Аваровъ.

союза съ ними, ради покровительства Франковъ. Крумъ пока не вступался; но борьба началась. Людевитъ, котораго благословилъ на подвигъ самъ патріархъ Аквилейскій, поднялъ оружіе. Выслано было противъ него Франкское войско; онъ его прогналъ и послѣ побѣды предложилъ миръ. Его условія не были приняты; онъ склонилъ Тимочанъ покинуть Нѣмцевъ и присоединиться къ нему. На него пошли съ запада Франки, съ юга Боренъ съ Приморскими Хорватами и Кучевлянами: но Франки ничего не сдѣлали, а Боренъ, оставленный Кучевлянами, былъ разбитъ на голову при Кулпѣ (819 г.). Людевитъ опустошилъ Далмацію и привлекъ къ себѣ Славянъ Каринтійскихъ (Хорутанскихъ) и Краинскихъ, которые дотолѣ какъ бы чуждались общей жизни Славянъ и прозябали въ зависимости отъ Германіи; казалось, на Дравѣ, въ Норикѣ и Паннонiи, готова была возникнуть новая держава славянская и стать оплотомъ Славянскому міру со стороны южной Германіи. — Всѣ силы Западной Имперіи, три войска, выставленныя Саксами, восточными Франками, Швабами, Баварцами, Итальянцами, тотчасъ двинулись на Людевита (820 г.). Онъ благополучно выдержалъ осаду въ своей твердынѣ (вѣроятно Сисскѣ) и остался по прежнему непокоренъ; но Краинцы и Хорутане не устояли: они покинули Людевита и возвратились къ послушанію Нѣмецкимъ герцогамъ и графамъ; опять потекла у нихъ безцвѣтная, страдательная жизнь, и съ тѣхъ поръ уже не принимали они участія въ движеніи и борьбѣ Славянскаго племени.

Вскорѣ рѣшилась и судьба Людевита: въ 821 г. онъ еще устоялъ передъ натискомъ Франковъ, но въ 822 принужденъ былъ бѣжать къ Сербамъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что онъ убилъ Сербскаго князя, который его принялъ, а потомъ ушелъ отъ Сербовъ въ Далмацію къ Людомыслу, дядѣ его соперника Борена, и былъ имъ умерщвленъ. Вся земля Хорватская находилась опять во власти Франковъ. Ихъ предѣлы снова коснулись Болгаріи, зашелъ споръ о границѣ, случились стычки. Славянское племя Бодричей съ Браничевцами [1]) еще разъ отъ Болгаръ перешли къ Франкамъ. Омортагъ требовалъ разграниченія, Франки уклонялись. Наконецъ, въ 827 г., Болгарское войско сѣло на суда, пустилось съ Дуная вверхъ по Дравѣ, и поставило надъ всѣми окрестными Славянами Болгарскихъ начальниковъ. Такимъ образомъ сѣверная Хорватія, земля Людевитова [2]), на время досталась Болгарамъ. Чтобы упрочить за Болгарскимъ государствомъ эту длинную полосу земли, могло казаться нужнымъ об-

[1]) Въ части нын. Бачки, Баната Темешварскаго и прилегающей части Сербскаго княжества, гдѣ городъ Браничевацъ.

[2]) Нын. Сирмія, Славонія и тамошняя военная граница.

ладаніе Сербіею [1]). «До того времени Сербы и Болгаре, говоритъ Константинъ Багрянородный, жили въ ладу, мирными сосѣдями, любя другъ друга; но въ княженіе Властиміра пошелъ на Сербовъ войною Пресямъ, государь Болгарскій, съ цѣлію покорить ихъ». То было начало многочисленныхъ и продолжительныхъ войнъ между обоими народами; на первый разъ зачинщики не имѣли успѣха: Властиміръ, послѣ трехлѣтней борьбы, со славою отразилъ Болгаръ.

Между тѣмъ тяжелая борьба за независимость велась и Хорватами, именно тою частью, которая и послѣ похода Болгаръ на Драву, осталась подъ властію Франковъ. Въ 818 г., когда еще живы были преданія умной политики Карла Великаго, когда еще не могло быть забыто, что подчиненіе Хорватовъ Западной имперіи было добровольное, жестокость Франковъ принудила Людевита къ возстанію: можно себѣ представить, что̀ происходило теперь, какъ возстаніе было подавлено и успѣхъ Болгаръ въ Савской Хорватіи требовалъ строгихъ мѣръ въ сосѣднихъ областяхъ. Черезъ сто слишкомъ лѣтъ еще помнила равнодушная Византія о дѣйствіяхъ Франковъ у Адріатическихъ Славянъ. Вотъ извѣстіе Константина Багрянороднаго: «Хорваты, занимавшіе Далмацію, повиновались Франкамъ; Франки же были до того къ нимъ жестоки, что даже грудныхъ младенцевъ убивали и бросали на съѣденіе псамъ: такъ что Хорватамъ наконецъ не достало терпѣнія». Произошла опять борьба, этотъ разъ уже въ Далмаціи. — Константинъ продолжаетъ: «Хорваты возстали и предали смерти своихъ властителей, назначенныхъ Франками; Франки выслали большое войско; послѣ семилѣтней борьбы и великихъ усилій, Хорваты наконецъ одолѣли, истребили Франковъ, убили ихъ вождя Коцилина».

Но съ христіанствомъ Хорваты не хотѣли разрыва. Въ эти смутныя времена едва ли осталось у нихъ что нибудь отъ дѣла прежнихъ проповѣдниковъ, и они, избавившись отъ Франковъ, тотчасъ же послали, по прежнему примѣру, въ Римъ, просить пастырей: пришли вторично епископы и крестили ихъ. Потомъ прибылъ къ нимъ изъ сосѣдней Хорутанской земли наставникъ Мартинъ, міряпинъ, мужъ въ высокой степени благочестивый, котораго Хорваты почитали чудотворцемъ; больнаго и безногаго, его носили четверо носильщиковъ; онъ утвердилъ Хорватовъ въ обѣтѣ, данномъ ими въ старину папѣ, «и оттого, говоритъ Константинъ, Хорваты не снаряжаютъ кораблей своихъ на войну, развѣ когда кто нибудь нападетъ на ихъ край, а ходятъ лишь на торговлю, по всѣмъ Далматскимъ гава-

[1]) Припомнимъ себѣ, что древняя Сербія въ собственномъ смыслѣ заключала въ себѣ западную половину нын. Сербскаго княжества и большую часть Босніи.

нямъ и до Венеціи». — Хорватами правилъ въ это время Моиславъ, а за нимъ (послѣ 839 г.) Терпиміръ. Отъ Терпимира мы имѣемъ грамоту, 852 г., первый, сохранившійся, родной памятникъ Славянской исторіи, родной, правда, не по языку (грамота писана по-латыни), но по происхожденію. Вотъ сокращенный переводъ этого любопытнаго свидѣтельства:

«При благочестивомъ Лотаріи царствующемъ въ Италіи, королѣ Франковъ, индиктіона XV, 4-го марта [1]). Явно очамъ разума и ощутительно рукамъ вѣры, что, съ начала міра, все, совершавшееся во времени, мимоходило и замѣнялось другимъ, и что мы лишь то видимъ и слышимъ плотію, что предъявляется нашимъ чувствамъ, или посредствомъ писанія открывается взору и уху. — Я грѣшный Терпиміръ князь (dux) Хорватовъ, не вѣдая о послѣднемъ днѣ и о часѣ, его же никто не вѣсть, въ попеченіи о своей душѣ, *по общему совѣту со всѣми моими жупанами* (zuppanis), построилъ, съ помощію Божіею, монастырь и призвалъ братію, дабы молитвами своими очищали насъ предъ Богомъ отъ грѣховъ нашихъ. Тогда же вознамѣрились мы снабдить церковь того монастыря утварью; *но какъ не достало серебра на сосуды*, то Петръ, архіепископъ Солинской [2]) церкви и возлюбленный нашъ кумъ, одолжилъ намъ одиннадцать фунтовъ. Мы же, въ отплату, рады были дать ему что бы ни было ему угодно:» ни въ чемъ мы не откажемъ вашей благости (сказали мы) [3]); «на что онъ отвѣчалъ: «Я желаю сперва, господинъ и кумъ, чтобы въ присутствіи вашей свѣтлости было письменно утверждено на вѣчныя времена за св. Солинскою церковью все движимое и недвижимое имущество, купленное мною собственнымъ иждивеніемъ, или *дарованное ей въ Лѣшанахъ и Тугарахъ съ рабами и рабынями* Степушемъ, Саголеемъ, Хортиномъ [4]); а также, чтобы *въ помянутой Солинской митрополіи, простирающейся до берега Дуная и по всему почти государству* (regnum) *Хорватскому*, вы утвердили за церковью св. Георгія въ Путаліи, *имѣнія, рабовъ и рабынь, которыя далъ ей князь Моиславъ* (Mislavo duce). — «Согласно съ симъ, мы въ настоящемъ

[1]) По этимъ даннымъ оказывается, что грамота относится именно къ 852 году. Основываясь на XV-мъ индиктіонѣ, грамоту эту относили прежде къ 837 г. (такъ и въ изданіи г. Кукулевича, Iura Croatiæ), но г. Рачкій доказалъ, что годъ грамоты былъ 852: см. его статью „Ocjena starijih izvora,“ въ „Книжевникѣ“ 1864 г. стр. 73.

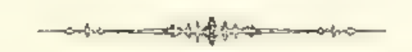
[2]) Салона, по-слав. Солинъ, древняя столица Далмаціи: послѣ разрушенія ея, митрополія перенесена была въ Сплѣтъ, но титулъ Солинской церкви (Salonitana ecclesia) остался.

[3]) Словъ *сказали мы*, нѣтъ въ подлинникѣ (писанномъ, впрочемъ, совершеннымъ невѣждою въ Латинской грамматикѣ): рѣчь князя вводится прямо.

[4]) In Lasani et Tugari cum servis et ancillis Stepus, Sagoleo, Chortino.

нашемъ совѣщаніи утверждаемъ все это на вѣчныя времена за означенною Солинскою церковью. При семъ же усердно даруемъ ей *изъ государевыхъ владѣній* (de regali territorio) землю, пристирающуюся съ востока на западъ отъ Скалистой горы (a Rupe montis) до моря, а съ другихъ краевъ обозначенную, по межамъ, камнями и нарубами (terminos cum lapideis et ferro signatos), *къ коей не прилегаетъ ничье владѣніе* (nullius adjacet territorium), и постановляемъ, чтобы *отъ нашего двора* (ex curte nostra) *Клюшане* [1]), со всего рождающагося, вносилась десятина въ помянутую церковь, *каковыя десятины началъ давать нашъ предшественникъ Моиславъ.* А кто бы воспротивился чему нибудь изъ вышеписаннаго, да будетъ анаѳема маранаѳа, и въ послѣдній день да ввержется съ діаволомъ и Іудою Искаріотскимъ, предателемъ Христа, въ геенну, гдѣ огнь не угасаетъ и червь не покидаетъ безбожниковъ. — Совершено въ мѣстѣ называемомъ Біачи (Byaci, теперь Бихачъ) [2])».

Мы видимъ, что Терпиміръ, хотя государь независимый, признавалъ однако надъ собою Лотарія, вѣнчаннаго еще при жизни отца (Людовика благочестиваго) на царство въ Италіи; мы видимъ огромное вліяніе и дѣйствіе между Хорватами старой Солинской или Сплѣтской церкви, пріюта римскихъ колоній въ Далмаціи. Свергнувъ съ себя вещественную власть Западной имперіи, Хорваты оставались подъ ея духовнымъ господствомъ; Италія съ древнѣйшихъ временъ влекла ихъ къ себѣ.

[1]) Теперь Клисъ.

[2]) Далѣе слѣдуютъ подписи Терпиміра и свидѣтелей: Comicino жупанъ, Pretilia жупанъ, Nemustlo ж., Zarsata ж., Lodovico ж., Ozanulo cum fratre, Negutia Camerario,..... Potecano Zutimustlo, Damay, и 3 священника... „А вотъ имена рабовъ *de Masaro* (вѣроятно имя деревни), принадлежащихъ соборной церкви св. Домнія: Carento, Postellio, Nassezai, Damaciai, Ylena, Trubula, съ женами, и другіе семь (исчислено только шесть), коихъ имена суть: Liutamiro, Strehemilo, Nedamuslo, Tesina, Luteciai, Ceustilo". Эта грамота, сохранившаяся въ копіи, внесенной въ рукопись „Donationes Principum Ecclesiæ Spalatensis" (въ архивѣ Сплѣтской епископіи) издана въ послѣдній разъ г. Кукулевичемъ въ его „Jura Croatiae," т. I.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Крещеніе Болгаръ. — Утвержденіе христіанства у Сербовъ.

Вторая половина IX вѣка была для южныхъ Славянъ радостною порою рождающагося просвѣщенія. Свѣтъ вѣры и самосознанія озаряетъ Болгаръ, упорныхъ въ язычествѣ, Сербовъ, христіанъ еще лишь по имени, Хорватовъ, принявшихъ христіанство, но въ чуждомъ для нихъ видѣ, и теперь впервые услыхавшихъ Евангеліе на родномъ языкѣ; и не ихъ только, но и многихъ ихъ братій Славянъ, просвѣщаютъ благочестивымъ своимъ подвигомъ Кириллъ и Меѳодій.

Не мѣсто намъ здѣсь описывать жизнь и всѣ дѣянія святыхъ Славянскихъ учителей. — Мы повторимъ только слова монаха [1]), который еще видѣлъ ихъ поколѣніе:

«Прежде Славяне не имѣли книгъ, но чертами и нарѣзами считали и гадали, будучи язычниками. Крестившись, они по нуждѣ изображали римскими и греческими письменами славянскую рѣчь, безъ устроенія;.... и такъ они пробыли много лѣтъ. Потомъ же человѣколюбецъ Богъ, устраивающій все и не оставляющій рода человѣческаго безъ разума, но всѣхъ къ разуму приводящій и къ спасенію, помиловавъ народъ Славянскій, послалъ ему св. Константина философа, именуемаго Кирилломъ, мужа праведнаго и любящаго истину, и онъ сотворилъ Славянамъ письмена.... Иные говорятъ: къ чему славянскія книги? не сотворилъ ихъ Богъ, ни ангелы, и не ископны онѣ.... А другіе думаютъ,.... что лишь на трехъ языкахъ Богъ повелѣлъ быть книгамъ.... Мы же отвѣтимъ изъ святыхъ книгъ, какъ научились: что все по ряду бываетъ отъ Бога, а не отъ другаго; славянскія же письмена святѣе и честнѣе, ибо святой мужъ сотворилъ ихъ, а греческія — Эллины язычники.... Если же спросишь, въ какое время (сотворены славянскія письмена), то знаютъ и скажутъ.... въ лѣто 855».

Не такъ ли было не только съ письменами, но и вообще съ славянскимъ просвѣщеніемъ? Славяне жили въ язычествѣ, и мысль ихъ была также темна, какъ черты, которыми они считали и гадали; по-

---

[1]) Черноризца Храбра.

томъ ихъ крестили: Сербовъ, Хорватовъ, Хорутанъ, Паннонскія племена — священники римскіе и нѣмецкіе; разсѣянныя общины во Өракіи, Македоніи, Өессаліи, Элладѣ, Мореѣ, даже въ Мизіи до нашествія Болгаръ, — священники греческіе; но какъ они стали тогда «безъ устроенія» изображать чужими письменами славянскую рѣчь, такъ были въ духовномъ рабствѣ у чужихъ народовъ, не имѣли «своего разума». Прошло двѣсти лѣтъ. Тогда «человѣколюбецъ Богъ, устраивающій все и всѣхъ къ разуму приводящій и къ спасенію, помиловавъ народъ Славянскій», послалъ ему св. Кирилла, и онъ съ братомъ своимъ Меөодіемъ далъ Славянамъ не только письмена, но и самобытную христіанскую мысль. Живетъ эта мысль Кирилла и Меөодія уже тысячу лѣтъ, и тѣ Славяне, которые признаютъ ее, — сохранили черезъ вѣка борьбы и испытаній всю свою духовную силу, а тѣ, которые ее отвергли, — посмотрите, какъ они безсильны, и какъ, теперь очнувшись, опять ея ищутъ.

Многочисленныя Славянскія племена, жившія съ VI или VII вѣка въ Византійскихъ областяхъ, не могли не подвергнуться издавна вліянію христіанства. Черноризецъ, записавшій приведенное нами свидѣтельство, указываетъ на это, говоря о Славянахъ, которые, по принятіи крещенія, пользовались «по нуждѣ» греческими буквами для изображенія своей рѣчи. Весьма естественно, что эти Славяне, уже крещеные, но не имѣвшіе наставленія, внушили практическому и глубоко-христіанскому уму Меөодія мысль объ открытіи имъ источниковъ просвѣщенія на ихъ родномъ языкѣ и побудили его младшаго брата Константина, который имѣлъ болѣе характеръ созерцателя и ученаго, и съ богословскими познаніями соединялъ необыкновенно обширныя для того времени свѣдѣнія въ языкахъ и литературахъ многихъ народовъ, — приступить къ этому дѣлу составленіемъ азбуки, приспособленной къ славянскому языку, и переводомъ на этотъ языкъ священнаго писанія. Мы находимъ въ одномъ житіи прямое указаніе на то, что просвѣтительная дѣятельность Константина началась именно между Славянами въ Македоніи. Тамъ говорится, что отправившись въ Брегальницу (рѣка, впадающая въ Вардаръ, и орошаемый этой рѣкою край въ Македоніи между Велесомъ и Кратовомъ), онъ здѣсь нашелъ нѣсколькихъ крещенныхъ изъ славянскаго народа. Крестивъ и другихъ жителей Брегальницы, онъ «привелъ ихъ на православную вѣру и написалъ имъ книги славянскимъ языкомъ», и было обращенныхъ имъ 4050 чел. [1]) Но христіанское вліяніе не ограничивалось

[1]) См. „Успеніе св. Кирила философа“, напечатанное мною по рукописи, найденной въ Призренѣ, въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Н., т. VI, стр. 384. Сравн. также статью Куника „о матеріалахъ для исторіи Болгарской церкви“ въ Запискахъ Акад. Н. т. V, стр. 255.

ничивалось славянскими поселеніями въ Македоніи, и другихъ областяхъ, возвратившихся скоро въ составъ Византійской имперіи. Оно конечно уже въ раннюю пору стало проникать и за Балканы, — можетъ быть еще до завоеванія тамошнихъ Славянъ Болгарами. Мы находимъ въ одной болгарской рукописи указаніе, что во время императора Михаила (856 — 867), при которомъ христіанство было принято Болгарскимъ княземъ и большинствомъ народа, — въ Болгаріи были уже *первородные* (т. е. давнишніе) христіане [1]).

---

[1]) Это любопытное извѣстіе находится въ одномъ житіи, помѣщенномъ въ пергаменномъ болгарскомъ прологѣ, относящемся, какъ кажется, къ XIV вѣку и имѣющемъ заглавіе: „Прологъ събраніѹ стыхъ вьсего лѣта ѿ гдеже и къждо изыде, и где родисѧ. и кыми лѣты. или ради мѫченіа, или пощеніа дѣлѣ. како коиждо вѣнецъ приѧлъ єсть“. Уцѣлѣвшая часть рукописи начинается 1-мъ Сентября и кончается на 12 Ноября. Рукопись найдена въ Софіи; я обязанъ ею благосклонному вниманію Софійской православной общины, которая доставила мнѣ ее, какъ матеріалъ для Болгарской исторіи, чрезъ посредство покойнаго С. Филаретова.

Привожу здѣсь упомянутое житіе, отмѣчая *курсивомъ* буквы, писанныя подъ титлами:

Листъ 31. Въ тьж*д*е дьнь (12 сентября) Ѹспеніе *свят*а*го и праведнаго михаила воина. Тъи *свя*тыи *бо*жіи михаиль, бѣше въ лѣта бл*а*гочестиваагo ц*а*рѣ михаила. ѿ града потоукы. родомъ сыи бльгаринь. не нѣкако ѿ инжініхъ. нѫ вьсечьстна и бл*а*говѣрна рода сыи, и прьвѣе ѿ прьвородныихь христіань. єго же нарекошѧ родителие єго. и инии мнози *свя*тое дѣтѧ. юи же сыи. иже и из младенства своєго чисто поживъ житиє. и *бо*жи страхь прѣ*д* очима имѣѫ *милос*тынѣми же и пощеніємъ и къ нищимъ рѫкоподатель болѧщимъ. кротокъ и смѣрень. и вьсѣкыми добродѣтѣлми оукрашень. доше*д* же до възраста двадесѧте и пѧтимъ лѣтомъ и по чиноу воинскомѹ избрань примикирь сыи, над вои волныими, быс*ть* же въз*д*виженіе єѳиѡплѣномъ и агарѣномъ на римскыи гра*д*. и народъ христианскіѧ дръжавы и ц*а*рство. въз*д*вигошѫ же сѧ и римлѣнстіи *люди*є съ многымъ множьствомъ на агарѣны пошедше. и множьство бывшоу агаренскому ѧзыку. видѣвше же римлѣне ꙗко посилѣѫтсѧ агарѣне и єѳиѡплѣне. на скорѣ вси въ горы бѣжахѫ, и сквозѣ скровнаа мѣста. *Свя*тыи же михаиль не оубоꙗсѧ. нѫ своѧ людіи непрѣстано потвръждааше. видѣвь ꙗко вси римлѣне бѣжашѫ. абіе просльзивсѧ паде ницъ на землѧ молѧсѧ *бо*гоу о христианѣхь *глаголѧ господи* і*исо*у *христе боже* вьседръжителю. и прочеє, и скончавъ *мо*л*и*твѫ ѹстрьмисѧ на иноѧзычныкы съ своими вои. и въше*д* посрѣ*д* бесчисльнаго множьства агарѣнь и єѳиоплѣнь. и вьсѣхъ побѣдивь разгна. самъ же тои и вьси вои єго ни єдинъ не врѣ*ж*день бы*сть*. и възратисѧ ѿ рати тоѧ шествие начѧть творити къ домоу своемѹ. и приспѣвь до тиранскаго мѣста. и въсхотѣ почити тоу. бѣше въ мѣстѣ томъ єзеро велико. и схож*д*ааше (sic) ч*ло*в*ѣ*кы и скоты. видѣв же рабь єго дымь при езерѣ. и пріем на скорѣ ꙗстиє и иде тамо идеже бѣше дымъ исходѧ и обрѣте *дѣ*виц*ѫ* сѣдѧщѫ. і начѧнь рабь ѡнь въпрашати *дѣ*вицѫ. она же сказа ємоу о змии томъ. оному же на пѫ възпраѧщоу. и вънимаю щоу беседы єѫ. прикадишѫсѧ ꙗстна господина єго. и принесе ꙗстиꙗ къ рабоу *бо*жию михаилоу. и въпроси єго почто оумоудѣль еси и прикадишѫсѧ ꙗстиꙗ. он же оповѣда ємоу вьсѣ ꙗже слыша ѿ *дѣ*в*и*цѫ раб же *бо*жіи михаиль си слышавь. и понѫдивъ своѫ рабы ити съ нимъ. они же не въсхотѣшѫ. бл*а*жены же помоливсѧ. и сътвори знаменіє честнаго кр*е*ста на лици своемъ. и въсѣде на конь свои. и поємъ раба своего болшааго и доше*д*ше надь єзеро идеже бѣше *дѣ*в*и*ца и въпроси ѭ ѡ всемъ. и како пришла еси само (sic) она же прѣщааше ємоу отити ради звѣрскаaго снѣденіа. и сказа ємоу како имѣше обычѣи гра*д* тьи. давати дѣти своѧ на изѣденіе змиѹ. и повелѣ рабоу своємоу ѡтиті съ конемъ и стоати далече. раб же *бо*жіи паде ницъ на земи и по-

Все соединено было въ Константинѣ и Меѳодіи, чтобы сдѣлать ихъ просвѣтителями Славянскаго народа. Они были рождены въ городѣ, окруженномъ славянскими поселеніями и въ стѣнахъ котораго славянская рѣчь господствовала, вѣроятно, въ то время столько же, сколько и греческая: они были рождены въ Солунѣ, а «Селуняне вьси чисто словѣньскы бесѣдуютъ», говоритъ древнее житіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, знатное происхожденіе, важный санъ ихъ отца въ Византійской службѣ и богатство его открывали имъ съ юности доступъ ко всѣмъ сокровищамъ древней образованности, сосредоточеннымъ въ Цареградѣ. Императоръ поручилъ Меѳодію,—еще мірянину и военному человѣку—«держать княженіе Словеньско», т. е. править Струменскою областью, населенною Славянами.

Этимъ самымъ онъ еще болѣе подготовлялся къ дѣятельности среди Славянъ. Онъ имѣлъ случай, по выраженію его житія, «проучитися всѣмъ обычаямъ словѣньскымъ и обыкнути имъ по-малу».

Когда Константинъ съ Меѳодіемъ составляли Славянскую азбуку и приступали къ переводу священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ,имъ предстояло, кромѣ непосредственной цѣли наставленія уже крещеныхъ Славянъ въ Византійскихъ предѣлахъ, обширнѣйшее поприще, и они не могли не имѣть его въ виду, не предугадывать обращенія всего Славянскаго племени. Болгарія уже стремилась къ христіанству; Сербы и Хорваты, уже крещеные, столько же нуж-

---

молисѧ богоу. по молитвѣ же въставъ и се зміи ꙗвисѧ посред єзера свистаѫ и възвышааше сѧ выа єго ѿ єзера съженеи двадесѧте. опашь же єго биѧщи по-водѣ идѣаше лактеи черыредесѧте. и ѿвръзъ трои ꙋста. святыи же приємъ щить и мечь. и ѿсѣче лꙋкавоѡмоу. г. главыи привидѣнныѫ (sic). зміи же свивь опашь ꙋдари святаго въ деснѫѧ ланитѫ и въ лѣвѫѧ рѫкѫ. и ранѫ ємоу сътворити. и мало бездоушъствовавь. паки скоро въста. раб же єго таковое чюдо видѣвъ. тече въ градъ и възвѣсти бывшаа. граждане же исшедше из града съ свѣщами и кадилы на срѣтеніе святаго славѧще бога. дѣвицѫ же прѣдасть родителема єѧ. святы пѫтъшествоуѧ пріиде въ домъ свои. и пробывь мало дніи. прѣдаст блаженѫѧ своѫ доушѫ господеви. єгоже измлада възлюби. и прѣиде въ небесное царство. знаменіе же и чюдеса многаа творѧ цѣлебныѫ дары даѫ притѣкѫщимъ (sic) къ немоу съ вѣроѫ. и царствоуѫщоу великомоу царю кало іѡанoу и прѣѧвшомоу потоукѫ. прѣнесе святаго михаила и слишавъ патріархь василіе. изыде съ всѣмъ причтомъ и болѣры на срѣтеніе святаго. съ свѣщами и съ кадилы. приємше же царь кало іѡанъ и патріархь възнесошѫ святаго въ богоспасныи цариград трьновъ. и положихѫ (sic) єго въ велицѣи патриархіи цръкве святаго възнесеніа. въ рацѣ новѣ, єго же молитвами господь богъ нашь да сподобит ны царствію своємꙋ аминь".

Въ этой легендѣ, кромѣ указанія на существованіе въ царствованіе Михаила давнишнихъ христіанъ въ Болгаріи, любопытно извѣстіе о *вольныхъ вояхъ* (т. е. наемникахъ) изъ Болгаръ или Славянъ, служившихъ Византіи въ ея войнахъ съ Арабами; любопытно также, что къ народному святому, „Болгарину изъ града Потуки", пріурочивалось сказаніе о борьбѣ со змѣемъ и избавленіи дѣвицы, столь прославившее имя св. Георгія.

дались въ наставленіи, сколько Славяне на Брегальницѣ; а далѣе на сѣверѣ, за Дунаемъ, обширная и могущественная держава Славянъ Моравскихъ, также уже склонившихся къ христіанской вѣрѣ, еще настоятельнѣе требовала богослуженія и проповѣди на родномъ языкѣ, ибо тамъ Латинская церковь и Западное духовенство подкапывали и политическую независимость страны, являлись орудіемъ преобладанія Нѣмецкой имперіи.

Мы уже упоминали о томъ, что Крумъ, желая заселить доставшіяся ему владѣнія Аваровъ на сѣверной сторонѣ Дуная, переводилъ туда цѣлыя толпы народа изъ Ѳракіи и Македоніи. То были, безъ сомнѣнія, большею частію Славяне, — и Славяне уже крещеные. Крумъ предоставлялъ этимъ колоніямъ свободу христіанскаго вѣроисповѣданія. Христіанство, подавленное въ Мизіи Болгарскимъ завоеваніемъ, возникло опять въ Болгарскихъ предѣлахъ. Но сынъ Крума (Омортагъ), былъ несравненно болѣе жестокъ, говоритъ лѣтописецъ: видя, что народъ Болгарскій мало-по-малу переходитъ къ христіанству, воспламененный гнѣвомъ, онъ предалъ мученической смерти переведеннаго Крумомъ изъ Адріанополя, архіепископа Мануила: его разрубили пополамъ. Тогда же погибли мучениками Георгій епископъ Девелтскій (также сопутствовавшій, при Крумѣ, христіанскимъ переселенцамъ) и Петръ епископъ, съ 377-ю, Левъ и Іоаннъ, вожди (стратиги) христіанъ, Левъ епископъ Никейскій, Гавріилъ, Сіоній и Пародъ пресвитеры [1]).—Другихъ плѣнниковъ Омортагъ возвратилъ Грекамъ, при заключеніи договора; но сѣмена христіанства были брошены. — По одному сказанію, написанному въ XI вѣкѣ [2]), старшій

[1]) Объ этомъ гоненіи на христіанъ существуетъ и славянское сказаніе, въ Бѣлградскомъ синаксарѣ 1340 г., о которомъ было упомянуто выше (Ламанскаго о Слав. рукописяхъ. Зап. Акад. т. VI, 109). Въ этомъ сказаніи, гоненіе какъ будто приписывается самому Круму, что однако противорѣчитъ положительному свидѣтельству Византійцевъ. Кромѣ того, въ немъ названъ другой Болгарскій князь, *Цокъ*, также гонитель христіанъ, о которомъ мы не имѣемъ другихъ извѣстій. Вотъ это сказаніе:

„Вь тьжде день (22 Января) страсть святых Маноуила, Геѡргиꙗ, Льва и иже с ним ѿ безбожных Бльгарь избиенных въ царство Льва Арменьскаго. Вь царство Льва иже ѿ Армениѫ Крѫгомь Бльгарьскимь кнѧзь (sic) сь людьми многыми, шьдъ вь ѡдринь град Фрѫжьскы (въ другомъ спискѣ Прачьскии, т. е. Ѳрачьски) и приѫть оуставь брани и сь градомь жт Маноуила епископа и рѫцѣ ѿсѣкошѧ емоу ѿ плещоу прьвѣе, посемь мечемь расѣчень и звѣремь повръжень вь снѣдь и грѣха ради ѡслъпе, възненавидѣнь быст ѿ людеи своихь и ѿ нихь оудавлень быст ѫжемь. Приемъ же власть бл (sic) бльгарьскѫѫ Цокь безбожныи и собра всѧ христиꙗны и жть ѫ, воеводы, попы и дꙗконы и простцѧ, понѫди ихъ ѿврьщисѧ христиꙗньства, не оубо бѣшѧ Бльгаре христиꙗне, и не повинѫвшемсѧ, ѡвы оусѣкнѫшѧ ѡвы же различно мѫчивь и не милостиво оубиени бышѧ. Тѣхь молитвами Боже помилоуи".

[2]) Житіе 15 мучениковъ, что въ Тиверіополѣ или Струмицѣ, написанное Ѳеофилактомъ, архіепископомъ Болгарскимъ. „См. Славянскій Сборникъ" Савельева-Ростиславича, гдѣ помѣщено извлеченіе изъ этого житія, стр. 47—53. Въ сокращенной редакціи это житіе напечатано въ Мосхопольскомъ собраніи „Послѣдованій" 1742 года. Въ

сынъ самого Омортага, Навротъ, называвшійся другимъ именемъ Воинъ, былъ тронутъ однимъ изъ Адріанопольскихъ плѣнныхъ, Кинамономъ, претерпѣвшимъ жестокія мученія отъ Омортага; привязавшись къ Кинамону, онъ узналъ отъ него ученіе Христово и принялъ крещеніе. За это ему отрубилъ голову его младшій братъ, который наслѣдовалъ престолъ Омортага, Маломіръ. Быть можетъ этотъ Маломіръ былъ тотъ самый, котораго Византійскіе лѣтописцы называютъ Пресямомъ, ибо у Болгаръ существовалъ, какъ кажется, обычай присоединять къ болгарскому имени славянское. То же сказаніе прибавляетъ, что Маломіръ княжилъ три года и что послѣ его смерти престолъ перешелъ къ его племяннику Борису, сыну втораго брата Омортагова Звинича [1]).

Этотъ Богорисъ или Борисъ, носившій также славянское имя Радивоя, сталъ уже внимать Ѳеодору Куфарѣ, находившемуся въ плѣну у Болгаръ, а потомъ, когда императрица Ѳеодора, стараясь объ освобожденіи Куфары, для обмѣна возвратила въ Болгарію (844 г.) Борисову сестру, которая когда-то, ребенкомъ, попала въ руки Грековъ, воспитана была при дворѣ въ Цареградѣ и тамъ просвѣтилась христіанствомъ и выучилась грамотѣ, — это вліяніе еще болѣе усилилось.

Въ Болгаріи царствованіе Бориса-язычника было вообще несчастливо: онъ хотѣлъ отомстить Сербамъ (ими правилъ тогда сынъ Властиміра, Мунтиміръ), за неудачу своего отца Пресяма, но походъ кончился опять пораженіемъ; Борисъ долженъ былъ просить мира [2]); войны его съ Греками (843 — 852), впрочемъ незначительныя, были также безславны; попытка дѣйствовать въ союзѣ съ Паннонскими Славянами противъ Франковъ (853 г.) не имѣла успѣха. Наконецъ, въ 859 году, Болгарію посѣтилъ страшный голодъ и моръ; народъ погибалъ; Борисъ не зналъ, что дѣлать, а въ то же время Греки, видя его положеніе, стали грозить войною.—Безпрерывныя бѣдствія не могли не дѣйствовать сильно на Бориса, не казаться Божіею карою, ниспосланною малодушному, который видѣлъ истину и не имѣлъ рѣ-

этомъ послѣднемъ имена трехъ братьевъ Болгарскихъ князей, пишутся: Ναβροτᾶς, Ζβινίτζη, Μαλζμηρος, Крумъ названъ Ροῦμος.

[1]) По Константину Багрянородному, Борисъ былъ сынъ Пресяма.

[2]) Положеніе Бориса, растерявшаго въ Сербіи свое войско, было такъ затруднительно, что, заключивъ миръ, онъ просилъ двухъ сыновей Мунтиміровыхъ, Борена и Стефана, провожать его до границы, до Расы (нынѣ Новый Пазаръ, на р. Рашкѣ: вотъ какъ далеко на западъ простиралась Болгарія); тутъ они разстались друзьями. Борисъ далъ Сербскимъ князьямъ богатые дары, „а они поднесли ему, говоритъ Константинъ Багрянородный, какъ гостинецъ (χάριν ξενίων), двухъ рабовъ, двухъ соколовъ, двухъ собакъ и 90 шкуръ: что у Болгаръ служитъ знакомъ договора (ὅπερ λέγουσιν οἱ Βούλγαροι εἶναι πάκτον)“.

шимости признать ее; убѣжденный сестрою,—и здѣсь благочестивая женщина приготовляетъ пути къ христіанству: имя ея забыто,— убѣжденной сестрою, онъ помолился Богу христіанъ, и народное бѣдствіе облегчилось, Болгарія ожила; Борисъ увѣровалъ. — Наставникомъ его въ христіанской вѣрѣ былъ монахъ Меѳодій: такъ показываютъ единогласно памятники греческіе и славянскіе, и послѣдніе свидѣтельствуютъ, что Меѳодій этотъ былъ именно великій Солунскій учитель, братъ Кирилла. Отказавшись отъ начальства надъ Славянскою областью, онъ постригся въ монахи на Олимпѣ, и за тѣмъ работалъ надъ переводомъ Св. Писанія. Когда готовилась къ принятію слова Божія самая могущественная и ближайшая держава Славянская, возможно ли, чтобы тотъ человѣкъ, который на славянскомъ языкѣ возвѣщалъ и писалъ слово Божіе, остался въ сторонѣ? По греческимъ лѣтописцамъ, Борисъ самъ, еще до своего крещенія, призвалъ къ себѣ Меѳодія. Борисъ, повѣствуютъ они, былъ страстный охотникъ, и велѣлъ Меѳодію украсить домикъ, гдѣ онъ часто останавливался во время ловли. Меѳодій же, вмѣсто звѣрей и птицъ, написалъ ему картину Страшнаго Суда, которая такъ поразила Бориса, что онъ рѣшился спасти свою душу отъ огня вѣчнаго. Посѣтилъ ли Болгарію и братъ Меѳодія, Константинъ (Кириллъ), объ этомъ нѣтъ вѣрнаго извѣстія, но иначе быть не могло, ибо въ 863 г. Кириллъ прибылъ въ Великую Моравію, куда ему была одна дорога черезъ Болгарію, а въ тѣ времена ѣздили не скоро, и люди, каковъ былъ Кириллъ, путешествуя, проповѣдывали. Во всякомъ случаѣ, основаніе христіанства въ Болгаріи было дѣломъ Славянскихъ просвѣтителей, первымъ торжествомъ славянскаго просвѣщенія: какъ сказано въ древнихъ житіяхъ, Меѳодій нарекъ Бориса Болгарскаго своимъ духовнымъ чадомъ, Меѳодій былъ наставникомъ Болгарскаго народа въ богопочитаніи и православной вѣрѣ.

Но чтобы совершить надъ Болгарскимъ государемъ самый обрядъ крещенія, могло казаться нужнымъ высшее въ іерархіи лицо, нежели простой монахъ. Борисъ вошелъ въ сношеніе съ Византійскимъ императоромъ Михаиломъ, объявилъ о своемъ желаніи принять христіанскую вѣру и заключилъ съ Греками вѣчный миръ и союзъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ (онъ выговорилъ себѣ уступку пустынной въ то время, но чрезвычайно важной въ стратегическомъ отношеніи области Загорья [1]). Изъ Константинополя отправился въ Бол-

---

[1]) Южный скатъ Балкановъ, отъ нынѣшняго г. Сливно до Бургаса. Эта уступка Грекамн цѣлой области доказываетъ, что Борисъ не изъ страха передъ ними принялъ христіанскую вѣру, какъ хвастаютъ Византійскіе лѣтописцы и какъ, заимствуя изъ нихъ, говоритъ Несторъ.

гарію епископъ — по другому извѣстію, архіепископъ — св. Іосифъ [1]), крестилъ Бориса и нарекъ Михаиломъ. — Сподобившись, Божіею благодатью, принять христіанскую вѣру, такъ писалъ потомъ самъ Борисъ [2]), онъ велѣлъ всему своему народу креститься. Болгаре же (именно, по другому свидѣтельству, вельможи, *былы* или бояре), когда ихъ окрестили, всѣ единодушно на него возстали съ великимъ свирѣпствомъ, твердили, что онъ далъ имъ дурной законъ, хотѣли убить его самого и возвести другаго на престолъ; но онъ снарядился противъ нихъ войною, побѣдилъ ихъ отъ мала до велика и захвативъ въ свою власть, предалъ мечу всѣхъ вельможъ и знатныхъ съ ихъ дѣтьми, а мелкихъ людей помиловалъ (865 г.). Такимъ образомъ побѣда христіанства въ Болгаріи была съ тѣмъ вмѣстѣ и торжествомъ государственной власти. Теперь-то христіанство окончательно утвердилось въ Болгаріи, народъ стремился къ крещенію, недоставало дѣлателей для обильной жатвы. Но Болгаріи суждено было тотчасъ послѣ крещенія войти въ споры, разрывавшіе тогда христіанскую церковь; новообращенный народъ Болгарскій, едва только услышавшій имя Христово, долженъ былъ видѣть святыню, колеблемою волненіемъ людскаго властолюбія. Воспользовавшись своимъ крещеніемъ, чтобы заключить вѣчный миръ съ Константинопольскимъ дворомъ и выговорить себѣ уступку значительной области, Борисъ обратился къ другой сторонѣ, къ Римскому папѣ Николаю I и Германскому королю Лудовику. Можетъ быть, онъ боялся, чтобы вліяніемъ греческаго духовенства Болгарія не пришла въ зависимость отъ Византіи. Онъ не могъ не знать о великомъ спорѣ, уже четыре года длившемся между Греческою и Римскою церквами, по поводу возведенія Фотія на патріаршество. Съ богатымъ посольствомъ отправилъ онъ въ Римъ, между другими дарами св. Петру, броню, въ которой сражался противъ возмутившихся приверженцевъ язычества; онъ жаловался, что въ Болгаріи крестятъ и проповѣдуютъ разногласно Греки, Армяне и др., что какой-то священникъ-самозванецъ изъ Грековъ крестилъ много народу, что даже Жиды являлись проповѣдниками въ Болгаріи, и просилъ у папы вѣроучителей, наставленій, книгъ. Льстя его притязаніямъ на верховную власть надъ всею церковью, Борисъ упрашивалъ его возвесть Болгарію на степень отдѣльнаго патріархата: знакъ, что его цѣль была освободиться отъ духовнаго преобладанія Византіи. Папа несказанно обрадовался, что цѣлый народъ, столь

---

[1]) См. выписку изъ древняго Пролога, приведенную г. Палаузовымъ (Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, 23).

[2]) Въ вопросахъ папѣ Николаю I, см. Responsa ad Consulta Bulgarorum, ст. 17. — Вѣсть объ этой побѣдѣ, украшенная разными чудесами, разнеслась по всей Европѣ; см. Hincmari Remensis annal. a. 866.

близкій къ Греческой столицѣ и для нея столь опасный, такъ неожиданно къ нему переходилъ. Въ Болгарахъ онъ видѣлъ вѣрнѣйшее орудіе непосредственно дѣйствовать на Константинополь, и тотчасъ послалъ (866 г.) къ Борису двухъ епископовъ, съ книгами и подробнымъ наставленіемъ въ отвѣтъ на вопросы, предложенные ему Болгарами [1]).

Послы Николая, епископы Павелъ и Формозъ, были приняты въ Болгаріи съ великою честью, пріобрѣли расположеніе Бориса и довершили крещеніе Болгаръ. Славянскихъ проповѣдниковъ тамъ уже не было: прошло слишкомъ три года, какъ Кириллъ и Меѳодій отправились въ Моравію; они, очевидно, не имѣли возможности, въ краткое свое пребываніе у Болгаръ, образовать для нихъ пастырей изъ числа своихъ учениковъ. Не было ли удаленіе родныхъ наставниковъ началомъ того духовнаго неустройства въ Болгаріи, на которое Борисъ такъ жаловался? Во всякомъ случаѣ, римскіе епископы не нашли себѣ соперниковъ при его дворѣ. Они побудили его выгнать изъ Болгаріи всѣхъ проповѣдниковъ за исключеніемъ римскихъ, стали повторять мvропомазаніе, совершенное не римскими священниками, вводить обычаи Римской церкви и символъ вѣры съ прибавленіемъ *filioque*. Отказываясь отъ надежды добиться Болгарскаго патріархата, Борисъ сталъ просить у папы по крайней мѣрѣ архіепископа: Николай не далъ архіепископа, но послалъ (867 г.) новыхъ проповѣдниковъ съ епископомъ Гримоальдомъ; одинъ изъ нихъ долженствовалъ быть выбранъ Борисомъ въ архіепископы и пріѣхать въ Римъ для посвященія. Между тѣмъ все болѣе и болѣе усиливался споръ между Николаемъ и Фотіемъ. Фотій, въ посланіи къ восточнымъ патріархамъ, обличалъ неправильное ученіе и злоупотребленія Римлянъ въ Болгаріи; императоры Михаилъ и Василій обратились къ самому Борису съ представленіями о томъ же предметѣ; Борисъ переслалъ ихъ письмо къ папѣ, который тотчасъ же окружнымъ посланіемъ торжественно вызвалъ къ опроверженію онаго все духовенство Западной церкви; что̀ еще болѣе раздражило полемику. Вскорѣ (867 г., сент. 23-го) императоръ Михаилъ былъ убитъ, Василій сталъ царствовать одинъ и, свергнувъ Фотія, возвратилъ Игнатію патріаршество. Папа считалъ себя побѣдителемъ; но власть его, видно, тяжела показалась Болгарамъ. Борисъ желалъ имѣть у себя архіепископомъ Формоза, и даже клялся, что доставитъ ему это назначеніе; папа же нарочно удалилъ Формоза изъ Болгаріи (онъ былъ потомъ даже отставленъ и преданъ анаѳемѣ за стачку съ Борисомъ); кандидатами на архіепископство предложены были

---

[1]) Вопросы Болгаръ и отвѣты папы такъ важны во многихъ отношеніяхъ, что мы представляемъ читателю ихъ содержаніе въ приложеніи къ этой главѣ.

Болгарамъ Гримоальдъ и новое лицо Доминикъ. Должно быть, Болгаре не хотѣли ни того, ни другаго, и умоляли (importunissime deprecantes) о возвращеніи Формоза или по крайней мѣрѣ о назначеніи имъ пастыремъ Римскаго діакона Марина [1]). Но папа (Адріанъ II) снова не согласился, долго продержалъ въ Римѣ болгарскаго посла Петра, сродника Борисова, и наконецъ, противъ желанія Бориса, отправилъ къ нему на выборъ двухъ новыхъ кандидатовъ [2]). По приказанію Бориса, Петръ, воротившись изъ Рима, тотчасъ поѣхалъ въ Константинополь, на соборъ, созванный (869 г.) для рѣшенія спорныхъ дѣлъ церкви и гдѣ, подлѣ императоровъ Василія и Константина, патріарховъ и ихъ представителей и сената, сидѣли съ одной стороны послы Лудовика, императора Франковъ, съ другой, «знаменитые бояре [3]) Михаила, возвышеннѣйшаго и свѣтлѣйшаго повелителя Болгаріи». Соборъ былъ оконченъ, опредѣленія подписаны (870, февр. 28-го). Вдругъ императоръ Василій призываетъ Игнатія и представителей прочихъ патріарховъ, выслушать письмо, присланное Болгарскимъ государемъ, и его посла Петра. Петръ входитъ и, поклонившись, говоритъ: «Господинъ Михаилъ, князь Болгарскій, радуется, что вы для пользы св. Божіей церкви собрались изъ разныхъ странъ, по желанію апостольскаго престола, и благодаритъ васъ, пословъ сего престола, удостоившихъ проѣздомъ его посѣтить». «Мы не могли проѣхать, не навѣстивъ чадъ св. Римской церкви», отвѣчаютъ послы. — «Доселѣ мы были язычниками, продолжаетъ Петръ, и недавно только пріобщились къ благодати Христовой. Посему, чтобы не могло быть для насъ заблужденія, мы желаемъ знать отъ васъ, представителей великихъ патріарховъ, къ какой церкви мы принадлежимъ». Можно вообразить изумленіе Римскихъ пословъ отъ такого вопроса. «Къ св. Римской церкви, очевидно, говорятъ они, которой чрезъ тебя же, Петръ, подчинился твой государь со всѣмъ своимъ народомъ, и отъ которой вы просили и получили духовныхъ наставниковъ». Петръ: «Правду вы говорите, что мы отъ св. Римской церкви просили, получили и донынѣ имѣемъ священниковъ; но рѣшите съ сими представителями патріарховъ, къ какой церкви мы разумно должны принадлежать, къ Римской или

---

[1]) Онъ былъ въ послѣдствіи папою.

[2]) Сильвестра и Анконскаго епископа Леонарда.

[3]) Въ греческомъ текстѣ ἄρχοντες, въ латинскомъ judices. Искаженныя до совершенной непонятности имена и титулы этихъ бояръ слѣдующимъ образомъ записаны въ латинскомъ актѣ Константинопольскаго собора: Stasizerco borlas neesundicus vagantur il vestrannatabare præstit zisunas campsis, et Alexius Sampsi Hunno. Одно изъ папскихъ посланій надписано: Petro, Cerbulæ et Sundico, совѣтникамъ Болгарскаго государя.

Константинопольской?» Римляне протестуютъ противъ самаго вопроса. Представители восточныхъ патріарховъ спрашиваютъ: «Когда вы заняли страну, которою нынѣ владѣете, кому она была подчинена и какихъ священниковъ имѣла?» Петръ: «Мы добыли ее оружіемъ отъ Грековъ и нашли въ ней греческихъ священниковъ».—«Стало быть, страна ваша была и должна быть подчинена Константинопольской митрополіи». Долгій споръ съ Римлянами, которые ссылаются на то, что въ древнѣйшее время Эпиръ, Ѳессалія и Дарданія, «что̀ нынѣ Болгарія», принадлежали Римской митрополіи: «но апостольскій престолъ, говорятъ они, не избралъ васъ въ судьи своего дѣла, и не избираетъ теперь черезъ насъ, ибо онъ судитъ одинъ всей церкви». Возраженіе восточныхъ патріарховъ не записано папскимъ библіотекаремъ, сохранившимъ это преніе; но споръ кончается ихъ приговоромъ: «Присуждаемъ, чтобы земля Болгарская, которая въ старину находилась подъ властію Грековъ и имѣла греческихъ священниковъ, отторгнутая отъ св. Константинопольской церкви язычествомъ, нынѣ возвращена была ей черезъ христіанство». Римляне протестуютъ.

Такимъ образомъ, 3-го марта 870 г., Болгарія возсоединилась съ Восточною церковью. Борисъ принялъ рѣшеніе патріарховъ и архіепископа Ѳеофилакта, котораго послалъ ему Игнатій. Папскій легатъ, Гримоальдъ, склоненный деньгами, добровольно оставилъ Болгарію. Непрестанные протесты папъ, Адріана II и Іоанна VIII, угрозы греческому духовенству въ Болгаріи и отлученіе, надъ нимъ произнесенное, безчисленныя посланія и жалобы императору Василію, Игнатію, Борису, Болгарскимъ вельможамъ, не имѣли никакого дѣйствія. Разорвавъ связь съ Римомъ, Борисъ сблизился съ Константинополемъ болѣе чѣмъ когда нибудь прежде, и болѣе чѣмъ его предшественники; слабый и нерѣшительный въ язычествѣ, онъ и въ христіанствѣ слѣдуетъ той же колеблющейся политикѣ, склоняется то на ту, то на другую сторону. Онъ послалъ своего сына Симеона въ Царьградъ для образованія: «Симеона этого, говоритъ итальянскій лѣтописецъ, называли *hemiargon*, т. е. полу-Грекомъ, потому что онъ съ отрочества учился въ Византіи риторикѣ (т. е. краснорѣчію) Демосѳена и силлогизмамъ (т. е. логикѣ) Аристотеля».—Греки съ своей стороны льстили Болгарамъ разными почестями: императоръ назвалъ Бориса своимъ духовнымъ сыномъ, архіепископъ Болгарскій получилъ въ придворныхъ торжествахъ первое мѣсто послѣ патріарха Цареградскаго. Духовная жизнь въ Болгаріи росла: кромѣ Ѳеофилакта, которому, кажется, ввѣрена была восточная часть Борисова государства, западная часть, около обѣихъ Моравъ, получила своего архіепископа, Агаѳона, который поставилъ епископа въ Бѣлградѣ (тогда Болгарскомъ городѣ), именно Сергія, Славянина. Съ удале-

піемъ римскаго духовенства, славянское богослуженіе, безъ сомнѣнія, возникло опять въ Болгаріи: по крайней мѣрѣ когда, черезъ нѣсколько лѣтъ (885 г.), воздвигнуто было въ Великой Моравіи гоненіе на славянскихъ проповѣдниковъ, на учениковъ Кирилла и Меѳодія. Болгарія радостно ихъ встрѣтила, и приняла ихъ не изгнанниками, а наставниками, вручила имъ управленіе своей церкви. Но церковное неустройство, раздиравшее Болгарію при самомъ вступленіи ея въ христіанскую жизнь, не прошло безслѣдно. Народъ, только что увѣровавшій во Христа, не могъ не испытывать соблазна при видѣ двухъ церквей, оспаривавшихъ его другъ у друга. Почва была готова для ученія, отвергавшаго одинаково и греческое православіе и латинскій католицизмъ. Вмѣстѣ съ проповѣдниками греческими и латинскими пришли къ Болгарамъ учители изъ Арменіи. Но это не были, какъ видно, проповѣдники господствовавшей Армянской, почти тождественной съ православною, церкви, а дуалистической ереси, извѣстной подъ именемъ Павликіанской, преемницы Манихейскаго ученія. Средоточіемъ ея была въ IX вѣкѣ Арменія. Есть свидѣтельство, что еще въ 868 г. Армянскіе Павликіане отправляли проповѣдниковъ въ Болгарію [1]). Это извѣстіе сообщаетъ ѣздившій въ то время посломъ отъ императора Василія Македонянина въ Армянскій городъ Тибрику, населенный Павликіанами, монахъ Петръ Сицилійскій. Тамъ онъ имѣлъ случай изучить вѣрованія Павликіанъ и воротившись, написалъ ихъ опроверженіе; сочиненіе свое онъ предназначилъ *для архіепископа Болгарскаго* [2]), очевидно съ тою цѣлію, чтобы дать пастырю Болгарской церкви средство вникнуть въ сущность ереси и противодѣйствовать ей. Видно, манихейское ученіе угрожало уже въ Болгаріи православію. Это показываетъ, какъ велики и быстры были успѣхи проповѣдниковъ ереси. Вѣроятно, она и прежде уже не чужда была задунайскимъ Славянамъ. Дѣйствительно, по свидѣтельству того же монаха Петра и его современника, знаменитаго патріарха Фотія [3]), Павликіане имѣли въ то время свои *церкви* (ἐκκλησίας), т. е. устроенныя религіозныя общества, въ Македоніи (именно въ Колоніи [4]), въ какомъ-то городѣ Кивосѣ), въ Филиппахъ и въ Ахаѣ. Здѣсь они,

---

[1]) Petri Siculi historia (изд. Матоея Радера. Ingolstadt 1604): Tibricæ igitur legationis obeundæ caussa apud Paulicianos diu moratus, sæpe disputando cum illis sum congressus, illorumque arcana omnia per catholicos etiam ibi degentes curiose investigavi atque ab ipsismet impiis et delirantibus cognovi, quod e suo conciliabulo missuri essent, qui in Bulgaria quoscunque possent a catholica religione ad suam exsecratam et nefariam sectam averterent.

[2]) Заглавіе слѣдующее: Τοῦ Πέτρου Σικελιώτου ἱστορία περὶ τῆς αἱρέσεως τῶν Μανιχαίων, νῦν καὶ Παυλικιανῶν λεγομένων, προσωποποιηθεῖσα ὡς πρὸς ἀρχιεπίσκοπον Βουλγαρίας.

[3]) См. „Appendix" къ „Petri Siculi, hist. Manich." ed. Gieseler, стр. 62.

[4]) Колонія—край западной Македоніи, на югъ отъ Охридскаго озера.

конечно, дѣйствовали на славянское народонаселеніе, еще языческое, и отсюда, особенно изъ Македоніи, могли распространиться по всѣмъ Болгарскимъ краямъ, коль скоро Болгарія открылась христіанству. Такимъ образомъ, посланные изъ Арменіи проповѣдники нашли въ Болгаріи страну, приготовленную къ принятію ихъ ученія. Уже при преемникѣ Бориса, Симеонѣ (888—927) дуалистическая ересь являлась въ Болгаріи опаснѣйшимъ врагомъ православія [1]).

Въ то самое время, какъ Болгаре возвратились къ Восточной церкви, вдругъ и сосѣди ихъ, Славяне Иллирійскіе, Сербы и Хорваты, покидая Римъ, устремились къ той церкви, которая призывала Славянское племя къ самобытному просвѣщенію.

Въ продолженіе VIII и первой половины IX вѣка вліяніе Грековъ на берегахъ Адріатики совершенно почти исчезло: не только земли Сербовъ и Хорватовъ перестали считаться зависимыми отъ Византіи, но и римскіе города въ Далмаціи совсѣмъ, казалось, забыли о правахъ и власти кесарей. Между тѣмъ приближались къ нимъ грозные, невиданные въ этихъ краяхъ, враги. Арабы, властвовавшіе въ Африкѣ, необыкновенно усилились въ IX вѣкѣ. Они утвердились въ Сициліи, дѣлали неоднократныя высадки въ Италіи, въ 867 году на 36 корабляхъ явились въ Далмаціи, взяли нѣсколько приморскихъ городовъ и осадили Дубровникъ, Которъ и Будву. 15 мѣсяцевъ длилась осада Дубровника. Ему пришлось обратиться за помощью къ прежнимъ своимъ государямъ. Императоръ Василій прислалъ на выручку греческій флотъ. Арабы отплыли отъ Дубровника, но бросились на Италію и овладѣли городомъ Баромъ съ окрестностью. Тогда Василій, снесшись съ Западнымъ императоромъ Лудовикомъ, послалъ свои войска на соединеніе съ Франкскими. Освобожденіе Дубровника дало ему такое

---

[1]) Значеніе, какое Манихейство имѣло въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ, видно изъ словъ его современника Іоанна Экзарха: „да ся срамляютъ убо вси помибени и скверніи Манихеи и вси погани Словени и вси языци зловѣрніи.“ (Палаузовъ, Вѣкъ Болг. царя Симеона, 92). Стало быть, уже въ то время между противниками церкви въ Болгаріи Манихеи стояли въ первомъ ряду, а за ними только приверженцы языческой старины. О распространеніи дуалистической ереси при Симеонѣ и трудахъ св. Климента, архіепископа Охридскаго, для ея искорененія, говоритъ греческое житіе св. Іоанна-Владиміра; источникъ этотъ довольно недостовѣренъ, особенно въ хронологическомъ отношеніи, но все-таки слова его, будучи подкрѣплены свидѣтельствомъ Іоанна Экзарха, заслуживаютъ вниманія:... ὅταν ὁ σωτήριος λογος τῇ τῶν Μυσῶν (γῇ) ἐπεφάνη μὲ τὸ ἔνθεον κήρυγμα ἀπὸ τὸν ἁγιώτατον Κλήμεντα καὶ ἀπὸ τοὺς σὺν αὐτῷ θεοσόφους πατέρας ὁποῦ μὲ τὸ ἅγιον εὐαγγελιον τὴν Βουλγάρων γῆν περιετριγύρισαν εἰς τὸν ὁποῖον καιρὸν πρῶτος τῶν χριστιανῶν Βουλγάρων Βασιλεὺς ἐστάθη ὁ Συμεῶν, ὁ ὁποῖος μὲ μεγάλην προθυμίαν καὶ συνδρομὴν ἐκείνους τοὺς θεοσόφους πατέρας τότε ἐσπούδασε, συνεργὸς φανεὶς εἰς τὸ προκείμενον εἰς αὔξησιν τῆς ἀμωμήτου καὶ ὀρθοδόξου ἡμῶν πίστεως, καὶ εἰς ἀναίρεσιν τῆς αἱρέσεως τῶν Βογομίλων καὶ Μασσαλιανῶν, ὁποῦ ἦτον τότε εἰς ὅλην τὴν Βουλγαρίαν καὶ εἰς τὰ πέριξ ὅρια ταῦτα, ἐπάνω δὲ εἰς ὅλα περισσότερον ἐφάνη συνδρομεὺς τοῦ μακαριωτάτου ἁγίου Κλήμεντος, ὡσὰν ὁποῦ ἐκοιμήθησαν οἱ ἐπίλοιποι, καὶ τὴν ζωὴν ταύτην ἄφησαν, ὁ Κύριλλος λέγω καὶ ὁ Μεθοδιος.

значеніе во всей Иллирійской странѣ, что подъ его знамена стали отряды Хорватовъ, Сербовъ, Захлумцевъ, Травунцевъ, Конавлянъ [1]): Дубровчане перевезли ихъ въ Италію на своихъ судахъ. Арабы были разбиты, Баръ освобожденъ (868 г.).

Далматскіе города подчинились власти императора. Василій вмѣшался и въ дѣла Хорватовъ. Онъ помогъ Сдѣславу, изъ рода Терпимірова, овладѣть Хорватскимъ престоломъ и изгнать дѣтей прежняго князя Домогоя. Ему удалось также подружить Хорватовъ съ Далматскими городами, которые они прежде притѣсняли. «Перешедши въ Иллирикъ, Славяне, говоритъ Константинъ Багрянородный, заняли всѣ земли Далмаціи, а жители римскихъ городовъ стали воздѣлывать острова и этимъ добывали себѣ пропитаніе. Но какъ ихъ тамъ безпрестанно захватывали въ плѣнъ и били Неретчане или Погане [2]), то они начали покидать острова и старались найти себѣ земли на материкѣ: но Хорваты имъ не позволяли.... Наконецъ, не видя никакого средства къ существованію, они обратились къ императору: Василій разрѣшилъ имъ платить Славянамъ тѣ деньги, которыя они прежде обязаны были вносить стратигу (императорскому военачальнику) [3]), а ему доставлять лишь небольшую подать, въ знакъ зависимости». Условіе было выгодное для Иллирійскихъ Славянъ. И они съ своей стороны захотѣли сблизиться съ Византіей. Хорватскій князь Сдѣславъ съ своимъ народомъ присоединился къ Восточной церкви. Сербскія племена также отправили посольство къ Василію, и уже изъ Константинополя, не изъ Рима, какъ прежде, пригласили къ себѣ священниковъ, дабы часть народа утвердить въ христіанствѣ, а другую часть, еще языческую, окрестить. Тогда же, по увѣренію Константина Багрянороднаго, какъ Хорваты, такъ и Сербы съ Захлумцами, Травунцами, Конавлянами, Дуклянами, опять признали надъ собою верховную власть императора. Василій послалъ къ нимъ царскаго мужа съ священниками (я слѣдую разсказу историка-вѣнценосца), и окрещены были всѣ тѣ, которые еще не принадлежали къ церкви; когда совершено было крещеніе, посланецъ императорскій по-

---

[1]) См. выше, стр. 18 о Захлумцахъ, Травунцахъ, Конавлянахъ, приморскихъ вѣтвяхъ Сербскаго народа.

[2]) Сербская вѣтвь, о которой мы часто уже говорили, жившая на Адріатическомъ поморьѣ около р. Неретвы (Нарента) и отличавшаяся морскими разбоями и преданностью язычеству.

[3]) По словамъ Константина, изъ Далматскихъ городовъ Славянамъ платили: „Силѣтъ 200 золотыхъ монетъ (νομίσματα), Задръ 110, Трогиръ, Осоръ, Рабъ и Велья по 100, всего 710 νομίσματα, не считая винъ и разныхъ другихъ предметовъ, вносимыхъ сверхъ денегъ. Рагуза же (Дубровникъ) находится посреди двухъ областей, Захлумской и Травунской, и Рагузанцы имѣютъ въ обѣихъ свои виноградники, и платятъ Захлумскому князю 36 монетъ и Травунскому столько же“.

ставилъ (т. е. утвердилъ) имъ князей по ихъ собственному желанію и выбору. «Погане же, коихъ Римляне [1]) зовутъ Арентанами (Неретчане), скрытые въ своей недоступной, гористой странѣ, чуждались крещенія: *Погане* (Παγανοί) на славянскомъ языкѣ значитъ именно *некрещеные*. Наконецъ и они обратились къ тому же знаменитому императору (Василію), прося крещенія, и онъ послалъ ихъ окрестить».

Конечно, возрожденіе Греческой власти на Адріатикѣ, возстановляя связь Сербовъ и Хорватовъ съ Константинополемъ, могло сблизить ихъ и съ Восточною церковью. Можетъ быть, самъ Василій, Славянинъ родомъ [2]) и воспитанный между Славянами, въ плѣну у Болгаръ, при томъ же одинъ изъ дальновиднѣйшихъ и лучшихъ государей Византійскихъ, умѣлъ отчасти и личными качествами пріобрѣсти расположеніе Иллирійскихъ Славянъ. Но развѣ бы они рѣшились для Восточной церкви покинуть освященное временемъ и преданіями общеніе съ Римомъ, если бы церковь эта сама не возбуждала въ нихъ сочувствія, если бы Славянинъ не сознавалъ себя усыновленнымъ ею, если бы не было дѣла Кирилла и Меѳодія? И Неретчане, дотолѣ отъявленные враги христіанства, развѣ бы вдругъ вызвались сами съ такою охотою принять его, если бы оно не перестало казаться имъ религіею чужою, непонятною? Нѣтъ, присоединеніе Хорватовъ къ Восточной церкви, утвержденіе христіанства у Сербовъ, крещеніе Неретчанъ, не было уловкою Греческой политики, а слѣдствіемъ трудовъ Кирилла и Меѳодія. Сами они не ходили проповѣдывать къ Сербамъ, Хорватамъ и Неретчанамъ; но духъ ихъ присутствовалъ и дѣйствовалъ: гдѣ возвѣщается евангеліе славянскою рѣчью, тамъ и духъ Кирилла и Меѳодія. — Позднѣйшія же поколѣнія Сербовъ и Хорватовъ, не понимая, что сила жила въ самой мысли, осуществленной святыми братьями, независимо отъ личнаго ихъ дѣйствія, не могли повѣрить, чтобы не братья сами наставили ихъ народъ слову Божію. Быть можетъ, Кириллъ и Меѳодій, проѣздомъ изъ Моравской державы въ Римъ, и побывали у Хорватовъ: путь этотъ Кириллъ, какъ извѣстно, совершилъ разъ (онъ умеръ въ Римѣ), а Меѳодій четыре раза (два раза въ Римъ, и два раза обратно). Народное же повѣріе этимъ не довольствовалось: признательное къ дѣлу славянской проповѣди, оно приписало творцамъ ея все просвѣщеніе и благоустройство отечества, сосредоточило около Кирилла и Меѳодія и обращеніе Сербовъ и Хорватовъ въ христіанство, и при-

[1]) Т. е. Греки; у собственныхъ Римлянъ и Итальянцевъ они слыли Нарентанами.

[2]) У Арабскихъ писателей Василій Македонянинъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ „Basilious-al-Sсklabi“, т. е. Василій Славянинъ, см. Herbelot, Bibl. Orientale p. 776 (цитируемую Чертковымъ, Ѳрак. Плем. М. Азіи).

миреніе ихъ съ римскими городами (о чемъ мы только что привели свидѣтельство Константина Багрянороднаго), и все ихъ древнее законодательство. — Вотъ, въ сокращеніи, отрывокъ изъ такъ называемой лѣтописи Діоклейскаго (Дуклянскаго) пресвитера (XII вѣка), составленной, очевидно, по народнымъ преданіямъ Сербовъ и Хорватовъ:

«Въ городѣ Ѳессалоникѣ, какъ роза, расцвѣлъ нѣкій философъ, по имени Константинъ. Подвигнутый Духомъ святымъ, онъ отправился въ землю Хазарскую и окрестилъ Хазаръ; потомъ обратилъ въ христіанство народъ Болгарскій. Услыхавъ объ его подвигахъ, папа возжелалъ его видѣть и призвалъ въ Римъ. А Константинъ этотъ, святѣйшій мужъ, составилъ для славянской рѣчи письмена и переложилъ Евангеліе и Псалтырь и прочія священныя книги съ греческаго языка на славянскій. На пути въ Римъ, онъ посѣтилъ владѣнія Далматскаго князя Святополка. И началъ Константинъ, которому потомъ, при постриженіи, дано было имя Кирилла, проповѣдывать Евангеліе, и Святополкъ увѣровалъ и былъ окрещенъ со всѣмъ своимъ народомъ, и сдѣлался православнымъ; Константинъ же, утвердивъ его въ вѣрѣ, поѣхалъ въ Римъ. Была тогда великая радость, и христіане, употреблявшіе латинскій языкъ, сходя съ горъ, покидая свои убѣжища, восхваляли имя Божіе и получили отъ Святополка разрѣшеніе возвратиться на прежнія жилища, возобновить свои города. Тогда, по просьбѣ Святополка, папа и Греческій императоръ прислали къ нему епископовъ и мудрыхъ людей, и Святополкъ принялъ ихъ на полѣ Далменскомъ [1]) и созвалъ туда весь народъ свой; сошлись какъ тѣ, которые говорили по-латыни, такъ и тѣ, которыхъ рѣчь была славянская, и составился соборъ: 8 дней разсуждали о законѣ Божіемъ, о Св. Писаніи и о состояніи церкви, 4 дня о власти князя, о банахъ, жупанахъ и сотникахъ и о состояніи государства. Установили епархіи и границы ихъ [2])........ Раздѣлили землю Хорватскую и Сербскую каждую на 2 области. Въ каждой области Святополкъ поставилъ бана (banum id est ducem) изъ своихъ братьевъ, а также жупановъ (supanos id est comites) и сотниковъ (sednicos, id est centuriones) изъ знатнѣйшихъ людей области: банъ имѣлъ подъ своимъ началомъ семь сотниковъ, которые должны были судить народъ по правдѣ, сбирали подати и вручали ихъ бану, банъ же половину платилъ государю, а половину оставлялъ себѣ; у жупана былъ одинъ сотникъ, который подобнымъ образомъ долженъ

---

[1]) Далменское поле, въ древности Dalminium, нынѣ Дувно или Думно-поле, лежитъ въ Герцеговинѣ.

[2]) Слѣдуетъ длинное ихъ исчисленіе.

ствовалъ, совокупно съ нимъ, судить народъ по правдѣ и сбирать подати, изъ коихъ двѣ трети шли государю, одна треть жупану. Жупаны же не зависѣли отъ бановъ и отвѣтствовали предъ однимъ государемъ. Кромѣ того были тогда же установлены многіе законы и благія правила: кто хочетъ ихъ узнать, пусть прочтетъ книгу Славянъ, называемую *Methodius*».

Конечно, Дувненскій соборъ и Святополкъ, государь Хорватовъ и Сербовъ [1]), принадлежатъ къ области баснословія, а взаимныя отношенія *бановъ, жупановъ* и *сотниковъ,* если въ сущности и вѣрны, то требуютъ еще критическаго изслѣдованія: но этотъ разсказъ служитъ свидѣтельствомъ, какъ, въ сознаніи Сербскаго и Хорватскаго народа, весь его порядокъ, церковный и гражданскій, пошелъ отъ св. Кирилла.

Сербы и Хорваты приняты были въ общеніе Восточной церкви: къ ней приступила, не надолго, и вся Далматская церковь, употреблявшая латинскій языкъ. Мы не знаемъ, при жизни ли еще Сплѣтскаго архіепископа Георгія, или тотчасъ послѣ его смерти, въ 878 г. [2]), и по какому побужденію, духовенство и народъ римскихъ городовъ Далмаціи отрѣшились отъ подчиненія папѣ; они вошли въ связь съ Аквилейскимъ патріархомъ Валпертомъ, ревностнымъ поборникомъ ученія Восточной церкви, и вѣроятно также съ Фотіемъ. Папа обратился къ Далматинцамъ съ строгимъ увѣщаніемъ, требуя, подъ угрозою анаѳемы, чтобы они возсоединились съ Римомъ и обѣщая свое покровительство, если бы они колебались въ послушаніи ему «изъ опасенія Грековъ или Славянъ»: знакъ, что Иллирійскіе Славяне были тогда приверженцами и защитниками Восточной церкви. Посланіе папы надписано: «Виталію, епископу Задрскому, Доминику, епископу

---

[1]) Въ этомъ преданіи Сербы и Хорваты усвоили себѣ знаменитаго Святополка, короля Великой Моравіи, о которомъ см. ниже гл. V-ую.

[2]) Вопреки общепринятому мнѣнію, мы полагаемъ, что присоединеніе Далматскихъ городовъ къ Восточной церкви совершилось не ранѣе конца 878 или въ началѣ 879 г., т. е. нѣсколько лѣтъ послѣ присоединенія Хорватовъ; невозможно, намъ кажется, чтобы оно имѣло мѣсто во время патріаршества Игнатія (ум. 878), столь ревностно старавшагося о сохраненіи согласія съ Римомъ: если онъ и рѣшился принять въ свое вѣдѣніе Болгарію, на которую явны были права Константинопольской митрополіи, и Сербовъ съ Хорватами, которые еще нуждались въ пастыряхъ и просили ихъ изъ Константинополя, то конечно не захотѣлъ бы лишить Римскую церковь старинной ея епархіи, латинской по происхожденію и языку; при томъ во множествѣ писемъ папъ къ Игнатію, гдѣ безпрестанно повторяются жалобы на счетъ Болгаріи, о Далмаціи не говорится ни слова. При Фотіи отношенія были другія: Фотій возсталъ рѣшительно противъ Рима и его властолюбивыхъ замысловъ. Но, во всякомъ случаѣ, Далмація не долго находилась въ разрывѣ съ Римомъ; иначе осталось бы отъ этого разрыва болѣе слѣдовъ, нежели одно посланіе Папы Іоанна VIII, 879 года: вѣроятно разрывъ продолжался около двухъ лѣтъ, отъ смерти архіепископа Георгія (878 г.) до кончины его преемника Марина (880 г.).

Осорскому и прочимъ епископамъ Далматскимъ, Іоанну архипресвитеру Солинской митрополіи [1]) и всѣмъ священникамъ и старшинамъ народа въ Сплѣтѣ, Задрѣ и прочихъ городахъ». Сначала Далматинцы не повиновались: новый архіепископъ ихъ Маринъ принялъ посвященіе отъ Валперта; но вскорѣ потомъ они все-таки возвратились къ Риму: происхожденіе, языкъ и преданія слишкомъ тѣсно связывали ихъ съ Италіею, такъ что они не могли долго противиться ея вліянію. Они ли дѣйствовали на Хорватовъ, или сами послѣдовали за ними, но и Хорваты около этого времени (879 г.) также опять отошли къ Западной церкви. Ихъ князь Сдѣславъ былъ убитъ Бранимiромъ, который, воцарившись, отправилъ посольство къ папѣ съ изъявленіемъ покорности и просьбою принять его съ народомъ Хорватскимъ въ лоно Римской церкви: «Мы отверзаемъ тебѣ объятья, писалъ ему въ отвѣтъ Іоаннъ VIII; мы въ день Вознесенія Господня, подъемля руки къ небу, надъ алтаремъ св. Петра Апостола, благословили тебя и народъ твой и всю твою землю» (879 г.).

Но еще усердно хранили Хорваты славянское богослуженіе и писаніе: наслѣдіе Кирилла у нихъ укоренялось и множилось. Они были столь близки къ Восточной церкви, что и въ концѣ IX вѣка Хорватія, вмѣстѣ съ Сербіею, стоявшею рѣшительно на сторонѣ православія, вносилась въ списокъ епархій, зависящихъ отъ Константинопольскаго патріарха. Папа Іоаннъ VIII называлъ Бранимiрова преемника, Мунтиміра [2]), приверженцемъ Грековъ и даже, чтобы отклонить его отъ Константинополя, уговаривалъ «возвратиться къ пастырскимъ попеченіямъ Паннонскаго (Моравскаго) епископа Меѳодія», который, ревностно проповѣдуя ученіе православія, признавалъ себя однако, въ качествѣ епископа Моравскаго, подчиненнымъ Римскому патріархату, и дѣятельность котораго Римскій дворъ въ началѣ иногда благословлялъ. Направленіе славянское, Восточное, упорно боролось у Хорватовъ съ латинствомъ; мы увидимъ побѣду послѣдняго, на Сплѣтскомъ соборѣ 925 г.

---

[1]) Архіепископа Солинской (Сплѣтской) митрополіи тогда не было.

[2]) Содержаніе письма Іоанна VIII къ Мунтиміру сообщаетъ Копитаръ (Glag. Cl. LXXVIII); онъ относитъ его къ 874 г.; Шафарикъ, упоминающій также объ этомъ письмѣ, признаетъ Мунтиміра преемникомъ Бранимiра, который жилъ въ 879 г.; отъ Мунтиміра же сохранилась грамота 892 г. (Farlati, III, 82). Годъ, означенный Копитаромъ, былъ бы поэтому невѣренъ; но какъ ни Копитаръ, ни Шафарикъ не приводятъ источника, откуда они почерпнули письмо папы къ Мунтиміру, и какъ мы его не находимъ въ Гардуиновомъ собраніи, то не имѣемъ возможности повѣрить Копитарова показанія.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ IV.

Вопросы, предложенные Болгарами Римскому папѣ Николаю I и отвѣты папы (866 г.) [1].

Памятникъ этотъ представляетъ столько любопытныхъ указаній на бытъ, нравы и понятія древнихъ Болгаръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ хорошо рисуетъ политику въ отношеніи къ нимъ Римскаго двора, съ которымъ государи Болгарскіе безпрестанно искали союза, что мы считаемъ полезнымъ познакомить съ нимъ читателя. Мы по возможности сократили вопросы и отвѣты (въ подлинникѣ отвѣтное посланіе, которое одно дошло до насъ, занимаетъ 32 столбца мелкой печати in folio); при этомъ однако мы старались въ точности придерживаться не только смысла, но и словъ подлинника. Для краткости и ясности намъ показалось удобнымъ отдѣлить вопросы Болгаръ отъ папскихъ отвѣтовъ: это было очень легко, потому что папа всякій разъ почти приводитъ цѣликомъ сдѣланный ему вопросъ (обыкновенно онъ начинаетъ словами: «вы спрашиваете», или «вы желаете знать» (то-то и то-то) и за тѣмъ пишетъ отвѣтъ. Онъ сохранилъ порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ, въ которомъ вопросы были ему предложены; но въ такомъ видѣ читатель нашелъ бы ихъ столь сбивчивыми, что мы почли за нужное собрать ихъ въ нѣсколько группъ, по сродству содержанія; выставленное при каждой статьѣ число означаетъ ея мѣсто въ подлинникѣ. Мы пропустили только тѣ статьи, которыя не представляютъ исторической важности [2].

«На ваши вопросы (такъ начинаетъ папа свое отвѣтное посланіе къ Болгарамъ) не многое нужно будетъ отвѣчать: съ Божіею помощью, мы не только посылаемъ вамъ книги Закона Божія, но и назначили въ вашу страну, къ славному королю вашему, возлюбленному нашему сыну, достойныхъ пословъ, которые васъ наставятъ, и снабдили ихъ нужными имъ для того книгами».

(Вопросъ Болгаръ). Государь нашъ желаетъ знать христіанскій законъ и проситъ изложить ему оный. *(Отвѣтъ папы).* Желаніе прекрасное: но чтобы изложить въ подробности христіанскій законъ, нужно бы было исписать безчисленныя книги; сущность же его состоитъ въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ (ст. 1).

Согрѣшили ли мы, предавъ главныхъ мятежниковъ, возставшихъ у насъ противъ христіанства, смерти вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми? — Вы

---

[1]) Responsa ad Consulta Bulgarorum, ed. Hardouin, Acta Conciliorum. V, 358—386,

[2]) Именно: 2—5, 7, 8, 11, 50, 53, 56, 57, 61, 63—65, 68, 69, 71, 75, 76, 78, 87, 88. 90, 91, 98, 99, 101.

согрѣшили, особливо убіеніемъ невинныхъ дѣтей, и вообще поступили слишкомъ жестоко; но какъ это было сдѣлано изъ ревности и по невѣдѣнію, то если покаетесь, получите прощеніе (17).

Что дѣлать съ тѣми, которые покидаютъ христіанскій законъ?— Обязанность христіанскихъ государей ихъ наказывать (18).

Что дѣлать съ тѣми, которые не перестаютъ жертвовать и кланяться идоламъ? — Увѣщевать, но насильно не обращать; не имѣть съ ними общенія (41).

Что дѣлать съ тѣми, которые въ своихъ проповѣдяхъ дерзали бы преступать ученіе апостольское? — Да будутъ анаѳема, но не вамъ, мірянамъ, судить такихъ людей (105).

Что дѣлать съ нечестивыми книгами, которыя мы получили отъ Сарацынъ [1]) и имѣемъ у себя? — Непремѣнно сжечь (103).

Какой-то Жидъ, мы не знаемъ какой вѣры, христіанской ли, или языческой (utrum christiano an pagano), окрестилъ у насъ многихъ. Что дѣлать съ крещенными имъ? — Если крещеніе совершено во имя Св. Троицы или Христа, оно достаточно, но самого Жида слѣдуетъ подвергнуть распросу и узнать, дѣйствительно ли онъ христіанской вѣры (104).

Какой-то Грекъ, ложно выдававшій себя за пресвитера, окрестилъ у насъ многихъ, и узнавъ обманъ, мы опредѣлили отрѣзать ему уши и носъ, бить его и выгнать. Хорошо ли мы сдѣлали, или должны въ томъ принести покаяніе? — Вы имѣете ревность Божію, но не по разуму: ибо дѣло не въ томъ, кто креститъ, а во чье имя креститъ. Слѣдуетъ принести покаяніе (14, 16).

Крещенные имъ, христіане ли? – Да, если крещены во имя Св. и Нераздѣльной Троицы (15).

Женатыхъ пресвитеровъ слѣдуетъ ли держать у себя, или нужно выгнать? — Хотя они достойны всякаго порицанія [2]), но держать можно (70).

Можетъ ли у насъ быть поставленъ патріархъ? — Объ этомъ нельзя отвѣчать положительно, пока не возвратятся отъ васъ наши послы. На первый разъ имѣйте епископа, потомъ же, когда у васъ распространится христіанство и поставлены будутъ надъ отдѣльными церквами епископы, то можно будетъ одного изъ нихъ избрать, если не въ патріархи, то по крайней мѣрѣ въ архіепископы (72).

Кѣмъ долженъ быть поставленъ патріархъ? — Меньшее благосло-

---

[1]) Т. е. магометанъ.

[2]) Видно уже въ папѣ стремленіе ввести безбрачіе духовенства, но онъ еще не смѣетъ произнести рѣшительнаго приговора.

вляется бо̀льшимъ: онъ долженъ быть поставленъ первосвященникомъ (pontifice) престола Св. Петра (73).

Сколько настоящихъ патріарховъ? — Римскій, Александрійскій и Антіохійскій, установленные Апостолами; Константинопольскому и Іерусалимскому дается титулъ патріарха только для почета (92).

Который патріархъ второй послѣ Римскаго? — Александрійскій [1]). (93).

Слѣдуетъ ли въ великую четыредесятницу ежедневно причащаться Господня тѣла и крови? — Молимъ Бога, да будетъ такъ, но берегитесь причащаться недостойно (9).

Греки запрещаютъ намъ принимать причастіе безъ пояса: такъ ли это? — Это не имѣетъ значенія (55).

Греки говорятъ намъ, что въ ихъ землѣ производится мѵро и разсылается по всей землѣ: правда ли? — Нѣтъ (94).

Греки говорятъ, что грѣхъ стоять въ церкви, не сложа рукъ на груди: правда ли? — Нѣтъ, это не имѣетъ значенія (54).

Греки запрещаютъ намъ входить въ церковь съ полотняною повязкою (ligatura lintei), которую мы носимъ на головѣ [2]). Такъ ли это? — Они правы (66).

Когда во время богослуженія придетъ вѣсть о непріятельскомъ нападеніи, что дѣлать? — Довершить доброе дѣло при первой возможности (74).

Когда мы стоимъ военнымъ станомъ, намъ нельзя творить положенныя молитвы: что дѣлать въ такомъ случаѣ? — Нѣтъ, напротивъ, чѣмъ больше враговъ и опасности, тѣмъ больше надобно молиться (38).

Можно ли посвящать церкви первые плоды земли (fruges novas et rerum primitias)? — Можно (89).

Можно ли работать въ субботу или въ воскресенье? — Въ субботу христіане работаютъ (10).

Когда придетъ вѣсть, что надобно идти въ бой съ непріятелемъ, должно ли выступать тотчасъ, или въ нѣкоторые дни нельзя? — Можно во всѣ дни, кромѣ большихъ праздниковъ, если нѣтъ чрезвычайной нужды (34, 36).

Въ Великую четыредесятницу можно ли итти на войну? — Только въ крайней нуждѣ (46).

Можно ли въ праздники и В. четыредесятницу производить судъ

---

[1]) Очевидно стараніе папы унизить въ глазахъ Болгаръ Константинопольскаго патріарха; во многихъ другихъ отвѣтахъ его мы замѣтимъ стремленіе поколебать въ Болгарахъ довѣріе къ Грекамъ въ дѣлахъ религіи.

[2]) Чалма.

и присуждать человѣка, если онъ того стоитъ, къ смерти? — Въ эти дни должно воздерживаться отъ всякихъ мірскихъ дѣлъ (12, 45).

Въ В. четыредесятницу можно ли охотиться? предаваться играмъ и пирамъ? совершать бракъ? — Никакъ нельзя (44, 47, 48).

Греки говорятъ, что по средамъ и пятницамъ не слѣдуетъ мыться въ банѣ (balneari): правда ли? — Нѣтъ, можно (6).

Павшаго въ бою можно ли, если пожелаютъ родные или близкіе, перенести для погребенія на родину? — Можно (100).

У Грековъ обычай гадать, вкладывая кусочекъ дерева въ закрытую книгу и развертывая ее: хорошо ли это? — Нѣтъ (77).

Больнымъ у насъ привѣшиваютъ на шею повязку (ligaturam quamdam), для выздоровленія: годится ли этотъ обычай? — Нѣтъ (79).

Нашелся у насъ, прежде принятія христіанства, камень, отъ котораго больные брали частицу, и иногда получали исцѣленіе, иногда же нѣтъ. Что съ нимъ дѣлать? — Забросить (62).

Когда нашъ государь, по обычаю, сидитъ, для вкушенія пищи, на креслѣ за столомъ (in sedili ad mensam), никто не садится съ нимъ, даже жена его, мы же садимся поодаль *in sellis* (на сѣдлахъ?) и ѣдимъ на полу. Что дѣлать теперь? — Это не относится къ дѣламъ церкви, но обычай не хорошъ (42).

Носить ли исподнее платье (femoralia)? — Этотъ вопросъ до насъ не касается; впрочемъ, если хотите и во всѣхъ наружныхъ подробностяхъ уподобиться христіанамъ, то мы скажемъ вамъ, что по нашему обычаю его носятъ не женщины, а мужчины. Вы же дѣлайте, какъ хотите (59).

Какихъ животныхъ и птицъ можно ѣсть? — Всякихъ (43).

Можно ли, внѣ постовъ, ѣсть рано утромъ? — По нашему обычаю, не ѣдятъ до 3-го часа (т. е. 9 часовъ) (60).

Мы желаемъ получить отъ васъ (папы) мірскіе законы. — Нужныя для этого книги мы охотно бы вамъ послали, если бы былъ у васъ такой человѣкъ, который могъ бы ихъ вамъ толковать. Врученныя же нами посламъ нашимъ книги о мірскомъ законѣ не должны быть вамъ оставлены, чтобы кто нибудь ихъ у васъ не толковалъ ложно или не исказилъ съ умысломъ (13).

Можно ли имѣть двухъ женъ, и если нельзя, то какъ поступать съ имѣющими? — Они должны оставаться съ первою женою и притомъ очистить себя покаяніемъ (51).

Какія степени родства соблюдать при бракѣ? — По уставамъ церкви (39).

Можно ли, по прежнему, давать нашимъ женамъ (conjugibus) въ приданое (in dotem) золото, серебро, воловъ, лошадей и проч.? — Можно (49).

Какъ поступать съ тѣми, которые возстаютъ противъ государя?— Какому они подлежатъ наказанію, вы увидите изъ посылаемыхъ вамъ законовъ; отъ государя же зависитъ миловать (19).

Какъ судить свободнаго человѣка, который уйдетъ изъ отечества и будетъ схваченъ? — По законамъ; но свободному, никакою обязанностью не сдерживаемому человѣку нѣтъ вины покинуть отечество, подобно Аврааму.

По нашему обычаю, у насъ всегда стоитъ стража на границахъ земли нашей, и если рабъ или свободный человѣкъ перебѣжитъ черезъ пограничную черту, то стражи тотчасъ предаются смерти. Какъ вы (папа) объ этомъ судите? — Справьтесь въ законахъ, что надлежитъ въ этомъ случаѣ дѣлать; но какъ вы до сихъ поръ всякаго легко предавали смерти, такъ теперь должны, кого возможно, миловать и сохранять для жизни (25).

Какъ судить отцеубійцу?— По законамъ; если онъ скроется въ церковь, то судъ принадлежитъ мѣстному епископу или священнику (24).

Какъ судить убившаго родственника или родственницу? убившаго товарища?—По законамъ (26 и 27).

Какъ поступать съ невольнымъ убійцею? — По правиламъ церкви (30).

Какъ поступать съ тѣмъ, кто причинитъ увѣчье или смерть въ пьяномъ видѣ? — Совѣтуемъ вамъ милосердіе (85).

Какъ судить оскопившаго кого нибудь? похитившаго мужчину или женщину? укравшаго скотину? найденнаго съ чужою женою? производящаго кровосмѣшеніе съ родственницею? — По законамъ (52, 32, 31, 28, 29).

Какъ поступать съ рабомъ, бѣжавшимъ отъ господина, если онъ самъ къ нему вернется?—Слѣдуетъ простить (21).

Какъ поступать съ женою, которая что нибудь злое противъ мужа помыслитъ, или сдѣлаетъ, или скажетъ? — Надобно прощать, а разводиться только въ случаѣ прелюбодѣянія (96).

Какъ поступать съ ложными обвинителями? — Совѣтуемъ вамъ милосердіе (84).

Какъ поступать съ рабомъ, который оклеветъ своего господина предъ государемъ? — Господь предписываетъ прощеніе зла (97).

Можно ли судить кого нибудь за смертные грѣхи и преступленія? — Да, но судъ надъ духовными не вамъ принадлежитъ (83).

По нашему обычаю, если схватятъ вора или разбойника и онъ станетъ запираться, то судья бьетъ его по головѣ батожьемъ и колетъ въ бока желѣзными остріями, пока онъ не признается: какъ дѣлать теперь? — Этого дѣлать никакъ нельзя, признаніе должно быть добровольное (86).

У насъ былъ обычай, при какой бы то ни было клятвѣ, ставить по серединѣ саблю (spatham in medium afferre) и клясться имъ: чѣмъ теперь клясться? — Богомъ и Евангеліемъ (67).

Какъ поступать съ виновнымъ, если онъ скроется въ церковь?— Насильно выводить оттуда нельзя (95).

Съ народомъ, желающимъ мира съ нами, какъ заключать и хранить миръ? — Заключить миръ слѣдуетъ непремѣнно, но какъ, — это зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ, которыя нужно знать; во всякомъ случаѣ, при заключеніи мира должно имѣть въ виду благо церкви (80).

Если христіанскій народъ, заключивъ съ нами договоръ, его нарушитъ, какъ поступать? — Слѣдуетъ хранить миръ до послѣдней возможности (81).

Можно ли заключать договоръ съ язычниками? — Христіане не должны заключать договоровъ и имѣть общенія съ язычниками; миръ и дружба съ ними позволительны только тогда, когда имѣютъ цѣлью обращеніе ихъ къ истинѣ (82).

Какъ поступать съ тѣми, которые передъ битвою обратятся въ бѣгство, и съ тѣми, которые, когда приказано будетъ идти въ походъ, не послушаются? — Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ смягчить строгость законовъ, если миловать нельзя (22, 23).

У насъ обычай, чтобы прежде сраженія нашъ государь посылалъ мужа испытанной вѣрности и благоразумія осматривать оружіе, коней и все нужное для боя, и если у кого что-либо окажется въ дурномъ порядкѣ, то его казнятъ: что теперь дѣлать? — Нашъ совѣтъ, обратиться отъ брани плотской къ духовной, и какъ прежде осматривалось оружіе противъ враговъ видимыхъ, такъ теперь осматривать духовное оружіе противъ невидимаго врага, т. е. добрыя дѣла.

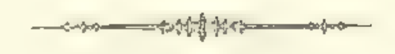
Прежде мы для битвы наблюдали извѣстные дни и часы (dies et horas observare), были у насъ въ употребленіи заговоры (incantationes), игры, пѣсни и разныя предсказанія (nonnulla auguria): что теперь дѣлать? — Призывать имя Божіе, ходить въ церковь, исповѣдываться и причащаться, открывать темницы, разрѣшать узы, освобождать рабовъ, въ особенности истомленныхъ и слабыхъ, творить милостыню (35).

Доселѣ, идя на битву, мы носили знаменемъ конскій хвостъ: какое знамя носить теперь? — Что другое, какъ не крестъ? (33).

Въ заключеніе, умоляемъ васъ (папу) дать намъ, какъ другимъ народамъ, истинную и совершенную вѣру христіанскую, безъ пятна и морщины (sine macula et ruga): ибо въ землю нашу пришли изъ разныхъ мѣстъ многіе проповѣдники, какъ-то: изъ Греціи, Арменіи и другихъ странъ (Graeci, Armeni et ex caeteris locis) и учатъ насъ

различно; должны ли мы слушаться ихъ разногласныхъ толковъ, и что намъ дѣлать? — Наша сила въ этомъ сама по себѣ безсильна; сила наша въ Богѣ: Св. Петръ, живущій и предсѣдящій на своемъ престолѣ [1]), даетъ ищущимъ истину вѣры, и Римская церковь, установленная тѣмъ, чье исповѣданіе узаконено было отъ Бога, пребывала всегда безъ пятна и морщины: и вотъ, дабы внушить вамъ, Божіею благодатію, такую вѣру, хотя вполнѣ тайны ея не постижимы никому, мы шлемъ къ вамъ писаніе наше и пословъ и разныя книги. И доколѣ древо не пуститъ корней, мы не престанемъ орошать его, и будемъ поить васъ млекомъ, доколѣ не доростете до совершенства. Что же касается до тѣхъ, которые пришли къ вамъ изъ разныхъ странъ, то Богъ поможетъ посламъ нашимъ васъ наставить и научить что дѣлать; но они, какъ въ настоящее время, такъ и послѣ, въ случаѣ недоумѣній и дѣлъ особенно важныхъ (in rebus dubiis et negotiis majoribus) должны всегда, по обычаю, обращаться къ апостольскому престолу всей церкви (106).

«Вотъ, какъ ихъ намъ Богъ внушилъ (это заключеніе посланія папы къ Болгарамъ), отвѣты на вопросы ваши: мы написали не столько, сколько бы могли, а сколько почли достаточнымъ. Когда же, милостію Божіею, вы будете имѣть отъ насъ епископа, онъ васъ наставитъ всему, что относится до его служенія, а если чего не будетъ знать, то получитъ отъ апостольскаго престола указаніе. Богъ же, явившій въ васъ дѣло спасенія, да совершитъ и утвердитъ оное до конца. Аминь».

[1]) Здѣсь, въ обращеніи къ Болгарамъ, папа уже во всей рѣзкости выставляетъ ученіе Римской церкви, что Св. Петръ какъ бы воплощается во всѣхъ своихъ преемникахъ, и что Римская церковь сама по себѣ, независимо отъ духовнаго единства съ другими церквами, имѣетъ исключительный даръ непогрѣшимости: вѣдь новообращенные Болгаре не знали, что св. Петръ установилъ и другія церкви одинаково съ Римскою, и что были папы, осужденные за лжеученіе Вселенскими соборами. Въ сношеніяхъ съ восточными святителями, папа Николай, стремясь къ тѣмъ же выводамъ, никогда не выражалъ ихъ такъ рѣзко и былъ гораздо осторожнѣе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Переходъ учениковъ Кирилла и Меѳодія въ Болгарію. — Вторженіе Венгровъ.

Двадцать пять лѣтъ протекло отъ утвержденія христіанской православной вѣры въ Болгарскомъ народѣ до той поры, когда онъ, подъ скипетромъ царя Симеона, достигъ высшаго своего могущества и духовнаго развитія. Въ это время, не ознаменованное никакою особенною дѣятельностью въ самой Болгаріи, ея положеніе въ славянскомъ мірѣ совершенно измѣнилось силою внѣшнихъ обстоятельствъ. Дотолѣ она имѣла непосредственную связь съ огромною цѣпью славянскихъ поколѣній, протянувшеюся отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго и Чернаго; опираясь на цвѣтущее царство Велико-Моравское, она была лишь второстепенною участницею въ славянскомъ просвѣщеніи, тамъ сосредоточенномъ: теперь, въ послѣдней четверти IX вѣка, наслѣдіе Кирилла и Меѳодія перешло къ Болгарамъ, и они сдѣлались главными хранителями и дѣятелями славянскаго просвѣщенія; за тѣмъ явилась дикая орда, отрѣзала Болгарію отъ родныхъ славянскихъ земель на сѣверѣ и западѣ, и замкнула ее въ удушливый кругъ Византійской политики.

Мы разсмотримъ съ нѣкоторою подробностью событія, которыя произвели такой переворотъ въ положеніи Болгаріи. — Узелъ тогдашней славянской исторіи былъ въ Великой Моравіи, имя которой не разъ уже намъ встрѣчалось. Припомнимъ въ немногихъ словахъ ея судьбы. Къ несчастію, руководимые западною наукой, мы, которые во всей подробности знаемъ про Роланда и Карла Великаго, едва ли имѣемъ понятіе о Славомірѣ и великомъ Святополкѣ, памятномъ до сихъ поръ Моравскому крестьянину.

Великая Моравія представляетъ рѣдкое въ исторіи зрѣлище. Стремленіе разрозненныхъ славянскихъ вѣтвей слиться въ политическое цѣлое, стремленіе, которымъ умѣли воспользоваться мудрые правители, быстро образовало огромное государство, и весь вѣкъ этого государства, только по-видимому завоевательнаго, проходитъ въ войнѣ оборонительной: на него падаютъ страшные удары сосѣдей, и,

могущественное, воинственное, оно спокойно отражаетъ ихъ, само не думая распространяться насиліемъ, довольствуясь непринужденнымъ присоединеніемъ родныхъ славянскихъ племенъ. Такое сочетаніе силы съ отсутствіемъ властолюбія, едва ли найдется въ исторіи у другаго народа, кромѣ славянскаго.

Велико-Моравское государство основано было Мойміромъ. Сохраняя миръ съ сосѣдями, Франками, онъ связалъ единствомъ власти славянскія племена въ Моравіи и нынѣшней западной Венгріи. Нѣмецкій король свергъ его съ престола въ 846 г. Его преемникъ Ростиславъ, началъ дѣйствовать въ то время, когда Германія была подъ вліяніемъ жестокихъ пораженій, нанесенныхъ ей Чехами (846, 849 г.г.), утвердилъ державу Мойміра, побѣдоносно отразилъ Германскихъ государей, неоднократно пытавшихся завоевать Моравію (особенно въ 855, 864, 866, 868, 869 г.), и призвалъ въ свое отечество Кирилла и Меѳодія. Славному царствованію его положилъ конецъ родной его племянникъ и сподвижникъ въ бояхъ, Святополкъ; онъ захватилъ его и выдалъ Нѣмцамъ. Король Лудовикъ пріѣхалъ въ Регенсбургъ, собралъ сеймъ (1-го ноября 870 г.): «привели (это слова лѣтописи) скованнаго тяжелою цѣпью (gravi catena ligatum) Ростислава, и стали судить его Франки, Баварцы, а также Славяне, прибывшіе изъ разныхъ мѣстъ къ королю съ дарами (безъ сомнѣнія и отъ Святополка), и присудили къ смерти. Король же велѣлъ выколоть ему глаза и заключилъ его въ монастырь».—Лудовиковы военачальники утвердились въ Моравіи, какъ въ покоренной области. Святополка лишили княженія и взяли подъ стражу. Тогда возсталъ народъ Моравскій. «Считая Святополка погибшимъ, онъ поставилъ, говоритъ лѣтопись, княземъ себѣ нѣкоего священника Славоміра [1]), родственника княжескому дому, грозя убить его, еслибъ онъ не принялъ власти. Согласился Славоміръ, принужденный народомъ, и повелъ его биться противъ нѣмецкихъ вождей Энгильскалка и Виллигельма, стараясь выгнать изъ городовъ... Тогда (Нѣмцы) отпустили Святополка, одаривъ его богато, и онъ отправился къ себѣ на родину предводителемъ нѣмецкаго войска: онъ обѣщалъ Карлманну [2]) низложить Славоміра, и съ тѣмъ его освободили. Онъ привелъ войско къ древней Ростиславовой столицѣ [3]), оставилъ его тутъ укрѣпляться станомъ, а самъ ушелъ въ городъ (къ Славоміру); вдругъ ворвался Святополкъ въ расплохъ, съ большою ратью, въ нѣмецкій станъ, многихъ захватилъ живьемъ, бо̀льшую часть перерѣзалъ. И

[1]) Одно уже славянское имя его есть ручательство, что онъ былъ изъ числа учениковъ Кирилла и Меѳодія.

[2]) Сыну короля Лудовика.

[3]) Велеграду на р. Моравѣ (March), теперь Градище.

обратилась вся радость Норпковъ (т. е. Баварцевъ и южныхъ Нѣмцевъ) о многихъ прошлыхъ побѣдахъ, — въ плачь и горе» (871 г.). Со всѣхъ сторонъ призвалъ Карлманнъ на Святополка войска, проникъ въ Моравію (872), но вскорѣ бѣжалъ, разбитый и преслѣдуемый Святополкомъ: Германія просила и получила миръ. Власть Моравіи непрерывно росла. Чехи добровольно признали Святополка своимъ верховнымъ властелиномъ. Вѣра скрѣпила союзъ: они приняли крещеніе, и ихъ крестилъ св. Меѳодій. Славянскія племена на сѣверъ отъ Чехіи, въ нынѣшней Саксоніи (Сѣверные Сербы), и тѣ даже присоединились къ державѣ Святополка.

Это самое блестящее время Моравіи. Нѣсколько лѣтъ (873—882) никакой врагъ не тревожилъ ея. Какое чудное было тогда положеніе Славянскаго племени на западѣ! Отъ Гамбурга и предѣловъ Шлезвигскихъ по всему теченію Эльбы стоятъ непрерывнымъ рядомъ Славянскія поколѣнія, воинственныя, независимыя, отразившія всѣ силы Каролинговъ. Тамъ, гдѣ западный притокъ Эльбы, Сала, образуетъ съ Эльбою и сѣверною окраиной Чехіи, Рудными горами [1]), треугольникъ, и тамъ живутъ Славяне, и отсюда начинается царство Велико-Моравское. Далѣе въ этомъ передовомъ строю Славянъ стоятъ, подъ державою Святополка, Чехи, за ними Моравскіе Славяне, простирающіеся отъ Чешскихъ предѣловъ и Карпатскихъ горъ до верхняго теченія Дуная между нынѣшнимъ Пресбургомъ и Вайценомъ. И за Дунаемъ, который тутъ (подъ Вайценомъ) круто поворачиваетъ съ запада на югъ, продолжаются, въ древней Панноніи, поселенія тѣхъ же Моравскихъ Славянъ (княжество Блатенское), но это земля спорная между Святополкомъ и Нѣмцами; собственныя же владѣнія Велико-Моравскія тянутся по сѣверному берегу Дуная до его поворота, и далѣе на востокъ, до сѣверныхъ притоковъ Тисы и до Карпатскихъ горъ [2]); у поворота же Дуная, на восточной его сторонѣ, мы прямо переходимъ изъ Великой Моравіи въ государство Болгарское. Въ началѣ IX вѣка, при Крумѣ, власть Задунайскихъ Болгаръ, какъ намъ извѣстно, распространилась къ востоку отъ средняго Дуная и Тисы, на равнины и горы, занятыя разбросанными поколѣніями Аваровъ, Болгаръ, Славянъ и Волоховъ (Румуновъ): нынѣ страна эта — восточная Венгрія, Банатъ, Валахія и большая часть Трансильваніи. Венгерское преданіе сохранило намъ имена здѣшнихъ правителей конца IX вѣка: земля между Дунаемъ и Тисою, «отъ Тителя до предѣловъ Рус-

---

[1]) Erzgebirge.

[2]) Власть Вел. Моравіи простиралась и на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ: Краковъ, по-видимому, принадлежалъ Святополку.

скихъ и Польскихъ», «которую занялъ Кермъ [1]) (т. е. Крумъ), великій князь Болгарскій» (такъ выражается древнѣйшій Венгерскій лѣтописецъ), была тогда въ рукахъ внука или правнука Крумова, *Салана*; между Тисою и Марошью владѣлъ *Менуморутъ* [2]), и здѣсь жили остатки Аваровъ (Венгерецъ называетъ ихъ Хазарами); въ нын. Седмиградіи Славянами и Волохами правилъ князь *Гелу* (Gelou), наконецъ между Марошью и нижнимъ Дунаемъ (въ Банатѣ и Валахіи) надъ племенами Славянскими, Волохами и Болгарами начальствовалъ *Гладъ*: всѣ они зависѣли отъ Болгарскаго престола. За Дунаемъ Болгарская земля, занимая въ ширину полосу отъ Бѣлграда и Расы (теперь Новы-Пазаръ) до Чернаго моря, простиралась на югъ далеко за Балканы. Ей принадлежало Загорье т. е. южный склонъ Великаго Балкана отъ Желѣзныхъ Воротъ [3]) до Девелта (у Бургаса) съ важными приморскими городами Месемвріей и Анхіаломъ, а на юго-западъ граница Болгарская захватывала огромнымъ изгибомъ всю сѣверную и западную Македонію и прилегающій къ ней край Албаніи кругомъ Охридскаго озера (область эта называлась у Болгаръ Котокіе). Города Охридъ, Битоль, Дѣволъ, Струмница и долина Брегальницы принадлежали Болгарамъ, и, можетъ быть, стоило бы государю Болгарскому протянуть руку, чтобы взять Адріатическое побережье. Неизвѣстно, когда досталась Болгарамъ эта прекрасная страна Македонская. — Постоянный театръ войнъ Болгаріи съ Византіею былъ доселѣ на востокѣ, по обѣимъ сторонамъ Балканскаго хребта, между Чернымъ моремъ и Желѣзными воротами у Сливна, отъ Правадъ на сѣверѣ до Адріанополя и стѣны Константинопольской на югъ. Простиравшійся въ этой полосѣ южный склонъ Балкановъ, названное нами сейчасъ Загорье было главною спорною областью, которую Болгарія старалась утвердить за собою и которою Византія особенно дорожила. Причина такого однообразія театра всѣхъ войнъ Болгаръ съ Греками въ первый періодъ Болгарской исторіи заключалась, конечно, въ томъ, что главная въ ту пору военная

---

[1]) Такъ слѣдуетъ читать, вмѣсто вкравшейся въ текстъ Нотарія Белы формы *Keanus*: она, очевидно, произошла изъ *Kermus* черезъ соединеніе въ сжатомъ готическомъ письмѣ, буквы *r* съ первою черточкою *m* въ начертаніе *a*. Форма *Krem* встрѣчается и у Византійцевъ вмѣсто *Krum*, а слово *Krem* Мадьяръ не могъ произнести иначе какъ *Kerm*. Замѣчателенъ титулъ *великаго князя*, который придается Венгерскимъ лѣтописцемъ Круму (magnus dux Bulgariae), тогда какъ онъ самого героя Арпада и другихъ Венгерскихъ государей называетъ только князьями (duces). Это показываетъ, какъ велико было уваженіе къ памяти Крума въ земляхъ, которыя Мадьяре отняли у его потомковъ.

[2]) Эту землю, говоритъ Венгерскій лѣтописецъ, занялъ „dux Morout, cujus est ab Hungaris Menumorout, eo quod plures habebat amicas...“

[3]) Нынѣ Демиръ-капу, близъ г. Сливно.

сила государства Болгарскаго, — завоевательная орда Аспарухова, сосредоточена была преимущественно на сѣверо-востокѣ, въ Добруджѣ и ближайшихъ къ ней мѣстахъ между нижнимъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Здѣсь, на сѣверо-востокѣ была и древнѣйшая, сколько извѣстно, столица князей Болгарскихъ, Великій Прѣславъ (у нын. Эски-Стамбула близъ Шумлы); на сѣверо-востокѣ же, въ Дерстрѣ (нынѣ Силистрія), была учреждена первая митрополія Болгарской церкви. Изъ этого-то края между Чернымъ моремъ и низовьемъ Дуная государи Болгарскіе и вели свои войска прямымъ путемъ на Адріанополь и Констинополь; и въ свою очередь, Византійскіе императоры, когда счастіе было на ихъ сторонѣ, направляли сюда же свою атаку, потому что въ этой мѣстности ихъ удары могли быть наиболѣе дѣйствительными, да и флотъ, которымъ всегда сильна была Византія, могъ тутъ поддерживать сухопутное войско. Рѣдко встрѣчается, въ первые три вѣка Болгаріи, упоминовеніе о странахъ, лежащихъ далѣе къ западу, о богатыхъ и обширныхъ краяхъ между Тунджею и Охридскимъ озеромъ, занимающихъ средину всего Балканскаго полуострова. Вѣроятно, съ тѣхъ поръ какъ ихъ заняла славянская колонизація, они отъ Константинополя фактически уже не зависѣли и, нетронутые также первыми завоеваніями Болгаръ, потомъ сами собою вошли въ составъ ихъ державы, когда власть Аспаруховыхъ преемниковъ сроднилась съ славянскимъ населеніемъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что при заключеніи мира съ Византіею въ 716 году границею Болгаріи (владѣвшей уже Загоріемъ, уступленнымъ Тервелю), была назначена какая-то мѣстность *Мелеоны*. Если, какъ мы полагаемъ, подъ этимъ именемъ Византійскій лѣтописецъ разумѣлъ извѣстный край *Мъглены* (Меглены, Моглены) къ сѣверу отъ Водены, то въ такомъ случаѣ власть Болгаріи уже тогда распространялась на большую часть славянскихъ поселеній въ Македоніи. Позднѣе, одною изъ причинъ разрыва Крума съ Византіею выставляется споръ о какихъ-то соленыхъ варницахъ. Соляныя озера находятся именно въ Македоніи, къ востоку отъ Могленскаго края. Далѣе разсказывается, что первымъ враждебнымъ дѣйствіемъ Крума противъ императора Никифора въ 809 г. было то, что Болгаре перехватили транспортъ съ 1,100 фунт. золота, которые императоръ посылалъ для уплаты жалованья войскамъ въ Струменской области: вѣроятно, стало быть, что Болгарія прилегала къ этой области. Все это ведетъ къ предположенію, что уже съ VIII вѣка вся сѣверная половина Македоніи принадлежала Болгаріи. — Затѣмъ, когда Византійская имперія рѣшилась во второй разъ уступить Болгарамъ, послѣ крещенія Бориса (859 г.), Загоріе, столь важное для непосредственной обороны Адріанополя и Константинополя, то вмѣстѣ съ тѣмъ она, — это можно считать несомнѣннымъ, — при-

нала за Болгаріею обладаніе и болѣе отдаленными отъ столицы, славянскими областями на Струмѣ, Вардарѣ и около Охридскаго озера. Черезъ сто лѣтъ, мы увидимъ, именно Охридскіе Славяне явятся самыми сильными и стойкими поборниками Болгаріи.

На западъ, къ этому могущественному политическому тѣлу, простиравшемуся отъ Карпатовъ за Балканы и до горъ Албаніи, примыкали Хорваты и Сербы: Хорваты между Дравою и Савою (въ нын. Кроаціи и Славоніи) составляли тогда государство, довольно могущественное, которымъ правилъ Брячиславъ, носившій, судя по западнымъ лѣтописцамъ, титулъ короля. Другое государство Хорватское, на Адріатическомъ поморьѣ, успѣло уже, какъ мы видѣли, показать свои силы въ борьбѣ за независимость и, по-видимому, готовило себѣ свѣтлую будущность въ славянскомъ мірѣ, вступивъ, подъ правленіемъ великаго жупана Мутиміра, въ общеніе съ православною славянскою церковью (около 890 г.). Сербы, еще мало испытанные въ бояхъ, но уже крѣпко противоставшіе войскамъ Болгаріи, готовились къ дѣятельности въ позднѣйшую пору. На югъ отъ Болгаріи тянулись далеко Славянскія вѣтви, до Солуня и оконечностей Пелопоннеса.

Такъ стояло Славянское племя во второй половинѣ IX вѣка, представляя западнымъ врагамъ непрерывный строй вооруженныхъ народовъ отъ Голштиніи до древняго Эпира. И по всему этому строю разливался свѣтъ христіанства: взошедши у Архипелага, онъ засіялъ уже на Эльбѣ. Позади же, подъ прикрытіемъ западныхъ племенъ, возникали въ одно время государства Польское и Русское: стягъ Варяговъ, добровольно призванныхъ, водружался въ Новѣгородѣ и Кіевѣ, — въ Гнѣзнѣ вступалъ на княжескій престолъ сынъ знаменитаго хлѣбопашца [1]).

Но эта блестящая пора длилась немного времени. Скоро сталъ разрушаться грозный строй Славянъ на западѣ: съ средины его, съ Великой Моравіи, началось распаденіе, сперва духовное, за тѣмъ политическое.

Первою христіанскою проповѣдью и крещеніемъ славянскій народъ въ Моравіи и Панноніи обязанъ былъ латинскому духовенству южной Германіи, епископамъ Зальцбургскому и Пассаускому, но этихъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ онъ не любилъ. Ихъ требованія были велики, они хотѣли распоряжаться въ государствѣ Мойміра и Ростислава какъ въ своей духовной области, а между тѣмъ были для Славянъ плохіе наставники. Хотя Зальцбургскіе архіепископы и давали Славянамъ архипресвитера съ діаконами и причтомъ, однако

---

[1]) Земовитъ или Семовитъ, сынъ Пястовъ.

Моравскіе князья могли сказать Греческому царю [1]): «Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ и протолковалъ святыя книги».—«Поставилъ Зальцбургскій архіепископъ Адальвинъ Славянамъ архипресвитеромъ Рихбальда, привожу слова современнаго памятника нѣмецкаго, и поручилъ его попеченіямъ весь народъ (Моравскій); много времени пробылъ тамъ Рихбальдъ, исполняя свою должность, пока не пришелъ какой-то Грекъ, по имени Меѳодій, съ новоизобрѣтенными славянскими письменами и, посредствомъ своей «философіи», лишая законныхъ правъ латинскій языкъ и римское ученіе и подлинныя письмена латинскія, подорвалъ во всемъ народѣ (Славянскомъ) «миссы» (латинскія обѣдни), евангельскія чтенія и церковныя службы тѣхъ, которые совершали оныя на латинскомъ языкѣ (usque dum quidam Graecus, Methodius nomine, noviter inventis Sclavinis litteris, linguam Latinam doctrinamque Romanam atque litteras auctorales Latinas philosophice superducens, vilescere fecit cuncto populo ex parte [2]) missas et Evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc Latine celebraverunt). Этого Рихбальдъ не могъ снести и возвратился въ Зальцбургъ» [3]).

Эти слова современника Нѣмца показываютъ все негодованіе германскаго духовенства на славянскихъ просвѣтителей. Начались происки; стали обвинять Кирилла и Меѳодія передъ папою; они должны ѣхать въ Римъ, въ 868 г.; папа оправдываетъ ихъ, но доносы не прекращаются. Въ 879 г. Меѳодій получаетъ грозное посланіе отъ папы: «Мы слышали, будто ты не тому учишь народъ, чему Римская церковь наставлена отъ главы апостоловъ и что она постоянно проповѣдуетъ; мы слышали также, будто ты поешь обѣдню на варварскомъ, то есть, Славянскомъ языкѣ, тогда какъ мы уже въ прежнемъ письмѣ запрещали тебѣ совершать св. литургію на этомъ языкѣ». Меѳодій опять ѣдетъ въ Римъ, оправдывается, папа пишетъ Святополку (880 г.), что онъ одобряетъ славянскія письмена, позволяетъ служить по-славянски, лишь бы евангеліе читалось сперва по-латыни, а потомъ въ славянскомъ переводѣ для народа; «а если бы тебѣ (Святополку) и твоимъ сановникамъ лучше нравилось слушать литургію на латинскомъ языкѣ, то предписываемъ, чтобы

---

[1]) Знаменитое посольство Ростислава князя Моравскаго, Святополка удѣльнаго князя Нитрскаго и Коцела, князя Блатенскаго (Паннонскаго) къ импер. Михаилу, посольство, вслѣдствіе котораго отправились въ Моравію св. Кириллъ и Меѳодій (862 — 863).

[2]) Вѣроятно слѣдуетъ подразумѣвать „ex parte Slavorum", ибо въ Панноніи, между Славянами, были и нѣкоторыя Баварскія поселенія, которыя, безъ сомнѣнія, оставались преданными самимъ Нѣмецкимъ священникамъ: (объясненіе Добровскаго).

[3]) Anonymi Salisburgensis, Historia conversionis Carantanorum etc. (Копитаръ, Glag. Cloz. LXXV).

для тебя Богослуженіе совершалось по-латыни». Злая оговорка, съ расчетомъ написанная для Святополка, ибо онъ, могущественнѣйшій государь славянскій, былъ на сторонѣ западнаго духовенства: оно его уловило въ свои сѣти, преданнаго грубому сладострастію и боявшагося Меѳодія, какъ обличителя пороковъ. На это прямо указываетъ древнее житіе св. Климента Болгарскаго (писанное по-гречески). Кто знаетъ, не боялся ли Святополкъ Меѳодія, и какъ обличителя въ страшномъ преступленіи противъ Ростислава? Есть даже извѣстіе, что Меѳодій однажды не допустилъ его къ причастію. И вотъ когда Меѳодій ѣдетъ въ Римъ оправдываться, Святополкъ посылаетъ вмѣстѣ съ нимъ къ папѣ его злѣйшаго врага, Вихинга, Шваба, фанатическаго поборника новаго западнаго догмата объ исхожденіи Св. Духа, и ходатайствуетъ, чтобы папа его поставилъ епископомъ Нитры, викаріемъ Меѳодію; и папа, разумѣется, эту просьбу исполняетъ. Умирая (6-го апрѣля 885) Меѳодій указываетъ на ученика своего, уроженца Моравіи, Горазда, какъ на своего преемника. «Нѣтъ, кричатъ противники (такъ повѣствуетъ житіе Климента), нѣтъ, прочь Горазда! въ немъ оживетъ второй Меѳодій!» требуютъ архіепископомъ Вихинга, обращаются къ Святополку, Святополкъ рѣшаетъ въ пользу Вихинга и «Франковъ». Главныхъ учениковъ Меѳодія, Горазда, Климента, Лаврентія, Наума, Ангеларія, «Франки» (т. е. латинская сторона) сажаютъ въ темницу и жестоко ихъ мучатъ, «безъ вѣдома Святополка, находившагося въ отлучкѣ и который, хотя благопріятствовалъ Франкамъ и былъ свирѣпаго нрава, однако не попустилъ бы этого». Избитыхъ, изможденныхъ голодомъ отдали святыхъ страдальцевъ воинамъ, съ приказаніемъ отвести ихъ, каждаго порознь, на тотъ берегъ Дуная, вонъ изъ Моравіи. «Воины же, люди варварскіе, ибо то были Нѣмцы, — говоритъ все то же житіе [1]), — жестокіе и по природѣ, и теперь по обязанности, взяли святыхъ, отвели далеко за городъ и бросили. Исповѣдники же Христовы жаждали Болгаріи, стремились къ Болгаріи, которая должна была дать имъ успокоеніе». — Съ честію принялъ святыхъ Климента, Наума и Ангеларія на границѣ Болгаріи, въ Бѣлградѣ, тамошній начальникъ Борита-канъ, зная, что для Болгарскаго государя такіе люди вожделѣнные гости; не менѣе почтилъ ихъ самъ Борисъ. Сначала они жили при дворѣ его, въ домахъ вельможъ Болгарскихъ Ехаца [2]) и Часлава. Борисъ любилъ бесѣдовать съ ними; престарѣлый государь, онъ сталъ учить-

---

[1]) οἱ στρατιῶται, ἄνθρωποι βάρβαροι,—Νεμιτζοὶ γὰρ, —καὶ φύσει μὲν τὸ ἀνήμερον ἔχοντες и проч. Житіе св. Климента писано Ѳеофилактомъ архіепископомъ Болгарскимъ, жившимъ во второй половинѣ XI вѣка.

[2]) Объ этомъ Ехацѣ говорится, что онъ былъ званіемъ σαμψής: τις βουλγάρων Εχάτζης τὴν κλῆσιν, σαμψὴς τὸ ἀξίωμα. Не умѣемъ объяснить этого титула.

ся подъ ихъ руководствомъ «древнимъ исторіямъ и житіямъ святыхъ» и слушалъ изъ устъ ихъ Священное Писаніе: очевидно, его привлекалъ, его радовалъ славянскій переводъ библейскихъ книгъ, которыхъ въ этомъ переводѣ ученики Меѳодіевы могли принести съ собою изъ Моравіи гораздо больше, нежели сколько было прежде извѣстно въ Болгаріи.

Подобно Горазду, Клименту и ихъ товарищамъ, конечно и многіе другіе послѣдователи Меѳодія мало-по-малу перешли въ Болгарію, вытѣсняемые изъ Моравіи сначала западнымъ духовенствомъ, потомъ нашествіемъ Венгровъ. При смерти Меѳодія въ Велико-Моравскомъ царствѣ было, по словамъ одного древняго памятника [1]) до двухъ сотъ священниковъ, имъ образованныхъ, и все это въ теченіе немногихъ лѣтъ разсѣялось; послѣ нашествія Мадьяръ (900—907) въ землѣ Святополка не осталось ни церкви, ни села. Наконецъ нива Болгарская нашла своихъ дѣлателей. Въ четвертый разъ, въ теченіе едва тридцати лѣтъ, перемѣнила Болгарія свое духовное направленіе. Мы видѣли, какъ она приняла христіанство изъ Греціи, но съ содѣйствіемъ славянской проповѣди, какъ она затѣмъ предалась Риму, какъ опять перешла къ Константинополю и вмѣсто западныхъ епископовъ получила пастырей изъ Греціи; теперь наконецъ, но уже не такъ, какъ при прежнихъ переходахъ отъ Восточной церкви къ Западной и отъ Западной къ Восточной, безъ перелома и разрыва, а естественнымъ, спокойнымъ дѣйствіемъ началъ православной церкви, Болгарія замѣняетъ греческихъ наставниковъ славянскими, и этимъ, можно сказать, обозначается окончательное установленіе въ ней православной вѣры. Въ старцѣ Борисѣ, уже почти полстолѣтія занимающемъ престолъ Болгарскій и теперь учащемся у молодыхъ питомцевъ Меѳодія, не выражается ли та духовная жажда, съ которою Болгарія усвоивала себѣ открывшееся передъ нею славянское просвѣщеніе! Водворяется же это просвѣщеніе въ Болгаріи двумя главными дѣятелями, Гораздомъ и Климентомъ, уроженцемъ Моравіи и природнымъ Болгариномъ, какъ бы въ свидѣтельство союза Болгарскаго народа съ его славянскими братьями во имя христіанства.

Ангеларій умеръ въ домѣ Ехаца. Другихъ учениковъ Меѳодіевыхъ, Горазда, Климента, Наума, Савву, Константина Борисъ, по свидѣтельству одного древняго памятника [2]), «распредѣлилъ по своимъ областямъ, согласно ихъ желанію, для возвѣщенія имени Христова и объясненія Писаній, и для составленія переводовъ, которые ими за-

---

[1]) Упомянутаго уже житія Климента.

[2]) Житіе св. Наума.

мышлялись и которые они и исполнили. Онъ повелѣлъ всѣмъ своимъ подданнымъ слушаться ихъ, подчиняться ихъ предписаніямъ какъ своимъ собственнымъ, и помогать со всѣмъ рвеніемъ постройкѣ храмовъ, которые святые мужи намѣревались воздвигнуть для умноженія благочестія».—Болгарскія владѣнія раздѣлены были Борисомъ на семь епархій: мы знаемъ положительно, что три епископскія каѳедры заняты были Моравскими изгнанниками (Гораздомъ, Климентомъ и Константиномъ). Благодаря уцѣлѣвшему памятнику мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности одного изъ нихъ, Климента, трудившагося преимущественно въ юго-западной Болгаріи или такъ называемомъ Котокіи.

Въ этой странѣ была уже тогда, какъ кажется, учреждена епископская каѳедра, а именно въ Брегальницѣ. Зная, что Брегальница была мѣстомъ первой проповѣди между Славянами св. Кирилла, мы имѣемъ право предположить, что обращеніе имъ въ этой мѣстности нѣсколькихъ тысячъ Славянъ повело къ назначенію сюда епископа, что Брегальница была первая славянская епархія, основанная первоучителемъ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстно, что еще при Борисѣ существовала Брегальницкая епархія, что тамъ былъ въ то время епископскій домъ и что Борисъ строилъ въ Брегальницѣ храмъ, въ который онъ поручилъ начальнику этой области Тарндину перенести мощи древнихъ мучениковъ, открытыя въ Тиверіополѣ или, какъ этотъ городъ уже называли тогда славянскимъ именемъ, — Струмицѣ [1]).

Но полагая даже, что Брегальницкая епархія основана была вслѣдъ за проповѣдью Кирилла и Меѳодія между Македонскими Славянами, отъѣздъ ихъ въ Моравію отвлекъ дѣятельность славянскихъ просвѣтителей къ другимъ племенамъ, и Македонскіе Славяне оставались какъ бы забытыми. Борисъ послалъ туда Горазда, Наума, Климента. Имя Гораздо соединилось съ Албанскимъ Бѣлградомъ (Бератъ); память о Наумѣ съ Дѣволемъ, городомъ лежащимъ къ югу отъ Охридскаго озера. Отправляя туда и Климента, Борисъ, по словамъ древняго житія, «выдѣлилъ изъ Котокія Кутмичивицу [2]) и поручилъ этотъ край Доветѣ, изъявъ его изъ подчиненія областному начальству; и поручилъ онъ Доветѣ блаженнаго Климента, приказавъ во всемъ ему содѣйствотать: ибо онъ посылалъ Климента наставникомъ Кутми-

---

[1]) См. Житіе 15-ти мучениковъ, что въ Тиверіополѣ, написанное Ѳеофилактомъ Болгарскимъ.

[2]) Въ греческомъ текстѣ это имя пишется (Κουτμητζιβίτζα, въ другомъ мѣстѣ Κουτμιτζιβίτζα). Можно предполагать тутъ ошибку, но къ сожалѣнію, наши данныя о топографіи Македоніи и Албаніи такъ скудны, что мы не въ состояніи опредѣлить настоящую форму этого имени. Во всякомъ случаѣ, по указанію на г. Дѣволь ясно, что это былъ край къ югу отъ Охридскаго озера.

чивицы». Такимъ образомъ, мы видимъ, для доставленія бо́льшой свободы дѣйствій проповѣднику, край, который ему ввѣрялся, былъ изъятъ изъ общей подчиненности и въ гражданскомъ управленіи. Кромѣ того Борисъ назначилъ Клименту въ пользованіе три изобилующихъ богатствомъ боярскихъ дома [1]) въ Дѣволѣ, а также «мѣста для отдохновенія въ Охридѣ и Главеницѣ [2])». Климентъ работалъ въ этой странѣ неутомимо до смерти своей, сперва какъ проповѣдникъ въ «Кутмичивицѣ», потомъ какъ епископъ Велицы, въ средней части Македоніи. «Объѣзжая край, ему порученный, говоритъ житіе, онъ проповѣдывалъ народу непрестанно слово Божіе; у него были въ каждомъ приходѣ (ἐνορία) избранные ученики; ихъ число простиралось до 3,500. Онъ пребывалъ по большей части съ ними, и мы, которые всегда съ нимъ были [3]), видя и слыша все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, мы никогда не видали его празднымъ. Онъ обучалъ дѣтей, показывая однимъ значеніе буквъ, объясняя другимъ смыслъ писаннаго, инымъ образуя руку для письма; и даже ночью трудился онъ, предаваясь молитвѣ, чтенію, писанію книгъ; иногда онъ въ одно время и самъ писалъ и училъ юношество. Изъ учениковъ своихъ онъ образовалъ чтецовъ, иподіаконовъ, діаконовъ, священниковъ; до трехъ сотъ изъ нихъ разослалъ онъ въ разныя области Болгаріи. Въ образецъ поставилъ онъ себѣ великаго Меѳодія и имѣя передъ собою, какъ картину нѣкоего искуснаго живописца, жизнь и дѣла его, онъ уподоблялъ имъ свои собственные поступки, ибо онъ зналъ жизнь Меѳодія какъ никто другой, бывъ съ юныхъ лѣтъ его спутникомъ и очевидцемъ всѣхъ его подвиговъ. Видя, что народъ не постигалъ смысла Писаній и что даже многіе священники болгарскіе не понимали греческихъ книгъ, такъ какъ они обучались только чтенію ихъ, а проповѣдное слово на болгарскомъ языкѣ не существовало [4]), онъ своими трудами разрушилъ стѣну невѣжества, затмѣвавшаго Болгаръ, и сдѣлался новымъ Павломъ для новыхъ Коринѳянъ: на всѣ праздники сочинилъ онъ простыя и удобопонятныя слова, и въ нихъ ты научишься тайнамъ вѣры, найдешь похвалы пресвятой Богородицѣ при многократно совершаемыхъ церковью празднованіяхъ Ей, найдешь повѣствованія о чудесахъ Ея и похвалы

[1]) τρεῖς οἴκους τῷ τρισμάκαρι Κλήμεντι τῶν τὴν πολυτέλειαν περιττῶν ἐν Διαβόλει προσαναθέμενος τοῦ γένους τῶν Κομήτων ὄντας. (Житіе св. Климента, изд. въ Мосхополѣ 1742).

[2]) И нынѣ Главеница, иначе — Издеглава, на сѣверъ отъ Охрида.

[3]) Очевидно, что Ѳеофилактъ выписывалъ изъ источника, писаннаго современникомъ Климента.

[4]) Ἱερεῖς δὲ πολλοὺς Βουλγάρους δυσξυνέτως ἔχοντας τῶν Γραικῶν περὶ τὴν ἀνάγνωσιν ἐνετρίβησαν γράμμασι κἀντεῦθεν κτηνώδεις ὄντας, ὡς μὴ ὄντος Βουλγάρων γλώσσῃ πανηγυρικοῦ λόγου. (Тамъ же).

Іоанну Крестителю, узнаешь объ обрѣтеніи его главы, о житіи и дѣяніяхъ пророковъ и апостоловъ, о подвигахъ мучениковъ. Хочешь ли узнать правила св. отцевъ? Найдешь ихъ списанными по-болгарски премудрымъ Климентомъ. Словомъ, всѣ церковныя книги, коими прославляется Богъ и святые Его, и смиряются души, все это намъ Болгарамъ передалъ Климентъ. Такъ какъ Борисъ украсилъ Болгарію семью соборными церквами, то и Климентъ возжелалъ построить въ Охридѣ собственный монастырь, а потомъ соорудилъ тамъ еще другую церковь, гдѣ былъ въ послѣдствіи воздвигнутъ архіепископскій престолъ; и такимъ образомъ было въ Охридѣ три церкви, одна соборная, и двѣ, построенныя Климентомъ. Видя же Болгарію покрытую одними дикими деревьями и лишенную садовыхъ плодовъ, онъ перенесъ туда изъ Греческой земли всякія плодоносныя деревья и прививками облагородилъ дикія». Скончался этотъ великій дѣятель въ просвѣщеніи Славянъ 27 Іюня 916 г.

Подобнымъ образомъ, конечно, и товарищи, соизгнанники Горазда и Климента сдѣлались просвѣтителями и благодѣтелями народа въ другихъ городахъ и областяхъ обширнаго царства Болгарскаго. Позднѣйшія сказанія уже прямо приписываютъ св. Клименту и его сподвижникамъ, вмѣстѣ съ благочестивымъ царемъ Симеономъ, сыномъ Бориса, распространеніе Евангелія въ Болгаріи [1]).

Въ самое короткое время, въ послѣдніе годы IX-го и въ началѣ X столѣтія, явилось въ Болгаріи, подъ перомъ Моравскихъ выходцевъ и людей, ими образованныхъ, невѣроятное множество книжныхъ трудовъ, цѣлая литература, въ которой стали уже соединяться съ переводными работами самостоятельныя сочиненія, и въ которой богословская наука и проповѣдное слово сходилось съ науками свѣтскими, съ философіею, словесностію, исторіею и описаніемъ природы. Число сохранившихся отъ нея до нашего времени памятниковъ даетъ возможность судить о числѣ утраченныхъ въ теченіе столькихъ вѣковъ и свидѣтельствуетъ о той необыкновенной умственной дѣятельности, которая возникла въ Болгаріи «вслѣдъ за водвореніемъ славянской письменности и славянскаго перевода священныхъ книгъ. Здѣсь не мѣсто исчислять эти памятники и распространяться о главныхъ славянскихъ писателяхъ этого времени, о Іоаннѣ экзархѣ Болгарскомъ,

---

[1]) Житіе Св. Іоанна Владиміра (сравн. выше, стр, 59): Ὅταν ὁ σωτήριος λόγος τῇ τῶν Μυσῶν ἐπεφάνη μὲ τὸ ἔνθεον κήρυγμα, ἀπὸ τὸν ἁγιώτατον Κλήμεντα καὶ ἀπὸ τοὺς σὺν αὐτῷ θεοσόφους πατέρας, ὁποῦ μὲ τὸ ἅγιον Εὐαγγέλιον τὴν Βουλγάρων γῆν περιετριγύρισαν, εἰς τὸν ὁποῖον καιρὸν πρῶτος τῶν χριστιανῶν Βουλγάρων βασιλεὺς ἐστάθη ὁ Συμεὼν, ὁ ὁποῖος μὲ μεγάλην προθυμίαν καὶ συνδρομὴν ἐκείνους τοὺς θεοσόφους πατέρας τότε ἐσπούδασε καὶ ὑπηρέτησε и проч. Επάνω δὲ εἰς ὅλα περισσότερον ἐφάνη συνδρομεὺς τοῦ μακαριωτάτου ἁγίου Κλήμεντος, ὡσὰν ὁποῦ ἐκοιμήθησαν οἱ ἐπίλοιποι, καὶ τὴν ζωὴν ταύτην ἄφησαν, ὁ Κύριλλος λέγω καὶ ὁ Μεθόδιος.

о Константинѣ епископѣ, Григоріи пресвитерѣ, монахѣ Храбрѣ: достаточно сказать, что почти всѣ переводы церковныхъ книгъ и огромнаго числа твореній св. отцевъ, которые въ теченіе столѣтій, непрестанно переписываясь, питали духовныя потребности Болгарскаго народа, Сербіи и древней Руси, совершены были въ Болгаріи въ концѣ княженія Борисова и въ царствованіе его сына Симеона.

Обратимся теперь къ политическимъ событіямъ этого времени.

Борисъ усталъ царствовать. По словамъ западнаго лѣтописца, давно уже любилъ онъ, являясь днемъ передъ народомъ въ царскомъ облаченіи, по ночамъ скрываться въ церковь, и въ уединеніи, покрытый вретищемъ, распростираться на полу, на жесткой власяницѣ вмѣсто ковра. Тяжкая болѣзнь утвердила въ немъ мысль отказаться отъ престола. Онъ удалился въ монастырь. Оставилъ онъ двухъ сыновей, Владиміра и Симеона, и вѣроятно поручилъ имъ совокупно править Болгаріею; Борисъ же самъ сохранилъ за собою дѣла церковныя и продолжалъ, мы полагаемъ, ими завѣдывать до своей смерти [1]). Неизвѣстно, въ какомъ году Борисъ покинулъ міръ, и вообще эти обстоятельства въ Болгарской исторіи весьма темны. Въ греческихъ источникахъ Симеонъ является на престолѣ уже въ 888 году, а западные лѣтописцы подъ 892 годомъ Болгарскимъ государемъ называютъ Владиміра; наконецъ Ѳеофилактъ, архіепископъ Болгарскій, пишетъ, что на восьмомъ году проповѣднической дѣятельности Климента (то-есть въ 893 году) вступилъ на престолъ Владиміръ, что онъ черезъ четыре года умеръ, и что тогда братъ его Симеонъ сдѣлался наслѣдникомъ *всего*. Изъ этого-то послѣдняго выраженія, также какъ изъ того, что Симеонъ упоминается Византійцами въ качествѣ правителя Болгаріи подъ 888 годомъ, слѣдуетъ, кажется, вывести заключеніе, что Симеонъ получилъ удѣлъ еще при жизни старшаго брата. Быть можетъ, Владиміру даны были сѣ-

---

[1]) Это видно изъ сличенія извѣстій. Несомнѣнно, что Борисъ уже не царствовалъ въ 888 году, какъ оказывается по Византійскимъ лѣтописцамъ. Ѳеофилактъ, въ житіи 15-ти мучениковъ, говоритъ что Борисъ царствовалъ 36 лѣтъ и впавъ въ болѣзнь, передалъ престолъ старшему сыну Владиміру, который правилъ четыре года. Такъ какъ Борисъ въ первый разъ является, какъ государь Болгаріи, въ 844 г., то по этому его отреченіе имѣло бы мѣсто не позже 880 г. Съ другой стороны, Борису приписываются пріемъ изгнанныхъ изъ Моравіи учениковъ Меѳодія, размѣщеніе ихъ по Болгарскимъ областямъ и послѣдовавшія затѣмъ мѣры къ устройству Болгарской церкви. Все это потребовало, конечно, довольно долгаго срока *послѣ 885 года* (въ 885 г. Меѳодій умеръ въ Моравіи). Борисъ жилъ до 906 года: такимъ образомъ нѣтъ причины сомнѣваться въ справедливости показаній, приписывающихъ всѣ эти распоряженія ему, а не сыновьямъ его. Весьма естественно, что онъ, новообращенный христіанинъ и притомъ столь ревностный въ вѣрѣ,—отрекаясь отъ управленія мірскими дѣлами и удаляясь въ монастырь, — пожелалъ удержать въ своихъ рукахъ дѣла церковнаго управленія.

верныя области Болгаріи, Симеону южныя, ближайшія къ Византіи. Во всякомъ случаѣ, Владиміръ царствовалъ не долго и недостойно. Въ западныхъ лѣтописяхъ мы читаемъ слѣдующій расказъ: «Борисъ въ монастырѣ услышалъ, что сынъ его, котораго онъ сдѣлалъ королемъ, предается хищеніямъ и великимъ злодѣяніямъ, что онъ совращаетъ народъ съ пути христіанства; возгорясь рвеніемъ, онъ сложилъ съ себя иноческія ризы и препоясавъ мечъ, надѣвъ царское облаченіе, съ немногими вѣрными людьми погнался за сыномъ, безъ труда схватилъ его, выколол ъ ему глаза и заключилъ его въ темницу; потомъ, созвавъ соборъ отъ всего своего государства, поставилъ королемъ своего меньшаго сына».

Трудно сказать, въ какой мѣрѣ это справедливо. Мы знаемъ однако, что Борисъ жилъ еще долго послѣ того, какъ правленіе перешло къ Симеону: Борисъ скончался 2 мая 906 года [1]).

Какія бы обстоятельства ни сопровождали отреченіе отъ престола перваго христіанскаго государя Болгаріи, мы можемъ указать на 888 годъ, какъ на моментъ важнаго въ Болгарской исторіи перехода: тутъ сорокачетырехлѣтній миръ поколѣнія, жившаго при Борисѣ (844—888 г.), смѣняется почти столь же продолжительною воинственною дѣятельностью новаго поколѣнія, при Симеонѣ (888—927 г.). Рѣдкій въ тѣ времена случай, свирѣпая война, тогда начавшаяся, имѣла причиною торговые интересы. Греки стали притѣснять торговлю Болгарскую, весьма обширную и которая, кажется, связывала Константинополь съ Дунайскими странами, Моравіею и Германіею, т. е. производила размѣнъ произведеній запада и востока. Евнуху Мусику съ Греческими купцами Ставракіемъ и Космою удалось, посредствомъ придворныхъ интригъ, выманить у императора Льва Философа монополію торговли съ Болгаріею, и чтобъ очистить себѣ столичный рынокъ, они принудили Болгарскихъ купцовъ переѣхать изъ Константинополя въ Солунь, да и тамъ стали ихъ прижимать. Представленія Симеона не дѣйствовали на императора, и онъ наконецъ рѣшился объявить войну. Онъ проникъ въ греческую часть Македоніи, одержалъ большую побѣду надъ Византійскими войсками и Хазарскими наемниками, и множество плѣнныхъ съ отрѣзанными носами отослалъ къ императору. — Испуганный успѣхами Болгаръ, Левъ обратилъ взоры на дикую орду, недавно показавшуюся на Черномъ морѣ, близъ Дуная, и послалъ звать ее себѣ на помощь. Онъ задобрилъ Мадьяръ дарами, и заключилъ договоръ съ ихъ вождемъ Арпадомъ: Мадьяры обязались напасть на Болгарію.

Что за народъ были эти Мадьяры (иначе *Угры*, *Венгры*, а у древ-

---

[1]) См. Іоаннъ Экзархъ Болг. Калайдовича, стр. 98.

нихъ Византійскихъ лѣтописцевъ *Турки*), Мадьяры, которые произвели такой страшный переворотъ во всей Дунайской странѣ? Не вдаваясь въ разысканія объ ихъ первоначальной судьбѣ, въ доказательства теперь вполнѣ утвержденнаго наукою происхожденія ихъ отъ восточной, Уральской отрасли Финскаго племени и ближайшаго, какъ оказывается, родства ихъ съ Камскими Болгарами и ордою Болгаръ, завоевавшихъ въ VII вѣкѣ страну Придунайскую [1]), — ограничимся свидѣтельствомъ почти современнаго ихъ появленію писателя, Константина Багрянороднаго: «Народъ Турокъ (онъ говоритъ о Мадьярахъ: Турками звали ихъ Греки какъ выходцевъ изъ Заволжскихъ степей и какъ прежнихъ данниковъ Турецкаго народа, Хазаровъ, съ нѣкоторыми вѣтвями котораго они и смѣшались) народъ Турокъ обиталъ въ старину въ странѣ, прозванной Леведіею по первому ихъ воеводѣ (βοεβόδου) Леведіи (Λεβεδίας), гдѣ течетъ и рѣка Хидмасъ, именуемая также Чигуломъ (Χίγγυλος): они тогда не назывались Турками, а почему-то носили имя *Саваръ*, т. е. *безопасныхъ* [2]), и было ихъ семь колѣнъ, подъ начальствомъ воеводъ (βοέβοδοι). Потомъ Печенѣги, побѣжденные Хазарами, принуждены были перейти въ землю Турокъ, и въ войнѣ, которая между ними возникла, Турки были побѣждены и раздѣлились на-двое; часть пошла на востокъ, къ Персіи, другая на западъ, въ мѣста называемыя *Ательказу* [3]), гдѣ теперь живутъ Печенѣги, — и гдѣ (прибавляетъ Константинъ въ другомъ мѣстѣ) протекаютъ рѣки *Варухъ*, *Куву*, *Трулъ* (Днѣстръ, по-турецки Турлу), *Прутъ* и *Серетъ*; — здѣсь они выбрали себѣ, вмѣсто прежнихъ воеводъ, общаго государя, Арпада, и здѣсь же пристала къ нимъ, изгнанная изъ прежнихъ жилищъ междоусобною войною, часть народа Каваровъ, происходящаго отъ Хазаръ».

По опредѣленію Константина, *Ательказу*, земля занятая Мадьярами, простиралась съ запада на востокъ отъ Серета за Днѣстръ, вѣроятно до Буга; такимъ образомъ они, въ нынѣшней Молдавіи, подошли къ предѣламъ Болгарскаго государства. Печенѣги продолжали

---

[1]) См. выше (стр. 20—23) разобранную нами запись о первыхъ князьяхъ Болгарскихъ, въ которой мы находимъ столько словъ сходныхъ, а иногда тождественныхъ съ Мадьярскими. Замѣчательно также совпаденіе имени перваго Мадьярскаго вождя, Альмоша, съ именемъ хана Волжскихъ Болгаръ Αλμουτζής, — о которомъ упоминается въ 920 г. (см. Muralt, Chronographie Byz., стр. 496).

[2]) У Константина мы читаемъ Σαβαρτοιάσφαλοι: комментаторы признаютъ, что подлинное чтеніе было Σάβαρ ἤτοι ἄσφαλοι; оно подтверждается показаніями другихъ памятниковъ.

[3]) *Atelköz* значитъ по-мадьярски *пространство у Ателя;* Атель — названіе Волги у степныхъ народовъ: по остроумной догадкѣ Венгерскаго историка Фесслера, Мадьяры, подошедъ къ низовьямъ Дуная, перенесли на огромную, незнакомую рѣку, передъ ними открывавшуюся, родное имя недавно покинутой ими Волги.

нападать на Венгровъ, и Арпадъ еще подвинулся на западъ; вскорѣ война Болгаръ съ Греками, Моравцевъ съ Нѣмцами втянула его орду въ сердце славянскихъ земель, въ равнину средняго Дуная.

Симеонъ выступилъ уже вторымъ походомъ противъ Византійцевъ (889), какъ вдругъ получаетъ извѣстіе, что непріятель перевезъ Венгровъ черезъ Дунай: греческій флотъ вошелъ въ устья Дуная, тутъ же взялъ тотчасъ на суда призванныя полчища Арпада, стоявшія уже на берегу рѣки и, прорвавъ цѣпи и канаты, протянутые Болгарами вдоль берега, чтобы загородить имъ переходъ черезъ Дунай, перевезъ Мадьяръ въ Болгарію. Они стали жестоко опустошать Болгарскую землю. Симеонъ поспѣшилъ имъ на встрѣчу и устремился на Мадьярскую рать; Арпадъ удачнымъ отступленіемъ завлекъ его къ Дунаю и тогда вступилъ въ бой; битва возобновлялась трижды: то было первое сраженіе Мадьяръ въ новомъ для нихъ европейскомъ мірѣ. Арпадъ выигралъ дѣло, Симеонъ бѣжалъ въ Доростолъ (Силистрію), оттуда въ какую-то крѣпость Мундрагу или Мулдагру, и тамъ заперся; Венгры дошли до самой столицы его, Прѣславы (близъ Шумлы) и потомъ удалились изъ Болгаріи, продавъ императору Льву плѣнныхъ Болгаръ. Но тогда Симеонъ приготовился къ отмщенію, самъ пошелъ за Дунай въ землю Венгровъ, передушилъ ихъ, по выраженію лѣтописца, и ловкими переговорами съ императоромъ выручилъ Болгарскихъ плѣнниковъ (890). — Приводимъ расказъ западнаго лѣтописца объ этихъ первыхъ столкновеніяхъ Болгаръ съ Мадьярами [1]); ошибка его только въ томъ, что онъ соединилъ въ одну обѣ войны Симеона противъ Мадьяръ: первую, столь для него гибельную, вторую побѣдоносную; не совсѣмъ вѣрно представлены также обстоятельства, приведшія къ войнѣ; но тѣмъ не менѣе извѣстіе весьма замѣчательно: «Греки заключаютъ миръ съ Аварами, иначе Венграми; что принимается въ дурную сторону согражданами (concives, — т. е. сосѣдями) Грековъ, Болгарами: они возстаютъ на нихъ войною и преслѣдуютъ ихъ, разоряя всю ихъ землю до воротъ Константинополя. Въ отмщеніе, Греки, съ свойственнымъ имъ коварствомъ, отправляютъ свои корабли къ Аварамъ (Венграмъ) и перевозятъ ихъ черезъ Дунай въ царство Болгарское. Перевезенные въ великой силѣ, они губятъ народъ Болгарскій. Болгаре, находящіеся въ походѣ, спѣшатъ назадъ въ отечество,

---

[1]) Расказъ этотъ записанъ въ Фульденской лѣтописи подъ 896 г., но ясно, что событія относятся къ 889 и 890; въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ, при извѣстіяхъ о странахъ отдаленныхъ, безпрестанно встрѣчаются такія невѣрности въ лѣтосчисленіи; иногда лѣтописецъ отмѣчалъ событіе подъ тѣмъ годомъ, въ которомъ получалъ о немъ свѣдѣніе: такъ крещеніе Болгаріи, случившееся въ 859 г., въ западныхъ сказаніяхъ отнесено къ 866 году, въ которомъ пришли въ Римъ и Германію послы Бориса съ увѣдомленіемъ объ его обращеніи.

сражаются съ непріятелемъ, разбиты. И во второй битвѣ побѣда остается не за ними. Не зная, какъ помочь бѣдѣ, они всѣ прибѣгаютъ къ стопамъ старичка (vetuli), короля Михаила [1]), виновника ихъ обращенія къ истинѣ, спрашиваютъ его совѣта. Михаилъ назначаетъ имъ трехдневный постъ, велитъ покаяться въ нанесенной христіанамъ обидѣ (т. е. въ войнѣ съ Греками), молить Бога о помощи. Совершивъ сіе, они вступаютъ въ жестокій бой съ врагами, обѣ стороны сражаются упорно, и наконецъ побѣда, хотя кровопролитная, достается христіанамъ. Кто возможетъ исчислить потери язычниковъ Аваровъ, когда на сторонѣ Болгаръ, одержавшихъ побѣду, оказалось павшими до 20,000 всадниковъ!»

До такихъ огромныхъ размѣровъ достигла, въ народной молвѣ, вѣсть о пораженіи Мадьяръ Симеономъ. Мадьяры ушли отъ нижняго Дуная. По свидѣтельству Нестора, то было степное, кочевое племя [2]), да и собственные лѣтописцы изображаютъ ихъ въ древнее время народомъ, перегоняющимъ стада съ мѣста на мѣсто, живущимъ въ шатрахъ, отправляющимся въ походъ верхомъ: такая орда, когда на нее нападетъ непріятель и разобьетъ ее, обыкновенно поднимается тотчасъ всѣмъ таборомъ и уходитъ въ даль. И вотъ, послѣ похода Симеонова за Дунай, Мадьяры являются уже не у Чернаго моря и устьевъ Дуная, а на восточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ, въ нынѣшней Буковинѣ и части Галиціи. Здѣсь открылись передъ ними, за горами, владѣнія Моравскія и сѣверныя, слабо населенныя княжества, подвластныя Болгарскому государству, и начались ихъ страшные успѣхи.

---

[1]) Т. е. Бориса, принявшаго при крещеніи имя Михаила.

[2]) Идоша Угри мимо Кіевъ..... и сташа вежами: бѣша бо ходяще аки се Половци.— Объ этомъ походѣ мимо Кіева (Kyeu) весьма подробно говоритъ древнѣйшій Венгерскій лѣтописецъ (Anonymus règis Belae notarius), черпая изъ народныхъ преданій и пѣсенъ Мадьяръ, какъ видно изъ собственныхъ его указаній. Этимъ объясняется неопредѣленность и хвастливость его расказа; но большая часть историковъ были къ нему, конечно, несправедливы, отвергая его совершенно, какъ недобросовѣстнаго выдумщика. – Замѣчательно, что онъ съ именемъ Русской земли соединяетъ имя Суздаля, который, какъ извѣстно, и въ Скандинавскихъ сагахъ восходитъ до глубочайшей древности. Вотъ его слова; на нихъ, кажется, у насъ не было обращено вниманія: Вышедши изъ Скиѳіи, *quae Dentumoger dicitur*, Мадьяры „шли много дней черезъ пустынныя мѣста, и переплыли рѣку Этиль (Etyl) *super tulbou sedentes more paganismo* (вм. paganico), и нигдѣ не находили пути къ городу или жилью, и не вкушали пищи отъ трудовъ человѣческихъ, какъ былъ у нихъ обычай, но питались мясомъ и рыбою, доколѣ не пришли въ Русь, что зовется *Суздаль* (in Rusciam quae Susudal vocatur)...... И такъ, пришедши, князь Алмошъ со всѣми своими вступилъ въ землю Русскую, что зовется *Суздаль* (in terram intraverunt Rusciae, quae vocatur Susudal. (гл. 7). — „Тогда (послѣ побѣды надъ Русскими и Куманами, — вѣроятно Печенѣгами, — о которой разсказываетъ Венгерецъ) князья Русскіе, т. е. Кіевскій и *Суздальскій* (duces Ruthenorum, scilicet de Kyeu et Susdal), дабы не лишиться своихъ престоловъ, дали князю Алмошу въ заложники своихъ сыновей,“ и проч. (гл. 10).

Мы видѣли, какого могущества достигла Великая Моравія подъ скипетромъ Ростислава и Святополка, какъ она собрала около себя западныхъ Славянъ и какой отпоръ дала Германіи. Тутъ готовилась борьба на жизнь и смерть; послѣ нѣсколькихъ колебаній и мирныхъ попытокъ, она разразилась въ 890 г. Вождемъ Германскаго племени былъ Арнульфъ, уже носившій тогда королевскую корону, вскорѣ потомъ вѣнчанный императорскою, — безспорно сильнѣйшій и дѣятельнѣйшій изъ западныхъ государей IX вѣка послѣ Карла Великаго. Но два года не могъ онъ еще ничего сдѣлать противъ силы Моравской. Тогда (892 г.) онъ сталъ заискивать союза съ другими Славянами, съ Брячиславомъ, княземъ Хорватовъ между Дравою и Савою, съ Болгарами, которыхъ уговаривалъ дѣйствовать съ нимъ за-одно и не возить къ Моравцамъ соли, — и въ то же время послалъ звать Мадьяръ на Святополка: такимъ образомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ двухъ разныхъ сторонъ, изъ Константинополя и изъ Германіи, приходили къ Мадьярамъ за помощью враги Славянскаго народа. Самъ Арнульфъ повелъ рать Баварцевъ, Франковъ и Швабовъ, и съ сѣвера, со стороны Чехіи, направилъ на Святополка храбраго полководца, епископа Арна съ сильнымъ войскомъ. Но Святополкъ устоялъ со славою. Болгаре на него не пошли, Брячиславъ ни въ чемъ не успѣлъ, Арнъ погибъ въ Чехіи, все войско его было истреблено; Мадьярамъ также не посчастливилось: они присоединились-было къ Арнульфу и стали съ нимъ заодно разорять Моравію, но вскорѣ Арнульфъ, какъ говоритъ Сангалльская лѣтопись, «отпустилъ Агарянъ (т. е. Мадьяровъ), потому что они были заперты»: значитъ, Святополкъ застигъ ихъ гдѣ нибудь въ горахъ и отбросилъ за Карпаты; Арнульфъ съ Нѣмцами также безъ успѣха воротился назадъ. Въ слѣдующемъ походѣ (893) онъ опять потерпѣлъ неудачу; но въ 894 г. Святополкъ умеръ. Народъ Моравскій не вѣрилъ его смерти, и до сихъ поръ ищетъ Святополка. А вотъ что пишетъ Пражскій лѣтописецъ: «Въ этомъ году (894) Святополкъ царь Моравскій, какъ расказываютъ въ народѣ, исчезъ посреди своего войска, и никогда съ тѣхъ поръ его не видали. Въ самомъ же дѣлѣ онъ тогда, терзаемый совѣстью......... во тьмѣ ночной, никѣмъ не видимый, сѣлъ на коня и ускакалъ въ дремучій лѣсъ на горѣ Zober [1]), гдѣ жило трое пустынниковъ; здѣсь, въ самомъ потаенномъ мѣстѣ лѣса, убилъ онъ коня своего и зарылъ въ землю свой мечъ, и на разсвѣтѣ пришелъ къ пустынникамъ, постригся и пребылъ съ ними, неузнанный, до конца жизни; предчувствуя смерть, онъ открылся имъ, и тотчасъ испустилъ духъ» [2]). — Въ этой Великой Моравіи, которую вмѣстѣ съ

[1]) Въ Нитрской странѣ.

[2]) Въ этомъ разсказѣ Косьмы Пражскаго мы видимъ христіанское, монашеское

ученикамп Кирилла и Меѳодія какъ бы покинула духовная сила, — геній одного человѣка, одного полководца служилъ опорою цѣлому царству, и смерть Святополка была провозвѣстницею быстраго, страшнаго паденія. Такъ скоро совершилось оно, что послѣднія событія борьбы Великой Моравіи съ Нѣмцами и Мадьярами едва замѣтны въ исторіи; виденъ только общій исходъ дѣла: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ кончины Святополка отъ Велико-Моравскаго царства не оставалось слѣда.

Между тѣмъ Симеонъ еще въ 892 г. пошелъ опять на Грековъ. Онъ проникъ за Адріанополь и встрѣтился тамъ съ соединенными Византійскими легіонами: произошло сраженіе, «общее бѣгство Грековъ было страшное, и всѣ были истреблены» (слова лѣтописи). Тогда Симеонъ заключилъ миръ съ императоромъ, какъ видно весьма выгодный, потому что онъ особенно дорожилъ имъ и хранилъ его ненарушимо (893—912). «Примирившись съ императоромъ (такъ повѣствуетъ Константинъ Багрянородный) и пользуясь безопаснымъ временемъ, Симеонъ снесся съ Печенѣгами и уговорился съ ними напасть на Турокъ (т. е. Мадьяръ) и истребить ихъ. Турки (Мадьяры) были тогда въ походѣ»: — это происходило въ 895 г., послѣ смерти Святополка, они пошли на слабыхъ и разъединенныхъ дѣтей его, съ согласія и даже, вѣроятно, по зову Арнульфа, котораго свидѣтели почти современные, Ліутпрандъ и Видукиндъ, прямо обвиняютъ въ выдачѣ Мадьярамъ Моравскаго государства; — «тогда Симеонъ и Печенѣги бросились на Турокъ (Мадьяръ), совершенно истребили семейства, оставленныя ими дома, и жестоко преслѣдовали тѣхъ (мужчинъ), которымъ ввѣрено было Турками обереженіе ихъ страны. Возвратившись съ похода и видя землю свою опустѣлою, Турки (Мадьяры) перекочевали въ ту страну, гдѣ и донынѣ обитаютъ»........

Расчетъ Симеона былъ дурной. Онъ думалъ искоренить Мадьярскую орду, а только разорилъ ея кочевья въ нынѣшней Молдавіи и Бессарабіи и вогналъ ее въ страну Закарпатскую. Переступивъ Карпаты, Мадьяры заняли сперва полосу до Бодрога и Тисы, съ-

---

толкованіе кончины Святополка, въ противоположность народному вѣрованію, не допускавшему его смерти. Что же мучило совѣсть могущественнаго царя? Конечно, славянское преданіе причиной тому считало предательскій поступокъ съ дядей Ростиславомъ и изгнаніе учениковъ Меѳодія; но возникло еще и преданіе нѣмецкое, католическое, по которому причиною его раскаянья было то, что онъ „въ своей неблагодарности“ поднялъ оружіе на Арнульфа „своего господина, императора и кума“, „своего благодѣтеля, который далъ ему Богемію и часть Венгріи до рѣки Грана“ (замѣтимъ, что эти земли Арнульфу никогда не принадлежали), — и эту-то странную причину, слышанную имъ отъ своихъ собратьевъ, католическихъ монаховъ, занесъ Косьма въ Чешскую лѣтопись.

веровосточный уголъ Венгріи, гдѣ Унгваръ и Мункачъ. «Славяне же, обитатели той земли, говоритъ венгерская лѣтопись, услыхавъ о приходѣ ихъ, испугались весьма и добровольно покорились князю Алмошу (отцу Арпада), и хотя были подданные князя Салана (подвластнаго Болгарскому государю), однако со страхомъ и почтеніемъ служили Алмошу. Страхъ и трепетъ напали на жителей земли той, и они льстили князю и старшинамъ его, какъ рабы собственнымъ господамъ, и превозносили плодородіе той земли и разсказывали, какъ, по смерти царя Аттилы, великій Крумъ [1]), прадѣдъ князя Салана, вышедъ изъ Болгаріи..... занялъ ту землю и какъ сами Славяне выведены были изъ Болгаріи и разселены до предѣловъ Руси....». — Занявъ сѣверную окраину «Задунайской» [2]) Болгаріи, Мадьяры стали распространяться все далѣе на югъ и западъ. Въ нихъ развилась необыкновенная удаль и сила. Къ нимъ приставали ихъ родичи, вѣтви Печенѣговъ, прозванныя Секлерами, остатки Аваровъ, и вѣроятно даже многіе Болгаре, остававшіеся на сѣверномъ берегу Дуная въ кочевомъ состояніи (съ осѣдлыми Славянами Мадьяры не браталась), — и все страшнѣе и страшнѣе дѣлались ихъ набѣги. Въ нѣсколько лѣтъ, устремляясь то въ ту, то въ другую сторону, разгромили они основанную Крумомъ Задунайскую Болгарію и царство Великоморавское.

Въ ихъ преданіяхъ, внесенныхъ въ лѣтопись, весьма подробно говорится о завоеваніи четырехъ княжествъ, изъ коихъ состояла Задунайская Болгарія. Завоеванію, конечно, помогло хаотическое разнообразіе народонаселенія и недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ князей; помощь Симеона изъ-за Дуная подошла, когда дѣло было почти кончено. Въ началѣ Мадьяры дѣйствовали осторожно, стараясь отклонить отъ себя удары Болгарскаго властителя между Дунаемъ и Тисою, Салана, задабривая его, кажется, и данью. Видны слѣды этого въ хвастливомъ разсказѣ нотарія короля Белы [3]). Онъ говоритъ, что на грозныя слова, которыя Саланъ велѣлъ передать Арпаду, Мадьярскій вождь отвѣчалъ съ великимъ смиреніемъ: «Хотя пращуръ мой, могучій царь Аттила [4]) владѣлъ землею между Дунаемъ и Тисою до предѣловъ Болгарскихъ, нынѣ принадлежащею Са-

---

[1]) О ложномъ чтеніи *Keanus* вмѣсто *Kermus* было уже сказано.

[2]) Я говорю „*Задунайская Болгарія*“ въ томъ смыслѣ, какъ греческіе лѣтописцы, и безъ сомнѣнія, сами Болгаре употребляли это выраженіе, смотря съ средины Балканскаго полуострова.

[3]) Объ этомъ лѣтописцѣ мы говорили прежде.

[4]) Упоминовенія объ Аттилѣ могутъ почесться прибавками лѣтописца къ подлинному преданію: уже съ древняго времени замѣтно въ ученыхъ Венгерцахъ желаніе выдать свой народъ за потомковъ Гунновъ и тѣмъ какъ бы узаконить его пребываніе въ Дунайской странѣ.

лану, но я, — не изъ страха, а изъ дружбы къ Салану, — требую отъ него не всей этой земли, а лишь частицы, для моихъ стадъ, до рѣки Саіо, и еще прошу вашего князя, чтобы онъ изъ милости прислалъ мнѣ двѣ кружки Дунайской воды да охапку травы съ песковъ Олпарскихъ (Алпаръ на Тисѣ), чтобы я могъ знать, слаще ли трава Олпарская Скиѳской или Дентумадьярской и лучше ли вода Дунайская Донской». И съ тѣмъ вмѣстѣ, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, отправилъ Арпадъ къ Салану отъ себя послами знатныхъ людей своихъ, Унду «отца Эте» и Ретеля «отца Олуптулмака» [1]), и съ ними отправилъ онъ ему 12 бѣлыхъ коней, 12 верблюдовъ, 12 Куманскихъ (Печенѣжскихъ?) юношей, 12 Русскихъ дѣвъ наимудрѣйшихъ (prudentissimas), 12 шубъ горностаевыхъ, 12 соболей (zobolos) и 12 златотканныхъ плащей. Они прибыли къ Салану въ Олпаръ на Тисѣ, и онъ принялъ ихъ съ радостью, исполнилъ всѣ просьбы Арпада и далъ ему землю до Саіо. — Тѣмъ не менѣе Арпадъ, въ повѣствованіи нотарія, долженъ былъ покорить силою жителей уступленнаго ему края. Послѣ того онъ отправилъ такое же посольство, такіе же дары къ другому Болгарскому князю, Менуморуту, владѣвшему на восточной сторонѣ Тисы, и требовалъ земель около Самоши; но тотъ отказалъ на отрѣзъ. Мадьяры вторглись въ его предѣлы, но не хотѣли итти на него самого, а на первый разъ ограничились занятіемъ страны, которой требовали. Когда это было сдѣлано, то одинъ изъ Арпадовыхъ военачальниковъ, Тухутумъ, отецъ Хорки, человѣкъ хитрый, услыхавъ о плодородіи Залѣсья (terrae Ultrasilvanae, т. е. Седмиградіи), захотѣлъ добыть ее, какъ всѣ въ то время, по нашей поговоркѣ (выписываю изъ венгерскаго лѣтописца) *добывали себѣ мѣсто и пріобрѣтали доброе имя,* — и послалъ туда развѣдчикомъ отца Опафоркоша, Огманда, который донесъ ему, что земля хорошая, обильная золотоносными рѣками, и что жители той земли наихудшіе люди въ мірѣ, Волохи и Славяне, что они не имѣютъ другаго оружія, кромѣ лука и стрѣлъ, что ихъ князь Гелу слабѣе другихъ князей (т. е. Салана и Менуморута), ибо не имѣетъ у себя хорошаго войска и терпитъ обиды отъ Кумановъ и Печенѣговъ». Тухутумъ, съ позволенія Арпада, перешелъ съ войскомъ за лѣса, встрѣтился съ княземъ Гелу, разбилъ его въ упорной битвѣ и въ преслѣдованіи убилъ. Тогда жители добровольно покорились и присягнули ему, и онъ сдѣлался владѣтелемъ Трансильваніи [2]).

---

[1]) Замѣчателенъ въ этихъ древнихъ Мадьярскихъ сказаніяхъ обычай означать человѣка не именемъ и *отчествомъ*, какъ дѣлаютъ Славяне и другіе Арійскіе народы, а именемъ и, если можно такъ выразиться, *сыновствомъ*, т. е. прибавлять къ имени человѣка имя его сына.

[2]) Родъ его княжилъ тамъ до 1003 г.

Между тѣмъ вожди Тосу и Соболсу покорили землю между Самошью и Кёрёшью. Теперь Арпадъ становится смѣлѣе передъ Саланомъ: онъ посылаетъ извѣстить его объ успѣхахъ Венгерскаго оружія, дабы Саланъ принялъ участіе въ его радости, и требуетъ у него земли отъ рѣки Саіо до Задьвы (Zogea, Zagyva, течетъ въ Тису). Испуганный Саланъ отдаетъ ее, Арпадъ приходитъ и покоряетъ Славянъ между Саіо и Задьвою. Утвердившись на Тисѣ, онъ посылаетъ войска на западъ, беретъ Гоморъ, Нитру и разоряетъ большую часть Моравскаго государства. Тогда наконецъ, при вѣсти о такомъ страшномъ усиленіи Венгровъ, Саланъ призываетъ на помощь князя Болгарскаго [2]); князь Болгарскій посылаетъ ему большое войско изъ-за Дуная. Война объявлена Мадьярамъ. Арпадъ ведетъ на Салана всѣ силы свои, обѣ рати идутъ вдоль по Тисѣ, Арпадъ съ сѣвера, Саланъ отъ Тителя; они встрѣчаются на пескахъ Олпарскихъ, и ночуютъ такъ близко другъ отъ друга, что никто не смѣетъ сомкнуть глазъ во всю ночь. Сраженіе; Саланъ разбитъ, войско его разсѣвается, онъ самъ уходитъ въ Бѣлградъ (Alba Bulgariae). «И сталъ Арпадъ на пескахъ Олпарскихъ, и велѣлъ на противоположной сторонѣ Тисы выстроить крѣпкій городъ изъ земли, который Славяне назвали на языкѣ своемъ Чернымъ-городомъ (Csongrad)». Онъ покорилъ народъ до Тителя. Потомъ, — такъ разсказываетъ далѣе венгерскій лѣтописецъ, — Арпадъ перешелъ Дунай при устьѣ Савы и устремился на Бѣлградъ; князь Болгарскій, родственникъ Салана, загородилъ ему дорогу; но опять Болгары были разбиты, князь ихъ бѣжалъ и заперся въ Бѣлградѣ, онъ просилъ мира, отказался отъ покровительства Салану, заплатилъ дань. За тѣмъ Арпадъ приступилъ къ завоеванію Паннонів, началъ дѣлать набѣги въ Каринтію и сѣверную Италію, и въ то же время послалъ войско противъ князя Глада, владѣвшаго на югъ отъ Мароши. Перешедши Дунай и Тису, Мадьяры покорили жителей между Марошью и Темешью. На берегу Темеши выстроился противъ нихъ Гладъ съ великою силою, конною и пѣшею, съ отрядами Кумановъ, Болгаръ и Волоховъ. Мадьяры раздѣлились на два полка, съ двухъ сторонъ напали на Глада и одержали побѣду: «передъ ними падали враги, какъ снопы за жнецомъ, погибло два вождя Куманскихъ и трое князей (kenezy) Болгарскихъ»; Гладъ просилъ мира, поддался Арпаду. Черезъ нѣсколько времени новая рать Мадьярская выступила противъ послѣдняго поборника Задунайской Болгаріи, противъ Менуморута; на рѣкѣ Кёрёши присоединились къ Мадьярамъ Секлеры. Менуморутъ, не

---

[2]) Также Греческаго императора, говоритъ венгерскій лѣтописецъ, что весьма невѣроятно.

принявъ боя, бѣжалъ. Столица его, Бихаръ (близъ нынѣшняго Гроссъ-Вардейна) сдалась. Заключенъ былъ миръ; Менуморутъ выдалъ дочь свою за Арпадова сына Солтана, Бихаръ былъ ему оставленъ, онъ признаiъ себя подданнымъ Арпада.

Такъ изображается въ венгерскомъ сказаніи покореніе Задунайской Болгаріи. Подробности могутъ быть неточны, имена князей искажены, но вѣрно сохраненъ, конечно, общій ходъ завоеванія. Сглажена только страшная жестокость Венгерскаго нашествія, жестокость, для которой западные лѣтописцы того времени не находятъ словъ и которую можно сравнить съ ужасами Батыя. Самъ нотарій Белы сознается о своихъ соотечественникахъ, что «душа ихъ въ ту пору ничего другаго не желала, какъ завоевывать земли, порабощать народы, предаваться трудамъ воинскимъ, ибо Венгерцы радовались тогда пролитію человѣческой крови, какъ радуется піявица (sicut sanguisuga), да иначе какъ бы они и оставили своимъ потомкамъ столько хорошей земли?»

Въ Задунайской Болгаріи Мадьяры щадили еще кое-какія мѣста, довольствовались кое-когда подданствомъ, а не порабощеніемъ туземцевъ, ибо находили тамъ, какъ сказано, много родныхъ стихій. Но въ одно время съ Задунайскою Болгаріею завоевали они и Великую Моравію, и здѣсь, въ землѣ чисто-славянской, они все разрушали, избивали, порабощали весь народъ. «По смерти Святополка, говоритъ Константинъ Багрянородный, начались (у Моравцевъ) распри и междоусобія, и пришли Турки и истребили ихъ совершенно». Еще прежде той битвы у Пресбурга, гдѣ пали послѣдніе защитники Великой Моравіи, папѣ, при попыткѣ его послать епископовъ къ Святополковымъ наслѣдникамъ, писали (900 г.) изъ Германіи: «Во всей Панноніи не видать ни единой церкви, и епископы ваши разскажутъ, сколько дней они ѣхали и видѣли всю землю опустѣлою (desolatam)».— Въ 907 г. была эта битва Пресбургская, положившая конецъ Великой Моравіи; и подъ тѣмъ же годомъ записано, что «Венгры побѣждаютъ Болгаръ и налагаютъ на нихъ дань»: дѣло идетъ конечно о побѣдахъ Арпада надъ Саланомъ у Олпара, надъ Симеономъ у Бѣлграда, побѣдахъ, ниспровергшихъ владычество Болгаръ на сѣверномъ берегу Дуная. Вмѣстѣ съ тѣмъ, должно быть, погибло и государство Хорватовъ между Дравою и Савою, которое составляло какъ бы связующее звено славянскихъ поселеній на Адріатикѣ съ центромъ славянскаго міра. Послѣ вторженія Венгровъ, о королевствѣ Брячислава нѣтъ уже помину. Такъ пали въ одно время Задунайская Болгарія и Великая Моравія и Хорватія сѣверная, такъ воздвиглась на среднемъ Дунаѣ, на мѣстѣ двухъ славянскихъ державъ, держава враждебная Славянамъ, такъ въ 907 году между Славянами восточными и сѣверо-

западными: Русью, Польшею, Чехами, Словаками съ одной стороны, и юго-западными, Болгарами, Сербами, Хорватами съ другой, — стало преградою племя Заволжскихъ наѣздниковъ. Съ тѣхъ поръ исторія западныхъ Славянъ раздвоилась; Болгаре, Сербы, Хорваты вошли окончательно въ политическую сферу Константинополя и Италіи, Чехи, Польша примкнули къ Германіи, — и одна только огромная Русь могла остаться самобытною.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Симеонъ, царь Болгарскій: золотой вѣкъ Болгаріи.

На рубежѣ IX-го и X-го столѣтій совершился, мы видѣли, въ равнинахъ средняго Дуная великій переворотъ: славянское богослуженіе, славянскіе проповѣдники были изгнаны изъ той самой земли Великоморавской, которую Кириллъ и Меѳодій хотѣли положить краеугольнымъ камнемъ славянскому просвѣщенію, а за тѣмъ эту землю и принадлежавшія Болгаріи княжества на сѣверной сторонѣ Дуная занялъ народъ Мадьярскій. Въ походахъ противъ Грековъ, въ битвахъ съ Мадьярами протекла первая половина царствованія Симеона, сына Борисова; мы оставили въ 907 г. Болгарію лишенною, въ отторгнутыхъ Мадьярами областяхъ, своего оплота отъ степныхъ Черноморскихъ ордъ, отрѣзанною, вмѣстѣ съ Сербами и Хорватами, отъ всѣхъ остальныхъ Славянъ, сдавленною между новымъ государствомъ Венгерскимъ и Византійскою имперіею, — врагами, всегда готовыми противъ нея на союзъ и одинаково опасными: Венгры — свирѣпою отвагою, Византійцы — коварствомъ и соблазномъ. А въ то же время Болгарія эта, для которой такъ невыгодно, въ политическомъ отношеніи, кончился IX вѣкъ и начался X-й, пріютила у себя гонимое Западомъ просвѣщеніе славянское и, пріютивши, стала сама служить ему со всею ревностью новообращеннаго народа. Съ какою-то юношескою радостью и гордостью прилагаетъ она свои свѣжія силы къ священному дѣлу книжнаго ученія. Самъ государь участвуетъ въ этомъ свѣтломъ и чистомъ порывѣ народа Болгарскаго: воспитанный въ Царьградѣ, вполнѣ усвоившій себѣ греческое образованіе, Симеонъ могъ бы довольствоваться готовыми уже, несмѣтными богатствами греческой письменности; нѣтъ, онъ не хочетъ отдѣляться образованіемъ отъ своего народа, греческія книги не удовлетворяютъ его, такъ хорошо знакомаго съ греческимъ языкомъ, что его называли *полу-Грекомъ:* ему нужно, чтобы книги были доступны народу, онъ поощряетъ переводчиковъ, велитъ составлять на славянскомъ языкѣ сборники замѣчательныхъ духовныхъ сочиненій, поручаетъ Констан-

тину епископу, ученику Меѳодія, перевести на славянскій языкъ слова Аѳанасія великаго, требуетъ отъ Григорія пресвитера перевода хроники Малалы, еще ревностнѣе отца своего Бориса покровительствуетъ неутомимому подвижнику и писателю св. Клименту Охридскому; ему, «царю великому, христолюбцу Симеону», посвящаетъ Іоаннъ Экзархъ свой трудъ о сотвореніи міра, составленный «по Василію Великому, Іоанну Златоусту..... и Аристотелю философу», и самъ онъ, среди заботъ государственнаго управленія и военныхъ тревогъ, «привыкшій прочитывать всѣ книги» (такъ выражается о Симеонѣ современникъ), дѣлаетъ изъ громадныхъ трудовъ Златоуста сборникъ избранныхъ сочиненій въ славянскомъ переводѣ (такъ наз. Златоструй), сборникъ, который особенно полюбился Болгарскому, а потомъ и Русскому народу. Такъ сознавалъ государь этотъ, величайшій изъ вѣнценосцевъ Болгаріи, свою обязанность быть и вождемъ и просвѣтителемъ народа; такъ онъ, который предписывалъ миръ кесарямъ и великолѣпіемъ своего двора затмѣвалъ старый дворъ Византійскій, чтилъ слово и просвѣщеніе: евангельская ревность образованныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ наставниковъ, стремленіе юнаго народа къ умственной дѣятельности и примѣръ «книголюбиваго» царя, все это соединилось тогда въ Болгаріи и поставило ее на высшую точку ея духовнаго развитія.

Симеонъ легко оправился отъ пораженія, нанесеннаго ему Мадьярами. Какъ въ духовной жизни, такъ и въ вещественной, Болгарія еще была свѣжа, еще кипѣла избыткомъ силъ. Куда направитъ Симеонъ эти силы? Вновь утвердиться на лѣвомъ берегу Дуная, разрушить владычество Арпада и Солтана уже нельзя, поздно; но необходимо дать какую нибудь прочную точку опоры Болгарскому государству, которое протянулось длинною полосою отъ Албаніи до Чернаго моря, имѣя границы со всѣхъ сторонъ открытыя, которое захватило три четверти Балканскаго полуострова, а нигдѣ не успѣло округлиться и нигдѣ также не нашло себѣ естественнаго средоточія. Теперь, когда уже переправа черезъ Дунай находилась въ рукахъ враговъ, только одна и могла быть точка опоры для этого государства, одна средина и защита — Босфоръ, Цареградъ: и вотъ Симеонъ, который, въ началѣ своего царствованія, мы видѣли, весьма неохотно воевалъ съ Греками и старался жить съ ними въ ладу, заботясь болѣе о Мадьярахъ, нежели о Константинополѣ, — вдругъ переноситъ свою дѣятельность отъ сѣверныхъ предѣловъ къ южнымъ и, забывая о Мадьярахъ, ведетъ всѣ силы Болгаріи къ Босфору. Великою борьбою съ Греками за обладаніе Константинополемъ обозначается вторая половина Симеонова царствованія; въ ней является Болгарія въ полнотѣ своего могущества, и въ то же время достигаетъ она полноты

своего духовнаго развитія: вторая половина Симеонова царствованія есть золотой вѣкъ Болгаріи.

Греки сами опять какъ бы нарочно вызвали Симеона на бой. Когда онъ, въ 912 г., по случаю кончины императора Льва, отправилъ къ его преемнику пословъ для утвержденія дружбы, то новый государь, безразсудный и развратный Александръ, отослалъ ихъ съ безчестіемъ и поругался надъ самимъ государемъ Болгарскимъ. Вскорѣ Александръ погибъ, престолъ перешелъ къ малолѣтному Константину Багрянородному, власть къ правителямъ: конечно, никто въ Константинополѣ не желалъ войны, и легко бы было возстановить прежнюю дружбу; но теперь Симеонъ уже рѣшился на борьбу, да и время несовершеннолѣтія императора было для нея удобно. Безпрепятственно подошелъ онъ (въ авг. 913 г.) къ Константинополю, возвелъ окопы; но средствъ для настоящей осады у него не было, и онъ вступилъ въ переговоры. Греки съ радостью приняли предложеніе о мирѣ; патріархъ и первые сановники вышли къ Симеону за Влахернскія ворота съ юнымъ императоромъ; потомъ двое сыновей Симеоновыхъ посѣтили въ столицѣ державнаго отрока и приняли его угощеніе; все предвѣщало миръ, какъ вдругъ переговоры были прерваны,—не могли согласиться въ условіяхъ, и Симеонъ возвратился въ Болгарію готовить новый походъ. Въ 914 г. онъ опять вступилъ во Ѳракію; первымъ дѣломъ его было осадить Адріанополь, который онъ прежде, кажется, обошелъ; осада была долгая; наконецъ измѣна открыла городскія ворота (914 г. сентябрь). Но неизвѣстно, по какой причинѣ Симеонъ, взявъ выкупъ, возвратилъ Грекамъ Адріанополь: вѣроятно заключено было перемиріе, и обѣ стороны стали снаряжаться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Велики были приготовленія и «высокомѣріе» Симеона; съ своей стороны императрица-мать и правительница Зоя, на совѣтѣ съ своими сановниками, положила собрать и противопоставить Болгарамъ всѣ силы имперіи. Послали въ Сирію къ халифу Багдадскому и въ Африку къ халифу Керванскому полномочныхъ пословъ для переговоровъ, и заключили миръ, чтобы совершенно обезпечить себя со стороны Малой Азіи и Средиземнаго моря; тогда перевезли Азійскіе легіоны въ Европу и раздачею денегъ усилили ихъ ревность; взяли и Армянскіе отряды; созвали изо всѣхъ темъ (областей) имперіи военачальниковъ съ ихъ полками; заблаговременно позаботились о приглашеніи Печенѣговъ къ набѣгу на Болгарію, и Печенѣги дѣйствительно подошли уже къ устьямъ Дуная; въ довершеніе всего, обратились къ Сербскому государю Петру и старались составить между имъ и Мадьярами союзъ противъ Болгаръ: здѣсь, какъ и съ Печенѣгами, были употреблены въ дѣло богатые подарки. Мадьяры, правда, занятые другими войнами, оста-

лись въ сторонѣ; но Петръ дѣйствительно вошелъ въ связи съ Греками, какъ видно изъ того, что Симеонъ тогда же прервалъ многолѣтнюю съ нимъ дружбу, и рѣшился на войну съ Сербами. Два года слишкомъ прошло въ этихъ приготовленіяхъ. Наконецъ Греческія войска, азіятскія и европейскія, были въ сборѣ у столицы, на обширной равнинѣ. Духовенство вынесло передъ полки древо Животворящаго креста; всѣ, падая ницъ, поклялись умереть другъ за друга. Лѣтомъ 917 г. двинулись войска къ сѣверу, по берегу Чернаго моря; флотъ, подъ начальствомъ Романа Лакапина, поддерживалъ сухопутныя силы и, безъ сомнѣнія, облегчалъ продовольствованіе, а часть кораблей отряжена была впередъ, къ Дунаю, на встрѣчу Печенѣгамъ. Греки прошли, и конечно заняли, Девелтъ (Бургасъ), Анхіалъ, Месемврію. На рѣкѣ Ахелоѣ (Надирдере?) близъ Месемвріи, — гдѣ сходятъ къ морю крайніе отроги Балкановъ, — встрѣтилъ Грековъ Симеонъ, вѣроятно спустившись съ своими войсками съ высотъ, окружающихъ нынѣшнюю Шумлу и мѣстность, гдѣ была его столица Прѣславъ Великій. 20-го августа 917 г. дано было сраженіе. Симеонъ стоялъ на горѣ, распоряжаясь битвою. Греки двинулись впередъ, Болгаре стали стройно отступать, видно съ цѣлію заманить непріятеля къ возвышеніямъ. Но вотъ Симеонъ замѣтилъ смятеніе въ непріятельскомъ войскѣ: у главнаго начальника греческаго, Льва Фоки, вырвался конь, когда онъ слѣзъ у источника напиться; конь скачетъ, мчится по рядамъ безъ сѣдока, всѣ думаютъ, что вождь погибъ. Симеонъ останавливаетъ знакомъ отступающіе полки, Болгаре всѣмъ строемъ бросаются на Грековъ; непріятель тотчасъ подается назадъ, разсыпается, бѣжитъ, Болгаре преслѣдуютъ; Левъ Фока кое-какъ уходитъ въ Месемврію, прочіе полководцы погибаютъ, легіоны всѣ разсѣяны или побиты. Никогда еще, со времени Крума, не одерживали Болгаре такой побѣды. Она записана въ Византійскихъ лѣтописяхъ какъ одно изъ величайшихъ бѣдствій, постигшихъ имперію: «Августа мѣсяца двадцатаго дня, индиктіона V-го, былъ бой между Болгарами и Римлянами на Ахелоѣ, и по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, Римляне всѣмъ войскомъ (πανστρατί) обратили тылъ и побѣжали, и страшный поднялся вопль, — сами другъ друга давили, а непріятель нагонялъ и билъ, и произошло такое кровопролитіе, какого не было отъ вѣка.»

На Дунаѣ также посчастливилось Болгарамъ: правда, Романъ Лакапинъ прибылъ съ своими кораблями на соединеніе съ Печенѣгами, но онъ съ ними не поладилъ, и Печенѣги, вѣроятно зная о великой побѣдѣ Симеона, не заблагоразсудили тревожить Болгаръ; они возвратились въ свои степи, а флотъ отплылъ въ Константинополь. Симеонъ, говоритъ одно древнее сказаніе, наводнилъ своими войсками (pervasit) весь материкъ, т. е. цѣлый Балканскій полуостровъ, все по-

рабощая и истребляя; иныхъ онъ лишалъ жизни, другихъ свободы и дѣлалъ своими данниками. Греки частью затворялись въ укрѣпленіяхъ городовъ, гдѣ ихъ держали точно въ темницѣ, частью же спасались бѣгствомъ на островъ Эвбею и въ Пелопоннесъ [1]).

Если Симеонъ прежде сомнѣвался еще въ достиженіи своей цѣли, то теперь, побѣдитель Ахелойскій, онъ могъ уже видѣть себя на престолѣ кесарей, видѣть имперію Болгарскую на мѣстѣ старой Византійской имперіи. Когда, какъ не послѣ Ахелойской битвы, былъ случай торжественно возвѣстить о новой, высокой долѣ, которую принимала на себя Болгарія и ея государь? Не теперь ли должна была представиться государю Болгарскому мысль замѣнить свое простое славянское наименованіе князя тѣмъ титуломъ, который въ понятіяхъ народа, Славянскаго и Греческаго, принадлежалъ преемникамъ Августа и Константина? Дѣйствительно, Симеонъ, какъ свидѣтельствуетъ современникъ, *былъ провозглашенъ царемъ Болгаръ* (βασιλεὺς Βουλγάρων): дотолѣ ни одинъ Болгарскій, ни одинъ Славянскій государь не носилъ этого титула, который, соотвѣтствуя римскому *imperator*, придавался еще лишь императору Константинопольскому, да коронованному въ Римѣ главѣ Западной имперіи [2]). Такимъ образомъ, въ названіи царя, которое сталъ носить Симеонъ, заключалось уже притязаніе на преемство кесарей: къ титулу *царя Болгарскаго* необходимо присоединялся титулъ, принадлежавшій Восточнымъ императорамъ, и Симеонъ не усомнился принять гордое наименованіе *самодержца Римлянъ* (αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων). Обладаніе Константинополемъ сдѣлалось его открытой цѣлію. Напрасно увѣщевалъ его Цареградскій патріархъ Николай Мистикъ отказаться отъ этого замысла, предлагая ему, отъ имени Византійскаго правительства, выгодныя условія мира. Напрасно взывалъ онъ къ его христіанскимъ чувствамъ, заклиная памятью его отца, святаго миротворца Бориса, остановить кровопролитіе между двумя единовѣрными народами; напрасно, однажды выведенный изъ терпѣнія высокомѣріемъ Болгарскаго завоевателя, напоминалъ ему, что его предки были «бѣглые рабы Аваровъ»: Симеонъ былъ непреклоненъ. Онъ говорилъ, что это воля Божія, чтобы Болгарскій народъ взялъ преемство Римлянъ: «Отцы и дѣды наши потрудились, — намъ, говорилъ Симеонъ, намъ дано пользоваться плодами ихъ трудовъ. И я, Симеонъ, долженъ, какъ Моисей, избавить

---

[1]) Сказаніе о св. Лукѣ чудотворцѣ, Baron. 16, 53.

[2]) Западныхъ королей, и вообще первостепенныхъ чужихъ государей называли Византійцы латинскимъ словомъ ῥήξ, ῥῆγες, славянскихъ князей — ἄρχων и т. п. Титуломъ βασιλεὺς они такъ дорожили для своего императора, что даже избѣгали давать его императору Западному.

мой народъ отъ рабства (т. е. отъ преобладанія Грековъ), я приведу его въ землю обѣтованную» (т. е. въ Царьградъ) [1]).

Между тѣмъ, Греческая столица,—цѣль желаній Симеона, волновалась дворцовыми интригами, окружавшими молодаго и слабодушнаго императора Константина Багрянороднаго [2]). Полководцу Роману Лакапину, о которомъ мы упоминали, удалось захватить въ свои руки власть (919 г.), женить Константина на своей дочери и сѣсть на престолъ въ качествѣ соправителя (920 г.). Симеонъ старался воспользоваться этимъ: провозглашая Романа похитителемъ престола, онъ отказывался отъ всякихъ съ нимъ сношеній, обращался съ своими письмами прямо къ сенату Константинопольскому, какъ бы имперія не имѣла государя, и заявлялъ открыто свои притязанія на престолъ Римскихъ кесарей. — Но чтобы узаконить и освятить императорскій титулъ, нужно было архипастырское благословеніе и вѣнчаніе, а какъ въ то время императорское достоинство сопряжено было съ двумя столицами Римскаго міра, Римомъ и Константинополемъ, то совершать этотъ обрядъ могли только папа и патріархъ Константинопольскій. И вотъ Симеонъ возобновляетъ давно прерванныя сношенія съ папою; было, конечно, странно и неправильно, что онъ, домогаясь престола Константинопольскаго, искалъ духовнаго утвержденія своему царскому достоинству не отъ Константинопольскаго патріарха, а отъ Римскаго первосвященника: но патріархъ Николай, хотя выказывавшій одинаковую христіанскую любовь къ Болгарамъ, какъ и Грекамъ, хотя писавшій къ Симеону съ глубокимъ уваженіемъ къ его личному характеру и достоинствамъ, не могъ подчиниться его замысламъ. Напротивъ, папа долженъ былъ съ радостью внять желанію Симеона, которое согласовалось съ его собственными видами на вселенское господство, и Симеонъ вѣрно не преминулъ льстить этимъ видамъ. Онъ достигъ своей цѣли. Папа прислалъ новому царю Болгарскому императорскій вѣнецъ и свое «патріаршее благословеніе» (coronam imperii et patriarchalem benedictionem). Дворъ свой Симеонъ устроилъ великолѣпно, и, — что въ особенности обличаетъ его мысль заступить мѣсто Греческихъ императоровъ, — онъ ввелъ у себя, при нѣкоторыхъ придворныхъ обрядахъ, греческій языкъ: византійскій лѣтописецъ именно говоритъ, что отборные воины Симеоновы съ позолоченными и посеребренными доспѣхами (безъ сомнѣнія его почетная стража) привѣтствовали его, *какъ императора, на греческомъ языкѣ* (ὡς βασιλέα εὐφήμουν τῇ Ρωμαίων φωνῇ).

[1]) См. посланія патріарха Николая Мистика къ Симеону князю Болгарскому, въ приложеніи къ рѣчи профессора Григоровича: „Какъ выражались отношенія Константинопольской Церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X столѣтія?“ Одесса. 1866.

[2]) Онъ родился въ 905 г.

Такъ проявлялъ Симеонъ свое намѣреніе создать молодыми силами Болгаріи новую Восточную имперію и воздвигнуть свой престолъ въ прекраснѣйшей столицѣ міра. — Даже сухіе лѣтописцы византійскіе, которые всегда какъ бы нарочно избѣгаютъ говорить о политическихъ предначертаніяхъ и видахъ своихъ, а тѣмъ болѣе чужихъ, государей,—и тѣ не рѣшились скрыть, къ какой цѣли стремился Симеонъ: «возгордясь духомъ по случаю многихъ одержанныхъ надъ Римлянами (т. е. Греками) побѣдъ, говоритъ Кедринъ, Симеонъ мысленно держалъ уже въ своей власти Римскую имперію».

Можетъ быть, великость этой цѣли имѣла вліяніе на его образъ дѣйствій, но нельзя не замѣтить въ послѣднихъ предпріятіяхъ Симеона противъ Византіи большую разницу съ его прежними походами. Видна теперь въ каждомъ его шагѣ необыкновенная осторожность и медлительность: рѣшившись воевать съ тѣмъ, чтобы овладѣть имперіею, а не только пользоваться ея богатствами или добиться какой нибудь уступки, онъ какъ будто бы предложилъ себѣ дѣйствовать только съ расчетомъ на вѣрный успѣхъ и ждать, пока соберетъ всѣ свои силы, оградитъ себя со всѣхъ сторонъ. Въ томъ-то и была его ошибка.

Когда, можетъ быть, слѣдовало со всѣми войсками итти прямо на Цареградъ по стопамъ разбитыхъ при Ахелоѣ легіоновъ, онъ занялся новыми приготовленіями и замыслами, а къ Цареграду послалъ только небольшіе отряды. Этими отрядами онъ хотѣлъ, вѣроятно, держать въ тревогѣ Греческое правительство; и дѣйствительно, Болгарскіе отряды, не встрѣчая нигдѣ отпора, проникли въ окрестности столицы и принялись тамъ грабить. Греческій военачальникъ, Левъ Фока, собралъ было опять кое-какое войско и пошелъ на Болгаръ; но Болгаре напали на него ночью врасплохъ (у Катасиртъ), Левъ опять бѣжалъ, войско разсѣялось, и вся страна до стѣнъ Константинополя осталась въ рукахъ Болгаръ (918 г.).

Почему, при такомъ безоружномъ положеніи Восточной имперіи, вмѣсто того чтобы сперва покончить съ Цареградомъ, Симеонъ вдругъ вздумалъ распространить свою власть на Сербію? Предвидѣлъ ли онъ дѣйствительно какую нибудь опасность отъ возможнаго союза Сербовъ съ Мадьярами и Греками? Или онъ надѣялся ловкимъ вмѣшательствомъ подчинить Сербію своему господству, и тогда съ большею еще силою нагрянуть на Византію? Послѣднее весьма вѣроятно, патріархъ Николай въ одномъ изъ своихъ посланій прямо указываетъ на намѣреніе Симеона присвоить себѣ «весь западъ имперіи», и слабость Сербскихъ правителей могла навести его на эту мысль.

Въ Сербіи давно уже начались смуты. Сынъ Властиміра, Мунти-

міръ, современникъ Бориса, отнялъ удѣлы у своихъ братьевъ, Строиміра и Гойника и отослалъ ихъ въ Болгарію; но племянника своего, сына Гойникова, Петра, онъ удержалъ при себѣ и хотѣлъ воспитать. Однако Петръ ушелъ отъ него къ Хорватамъ и когда Мунтиміръ умеръ, то въ свою очередь, выгналъ его сыновей. Это происходило около 892 года. Послѣ нѣсколькихъ враждебныхъ покушеній со стороны сыновей Мунтиміровыхъ (Прибыслава, Браңа и Стефана), которые тоже бѣжали въ Хорватію, Петръ утвердился въ Сербіи и спокойно правилъ ею двадцать лѣтъ, признавая надъ собою верховную власть Византійскаго императора, но храня миръ съ могущественнымъ сосѣдомъ Симеономъ. Но въ послѣдней войнѣ Грековъ съ Болгарами, онъ, какъ мы видѣли, былъ на сторонѣ Грековъ. Притомъ онъ нашелъ себѣ врага и соперника въ князѣ Михаилѣ Вышевичѣ (правильнѣе Вышеславичѣ), владѣтелѣ Захолмія (въ нынѣшней Герцеговинѣ), который велъ свой родъ отъ выходцевъ Славянъ съ береговъ Вислы. Этотъ Михаилъ вѣроятно стремился къ полной независимости отъ великаго жупана Сербскаго, а со стороны Петра его власти грозила дѣйствительная опасность. Великій жупанъ занялъ землю Неретчанъ, которая, по своему положенію, была почти составною частію Захолмія. Михаилъ Вышевичъ обратился къ государю Болгарскому. Онъ извѣщалъ его о сношеніяхъ великаго жупана съ Византійскимъ дворомъ и конечно подстрекалъ ко вмѣшательству въ дѣла Сербіи, быть можетъ обѣщая прямую помощь противъ Петра. Какъ бы то ни было, Симеонъ вознегодовалъ на вел. жупана Сербскаго и послалъ, послѣ битвы при Ахелоѣ, войско въ Сербію. Болгарскіе вожди [1]) должны были, вмѣсто Петра, поставить Сербскимъ государемъ Павла Врановича, Мунтимірова внука, содержавшагося въ Болгаріи; Павелъ этотъ былъ слѣпъ, — ослѣпилъ его Петръ, — и конечно Симеонъ думалъ править Сербіею подъ его именемъ. Воеводы Симеоновы поступили коварно; они снеслись съ Петромъ, начали переговоры, поклялись ему, что зла не замышляютъ, покумились съ нимъ, и тутъ-то, когда онъ имъ довѣрился, схватили его и отправили плѣнникомъ въ Болгарію. Посадили Павла на Сербскій престолъ, и Павелъ сталъ служить Симеону съ такимъ усердіемъ, что Византійскій дворъ почелъ необходимымъ постараться объ его низверженіи и снарядилъ въ Сербію его двоюроднаго брата Захарію Прибыславича; но Захарія попался въ плѣнъ своему совмѣстнику и былъ отосланъ въ Болгарію (917—920).

Наконецъ, въ 923 году, Симеонъ рѣшился итти на Цареградъ. Раннею весною послалъ онъ впередъ сильный отрядъ подъ началь-

---

[1]) Эти Болгарскіе военачальники были Θеодоръ Сигрица и Мармай.

ствомъ одного изъ своихъ главныхъ бояръ Хагана (это вѣрно титулъ, а не имя) и «перваго бунчуконосца» (τῶν ἱπποκόμων τὸν πρῶτον) Миника: на пятой недѣлѣ поста они были у Константинополя. Самъ Симеонъ съ тяжелою своею ратью долженъ былъ двинуться позднѣе. Но онъ предвидѣлъ, какъ трудно будетъ, съ одними сухопутными силами, взять Константинополь: необходима была помощь съ моря, и Симеонъ объ этомъ позаботился. Онъ отправилъ посольство къ Фатлуму, Арабскому халифу сѣверной Африки, и предложилъ ему союзъ: Арабскій флотъ (въ то время халифатъ Керванскій былъ силенъ на морѣ и безпрерывно воевалъ съ Греками за Сицилію и южную Италію), Арабскій флотъ долженъ былъ подплыть къ Константинополю, а Симеонъ обязывался къ тому же времени обложить его съ сухаго пути великими силами: дѣйствуя совокупно, они взяли бы городъ и раздѣлили бы добычу поровну между Арабами и Болгарами; Константинополь долженъ былъ остаться за Болгаріею; какія области предназначались халифу, не сказано у лѣтописца: можетъ быть, Морея. Болгарскіе послы благополучно прибыли къ Фатлуму въ Африку; халифъ охотно согласился на предложенія Симеона, и отправилъ къ нему, съ возвращавшимися послами его, нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ. Но это именно и послужило къ тому, что дѣло разстроилось: Калабрійцы, всегдашніе враги Африканскихъ Арабовъ, перехватили халифовыхъ пословъ вмѣстѣ съ Болгарскими и отослали ихъ въ Константинополь. Великъ былъ испугъ императора Романа при вѣсти объ этихъ переговорахъ: Болгаръ онъ засадилъ подъ стражу, а Сарацынскихъ вельможъ, осыпавъ золотомъ, тотчасъ отправилъ назадъ въ Африку и богатствомъ даровъ перемѣнилъ расположеніе халифа.

Между тѣмъ передовое войско Болгарское уже стояло подъ Царе-градомъ. Императоръ хотѣлъ защитить загородные дворцы у «Источниковъ» (αἱ Πῆγαι) и верхнюю часть гавани (τὸ Στενόν, теперь Золотой Рогъ): собрали полки, ввели въ гавань Греческій флотъ, высадили на берегъ морское войско. Греки стояли на равнинѣ «Источниковъ», Болгаре строились на окружающихъ холмахъ, и вдругъ устремились съ страшнымъ гикомъ на непріятеля, тотчасъ сломили Грековъ и погнали къ берегу; бѣгущіе избивались Болгарами или, бросаясь въ отчаньѣ къ судамъ, тонули въ морѣ. Болгаре забрали множество плѣнныхъ, безпрепятственно разорили загородные дворцы и выжгли Золотой Рогъ, они утвердились и хозяйничали въ окрестностяхъ Константинополя. Въ іюнѣ вышелъ было противъ нихъ новый отрядъ, но также погибъ.

Наконецъ подошелъ и Симеонъ. Онъ сперва обложилъ Адріанополь, и сталъ морить его голодомъ, Адріанополь сдался и занятъ былъ Болгарскими войсками. Потомъ Симеонъ «разоряетъ Ѳракію и Ма-

кедонію, выжигаетъ жилища, вырубаетъ деревья» (слова лѣтописца). Въ сентябрѣ прибылъ онъ къ столицѣ, сталъ у Влахернскихъ воротъ [1]) и началъ осаду. Но черезъ нѣсколько времени онъ опять рѣшается отложить приступъ: не получилъ ли онъ тогда извѣстія о неуспѣхѣ сношеній съ Арабами? или, можетъ быть, его отзывали Сербскія дѣла, вдругъ принявшія дурной оборотъ? Или его испугали движенія сѣверныхъ народовъ, которыхъ Византія старалась вооружить противъ Болгаріи? Въ самомъ дѣлѣ, патріархъ Николай писалъ ему, что стараніями Византійскаго правительства готовится, или уже приготовлено на Болгарію нападеніе Руси, а съ ними Печенѣговъ, Аланъ [2]) и «западныхъ Турокъ» (т. е. Мадьяръ). Поэтому патріархъ умолялъ Симеона предупредить разореніе своего отечества язычниками, и извѣщалъ, что Византійское правительство готово остановить это нашествіе, если Болгарскій государь согласится на миръ. Мы не знаемъ, подѣйствовали ли именно эти увѣщанія на Симеона; но какъ бы то ни было, онъ послалъ сказать, чтобы къ нему пришелъ патріархъ съ сановниками для переговоровъ. Они являются. Потомъ Симеонъ хочетъ имѣть свиданіе съ самимъ императоромъ. «Романъ возрадовался, желая мира отъ всего сердца; на берегу у Космидія (такъ называетъ это мѣсто лѣтописецъ, разсказъ котораго мы теперь выписываемъ, — вѣроятно у Влахернъ, въ гавани), велѣлъ онъ выстроить въ морѣ крѣпкую площадку для этого свиданія; площадка была такъ устроена, что къ ней могла причалить императорская тріера [3]); между тѣмъ Симеонъ послалъ сжечь храмъ Пр. Богородицы у «Источниковъ», какъ бы въ знакъ, что онъ не помышляетъ о мирѣ. Императоръ отправился съ патріархомъ Николаемъ къ святынѣ Влахернской и колѣнопреклоненный, орошая слезами священный полъ, молилъ Пречистую Богоматерь, да смягчитъ она неумолимое и непреклонное сердце высокомѣрнаго Симеона и направитъ его на миръ.... И оградившись вѣрою, какъ твердою бронею, вышелъ онъ изъ храма. За симъ онъ явился, окруженный оруженосцами, на мѣсто свиданія. На пятый день послѣ этого, 9-го сентября (924), въ четвертомъ часу дня [4]) прибылъ Симеонъ» (четыре дня, какъ мы видимъ, онъ заставилъ ждать императора). «Симеонъ прибылъ, — продолжаемъ разсказъ лѣтописца, — въ сопровожденіи огромнаго воинства. Иные имѣли щиты и копья золотые, серебряные, мѣдные, всѣ закованы были въ желѣзныя брони. Когда Симеонъ вступилъ въ средину своихъ воиновъ, они привѣтствовали его на римскомъ [5]) языкѣ какъ императора. Сенатъ и синклитъ смотрѣли съ

---

[1]) Теперь Балатъ-капусси, въ сѣверо-восточномъ углу города.

[2]) Вѣроятно, Ясовъ, какъ ихъ называютъ наши лѣтописи.

[3]) Военный корабль съ тремя рядами гребцовъ.

[4]) По нашему 10 час. — [5]) Т. е. греческомъ.

городской стѣны на происходившее. И дивную показалъ императоръ Романъ твердость духа, не ужаснулся предъ множествомъ враговъ, не обратился вспять, но пошелъ къ нимъ безстрашно, какъ въ среду друзей. Ставши первый на площадку, онъ ожидалъ Симеона. Размѣнялись заложниками, Болгаре тщательно осмотрѣли площадку, чтобы не было засады или обмана, и тогда Симеонъ соскочилъ съ коня, взошелъ на площадку, приблизился къ императору. Послѣ взаимныхъ привѣтствій заговорили о мирѣ, императоръ сказалъ Симеону: Я слышалъ, что ты человѣкъ богобоязливый и истинный христіанинъ: покажи это на дѣлѣ, прекрати убійства и кровопролитіе, утверди миръ съ нами христіанами, не дай обагряться рукамъ христіанскимъ кровію единовѣрныхъ.... Ты человѣкъ, и тебя ждетъ смерть и воскресеніе и судъ. Днесь живешь, завтра будешь прахъ. Чѣмъ оправдаешься передъ нелицепріятнымъ Судіею въ убійствѣ невинныхъ?.... Желаешь ли богатствъ? Я обогащу тебя: только воздержи руку отъ меча, полюби миръ и согласіе, дабы и твоя жизнь успокоилась, и христіане отдохнули отъ бѣдствій.... Такъ говорилъ императоръ. Пристыженный его смиреніемъ и тронутый его словами, Симеонъ согласился на заключеніе мира. Они разстались, и императоръ великолѣпно одарилъ Симеона. Случилось же при этомъ свиданіи нѣчто чудесное: когда государи говорили другъ съ другомъ, надъ ихъ головами слетѣлись два орла, и тотчасъ разлетѣлись, одинъ по направленію къ столицѣ, другой къ Ѳракіи....»

То былъ великій день для Симеона, можетъ быть величайшій день въ Болгарской исторіи. Государь Болгарскій держитъ у ногъ своихъ наслѣдника кесарей, предписываетъ ему условія мира подъ стѣнами Цареграда. Какъ ни скрываютъ Византійскіе писатели подъ пышными фразами это униженіе, какъ ни скрываютъ они условій, которыми «Римляне» купили миръ, но все же въ витіеватомъ и хитромъ разсказѣ ихъ проглядываютъ неопровержимые признаки истиннаго положенія дѣлъ: Симеонъ едва вымолвилъ слово о мирѣ, тотчасъ являются къ нему патріархъ и высшіе сановники Византійскіе; Симеонъ пожелалъ свиданія съ императоромъ, императоръ не скрываетъ своей радости, спѣшитъ воспользоваться предложеніемъ; когда готовятся уже къ свиданію, Симеонъ выжигаетъ подъ Константинополемъ церкви, посылаетъ своихъ Болгаръ на грабежъ, — императоръ не смотритъ на это. А какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на современниковъ этотъ молебенъ Римскаго императора, «да смягчитъ Пресвятая Богородица неумолимое сердце государя Болгарскаго»! Какимъ должно было показаться самое свиданіе, гдѣ Симеонъ заставляетъ ждать императора (мы знаемъ уваженіе Византійцевъ къ этикету); гдѣ императоръ стоитъ на мѣстѣ свиданія, а Симеонъ велитъ

еще осмотрѣть, все ли честнымъ образомъ устроено; гдѣ предъ лицомъ сената и синклита Цареградскаго и самого императора раздаются въ честь князя Болгарскаго привѣтствія, принадлежащія кесарю, — гдѣ огромная, блестящая рать Симеонова затмѣваетъ тѣлохранителей императора, и кажется, какъ будто императоръ, идя на свиданіе, отдается въ руки враговъ; гдѣ онъ въ рѣчи, чуть не умоляющей, трогаетъ и «пристыжаетъ» Симеона своимъ «смиреніемъ»!

Но какъ все это ни было лестно для самолюбія Симеона и Болгаръ, дѣло осталось неисполненнымъ: Цареградъ не былъ взятъ, Болгарія стояла по прежнему, безъ естественной опоры и средоточія, между варварами сѣверныхъ степей и Византіею. Конечно, Симеонъ могъ надѣяться, окончивши подчиненіе западныхъ земель Балканскаго полуострова, явиться съ новыми силами подъ Цареградъ. Покуда онъ, какъ видно, продолжалъ возбуждать противъ Византіи жившія въ ея областяхъ Славянскія племена. Славяне Македонскіе возстали и снова начали дѣлать нападенія даже на Солунь (926) [1]. Едва ли возможно, чтобы это происходило безъ участія Болгарскаго государя. Между тѣмъ Симеонъ обратилъ свои силы снова на Сербію.

Мы разсказали уже, какъ онъ доставилъ Сербское княженіе слѣпому Павлу Брановича (917) и какъ Павелъ въ началѣ служилъ Болгарамъ и выдалъ имъ своего родственника Захарію Прибыславича (920). Черезъ нѣсколько времени однако Симеонъ сталъ замѣчать, что Павелъ не хочетъ быть только болгарскимъ намѣстникомъ въ Сербіи; разгнѣвавшись, онъ выпустилъ того самаго Захарію, который прежде служилъ орудіемъ его врагамъ, взявъ съ него, конечно, обѣщаніе покорности. Захарія свергнулъ Павла съ престола, но лишь только увидѣлъ себя во главѣ Сербскаго народа, забылъ о повиновеніи Болгарамъ, и отдался подъ покровительство Грековъ. Симеонъ поручилъ своимъ воеводамъ наказать Захарію, и увѣренный, видно, въ успѣхѣ, пошелъ между тѣмъ осаждать Константинополь (923). Болгарскій отрядъ, вступившій въ Сербію, былъ однако разбитъ и уничтоженъ: Захарія послалъ въ Константинополь головы и оружіе Болгарскихъ вождей.

Симеонъ возвратился въ Болгарію. Тотчасъ послалъ онъ войско въ Сербію съ новымъ искателемъ престола. Это былъ Чеславъ Клонимировичъ. Его отецъ Клонимиръ былъ сынъ того Строимира, котораго, какъ мы упомянули выше, его братъ Мунтимиръ лишилъ удѣла и выдалъ Болгарамъ. Этотъ-то Чеславъ Клонимировичъ, рожденный и воспитанный въ Болгаріи, предъявилъ теперь права свои на Сербію. Но Симеонъ не назначалъ Сербамъ Чеслава, а готовилъ имъ жестокую месть. При извѣстіи о приближеніи Болгаръ (войско, видно, было силь-

---

[1]) Liutprand, Antapod. III, 24.

ное), Захарія бѣжалъ къ Хорватамъ. Болгарскіе вожди [1]), на границѣ Сербіи, объявили жупанамъ [2]) Сербской земли, чтобы они пришли принять изъ рукъ ихъ новаго своего государя Чеслава; дали клятву, что не сдѣлаютъ имъ зла. Жупаны собрались, Болгаре схватили ихъ и сковали, «и вступили они въ Сербію, говоритъ Константинъ Багрянородный, и стали забирать народъ Сербскій, отъ мала до велика, и отводить въ Болгарію; иные спасались отъ нихъ бѣгствомъ и уходили къ Хорватамъ: и осталась Сербская земля опустѣлою». Эти дѣла вовлекли Симеона въ войну съ Хорватами. Овладѣвъ Сербіею, онъ вѣроятно хотѣлъ положить конецъ сопротивленію Сербскаго народа завоеваніемъ Хорватовъ и такимъ образомъ подчинить себѣ весь югозападный край Славянскій до Адріатики. Въ Хорватіи правилъ въ это время великій жупанъ (или король) Томиславъ, достигшій престола послѣ разныхъ усобицъ; но рядомъ съ нимъ именовался въ актахъ того времени могущественный владѣтель Захолмскій Михаилъ Вышевичъ [3]), о которомъ мы уже упоминали. Мы знаемъ объ его дружбѣ съ Симеономъ. Владѣя небольшимъ краемъ, независимости котораго сосѣдняя Хорватія могла угрожать еще болѣе, чѣмъ великій жупанъ Сербіи, Михаилъ былъ, должно полагать, союзникомъ Болгаръ и въ ихъ войнѣ съ Хорватами. Болгарскій воевода Алоготуръ [4]) вступилъ въ Хорватскую землю. Но Хорваты разбили его на голову въ своихъ горахъ и совершенно истребили его многочисленный отрядъ.

Какая разница между этими бездушными, коварными предпріятіями противъ Сербовъ и Хорватовъ, которыя внушило Симеону простое властолюбіе, и между борьбою за обладаніе Цареградомъ, борьбою, так-

---

[1]) Въ числѣ ихъ названъ Имникъ, очевидно то же лицо, которое мы встрѣтили уже, подъ именемъ Миника, „перваго бунчуконосца“ Симеонова, подъ Константинополемъ. Имена двухъ другихъ вождей, приводимые Константиномъ Багрянородным — Книнъ и Итцбоклія.

[2]) Мы уже говорили о древней власти *жупановъ* у Сербовъ и Хорватовъ: *жупаны* были начальники волостей или *жупъ*, на которыя дѣлились эти народы съ первыхъ временъ своей исторіи; государь у нихъ былъ только главою союза такихъ *жупъ* и носилъ титулъ *великаго жупана*.

[3]) См. дѣяніе Сплѣтскаго Собора, 914 г., состоявшагося „consulatum peragente in provincia Chroatorum et Dalmatarum finibus Tamislao rege et *Michaele in suis finibus praesidente duce just* указаніе, Кукулевича, I, стр. 8.

[4]) Ἀλογοβότουρ. Большая часть именъ Симеоновыхъ вождей, *Хаганъ* (иначе *Кавканъ*), *Мармай*, *Калутерканъ* (т. е. Калу-тарханъ), *Сигрица* или *Сигричъ*, *Книнъ*, *Имникъ* или *Миникъ*, Ἠτζβόκλια, *Сурсубулъ* (*Сурсувулъ*) носятъ еще характеръ, чуждый славянскимъ звукамъ: въ трехъ первыхъ явно восточное происхожденіе; но въ особенности отличается Тюркскимъ складомъ это имя *Алогоботуръ*, гдѣ послѣдняя половина, *ботуръ*, есть очевидно почетная приставка *батырь*, столь обыкновенная въ именахъ Тюркскихъ. Этимъ подтверждается, что у Болгаръ, завоевавшихъ Мизію, основная племенная стихія Финно-Уральская подверглась Тюркскому вліянію, (см. выше стр. 27).

же не свободною отъ обычной въ тѣ времена жестокости, но имѣвшею цѣлью истинное возвеличеніе Болгаріи! Черезъ девять столѣтій мы можемъ сочувствовать Симеону, стремящемуся къ Босфору, и между тѣмъ готовы радоваться, что Хорваты такъ удачно отразили Болгарское нашествіе.

Счастіе измѣнило Болгарамъ. — 27-го мая 927 года, Симеонъ умеръ.

Онъ правилъ Болгаріею тридцать девять лѣтъ [1]). Съ его именемъ соединилась самая блестящая пора въ Болгарской исторіи. Онъ великъ своимъ благороднымъ стремленіемъ къ просвѣщенію Славянскаго народа: мысль Кирилла и Меѳодія не находила ревностнѣйшаго исполнителя. Плодами его заботъ пользовался въ теченіе вѣковъ, пользуется отчасти и донынѣ [2]), весь православный міръ славянскій. Симеонъ проявилъ всѣ силы, все могущество Болгарскаго государства; но въ борьбѣ съ Мадьярами онъ потерялъ пріобрѣтенія Крума на сѣверной сторонѣ Дуная; въ борьбѣ съ Греками онъ бросилъ дѣло недоконченнымъ, не поставилъ Болгарской имперіи на мѣсто Византійской; въ борьбѣ съ Сербами и Хорватами онъ пролилъ безъ нужды много крови, и воздвигъ между Сербами и Болгарами преграду народной ненависти.

Память Симеона долго жила въ Болгаріи. Подъ Плесковомъ, лежавшимъ къ сѣверу отъ «Желѣзныхъ воротъ» (нынѣ Демиръ-Капу) въ Балканахъ, былъ холмъ, на которомъ, по всей вѣроятности, Болгаре имѣли обычай собираться для совѣщаній со своимъ государемъ, ибо этотъ холмъ назывался «думою Болгаръ» (βουλευτήριον τῶν Σκυθῶν). Другое названіе, которое онъ носилъ въ народѣ, связано съ преданьемъ о великомъ царѣ Симеонѣ. Еще въ XI вѣкѣ это мѣсто совѣщаній именовалось холмомъ Симеоновымъ [3]).

[1]) Сравн. сказанное выше, стр. 85.

[2]) Конечно, во многихъ изъ книгъ, которыми пользуется теперь православная церковь въ Россіи, Болгаріи и Сербіи, при всѣхъ перемѣнахъ въ правописаніи и языкѣ, и при всѣхъ исправленіяхъ по подлиннымъ текстамъ, остался въ основаніи переводъ, сдѣланный при Симеонѣ.

[3]) Anna Comnena. VII, 3.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Упадокъ Болгаріи. Царствованіе Петра Симеоновича (927—968).

«Когда умеръ неукротимый Симеонъ, виновникъ многаго у христіанъ кровопролитія, то власть надъ Болгарами принялъ Петръ, его сынъ, но не наслѣдникъ его славы и свойствъ, его кровожадности и свирѣпства, а напротивъ чуждый всего этого». — Такъ говоритъ одно византійское сказаніе, и вѣрно опредѣляетъ характеръ сорокалѣтняго царствованія Симеонова преемника. Какъ самъ государь, Петръ, «чуждъ былъ славы и свойствъ своего отца», такъ и Болгарія при немъ сдѣлалась не похожа на прежнюю Болгарію. Какъ скоро Симеона не стало, Болгарія останавливается на пути, по которому шла неуклонно столько лѣтъ: время возвышенія и развитія для нея кончилось, наступило время упадка; покинуты всѣ старыя, завѣтныя ея стремленія, мысль о завоеваніи Византіи, мысль о самобытномъ, христіанскомъ и славянскомъ просвѣщеніи: Болгарія стала безсильна передъ врагомъ, мертвенна внутри. — Могло ли это быть единственно дѣломъ личностей и внѣшнихъ причинъ? проистекло ли величіе Болгаріи отъ могучей воли Симеона, а паденіе отъ слабости его преемника, и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ ихъ царствованій? зависѣло ли и то и другое, напротивъ, отъ внутренняго хода болгарской жизни? Это тотъ неизбѣжный вопросъ, который вездѣ останавливаетъ насъ въ исторіи. Было, безспорно, и дѣйствіе личностей, — дѣйствіе вмѣстѣ и свободное, и вынуждаемое обстоятельствами, — но конечно, таясь подъ дѣйствіемъ личностей, совершали роковое свое дѣйствіе начала народной жизни; совокупности этой исторія не въ силахъ выразить, потому что всякое живое совоплощеніе внутренняго съ внѣшнимъ есть тайна для науки. — Очевидно, въ этомъ огромномъ государствѣ Болгарскомъ, которымъ Симеонъ такъ славно правилъ, мало было жизненной силы и крѣпости, когда трудовое, просвѣщенное царствованіе его не могло приготовить въ Болгаріи основаній для долговременнаго могущества и процвѣтанія, а напротивъ, оставило ее истощенною и разслабленною: ибо великія предпріятія, великіе духовные труды возбуждаютъ и укрѣпляютъ народъ свѣжій и живой,

а истощают онп лишь то государство, тотъ народъ, для котораго пора развитія кончилась и въ которомъ они являются уже какъ бы послѣднею вспышкою жизненной дѣятельности. — Но оставимъ пока эти вопросы: они увлекутъ насъ слишкомъ далеко, а намъ предстоитъ еще ознакомиться съ судьбою Болгаріи въ правленіе Петра Симеоновича.

Мы говорили, что Венгры, водворившись на Дунаѣ, отрѣзали Болгарію отъ роднаго Славянскаго міра и своимъ давленіемъ, такъ сказать, приперли ее къ Византіи, — и вотъ уже при Петрѣ оказываются для Болгаріи горькія послѣдствія ея положенія. Симеонъ, мы видѣли, напрягалъ всѣ силы свои, чтобы завоеваніемъ Византіи дать Болгаріи и точку опоры и просторъ; онъ не достигъ своей цѣли, и сдѣлалъ притомъ страшную, пагубную ошибку въ отношеніи къ Хорватамъ и Сербамъ. Не имѣя въ то время большаго политическаго значенія, они были для Болгаріи безконечно важны, какъ единственные оставшіеся при ней, не оторванные отъ нея Венграми, славянскіе братья; она должна была дорожить ими, они своимъ участіемъ стали бы поддерживать, оживлять въ народѣ Болгарскомъ его прекрасный порывъ къ славянскому просвѣщенію: а вмѣсто того, чтобы искать ихъ довѣрія и дружбы, Симеонъ смертельно оскорбилъ ихъ и надолго отвратилъ отъ Болгаръ. Даже если бы Болгарія и сохранила всю полноту своихъ жизненныхъ силъ, могла ли она, при смерти своего великаго властителя, отчужденная отъ Сербовъ и Хорватовъ, угрожаемая Венграми, не успѣвшая въ завоеваніи Византіи, и усталая отъ безпрерывныхъ войнъ, — не захотѣть сблизиться съ прежнею своею соперницей, съ этой Византіею, отъ которой, казалось, нечего было опасаться могущественнымъ Болгарамъ и которая влекла ихъ къ себѣ и единствомъ вѣры и прелестями утонченной жизни? И могли ль Болгаре найти въ себѣ столько твердости, чтобы среди византійскихъ вліяній сохранить свою духовную самобытность, чтобы передъ приманкою предлагавшейся имъ богатой и уже готовой образованности, устоять въ мысли, еще такой новой и незрѣлой, о своемъ самобытномъ просвѣщеніи? Не могло ли показаться имъ легче пользоваться чужимъ добромъ, нежели выработывать свое?

Несчастное обстоятельство было то, что Симеонъ завѣщалъ передъ смертію (и конечно, подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ) престолъ свой младшему сыну Петру, рожденному во второмъ бракѣ, съ сестрою боярина Георгія Сурсу-була (или Сусур-була), завѣщалъ помимо старшаго сына, отъ перваго брака, Михаила [1]). А этотъ Петръ, по выра-

---

[1]) Симеонъ имѣлъ еще двоихъ сыновей, моложе Петра, именно Іоанна и Баяна, иначе Веніамина. О послѣднемъ мы читаемъ любопытное извѣстіе у Итальянца Ліут-

женію другаго древняго сказанія, «былъ столь же мало способенъ наслѣдовать славу и могущество своего отца, сколько онъ былъ чуждъ его воинственной ярости и жестокосердія: какъ будто другая кровь текла въ его жилахъ» [1]). Чтобы обезпечить ему престолъ, Симеонъ велѣлъ старшаго своего сына постричь въ монахи, и назначилъ своего шурина Сурсубула опекуномъ Петру и правителемъ Болгарскаго царства. Невозможно, чтобы заточенный Михаилъ не нашелъ приверженцевъ, чтобы завистники счастливаго боярина-правителя не были озлоблены также противъ его питомца и не старались подрывать власти юнаго царя. Петръ имѣлъ слабость соединить свои интересы съ видами Сурсубула, и такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы быть безпристрастнымъ главою и вождемъ Болгарскаго народа, сдѣлался какъ бы представителемъ одной партіи.

При вѣсти о кончинѣ Симеона, говоритъ лѣтописецъ, всѣ окрестные народы готовы были возстать на Болгаръ: съ сѣвера угрожали Мадьяры, съ юга Греки, съ запада Хорваты; разогнанные, придавленные Симеономъ, Сербы волновались и были, конечно, не менѣе опасны. Кромѣ того Болгарію посѣтило тогда великое бѣдствіе — саранча и страшный голодъ. Враждебные поступки Грековъ заставили Болгаръ сдѣлать нападеніе на Македонію (927); но для шаткаго правительства Сурсубула нужна была внѣшняя опора; и вотъ, подстрекаемый своими расчетами къ принятію мѣры, и такъ уже неизбѣжной при тогдашнемъ положеніи Болгаріи, онъ вдругъ преобразуетъ Болгарскую политику, и замѣняетъ вѣковое соперничество съ Византіею самою тѣсною дружбою. Пока императоръ Романъ готовился къ походу противъ Болгаръ, Сурсубулъ съ Петромъ посылаютъ тайно въ Константинополь монаха Калокира, родомъ изъ Армянъ, съ грамотою и порученіемъ сказать, что государь Болгарскій желалъ бы съ Греческимъ мира и дружбы, и не только мира и дружбы, но и тѣснѣйшей связи, узъ родства [2]). Тотчасъ отправились на кораблѣ-скороходѣ два довѣренныя лица отъ Романа въ Месемврію, Болгарскую гавань; скоро исполнили они свое порученіе, и возвратились въ Константинополь сухимъ путемъ, а за ними вслѣдъ ѣхало ужъ торжественное посольство: посломъ былъ самъ правитель Болгаріи Сурсубулъ, сопровождаемый Симеономъ, родственникомъ Болгарскаго

правда: „Баянъ, говоритъ онъ, такъ изучилъ искусство волшебства, что могъ въ одно мгновеніе изъ человѣка обращаться въ волка и въ любаго звѣря".

[1]) Сказ. о св. Лукѣ чудотворцѣ. Baronius. 16, 53.

[2]) Въ перепискѣ своей съ Симеономъ, Константинопольскій патріархъ Николай уже намекалъ ему, что императоръ Романъ желалъ бы съ нимъ породниться, выдавъ свою дочь за его сына или женивъ сына своего на дочери Симеона: такимъ образомъ правитель Болгаріи могъ быть увѣренъ, что предложеніе будетъ принято.

царя, и шестью изъ знатнѣйшихъ бояръ. Они увидали внуку императора Романа (дочь его сына и соправителя Христофора) Марію, и были восхищены ея красотою. Постановили условія мира и тотчасъ написали въ Болгарію къ Петру, чтобы онъ ѣхалъ въ Константинополь. — За Влахернскими воротами встрѣтилъ его императоръ Романъ, привѣтствовалъ и обнялъ. Оба государя подписали мирный договоръ и брачное условіе. 8-го октября (927 г.) невѣста, въ сопровожденіи патріарха Стефана, брачнаго устроителя Өеофана протовестіарія [1]) и всего синклита, выѣхала въ загородную церковь Пресвятой Богородицы у «Источниковъ»; тутъ патріархъ благословилъ Петра и Марію, и возложилъ на главы ихъ брачные вѣнцы: вѣнцы держали надъ женихомъ и невѣстою Сурсубулъ и Өеофанъ. Брачный обрядъ и пиршества были великолѣпныя. Черезъ нѣсколько дней Марія, которую прозвали, въ знакъ скрѣпленнаго ею мира, Ириною [2]), — Марія съ супругомъ поѣхала въ Болгарію, «горюя, говоритъ лѣтописецъ, что отрывалась отъ родителей и отечества, и вмѣстѣ радуясь быть владычицею Болгаръ, увезла же она съ собою въ Болгарію великія богатства и безчисленное множество вещей всякаго рода».

Въ первый разъ греческая политика измѣняла коренному, вѣковому своему правилу: не выдавать дочерей царскаго рода за «варварскихъ», «скиөскихъ» государей, и бракъ Маріи съ Петромъ произвелъ въ Византіи, какъ видно изъ современныхъ памятниковъ, огромное впечатлѣніе; для Болгаріи же это было роковое событіе, залогъ господства Византіи при дворѣ царя Петра.

Правда, Петръ, подобно своему отцу, принялъ отъ Римскаго папы царскій (т. е. императорскій) вѣнецъ и благословеніе на царство; но это было еще до брака съ Маріею. Папскій посолъ, епископъ Мадальбертъ, посланный къ Хорватамъ на Сплѣтскій соборъ, по окончаніи этого собора (925 или 926), еще при жизни Симеона, посѣтилъ Болгарію, кажется съ цѣлію устранить несогласія между Симеономъ и Хорватами: онъ и былъ, какъ видно, въ Болгаріи при воцареніи Петра, и естественно, что Петръ, вступивъ на престолъ мимо старшаго брата и находясь еще въ разрывѣ съ Константинополемъ, искалъ у него освященія своему сану. Но нѣтъ ни малѣйшаго указанія, чтобы онъ потомъ сносился съ Римомъ. Сама Греческая церковь предупредила всякій къ тому поводъ, сдѣлавъ Болгаріи уступку, которою она всего болѣе дорожила. Болгарія, какъ свидѣтельствуетъ одинъ древній памятникъ, была объявлена самостоятельною (αὐτοκέφαλος) въ церковномъ отношеніи, и Болгарскій архіепископъ Даміанъ, пребы-

---

[1]) Протовестіарій — въ родѣ министра двора.

[2]) Liutprand. Antap. III. 36. — Ирини по-гречески миръ.

вавшій въ Дерстрѣ (Силистріи), провозглашенъ былъ *патріархомъ*, по приговору Цареградскаго синклита и повелѣнію императора Романа Лакапина. [1]) Такимъ образомъ Болгарія, оставаясь въ лонѣ православной церкви, получила полную духовную независимость. Церковь Болгарская, хотя не стояла канонически на ряду съ древними все-

[1]) Романъ Лакапинъ царствовалъ до 945 г. Годъ, въ который совершилось оффиціальное признаніе самостоятельности Болгарской церкви, въ точности неизвѣстенъ, но не можетъ быть сомнѣнія, что это было сдѣлано вслѣдъ за бракомъ Петра съ дочерью императора и одновременно съ признаніемъ, со стороны Византійскаго двора, императорскаго титула за Болгарскимъ государемъ. Объ этомъ важномъ церковномъ событіи, которое Греческая іерархія впослѣдствіи старалась предать забвенію, см. Le Quien, Oriens Christ. II, 20: Index quorundam Archiep. Bulgar. ex cod. 1004 bibl. Reg. Paris. Δαμιανὸς ἐν Δοροστόλῳ τῇ νῦν Δρήστᾳ, ἐφ' οὗ καὶ ἡ Βουλγαρία τετίμηται αὐτοκέφαλος, οὗτος πατριάρχης ἀνηγορεύθη παρὰ τῆς βασιλικῆς συγκλήτου κελεύσει τοῦ βασιλέως Ῥωμανοῦ τοῦ Λακαπηνοῦ, ὕστερον δὲ καθηρέθη παρὰ τοῦ Ἰωάννου τοῦ Τζιμισχῆ — Въ синодикѣ царя Борила (о коемъ см. ниже стр. 131), въ началѣ исчисленія Болгарскихъ іерарховъ, поименованы: „Патріарси Прѣславсті: Леонтіоу. Димитріоу. Сергіоу. Григоріоу патріархωм прѣславскымь вѣчнаа пам(ять)“ (см. статью г. Палаузова объ этомъ Синодикѣ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн.). О Даміанѣ, патріархѣ Доростольскомъ, въ этомъ исчисленіи не упомянуто. Мы объясняемъ себѣ этотъ пропускъ тѣмъ, что синодикъ составленъ былъ уже при второмъ Болгарскомъ патріархатѣ, возобновленномъ въ Терновѣ 250 лѣтъ послѣ прекращенія перваго. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы опредѣлить въ точности время, когда жили четыре Прѣславскихъ патріарха, Леонтій, Димитрій, Сергій и Григорій. Г. Палаузовъ признаетъ ихъ *предшественниками* Даміана Доростольскаго, полагая, что Симеонъ, во время разрыва своего съ Греками, основалъ самостоятельное патріаршество въ Болгаріи. Такое предположеніе кажется намъ весьма невѣроятнымъ, ибо политика Симеона заключалась не въ томъ, чтобы освободить Болгарію отъ первенства Византіи, а вся она стремилась напротивъ къ тому, чтобы поглотить Византійскую имперію въ государствѣ Болгарскомъ, поставить имперію Болгарскую на мѣсто Византійской. При такой политикѣ, учрежденіе *особаго* патріархата для Болгаріи было не только ненужно, но прямо противорѣчило бы цѣли Симеона. Если бы эта цѣль была достигнута, то Константинопольскимъ патріархомъ сдѣлался бы святитель болгарскій, точно также какъ Византійскимъ императоромъ сталъ бы Болгарскій государь. Притомъ надобно замѣтить, что патріархъ Николай Мистикъ, въ своей перепискѣ съ Симеономъ столь горько упрекающій его за честолюбивые замыслы противъ Византіи, конечно не оставилъ бы безъ протеста такого важнаго нарушенія каноническихъ правилъ, какимъ было бы самовольное возведеніе имъ Прѣславскаго епископа или архіепископа въ санъ патріарха: между тѣмъ Николай, при всемъ политическомъ антогонизмѣ съ Болгарскимъ государемъ, ни въ чемъ не укоряетъ его въ отношеніи къ церковному управленію, и даже въ самый разгаръ войны сносится съ „архіепископомъ Болгарскимъ“, какъ съ святителемъ, находящимся въ духовномъ общеніи и дружбѣ съ Константинопольскимъ патріархатомъ. Поэтому мы думаемъ, что патріархатъ Болгарскій учрежденъ былъ при Петрѣ Симеоновичѣ, по примиреніи его съ Византіею, и что Даміанъ Доростольскій былъ дѣйствительно первымъ патріархомъ Болгарскимъ, какъ указываетъ вышеприведенная греческая записъ. Затѣмъ, мы полагаемъ, мѣстопребываніе патріарха было перенесено изъ Доростола (Силистріи) въ столицу, Великій Прѣславъ. Такимъ образомъ, святительство Даміана Доростольскаго и четырехъ Прѣславскихъ патріарховъ относилось бы ко времени между 927 и 972 годами, т. е. годомъ признанія со стороны Византіи за Болгаріею царственныхъ правъ при Романѣ Лакапинѣ и годомъ завоеванія Болгаріи при Іоаннѣ Цимисхіи.

ленскими патріархатами, была однако признана самостоятельнымъ членомъ Вселенской церкви, имѣвшимъ въ себѣ полноту іерархическаго управленія. Миръ въ православной церкви былъ обезпеченъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Греческая имперія согласилась и на весьма важныя политическія уступки. Договоръ, заключенный Сурсубуломъ съ Романомъ Лакапиномъ и подписанный Петромъ, былъ чрезвычайно выгоденъ для Болгаріи въ отношеніи къ границамъ. Симеонъ, какъ мы видѣли, завоевалъ было Адріанополь и всю Ѳракію до стѣнъ Константинополя; при мирѣ или скорѣе перемиріи съ императоромъ Романомъ, онъ, кажется, возвратилъ Грекамъ Адріанополь и южные края Ѳракіи, но едва ли отдалъ сѣверную часть ея, земли отъ прежней Болгарской границы до Родопскихъ горъ (Деспото-дагъ) и по верхнему теченію Марицы, — и эти-то края остались за Болгаріею въ Сурсубуловомъ договорѣ: византійскіе лѣтописцы, разумѣется, не говорятъ о томъ, но изъ разныхъ достовѣрныхъ извѣстій видно, что при Петрѣ Симеоновичѣ южная граница Болгаріи доходила до Родопскихъ горъ и что Филиппополь былъ Болгарскимъ городомъ.

Кромѣ того императоръ обязался платить Болгарамъ дань; правда, такое обязательство было, можно сказать, въ привычкахъ Византійскаго двора, и уже неоднократно государи Болгарскіе брали съ него дань, такъ что это условіе не имѣло ообенной важности: тѣмъ не менѣе могло ли не быть лестно для Болгаръ, когда, въ положенный срокъ, посолъ ихъ ѣхалъ къ императору въ Константинополь и возвращался изъ гордой столицы въ Болгарію съ золотомъ?

Но самое важное значеніе придавалось, конечно, Болгарами другимъ уступкамъ Грековъ, по-видимому ничтожнымъ, касавшимся только этикета; а между тѣмъ въ нихъ скрывалась полная побѣда увертливой политики Византійской надъ всѣми старыми стремленіями и преданіями Болгаріи. Византія признала за Болгарскимъ государемъ титулъ царя, т. е. императора, βασιλεύς. Для Петра такое признаніе могло быть чрезвычайно лестно: ни одинъ иностранный вѣнценосецъ, даже самъ Западный императоръ, не удостоивался царскаго титула отъ гордыхъ наслѣдниковъ Константина. Но что это признаніе значило? то, что Болгарія отказывалась отъ тѣхъ видовъ и надеждъ, съ которыми Симеонъ принялъ царскій титулъ. Провозглашая себя царемъ, Симеонъ считалъ себя уже не просто Болгарскимъ государемъ, а преемникомъ Римскихъ кесарей: онъ не нарушалъ, онъ обращалъ въ свою пользу завѣтное преданіе Византійскаго двора, что одинъ только на землѣ законный царь, императоръ — преемникъ престола Цареградскаго; Симеонъ самъ хотѣлъ быть этимъ единственнымъ царемъ: онъ, мы знаемъ называлъ себя не царемъ Болгаръ только, а царемъ-самодержцемъ Римлянъ (αὐτοκράτωρ Ρωμαίοις, говоритъ Левъ діаконъ). Вотъ почему Петръ,

какъ скоро сталъ искать признанія своему царскому титулу со стороны Византіи,—тѣмъ самымъ отнималъ у него все его дѣйствительное значеніе, дѣлалъ изъ него простое почетное наименованіе. Симеонъ хотѣлъ быть Восточнымъ императоромъ, первымъ между христіанскими вѣнценосцами; Петръ соглашался быть вторымъ государемъ послѣ Византійскаго, его «сыномъ»; понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Византія охотно дала ему царскій титулъ, между тѣмъ какъ она въ то же время упорно отказывала въ немъ могущественному королю Германіи, Оттону Великому.—Мы не произвольно толкуемъ отношенія, въ которыя Петръ Симеоновичъ поставилъ себя и Болгарію къ Византіи: они видны на дѣлѣ. Константинъ Багрянородный сообщаетъ формулы, которыми надписывались грамоты Византійскихъ императоровъ къ другимъ государямъ: Въ Болгарію, говоритъ онъ, прежде писалось такъ (формула временъ князя Бориса): «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единаго и нераздѣльнаго Бога. Константинъ и Романъ, благовѣрные въ самомъ Богѣ (ἐν αὐτῷ τῷ Θεῷ) цари (βασιλεῖς) Римлянъ, возлюбленному, духовному нашему чаду и отъ Бога князю (собственно «начальнику», ἐκ Θεοῦ ἄρχοντα) христіаннѣйшаго народа Болгарскаго»; теперь же (именно при Петрѣ), продолжаетъ онъ, пишется: «Константинъ и Романъ, во Христѣ Богѣ благочестивые самодержцы-цари (αὐτοκράτορες βασιλεῖς) Римлянъ, возлюбленному духовному нашему чаду, *господину* имя рекъ *царю* (βασιλέα) Болгаріи».—Мы видимъ разницу: въ первой формулѣ императоръ, выдвигая христіанство новокрещеннаго народа Болгарскаго, оставляетъ между его княземъ или «начальникомъ» и собою безконечное разстояніе, даже не называетъ «начальника» по имени; во второй — преимущество Византійскаго государя передъ Болгарскимъ выражается единственно только отношеніемъ отца къ сыну, по титулу же оба равны, и, одинъ между всѣми вѣнценосцами, государь Болгарскій получаетъ отъ кесаря наименованіе *господина* и *царя* [1]).

---

[1]) Приводимъ для сравненія формулу, употреблявшуюся въ сношеніяхъ съ Западнымъ императоромъ: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, единаго и нераздѣльнаго истиннаго Бога нашего. Константинъ и Романъ, благовѣрные въ самомъ Богѣ, высокіе августѣйшіе (αὔγουστοι) самодержцы, великіе цари Римлянъ, возлюбленному и вожделѣнному духовному нашему брату имя рекъ, благороднѣйшему, почтенному королю Франкіи (ῥηγὶ Φραγγίας)". Приведемъ еще изъ книги Константина Багрянороднаго „Объ обрядахъ Византійскаго двора", формулы, употреблявшіяся при торжественномъ пріемѣ и отпускѣ Болгарскихъ пословъ, формулы, на которыя мы уже ссылались выше, стр. 28. Замѣтимъ, что онѣ относятся не къ царствованію Петра, а къ первымъ временамъ христіанства въ Болгаріи. Императоръ въ нихъ не только не называетъ Болгарскаго государя царемъ, но даже и не сыномъ своимъ, а внукомъ; должно замѣтить, что вообще Константинъ Багрянородный старается выставить тѣ обряды и формулы, которыя наиболѣе лестны для его двора; такъ, даже утвержденная договоромъ формула, гдѣ Болгарскій государь именуется царемъ, у него съ явнымъ намѣре-

Когда король Германскій, Оттонъ Великій, завоевавъ Италію, былъ провозглашенъ императоромъ и вѣнчанъ въ Римѣ, онъ послалъ въ Константинополь извѣстить о томъ и просить признанія: посолъ его, умный и образованный итальянскій епископъ Ліутпрандъ,

---

піемъ поставлена на второмъ планѣ и какъ бы скрыта за старою, уже не имѣвшею законнаго значенія, а тѣ выраженія при аудіенціяхъ, которыя должны были соотвѣтствовать новымъ отношеніямъ Византійскаго царя къ царю Болгарскому, вовсе опущены, конечно не по случайному забвенію. Итакъ вотъ сообщаемыя Константиномъ выраженія. Посолъ Болгарскій, обращаясь къ императору, говоритъ: „Какъ здравствуетъ боговѣнчанный царь, духовный дѣдъ отъ Бога поставленнаго князя („начальника“) Болгаріи? Какъ здравствуетъ императрица и госпожа? какъ здравствуютъ цари, сыновья великаго и высокаго царя, и прочія его чада? какъ здравствуетъ святѣйшій вселенскій патріархъ? какъ здравствуютъ оба магистра? какъ здравствуетъ весь синклитъ? какъ здравствуютъ четыре логоѳета?“ (магистры — главные военачальники имперіи, логоѳеты, — въ родѣ министровъ). Логоѳетъ на это отвѣчаетъ: „Какъ здравствуетъ духовный внукъ нашего священнаго царя, Богомъ поставленный князь Болгаріи? какъ здравствуетъ Богомъ поставленная княгиня (ἡ ἐκ Θεοῦ ἀρχόντισσα)? какъ здравствуетъ *Канарти-кинъ* и *Быль-тарканъ* (ὁ καναρτι κεῖνος καὶ ὁ Βουλίας ταρκάνος), сыновья Богомъ поставленнаго князя Болгаріи, и прочія его чада? какъ здравствуютъ шестеро великихъ *былей* (οἱ ἕξ Βολιάδες οἱ μεγάλοι)? какъ здравствуютъ и прочіе *были* внутри и внѣ (οἱ ἔσω καὶ ἔξω Βολιάδες)? какъ здравствуетъ простой народъ?“

Титулъ *канарти-кинъ*, придаваемый сыну Болгарскаго князя, для насъ совершенно теменъ. Въ титулѣ другаго сына, βουλίας ταρκάνος, вторая часть, очевидно, тождественна съ титуломъ *тархана*, столь извѣстнымъ у Тюркскихъ народовъ. Мы читаемъ его у Менандра, разсказывающаго, что Турецкій хаганъ, жившій въ Средней Азіи у горы Эктагъ, „что̀ значитъ Золотая-Гора“, отправилъ съ пріѣхавшимъ къ нему Византійскимъ посломъ Зимархомъ человѣка „по имени Тагма, по званію Тарханъ“ (ἀξίωμα δὲ Ταρχάν). Это извѣстіе относится къ 569 году. Точно также и титулъ *булъ* или *буля* оказывается Тюркскаго происхожденія. Мы его находимъ въ имени того самого Турецкаго хагана, о которомъ мы сейчасъ упоминали, *Диза-булъ*, точно также какъ въ нѣкоторыхъ именахъ Болгарскихъ вельможъ: *Сурсу-булъ*, *Иц-буля* (Ἠτζβόκλια у Конст. Багрянор. явная описка вмѣсто Ἠτζβούλια); какъ титулъ, βοιλὰς, во множественномъ числѣ βοιλάδες, βολιάδες очень часто встрѣчается въ извѣстіяхъ о Болгарахъ. Славянское произношеніе передѣлало это слово въ *быль*: въ древнѣйшихъ памятникахъ церковной письменности, греческое μεγιστᾶνες переводится „были“ (см. Словари Востокова и Миклошича). Въ Словѣ о Полкѣ Игоревѣ упоминаются Черниговскіе *были*, тамъ гдѣ лѣтопись говоритъ о какихъ-то загадочныхъ *Ковуяхъ*. Быть можетъ, слово *боляр-инъ* (позднѣе *бояринъ*), въ которомъ, надобно замѣтить, коренная форма принадлежитъ *множественному* числу, а форма единственнаго производная изъ множественнаго (*боляр-инъ* значитъ собственно *одинъ изъ болярь*), — быть можетъ, говоримъ, слово это есть ничто иное, какъ ославяненное тюркское *бул-ларъ*, т. е. правильно, по закону тюркской рѣчи составленное множественное отъ слова *булъ*, находимаго нами у древнихъ Болгаръ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что по славянской этимологіи „болярипъ“ или „бояринъ“ не можетъ выйти ни отъ слова *болій*, ни отъ слова *бой*. Нельзя притомъ не принять во вниманіе, что названіе „болярпнъ“ и „бояринъ“ извѣстно только у Русскихъ и Болгаръ (отъ послѣднихъ его заимствовали Румыны и, судя по нѣкоторымъ древнимъ грамотамъ, Мадьяры): т. е. оно существуетъ только у тѣхъ двухъ славянскихъ народовъ, которые находились издавна въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Тюркскими племенами и отчасти подъ ихъ властію. У Сербовъ слово „болѣринъ“ является изрѣдка въ старинныхъ памятникахъ, но съ характеромъ заимствованія изъ письменности болгарской, и въ народномъ языкѣ вовсе неизвѣстно. Оно неизвѣстно также Словенцамъ и всѣмъ западнымъ Славянамъ.

описалъ свою поѣздку. «Въ день Св. Апостолъ (29-го іюня 968), разсказываетъ онъ, императоръ (Константинопольскій) велѣлъ мнѣ, а также посламъ Болгарскимъ, прибывшимъ наканунѣ, встрѣтить его у церкви Св. Апостолъ..... Когда насъ потомъ пригласили къ столу, то онъ (императоръ) сажаетъ на верхнемъ концѣ длиннаго стола, за которымъ сидѣли только съ одной стороны, посла Болгарскаго, остриженнаго на Венгерскій ладъ, опоясаннаго мѣдною цѣпью и, какъ мнѣ думается, оглашеннаго (катихумена), выше меня, къ явному вашему безчестію, мои августѣйшіе государи (Ліутпрандъ пишетъ къ Оттону и его супругѣ Адельгейдѣ)..... Принимая къ сердцу не свою, а вашу обиду, я всталъ изъ-за стола. Какъ я намѣревался выйти, Левъ Куропалатъ, братъ императора, и первый секретарь (proto a secretis) Симеонъ, догоняютъ меня, крича вотъ что (haec latrantes): «Когда Петръ, Болгарскій царь (*vasileus*, такъ нарочно выставляетъ Ліутпрандъ греческій титулъ, котораго онъ не могъ добиться для Оттона), женился на дочери Христофора, то *было утверждено присягою письменное условіе, чтобы у насъ посламъ всѣхъ другихъ народовъ предпоставлялись, предпочитались послы Болгарскіе.* Болгарскій посолъ этотъ, ты говоришь правду, остриженъ, немытъ и опоясанъ цѣпью, да на повѣрку выходитъ, что онъ патрицій, и предпоставить ему епископа, особливо изъ Франковъ, мы почитаемъ и признаемъ совершенно несправедливымъ» [1]). Формула императорскихъ грамотъ и слова Ліутпранда не высказываютъ ли новыхъ отношеній, въ которыя Болгарія стала къ Византіи? не ясно ли изъ нихъ, что Болгарія признавалась теперь, какъ мы сказали, равною Византіи по царскимъ правамъ, и только младшею? Замѣтимъ еще, что по случаю этого новаго равенства, Болгарскіе «друзья», т. е. послы, должны были являться во многихъ особенно торжественныхъ церемоніяхъ Византійскаго двора, и этимъ, конечно, еще болѣе увеличивалось между Византійскимъ дворомъ и Болгарскимъ общеніе, и безъ того уже поддерживавшееся, слишкомъ усердно для Болгаріи,

[1]) Забавенъ конецъ этой сцены. Ліутпранда не пустили домой, а заставили, почти насильно, сѣсть за другой столъ, съ императорскими служителями: „Ничего не отвѣчая имъ (Льву и Симеону) отъ великой сердечной скорби и страшнаго огорченія, пишетъ Ліутпрандъ своимъ государямъ, я сдѣлалъ то, чего они хотѣли, лишь бы только не сидѣть за столомъ, за которымъ не Ліутпранду епископу, а вашему послу предпоставлялся посолъ Болгарскій. Но скорбь мою утолилъ священный императоръ великимъ подаркомъ, пославъ мнѣ отъ нѣжнѣйшихъ своихъ яствъ, козла (hoedum), жирнаго, отъ котораго кушалъ самъ, чудесно приготовленнаго (suffarcinatum) съ чеснокомъ, лукомъ, порсемъ (porro), облитаго рыбьимъ соусомъ (garo delibutum). Желалъ я тогда, чтобы онъ былъ на столѣ вашемъ (Оттона и Адельгейды)! вы, которые не вѣрите, чтобы священный императоръ (Константинопольскій) наслаждался своею роскошью (delicias sancti Imperatoris faustas esse), вы тогда бы убѣдились на дѣлѣ“.

супругою Петра, царицею Маріею, которая въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ ѣздила безпрестанно въ Константинополь «для скрѣпленія дружбы», и стала потомъ возить туда и дѣтей своихъ.

Такъ царь Петръ и руководитель его Сурсубулъ основали свою политику на связяхъ съ Византіею. За то, безъ сомнѣнія, страшно негодовали на нихъ истые Болгаре, сподвижники великаго Симеона. Во все царствованіе Петра можно прослѣдить, даже по скуднымъ извѣстіямъ иностранныхъ лѣтописцевъ, сопротивленіе правительству одной могущественной партіи. Сначала «возстали нѣкоторые вельможи Симеоновы» (въ этомъ выраженіи лѣтописца видно, что то были люди стараго, Симеонова времени), вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Петра, Іоанномъ, который, кажется, съ ихъ помощью надѣялся достигнуть престола: но ихъ схватили, Іоанна подвергли побоямъ, прочихъ заговорщиковъ предали «необычайнымъ казнямъ». Петръ извѣстилъ письмомъ Греческаго императора объ этомъ дѣлѣ, а потомъ и выдалъ ему своего мятежнаго брата, очевидно какъ противника согласію между Болгарами и Греками. Императоръ хотѣлъ-было постричь Іоанна въ монахи, но раздумалъ, пожаловалъ его домомъ, имѣніями, женилъ его на знатной Армянкѣ: онъ хорошо расчиталъ выгоду имѣть его въ своемъ распоряженіи, какъ страшилище для Болгарскаго правительства, чтобы тѣмъ крѣпче держать въ рукахъ это правительство.

Въ Болгаріи между тѣмъ мятежъ распространялся. Старшій сынъ Симеона, Михаилъ, сбросивъ съ себя монашескій санъ, захватилъ какую-то крѣпость (929 г.) и «къ нему пристали, говоритъ лѣтописецъ, Болгаре, отпавшіе отъ власти Петра». Мы видимъ изъ этихъ словъ, что часть Болгарскаго народа и прежде уже была готова поднять оружіе противъ Петра, что не Михаилъ призвалъ ихъ къ возстанію, а скорѣе они Михаила. Но Михаилъ вскорѣ кончилъ жизнь; Болгаре, участники мятежа, отчаявшись въ побѣдѣ, рѣшились покинуть отечество, вторглись чрезъ Струму [1]) въ Греческіе предѣлы, и бросились въ западные края Эллады; живши нѣсколько времени грабежемъ, они наконецъ поселились, разумѣется, уже какъ подданные Греческаго императора, въ Никополѣ, древнемъ знаменитомъ Акціумѣ (теперь развалины близъ Превезы, у Артскаго залива).

Оба возстанія кончились успѣшно для Петра; но раздоръ въ Болгаріи не прекращался. Представителемъ старыхъ, покинутыхъ Петромъ, болгарскихъ стремленій, явился могущественный бояринъ (Греки называютъ его *комитомъ*, то же что графъ) Шишманъ Мокръ

---

[1]) Древній Стримонъ: часть теченія этой рѣки служила, кажется, границею между Болгарскими и Греческими владѣніями.

(или Мокрошъ, Μόκρος) съ своими четырьмя сыновьями, бояричами (χομητόπουλοι), Давидомъ, Моисеемъ, Аарономъ и Самуиломъ-Стефаномъ. Ихъ родиной былъ, кажется, городъ Терновъ (въ срединѣ нынѣшней Болгаріи); ихъ цѣль была низвергнуть правительство Петра и вліяніе Грековъ въ Болгаріи; они собирали единомышленниковъ, выжидая удобнаго времени, чтобы дѣйствовать.

Какая же была между тѣмъ духовная дѣятельность Болгарскаго народа? Сколь быстро и прекрасно она расцвѣла при Симеонѣ, столь же скоро заглохла при Петрѣ. Дворъ его не думалъ о самобытномъ просвѣщеніи; частныя лица, въ такое время гоненій, тревогъ и казней, не могли заботиться о мирныхъ словесныхъ трудахъ; притомъ же умственная жизнь славянская была въ то время такъ младенчески слаба, что покровительство двора было для нея необходимо. Прежнихъ дѣятелей, сотрудниковъ Симеона въ дѣлѣ просвѣщенія, не стало; новыхъ не являлось. Время Петра не оставило намъ ни одного имени писателя, ни одного памятника. Жили при Петрѣ въ Болгаріи подвижники христіанства, но по хараккеру своей дѣятельности они были далеки отъ тружениковъ временъ Бориса и Симеона.

Мы описали въ одной изъ предъидущихъ главъ нашихъ многостороннюю дѣятельность, трудовую жизнь св. Климента, епископа Велицкаго; а подобно св. Клименту дѣйствовали, безъ сомнѣнія, прочіе сподвижники Симеона: подробностей ихъ жизни мы не знаемъ, но отъ одного дошли до насъ обширныя сочиненія, отъ другаго переводы полезныхъ книгъ, про третьяго извѣстно, что онъ епископствовалъ, — всѣ трудились, такъ или иначе, въ общественной средѣ, въ которой жили, всѣ ей сочувствовали и объ ней заботились. При Петрѣ Симеоновичѣ эта плодворная дѣятельность церкви прекращается; мы видимъ полное отчужденіе отъ всего окружающаго, полное отреченіе отъ общества.

Главнымъ представителемъ этого новаго направленія въ Болгарской церкви является Іоаннъ Рыльскій, основатель иночества въ Болгаріи. Мы приведемъ главныя черты его молчальнической жизни, какъ ихъ описываютъ древнія житія; будемъ придерживаться по возможности подлинныхъ выраженій.

«Блаженнаго сего родители были во всемъ благочестивы, Болгаре же родомъ, рожденіе и воспитаніе онъ получилъ въ веси глаголемой Скрино, въ предѣлахъ Средческихъ [1])... Онъ былъ пастырь, и ничего не имѣлъ, кромѣ брата единаго и одного вола. И когда онъ помыслилъ уйти въ пустыню, онъ взялъ съ собою вола; и никто этого не зналъ. Братъ съ народомъ догналъ его на полѣ нарицас-

[1]) Средецъ — теперь Софія.

момъ Мрадища и хотѣлъ воротить. Но онъ отдалъ имъ вола, взялъ съ собою только на память колокольчикъ, который носилъ волъ, и пошелъ въ пустыню Рыльскую: «и обращься къ нимъ и не благослови ихъ, ни прокля., и дастъ имъ знаменіе, рекъ: азъ излажу (ухожу) отъ васъ смѣяся и глумяся. И поиде въ пустыню Рыльскую, и иде на мѣсто нарицаемѣи Голецъ, и бысть ту 7 мѣсяцъ». Потомъ онъ удалился подъ гору, называемую Вертопъ, и нашелъ тутъ пещеру, «идѣже солнце не призираше, ни вѣтръ не вѣяше, но токмо ангелъ единъ прихождаше къ нему и пошаше ему манну отъ Бога, образомъ шипковымъ [1]) (т. е. въ видѣ гранатъ: *шипокъ* значитъ у южныхъ Славянъ гранатовое яблоко)».

Далѣе легенда разсказываетъ слѣдующую характеристическую подробность. Іоаннъ взялъ съ собою мальчика, своего племянника, который и жилъ съ нимъ въ пещерѣ. Пришелъ къ пустыннику его братъ [2]), отецъ ребенка, и сталъ требовать, чтобы онъ его отпустилъ домой. Іоаннъ согласился, и братъ его повелъ съ собою мальчика. Но Іоаннъ зналъ, что этотъ ребенокъ «духовенъ», и помолился: «Господи, да не погибнетъ душа праведника, и не напиши его съ грѣшники! И услыша Богъ молитву святаго, и томъ часѣ повелѣ зміи, и уяде (т. е. ужалила) дѣтище, идуще путемъ съ отцемъ его; и возвратися отецъ его и повѣда святому Іоанну; и услышавъ Іоаннъ о дѣтищи и прослави Бога и рече: Господи, пріими душу праведничу! и въ томъ часѣ изыде душа изъ дѣтища; и веземъ отецъ его и несе ему. И повелѣ святый Іоаннъ нести отроча на мѣсто именемъ Осѣново, и погребе и̇ отецъ его и отиде; святый же Іоаннъ хождаше на мѣсто то, души тоя ради праведничей, и сотвори себѣ мѣсто то покоище, а змію ту помрамори (обратилъ въ мраморъ)....; и приходяще людіе вземлютъ отъ нея на врачбу всему» [3])....

Онъ пробылъ въ пещерѣ 3 года и 5 мѣсяцевъ, а потомъ нашелъ камень, «высота ему 40 саженей, а ширина ему яко щитъ великъ»; «и взыде на камень той и стоя на немъ 7 лѣтъ и 4 мѣсяца,... убивая тѣло свое мразомъ и бурею, терпя зной и градъ съ небесе;.... подвиги и труды его ангелъ Господень возношаше на небо предъ Бо-

---

[1]) По редакціи житія, обработанной патріархомъ Терновскимъ Евѳиміемъ въ XIV вѣкѣ, Іоаннъ питался *слапуткомъ*, какимъ-то зеліемъ, которое чудеснымъ образомъ произрастало изъ земли у стопъ его.

[2]) Въ редакціи Евѳимія Терновскаго, смерть отрока отъ змѣи обставлена риторикою и изображается какъ наказаніе отъ Бога отцу ребенка за то, что онъ хотѣлъ увести его въ міръ; не говорится ни о мѣстѣ погребенія отрока, ни объ обращеніи змѣи въ мраморъ.

[3]) Братъ этотъ назывался Лука.

гомъ. И увѣдѣвъ Богъ терпѣніе его, и ангелъ Господень прихождаше къ нему, принося ему манну» [1])....

Тутъ онъ подвергался многоразличнымъ искушеніямъ отъ бѣсовъ. Къ нему приходилъ Іоаннъ Богословъ и подкрѣплялъ его. Онъ велѣлъ пустыннику возвратиться въ мѣсто, гдѣ онъ началъ свою иноческую жизнь, и приказалъ оставить тамъ жезлъ свой, «да будетъ міру въ знаменіе, а ему въ память». И пошелъ онъ подъ гору, называемую Руснъ, въ Скрино, «и никто же его не видѣ, когда пріиде и когда отиде, и жезлъ свой міру остави въ знаменіе, а себѣ на память. И вставъ отиде въ Перигъ [2]) и обрѣте мѣсто каменно, близъ рѣки именемъ Струма, и ту створи себѣ покоище; и оттуду иде въ планину (гору) Витошу [3]), и ту створи себѣ покоище;.... и повелѣніемъ ангеловымъ вставъ иде на мѣсто, идѣже бѣше себѣ уготовалъ гробъ своима рукама, въ пустыни Рыльстѣй»....

Въ то время въ Срѣдцѣ (Софіи) находился царь Петръ. Онъ услышалъ о великомъ подвижникѣ и послалъ 9 «ловцовъ» въ горы, его отыскать. Легенда разсказываетъ о случившихся при этомъ чудесахъ. Наконецъ удалось найти святаго; царь пожелалъ его видѣть. «И доиде до рѣки именемъ Рыла [4]) и поиде возъ-рѣку (вверхъ по рѣкѣ) и доиде до камене именемъ Стогъ, и не можаху прейти, бѣ бо узко и стръмно (круто), поидоша въ планину (гору) именемъ Книшава, и повѣдаша ему (царю) гору и камень, идѣ же живеше святый отецъ Іоаннъ; и восхотѣ царь поити, и не може пустынею».... Пустынникъ и царь увидѣли другъ друга издалека и поклонились другъ другу; и царь, насыпавъ чашу золота, послалъ ее святому. Іоаннъ отослалъ золото, велѣвъ сказать царю: «мнѣ, брате мой, ни вои водити, и никоея же купли куповати; возми си злато, понеже тебѣ есть много потреба, а чашу удержахъ на память тебѣ» [5]).

Опять явился святому Іоаннъ Богословъ и возвѣстилъ ему предстоящую кончину: «и въ томъ часѣ прилетѣ пчела и влетѣ ему въ уста; и того часа начатъ летати духомъ по аеру (воздуху) яко и орелъ, и яко голубь златоперситъ (златогрудый) по горамъ [6]).... и

---

[1]) Въ редакціи Евѳимія Терновскаго Іоаннъ пребываетъ въ пещерѣ 12 лѣтъ, а о стояніи на камнѣ говорится только вскользь.

[2]) Нынѣш. горная цѣпь Перинъ-дагъ (древній Орбелъ) между Струмою и Местою.

[3]) Гора на югъ отъ Софіи.

[4]) Рыльска, течетъ въ Струму.

[5]) Въ житіи, составленномъ Евѳиміемъ Терновскимъ, помѣщены посланіе Петра къ Іоанну и отвѣтное посланіе его къ царю: но эти посланія, заключая въ себѣ простую фразеологію безо всякаго отношенія къ какому либо факту, не могутъ быть признаны подлинными.

[6]) Пропущено въ редакціи Евѳимія Терновскаго.

почи въ мѣстѣ своемъ, уготованномъ ему отъ Господа, Августа въ 18 день». — Его кончина относится къ 946 году [1]).

Іоаннъ былъ не одинъ. Съ нимъ трудились иноческимъ подвигомъ три другихъ отшельника, которыхъ Болгарская церковь причислила также къ лику святыхъ, Прохоръ, Гаврило и Іоакимъ. Прохоръ уда-

---

[1]) Житіе Іоанна Рыльскаго общеизвѣстно въ редакціи, принадлежащей патріарху Терновскому Евѳимію, жившему въ XIV вѣкѣ. По этой редакціи оно было напечатано въ Кіевѣ въ 1671 г., и въ Бѣлградѣ въ 1837 г. Та же редакція издана, по рукописи XVI вѣка, въ «Гласникѣ» Сербскаго Ученаго Общества за 1867 годъ; она извѣстна намъ и по нѣсколькимъ другимъ спискамъ. Но кромѣ того намъ удалось найти въ одной, принадлежащей тому же Сербскому Ученому Обществу въ Бѣлградѣ, рукописи, писанной въ 1756 г. въ Габровѣ іеромонахомъ Романомъ, совершенно особую редакцію житія Іоанна Рыльскаго. Хотя рукопись поздняя, но мы считаемъ эту редакціею за древнѣйшую. Въ ней гораздо болѣе, такъ сказать, фактическаго, болѣе указаній на мѣстности, на народныя повѣрья и т. под. Чудеса представляются въ видѣ совершенно наивномъ, тогда какъ у Евѳимія они облечены въ обычную форму иноческихъ чудесъ, разсказываемыхъ въ греческихъ житіяхъ, а нѣкоторыя (какъ напр. бесѣды съ Іоанномъ Богословомъ) вовсе опущены, вѣроятно потому, что Евѳимій находилъ ихъ несообразными. Между тѣмъ эти-то чудеса были особенно извѣстны въ народѣ, какъ видно изъ того, что житіе Іоакима Сарандапорскаго, извѣстное намъ по рукописи XVI вѣка, упоминая о Іоаннѣ Рыльскомъ, приводитъ изъ его жизни только бесѣды съ Іоанномъ Богословомъ, очевидно какъ замѣчательнѣйшій фактъ, который о немъ разсказывался. Это совпаденіе подтверждаетъ подлинность той редакціи житія, которая сохранилась въ Бѣлградской рукописи 1756 г. Далѣе, сравнивая эту редакцію съ Евѳиміевымъ житіемъ, мы увидимъ, что, кромѣ извѣстія о томъ, что Іоаннъ до своего постриженія обучался въ монастырѣ, — въ Евѳиміевомъ житіи нѣтъ *ни одной* черты, которая не находилась бы въ той редакціи; только порядокъ разсказа нѣсколько измѣненъ, всѣ грубыя черты стерты, весь разсказъ обращенъ въ риторическую амплификацію, и присочинены (это очевидно) посланія царя къ иноку и инока къ царю. Это сличеніе приводитъ насъ къ убѣжденію, что легенда, уцѣлѣвшая въ рукописи 1756 года, была (можетъ быть, въ нѣсколько другомъ видѣ) именно тѣмъ матеріаломъ, которымъ пользовался Болгарскій писатель XIV вѣка, чтобы составить житіе Іоанна Рыльскаго соотвѣтственно вкусу его времени. Это придаетъ нашему памятнику важное значеніе, такъ какъ это единственное извѣстное намъ церковное сказаніе, принадлежащее собственно южно-славянскому міру (о житіяхъ Кирилла и Меѳодія мы не говоримъ), которое осталось свободнымъ отъ мертвящей византійской риторики, и сколько нибудь передаетъ намъ народные взгляды и разсказы. Любопытно, что эта легенда уже и не считалась (вѣроятно со времени появленія Евѳиміевой редакціи) приличною для употребленія

лился въ «пустыни Вранянскія», (близъ г. Враня, на востокъ отъ Косова-поля), на р. Пшину, гдѣ до сихъ поръ существуетъ монастырь, основанный на мѣстѣ его отшельничества. Гаврило избралъ Лѣсновскую гору близъ Кратова, къ сѣверу отъ долины Брегальницы, и тамъ тоже воздвигся монастырь. Наконецъ Іоакимъ спасался въ «горахъ Осоговскихъ», у р. Скупицы, въ мѣстѣ называемомъ Сарандапоръ (т. е. сорокъ-проходовъ), — и тутъ также возникла обитель.

въ церкви. Переписчикъ говоритъ, что онъ списалъ ее «на пользу женамъ», чтобы замѣнить этимъ чтеніемъ бабьи сказки о самовилахъ (русалкахъ) и бродницахъ (? привидѣніяхъ)». Вотъ приписка на рукописи, заключающей въ себѣ, кромѣ житія Іоанна Рыльскаго, разныя переводныя съ греческаго поученія: «Знано бꙋ́ди ка́ко иѡсі́фъ бра́ти по́сникъ ѿ рильскаго монасті́ра прево́лъ и исписалъ ѿ гре́ческаго ꙗзика на словеньски. И азь рома́нь иеромонахь преписа́хь ѿ не́гово (т. е. его) писаніе сіа кни́жица. ради же́ньски и ба́бини браговьщи́ни (*такъ*) заради самови́ли и бродни́ци да се чѐта на по́льзо женамь ва лето з. с. ѯ. д. (7264), ѿ ржⷭ҇тва хрⷭ҇това а. ѱ. н. ѕ. (1756) у га̀брово те́рновьско тогда́ бехь».

Приводимъ здѣсь этотъ любопытный памятникъ, пропуская лишь, для сокращенія, нѣкоторыя вставленныя въ легенду молитвы и цитаты изъ священнаго писанія. Эти пропуски означены точками.

Мцⷭ҇ъ ѡктѡмврій ѳ҃і. жи́тіе и жизнь преподо́бнаго ѻ҆ца на́шего іѡа́нна. пꙋ́сты́ни жи́телꙗ ры́льскаго. и о прѣнесе́ніи мо́щем егѡ̀.

Бысть чловѣкь дꙋ́ховнь. благовѣ́рань и христолю́бивъ. бо́ꙗсе Бога и са стра́хѡмь слꙋжѐ емꙋ. и безь злызах ни́колиже прѣбы́вае..... и тако вь вѣ́рѣ вели́цѣ сыи. изыдѐ из мира. бѣше бо пасты́рь и ни что́ же имѣꙗ́ тькмо бра́та еди́наго и единь во́ль, и егда̀ помы́сли изы́ти въ пꙋ́сти́ню. узѐ во́ла и поидѐ. и не зна́еше ни́кой, идещꙋ́ же емꙋ пꙋ́темъ ѡт мѣста свое́го. тогда вра́гь ненави́дей добра̀. вложѝ въ срьдце бра̀тꙋ емꙋ. и оубѣдѝ лю́ди и постигоха́ его на по́ли нарица́емъ *Мръдиша* и под дꙋ́бѡм вели́кымъ и начаша́ его́ вращ̀ати ѡт пꙋ́ти Божіа діа́волімь наважде́ніемь. и ꙗко́же наче́ше враща́ти его. сотворѝ великꙋ́ю молитвꙋ Божію кь ни́мь, и едва̀ испроси́ звоне́ць еже ноша́ше во́ль, знаменіа ради ми́ра, а себѐ на па́меть. да се знае что изне́се светый ѡтьць Іоа́ннь из ми́ра. а во́ль емꙋ вьзе́ше и привеза̀ светый ѡтьць во́ль под дꙋ́бѡмь, нарица́емѣмь *великый дꙋбь* сь сво́има светима рꙋкама. и ѡттого̀ ча́са наре́чесе светога ѡтца дꙋ́бь, и е́ще и до дне́шняго днѐ позна́етсе вꙋ́же около дꙋ́ба, знаме́ніе света́го ѡтца. и ѡтвратѝ ли́це свое́ свето́е ѡт них и поидѐ въ *пꙋ́стыню Ры́лъскꙋ́ю*. и собра́шесе кь ни́мь, и не благословѝ ꙗ́хь, ни проклѐ. и даст ѝмь зна́меніе ре́кь а́зь излазꙋ ѡт вас смѣ́есе и глꙋ́ме. и по́иде вь пꙋ́стыню рылскꙋ́ю и и́де на ме́сто нарица̀емое *Го́ле́ць* и быст тꙋ. ѳ. м҃ць. и пакы бра́ть емꙋ вьзьтꙋ́жи̇ по бра́тѣ и поиде искати его и идѐ и ѡбрѣ́те его въ мѣстѣ то́мь. и видѣвь егѡ̀ светы́й ѡтць грѣдꙋ́ща кь не́мꙋ, и прискрьбань быст и помоли́се Богꙋ...... Тогда пріиде глас сь небесе и̇ ре́че емꙋ ра́дуисе све́тило моѐ въ пꙋ́стий се́й го́рѣ *снѣ-*

Во времена гоненій и бѣдствій народныхъ отшельничество приносило несомнѣнную пользу. Оно пріучало людей къ самопожертвованію, оно укрѣпляло духъ гонимыхъ и утѣсняемыхъ и приготовляло къ борьбѣ и освобожденію. Таково было иночество на Руси во времена Татарскаго гнета. Велики оказались также для православной Болгаріи, — когда на нее легло иго Турокъ, — плоды

жанинни (т. е. снѣжной). ра́дѹисе дьнницѣ моа свѣтла. ра́дѹисе сльньце мое светлое въ пѹсты́ни рылстѣи. ра́дѹисе пѹсты́ни жителю вь плъти сьи ангелъ. въста́ни и вьзми жезль свой, и и́ди въ мѣсто оуготованое тебѣ *под планинѹ ими Връто́пъ*. и и́де и обрѣте пе́щерѹ и вьни́де, и́деже сльньце не призыра́еши ни вѣтрь не вѣя́ше. нъ тькмо ангель еди́нь прихо́ждаше кь не́мѹ, и ноша́ше емѹ ма́ннѹ ѡт Бога о́бразѡм ши́пковемь. и тѹ пребываше моле Бога день и но́щь не почи́вае, и безь слъзь не прѣбы́вае николи́же. и прихо́ждаше вра́гь прелъстникь, и бесѣдоваше словеса ангельска кь не́мѹ хо́те его́ изве́сти ѡт мѣста светаго. и не имѣе емѹ что сьтвори́ти. бѣше бо брата́ньць светаго ѡтца сь ни́мь. и и́де врагь прѣльстникь ѕли́, кь бра́ту светаго ѡтца. и навади его ре́кь емѹ. азь бра́та твое́го обрѣтѹ и дѣте твое вь пѹсты́ни сь ни́мь, и́деже сльньце не сіяеть, ни вѣтрь вѣеть, тѣкмо еди́ны ѕвѣріе, и твое че́до сьне́дено хо́щеть бы́ти ѡт ѕвѣрей. слыша́вь же бра́ть светаго словеса сіа вра́жіа, разгнѣва́се, и пойде сь гнѣвѡмь, да его изве́деть изь пѹсты́ни діа́вольскымь наѹче́ніемь. и не вѣдещѹ емѹ ка́мо и́ти, ре́че емѹ діа́воль прельстный. азь да те пове́дѹ на мѣсто где́ живеть твой бра́ть. и че́до твое досе́ле изѣдено е́сть ѡт ѕвѣрь. слышавь сло́вь то́й бра́ть светаго, и прискрѣбнь быст за че́до свое. и рече́ діа́волѹ. дрѹже ве́ди ме на мѣсто то, да ти сатво́рѹ е́же хо́щешы. и пойде діа́воль пред нимь. и идо́ста на мѣсто и́деже бѣ светый ѡтьць пѹсты́ный Іѡа́ннь. и ви́дѣвь его светый ѡтьць и помо́ли Бога.... оуслы́ши ме Господи и поми́лѹи ме. и изба́ви ме ѡт врага́ сего́ похва́лнаго.... ей Господи не оста́ви ме́. не вра́гѹ се́мѹ вь ра́дость. Сице е́мѹ мо́лещѹсе. прійде бра́ть его діаволіимь наѹче́ніемь. и вьзьбесѣдова кь не́мѹ словеса діа́воля, хоте светаго прѣльстити и изве́сти ѡт пѹстыни Божіа.... разѹмѣвь же светый ѡтьць Іѡаннь, ıако не сѹть бесѣди бра́та его, нь сѹть бесѣди вра́га.... вьзрѣвь на небо и ре́че. Господи Іисусе Христе.... изба́ви ме ѡт вра́га моего.... спасі́ ме Господи ѡт ненави́стника моего́, прѣити ма́лое се жи́тіе прѣхо́дное, и настави́ ме въ твое оти́шіе.... бѹди ми помо́щникь, и ѹбы приста́вники е́же хо́теть на ме прійти. и́же твоих заповѣди не вѣдеть. сотвори и́хь а́дѹ приче́стникы и чрьвіемь, и вьвѣди егѡ вь вѣчныи ѡгнь, и вь мѹкѹ кромѣшнѹю. и́деже чрьвь не ѹсыпаеть, и ѡ́гнь не ѹгаса́еть. а ра́бѹ своемѹ, Господи, да́ждь крѣпость и бде́ніе, и помо́щь, по твоимь стьзамь хо́диті, и тебѣ слѹжити вь вѣкы вѣкѡвь аминь. Чюв же діа́воль е́же ре́че светый ѡтьць Іѡаннь ами́нь. оужа́снѹсе и бѣжа вь мѣсто свое. а бра́ть емѹ ѡста. и разѹмѣ брат емѹ си́лѹ светаго ѡтьца и не смѣи бесѣдовати емѹ ничто́же. оста́ бѡ еди́нь, а врагь его бѣжа и́же его ѹча́ше ѕли́мь бесѣдамь, хо́те его

иноческихъ подвиговъ Іоанна Рыльскаго: обитель, создавшаяся на мѣстѣ его пустынножительства, вѣроятно имъ самимъ и основанная, сдѣлалась неколебимою опорою православія и славянской мысли въ Болгаріи, и нынѣ еще, вѣрная завѣту девяти вѣковъ, стоитъ она во главѣ возрождающагося просвѣщенія болгарскаго. Но замѣчательно въ самомъ Іоаннѣ это необоримое отчужденіе отъ всего,

---

смѣсти ѡт пѹти Божіа. и приблѝжисе бра́ть емѹ молѐсе мо́лбою велѝкою, и сльзамѝ велѝцѣми да емѹ пѹстит дѣтища. и ѡтпѹстѝ дѣтища светый, и пойде съ ѡтцем своемь. бѣше бо́ духо́вно дѣте то́й. вѣдеше бо́ пѹстыни житель ѡтьць Іѡа́ннь ꙗко дѣте духо́вно е́сть, помо́лисе Господеви и рече́. Господи да не погы́бнеть дѹша пра́веднаго. и не напишѝ его̀ съ грѣшникы. и оуслышà Богь моли́тва светаго и препѡдобнаго ѡтьца Іѡа́нна. и то́мь ча́сѣ повелѣ змій и оуꙗде дѣтище идѹща пѹтемь сь ѡтцемь его̀. и възвра́тисе ѡтьць его̀ и повѣдà светомѹ ѡтьцѹ Іѡа́ннѹ. и оуслы́ша светы ѡтьць о дѣтище и прославѝ Бога и рече́. Господи пріимѝ дѹшѹ праве́дничю. да почи́сть сь Авраа́мѡм, и Іса́комь, и Іа́ковѡм и вь тѡм ча́сѣ изы́де дѹшà из дѣтищà. и вьзьмь ѡтьць его̀ и не́се емѹ. и повелѣ светыи ѡтьць Іѡаннь не́сти отро́че на мѣсто и́менемь *Осъново* и погре́бе. ѝ ѡтьць его̀ и ѡти́де. светы́ же ѡтьць Іѡа́ннь хожда́ше на мѣсто то̀ дѹше тоѐ ра́ди пра́ведничю. и сьтворѝ се́бе мѣсто то̀ поко́ище, а змію тѹ помрамо́ри да сѐ ꙗвѣсть сила́ молитвы светаго ѡтьца Іѡа́нна. и прихо́деще лю́діе вьзе́млють ѡт не́ю на вра́чбо вьсе́мѹ. и сьтворѝ вь пе́щери то́й светый ѡтьць Іѡаннь не изьхо́де трѝ лѣта и 5 мѣсець. И изыдѐ вонь и ѡбрѣте ка́мень, висотà емѹ. м. (40) сѫжней, а шири́на емѹ ꙗко щи́ть вели́кь. и вьзы́де на ка́мень то́й, и стоꙗ̀ на не́мь. з. (7) лѣть, и д. (4) мѣсеце дьнь и нощь не почи́вае, бие́ прѣси своѐ и колѣнѣ прекла́няе и слѣзы то́че постомь и бдѣніемь, оуби́вае тѣло своѐ мра́зомь и бѹреѭ. трьпѐ зной и град сь небесе по́стѡм и бдѣніємь днію и но́щію. иже по́двигы и трѹды его̀ ангель Господьнь вьзно́шаше на небо пре́дь Богомь. и оувѣдевь Богь трьпѣніе его̀, и ангель Господьнь прихо́ждаше кь не́мѹ прино́се емѹ ма́ннѹ. И оувѣдѣ вра́гь прѣвый ꙗко пріе́та быст молитва его̀ пред Богомь и разгнѣвавсе, и поéть и́нѣхъ мнѡ́зѣхь сь собою, и сьтворѝ сьбо́рь, и пріидо́ше на мѣсто и́деже стоя́ше на ка́меніи светый ѡтьць Іѡаннь, молѐ Бога. и пріи́доше напра́сно сь стра́хомь ве́лімь, мне́ще оустрашите его̀ хо́теща да бѣжить ѡт мѣста светаго и не мо́гоше емѹ что̀ сьтвори́ты. бѣше бо ангель Господень хранѧ̀ и крѣпле его̀. и начѐ діа́воль бѣжа́ти, а светый ѡтьць Іѡа́ннь бѣ сто́е на ка́мени молѐсе Богѹ днію и но́щію не преста́я слѣзы то́че. и прихо́деще вра́зи низрѣвахѹ ѡт ка́мене того̀. висотà бо бѣ ка́мене того̀, м. (40) сѫжнеи. ѡнже не хотеа́ше обы́ти и́нѣмь пѹтемь и́мать бо пѹти́щце ма́ло на мѣсто то̀ светое нѝ ѡтгдѐ его̀ смѣта́яхѹ, тѣмжде пѹти́щцемь вьсхожда́ше. е́сть бо ка́мень то̀й высо́кь и стрьмень. ю́дѹже смѣта́яхѹ и мѹчахѹ светаго ѡн же сь ра́достію пріемля́ше вьсѐ то̀. и до днѣшняго днѐ знаятсе сто́пи но́гѹ его̀. и оумили́все, възрѣвь на небо и ре́че.

что его окружало. Это, очевидно, не вымыслъ позднѣйшей легенды. Легенда также коснулась и жизни св. Климента, но не стерла съ него типа общественнаго дѣятеля, просвѣтителя народа. А у Іоанна и его современниковъ Прохора, Гаврилы, Іоакима общая черта — что они бѣгутъ изъ общества, скрываются въ горы, не проклинаютъ своего народа, но отъ него уходятъ, «смѣяся и глумяся надъ

Боже вседрьжи́телю не ѡтст8пи́ ѿт ме́не, нь б8ди ми помо́щникь на вра́гы сіѐ спаси́ ме и помо́зи ми ма́ло прехожде́ніа сего прѣйти. и не помени̇ моих грѣхь и́же сьтво́рихь илѝ сло́вомь, илѝ помишле́ніемь, илѝ дѣ́ломь, илѝ во̀ли илѝ нево̀ли. ꙗко Богь милосрьдь помо́зи ми. да не рече́ть беззако́нный гдѐ есть Богь его̀. тѣмже Господи потыщи́се избавити ме ѿт вра́га се́го. ꙗко да просла́вится и́ме твоѐ во вѣ́кы. И егда̀ ре́че светыи ѡтьць Іѡа́ннь амин. въ той ча̀с оуда́ри ангель вь клепа̀ло ка́менно. и зво́нець позвонѐ над гро́бомь светаго ѡтьца. и потре́сесе п8сти́ня и потрепета̀ ꙗко и езе́ро. и позвонѐше го́ра ꙗко *камба́нь* (т. е. колоколъ). и чю̀вь діа́воль, ами́нь, и клепа́ло и звоне́ць, и оудари̇ вь мѣ́сто оуготова́нное ем8. и̇деже не́сть свѣ́та нѝ тьма̀ при́сно. и вь тѡм ча́се пріи́де ангель сь небесе ѿт Господа глаголя, м8́жайсе и крѣ́писе вьзлюбле́ниче мой, а́зь е́самь при́сно с то́бою, не 8жаси́се, нѝ ра́д8ись.....

То́гда пріи́де Іѡа́ннь Богосло́вь кь не́м8 и ѡбье́мь его̀ ꙗко мати младенца своего̀ и облобиза̀ и ре́че ем8. ра́д8ись возлю́бленниче Господьнь оуготова́, бо ти се вѣ́нець сла́вѣ. сла́ва бо твоя просьвтѣсе. вьста́ни и вьзми̇ жезль свой и и́ди вь мѣсто прежнеѥ и̇деже сій пріе́ль инѡ́чьскый ѡбразь, и ѡставѝ т8 же́зль свой, да б8деть ми́р8 вь зна́меніе, а те́бѣ вь па́меть. рече́но бо тѝ е́сть ѿт Бога. и вьста́вь п8сты́ножи́тель ѡтьць Іѡа́ннь, и и́де на мѣсто и̇деже прѣвѣе пріе́ть и́ночество под плани́н8 и́ме е́й *Р8снь*, вь мѣсте зово́мое *Скрыно*, и ѡти́де ѿтт8д8 и никто́же его̀ видѣ. когда̀ пріидѐ и ко́гда ѡти́де. и же́зль свой ми́р8 ѡста̀ви, знаме́ніе, а себѣ на па́меть, повелѣ́ніемь Господьнимь. и вьста́вь оти́де вь *Перигь* и ѡбрѣ́те мѣсто ка́менно, бли́зь рѣкы и́менемь *Стр8ма*, и т8 сътвори̇ се́бѣ поко́ище. и ѿтт8д8 и́де вь плани́н8, *Вито́ш8*, и т8 сьтво́ри се́бѣ поко́ище., и пріи́де кь нем8 ангель Господьнь..... и повелѣ́ніемь ангеломь вьста́вь и и́де на мѣсто и́деже се бѣше оуготоваль гро́бь сво́има р8кама светима вь п8сты́ни *Рылстѣй*. бѣше бо то́гда *Пе́тръ царь* вь Срѣдци гра́дѣ. и прочю̀ се сло́во о светѣмь. о сѐмь чю̀ и *Пе́тръ царь*. и избра̀ ѳ. (9) м8жей хи́трех ловце и повелѣ̀ и́мь и́ти вь *Рыл8* ло́вь лови́ти. заповѣ́давь им глаголе. да се не вѣзвра́тите кь мнѣ доне́лиже не обрѣ́щете мѣ́сто светаго ѡтца да и а́зь шѣ́д покло́нюсе ем8. и пойдоше м8жіе ꙗкожѐ повелѣ̀ и́мь царь ло́вь лови́ти. и ищѐх8 мѣ́сто светаго, и не обрѣта́х8 его̀. и прово́дише дьни мнѡ́гы вь п8сты́ни то́й, ни светаго мѣ́сто ѡбрѣ́тоше, ни ло́ва оулови́ше и прискрѣ́бныи бы́ше, и не можа́х8 вьзврати́тисе кь цар8. не бѣ́х8 бо ни еди́ное рабо́ти сьтво́риле и́же и́мь бѣ̀ повелѣ́ль царь. бѣ́х8 бо и не ꙗ́дше мнѡ́ги, дьни и наре́коше и́ме свето́м8, и помоли́шесе ре́кше, ѡтче светый, проповѣждь се намь, да

нимъ», какъ говорится въ житіи Іоанна Рыльскаго Между тѣмъ это была пора полнѣйшаго благоденствія въ Болгаріи, долголѣтняго мира, какимъ она давно не пользовалась, и высокаго политическаго значенія. Неужели внутреннее состояніе подпавшей подъ византійское вліяніе Болгаріи было уже въ то время такъ неутѣшительно, что это заставляло знаменитаго основателя Рыльской обители и его то-

---

не погі́бнем ѡт цара, и смилі́хꙋсе емꙋ. вѣ́деше бо светый ѡтьць съвѣ́та и помышлѐніа царева. вь то́мь ча́сѣ ѡбрѣ́тоше стьзі́цꙋ ма́лꙋ и прославише Бога. и і́доше по стѣ́зи то́й, и ѡбрѣ́тоше егѝ и видѐ их светый ѡтьць и выпросѝ і́хь глаголе. че́да о что́мь е́сте пришлѝ. едѝ досе́ли вы не ꙗ́дше е́сте. вѣ́деше бо і́хь ꙗко. е (5). дьни і́мꙋть не ꙗдше. ѡні́ же исповѣ́да́ше емꙋ всьꙋ і́стинꙋ. Бѣ́ше бѡ вь то́мь ча́сѣ принесль емꙋ ангель съ небесе пі́щꙋ, обра́зѡм шіпковемь. и Божіемь повѣлѣ́ніемь сьтвори́се просфо́ра, и поста́ви і́мь ма́ннꙋ светый ѡтьць ꙗ́сти. бѣ́ше бѡ еди́нь вь ні́хь велеядьць. ві́дѣвь просфорі́цꙋ ма́лꙋ. и помислѝ вь срдьци своемь рекь. что̀ хо́щет на́мь сѐ бы́ти ѳ (9)-мь мꙋжемь вь просфорі́ци се́й еди́ной. и проразꙋмѣвь помышлѐніе егѝ светыи ѡтьць Іѡа́ннь. и въздьхнꙋвь кь Господꙋ, ре́че въ срдьце своемь. Господи ꙗ̀коже есѝ насы́титиль петы́ми хлѣ́бы пет ты́сꙋща нарѡ́да сьтворѝ и здѐ зна́меніе своѐ, и благослови і́мь трапе́зꙋ сію. и ꙗдо́ше вьсѝ насы́тишесе. и оста̀ полови́нꙋ ѡт просфо́ры. и бѣ̀ болѣ́нь еди́нь ѡт них и а́біе ꙗ́дши изцѣлѣ̀. ꙗко жѐ е́сть рече́но вь кні́гах. хлѣ́бь ангельскы̀ ꙗде чловѣкь. то́гда тіи мꙋжіе ꙗдо́ше и просла́више Бога. възврати́шесе кь царꙋ сь ра́достію и сказа́ше всѐ, еже ві́деше оу светаго, и слы́шавь *Пе́трь* царь и прославѝ Бога и поѐ сь со́бою мно́жьство лю́дей, и воѐ своѐ, и пойде да ві́деть светаго ѡтьца. и дойде до рѣ́кы і́менемь *Рыла*. и глаголаше емꙋ сѐ зна́меніе светаго ѡтьца и то́го мѣ́ста і́деже сіа̀ рѣ́ка исхо́дит. и пойде вьзь рѣ́кꙋ, и доидѐ до ка́мене і́менемь *Стогь*, и не можа́хꙋ прѣ́йти, бѣ̀ бо ꙋзско и стрь́мно. и поидо́ше вь плани́нꙋ і́менемь *Книша́ва*, и повѣда́ше емꙋ горꙋ и ка́мень і́деже жи́веше светы ѡтьць Іѡа́ннь, и вьсхо́те царь пойти и не можѐ пꙋсты́нею, нь а́біе посла̀ два̀ ѡтрѡ́ка и ре́че і́ма ищдше рьцѣ́та светомꙋ ѡтцꙋ, ѡтче пришьль е́смь да ві́дим чьстное ти лі́це, а́ще ти е́сть вьзмо́жно. и ѡтвѣща̀ і́ма светыи ѡтьць глаголе. і́дѣта и рьцѣ́та емꙋ. царꙋ̀ светыи и сла́вныи. ѡт Бога вьса̀ вьзмо́жна, а нѐ ѡт чловѣкь. а́ще хо́щеши да ме ві́диши, и да те вижꙋ, поставѝ тѝ *тѐньте* (т. е. шатры) на врьсе а а́зь да сьтво́рꙋ ди́мь да ти ві́диши ды́ма, а а́зь да вижꙋ *тѐнтꙋ*. та́ко бо на́мь е́сть повелѣ́но видѣтисе. и сьтворѝ светыи ѡтьць ди́мь ꙗ̀ко и стльпь до небесе, и виде *Петрь* царь зна́меніе светаго ѡтьца а светыи ѡтьць погледна̀ на те́нте. и просла́виста Бога и поклони́стасе дрꙋгь кь дрꙋгꙋ. то́гда Пѐтрь царь насыпа̀вь ча́шꙋ зла́тꙋ. и посла̀ кь не́мꙋ ре́кь пріимѝ сіе ѡт мо́егѡ царства да ти бꙋдеть на окрьмлѐніе емꙋ же хо́щеши. и вьзѐ светыи ѡтьць Іѡа́ннь ча́шꙋ, а зла́то вьзвратѝ, ре́кь ѡтро́комь посла́ныма ѡт ца́ра. идѣта и рьцѣ́та цареви си́це. глаголеть бра́ть твой. бра́те мой не ѡ хлѣ́бѣ еди́номь пребы́вають чловѣкь. но и о глаголе Божіи ꙗ̀коже

варищей отвергать всякое общеніе съ своимъ народомъ? Во всякомъ случаѣ, оскудѣніе духовной жизни въ православной церкви Болгарской послѣ блестящей эпохи Симеоновой очевидно и несомнѣнно.

Тѣмъ большій успѣхъ могла найти проповѣдь дуалистическаго вѣроученія. При Петрѣ Симеоновичѣ явился въ Болгаріи ересіархъ, который сталъ на ряду съ главными основателями дуалисти-

---

есть пи́сано вь Еѵанѓеліи. мнѣ бра́те мо́й, ни *во́е рожи́ты* (такъ) и нико́е же кꙋ́пле кꙋповати. да възьми́ си зла́то поне́же тебѐ есть мно́го потре́ба, а чашꙋ ю дрьжах на па́метъ тебѣ̀, и на зна́меніе ми́рꙋ. и ѿпꙋстѝ зла́то, а ча́шꙋ оудръжа̀. и рече́ кь ѿтро́кома тѣ́ма рьцѣ́те кь царю. ско́ро се двигнѝ ѿт мѣ́ста того̀. поне́же *дꙋбно* е́сть, да не поги́бнеши и вьсѝ сꙋ́щіи с то́бою. слыша́вь же царь сло́во светаго ѿтьца, вь том ча́се подви́гнꙋсе ѿтиде. и ѿтто́ле се назва̀ Царевь Врьх и до дне́сь. и прі́йде Іѡа́ннь Бого́сло́вь, и ре́че светомꙋ ѿтьцꙋ Іѡа́ннꙋ глаголе. посла́нь есмь ѿт Бога възвѣсти́ти тебѣ̀ ра́дость. ра́дꙋ́исе възлюбле́ниче мо́й и слꙋ́жителю Господьнь оуготова́ ти се вѣ́наць. и вь то́м ча́се прилетѣ̀ пчела̀ и вьлетѣ̀ емꙋ вь ꙋ́ста. и то́го ча́са наче́ть лета́ти дꙋ́хѡмь по а́ерꙋ ѩ̀ко и ѡ́рель, и ѩ̀ко голꙋ́бь зла́топрьсит по го́рамъ. и виде́вь то Богосло́вь и ѿти́де. а прѣподо́бны ѿтьць Іѡа́ннь пꙋсти́нижитель почѝ вь ме́сте свое́мь оуготова́нꙋ емꙋ ѿт Господа. мѣсеца авгꙋста вь. иі. (18) дьнь. и лежа̀ те́ло светомꙋ не ведѣ́щꙋ ни́комꙋже точіꙋ ангель Господьнь слꙋжа́ше емꙋ. и мно́гими дне́мь минꙋвшимь, посла̀ па́ки царь Пе́трь да ꙋвѣ́сть о светѣмь ѿтьци. и наче́ше па́ки иска́ти егѡ̀ и не ѡбрѣ́тоше и възврати́шасе кь царꙋ и ре́коше емꙋ не ѡбрѣто́хѡмь егѡ̀. и съжали́все царь велмѝ. и просла́вѝ Бога и ре́че. вь и́стинꙋ не быхь досто́инь видѣ́ти светаго и поми́нꙋвшꙋ мнѡ́го врѣ́мени посла̀ па́ки царь ловце вь мѣ́сто то̀ светое да мꙋ ло́веть. и не ѡбрѣта́шесе тꙋ дꙋ́ша чловѣча. вь пꙋсти́ны то̀й. тькмо ѕвѣ́ріе, еди́ны. и тѝ прихо́ждахꙋ кь гро́бꙋ светаго и исцелѣва́хꙋ ѿт недꙋгь сво́их. и́же бѣ̀ сле́пь, прозира́ше, и хрѡ́мы исцелѣва́хꙋ приходе́щи кь грѡ́бꙋ светаго. ло́вещемь же ло́вь. обрѣто́ша сле́дь еди́нь, и поидо́ше по слѣ́дꙋ емꙋ до мѣ́ста светаго. и виде́вши мнѡ́гыи ѕвѣ́ріе и не ѿтхожда́хꙋ ѿт не́го милости хоте́щє полꙋчи́ты ѿт светаго. ѡбрадова́шесе ло́вцы да оуло́веть ло́вь, то́гда виде́вше звѣ́ріе ти́е ли́це чловѣчее и подьплаши́шесе (т. е. испугались) а ѕво́нець позвонѐ, и клепа́ло поклепа̀, и ꙋ́жа́сь вели́кь прие́ша ловцы, и ѩ̀ко бежа́ти мишле́ху, и ꙋзрѣ́ше кандило го́рещее. и прі́идо́ше и видѣ́ше тѣ́ло светаго, и просла́више Бога, и ѡста́вльше ло́вь, и възврати́шесе кь цареви, и възвѣсти́ше емꙋ о светѣмь и́же ви́дѣше. чꙋв же царь и пора́дова́се о светѣмь и а́біе ѩви́се емꙋ вь сне ангель Господьнь да възы́щеть тѣ́ло светаго ѿтца. бѣ́ бо рече́но тѣ́ло то́мꙋ свето́мꙋ лежа́ты вь *Срѣдци* гра́да. сьбра́ше же лю́діе да и́дꙋть доне́сти тѣ́ло светаго ѿтьца. идо́ше же и не возмого́ша двигнꙋ́ти тѣ́ло светаго. и оскрьби́шесе скрь́біѭ вели́кою. наче́ше моли́ти Бога. то́гда прі́йде светомꙋ глас сь небесе, глаголе. возлюбле́ниче мо́и. повѣле́ное тебѣ̀ сьвръши́ ты. и а́біе двигнꙋ́се те́ло светаго и наче́ше лю́діе ти́е зва́ти гла́сѡм вели́кѡм. Госпо-

ческихъ сектъ, съ Манесомъ и Павломъ Самосатскимъ. «При Петрѣ царѣ Болгарскомъ, свидѣтельствуетъ древній памятникъ, манихейскую ересь воспринялъ попъ Богомилъ и разсѣялъ въ землѣ Болгарской» [1]). Попъ Богомилъ далъ свое имя дуалистической ереси на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Его вліяніе было таково, что уже для близкихъ потомковъ онъ затмилъ предшествовавшихъ ему проповѣдниковъ манихейства въ Болгаріи и почитался за основателя ереси въ этой странѣ [2]); вѣроятно, что онъ далъ ей тамъ устройство,

---

ди поми́лѹи. и поидо́ше ѡмѹ же хотѣа́ше. и тѣ́ло светое идѣ́ше по повелѣ́нію Божію. и доидѐ тѣ́ло светаго вь *Срѣдечьскы́и* гра́дь. и сьтво́рише емѹ́, хра́мь, и тѹ̑ поло́жише тѣ́ло светое преподѡ́бнаго ѡтца на́шего Іѡа́нна пѹ́стыны жи́теля Ры́лскаго. и кь не́мѹ пріхо́деще недѹ́жніи пріе́млют исцѣле́ніа. сіцевь сѹ́ть чѹ́деса̀ сла́внаго преподо́бнаго ѡтца на́шего Іѡа́нна пѹстынножи́теля. за преда́нѹю емѹ̑ благода́ть ѡт Господа на́шего Іисуса Христа̀. бѹ́ди же на́мь по̀мо́щникь, послѹ́шающым и чьтѹщимь, и пи́шущымь, и милость обрѣ́сти, и ѡставле́ніе грѣхѡм на́шимь вь дьнь сѹ́дныи. благода́тію и чловѣколю́біемь Господа на́шего Іисуса Христа. емѹ́же подоба́еть сла́ва чьсть и поклоне́ніе Ѡтцѹ̑ и Сынѹ и Светомѹ̑ Дѹхѹ и ни́не и при́снѡ и во вѣки вѣкѡ́вь ами́нь.

[1]) Синодикъ или съборникъ „прѣписань... ѿ грьчьскаго на блъгарскыи... ѩзыкь" повелѣніемъ царя Борила, въ 1210 г. Драгоцѣнная рукопись эта принадлежитъ Спиридону Николаевичу Палаузову, которому намъ пріятно здѣсь выразить всю признательность нашу за ея сообщеніе. Въ ней много важныхъ свидѣтельствъ о древней церкви Болгарской, о ересяхъ, съ которыми она должна была бороться, о православныхъ святителяхъ, память которыхъ она благословляла. Осужденіе Манихеевъ или Богомиловъ въ ней весьма пространно; вотъ начало этого мѣста: „Понеже въселѫкавыи нашь врагъ. по въсеи блъгарстѣи земли. манихеискѫѩ ересь разсѣа смѣсивь сіѭ съ масаліанскоѭ. иже таковѣи ереси начѧлникы, анаѳема. Попа бг҃ѡмила иже при петрѣ ц҃ри блъгарстѣмь. въсприемшаго манихеискѫѭ сіѭ ересь и въ блъгарстѣи земли разсѣавшаго. къ сим же и се прирекшаго. ѥко въ привидѣни х҃с бг҃ъ нашь отъ ст҃ыѩ бц҃ѧ и присно д҃вы маріѧ родисѧ. и въ привидѣни распѧтсѧ. и об҃женѫѭ плъть възнесе и на въздоусѣ остави. рекшеи и того бывшеи. нинѣ сѫщіи ѹчеиици и а҃пли нарченіи, анаѳема. И въсѧ иже въ ереси тои и обычаѫ ихь събраніа и таинства. и неполезнаа их оученіа. и ходѧщи{х} съ ними, анаѳ{м}. Любѧщихсѧ съ ними. и съ ними въ разоумѣ (т. е. въ единомысліи) ѩдѫщихь и піѭщи{х}. и дары ѿ нихь въземлѧщихь. ѥко единомыслъны тѣ{м}, анаѳем{а}. Иже Іоуніа м҃ца. к҃д. д҃нь на рожьство іѡанна кр҃тлѣ творѧщи{х} влъшвеніа и плѡдовь влаченіа и елика въ тѫ нощь скврънаа творѧть таинства и еллинстѣи слоужбѣ подобнаа, анаѳема. Иже сатанѫ видимѣи твари творца наричѫщихь, быти и икѡнѡма нарицаѫщи{х} дъждеви и градоу. и въсемоу исходѧщомоу отъ земѧ, анаѳема"... (листъ 13 об. и 14). Также въ другомъ мѣстѣ (л. 26 об.): „Тръклѧтаго богомила. и михаила оученика его. и ѳеѡдора. и добрѣ (т. е. Добря). и стефана. и василіа. и петра. и прочѧѧ еговы оученикы и единомѫдръникы.... иже х҃во въплъщеніе привидѣніе быти блѧдивши , а не ѿ ст҃ыѧ и прѣчистыѧ вл҃чцѧ нашѧ плъть приѧть сихь всѣхь. анаѳема. Мы имѣемъ о Богомилѣ также свидѣтельство Космы Пресвитера (жившаго въ концѣ X вѣка): „И яко же случися Болгарстѣй земли, въ лѣта православнаго царя Петра, бысть попъ именемъ Богумилъ, а по истинѣ Богу не милъ, иже нача первіе учити ереси въ земли Болгарстѣй".

[2]) См. вышеприведенныя слова Космы Пресвитера. Впрочемъ, связь богомильства

какого она прежде не имѣла, учредилъ между своими учениками [1]) іерархію [2]) и развилъ ея догматы [3]). Еще въ XIII вѣкѣ православная церковь Болгаріи помнила и предавала анаѳемѣ, какъ злѣйшихъ своихъ враговъ, вмѣстѣ съ Богомиломъ, его учениковъ Михаила, Ѳеодора, Добря, Стефана, Василія и Петра.

Эти-то новые учители дуализма дали ему, по всей вѣроятности, особый оттѣнокъ. Соборное дѣяніе 1210 г. прямо указываетъ на то, что попъ Богомилъ прибавилъ что-то къ манихейской системѣ. Поэтому мы имѣемъ право считать Богомила и его учениковъ родоначальниками особой дуалистической церкви, которой и должно быть по преимуществу присвоиваемо имя богомильской, хотя названіе это и смѣшивается часто съ средневѣковымъ манихействомъ или павликіанствомъ вообще. Но вникая въ сущность дуалистическихъ сектъ, распространившихся съ теченіемъ времени и въ западной Европѣ, гдѣ онѣ особенно усилились въ XII и XIII в. и гдѣ эти еретики обозначали себя именемъ *Катаровъ*, т. е. *чистыхъ*, — мы замѣчаемъ въ нихъ раздѣленіе на два толка. Послѣдователи одного придерживались древняго дуалистическаго взгляда, пришедшаго съ Востока и лежавшаго въ основаніи манихейскаго и павликіанскаго ученія: дуализму они приписывали исконное бытіе, такъ что начала добра и зла почитались равноправными и признавались два божества, доброе и злое. Другой, новѣйшій, толкъ отвергалъ эту систему, слишкомъ неутѣшительную для человѣческой души, и признавалъ одного добраго Бога; но онъ полагалъ, что Божество родило двухъ сыновъ, злаго, Сатанаила, и добраго, Христа: Сатанаилъ сотворилъ міръ и человѣка,

---

съ Арменіею и его тождество съ манихействомъ и павликіанствомъ не забывалась въ Болгаріи. Это видно изъ сочиненій того же Космы и изъ житія Иларіона, епископа Могленскаго, великаго противоборника богомиловъ въ 2-ой половинѣ XII вѣка (житіе написано патріархомъ Евѳиміемъ Терновскимъ въ XIV в.). Въ этомъ житіи говорится, что Иларіонъ узналъ, что большая часть населенія въ его епархіи была „Манихейскаа, и Арменскаа, и еще же и Богомильская". Вступивъ съ ними въ преніе, онъ между прочимъ спрашивалъ ихъ, зачѣмъ они „постятъ постъ Арцивуріевъ"; ему отвѣчали Могленцы: „Сергію нѣкоему Армению таковый постимся постъ, иже въ нашей странѣ пострадавшему". Такихъ указаній на связь съ Армянскими дуалистами много.

[1]) Изъ нихъ числа онъ избралъ *апостоловъ*, какъ свидѣтельствуетъ синодикъ Болгарскаго царя Борила.

[2]) Подробности о Богомильской іерархіи см. у Шмидта (Histoire et Doctrine de la secte des Albigeois ou Cathares, II, 139—150).

[3]) Синодикъ царя борила: „Попа Богомила, иже.... въспріемшаго Манихейскѫѫ сіѫ ересь.... *къ симъ же и се прирекшаго* и т. д. Впрочемъ, приписываемое попу Богомилу мнѣніе, отвергавшее вещественность въ явленіи Христа, было общею почти принадлежностью дуалистическихъ теорій (см. Шмидта, тамъ же, II, 31—39, 72—76), какія бы ни были ихъ разногласія въ другихъ положеніяхъ; но быть можетъ, что Богомилъ выразилъ это ученіе яснѣе своихъ предшественниковъ и придалъ ему бо́льшее развитіе.

Христосъ открылъ ему путь ко спасенію [1]). Оба эти толка имѣли свое начало въ Болгаріи. Итальянецъ Рейнеръ Саккони, самъ бывшій катаромъ и по обращеніи своемъ въ католицизмъ изложившій ученіе покинутой имъ ереси (онъ жилъ въ XIII вѣкѣ), исчисляетъ 16 катарскихъ церквей, какія существовали въ его время и, кончая свой списокъ церквами *Болгарскою* и *Дреговичскою* [2]), говоритъ, что отъ нихъ произошли всѣ прочія (въ томъ числѣ церкви дуалистовъ въ Италіи и Франціи, гдѣ катары пріобрѣли въ XII и XIII в. столь великую знаменитость подъ именемъ Альбигензовъ). Могло бы казаться страннымъ, что подлѣ богомильской церкви Болгарской поставлялась, съ одинаковымъ значеніемъ, церковь, носившая имя маленькаго, безвѣстнаго племени Дреговичей; но это объясняется извѣстіями XII вѣка: они указываютъ на то, что церкви Болгарская и Дреговичская были, между богомилами или катарами, представительницами тѣхъ двухъ толковъ, о которыхъ мы только что упомянули; именно, въ Болгарской господствовала новая теорія дуализма съ понятіемъ объ одномъ добромъ Богѣ, въ Дреговичской — старая теорія исконнаго и безконечнаго бытія зла рядомъ съ добромъ [3]). Имѣя это извѣстіе изъ XII вѣка, мы въ правѣ отнести начало обоихъ толковъ между Задунайскими Славянами къ древнѣйшей эпохѣ, ибо уже Болгарскій писатель X вѣка указываетъ на это самое разногласіе въ ученіи современныхъ ему богомиловъ [4]). Дреговичи жили частью

---

[1]) Различіе этихъ двухъ катарскихъ толковъ прекрасно опредѣлено Шмидтомъ.

[2]) Summa fratris Reinerii, у Martène и Durand, Thes. nov. anecd. V, 1767: „....ecclesia Burgaliæ; ecclesia Dugunthiae; et omnes habuerunt originem de duabus ultimis". Искаженное имя *Dugunthia* пишется различно въ средневѣковыхъ источникахъ; Шмидтъ (I. 16 и 58) приводитъ еще чтенія: Dugranicia, Drogometia, Druguria, Dugrutia, но ошибочно полагаетъ, что этимъ именемъ означался городъ Tragurium или Трогиръ въ Далмаціи: нельзя понять, какъ это имя могло бы быть передѣлано переписчиками въ Drogometia, Dugranicia и проч.; одна форма Druguria еще нѣсколько напоминаетъ его, но она легко могла произойти по опискѣ изъ *Drugutia*, которое съ другой стороны измѣнилось въ *Dugrutia*. Drugutia и Drogometia ясно указываютъ на имя Дреговичей, край которыхъ назывался Греками Δρουγουβιτεία (Le Quien. Or. Chr. II, 95). Наконецъ, единственный историческій фактъ, изъ котораго мы узнаемъ объ этомъ толкѣ *de Drogometia* или *de Druguria*, говоритъ скорѣе въ пользу нашего мнѣнія, чѣмъ въ пользу объясненія Шмидта: именно, въ 1167 г. богомильскій епископъ этой мѣстности рукоположилъ какого-то Никиту въ епископы для приверженцевъ ереси въ Константинополѣ; гораздо вѣроятнѣе, что это посвященіе имѣло мѣсто въ сосѣдствѣ Константинополя, въ краѣ Македонскихъ Дреговичей, нежели въ отдаленномъ городѣ Далмаціи. То же мнѣніе положительно высказалъ Шафарикъ. (Pam. Hlah. Pism. LX).

[3]) Всѣ свидѣтельства объ этихъ *ordo de Bulgaria* и *ordo de Dugrutia* приведены у Шмидта (I, 58 и слѣд.); только онъ ложно относитъ послѣднее имя къ Трогиру, какъ уже замѣчено.

[4]) Косма Пресвитеръ (Arkiv za povjestn. jugosl. IV, 86): „діавола *творца* нарицающе человѣкомъ и всей твари Божіей,... *иніи* же *ангела отпадша* нарицаютъ. И друзіи же иконома неправедно творятъ: и вся словеса ихъ смѣху суть имѣющимъ ума,

въ Македоніи, близъ Солуня, частью во Θракіи, въ предѣлахъ Филиппопольской митрополіи, и составляли тамъ въ IX в. особую епархію [1]). Какія бы ни были обстоятельства, давшія этому славянскому племени значеніе между богомилами, мы не можемъ удивляться тому, что имя его обозначало древнѣйшій толкъ катаровъ, основанный на мысли о предвѣчномъ дуализмѣ: ибо вѣрованіе это должно было преимущественно господствовать въ южной части Балканскаго полуострова, такъ какъ тамъ (именно въ Македоніи) павликіянство, занесенное съ Востока, существовало, мы знаемъ, еще до обращенія Болгаръ въ христіанскую вѣру. Потомъ, какъ мы увидимъ, въ этотъ край переселяемы были еретики-дуалисты изъ Арменіи, и это не могло не усилить тамъ вліянія восточныхъ системъ, еще близкихъ къ духу первоначальнаго манихейства. Въ собственной же Болгаріи дуализмъ былъ преимущественно водворенъ нововводителемъ Богомиломъ, и мы можемъ съ вѣроятностью признать его отцомъ той теоріи, гдѣ дуалистическое начало смягчено, и, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, отвергнуто исконное и равноправное съ добромъ существованіе зла. Систему эту мы, вмѣстѣ съ средневѣковыми источниками, назовемъ по преимуществу *Болгарскимъ толкомъ* въ дуалистическомъ ученіи [2]).

Такова печальная картина внутренняго состоянія Болгаріи при Петрѣ Симеоновичѣ: вліяніе Византіи, раздоръ между правительствомъ и приверженцами старыхъ преданій, застой и порча въ духовной жизни. Та же мертвенность во внѣшнихъ дѣлахъ, страшная быстрота въ паденіи. Начинается царствованіе Петра тѣмъ, что Болгарія отбрасываетъ мысль о завоеваніяхъ; кончается оно тѣмъ, что она въ самомъ сердцѣ своей державы не въ силахъ дать отпоръ врагу.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Петръ, при посредствѣ папскаго посла Мадальберта, уже упомянутаго, помирился съ Хорватами: ему не было охоты мстить за пораженіе, которое потерпѣлъ отъ нихъ его отецъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ отказался и отъ Сербіи. Сербскій князь Чеславъ Клонимировичъ, о которомъ мы говорили выше, бѣжалъ изъ Прѣславы, Болгарской столицы, и явился въ своемъ отечествѣ, разоренномъ и безлюдномъ. Къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ толпы Сербскихъ изгнанниковъ, другіе приходили изъ Бол-

---

не бо состоятся рѣчи ихъ вкупѣ, но разновлекутся, аки гнила свита (какъ гнилое сукно)".

[1]) См. Шафарика, Слав. Др. (перев. Бодянскаго, II, 1, 362 и 369).

[2]) На различіе толковъ въ дуалистической ереси указываетъ и Анна Комнина: „καὶ τὰ μὲν δόγματα διεφώνουν, συνεφώνουν δὲ ταῖς ἀποστασίαις οἱ ἄλλοι τοῖς Μανιχαίοις", говоритъ она объ „Ἀρμένιοι, καὶ οἱ λεγόμενοι Βωγόμιλοι, καὶ δυσθεώτατοι Παυλικιάνοι" (450—452).

гарскаго плѣна; Чеславъ просилъ покровительства Византіи. Императоръ отправилъ къ нему, снабдивъ одеждою и нужными вещами, множество Сербовъ, укрывавшихся въ Константинополѣ; онъ принялъ воскресшую Сербію подъ свою защиту. Такъ уже во второй разъ Византійскій императоръ оказывалъ покровительство явнымъ противникамъ своего друга и зятя царя Болгарскаго, и заводилъ связи, которыми при случаѣ могъ ему вредить; а царь Болгарскій оставался по прежнему слугою Византіи.

Когда Русскій князь Игорь сталъ (въ 941 г.) собирать суда, чтобы идти на Царьградъ, Болгаре не преминули дать знать о томъ Грекамъ. Походъ этотъ не удался; за то, подымаясь во второй разъ на Царьградъ, Игорь не ограничился морскою силою: онъ послалъ и *конное*, т. е. сухопутное, войско и нанялъ Печенѣговъ; онъ, разумѣется, имѣлъ въ виду дѣйствовать на сухомъ пути не прямо противъ Грековъ, которыхъ отдѣляли отъ него нѣсколько сотъ верстъ, а противъ ихъ союзниковъ, Болгаръ [1]). Миръ съ Греками предупредилъ походъ Русскихъ; но возвращая назадъ свое войско, которое дошло именно до границы Болгарской, до Дуная, «Игорь, такъ говоритъ Несторъ, повелѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю»: знакъ, что Болгарское правительство его чѣмъ нибудь особенно раздражило.

Неизвѣстно, чѣмъ эта распря кончилась; но Болгарія была тогда уже совершенно безсильна противъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Мадьяры грозили ей, уже стали на нее нападать, и она не могла отъ нихъ иначе отдѣлаться, какъ пропуская этихъ корыстолюбивыхъ наѣздниковъ черезъ свои земли къ богатымъ друзьямъ своимъ, Грекамъ. Нѣсколько разъ (934, 943, 959, 962, 967 гг.) возобновлялись эти постыдные для Болгаріи набѣги. Византійское правительство стало наконецъ обвинять Петра въ соумышленничествѣ съ Мадьярами, въ союзѣ съ ними, и требовать, чтобы онъ прекратилъ эти дѣйствія; но Петръ оправдывался малодушнымъ, постыднымъ извиненіемъ: «когда Мадьяры на него напали, Греки-де не дали ему помощи, и потому теперь, какъ онъ по неволѣ помирился съ ними, не въ правѣ требовать, чтобы онъ нарушилъ миръ и предпринялъ такую войну, вести которую ему нѣтъ возможности». — И конечно, Петръ въ своемъ извиненіи говорилъ правду: не только миролюбіе его дѣлаетъ соумышленничество съ Мадьярами совершенно невѣроятнымъ, но это видно и изъ того, что при первыхъ набѣгахъ Мадьяръ Греки не думали его заподозривать; притомъ проходъ этихъ грабителей черезъ Болгарію долженъ былъ причинять ей вдесятеро больше убытку, чѣмъ

[1]) На эти обстоятельства первый, кажется, обратилъ вниманіе покойный Венелинъ.

пользы, даже если бы ей предоставлялась вся добыча. Если бы Петру вздумалось поживиться на счетъ Византіи, онъ послалъ бы своихъ же Болгаръ, а не Мадьяръ.

Когда читаешь это извѣстіе, чувствуешь, что нѣтъ уже духа жизни въ государствѣ Болгарскомъ. Самыя жестокія пораженія и бѣдствія могли бы оставить его жизненную силу неприкосновенною; но не смѣть противостать толпѣ наѣздниковъ и потомъ приводить свое малодушіе себѣ въ извиненіе, — такое нравственное униженіе и безсиліе предвѣщало смерть. А между тѣмъ, давно ли народъ Болгарскій, могучій и бодрый, шелъ къ завоеванію державы Константина и Юстиніана и казалось, назначенъ былъ возобновить ее своими свѣжими силами? Были еще въ Болгаріи, конечно, и даже не очень старые, люди, которые помнили гордыню и побѣды Симеона. Отцы видѣли Болгарію на высотѣ могущества, при дѣтяхъ она успѣла пройти всѣ степени паденія, и готова была рухнуть при первомъ ударѣ. И здѣсь мы опять повторимъ, что упадка Болгаріи послѣ смерти Симеона, ея внутренняго ослабленія и раздора, ея подчиненія Византійской политикѣ, мы не приписываемъ случайному дѣйствію личностей: ни Петръ, ни Сурсубулъ, ни Гречанка Марія, ни отстраненные отъ престола братья Петра не были бы въ силахъ сдѣлать этого сами собою; ихъ личныя склонности и страсти могли только вызвать наружу и выразить дѣломъ то, что̀ было подготовлено общимъ ходомъ болгарской жизни. Оттого, очевидно, такъ легко стало посѣять въ Болгаріи раздоръ, заставить ее отказаться отъ вѣковыхъ ея замысловъ и стремленій, подчинить ее вліянію Византійскаго двора, что сама Болгарія послѣ Симеона уже не въ силахъ была жить и развиваться цѣльно и самостоятельно. Странная и горькая была, дѣйствительно, судьба Болгаріи! На третьемъ вѣкѣ своего существованія, въ эпоху, когда, по обыкновенному ходу дѣлъ, государство только начинаетъ свою историческую жизнь, для Болгаріи уже настала пора полнаго развитія; славное, просвѣщенное царствованіе Симеона, по-видимому, предвѣщало цѣлые вѣка процвѣтанія, а между тѣмъ оно было преддверіемъ распаденія; и если Болгарія выходила потомъ изъ оцѣпенѣнія, то лишь на время, вспышками какой-то лихорадочной дѣятельности, болѣе или менѣе продолжительными и блестящими, но безсильными создать что нибудь прочное, уступавшими мѣсто мраку всякій разъ болѣе глубокому. Да и какъ развивалась Болгарія въ первые два съ половиною вѣка своей исторіи, какъ взошла она на ту высоту, на которой стояла при Симеонѣ? Не правильными, постоянными успѣхами, а какими-то скачками, мы это видѣли въ предыдущемъ изложеніи. Созданная Аспарухомъ изъ насильственнаго сліянія славянскихъ общинъ, еще чуждыхъ государственна-

го строя, и дикой степной орды, конечно еще менѣе Славянъ знакомой съ гражданственностью, Болгарія черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Аспаруха своимъ вмѣшательствомъ ставитъ уже въ Царѣградѣ императора. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, она едва не разрушается отъ внутреннихъ раздоровъ, не въ силахъ оборониться отъ Византійскихъ войскъ. Быстро опять возстановляется она въ концѣ VIII в., а въ первое двадцатилѣтіе IX-го, при Крумѣ, держитъ Константинополь въ осадѣ, распространяетъ свою власть до Карпатскихъ горъ, умножаетъ свои силы христіанскими переселенцами изъ Византійскихъ областей. Послѣ Крума новое ослабленіе, гоненіе на христіанъ, бѣдственныя войны, правленіе государей незначительныхъ; въ долгое и мирное княженіе Бориса Болгарія крѣпнетъ опять, просвѣщается христіанскою вѣрою, развиваетъ въ себѣ огромныя силы, вещественныя и духовныя, которыми пользуется Симеонъ; и при Симеонѣ же эти силы истощаются.... Есть во всемъ этомъ развитіи Болгаріи что-то скороспѣлое и непрочное, что-то болѣзненное, неестественное.—Скороспѣлость и болѣзненность, вотъ самая общая и, можетъ быть, самая существенная особенность Болгарской исторіи. Мы только указываемъ на эту особенность; мы не беремся разгадать ея причинъ. Но можемъ ли мы не припомнить того, что Болгарія была единственная изъ славянскихъ державъ, основанная на завоеваніи и по этому самому имѣвшая началомъ своимъ искусственное соединеніе двухъ враждебныхъ сторонъ, которыя послѣ борьбы условились (гласно или негласно, все равно) жить вмѣстѣ въ гражданскомъ порядкѣ? Такое насильственное и искусственное, условное начало мы видимъ въ государствахъ германо-романскихъ, и изъ него вышла вся ихъ блестящая историческая жизнь: возможно ли было подобное явленіе у Славянъ? или какая могла быть, въ славянской средѣ, судьба государства, сложившагося изъ враждебныхъ стихій завоевателей и завоеванныхъ? Мы говорили уже гдѣ-то о несходной участи тѣхъ двухъ державъ, которыя созданы были у Славянъ пришлыми дружинами; мы сравнивали слабость и скорое паденіе Болгаріи съ стойкостью и жизненною силою Руси: и это, конечно, не дѣло случая, также и не дѣло большей или меньшей благопріятности внѣшнихъ обстоятельствъ, ибо Болгарія распалась, мы видѣли, во время полнаго внѣшняго благосостоянія, среди глубокаго мира и тишины, а какая земля страдала столько отъ враговъ, сколько Русская? Нѣтъ, не даромъ то государство получило силу и твердость, которое основали люди, добровольно призванные или признанные народомъ, сознавшимъ единство свое и потребность въ порядкѣ, государство цѣльное въ своихъ стихіяхъ, съ которымъ народъ связанъ былъ жизненнымъ единствомъ, союзомъ любви; и не даромъ мертвенно было созданіе насильника-завоевателя, это

государство Болгарское, съ которымъ покоренный славянскій народъ, въ теченіе времени, конечно сжился, но не могъ ужь соединиться всѣми силами, всею любовью своего духа. Только изъ живаго согласія и единства, не изъ насилія и искусственныхъ условій, возникало въ Славянскомъ мірѣ прочное и плодотворное развитіе. Кому понятны и ощутительны коренныя свойства славянскаго духа, та цѣльность и живая простота, которыя составляютъ его существенную принадлежность и съ утратою которыхъ онъ теряетъ свою жизнь и силу, то начало любви, которое онъ хранитъ и на которомъ стремится основать человѣческія отношенія, — кому это понятно и ощутительно, для того ясенъ этотъ законъ исторіи. Много въ ней ему подтвержденій, и къ числу этихъ великихъ свидѣтельствъ принадлежитъ судьба несчастнаго государства Болгарскаго, съ его неестественно скорымъ и неровнымъ возрастаніемъ, съ его паденіемъ, которое совершилось съ такою страшною быстротою, съ такимъ явнымъ отпечаткомъ роковой необходимости, единственно отъ дѣйствія внутреннихъ причинъ.

Мы отвлеклись отъ разсказа о царствованіи Петра Симеоновича, дошли до предпослѣдняго года этого царствованія и не успѣли его окончить: но личность Петра совершенно исчезаетъ въ великомъ явленіи внутренняго упадка Болгаріи. Пропускомъ Мадьярскихъ наѣздниковъ и трусливыми своими оправданіями передъ Византійскимъ правительствомъ, Болгарія ознаменовала послѣднюю степень этого упадка, свое полное омертвѣніе; оставалось одно: чтобы надъ этимъ государствомъ, которое уже не могло жить, поднялась рука сильнаго и исполнила надъ нимъ приговоръ судьбы. Вотъ что покажутъ намъ слѣдующія событія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Святославъ. — Первое паденіе Болгарскаго царства.

Уже сорокъ лѣтъ спокойно сидѣлъ на престолѣ Болгарскомъ царь Петръ, сынъ великаго Симеона; Болгарія изнемогала внутреннимъ безсиліемъ, мертвѣла все болѣе и болѣе. Наконецъ разразилась надъ ней гроза, и грозу накликала Византія.

При всей своей слабости, при всемъ миролюбіи своего правительства, Болгарія должна была страшно тяготѣть надъ Византіею. Правда, при Петрѣ она сдѣлалась вѣрною и услужливою спутницею Византійской политики; но все же имперія была, такъ сказать, сдавлена массою этого «варварскаго» государства, которое откинуло ее отъ Балкановъ къ прибрежью Архипелага, которое изъ Филиппополя могло въ нѣсколько дней выслать войско къ ея столицѣ, и которое въ своей гавани Месемвріи сосредоточивало, въ подрывъ Цареграду, торговлю Черноморскую [1]); могли ли Болгаре своею уступчивостью передъ Византіею уничтожить въ ней это чувство вещественнаго гнета? могло ли наконецъ Греческое правительство расчитывать на неизмѣнное миролюбіе и спокойствіе Болгаръ, на ихъ вѣчное оцѣпенѣніе?

Пока Болгарія подъ наружнымъ бездѣйствіемъ скрывала внутреннюю мертвенность, въ Восточной имперіи происходило удивительное оживленіе и возстановленіе силъ. Такова исторія этого страннаго государства: тысячу лѣтъ продержалось оно, нѣсколько разъ доходя до крайняго изнеможенія и ничтожества и потомъ опять оправляясь и выказывая значительную дѣятельность. Мы помнимъ, въ какомъ униженіи Византія стояла предъ Симеономъ; послѣ того, осторожная политика Константина Багрянороднаго заготовила въ ней новый запасъ силъ, а въ 963 г. вступилъ на ея престолъ человѣкъ съ истинными талантами, великій полководецъ и умный правитель государст-

---

[1]) Такъ даже плывшіе изъ Руси въ Цареградъ торговцы останавливались въ Месемвріи: Const. de adm. imp. 79. О Месемвріи, какъ о центрѣ сношеній Цареграда съ Болгаріею, см. Cedren. II, стр. 309.

венный, Никифоръ Фока. Четыре года воевалъ онъ на востокѣ, сперва какъ начальникъ Греческихъ легіоновъ, потомъ какъ императоръ, и побѣда вездѣ его сопровождала. Возстановивъ славу «Римскаго» воинства, очистивъ Малую Азію отъ Арабовъ, давъ имперіи перевѣсъ надъ халифатомъ, Никифоръ почувствовалъ необходимость возвратить ей просторъ и въ Европѣ; онъ рѣшился низвергнуть Болгарію, или по крайней мѣрѣ болгарское владычество на югъ отъ Балкановъ, какъ онъ ниспровергнулъ власть мусульманъ въ Анатоліи. Какой былъ предлогъ къ войнѣ? Никифоръ сталъ обвинять Болгарію въ соумышленничествѣ съ Мадьярскими хищниками, вторгавшимися черезъ ея земли въ имперію, и требовать удовлетворенія, котораго, разумѣется, получить не могъ; на этомъ основаніи разорвалъ онъ дружескія связи съ Петромъ. Вслѣдъ затѣмъ случилось, что именно тогда, когда онъ, возвратясь изъ Сиріи, изъ покореннаго Тарса, торжествовалъ въ столицѣ имперіи паденіе этой твердыни Арабской, Болгарское посольство пришло къ нему за обычною данью. При всемъ дворѣ, собранномъ для празднества побѣды, принялъ императоръ пословъ. «Горе! вскричалъ онъ, мы, Римляне, низложивъ супостатовъ нашихъ, станемъ теперь, какъ рабы, платить дань нищему, мерзкому народу, варварамъ Скиѳамъ!» и въ обдуманномъ, кажется, пылу гнѣва велѣлъ онъ бить пословъ, обругалъ самого государя Болгарскаго, назвалъ его «тулупникомъ». Никифоръ тотчасъ выступилъ съ войскомъ (967 г.) и занялъ пограничныя Болгарскія укрѣпленія (около Родопскихъ горъ). Но, не смотря на первый успѣхъ, онъ считалъ войну съ Болгаріею не легкимъ дѣломъ. Его страшили стремнины Родопа и Балкана: «онъ не хотѣлъ», говоритъ лѣтописецъ, «выставлять Римскія войска на убой Болгарамъ въ дебряхъ и ущельяхъ ихъ земли: ибо извѣстно, что много разъ Римляне застигаемы были и погибали въ тѣснинахъ Болгаріи».

По этому, возвратившись въ столицу, онъ отправилъ патрикія Калокира, «человѣка отважнаго и хитраго», въ Кіевъ, звать Русскаго князя Святослава на Болгаръ, а самъ между тѣмъ опять пошелъ на Арабовъ, въ Сирію. Понятенъ расчетъ Никифора: онъ хотѣлъ, чтобы Болгаріи сперва нанесенъ былъ сильный ударъ съ сѣвера, гдѣ она была почти беззащитна [1]); тогда бы онъ могъ смѣло итти черезъ Родопъ и Балканъ, добивать ее и взять для себя. Нанести этотъ первый ударъ онъ не думалъ поручить ни Мадьярамъ, истомленнымъ многолѣтнею и подъ конецъ гибельною для нихъ борьбою съ Германіею, ни нестройной ордѣ Печенѣжской: тутъ нельзя бы было рас-

[1]) См. Констант. Багрянор. de admin .imp., глав. 5 (περὶ τῶν Πατζινακιτῶν καὶ Βουλγάρων).

читывать на вѣрный успѣхъ.—Русская дружина была сильна: она могла сразить Болгарію; Русская земля была далеко, и черезъ Болгарію не могла, казалось, угрожать Византіи; вотъ что Никифоръ конечно имѣлъ въ виду.—Калокиръ дѣйствовалъ въ Кіевѣ не изъ одной служебной обязанности; призывая Русскую дружину, задабривая ее деньгами, которыя ему вручилъ Никифоръ, онъ тайно внушалъ Святославу мысль занять Болгарію для себя и тогда содѣйствовать ему, Калокиру, къ достиженію Византійскаго престола: онъ сулилъ ему тогда груды золота.

Какія, наконецъ, побужденія могъ имѣть Русскій князь? Не государственные виды руководствовали Святославомъ; онъ былъ исключительно вождь дружины: такъ обозначается вся его дѣятельность въ Русской исторіи. Удальство и славолюбіе дружиннаго начальника заманили его, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, на Кавказъ: онъ бился тамъ съ народами, съ которыми тогдашняя Кіевская и Новгородская Русь не могла имѣть настоящихъ причинъ къ враждѣ; тѣ же стремленія увлекли его теперь за Дунай. Какое открывалось тутъ поприще для искателя военнаго счастія! Предлагалось завоевать одну изъ богатѣйшихъ странъ Европы, взять сокровища, накопившіяся въ теченіе столькихъ лѣтъ отъ цвѣтущей торговли, отъ разграбленія Византійскихъ областей, отъ Византійской дани; и къ тому же за это завоеваніе Византія платила деньги (Никифоръ послалъ съ Калокиромъ въ Кіевъ 1,500 литръ золота, болѣе 100,000 нашихъ червонцевъ [1]), и обѣщалъ еще, по окончаніи похода). И не только богатства, но и какой блескъ, какая слава ожидала завоевателей знаменитаго, обширнаго государства Болгарскаго! И какіе заманчивые виды раскрывалъ Калокиръ! Отказаться было бы въ глазахъ Святослава преступленіемъ передъ дружиною, его единственнымъ отечествомъ. Онъ собралъ суда и отправился къ Дунаю (967). Его сопровождалъ Калокиръ. Онъ взялъ съ собою только дружину свою [2]); земской рати отъ славянскихъ племенъ, составлявшихъ Русское государство, съ нимъ не было: Русская земля не участвовала въ этомъ дѣлѣ; то было личное предпріятіе Святослава, какъ вождя дружины.—Дружина была у него легкая, немногочисленная, тысячъ 10, а вѣроятно меньше [3]). — Святославъ подплылъ къ

---

[1]) См. Черткова, Описаніе войны великаго князя Святослава, стр. 150, гдѣ вычислена сумма, какую представляли 15 *кентинаріевъ* золота, посланные Никифоромъ Святославу, и гдѣ, сравненіемъ съ другими извѣстіями, вполнѣ утверждена достовѣрность этого показанія.

[2]) На это ясно указываетъ Несторъ, когда говоритъ о возвращеніи Святослава изъ перваго похода въ Болгарію: „вборзѣ всѣде на конѣ *съ дружиною своею*“, стр. 28.

[3]) Во второмъ походѣ въ Болгарію Святославъ имѣлъ не болѣе 10,000 ч. дружины, по свидѣтельству Нестора, а тогда онъ шелъ съ намѣреніемъ основаться тамъ и конечно долженъ былъ взять съ собою больше войска, чѣмъ въ первый разъ, когда не

устью Дуная (въ августѣ 967 г.), и сталъ у берега. Болгаре выдвинули противъ него 30,000 войска. Смѣло выходя изъ судовъ, держа передъ собою щиты, Русскіе бросились на нихъ, взяли ихъ на мечи [1]). Болгаре дрогнули и побѣжали. Они заперлись въ Дерстрѣ (иначе Доростолѣ, теперь Силистріи). — «Говорятъ, что это неожиданное бѣгство до того огорчило государя Болгарскаго Петра, человѣка богобоязливаго и достойнаго, что онъ пораженъ былъ падучею болѣзнію, и жилъ уже не долго»: такъ повѣствуетъ византійскій лѣтописецъ.

Быстро овладѣлъ Святославъ сѣверною, придунайскою частью Болгаріи. Онъ вошелъ въ Дерстръ [2]); онъ взялъ городовъ 80 по Дунаю, говоритъ Несторъ, и сѣлъ тутъ княжить, въ Переяславцѣ (въ Болгаріи было два Прѣслава, или, въ русской формѣ, Переяслава, Великій Прѣславъ, столичный городъ, въ горахъ Балканскихъ—гдѣ Эски-Стамбулъ, близъ Шумлы, и Малый Прѣславъ, или Переяславецъ, на Дунаѣ [3]): послѣдній сдѣлался главнымъ мѣстопребываніемъ Святослава; въ первомъ еще держался, кажется, Петръ). — Добыча досталась ему огромная; и Никифоръ, кажется, обрадовавшись первымъ его подвигамъ въ Болгаріи, послалъ ему опять богатую плату [4]).

Удивительно, какой легкій успѣхъ имѣлъ Святославъ: однимъ натискомъ онъ покоряетъ большую часть Болгаріи, коренныя ея области. Изнемогла ли уже до такой степени держава Болгарская, что послѣ одной неудачной стычки съ Русскою дружиною, потеряла всякую способность къ сопротивленію? Этого, очевидно, нельзя предпо-

---

могъ еще имѣть видовъ на какое-нибудь прочное завоеваніе. Что дружина была малая, слѣдуетъ непремѣнно и изъ того, что она пустилась въ Болгарію на судахъ, а возвратиться могла „вборзѣ", на коняхъ. — Взяла ли она себѣ лошадей на суда, или добыла ихъ себѣ въ Болгаріи, рѣшить трудно, хотя послѣднее гораздо вѣроятнѣе: въ первомъ сраженіи, при высадкѣ, мы видимъ у Русскихъ, судя по описанію Льва Діакона, только пѣшій строй; но въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ у нихъ является уже и конница; на картинкахъ болгарскаго перевода Манассіи Русскіе изображены конными.— Левъ Діаконъ, съ громаднымъ преувеличеніемъ, обычнымъ византійскимъ историкамъ, насчитываетъ у Святослава 60,000 войска, но нелѣпость его показанія видна уже изъ того, что не смотря на десятки тысячъ людей, которыхъ Русскіе, въ его разсказѣ, теряютъ въ каждой битвѣ, та же самая цифра 60-ти тысячъ является у Русскихъ опять въ концѣ войны съ Цимисхіемъ, въ Доростолѣ, также какъ при первой ихъ высадкѣ. Недовольный еще 60,000-ми, Кедринъ даетъ Святославу 308,000 войска.—См. о разныхъ этихъ цифрахъ, Черткова, Опис. войны Свят., стр. 156 и слѣд.

[1]) Не соотвѣтствуетъ ли это атакѣ въ штыки?

[2]) Картинка въ Славянскомъ переводѣ Манассіи въ Ватиканскомъ спискѣ, съ надписью: „идѫт въ Дръстръ" (см. Чертк. Опис.)

[3]) Положеніе его въ точности неизвѣстно. Если правда, что Русчукъ, Рущукъ (иначе Roszig, Oroschik, см. Чертк. 189) получилъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, свое названіе отъ Руси, то, быть можетъ, онъ и есть древній Переяславецъ или Малый Прѣславъ, столица Русскаго князя въ Болгаріи.

[4]) Несторъ: сѣде княжа ту въ Переяславци, *емля дань на Грьцѣхъ.*

лагать. Нѣтъ, Святославъ долженъ былъ найти въ самой Болгаріи содѣйствіе. Мы знаемъ, что здѣсь было много людей, считавшихъ Петра незаконнымъ обладателемъ престола [1]), негодовавшихъ на него за дружбу съ Греками и жалѣвшихъ о старыхъ воинственныхъ временахъ Болгаріи. Главою ихъ сдѣлался Шишманъ, (иначе Мокръ [2]), одинъ изъ могущественнѣйшихъ бояръ Болгарскихъ, съ своими сыновьями. Они-то стали теперь [3]), по словамъ Кедрина, замышлять переворотъ и мутить народъ Болгарскій. Эти люди и помогали, безъ сомнѣнія, Святославу, видя въ немъ не завоевателя Болгаріи, а удалаго дружинника, который былъ призванъ противъ Петра и котораго можно было, поэтому, употребить для его низверженія.

Дѣйствія Святослава въ Болгаріи были, по необходимости, совершенно противоположны первоначальной цѣли его предпріятія. Никифоръ звалъ его, какъ союзника, чтобы приготовить Грекамъ завоеваніе Болгаріи, а онъ поднялся въ походъ уже тайнымъ врагомъ Никифора, соумышленникомъ Калокира; и вотъ, пришедши въ Болгарію, онъ не только не дѣйствуетъ въ видахъ Никифора и Византійской политики, но является противникомъ той стороны, которая была у Болгаръ всегда наиболѣе склонна къ Грекамъ, и поборникомъ заклятыхъ враговъ Византіи. Вдругъ, мы видимъ, и Никифоръ перемѣняетъ всю свою политику. Ссора его съ Петромъ была поводомъ призванія Святослава; теперь онъ не медлитъ: послы его ѣдутъ къ Петру, обращаются къ нему [4]) именемъ единства вѣры, исповѣдуемой Греками и Болгарами, заключаютъ съ нимъ союзъ, просятъ у него руки двухъ Болгарскихъ царевенъ для сыновей покойнаго императора Романа [5]), условливаются съ нимъ о помощи противъ Руси, возвращаются въ Константинополь съ царевнами, съ сыновьями Петра, Борисомъ и Романомъ, съ Болгарскими заложниками [6]); а

---

[1]) См. предыдущую главу. Петръ былъ младшій сынъ Симеона: оттого возстанія старшихъ братьевъ.

[2]) Греческіе лѣтописцы не приводятъ имени этого боярина, отца славнаго царя Самуила Болгарскаго и его несчастныхъ братьевъ. Анна Комнина называетъ его Μόκρος: стр. 343. Μόκρος ὁ τῶν Βουλγάρων βασιλεὺς καὶ οἱ ἐξ ἐκείνου γενόμενοι καὶ προσέτι γε Σαμουὴλ ὁ τελευταῖος... Въ одномъ Далматинскомъ памятникѣ 994 года (Farlati, III, 111), гдѣ говорится о томъ же царѣ Болгарскомъ Самуилѣ-Стефанѣ, отецъ его названъ Шишманомъ: probum dominum Christicolam justum Sismanum Imperatorem (объ этомъ см. ниже, стр. 199).

[3]) Кедринъ именно связываетъ эти волненія съ временемъ смерти Петра, но ошибочно относитъ ихъ, какъ и самую смерть Петра, къ 963 г., тогда какъ достовѣрно извѣстно, что Петръ былъ еще живъ при первомъ походѣ Святослава въ 967 и 968 году.

[4]) См. Льва Діакона, стр. 79.

[5]) Василія и Константина, еще отроковъ.

[6]) По ошибкѣ латинскаго перевода Кедрина, большая часть новѣйшихъ писателей говорятъ, что заложниками были самъ Борисъ и Романъ; но въ греческомъ

самъ Никифоръ въ это время готовится къ войнѣ съ Русью, обучаетъ войско, вооружаетъ новую тяжелую конницу, всю покрытую бронею [1]), укрѣпляетъ Константинополь и Босфоръ.

Предстоитъ великая борьба. Зиму 967 года Святославъ провелъ на Дунаѣ, въ Переяславцѣ; въ слѣдующемъ году ему необходимо будетъ итти на Петра, въ глубь Болгаріи. Какъ поставитъ онъ себя тогда въ отношеніи къ Болгарскому народу? Скажетъ ли онъ смѣло Болгарамъ: «ваши правители предались врагамъ вашимъ, Грекамъ: я вашъ князь, вашъ другъ и защитникъ; вы не будете данниками Грековъ: вамъ будетъ подъ моею державою, какъ другимъ моимъ племенамъ, оборона отъ чужаго насилія, судъ и правда и легкая дань!» Такъ распространялъ Русское государство Олегъ, освобождая Славянъ отъ дани Хазарской, установляя надъ ними безпристрастную власть, налагая «легкую дань» [2]). Или скажетъ Святославъ своей дружинѣ: «это земля наша, покоренная», и станетъ «примышлять имѣнія» съ дружиною, какъ «примышлялъ» Игорь у Древлянъ? Къ несчастію, Святославъ не былъ государственный строитель, какъ Олегъ; онъ наслѣдовалъ все пристрастіе отца своего къ дружинѣ, и только отличался отъ Игоря дивными подвигами мужества. Пришедши въ Болгарію для того, чтобы поживиться тамъ съ дружиною, съ перваго шагу пустивши дружину грабить и разорять, онъ уже не въ силахъ былъ остановиться на этомъ пути. «На другой годъ (послѣ перваго нашествія на Болгарію), Русскіе вторично, говоритъ Кедринъ, пошли войною на Болгаръ, и также жестоко съ ними поступали, какъ въ первый разъ, если не хуже еще». — Выразительна приписка болгарскаго переводчика одной древней византійской хроники, при повѣствованіи о Никифорѣ: «при семъ Никифорѣ царѣ плѣнила Русь Болгарскую землю *дважды въ два года*, какъ царь Никифоръ *извелъ* на нее Святослава» [3]); и при этомъ переводчикъ изображаетъ намъ въ двухъ картинахъ «Рѹскыи плѣнъ еже на Блъгары»: на одной скачутъ всадники, покрытые щитами и кольчугами, съ длин-

текстѣ сказано: σπονδάς... ἔθετο Πέτρος ὁμήρους καὶ δοὺς τοὺς οἰκείους δύο υἱοὺς Βορίσην καὶ Ῥωμανόν; заложники были особые, а сыновей Петръ послалъ въ Константинополь для большаго скрѣпленія связей, и вѣрно также для ученія: такъ и Борисъ I посылалъ туда Симеона.

[1]) Это отборное войско потомъ окончательно устроилъ Цимисхій, который, кажется, воспользовался мыслью Никифора, и изъ тяжелой конницы, имъ вновь вооруженной, образовалъ свой знаменитый полкъ „безсмертныхъ“.

[2]) Несторъ, стр. 10: иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему (т. е. а вамъ нисколько не противникъ).

[3]) При семъ Никифорѣ цари плѣниша Рѹси Блъгарьскѫѫ земѧ по два[ж] въ двѣю лѣту. цреви Никифорѹ изведшѹ Свѧтслава на них. См. Черткова, о переводѣ Манассіиной лѣтописи, 114.

ными копьями, иные съ лукомъ и стрѣлами, передъ ними бѣгущіе, одинъ отстрѣливается, вокругъ мертвыя тѣла, отрубленныя головы; на другой картинкѣ тѣ же всадники въ кольчугахъ гонятъ стадо быковъ и барановъ [1]). Вотъ какимъ образомъ Святославъ дѣйствовалъ въ Болгаріи!

Это вело неминуемо къ общему возстанію Болгаръ и къ союзу ихъ съ Греками. Но тутъ пришла къ Святославу вѣсть изъ Кіева, что Печенѣги чуть не взяли Русской столицы: «да и опять насъ возьмутъ, говорили посланные, если ты не пойдешь, не оборонишь насъ, коли не жаль тебѣ отчины своей, матери старой и дѣтей своихъ!» Услышавъ это, продолжаетъ Несторъ, Святославъ быстро сѣлъ на коней съ дружиною и пришелъ въ Кіевъ, цѣловалъ мать и дѣтей своихъ, и пожалѣлъ о случившемся; и *собралъ онъ войско* (онъ привелъ съ собою одну дружину, а теперь призываетъ земскую рать, *воевъ*, противъ земскаго врага), и прогналъ Печенѣговъ въ поле (въ степь)....»

Своею политикою Святославъ лишилъ себя, собственно, возможности успѣха въ Болгаріи; но могъ ли онъ рѣшиться оставить ее, отдать безъ боя? Чувство чести, самолюбіе этого не позволяло. Идя въ Кіевъ, онъ уже думалъ о возвращеніи на Дунай.—Въ Болгаріи, между тѣмъ, царя Петра не стало: неизвѣстно, умеръ ли онъ еще до ухода Святослава, или вскорѣ потомъ. Болгарская церковь причислила его къ лику святыхъ [2]). Сыновья его находились въ Константинополѣ, и Болгарія осталась безъ государя. Сторона болярина Шишмана провозглашаетъ теперь новый порядокъ вещей; Шишманъ объявленъ царемъ [3]); вся Болгарія возмущена. Устрашенный императоръ спѣшитъ отправить въ Болгарію Бориса и Романа, въ надеждѣ, что они остановятъ торжество враговъ Византіи; часть народа, кажется, и признаетъ ихъ тотчасъ; но они, безъ сомнѣнія, не могутъ вдругъ положить конецъ безпорядку и смутамъ.

Черезъ годъ (лѣтомъ 969 г.) [4]) Святославъ съ дружиною возвра-

---

[1]) Снимки приложены къ Описанію войны Свят., Черткова.

[2]) См. отрывокъ изъ службы св. Петру, царю Болгарскому, въ Извѣст. II Отд. Акад. Наукъ т. I, стр. 98.

[3]) Кедринъ не говоритъ, чтобы болгарскій болринъ, отецъ Самуила и его братьевъ, былъ дѣйствительно провозглашенъ царемъ, но ясно свидѣтельствуютъ о томъ Далматинская запись 994 года и Анна Комнина (см. выше, 143). Провозглашеніе его могло бы имѣть мѣсто или въ 968 г., послѣ смерти Петра, или въ 978 г., при возстаніи Болгаръ послѣ смерти Цимисхія; но при этомъ возстаніи, Шишмана уже не было въ живыхъ (какъ видно изъ разсказа Византійцевъ), — онъ былъ убитъ своимъ сыномъ Самуиломъ; при самомъ началѣ возстанія являются уже только сыновья его. Потому мы и относимъ провозглашеніе Шишмана къ первому междуцарствію въ Болгаріи, въ 968—969 г.

[4]) Второй походъ Святослава обыкновенно относятъ къ 970 г.; но онъ могъ от-

щается въ Болгарію. Теперь уже онъ не союзникъ Грековъ и также не помощникъ недовольныхъ Болгаръ; онъ не скрываетъ своей цѣли: «онъ смотритъ на Болгарію, какъ на свою добычу, которую взялъ копьемъ», говоритъ Византіецъ, ὡς δορυκτήτου κτήματος,— и онъ пришелъ владѣть своею добычей. — Въ первый разъ Болгарія далась ему легко, почти безъ боя, теперь противъ него стоитъ весь народъ Болгарскій. «Пошелъ Святославъ къ Переяславцу, такъ повѣствуетъ Несторъ, и затворилися Болгаре въ городѣ. И вышли Болгаре на сѣчу противъ Святослава, и была сѣча великая; и одолѣвали Болгаре; и сказалъ Святославъ воинамъ своимъ: ужь намъ здѣсь пасть; *потянемъ мужески*, братья и дружина! И къ вечеру одолѣлъ Святославъ, и взялъ городъ копьемъ (т. е. приступомъ)». Знаменательна эта первая встрѣча.—Не одинъ разъ долженъ былъ Святославъ сражаться съ Болгарами, — и побѣда оставалась за нимъ [1]). Наслѣдники Болгарскаго престола, Борисъ и Романъ, попались въ его руки. Крѣпко захватилъ онъ страну въ свою власть, пишетъ Левъ Діаконъ, и держалъ ее силою страха. — Въ Великомъ Прѣславѣ онъ оставилъ своего дядьку, стараго Варяга Свѣнельда, съ частью дружины сторожить дворецъ и казну царей Болгарскихъ и плѣннаго Бориса, а самъ пошелъ впередъ. Нужно было довершить завоеваніе Болгаріи, покорить «загорныя» области: Святославъ переходитъ Балканы (970). Онъ беретъ приступомъ Филиппополь, крайній на югѣ городъ Болгарскій. «Увѣряютъ, что онъ здѣсь велѣлъ посадить на колъ 20,000 человѣкъ, захваченныхъ въ городѣ, и этимъ ужаснымъ поступкомъ смирилъ всѣхъ Болгаръ, которые еще сопротивлялись»: такъ разсказываетъ Левъ Діаконъ; числу 20,000, разумѣется, нельзя вѣрить: по обычаю византійскихъ писателей, оно

правиться изъ Кіева не раньше весны и прибыть въ Болгарію только лѣтомъ: сбыточное ли дѣло, чтобы онъ въ два-три мѣсяца прошелъ всю Болгарію отъ Дуная, взялъ Переяславецъ и Великій Переяславъ, подчинилъ себѣ враждебную страну, перешелъ Балканы, овладѣлъ Филиппополемъ и достигъ Адріанополя, гдѣ онъ,—это достовѣрно,—находился осенью 970 года. Нѣтъ, пустившись въ первый походъ въ началѣ 967 г., прибывъ въ Болгарію лѣтомъ, проведя зиму въ Придунайскихъ городахъ, въ началѣ 968 года предпринявъ набѣгъ внутрь Болгаріи, онъ въ концѣ этого года возвратился на-легкѣ въ Кіевъ; зимою 968—969 собралъ тутъ войско, раннею весною 969 прогналъ Печенѣговъ въ степь, и тогда же, тотчасъ послѣ смерти матери (какъ и свидѣтельствуетъ Несторъ), отправился съ дружиною въ Болгарію; вторую половину 969 г. употребилъ на завоеваніе ближайшей части Болгаріи, а весною 970 переступилъ Балканы (походы черезъ нихъ предпринимались всегда именно въ эту пору года, какъ видно изъ всѣхъ войнъ между Болгарами и Греками).

[1]) Что Святославъ въ это время, т. е. передъ объявленіемъ войны съ Греками, выигралъ нѣсколько сраженій надъ Болгарами, видно изъ словъ Льва Діакона, стр. 105: Ὁ δὲ Σφενδοσλάβος, ταῖς κατὰ τῶν Μυσῶν νίκαις ἐπὶ μέγα αἰρόμενος.... ἤδη γὰρ τὴν χώραν βεβαίως ἐκέκτητο — и проч.; но подробностей онъ не разсказываетъ.

страшно преувеличено; но мы видимъ, къ какимъ мѣрамъ Святославъ долженъ теперь прибѣгать.

Святославъ прошелъ побѣдителемъ всю Болгарію. Онъ стоялъ уже на границахъ Византійской имперіи. Война была неизбѣжна. Это понималъ и Святославъ, и Іоаннъ Цимисхій, который въ концѣ 969 г. овладѣлъ Цареградскимъ престоломъ, убивъ Никифора. Цимисхій былъ храбрый боецъ и великій полководецъ; но онъ страшился этой войны и старался выиграть время; ибо имперія была тогда въ самомъ трудномъ положеніи: внутри голодъ отъ трехлѣтняго неурожая, извнѣ война съ Арабами Африканскими и Сирійскими. Цимисхій открылъ переговоры, просилъ Святослава взять дань, обѣщанную Никифоромъ «за низверженіе Болгаръ», и оставить Болгарію [1]). Святославъ не желалъ тянуть дѣла: онъ требовалъ выкупа за всѣ города Болгарскіе, какого императоръ дать не могъ; «а то пусть Римляне убираются изъ Европы, которая ужь не принадлежитъ имъ, говорилъ онъ, и переправляются въ Азію». Наступила роковая борьба для Святослава; исходъ былъ неизбѣжный: Святославъ соединилъ противъ себя, съ стройными легіонами имперіи, всю силу разъяреннаго народа Болгарскаго, и стоялъ одинъ, во враждебной землѣ, съ своею дружиною. Съ невольнымъ участіемъ будемъ мы слѣдить за паденіемъ этой чудной дружины витязей, которая навлекла на себя гибель, неправедно польстившись на обладаніе цѣлымъ народомъ.

Святославъ сознавалъ недостаточность своихъ средствъ: у него было всего 10,000 человѣкъ русской дружины, говоритъ Несторъ. Готовясь къ войнѣ съ Цимисхіемъ, онъ составилъ вспомогательное войско изъ Болгаръ; онъ призвалъ отряды Печенѣговъ и Мадьяръ, которыхъ легко было нанять и привлечь надеждою на добычу. Отчего, вмѣсто этихъ неблагонадежныхъ союзниковъ, не взялъ онъ съ собою славянской рати изъ Руси? Или трудно было вести ее такъ далеко? Но Олегъ водилъ славянскую рать на Царьградъ. Или славянскія племена, управленіе которыми Святославъ, впрочемъ, сложилъ съ себя и поручилъ своимъ сыновьямъ, отказались бы отъ участія въ походѣ, предпринятомъ для частной выгоды дружины и ея князя? Читая Несторово сказаніе, какъ будто чувствуешь, что Русская земля неблагосклонно смотрѣла на войну Святослава въ Болгаріи. — Съ

[1]) Къ этимъ переговорамъ относится прекрасное повѣствованіе Нестора о подаркахъ, посланныхъ Цимисхіемъ Святославу, и объ его желаніи помириться съ Русскимъ княземъ. Только онъ не точно расказываетъ объ этомъ *послѣ* битвы Святослава съ Греками (подъ Адріанополемъ) и разоренія имъ Греческихъ городовъ. Такая неточность не удивительна: прошло болѣе ста лѣтъ со времени Святослава, когда Несторъ писалъ объ немъ, и онъ писалъ, быть можетъ, только по наслышкѣ. Скорѣе можно удивляться характеристической вѣрности всѣхъ подробностей его расказа, его согласію съ повѣствованіемъ Византійцевъ, современниковъ Святослава и Цимисхія.

своей стороны Цимисхій готовился къ борьбѣ, со всею поспѣшностью стянулъ къ Босфору и перевелъ въ Европу войска изъ Малой Азіи, устроилъ ихъ, учредилъ подвозъ продовольствія, вооружилъ и усилилъ флотъ, образовалъ новую, отборную рать, полкъ «безсмертныхъ»; онъ самъ долженъ былъ вести всѣ эти силы слѣдующею весною (971 года); а между тѣмъ (осенью 970 г.) онъ послалъ впередъ военачальника Варду съ сильнымъ отрядомъ, чтобы стать на границѣ имперіи, и во время зимы удерживать вторженія Русскихъ. Но Святославъ предупредилъ Варду и былъ уже подъ Адріанополемъ, съ 30,000 человѣкъ. Варда заперся въ городѣ. Греческіе лѣтописцы увѣряютъ, что это была военная хитрость: онъ хотѣлъ утомить Святослава и тогда уже напасть на него. Во всякомъ случаѣ, съ своими малыми силами Святославъ не могъ предпринять осаду города, который съ трудомъ брали огромныя войска Крума и Симеона. Долго стоялъ онъ подъ Адріанополемъ, и порядокъ у него все болѣе и болѣе разстраивался. Наконецъ Варда рѣшился наступать. Онъ выслалъ конный полкъ, чтобы заманить Святослава. Войско Святослава стояло тремя отрядами: Русскіе съ Болгарами особо, Мадьяры особо, Печенѣги особо. Византійская конница наѣхала на Печенѣговъ и поскакала назадъ. Печенѣги погнались за нею. Вдругъ явился передъ ними Варда съ цѣлою ратью. Печенѣги бѣжали разбитые и скрылись подъ защиту Святослава. Святославъ стоялъ готовый къ бою, «и хотя пораженіе Печенѣговъ смутило Русскихъ, говоритъ Кедринъ, однако, перекликнувшись и ободривъ другъ друга, принявъ въ свои ряды и прибѣгавшихъ съ разныхъ сторонъ Печенѣговъ, они двинулись впередъ». Какъ хороши у Нестора эти слова, которыми Русскіе «перекликнулись и ободрили другъ друга»: Поиде Святославъ на Греки, и изидоша (т. е. Греки) противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой; и рече Святославъ: «уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми! мертвыи бо, срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати [1]); но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». И рѣша вои: «идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика.... Была сѣча великая; сперва понеслась на Грековъ конница Святославова, за нею пошла пѣшая рать; конница была отбита, вернулась, собралась опять,

[1]) Въ Исторіи Россіи г. Соловьева эти слова Святослава переведены не совсѣмъ вѣрно (какъ и рѣчь присланныхъ къ нему изъ Кіева вѣстниковъ). Точный смыслъ этихъ словъ вотъ какой..... „ляжемъ костьми: мертвымъ, намъ срама не будетъ; если же побѣжимъ, будетъ срамъ, да и не убѣжимъ (т. е. все-таки не уйдемъ отъ непріятеля): станемъ же крѣпко“ и проч.

и во второй разъ уже выдержала натискъ Грековъ. Какой былъ исходъ сраженія? Долго бой былъ равный, сознается греческій лѣтописецъ, но подъ конецъ, говоритъ онъ, самъ военачальникъ Варда такъ удачно разрубилъ пополамъ однимъ ударомъ великана русскаго, а братъ его Константинъ задушилъ другаго, сбитаго имъ съ коня, что Русскіе испугались и побѣжали, и потеряли нѣсколько тысячъ человѣкъ, а Римляне потеряли всего 25 человѣкъ убитыми, тогда какъ всѣ у нихъ были перераненны: нелѣпость всего этого показываетъ, что побѣда — хвастовство Грековъ. Несторъ утверждаетъ, что одолѣлъ Святославъ. Дѣло въ томъ, кажется, что побѣда была ничья, — хотя при несомнѣнномъ численномъ превосходствѣ непріятеля слава битвы осталась безспорно за Русскими, — но что Святославъ увидѣлъ невозможность съ своими средствами держаться такъ близко къ средоточію Греческихъ силъ, и отступилъ отъ Адріанополя. Въ этомъ согласны и Несторъ [1]) и византійскіе историки. Черезъ нѣсколько времени однако Цимисхій принужденъ былъ послать Варду съ большею частію войскъ въ Малую Азію, противъ возмутившагося вельможи (Фоки). Тогда Святославъ велѣлъ опять наступать: войска его стали вторгаться даже въ Македонію [2]), простирали набѣги къ самому Цареграду, «воюя и грады разбивая», и «безъ малаго» не доходили до столицы. Оставшіеся въ Македоніи легіоны не смѣли показываться передъ Русскими. Самого Святослава тутъ не было [3]): между тѣмъ какъ передовые его полки (вѣроятно по преимуществу наемники, Печенѣги и Мадьяры) грабили такимъ образомъ Греческія области, между тѣмъ какъ Свѣнельдъ съ Русскимъ отрядомъ занималъ Прѣславъ, въ высотахъ Балкана, князь съ большою частью дружины находился на Дунаѣ, то въ Переяславцѣ, то въ Дерстрѣ: онъ хотѣлъ собрать новыя средства, «призвать новую дружину изъ Руси». Такъ распредѣлены были его силы, когда наступила весна 971 года [4]).

---

[1]) „Възратися въ Переяславець съ похвалою великою". Въ порядкѣ повѣствованія у Нестора нѣкоторая неточность, о чемъ сказано выше.

[2]) Левъ Діаконъ, стр. 126, и сравн. Нест. 30 „и поиде Святославъ ко Граду, воюя" и проч.

[3]) Это явствуетъ изъ повѣствованія Льва Діакона.

[4]) Между византійскими лѣтописцами есть въ отношеніи къ хронологіи нѣкоторое разногласіе. Одни относятъ походъ Цимисхія ко 2-му году его царствованія (971), другіе къ 3-му (972). Этихъ послѣднихъ придержался г. Муральтъ въ своей Византійской хронографіи. Сраженіе подъ Адріанополемъ случилось несомнѣнно осенью 970 г.; затѣмъ, по хронографіи г. Муральта, въ теченіе цѣлаго 971 года Святославъ и Цимисхій другъ противъ друга ничего не предпринимаютъ. Хотя и можно допустить предположеніе, что обѣимъ сторонамъ понадобилось такъ много времени для взаимныхъ приготовленій, однако мы думаемъ, что если бы Цимисхій, послѣ отступленія Святослава отъ Адріанополя, далъ ему цѣлый годъ отдыха, то Святославъ

Цимисхій успѣлъ справиться съ внутренними врагами. Сдѣлавъ смотръ войскамъ и флоту, отслуживъ молебенъ, онъ двинулся къ Адріанополю; флотъ поплылъ къ устьямъ Дуная и войдя въ него, поднялся вверхъ по рѣкѣ на соединеніе съ войскомъ императора.

Въ Адріанополѣ былъ главный сборъ этому войску. Цимисхій перешелъ въ Болгарію. Подходя къ Балканамъ, онъ узналъ, что *клисуры* (горные проходы)[1]) не заняты. Куда дѣвалась передовая рать Святослава? Была ли она отрѣзана Цимисхіемъ и осталась въ сторонѣ? или бѣжала и не остановилась въ *клисурахъ?* была ли измѣна противъ Русскихъ? Греческіе вожди не вѣрили, чтобы ущелья могли быть не заняты и боялись пуститься въ нихъ. «Идемъ!» сказалъ Цимисхій, и въ блестящихъ золотомъ доспѣхахъ, на легкомъ, чудесномъ скакунѣ, съ длиннымъ копьемъ на плечѣ, пославъ впередъ свой полкъ «безсмертныхъ», вступилъ въ горы. За нимъ шло 15,000 отборной пѣхоты, 13,000 конницы, позади слѣдовало тяжелое войско съ припасами, осадными орудіями и прочимъ обозомъ. Мы не пришли покорять Болгарію, мы пришли освободить Болгаръ, Болгаре намъ друзья, мы воюемъ только съ Русскими! такъ объявлялъ онъ повсюду. Безпрепятственно достигъ онъ Прѣслава. «Русскихъ испугало, пишетъ Византіецъ, неожиданное приближеніе Цимисхія; они поспѣшно взялись за оружіе, вышли на встрѣчу Римлянамъ, рыкая какъ звѣри, и выстроились, крѣпкими рядами, на полѣ передъ городомъ. Римляне сразились съ ними храбро; былъ равный бой; наконецъ императоръ велѣлъ «безсмертнымъ» нестись вскачь на лѣвое крыло Русскихъ съ опущенными копьями, и Русскіе не выдержали, разстроились, побѣжали и заперлись въ городѣ». Черезъ нѣсколько дней подошла тяжелая рать. Назначенъ былъ приступъ. Русскіе крѣпко бились изъ за зубчатой стѣны, но ихъ поражали камнями изъ орудій; наконецъ придвинуты были лѣстницы. Приступъ былъ сильный и удачный. Сбитые со стѣнъ, Русскіе заперлись въ обширномъ и крѣпкомъ дворцѣ Болгарскихъ царей. Греки ворвались въ городъ, бросились избивать попадавшихся Русскихъ и также Болгаръ, изъ которыхъ многіе сражались въ Русскихъ рядахъ, грабить богатства Прѣславскія. Борисъ, законный владѣтель Болгаріи, достался во власть Грековъ. Императоръ принялъ его съ честью, какъ государя Болгарскаго, повторяя, что воюетъ только противъ Русскаго князя.

успѣлъ бы собрать больше силъ: въ такомъ случаѣ онъ, конечно, не ожидалъ бы въ слѣдующую кампанію Цимисхія подъ Прѣславомъ (близъ Шумлы), а могъ бы встрѣтить его на южной границѣ Болгаріи или по крайней мѣрѣ при переходѣ черезъ Балканы. Потому 971 годъ кажется намъ гораздо болѣе достовѣрнымъ.

[1]) Цимисхій шелъ черезъ Балканы, вѣроятно, по теперешней военной дорогѣ изъ Адріанополя въ Шумлу.

Свѣнельдъ съ дружиною сидѣлъ во дворцѣ; одна маленькая дверь оставалась открытою: Греки стали входить туда одинъ за однимъ, ища добычи, Русскіе схватывали и били ихъ, и убили человѣкъ до 150. Тогда только узналъ Цимисхій, какой здѣсь еще готовился отпоръ. Онъ окружилъ дворецъ войскомъ и приказалъ овладѣть имъ; войско не шло: дворецъ казался неприступнымъ. Тогда стали бросать въ него со всѣхъ сторонъ огонь. Строенія загорѣлись. Выгоняемые огнемъ, Русскіе, среди пожара, выстроились въ срединѣ дворца на площади и стояли крѣпко. Цимисхій велѣлъ теперь Вардѣ войти во дворецъ: «онъ окружилъ Русскихъ фалангою отборнаго войска, и началась сѣча, и сильно бились Русскіе, не уступая непріятелю; но наконецъ Римляне одолѣли, изрубили ихъ» (14 апрѣля). Свѣнельдъ съ немногими только пробился и ушелъ къ Святославу. Какъ онъ могъ пробиться черезъ двѣ ограды, дворца и города, занятыя непріятелемъ, и черезъ цѣлое войско Цимисхія [1]), просто непонятно: Левъ Діаконъ, сохранившій намъ описаніе Прѣславской битвы, къ сожалѣнію, не говоритъ объ этомъ.

Отпраздновавъ въ Прѣславѣ Христово Воскресеніе (16-го апрѣля), Цимисхій двинулся къ Дерстру; ему передавались вокругъ всѣ города Болгарскіе [2]), свергая власть Святослава. На самомъ краю Болгаріи, въ Дерстрѣ (Силистріи) на Дунаѣ готовился Святославъ встрѣтить врага. Здѣсь собралъ онъ остатокъ своего войска: Печенѣговъ и Венгровъ у него уже не было [3]), Болгаръ ему пришлось обезоружить [4]); оставалась одна Русская, пѣшая дружина. Вокругъ волновался враждебный народъ, угрожая общимъ возстаніемъ. Святославъ принужденъ былъ казнить до 300 изъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ Бол-

---

[1]) Удивительный примѣръ безсмысленнаго хвастовства византійскаго представляетъ намъ здѣсь Левъ Діаконъ: забывая то, что самъ писалъ, нѣсколько строкъ передъ тѣмъ, о геройской защитѣ Русскихъ во дворцѣ Прѣславскомъ (καρτερῶς οἱ Ῥῶς διεμάχοντες, μὴ δόντες νῶτα τοῖς ἐχθροῖς и проч., стр. 137), онъ теперь говоритъ, что Свѣнельдъ съ немногими „укралъ себѣ спасеніе бѣгствомъ" и ушелъ къ Святославу: по возможность этого бѣгства едва ли не лучше всѣхъ битвъ свидѣтельствуетъ о безпримѣрной отвагѣ Русской дружины и о робости и нерасторопности Грековъ.

[2]) Лѣтописецъ упоминаетъ поименно о двухъ городахъ: Плисковѣ и Динін: на одной картѣ Болгаріи показана Плиска на югъ отъ Силистріи, по направленію къ Eski-Stamboul (Чертковъ, стр. 199); положеніе Диніи неизвѣстно: имя, кажется, искажено.

[3]) Это видно изъ расказа Византійцевъ объ оборонѣ Дерстра; они ясно говорятъ, что Святославъ былъ оставленъ всѣми окрестными племенами, и что Печенѣги даже находились съ нимъ въ ссорѣ: о послѣднемъ упоминаетъ и Несторъ.

[4]) Видя, что Болгаре переходятъ къ императору, говоритъ Левъ Діаконъ, Святославъ велѣлъ убить знатнѣйшихъ, а *все прочее народонаселеніе* связалъ и заключилъ въ темницы: это преувеличенное, по обыкновенію Византійцевъ, до нелѣпости извѣстіе относится, очевидно, къ *обезоруженію* Болгаръ Святославомъ: дѣйствительно, въ Дерстрѣ мы уже не находимъ Болгаръ въ рядахъ его дружины, какъ подъ Адріанополемъ и въ Прѣславѣ.

гаръ, а многихъ захватить и держать въ плѣну. Цимисхій подходилъ (23-го апрѣля); Святославъ вышелъ въ поле: «щитъ объ щитъ, копье у копья, твердые какъ стѣна, ожидали Русскіе непріятеля (мы слѣдуемъ разсказу Льва Діакона). Цимисхій поставилъ на оба крыла тяжелую конницу, поддержанную стрѣлками и пращниками, которые должны были осыпать Русскихъ градомъ стрѣлъ и камней; въ серединѣ стояла пѣшая рать. Завязался жестокій бой. Русскіе сражались съ изступленною храбростью, дабы не утратить славы, которую пріобрѣли побѣдами надъ всѣми сосѣдями своими; Римляне не хотѣли уступить пѣшему непріятелю, не имѣвшему никакой конницы; и такъ бились оба войска упорно, Русскіе бросаясь на Римлянъ съ звѣрскимъ неистовствомъ и крикомъ, Римляне пользуясь противъ нихъ воинскимъ искусствомъ и опытностью. До 12 разъ, говорятъ, уступала попеременно то одна сторона, то другая. Наконецъ, уже подъ ночь, императоръ направилъ страшный натискъ конницы, устремивъ въ то же время общее движеніе пѣшаго строя; Русскіе подались и были вогнаны въ городъ».

Тогда Цимисхій занялъ холмъ, возвышающійся передъ Дерстромъ, устроилъ здѣсь станъ и обвелъ его валомъ и окопами. Тутъ сталъ онъ поджидать флота, а между тѣмъ къ нему приходили посланные отъ разныхъ городовъ Болгарскихъ, Константіи (что теперь Кюстенджи) и др., съ объявленіемъ о сдачѣ. Наконецъ подъѣхали страшные для Русскихъ корабли съ греческимъ огнемъ и суда, нагруженныя продовольствіемъ для войска. Русскіе принуждены были подвести свои ладьи подъ самую стѣну города. Началась осада, и длилась она безъ малаго три мѣсяца. Русскіе страшно страдали отъ голода; они были оставлены всѣми окрестными «варварами», говоритъ лѣтописецъ. Святославъ окопалъ весь городъ глубокимъ рвомъ, впереди стѣны. Часть дружины своей посадилъ онъ на коней, но конница была плохая. Не разъ выходилъ онъ въ поле передъ непріятельскій станъ, и храбро бились Русскіе; не разъ пытались они дѣлать тайныя вылазки, чтобы добыть продовольствія. Однажды (19-го іюля) они бросились на осадныя орудія Грековъ; родственникъ императора, Іоаннъ Куркуа, который охранялъ ихъ, палъ въ бою, Русскіе одержали совершенную побѣду и водрузили на городской башнѣ голову убитаго вождя: «такъ, прибавляетъ лѣтописецъ, Куркуа былъ наказанъ за святотатство: говорятъ, что онъ въ Болгаріи разорилъ многія церкви и употребилъ въ свою пользу священныя ризы и сосуды». Но на другой день, въ такой же вылазкѣ, Русскіе потеряли одного изъ лучшихъ своихъ витязей, Икмора. «По рядамъ ихъ пробѣжалъ вопль горести, Греки напали стремительно, и Русскіе, закинувъ свои огромные щиты за спину, возвратились въ городъ, остав-

ляя на полѣ много убитыхъ, даже женщинъ, которыя въ мужскомъ одѣяніи храбро сражались въ ихъ строю. — Ночью, при свѣтѣ полной луны, вышли они на поле битвы, собирать тѣла, и сожгли ихъ передъ городскою стѣною, на кострахъ, зарѣзывая и сожигая вмѣстѣ съ ними многихъ плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ; также совершивъ жертвоприношенія, душили грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ и погружали въ волнахъ Дуная».

Все было противъ Святослава, говоритъ византійскій лѣтописецъ: Русь была далеко, окрестные народы не хотѣли помогать [1]); не было продовольствія; всѣ пути вокругъ города были заняты императоромъ; въ Римскій же станъ со всѣхъ сторонъ стекалось всякое добро, безпрестанно подходили свѣжія войска. Нельзя было Русскимъ уйти на ладьяхъ, ибо на Дунаѣ сторожилъ Римскій флотъ. Святославъ созвалъ дружину на совѣщаніе. Вожди совѣтовали стараться уйти тайкомъ. Святославъ еще разъ желалъ помѣряться силами съ противникомъ, и дружина согласилась. 22-го іюля утромъ Русскіе выходятъ изъ города и запираютъ за собою ворота; начинается сраженіе; бой длится до полудня: въ полдень императоръ отводитъ утомленные полки, замѣняя ихъ новыми, а потомъ ведетъ опять въ дѣло отдохнувшихъ людей; Русская рать все время стоитъ одна и не колеблется; напротивъ, непріятельскій строй, видитъ она, пошатнулся: императоръ приказалъ легіонамъ отступить и развернуться на мѣстѣ болѣе просторномъ; Русскіе бросаются за ними, какъ за бѣгущими, многіе окружены и гибнутъ, но бой и на новомъ мѣстѣ продолжается равный. Императоръ посылаетъ полки въ обходъ, они отражены Святославомъ; лучшій витязь всего Греческаго войска, Анема, сынъ бывшаго эмира Критскаго, убитъ; Римляне уже начинаютъ подаваться назадъ, но божественная помощь хранитъ ихъ: поднялся вихрь и пошла пыль столбомъ на Русскихъ, слѣпя глаза изнуреннымъ бойцамъ; а христіане видятъ въ своихъ рядахъ чуднаго мужа на бѣломъ конѣ, великомученика Θеодора, поборающаго за нихъ. Русскіе скрываются въ городъ, потерявъ огромное число убитыми, израненные почти всѣ до одного.

Но тяжелый былъ тотъ день и для Грековъ. Святославъ посылаетъ просить мира, и Цимисхій «съ радостью» [2]) соглашается. Условія постановлены: Русскіе отдадутъ Дерстръ и всѣхъ своихъ плѣнныхъ, очистятъ Болгарію и возвратятся на родину; императоръ обезпечитъ имъ возвращеніе и снабдитъ ихъ продовольствіемъ.

---

[1]) Сравни слова Святослава у Нестора: „а Русска земля далеча, а Печенѣзи съ нами ратьни, а кто ны поможетъ?...“

[2]) Левъ Діаконъ: ἄσμενος προσδεξάμενος, стр. 156.

Императоръ въ своихъ золоченныхъ доспѣхахъ, окруженный безчисленною конницею, выѣхалъ на берегъ Дуная; къ нему подплываетъ, спускаясь вдоль рѣки, ладья: дружно гребутъ гребцы, и сидитъ въ ней человѣкъ, тоже съ весломъ въ рукѣ, одѣтый, какъ другіе, въ бѣлую одежду, но отличающуюся особенною бѣлизною; средняго роста, широкій грудью, съ соразмѣрными членами, съ голубыми глазами и густыми бровями, съ короткимъ носомъ, рѣдкою бородою и густыми длинными усами, лысый, съ клоками длинныхъ волосъ на вискахъ, съ серьгою въ одномъ ухѣ, — это Святославъ. На лицѣ его видна была печаль и гнѣвъ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ императору, сидя на скамьѣ ладьи, — и оставилъ Болгарію.

Цѣль, которую предначерталъ еще императоръ Никифоръ, была достигнута. Болгарія, отъ Филиппополя до Дуная, находилась въ рукахъ Византіи. Цимисхій, разумѣется, и не думалъ отдать Болгарамъ ихъ государя, вывести свои войска изъ ихъ городовъ. Сильный гарнизонъ оставленъ былъ въ Дерстрѣ, въ Прѣславѣ; Прѣславъ былъ наименованъ Іоаннополемъ; Болгарія, какъ покоренная область, подчинена была греческимъ правителямъ. — Цимисхій возвратился въ Цареградъ; онъ везъ съ собою Болгарскихъ царевичей. Передъ стѣнами столицы встрѣтилъ побѣдителя ликующій народъ, поднося драгоцѣнные вѣнки и жезлы; ему подвели колесницу, окованную золотомъ, запряженную бѣлыми конями, но онъ не хотѣлъ вступить на тріумфаторскую колесницу, а поставилъ на ней, на золотомъ ея сѣдалищѣ, икону Богоматери съ Младенцемъ Іисусомъ, взятую имъ въ Болгаріи, и сложилъ у подножія иконы «*бѣлѣги*» (знаки, т. е. регаліи) Болгарскихъ царей. За колесницею ѣхалъ онъ самъ верхомъ, въ вѣнкѣ и, съ жезломъ, облеченный въ багряницу. И такъ направился онъ, черезъ блестящія торжественнымъ убранствомъ улицы города, къ храму св. Софіи, и въ немъ посвятилъ Богу первый вѣнецъ царей Болгарскихъ. Потомъ вступилъ во дворецъ, и призвавъ Бориса, приказалъ ему сложить съ себя знаки царскаго сана, багряную шапку, украшенную золотомъ и дорогими каменьями, багряную одежду и красные сапоги. Онъ пожаловалъ его саномъ «магистра» имперіи.

Такъ кончился первый рядъ Болгарскихъ государей, преемниковъ Аспаруха и великаго Крума. Послѣдній потомокъ свирѣпыхъ вождей заволжскихъ Болгаръ-завоевателей, съ покорностью безсилія сложилъ съ себя царскій санъ и принялъ отъ чужаго властителя придворный титулъ. Не войны, не побѣды враговъ приготовили это паденіе Болгаріи, а внутреннее разложеніе славянской державы, основанной насиліемъ завоеванія. Орудіемъ же ея низверженія, не по случайному, кажется, избранію судьбы, явился тотъ изъ государей другой славянской державы, основанной также военною дружиною,

который стремился властвовать съ этою дружиною какъ завоеватель, забывая, что онъ народный государь, добровольно призванный: и дружина эта и князь, пройдя, какъ Божья кара, Болгарію, сложили тутъ свои головы, кто за Балканами, кто на Дунаѣ, кто на возвратномъ пути, на порогахъ Днѣпровскихъ; и настала послѣ Святослава новая пора, какъ въ Болгаріи, такъ и на Руси. Русская земля, получивши государственное устройство, избавилась теперь отъ того опаснаго орудія, которое его создало [1]), отъ старой Варяжской дружины, среди которой возрастали и жили дотолѣ преемники Рюрика. Святославъ былъ послѣдній князь Варяжскій; сынъ его былъ уже въ полномъ смыслѣ народный государь Русской земли [2]). Мать уговаривала Святослава креститься: «нѣтъ, говорилъ онъ, *дружина станетъ смѣяться* надо мною»; а Владиміра мы видимъ совѣщающимся о вѣрѣ съ боярами и «старцами градскими», созывающимъ къ себѣ въ гридницу на пиръ «сотскихъ и десятскихъ и нарочитыхъ мужей» изъ народа. — Въ Болгаріи Святославъ низвергнулъ и какъ бы стеръ пришлую правительственную стихію, преемницу Аспаруховой орды; остался одинъ туземный народъ [3]). Лишенный своего стараго правительства, народъ этотъ сначала какъ будто не знаетъ, за что взяться; словно руки у него опустились: безъ труда и сопротивленія Цимисхій могъ, такъ сказать, взять и связать его. Но вскорѣ народъ Болгарскій опомнится, и съ неистовою злобою вырвется изъ плѣна, и будетъ онъ опять пытаться создать себѣ новое правительство. Но найдетъ ли онъ въ себѣ для него прочное жизненное начало?

[1]) Послѣ Святослава Русскіе князья посылаютъ, мы видимъ, за море за дружиною, когда она имъ нужна: но дружина эта уже чужая для нихъ, и они стараются отъ нея скорѣе отдѣлаться. Остается, правда, послѣ Святослава и собственная Русская дружина княжьихъ людей: но какая разница съ прежнею дружиною Варяжскою! Эти княжьи люди принадлежатъ народу, землѣ Русской.

[2]) Не даромъ память его девятый вѣкъ живетъ въ народѣ.

[3]) Еще при Петрѣ мы находимъ у Болгарскихъ вельможъ имена уральскаго или тюркскаго корня; послѣ Святослава, при Самуилѣ, всѣ имена Болгаръ славянскія или волошскія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Исторія Сербовъ въ X вѣкѣ.

Мы прослѣдили судьбу Болгаріи подъ правленіемъ завоевательной династіи заволжскаго пришельца Аспаруха и могущественнаго Крума [1]). Съ конца IX вѣка на Болгаріи почти исключительно остановилось наше вниманіе: ибо со времени разрушенія царства Великоморавскаго и перехода въ Болгарію учениковъ Кирилла и Меѳодія, вся политическая дѣятельность и духовная жизнь дунайскихъ Славянъ была въ ней сосредоточена. Мы видѣли ея возвышеніе, ея процвѣтаніе при Симеонѣ, сынѣ Борисовомъ; мы видѣли, какъ за тѣмъ тотчасъ проявилось внутреннее омертвѣніе и начался упадокъ; мы видѣли, съ какою быстротою паденіе совершилось, какъ пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти сильнѣйшаго изъ Болгарскихъ царей, жалкіе внуки Симеона, безгласные свидѣтели состязанія между Русскою дружиною и легіонами Византіи за ихъ землю, развѣнчаны были въ чужой столицѣ, чужимъ государемъ, и Болгарія сдѣлалась областью имперіи, недавно еще смирявшей передъ нею свою древнюю гордыню.

Что же происходило въ продолженіе всего этого времени у западныхъ сосѣдей и братій Болгарскаго народа, Славянъ Иллирійскихъ? Оставленные въ сторонѣ и Болгаріею и Цареградомъ, почти забытые всѣмъ окружающимъ міромъ, жили ли они внѣ всякаго общественнаго движенія, жизнію совершенно безцвѣтною, или имѣли свой особый кругъ дѣятельности?

Нѣтъ во всей исторіи южныхъ Славянъ такого темнаго и, можно сказать, глухаго времени, какъ исторія Сербовъ въ послѣднія три четверти X-го вѣка: не сохранилось объ ней никакого достовѣрнаго

---

[1]) Собственные потомки Аспаруха были, мы знаемъ, истреблены въ половинѣ VIII вѣка; но и послѣдующіе государи Болгаріи принадлежали всѣ, какъ извѣстно, къ той же пришлой ордѣ, и изъ среды ея вышелъ Крумъ, знаменитый родоначальникъ Болгарскихъ государей IX-го и X-го вѣка. При всѣхъ переворотахъ, правительство Болгаріи оставалось одно и то же со времени Аспаруха и до сыновей Петра, — правительство пришельцевъ-завоевателей.

свидѣтельства, никакого яснаго воспоминанія, нѣтъ для нея надежнаго источника. Насъ покидаетъ Константинъ Багрянородный (онъ писалъ свою книгу «De administrando imperio» около 950-хъ годовъ, умеръ въ 959), и въ немъ мы теряемъ лучшаго, почти единственнаго нашего руководителя въ древней исторіи Иллирійскихъ Славянъ, отъ котораго мы знали всѣ главныя ея событія: приходъ Хорватовъ и Сербовъ изъ-за Карпатъ въ VII вѣкѣ, распредѣленіе ихъ на союзы мелкихъ волостей или жупъ подъ властью верховныхъ жупановъ, постепенное, безкровное утвержденіе у нихъ христіанской вѣры, борьбу Хорватовъ съ Западною имперіею послѣ Карла Великаго, борьбу Сербовъ съ Болгарскими государями Пресямомъ, Борисомъ и Симеономъ, во второй половинѣ IX вѣка и въ началѣ X-го, — все это передалъ намъ Константинъ Багрянородный. — Въ какомъ положеніи находилась земля Сербская и Хорватская, когда онъ изображалъ ее и когда прекращается его многозначительный расказъ?

Почти правильный треугольникъ, котораго сѣверную сторону составляетъ черта отъ Адріатическаго моря у Рѣки (Fiume) [1]) черезъ Саву къ Дравѣ и Дунаю; западный бокъ — Адріатическое море до Бара (Антивари) [2]); восточный бокъ — черта отъ Савы западнѣе Бѣлграда мимо Расы (Новы-пазаръ) до того же Бара, такъ что южный уголъ треугольника находится въ нынѣшней Черногоріи: вотъ страна Сербовъ и Хорватовъ. — Сѣверная полоса между Дравой и Савой, — прежнее могущественное жупанство Паннонскихъ Хорватовъ, прославленное Людевитомъ и еще въ концѣ IX-го вѣка сильное подъ державою Брячислава, — теперь, разоренное набѣгами сосѣднихъ Мадьяръ, одичало и впало въ безвѣстность; даже христіанство такъ заглохло [3]). Восточный ея край, между Дунаемъ и Савою, издавна подчинился Болгаріи, которая, стоя твердою ногою въ Бѣлградѣ, властвовала и на противоположномъ берегу Савы, въ древней крѣпости Срѣмѣ (у нынѣшней Митровицы). Изъ Срѣма господство Болгаръ распространилось, кажется, когда улеглось волненіе

[1]) Константинъ говоритъ, что Хорватія простиралась по берегу моря на сѣверъ „до предѣловъ Истріи или до крѣпости 'Αλβοῦνον“ (теперь *Albona*): такимъ образомъ она захватывала и небольшой кусокъ Истріи, именно сѣверовосточный край этого полуострова.

[2]) Діоклея, т. е. южный уголъ Сербской земли, граничила, по словамъ Константина, съ греческими укрѣпленіями, подчиненными Диррахію (Драчу), съ Елиссомъ (теперь Алессіо, или Лешъ), Елкиномъ (Дулциньо или Олгунъ) и Антивари.

[3]) Занявъ этотъ край (около 1090 г.), король Венгерскій св. Ладиславъ долженъ былъ опять вводить въ немъ христіанство: см. Andreae II regis Hung. privilegia ecclesiae Zagrabiensis 1217 г. (у Эндлихера, Mon. Arp. 409): „Zagrabiensem episcopatum, ac monasterium Zagrabiense, a s. Ladislao rege... predecessore nostro constructum, qui terram Slauonie, siue banatum, ab errore idololatrie ad Christi ueritatem conuertens, corone Hungarie subiugauit, qui eciam in eodem banatu episcopatum instituit“....

Мадьярскаго нашествія, по всей Савской Хорватіи (что̀ теперь Славонія и Австрійская Кроація), и въ послѣднихъ годахъ X-го столѣтія всѣмъ этимъ обширнымъ краемъ управлялъ Болгарскій воевода Баянъ [1]): власть его простиралась до самаго города Модруши, въ землѣ нынѣшнихъ Хорватскихъ граничаръ [2]), не въ дальнемъ разстояніи отъ Адріатическаго моря. Въ X вѣкѣ политическое первенство во всей Иллирійской странѣ принадлежитъ, уже болѣе столѣтія (со времени паденія Людевита), Хорватамъ Приморскимъ: земля ихъ, заключенная между Адріатическимъ моремъ и р. Вербасомъ, и простирающаяся, съ сѣвера на югъ, отъ Уны и Савы до Цетины, образуетъ какъ бы малый треугольникъ, вмѣщенный въ большомъ треугольникѣ славянскаго Иллирика; она раздѣлена на 14 жупъ: изъ нихъ 11 непосредственно подчинены великому жупану, а 3 сѣверныя составляютъ, подъ верховною его властію, особое банство [3]). Среди Хорватскихъ владѣній, но независимыя отъ нихъ, лежатъ старыя латинскія городскія общины (муниципіи): Задръ или Зара, Трогиръ, Сплѣтъ, Дубровникъ (Рагуза) и, на островахъ, Велья, Осоръ, Рабъ (Арбе). Приморская Хорватія прошла въ концѣ IX-го и въ началѣ X-го вѣка черезъ эпоху смутъ и междоусобій, въ которую значительно ослабѣла; она подверглась также опустошительному набѣгу Мадьярской орды; но съ 914 года воцарился въ ней сильный правитель, жупанъ Томиславъ: онъ именуется «консуломъ», т. е. представителемъ власти императорской, въ провинціяхъ Далматской и Хорватской, а иностранцы уже начинаютъ величать его титуломъ короля [4]). — Земля Сербская, раздробленная на жупы, составляла прежде общій союзъ подъ властію великаго жупана; но во время войнъ и бѣдствій, кончившихся порабощеніемъ большей ея части Симеономъ, она распалась, и приморскія области совершенно отошли отъ собственной, загорной Сербіи. Тутъ, на берегу Адріатики, мы нахо-

---

[1]) См. ниже, стр. 177.

[2]) Одна древняя Чешская лѣтопись (Chronicon Optavicense) говоритъ, что св. Войтѣхъ (Адалбертъ) „Roma discessisse.... reducem ad suam cathedram Pragensem, ac iter fecisse per Dalmatiam, Liburniam, Croatiam, Hungariam etc.... praedicasse Christum Modrusii, quae urbs est Liburniae, desideratum a Bajeno Bulgarorum rege....“ (Farlati, III, 114). Модруша лежитъ въ Огулинскомъ полку Австрійской Кроаціи.

[3]) Конст. стр. 145: καὶ ὁ βοάνος αὐτῶν κρατεῖ τὴν Κρίβασαν (гдѣ теперь рѣка Кръбава), τὴν Λίτζαν (гдѣ теперь рѣка Лика и Личанскій полкъ) καὶ τὴν Γουτζηκᾶ (теперь Гацко поле). Что дѣйствительно здѣсь, въ сѣверномъ краѣ Хорватіи, на границѣ Истріи, находилось Хорватское банство, видно изъ приписки къ лѣтописи дожа Дандула, подъ 879 г. (Muratori, XII, 187): Hoc tempore Illicus banus, princeps Sclavoniæ, contra pacis foedera vemiens, civitates Istriae maritimas.... flagellavit etc.

[4]) См. предисловіе къ постановленіямъ Сплѣтскаго собора (Farl. III, 92): Consulatu (т. е. consulatum) peragente in provincia Chroatorum et Dalmatiarum finibus Tamislao rege; письмо папы Іоанна X (тамъ же, 94): Tamislao regi Croatorum.

димъ въ X вѣкѣ вольную общину Сербовъ-Неретчанъ, воинственныхъ хлѣбопашцевъ и отважныхъ мореплавателей, морскихъ разбойниковъ, вѣчно воюющихъ съ Венеціею. Княжество или банство Захлумское (Захолмское) особенно усилилось подъ управленіемъ уже извѣстнаго намъ соперника великихъ жупановъ Сербіи, друга Симеона Болгарскаго, Михаила Вышевича, который въ 926 году предпринималъ смѣлый походъ въ Италію, на берега Апуліи и бралъ тамъ городъ Сипонто (что теперь Манфредонія) [1]. Сосѣднее съ Захолміемъ княжество или банство Травунское (съ городомъ Требинье, въ нынѣшней Герцеговинѣ), стѣсненное владѣніями Захолмскими, по-видимому, поддерживало еще древнюю связь съ Сербіею; но изо всѣхъ приморскихъ областей Сербскихъ одна только Діоклея (иначе Подгоріе) [2], продолжала признавать нѣкогда общую для всѣхъ Сербовъ власть великожупанскаго рода Властимірова. — За горами, составляющими водораздѣлъ береговыхъ притоковъ Адріатики и рѣкъ, направляющихся къ Дунаю, начиналась собственная Сербія, простираясь на сѣверъ до Савы, на западъ до Ибра: въ ту пору, которую изображаютъ намъ современныя показанія Константина Багрянороднаго, эта загорная Сербія не имѣла почти историческаго значенія; только въ 934 году выручилъ ее изъ-подъ жестокаго гнета Болгаръ потомокъ древней Властиміровой династіи, Чеславъ; но не скоро можно было призвать къ политической жизни разрозненныя подъ управленіемъ своихъ мелкихъ жупановъ племена горныхъ пастуховъ [3]; на это нужно было послѣ Чеслава болѣе двухъ еще столѣтій, нужно было, чтобы движеніе пришло извнѣ, отъ другихъ поколѣній Сербскаго народа.

До сихъ поръ, во все продолженіе періода, въ которомъ руководствовалъ нами расказъ Константина Багрянороднаго, Хорватскій народъ постоянно являлся главнымъ историческимъ дѣятелемъ и двигателемъ въ славянскомъ Иллирикѣ, увлекающимъ за собою и Сербовъ, погруженныхъ еще въ какую-то младенческую апатію. Хорваты первые пришли изъ-за Карпатовъ въ Иллирикъ, Сербы послѣдовали за ними; Хорваты первые приняли крещеніе въ VII вѣкѣ, и среди ихъ, хотя въ неподвластномъ имъ латинскомъ городѣ (Сплѣтѣ),

---

[1]) Главные города Захолмья были Макарска и Стонъ (Stagno) въ южной Далмаціи, Добрско (теперь Добаръ) въ Герцеговинѣ. — О походѣ Михаила смотри Lupi Protospathae Chronicon (Muratori, V, 38): Anno 926 compraehendit Michaël Sclabus Sipontum mense Julii.

[2]) Нынѣшн. Черногорія съ прилегающими къ ней мѣстностями.

[3]) Что Сербы въ древнее время были народомъ по преимуществу пастушескимъ, на это указываетъ описаніе ихъ быта у историковъ Крестовыхъ походовъ, въ особенности у Раймунда de Agilis и Вильгельма Тирскаго.

установлена была митрополія для Иллирійскихъ Славянъ; черезъ ихъ землю христіанство передано было Сербамъ; первые опять въ IX вѣкѣ Хорваты возобновили, посредствомъ сношеній съ Римомъ и Константинополемъ, угасавшее у нихъ христіанство и первые показали на дѣлѣ преданность церкви; Сербы шли за ними. У Хорватовъ началась народная проповѣдь славянская, прежде чѣмъ перейти къ Сербамъ; у нихъ, прежде чѣмъ у Сербовъ, она принесла плоды; наконецъ, въ X в., когда властолюбіе царя Болгарскаго стало замышлять завоеваніе Адріатическаго края, Сербія допустила его вмѣшательство въ свой внутренній распорядокъ и сдѣлалась его жертвою, а Хорваты побѣдоносно отстояли свою независимость, дали у себя пріютъ гонимымъ Сербамъ и потомъ явили имъ помощь, когда Чеславъ возвратился на родину.

До сихъ поръ Хорваты и Сербы составляли, можно бы было почти сказать, одинъ народъ, раздѣленный на нѣсколько независимыхъ по управленію частей, но живущій общею историческою жизнію, народъ, у котораго главная дѣятельность, по самой природѣ вещей, сосредоточивалась въ прибрежномъ торговомъ краѣ, а внутреннія горныя области развивались подъ вліяніемъ приморья и его богатыхъ городовъ. — Тутъ мы оставили Хорватовъ и Сербовъ, чтобы слѣдить за ходомъ дѣлъ болгарскихъ. Между тѣмъ совершалось въ славянскомъ Иллирикѣ великое событіе: происходилъ разрывъ исторіи Сербской и Хорватской.

Земля Хорватская съ самаго начала какъ бы обречена была на внутренній раздоръ. Среди славянскаго народонаселенія поставлены были независимыя общины латинскихъ городовъ: можно вообразить, какія бывали столкновенія между Славянами и этими городами. Церковная іерархія, церковное управленіе было у нихъ общее: можно вообразить, какіе шли споры за избраніе въ епископы, въ іереи Латынянина или Славянина, за богослуженіе, которое духовные изъ Латынянъ (а ихъ было большинство) хотѣли совершать въ славянскихъ городахъ и селахъ по своимъ западнымъ обрядамъ, на своемъ латинскомъ языкѣ, и противъ котораго возставали Славяне, требуя службы славянской. Этимъ расположеніемъ славянскаго народонаселенія Хорватіи думалъ воспользоваться епископъ Нинскій, главнаго славянскаго города на Хорватскомъ приморьѣ [1]), для того, чтобы отрѣшиться отъ подчиненія митрополиту латинскаго города Сплѣта, и до-

---

[1]) По итальянски Нона (въ Далмаціи, на берегу моря); кромѣ Нина, важнѣйшіе славянскіе города въ Хорватіи были: Бѣлградъ (Zara vecchia), сдѣлавшійся потомъ столицею Хорватскихъ государей, Скрадинъ (Scardona), Шибеникъ, на приморьѣ, а внутри земли, Книнъ, Хлѣвно (Ливно, въ Герцеговинѣ), Бихачъ (въ Турецкой Кроаціи).

могался первенства надъ всѣми собственно Хорватскими церквами: за то страшная вражда латинскаго духовенства и зависть другихъ Хорватскихъ епископовъ. Чтобы примирить всѣ эти распри, Томиславъ Хорватскій съ Михаиломъ Захолмскимъ обратились къ Римскому папѣ, въ патріархатѣ котораго Иллирикъ, какъ извѣстно, числился еще со временъ Римской имперіи. Іоаннъ X послалъ къ нимъ легатами двухъ епископовъ, Итальянцевъ [1]), «съ медоточными своими письмами», говоритъ древній памятникъ [2]). Письма крайне замѣчательны. Архіепископу Сплѣтскому и епископамъ его митрополіи папа писалъ: «Мы дивимся, что ваше благочестіе столько лѣтъ не обращалось къ св. Римской всеобщей церкви; когда же узнали мы, что въ вашей епархіи множится (pullulare) другое ученіе, котораго мы не обрѣтаемъ въ св. книгахъ, а вы молчите и соглашаетесь, то мы сильно огорчились. Да не будетъ того, чтобы вѣрные обращались къ ученію Меѳодіеву, коего мы не находимъ ни въ какой изъ св. книгъ! Посему убѣдительно увѣщеваемъ васъ смѣло, заодно съ нашими епископами Іоанномъ и Львомъ, все исправить въ землѣ Славянской [3]), дабы въ ней совершалось священное служеніе по обычаю Римской церкви, то есть, на латинскомъ языкѣ, а не на чужомъ (extranea), ибо сынъ не долженъ говорить и знать другаго, какъ то, чему учитъ его отецъ, Славяне же суть въ особенности чада Римской церкви. И такъ да не разрастается у васъ дурной корень, но вырвите его посредствомъ неусыпной вашей проповѣди». Другое письмо: «Томиславу королю Хорватскому и Михаилу князю Холмскому [4]), Іоанну архіепископу Солинскому [5]), и всѣмъ подчиненнымъ ему епископамъ, а также всѣмъ жупанамъ, іереямъ и всему народу страны Славянской и Далмаціи. Кому неизвѣстно, что государства славянскія принадлежатъ къ первенцамъ вселенской церкви, такъ какъ они отъ колыбели вскормлены были пищею апостольской проповѣди, подобно тому какъ въ новое время Саксы отъ нашего предшественника Григорія [6]) получили купно и ученіе и письменность, на томъ именно языкѣ, на коемъ опирается мать ихъ церковь. Посему увѣщеваемъ васъ, любезнѣйшіе сыны, воспитывать съ самыхъ нѣжныхъ

---

[1]) Іоанна Анконскаго и Льва Пренестинскаго епископа.

[2]) Cum suis epistolis mellifiue (т. е. mellifiua) ructantibus eloquia; см. предисловіе къ постановленіямъ Сплѣтскаго собора.

[3]) Cuncta per Sclavinicam terram audacter corrigere satagatis.

[4]) т. е. Захлумскому, Захолмскому: Michaeli excellentissimo duci Chulmorum (оба письма напечатаны у Фарлати, III, 93 и слѣд.).

[5]) т. е. Сплѣтскому: Салона, по-славянски Солинъ, древній городъ, подлѣ котораго въ послѣдствіи возникъ Сплѣтъ (Spalatro).

[6]) Григорій II (714—732), покровитель св. Бонифація, знаменитаго проповѣдника, распространившаго христіанство въ Германіи.

лѣтъ дѣтей вашихъ для Бога въ книжномъ ученіи: ибо кто, будучи такимъ особливымъ чадомъ Римской церкви, какъ вы, станетъ имѣть охоту на варварскомъ или славянскомъ языкѣ возносить жертву Богу [1])? Не говорю, чтобы въ тѣхъ, которые упорствуютъ въ славянскомъ богослуженіи, было что нибудь другое, какъ то, что писано: отъ насъ вышли и не суть отъ насъ. Если бы были отъ насъ, то оставались бы съ нами, въ нашемъ общеніи и при нашемъ языкѣ. Посему снова и снова увѣщеваемъ васъ пребывать съ нами и во всемъ слѣдовать наставленіямъ посланныхъ отъ насъ епископовъ»...... Съ этими письмами пріѣхали легаты въ Далмацію, «и стали они, говоритъ современное свидѣтельство, объѣзжать города Далматскіе, посѣщая начальниковъ Хорватскихъ и Сербскихъ, и собрали (925 г.) въ Сплѣтѣ епископовъ и судей (т. е. свѣтскія власти) и составили торжественный соборъ». Соборъ утвердилъ за Сплѣтскимъ архіепископомъ оспариваемую власть митрополита земли Хорватской, а 10-ю статьею опредѣлилъ, чтобы ни одинъ епископъ въ митрополіи этой «не смѣлъ поставлять въ какой бы то ни было священный санъ кого либо служащаго на славянскомъ языкѣ».... [2]).

Не вдругъ явились послѣдствія этого собора. Славянское богослуженіе и славянская письменность удержались, не смотря ни на какія притѣсненія, въ землѣ Хорватской, хотя въ чуждой другимъ славянскимъ народамъ формѣ Глаголицы и въ подчиненіи догматамъ и іерархіи Рима; но съ Сплѣтскаго собора, съ 925 года, братья по происхожденію, по языку, по всей прежней судьбѣ, разстались и пошли розными путями въ исторіи: положенъ былъ конецъ внутреннему жизненному единству Хорватовъ и Сербовъ. Сплѣтскій соборъ торжественно осудилъ стремленіе Хорватской церкви къ независимости отъ латинскаго митрополита, почти уже пріобрѣтенной ею, и съ тѣхъ поръ, при каждомъ новомъ столкновеніи и спорѣ, подчиненіе ея все болѣе и болѣе скрѣплялось и узаконялось; Сербія же была такъ отдалена и находилась еще въ такомъ неустройствѣ, что Сплѣтскій митрополитъ, занятый ближайшими дѣлами, конечно и не имѣлъ охоты хлопотать о томъ, чтобы установить надъ нею свою власть и латинскую іерархію: младенческая церковь Сербская была, можно сказать, совершенно забыта, и сама собою отстранилась отъ

---

[1]) Quis etenim specialis filius sanctae Romanae ecclesiae, sicut vos estis, in barbara seu Slavinica lingua Deo sacrificium offerre delectatur?

[2]) Ut nullus episcopus nostrae provinciae audeat in quolibet gradu Slavinica lingua promovere; tamen (тутъ вѣроятно пропускъ, по предположенію Фарлати: qui promotus est) in clericatu et monachatu Deo deservire (вѣроятно, poterit). Nec in sua ecclesia sinat eum missas facere; praeter si necessitatem sacerdotum haberet, per supplicationem a Romano pontifice licentiam ei sacerdotalis ministerii tribuat.

церкви Хорватской, увлеченной въ кругъ Запада: и благодаря этому отстраненію, этой безвѣстности, она сохранила сѣмена ученія восточнаго и Кирилловской проповѣди, и могла все болѣе и болѣе ихъ себѣ усвоивать, пока наконецъ, при великомъ Нѣманѣ и святомъ Савѣ, сѣмена эти принесли свой плодъ.

Точно также розно потекла у Хорватовъ и Сербовъ жизнь политическая, у Хорватовъ блестящая, вращающаяся въ кругу западной Европы, у Сербовъ чуждая всѣмъ окружающимъ движеніямъ и такая же безгласная и безвѣстная, какъ тогдашняя Сербская церковь. Государство Хорватское развилось и процвѣло съ необыкновенною быстротою. Преемникъ Томислава, Красиміръ, распространилъ свою власть, кажется, по всей Босніи [1]; за нимъ Держиславъ, въ концѣ X вѣка, торжественно принялъ титулъ короля, утвержденный за нимъ Византійскимъ дворомъ. Держиславъ царствовалъ, говоритъ одинъ древній писатель [2]), отъ границъ Каринтіи и отъ Дуная по всей Далмаціи и Неретвѣ; даже часть Захолмія принадлежала ему. Хорватія стала теперь явною соперницею Венеціянцевъ въ обладаніи Адріатикою; особенно съ тѣхъ поръ, какъ она приняла подъ свою державу воинственныхъ Неретчанъ, вражда усилилась. Съ другой стороны, естественное требованіе полновластія въ своей землѣ должно было непремѣнно привести государей Хорватскихъ ко вмѣшательству въ дѣла независимыхъ латинскихъ городовъ; города же всякій разъ обращались къ покровительству Венеціи, родной по происхожденію и языку, по вѣрѣ и всѣмъ преданіямъ, и Венеціянцы заботливо поддерживали эти связи. Не разъ уже загоралась война между Хорватами и Венеціею. Въ началѣ Хорваты одерживали верхъ, и Венеція была принуждена платить дань ихъ государю, чтобы этимъ покупать безопасность своей торговли. Но въ 998 году дожъ Петръ Урсеоло прекратилъ платежъ дани и рѣшился явно принять подъ свое покровительство латинскіе города Далмаціи, жаловавшіеся на невыносимыя притѣсненія со стороны Славянъ. Испросивъ разрѣшенія Византійскаго императора, какъ верховнаго властителя Далмаціи и земли Хорватской, Урсеоло пошелъ войною на Хорватовъ. Подроб-

---

[1]) См. безымяннаго Діоклейскаго (Дуклянскаго) лѣтописца, у Люція, de regno Dalm. et Croatiae, 293.

[2]) Thomae Archidiaconi historia Salonitana (тамъ же 320). Istaque fuerunt regni eorum confinia: ab oriente Delmina (Дувно),.... ab occidente Carinthia versus mare usque ad oppidum Stridonis, quod nunc est confinium Dalmatiae et Istriae, ab aquilone vero a ripa Danubii usque ad mare Dalmaticum, cum tota Maronia (читай Naronia, т. е. Неретва) et Chulmiae ducatu (т. е. банство Захлумское). — Въ концѣ X-го вѣка Захолміе является раздѣленнымъ между Хорватскимъ государствомъ и великими жупанами Діоклейскими (о которыхъ сказано будетъ ниже): въ слѣдствіе какихъ обстоятельствъ это произошло, неизвѣстно.

ности ея неизвѣстны; то, что разсказываетъ объ этой войнѣ венеціанская лѣтопись, болѣе похоже на торжественное шествіе, чѣмъ на военное предпріятіе. Урсеоло бросаетъ якорь у Осора и принятъ всѣмъ островомъ какъ избавитель и государь; потомъ останавливается у Задра (Зары): впереди города встрѣчаетъ его начальникъ (prior) [1]) Задрскій съ епископомъ и народомъ; вступивъ въ Задръ, дожъ принимаетъ отъ старшинъ и народа присягу на подданство; къ нему являются въ Задръ епископы и начальники Вельинскій и Рабскій, и присягаютъ ему какъ представители своихъ общинъ; дожъ слышитъ въ церквахъ имя свое возглашаемымъ послѣ именъ Византійскихъ императоровъ. За тѣмъ дожъ посѣщаетъ Трогиръ, Сплѣтъ, островъ Каркаръ (Curzola), Дубровникъ (Рагузу), и вездѣ встрѣчаетъ тотъ же пріемъ. Хорваты не въ силахъ воспротивиться его успѣху; — и возвратясь въ Венецію, Урсеоло прибавляетъ къ титулу вождя Венеціянской республики наименованіе государя Далматскаго. Понятенъ гнѣвъ Хорватовъ; между ними и Венеціею завязалась безконечная война, и въ эту сторону направились теперь всѣ ихъ усилія. Венеція окончательно отняла у нихъ возможность дѣйствовать на судьбу ихъ сосѣдей, Сербовъ.

Что дѣлалось между тѣмъ у Сербовъ, съ тѣхъ поръ какъ воротился къ нимъ изъ Болгарскаго плѣна Чеславъ и возстановилъ древнее правленіе великихъ жупановъ? Возвращеніе Чеслава — послѣднее событіе Сербской исторіи, записанное Константиномъ Багрянороднымъ; но, въ разсказѣ объ этомъ возвращеніи, онъ намекаетъ на то, что составляло, по-видимому, существенное явленіе Сербской исторіи въ послѣдующее время. «Послѣ смерти Симеона Болгарскаго, говоритъ онъ, Чеславъ ушелъ изъ Болгарской столицы съ *другими четырьмя*, возвратился въ Сербію и возстановилъ ее». Кто такіе были эти *другіе четыре* участника въ дѣлѣ Чеслава, о которыхъ Константинъ счелъ за нужное упомянуть? Конечно, тѣ народные главы Сербовъ, тѣ жупаны, отъ которыхъ, по свидѣтельству того же историка, зависѣло признаніе у Сербовъ самого великаго жупана и которыхъ, какъ мы прежде уже разсказали, Болгарскіе вожди, посланные Симеономъ для завоеванія Сербіи, вѣроломно схватили и увезли въ плѣнъ. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что съ возстановленіемъ великаго жупанства Сербскаго соединено было и возстановленіе жупанствъ или княжествъ въ тѣхъ отдѣльныхъ земляхъ, на которыя всегда, болѣе или менѣе рѣзко, распадался народъ Сербскій, какъ-то въ собственной Сербіи на сѣверѣ [2]), Босніи на западѣ, и Расѣ на

---

[1]) По-славянски назывался онъ княземъ (кнезъ).

[2]) Ее можно назвать также жупанствомъ Десницкимъ, по древней столицѣ Де-

югъ отъ Босніи. Что касается до югозападнаго угла Сербскихъ земель, у Адріатическаго моря, то ихъ не коснулось Болгарское завоеваніе, и власть прежнихъ князей и жупановъ не была здѣсь прервана. Когда Чеславъ возвратился на свой великожупанскій престолъ въ Десникъ или Расу, то къ возстановленной имъ Сербіи примкнули вновь, по-видимому, эти югозападныя княжества, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Но послѣ Чеслава окончательно порвались слабыя нити единства, которое издревле связывало Сербскія земли общимъ признаніемъ первенства одного великаго жупана и придавало имъ видъ какой-то федераціи. Чеславъ былъ *послѣдній* въ ряду великихъ жупановъ, возводившихъ свой родъ и свои верховныя права къ первымъ временамъ поселенія Сербовъ въ Иллирикѣ. Что съ нимъ, Чеславомъ, прекратилась эта власть, фактъ несомнѣнный. Но историческія обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія этотъ фактъ, не могутъ быть опредѣлены. Когда Константинъ Багрянородный писалъ свое знаменитое сочиненіе: «Объ управленіи царствомъ» (945—959), Чеславъ, кажется, жилъ еще, и жилъ въ мирѣ съ сосѣдями, въ дружбѣ съ Византіею, которая всегда ласкала Сербовъ, какъ природныхъ соперниковъ Болгаріи. Послѣ Константина у насъ долго будетъ одинъ источникъ для Сербской исторіи — составленная въ XII-мъ вѣкѣ лѣтопись безымяннаго Діоклейскаго (Дуклянскаго) пресвитера, лѣтопись до такой степени наполненная именами небывалыхъ королей Сербскихъ и Хорватскихъ, что съ перваго взгляда нелегко рѣшиться пользоваться ею. Есть ли въ ней однако какая нибудь историческая основа, или все чистая выдумка и простой подлогъ? Нѣтъ, начиная съ XI вѣка, лѣтопись Діоклейца носитъ явную печать историческаго сказанія, не во всемъ достовѣрнаго, но основаннаго на подлинномъ преданіи и согласнаго въ главныхъ чертахъ съ современными свидѣтельствами византійскими; также и въ древнѣйшее время въ ней много проблесковъ несомнѣнной исторической были, которые не позволяютъ считать ее простою тканью вымысловъ и басенъ. Главная та бѣда, что у Дуклянца много спутано: событія Сербскія и Хорватскія, имена настоящихъ, исторически извѣстныхъ государей обоихъ народовъ съ темными именами мелкихъ бановъ и жупановъ; и ко всей этой путаницѣ прибавлена немалая доля вымысла. Вполнѣ очистить историческую основу Дуклянца, извлечь изъ его разсказовъ яс-

---

снику, которая, по вѣроятному предположенію Шафарика, лежала у низовьевъ р. Дрины. По другимъ городамъ, исчисляемымъ Константиномъ въ тогдашней Сербіи въ тѣсномъ смыслѣ, можно опредѣлить положеніе этой страны: Дрежникъ (Δρεσνεὴκ) въ Ужицкомъ краѣ, Лѣшница (Λεσνὴκ) въ Шабацкомъ краѣ (оба въ западной части Сербскаго княжества), Солина (Σαληνὲς), что по-турецки Тузла, въ сѣверо-восточной Босніи: см. Шафарика. II, § 32.

ную и вполнѣ достовѣрную исторію Сербіи въ ту эпоху, для которой онъ у насъ единственный свидѣтель, нѣтъ возможности; но общій характеръ эпохи этой обозначается у него довольно живо и ясно. «Послѣ Чеслава, говоритъ онъ, земля осталась безъ государя, и баны стали властвовать каждый въ своей области, подчинили себѣ жупановъ и брали съ ихъ подати, которыя прежде получались государемъ». Вотъ несомнѣнно вѣрное изображеніе сербскаго быта во второй половинѣ X вѣка: и безъ того уже всегда слабая власть великаго жупана прекратилась, и баны (*банами* назывались главные жупаны, правители отдѣльныхъ земель, въ отличіе отъ *жупановъ* въ собственномъ смыслѣ, начальниковъ мелкихъ сельскихъ волостей, или *жупъ*) сдѣлались совершенно независимыми государями въ своихъ областяхъ. Быть можетъ, родъ Властиміровъ вовсе пресѣкся съ Чеславомъ, но казалось бы болѣе вѣроятнымъ, что преемство его продолжалось въ землѣ Рашской, однако уже безъ признанія въ другихъ Сербскихъ земляхъ. Приводимъ разсказъ Діоклейца, имѣющій всѣ признаки неподдѣльнаго народнаго преданія: «Былъ во время Чеслава юноша въ странѣ Сражской [1]), Тѣхомилъ по имени, сынъ священника деревни Рабичи, и жилъ въ пастухахъ у нѣкоего князя Будислава; и какъ Тѣхомилъ былъ крѣпокъ и силенъ, и дюжій ловецъ и легокъ на бѣгу, то князь бралъ его съ собою на охоту. Однажды на охотѣ, Тѣхомилъ нечаянно ударилъ борзую суку (выжлицу), кличкою Палушу, и убилъ ее: а сука та была у князя любимая, и Тѣхомилъ такъ испугался, что рѣшился бѣжать, и ушелъ къ Чеславу. Чеславъ принялъ его. Между тѣмъ, въ царствованіе Чеслава рать Венгровъ вторглась въ Босну и стала разорять страну эту; Чеславъ, созвавъ войско, встрѣтилъ ихъ въ Дринской жупѣ; тутъ они сразились, и Тѣхомилъ ходилъ по рядамъ непріятельскимъ, рубя на-право и на-лѣво, и убилъ онъ Кіса, вождя Венгерскаго, и принесъ его голову Чеславу; Венгровъ пало огромное число. Обрадованный Чеславъ далъ Тѣхомилу жупанство Дринское и посваталъ за него дочь Рашскаго бана, въ награду за убіеніе Венгерскаго вождя. Между тѣмъ жена Кіисова обратилась къ государю Венгерскому, требуя отмщенія, и пошло огромное войско Венгровъ на Чеслава, и застигло его въ предѣлахъ Срѣмскихъ. Ночью внезапно Венгры ударили на станъ его, полонили Чеслава и родственниковъ его: жена Кіисова велѣла имъ связать руки и ноги и бросить ихъ въ рѣку Саву. Такъ погибъ Чеславъ и весь домъ его, и осталась земля безъ государя, и баны стали властвовать каждый въ своей области.... [2]) Никто не смѣлъ именоваться

[1]) In partibus Sraga: какая это мѣстность, намъ неизвѣстно.

[2]) Дальнѣйшія слова приведены были выше.

королемъ (т. е. общимъ государемъ Сербовъ, — именемъ короля, гех, лѣтопись означаетъ прежнихъ великихъ жупановъ, которыхъ власть признавалась всѣми землями Сербскими). Тѣхомилъ послѣ смерти своего тестя сталъ владѣть землею Рашскою, но и онъ не осмѣливался именоваться королемъ или баномъ, а назывался только старшимъ жупаномъ, такъ какъ онъ стоялъ во главѣ прочихъ жупановъ Расы; и такъ управляли они землею много времени».

При этомъ распаденіи Сербіи, болѣе всѣхъ другихъ частей ея отдѣлилось, кажется, банство Боснійское. Боснію подчинилъ было себѣ, какъ упомянуто, Хорватскій государь Красиміръ; но, по-видимому, она не долго находилась подъ державою Хорватскою, а потомъ, освободившись, осталась какъ бы внѣ круга общей исторіи Сербовъ: такая особность Боснійскаго банства является во всемъ разсказѣ Діоклейскаго лѣтописца. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этого времени стало готовиться то гибельное отчужденіе Босніи отъ другихъ Сербскихъ земель, котораго не могли потомъ преодолѣть никакія усилія могущественнѣйшихъ вѣнценосцевъ Сербскихъ, и которое уже въ XII вѣкѣ позволяло Византійцу Киннаму сказать, что «Боснія не признаетъ надъ собою власти верховнаго жупана Сербскаго и живетъ сама по себѣ, подъ своимъ управленіемъ [1]).»

Діоклейской лѣтописи мы обязаны указаніями на распаденіе Сербіи въ X вѣкѣ, на прекращеніе общей великожупанской власти, на обособленіе Босніи. Еще одна важная черта проглядываетъ во всемъ длинномъ, запутанномъ повѣствованіи Діоклейца о тогдашнихъ дѣлахъ сербскихъ, и она-то составляетъ, можно сказать, главное содержаніе Сербской исторіи въ это время: именно, мы видимъ, что въ X вѣкѣ вся историческая жизнь Сербскаго народа переходитъ изъ сѣвернаго и восточнаго края, изъ собственной Сербіи, на юго-западъ, что она сосредоточивается все болѣе и болѣе въ горномъ побережьѣ Адріатики. Переходъ этотъ совершается притомъ, сколько видно, вполнѣ независимо отъ хода дѣлъ у сосѣднихъ Хорватовъ; онъ совершается постепенно, въ силу какого-то общаго историческаго закона: ибо въ то самое время, какъ жизнь Сербіи переходила съ Савы и Расы на Зету и къ Скутарскому озеру, дѣятельность Болгарскаго народа, мы увидимъ, покидала берега Дуная и страну Балканскую и обновлялась въ горахъ Македоніи и Албаніи, у озера Охридскаго. Это, конечно, явленіе не случайное: очевидно, что у Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ въ концѣ X вѣка вся жизнь приливала къ юго-западу, къ нагорнымъ краямъ Адріатики, что сюда переносилась ихъ исторія.

---

[1]) Cinnamus, стр. 101: ἔστι ἡ Βόσθνα οὐ τῷ Σερβίων ἀρχιζουπάνῳ καὶ αὐτὴ εἴκουσα, ἀ,λλ ἔθνος ἰδίᾳ παρὰ ταύτῃ καὶ ζῶν καὶ ἀρχόμενον.

Вспомнимъ, какъ уже въ началѣ X вѣка процвѣтало сербское Захолміе на Адріатикѣ, въ то время, когда собственную Сербію губили междоусобія и оружіе Болгаръ, и какъ потомъ, при распаденіи возстановленной Чеславомъ Сербской державы, преемство великожупанскаго Властимірова рода осталось за южнымъ ея краемъ, Расою, тогда какъ сѣверная часть впала въ совершенную безвѣстность; наконецъ, въ исходѣ X столѣтія, сама Раса уже теряетъ значеніе, и историческая жизнь Сербіи сосредоточивается исключительно въ юго-западномъ углу Сербскихъ земель, въ окрестностяхъ нынѣшней Черногоріи. Эту юго-западную часть земель Сербскихъ, которая должна была сдѣлаться основаніемъ новой Сербской державы, составляли четыре княжества: 1) *Травунія*, которая заключала въ себѣ городъ и край Требинье, въ южной Герцеговинѣ, съ окрестностями (гдѣ волости Любоміръ, Крушевица и Драчевица и села Рудина, Жерновица, Урмо еще сохранили понынѣ свои названія, приводимыя лѣтописцемъ XII вѣка), Конавле, т. е. морской берегъ на югъ отъ Рагузы, и Рисань на Которскомъ заливѣ; 2) *Холмская земля* или *Захолміе*, въ Герцеговинѣ на западъ и сѣверъ отъ Травуніи (съ Поповымъ полемъ, Гацкомъ, Дубравами и Дебрями [1]) и съ Стономъ [2]) на берегу Адріатики, сѣвернѣе Рагузы [3]); 3) *Зета*, т. е. собственная Черногорія, гдѣ течетъ рѣка Зета, съ морскимъ берегомъ на востокъ отъ Которскаго залива, гдѣ лежитъ край, называемый Грбаль и городъ Будва; и наконецъ, 4) самая большая область, *Подгоріе* иначе также называвшееся по имени знаменитаго города Діоклетіанова, *Діоклеею (Дуклею)* [4]). Эта земля Подгорская или *Діоклейская*, обнимала сѣверную часть Черногоріи (Морачу и Комъ) [5]) и прилегающіе края Герцеговины: Оногоцъ, т. е. нынѣшніе Никшичи, Пиву, Езеро, Неретву [6]), Раму, а также кусокъ нынѣшней Албаніи, лежащій у подножія Черной Горы, отъ Гусинья до Скадра (Скутари), Бара (Антивари), и Олгуна (Дульциньо) [7]). Въ этомъ послѣднемъ

---

[1]) Теперь, по сербскому произношенію, Дабри.

[2]) По-итал. Stagno.

[3]) Это положеніе Травуніи и Захолмія, какъ оно изображено Діоклейскимъ пресвитеромъ, совершенно согласуется съ показаніемъ Константина Багрянороднаго; только въ его время *Конавле*, не смотря на свой малый объемъ, составляло независимое княжество.

[4]) Развалины этого римскаго города находятся у нын. Подгорицы на р. Морачѣ.

[5]) Такъ назыв. Бърда.

[6]) Неретвою называется и теперь преимущественно край по верхнему теченію этой рѣки, лежащій между Езерами и Рамою.

[7]) Пресвитеръ Діоклейскій приводитъ это раздѣленіе, совершенно согласное съ свидѣтельствомъ Константина Багрянороднаго и подтверждаемое позднѣйшими историческими явленіями. Онъ исчисляетъ жупы (волости), изъ которыхъ состояло каждое княжество. Хотя большая часть именъ искажены въ латинскомъ текстѣ, дошедшемъ до

краѣ, составляющемъ сѣверозападный уголъ Албаніи, еще въ XII вѣкѣ было много городовъ, имѣвшихъ (по крайней мѣрѣ отчасти) греческое населеніе, вѣроятно остатокъ старинныхъ колоній. Эти города, или вѣрнѣе, какъ ихъ называетъ старинный сербскій писатель [1]), *грады*, то-есть укрѣпленія, въ которыхъ хранилось, безъ сомнѣнія, древнее муниципальное устройство, подобно *градамъ* на берегу Далмаціи, были въ XII вѣкѣ слѣдующіе: Баръ (Антивари), Льцинъ или Олгунъ (Дулциньо), Свачъ (Сфача), Скадръ (Скутари), Дривостъ (Дривасто), Данъ и Сардоникій (положеніе двухъ послѣднихъ неизвѣстно, первые же пять лежатъ всѣ около Скутарскаго озера, на югъ отъ Черногоріи). Если еще въ XII в. греческій элементъ былъ тутъ силенъ, то тѣмъ болѣе въ X-мъ и началѣ XI-го. Но кругомъ городовъ, какъ и въ Далмаціи, жили, безъ сомнѣнія славянскія общины, и вотъ почему власть Сербскихъ князей могла здѣсь утвердиться.

Соединеніе четырехъ маленькихъ горныхъ областей, заключавшихъ въ себѣ Черногорію и края, непосредственно къ ней прилегающіе, было, можно сказать, первымъ шагомъ Сербскаго народа, оста-

---

насъ, однако они легко могутъ быть отгаданы въ подлинной формѣ, и положеніе всѣхъ этихъ мѣстностей могло бы быть, конечно, опредѣлено, если бы наши карты были подробнѣе и точнѣе. Я привелъ, по тексту Діоклейца, только тѣ мѣстности, которыя важнѣе и которыхъ положеніе мнѣ кажется совершенно вѣрнымъ. Въ этомъ отношеніи недостаточность картъ Турціи мнѣ удалось восполнить отчасти показаніями нѣкоторыхъ Герцеговинскихъ уроженцевъ. Вотъ полный текстъ Діоклейца: „Prelimirus (читай Predimirus) Rex.... divisit terram suam hoc modo: Chualimiro dedit Zente regionem cum civitatibus et has juppanias: Lusca, (теперь Лѣшко-поле) Podlugiae, Gorsca (и теперь Горска, волость между Кастельново и селомъ Драчемъ), Cupelnich, Obliquit (Обличи, село въ Црницкой нахіи, въ Черногоріи), Propratna (Праpратница, тамъ же), Cremeniza (и теперь Кременица, волость между Будвою и Пастровичами), Budua (т. е. Будва) cum Cuceva, et Gripuli (т. е. Грбаль); Pelislavo dedit Tribuniam cum his jupaniis: Libomir (и теперь волость Любомиръ), Vetanica (теперь с. Ватница въ юговосточной Герцеговинѣ), Rudina (Рудина тамъ же), Crusceviza (волость Крушевица), Urmo (с. Урмо въ волости Кривошіе), Ressena, (г. Рисань, Risano у Которскаго залива), Draceviza (волость Драчевица), Canali (волость Конавле, по-итал. Canale, у Дубровника) Gernoviza (с. Жерновица близъ Грудъ). Dragislavo dedit Chercnaniam (читай Chelmaniam) regionem et has juppanias: Stantania (Стовъ), Papavo (Попово), Yabsco (чит. Gatsco Гацко), Lucca (с. Лука близъ Невесиня), Velica, Gorymita, (с. Горилица подъ Гацкомъ), Vecenike, Dubrava (Дубраве, волость на югъ отъ Мостара) et Debret (Дабри, село и волость между Любоміромъ и Невесинемъ); Preulado dedit regionem, quae sclavonice dicitur Podgoria, latine Submontana, et has jupanias: Onogoste (Оногощъ, древній *градъ* въ Никшичскомъ краѣ), Moratia (Морача), Comerniza (село и волость Комарница у хребта Чемерна между Пивою и Гацкомъ), Piua (Пива), Gerico (чит. Gezero, Езеро), Netusini (с. Тушина въ Дробнякахъ), Guisemo (Гусинье), Com (Комъ), Debreca, Neret (Неретва) et Ramma (Рама), et quatuor regiones Tetrarchias vocavit. Что города Скадаръ, Баръ и Олгунъ принадлежали Подгорскому жупану, видно изъ послѣдующаго разсказа того же лѣтописца.

[1]) См. житіе св. Симеона Немани, написанное его сыномъ, королемъ Стефаномъ (изд. Шафарикомъ въ Пам. Юго-Слав. Письм. стр. 8).

вавшагося цѣлые вѣка, подъ номинальною властію своихъ прежнихъ великихъ жупановъ, въ первобытномъ дробленіи и бездѣйствіи, къ новой жизни государственной, къ политическому развитію: эта Діоклейская «тетрархія»,—такъ называетъ ее безымянный пресвитеръ-лѣтописецъ, эти четыре области, южная оконечность Сербской страны, сдѣлались надолго центромъ всей Сербской исторіи: Діоклея будетъ бороться за независимость Сербовъ, отстаивать ее отъ Болгаръ и Грековъ; Діоклея первая, послѣ паденія Властиміровой династіи, возобновитъ мысль о соединеніи Сербскаго народа; Діоклея будетъ долго именоваться у сосѣдей Сербскимъ государствомъ по преимуществу и даже по преимуществу государствомъ Славянскимъ, землею Славянскою [1]); въ ней воздвигнется новая митрополія; преемникомъ ея стремленій явится Нѣманя, великій собиратель земли Сербской.

Любопытно и важно было бы знать, какія обстоятельства впервые возвысили Діоклею и помогли ей привязать къ себѣ смежныя области, откуда вышелъ родъ великихъ жупановъ Діоклейскихъ, былъ ли онъ въ связи съ Властиміровичами, или, можетъ быть, съ прежними правителями Травуніи либо Захолмья, о которыхъ говоритъ Константинъ Багрянородный; но обо всемъ этомъ ничего вѣрнаго неизвѣстно. Діоклейскій пресвитеръ выводитъ, правда, владѣтелей своей родины изъ Травуніи, и старается даже связать ихъ съ королями Хорватскими и прежними государями Сербіи: сознаваясь, что съ Чеславомъ пресѣкся рядъ общихъ правителей Сербской земли, онъ вдругъ возобновляетъ ихъ преемство, разсказывая, что отецъ Чеслава бѣжалъ отъ своего властолюбиваго сына въ Римъ, тамъ женился и оставилъ потомство, и что, долгое время спустя, внукъ его возвратился на родину и сталъ владѣть Травуніею; все это, очевидно, вымыслы. За то весьма замѣчательно у Діоклейца сказаніе о томъ, какимъ образомъ владѣтели Травунскіе получили первенство надъ жупанами Расы. «Умеръ въ это время, говоритъ онъ, Болгарскій царь (imperator) Петръ, который сидѣлъ въ городѣ Великомъ Прѣславѣ, и царь Греческій, собравъ всѣ силы своего народа, захватилъ Болгарію и покорилъ ее себѣ. За тѣмъ онъ возвратился въ свой дворецъ, оставивъ въ Болгаріи войско. Начальники войска пошли и взяли всю область Рашскую; жупанъ Рашскій съ сыновьями и дочерью бѣжалъ и пришелъ къ королю (т. е. князю) Предиміру въ Травунію; Предиміръ принялъ его съ любовью и женился на Прехвалѣ, его дочери; а когда Греческій царь (Цимисхій) умеръ, то Предиміръ съ тестемъ своимъ послали въ Расу къ своимъ друзьямъ ска-

---

[1]) Такъ въ письмахъ папъ, XI-го вѣка, и у Раймунда de Agilis и другихъ историковъ крестовыхъ походовъ.

зать, чтобы они били Грековъ, и избиты были Греки всѣ въ одинъ день. И тогда Предиміръ вступилъ въ Расу, устроилъ ее, сдѣлалъ тестя своего по прежнему старшимъ жупаномъ, но подъ верховною своею властію. Послѣ того родилось у Предиміра четыре сына, и онъ раздѣлилъ между ними свою землю, старшему Хвалиміру далъ Зету; прочимъ тремъ братьямъ, Болеславу, Драгославу и Превладу роздалъ Травунію, Холмскую страну и Подгорье; и назвалъ онъ эти четыре области тетрархіею».... Дуклянскій лѣтописецъ относитъ такимъ образомъ ко времени Цимисхія (т. е. къ 970-мъ годамъ) образованіе союза южныхъ Сербскихъ областей и возвышеніе ихъ надъ Расою; но въ какой мѣрѣ это достовѣрно, въ какой мѣрѣ Предиміръ историческое лицо, дѣйствительно ли Раса подпадала власти Грековъ послѣ покоренія Болгаріи Цимисхіемъ и была освобождена съ содѣйствіемъ югозападныхъ Сербовъ, рѣшить трудно. Діоклейскій лѣтописецъ разсказываетъ далѣе, что дѣти Предиміра стали угнетать свой народъ и возбудили противъ себя возстаніе. Пришли къ возставшимъ на помощь 7 витязей, сыновья незаконнорожденнаго родственника Красиміра (Красиміръ владѣлъ Хорватіею и Боснією). Эти 7 братьевъ-витязей умертвили дѣтей Предиміровыхъ, и сами въ свою очередь погибли злою смертію. Власть надъ всею тетрархіею возвратилась къ законному наслѣднику, внуку Предиміра, Сильвестру Болеславичу. Ему наслѣдовалъ сынъ Тугоміръ, Тугоміру — Хвалиміръ. При Хвалимірѣ тетрархія снова раздѣлилась. Одинъ изъ его сыновей, Драгоміръ получилъ Захолміе и Травунію; Діоклея и Зета достались въ удѣлъ Владиміру, котораго лѣтописецъ тутъ называетъ сыномъ *Петрислава* и внукомъ Хвалиміра; но потомъ говоритъ о немъ, какъ о родномъ братѣ Драгоміра и, стало быть, сынѣ Хвалиміра. Вся эта длинная генеалогія очевидно вымышленная, и она-то всего болѣе мѣшала выяснить историческую основу Діоклейской лѣтописи. Надобно попристальнѣе въ нее вглядѣться. Чеславъ, о которомъ мы приводили выше извѣстія этой лѣтописи, лицо вполнѣ историческое, принадлежащее къ первой половинѣ X-го вѣка. Діоклейскій лѣтописецъ зналъ и записалъ о немъ разныя подробности. Также съ историческимъ характеромъ является у него Предиміръ, раздѣлившій южный край Сербскій между своими сыновьями. Наконецъ, третье историческое лицо, это Владиміръ, жившій въ концѣ X-го и началѣ XI-го вѣка и съ братомъ своимъ Драгоміромъ раздѣлявшій власть надъ Предиміровою областью. И о Владимірѣ съ Драгоміромъ лѣтописецъ Діоклейскій записалъ разныя, довольно подробныя, извѣстія, и слова его прямо или косвенно подтверждаются другими свидѣтельствами. Напротивъ того, о Сильвестрѣ, Тугомірѣ, Хвалимірѣ (второмъ) и Петриславѣ Діоклейскій пресвитеръ не умѣлъ сказать рѣшительно

ничего: онъ пишетъ о каждомъ изъ нихъ только, что онъ наслѣдовалъ владѣнія своего отца и мирно скончался. Если позволено представить догадку, то мы можемъ предположить, что Діоклейскій лѣтописецъ представлялъ себѣ время Чеслава и прекращенія древней великожупанской династіи, — время, о которомъ доходили до него только смутныя преданія, — несравненно болѣе отдаленнымъ отъ извѣстной ему уже по письменному памятнику [1]), эпохи Владиміра, нежели какъ это было въ дѣйствительности. Промежутокъ между Чеславомъ и Владиміромъ обнималъ всего два поколѣнія (около 60 лѣтъ) и лѣтописецъ, какъ оказывается, зналъ въ самомъ дѣлѣ нѣчто положительное только о двухъ княжескихъ поколѣніяхъ въ это время, о Предимірѣ и объ его сыновьяхъ, при которыхъ начались междоусобія; но вообразивъ себѣ, что отъ Чеслава до Владиміра должно было пройти гораздо больше времени, онъ и счелъ нужнымъ вставить тутъ нѣсколько княженій. Оттого и являются эти княженія безо всякаго содержанія; оттого и пришлось сочинить общее избіеніе сыновей Предиміра, чтобы вновь соединить его область и потомъ опять раздѣлить ее передъ вступленіемъ на престолъ Владиміра и Драгоміра; оттого, наконецъ, имя явно сочиненное, этотъ Петриславъ, который въ генеалогіи приводится какъ отецъ Владиміра, но затѣмъ исчезаетъ въ историческомъ разсказѣ, гдѣ Владиміръ является сыномъ Хвалиміра (отца мнимаго Петрислава).

И такъ, выкинувъ изъ Діоклейской лѣтописи княженія, которыя считаемъ себя въ правѣ назвать присочиненными, мы получимъ (разумѣется, въ видѣ гипотезы) слѣдующую историческую основу: Послѣ Чеслава и прекращенія власти великожупанской, въ приморской части земель Сербскихъ княжитъ Предиміръ, современникъ Святослава и Цимисхія. Онъ пріобрѣтаетъ первенство надъ жупанами Расы и раздѣляетъ свои владѣнія между 4-мя сыновьями. Возникаютъ въ странѣ междоусобія и внутренніе безпорядки, которые даютъ Боснякамъ и Хорватамъ случай вмѣшаться въ дѣла Сербской «тетрархіи». Смуты эти кончаются гибелью нѣкоторыхъ изъ сыновей Предиміровыхъ; власть достается старшему изъ нихъ Хвалиміру, князю Зетскому, и переходитъ къ двумъ сыновьямъ его, Владиміру и Драгоміру.

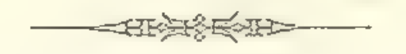
Съ Владиміра начинается уже исторія болѣе положительная. Потомокъ Предиміра и обладатель двухъ южныхъ удѣловъ приморской «тетрархіи» Сербской, Діоклеи и Зеты, — такимъ является онъ въ Діоклейской лѣтописи, — Владиміръ у византійскаго историка Кедрина названъ «правителемъ Трибаліи (древнее имя Сербіи, преимущественно южной) [2]) и ближайшихъ къ Диррахію (Драчу, подвластному Византіи

---

[1]) Liber gestorum Sti Vladimiri, на который ссылается Діоклейскій лѣтописецъ.

[2]) Въ текстѣ Кедрина читаемъ Τρυμαλία вмѣсто Τριβαλλία.

городу на Адріатикѣ) краевъ Сербіи». Былъ онъ, по свидѣтельству обоихъ лѣтописцевъ, «мужъ праведный, миролюбивый, стремящійся къ добродѣтели»; Діоклеецъ говоритъ о немъ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ: «святой, блаженный Владиміръ», иначе онъ его не называетъ. Его дѣятельность принадлежитъ уже къ той эпохѣ, которая открывается въ исторіи Задунайскихъ Славянъ, въ концѣ X-го вѣка, возстановленіемъ въ Охридѣ царства Болгарскаго, и въ которую мы теперь вступаемъ. При немъ впервые опять, со времени Чеслава, Сербы входятъ въ соприкосновеніе съ сосѣдними народами,—съ возрожденною Болгаріею; при немъ впервые опять имя Сербовъ является въ исторіи.

ИСТОРІЯ

СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія Сербовъ и Болгаръ.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ходъ подчиненія славянскихъ племенъ въ греческихъ областяхъ Византійскому правительству.

Мы видѣли, какъ произошло первое разрушеніе Болгарскаго государства, какъ оно было приготовлено внутреннимъ его ослабленіемъ, задумано политикою Византійскихъ императоровъ, и наконецъ исполнено Варяжскою дружиною Святослава. Удаляясь изъ Болгаріи, Русскій князь оставилъ завоеванную страну въ рукахъ Византіи. Въ городахъ Болгарскихъ расположились Греческія войска, Болгарскія области ввѣрены были Греческимъ правителямъ, а сыновья Болгарскаго царя Петра Симеоновича жили почетными узниками при дворѣ императора Цимисхія. Все обширное царство Болгарское, земля отъ Филиппополя до Балкановъ и отъ Балкановъ до Дуная, утраченная Греками въ VI и VII столѣтіяхъ, теперь (въ 971 г.) снова имъ принадлежала. Только далеко на сѣверозападѣ, близъ Адріатическаго моря, въ городѣ Модрушѣ [1]), остался, кажется, независимымъ одинъ изъ прежнихъ намѣстниковъ Болгарскаго царя, Баянъ, которому современное сказаніе [2]) придаетъ наименованіе короля, да на югозападѣ, въ области Охридской (въ нын. средней Албаніи), можетъ быть, еще не подчинены были Византіи горныя славянскія племена, прежніе подданные Болгаріи. Но и къ нимъ приближалось оружіе Византійскаго императора. Мы привели извѣстіе [3]), что войска Цимисхія заняли Расу, южную часть Сербскихъ земель, прилегавшую къ Охридской области; они угрожали Охриду, а можетъ быть уже и овладѣли имъ. — Торжественнымъ развѣнчаніемъ Болгарскихъ царей Бо-

[1]) Въ нынѣшней Кроатской военной границѣ (въ Австріи).
[2]) Chron. Optavicense, см. Farlati III. 114.
[3]) См. выше, стр. 171.

риса и Романа въ 971 году Византія завершила, при кликахъ побѣды, трудное дѣло, безмолвно начатое ею въ 807 году въ безвѣстномъ уголкѣ Мореи, подъ Патрами: дѣло возстановленія греческой власти надъ Балканскимъ полуостровомъ, занятымъ славянскими племенами.

Обозримъ ходъ этого великаго историческаго явленія, этой медленной борьбы, которую старая греческая стихія вела, чтобы подчинить себѣ новую, славянскую, и тогда откроется намъ, можетъ быть, смыслъ событій, послѣдовавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ за первымъ паденіемъ Болгаріи.

Въ первой части мы говорили о переселеніи Славянъ на Балканскій полуостровъ. Мы видѣли ходъ этого переселенія, начавшагося въ V вѣкѣ почти незамѣтною колонизаціею, усилившагося въ началѣ VI вѣка и мало-по-малу принявшаго характеръ народнаго нашествія. Земля была почти пустая. Римское управленіе [1]), страшные походы Готовъ въ III, IV и V вѣкахъ, долго памятное землетрясеніе 375 года, вторженіе Гунновъ въ 434 г., нападенія морскихъ разбойниковъ Вандаловъ, безпрестанно возобновлявшаяся моровая язва, все это истребило бо̀льшую часть прежняго населенія на Балканскомъ полуостровѣ. Славяне перерѣзали или поработили слабые остатки Эллиновъ и другихъ подчинившихся эллинизаціи, древнихъ обитателей Задунайскихъ земель. Въ исходѣ VI-го вѣка нашествіе Славянъ пріостановилось въ восточныхъ и южныхъ краяхъ полуострова, но возобновилось въ VII вѣкѣ въ западной его части (переселеніе Хорватовъ и Сербовъ). Послѣ вторженія Болгаръ, Славяне вновь стали переходить во Ѳракію и Македонію (676 г.). Наконецъ, опять въ 746 г., послѣ того какъ моровая язва прошла по всей Ливадіи и Мореѣ, Славяне устремились туда потокомъ, покидая равнины Болгаріи, гдѣ ихъ угнетала пришедшая изъ-за Дона Болгарская орда Аспаруха. «Тогда, пишетъ Константинъ Багрянородный, вся Эллада и Пелопоннисъ ославянились и сдѣлались варварскою страною». Это было послѣднее общее переселеніе цѣлыхъ поколѣній Славянскихъ въ опустѣлыя греческія земли. — Странно подумать, въ какомъ хаотическомъ состояніи находилось тогда народонаселеніе Балканскаго полуострова. Въ сѣверозападной его части расположились, какъ мы видѣли, Сербы и Хорваты, раздробленные на множество мелкихъ *жупанствъ*. Въ сѣверовосточной слагалось уже государство, основанное между Славянскими племенами ордою Болгаръ. На югъ отъ Болга-

[1]) Уже Страбонъ, писавшій около времени Рожд. Хр., замѣчалъ вымираніе племенъ, населявшихъ Иллирикъ, какъ-то Боіевъ, Скордисковъ, Автаріатовъ, Ардіеевъ, Дардановъ и Трибалловъ: онъ приписываетъ это явленіе сначала ихъ междоусобіямъ, а потомъ угнетенію Македонянъ и Римлянъ (VII, 5 § 6).

ріи, древняя Ѳракія и Македонія назывались въ то время у Грековъ *Славиніей*, т. е. землею Славянъ. За Греками оставался только край, отгороженный длиною стѣною Анастасія, начинавшеюся у города Селимвріи (Силиври) на Пропонтидѣ и кончавшеюся у Деркона на Черномъ морѣ. Греческіе гарнизоны держались еще въ Адріанополѣ, да на берегу Мраморнаго моря и Архипелага, въ Родостѣ, Никополѣ и Солунѣ. На западъ и югозападъ отъ Македоніи Славяне распространились по древней Дарданіи и Эпиру до Адріатики. Конечно, повсюду переселенцы встрѣчали какіе нибудь остатки прежняго населенія. Часть прежнихъ жителей мало-по-малу сливалась съ Славянами. Такимъ образомъ древнее племя *Саповъ*, которое еще въ V вѣкѣ до Р. Х. Ѳукидидъ находилъ на верховьяхъ рѣки Стримона (Струмы), и нынѣ еще живетъ, ославянившись, въ имени *Шоповъ*, придаваемомъ Болгарамъ въ этой мѣстности [1]). Другіе народы, одаренные большею упорностію или защищаемые природными твердынями, удержались среди славянскаго наплыва. Таковы были Албанцы въ своихъ неприступныхъ горахъ, и Влахи, потомки римскихъ колонистовъ или обримленныхъ туземцевъ [2]), на обоихъ склонахъ хребта Пинда и между городами Касторіею, Битолемъ (по-турецки Монастиръ), Воскополемъ (или Мосхополемъ) и Эльбассаномъ. Правда, эти народы появляются въ исторіи только въ X или XI вѣкѣ; но они носятъ всѣ признаки давнишнихъ жителей своего отечества, и не можетъ быть сомнѣнія, что они пережили въ немъ вѣкъ славянскаго нашествія. Можно даже съ нѣкоторою вѣроятностью опредѣлить тогдашнія ихъ отношенія къ Славянамъ. Славянскія племена перешли изъ Македоніи въ богатыя окрестности Охридскаго озера и здѣсь утвердились навсегда. Остатки римскихъ колонистовъ, водворенныхъ въ этихъ мѣстахъ, имъ покорились [3]) и уцѣлѣли: они занимались, какъ и теперь, преимущественно скотоводствомъ [4]), и сдѣлались подданными Славянъ. Съ тѣхъ поръ, въ-

---

[1]) См. подробности у Шафарика (Wyklad. etc. 574). *Шопами* называютъ Болгаръ въ окрестностяхъ городовъ Радомира и Кюстендила, на верховьяхъ Струмы.

[2]) До сихъ поръ край въ средней Албаніи, близъ Москополя, главнаго центра Влаховъ (Цинцаровъ), носитъ имя *Колонія*.

[3]) Также точно какъ въ Дакіи (нынѣшней Валахіи, Молдавіи и Трансильваніи), гдѣ о Валахахъ упоминаютъ первыя сказанія о Венгерскомъ нашествіи и Несторова лѣтопись, и въ Мисіи (нын. Болгаріи, между Дунаемъ и Балканами). Въ сей послѣдней латинскій языкъ былъ сильно распространенъ въ V вѣкѣ, какъ видно изъ того, что епископы города Марціанополя въ Балканахъ (вѣроятно, позднѣйшій Прѣславъ), употребляли его въ письменныхъ сношеніяхъ своихъ съ Византійскими императорами и съ Халкидонскимъ соборомъ (см. Le Quien, Or. Chr. 1, 1218).

[4]) Anna Comnena, VIII 3. νεολέκτους καταλέγων, ὁπόσοι τε ἐκ Βουλγάρων καὶ ὁπόσοι τὸν νομάδα βίον εἵλοντο (Βλάχους τούτους ἡ κοινὴ καλεῖν οἶδε διάλεκτος). Georg. Pachymeres in Andronico Palaeologo, 1, 37. Τὸ Βλαχικὸν ἔθνος δυσχωρίαις χαῖρον καὶ βοσκήμασι προσανέχον.

роятно, и имя *Влаховъ*, которыми Славяне обозначали этотъ народъ (какъ вообще людей Итальянской крови) [1]), стало у нихъ синонимомъ *пастуха* [2]) и *крѣпостнаго человѣка* [3]). Въ ущельяхъ Пинда (между Албаніею и Ѳессаліею), также какъ въ горахъ восточной и южной Ѳессаліи, около Олимпа, Оссы и Ѳѳрикса [4]), часть этихъ Вла-

---

[1]) У Чеховъ Wlach, у Поляковъ Włoch — Итальянецъ, Włochy Италія и мног. друг.

[2]) Даже къ Грекамъ перешло соединеніе имени *Влаха* съ понятіемъ о пастушескомъ образѣ жизни (сравн. вышеприведенное мѣсто изъ Анны Комнины). Свидѣтельства изъ сербскихъ грамотъ приведены г. Майковымъ (Исторія Сербскаго языка 160), но съ его слишкомъ неопредѣлительнымъ взглядомъ на значеніе Влаховъ невозможно согласиться.

[3]) Въ такомъ смыслѣ употребляется это имя въ Законникѣ царя Душана и грамотахъ Сербскихъ королей, гдѣ оно вѣроятно означаетъ уже не особенную, завоеванную Славянами, народность, а развившееся изъ этого завоеванія сословіе общества. Еще въ XIV в. „Сербину" запрещалось жениться „у Власѣхъ"; Влахи сопоставляются въ Законникѣ Душана съ Арбанасами (Албанцами), другою, также чужою и въ то время подчиненною Сербамъ, народностью. Подъ Турецкимъ игомъ имя *Влаха* естественно перешло отъ романскихъ поселенцевъ, покоренныхъ Славянами, къ Славянамъ, сдѣлавшимся Турецкими подданными, и стало употребляться какъ синонимъ *раіи*. — Впрочемъ, собственные *Влахи*, т. е. Романцы, въ средней Албаніи и въ горахъ Пинда (иначе называютъ ихъ *Цинцарами*), сохраняютъ донынѣ свой пастушескій бытъ (только часть занимается ремеслами и торговлею) и характеръ народа, привыкшаго къ порабощенію и утратившаго сознаніе своей самобытности. Вотъ какъ описываетъ Албанскихъ Влаховъ лучшій знатокъ этого края, г. Ганъ (Hahn, Albanesiche Studien, стр. 15): „Хотя чисто греческое народонаселеніе занимаетъ юговосточную часть Эпира, оно однако не прикасается непосредственно къ Ѳессаліи, гдѣ господствуетъ та же греческая народность, но отдѣлено отъ нея краемъ Влаховъ, которые занимаютъ главную цѣпь Пинда, отъ широты г. Коницы на сѣверѣ, почти до широты Арты на югѣ, и простираются кромѣ того, въ направленіи къ западу, по сѣверной части хребта, параллельнаго къ Пинду и раздѣляющаго верховья Ахелоя отъ притоковъ Арахта, а также по восточной части Лингонскаго хребта. Здѣсь мы находимъ сплошное Влашское населеніе; но такъ какъ ихъ край составляетъ длинное пограничное пространство, то эти Пиндскіе Влахи раздроблены между нѣсколькими центрами управленія и живутъ въ совершенной разъединенности. Оттого они и утратили, подобно всѣмъ братьямъ своимъ, разсѣяннымъ на Балканскомъ полуостровѣ (въ горахъ Македоніи и Ѳессаліи, въ средней Албаніи, въ нѣсколькихъ мѣстахъ Греціи, особенно на островѣ Эвбеѣ и т. д.), всякое сознаніе народной связи, если когда-либо имѣли его. Забалканскій Влахъ отличается отъ Грека и Албанца преимущественно отсутствіемъ народнаго чувства и всего, что съ этимъ чувствомъ соединено. Впрочемъ, Пиндскіе Влахи живутъ въ красивыхъ деревняхъ, похожихъ на мѣстечки, и пользуются большимъ благосостояніемъ, въ слѣдствіе своей трудолюбивой и крайне умѣренной жизни. Часть народонаселенія сохраняетъ кочевой пастушескій бытъ своихъ отцевъ, и проводитъ лѣто въ горахъ, зиму въ тепломъ побережьѣ Ѳессаліи и Греціи. Другіе изготовляютъ грубую шерстяную ткань, изъ которой дѣлаются плащи для мореходцевъ (такъ наз. *капоты*). Третьи занимаются торговлею, портняжничествомъ, содержаніемъ харчевенъ, золотыми издѣліями; они, подобно другимъ Албанскимъ горцамъ, зарабатываютъ свой хлѣбъ на чужбинѣ, а семью оставляютъ на родинѣ". — Эти Влахи сами себя называютъ *Арменъ* (передѣлка слова *Romani*).

[4]) Ѳѳриксъ, — древнее названіе горъ, отдѣляющихъ Ѳессалію отъ собственной

ховъ пастуховъ могла остаться независимою. Край этотъ Византійцы и Франки называли потомъ *Великою Влахіею* [1]), для различія отъ другихъ поселеній того же народа. Независимыми и одичалыми видѣли здѣсь Влаховъ писатели XI и XII вѣка, и въ такое состояніе пришли они конечно съ тѣхъ поръ, какъ славянское нашествіе отрѣзало ихъ отъ всѣхъ прежнихъ центровъ правительства и просвѣщенія. Любопытно повѣствованіе Испанскаго Еврея, въ началѣ XII вѣка [2]) проѣзжавшаго черезъ Грецію и Ѳессалію, о Влахахъ, жившихъ въ горахъ, раздѣляющихъ эти двѣ страны: «За городомъ Ровиницею, [3]) говоритъ Веніаминъ Тудельскій, начинается Валахія: жители ея пребываютъ въ горахъ и носятъ имя Валаховъ. Подобные козамъ быстротою, они сходятъ съ горъ въ греческія области, грабятъ и уносятъ добычу. Никто не можетъ проникнуть къ нимъ съ военною силою, и никакой государь не былъ въ состояніи укротить ихъ. Христіанскаго закона они не соблюдаютъ. Имена у нихъ въ употребленіи іудейскія, почему нѣкоторые полагаютъ, что они были нѣкогда Іудеями, и увѣряютъ, что они называютъ Іудеевъ своими братьями, и что когда нападаютъ на Іудеевъ, то хотя и грабятъ ихъ, однако не убиваютъ, какъ дѣлаютъ съ Греками. Однимъ словомъ, они живутъ внѣ законовъ». — Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ вѣроятно предположеніе Еврея-путешественника о прежнемъ вліяніи іудейства на романскихъ поселенцевъ въ Ѳессаліи. Но видно изъ его сказанія, въ какомъ враждебномъ отношеніи эти горцы находились къ окружавшему ихъ народонаселенію; а народонаселеніе, ихъ окружавшее, было нѣкогда большею частію славянское, въ томъ удостовѣряютъ извѣстія о поселеніи Велесичей въ южной Ѳессаліи и названія мѣстностей въ цѣломъ этомъ краѣ [4]). Не удивительно, впрочемъ, что Испанскій Еврей, путешествовавшій въ XII вѣкѣ, смѣши-

---

Греціи; теперь эти горы носятъ названія *Еловыхъ, Вербовыхъ* горъ и наконецъ, на западѣ, просто именуются въ народѣ *Горою* (Hellova Berg. Varibogo Gebirge. Gebirg Gura на картѣ Австрійскаго генер. штаба).

[1]) Nicetas, de capta urbe, 15: τὰ Θετταλίας μετέωρα, ἃ νῦν μεγάλη Βλαχία κικλήσκεται. Henri de Valenciennes (chron. въ разсказѣ о Генрихѣ Фландрск.): vous octroi avoec Blaquie-la-Grant, dont je vous ferais seignour. См. подробности у Тафеля, Thess. 490.

[2]) Tafel, Thessalonica, 470 и слѣд., гдѣ напечатана часть разсказа Равви-Веніамина, касающаяся до Балканскаго полуострова.

[3]) Положеніе этого города неизвѣстно. Веніаминъ Тудельскій помѣщаетъ этотъ городъ и *начало* Валахіи (Ѳессалійской) между *Agriphou* (т. е. Егрипо, иначе Негропонтъ) на югѣ и *Gardegin* (теперь Гардики) и *Armilo* (теперь Армиро) на сѣверѣ, стало быть, именно въ горахъ, разграничивающихъ Ѳессалію и Грецію. Простиралась же Валахія конечно далеко на сѣверъ по Ѳессаліи.

[4]) Напр. города и села Градица, Чертковити, Цѣтуны, Гавряне, Горица, Мокриница, Загора, Селичани и множ. др., озеро носящее имя Езеро, горы Елова, Вербова, Гура, Кишова (древня Осса), Плешиди (древній Пеліонъ, смот. Ami Boué Itinéraires, II, 70: онъ производитъ это имя отъ слова *плечи;* не лучше ли отъ *плѣши?)* ,

валъ Славянъ съ Греками: они въ то время исповѣдывали одну вѣру, жили подъ правленіемъ греческимъ, и вѣроятно успѣли уже, по большей части, принять греческую народность.

Отъ Валаховъ Ѳессалійскихъ возвратимся опять къ Македоніи и Албаніи, гдѣ мы указали на водвореніе Славянъ и столкновеніе ихъ съ туземцами. Занявъ Охридскій край, Славяне должны были устремиться прямо на западъ, по большой римской военной дорогѣ, проходившей въ долинѣ рѣки Шкумба [1]), и вѣроятно подчинили себѣ романскія поселенія, сохранившіяся тамъ и понынѣ [2]). Дорога эта и привела ихъ подъ византійскую крѣпость Эпидамнъ или Диррахій (Драчъ, Дураццо), подъ которою они появились впервые въ 548 г., какъ записано въ лѣтописи. Другой потокъ славянскій вѣроятно шелъ южнѣе, изъ окрестностей Касторіи (въ Македоніи) на западъ, по р. Віусѣ, и достигъ Авлонскаго залива. Дѣйствительно, есть извѣстіе, что въ IX или X вѣкѣ эта часть Адріатическаго поморья находилась подъ властію Славянъ [3]). Такимъ образомъ, средняя полоса нынѣшней Албаніи, отъ Драча (Дураццо) до Акрокеравнскаго мыса, была занята Славянами: въ рединѣ ея возникъ, конечно въ это время, на мѣстѣ древней Антипатріи, городъ *Бѣлградъ* (Албанскій, — Бератъ), и вся полоса эта наполнилась славянскими именами горъ, рѣкъ, городовъ и селъ.—Но на сѣверъ отсюда, на неприступной возвышенности, гдѣ теперь живутъ почти независимо албанскія племена Клементовъ, Хотовъ, Пулатовъ, Мирдитовъ, Малисоровъ и др., предки этихъ дикарей конечно устояли среди славянскаго наплыва. Здѣсь нѣтъ вовсе мѣстныхъ именъ славянскаго происхожденія. Только въ сѣверовосточномъ углу этой горной Албаніи, тамъ, гдѣ она по природѣ своей менѣе неприступна, мы находимъ нѣсколько такихъ именъ (напр. село *Селиште*, гора *Троица*, гора *Проклета*, среди земли Албанцевъ-Клементовъ), да юговосточная окраина этой страны носитъ славянское названіе *Дибри* (т. е. дебри) и

---

[1]) Шкумбъ раздѣляетъ Албанію на двѣ части: сѣверную, имѣющую связь съ Далматинскими Альпами, и южную, связывающуюся съ Пиндомъ и горами Греціи.

[2]) Города Мосхополи, Бератъ, Эльбассанъ и Пехини суть средоточіе Влаховъ въ средней части Албаніи.

[3]) Le Quien, II, 290 приводитъ мѣсто изъ каталога Болгарскихъ архіепископовъ (выписаннаго имъ изъ рп. Парижской Корол. Библіотеки), гдѣ сказано, что „Климентъ, назначенный епископомъ Тиверіуполя или Великой (Τιβεριουπόλεως ἤτοι Βελικῆς: городъ Тиверіополь потомъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Струмицы, по-тур. Уструмдже; Велица лежитъ къ югу отъ Струмицы), получилъ въ послѣдствіи отъ Болгарскаго *царя* Бориса (παρὰ Βορίσου βασιλέως Βουλγάρων) надзоръ за третьею частію Болгарскаго царства, простиравшеюся отъ Ѳессалоники до *Іерихо* и *Канинъ* или *Сипіата* (μέχρι Ἱεριχῶ καὶ Καννίνων ἤτοι Τασηπιάτου, чит. τοῦ Σηπιάτου)“. Означенные здѣсь города находятся на побережьѣ южной Албаніи: Іерихо и Канина у Авлоны, Сопоти въ Дельвинскомъ округѣ. Сравн. выше, стр. 82.

до сихъ поръ заселена отчасти Славянами. Очевидно, что славянская стихія переступила естественные предѣлы Албанской возвышенности, но остановилась на самомъ краю ея. Были ли войны между обоими народами въ отдаленную эпоху славянскаго переселенія, объ этомъ нѣтъ никакого воспоминанія. Мы сказали, что до XI столѣтія Албанцы совершенно неизвѣстны въ историческихъ памятникахъ: окружившая ихъ масса Славянъ, можно сказать, заслонила ихъ и закрыла отъ всего свѣта. Но нѣтъ сомнѣнія, что Славяне съ Албанцами не были непримиримыми сосѣдями. У Славянъ было слишкомъ достаточно хорошихъ земель, и имъ не за чѣмъ было вытѣснять Албанцевъ изъ ихъ негостепріимнаго края; а общихъ завоевательныхъ плановъ Славяне не имѣли. Такимъ образомъ Албанское племя осталось нетронутымъ среди Славянъ, такъ точно какъ прежде оно удержалось передъ Римскими войсками, а потомъ передъ царями Сербскими и султанами Турецкими. Это племя единственное въ восточной Европѣ, которое осталось, можно сказать, неизмѣннымъ въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ. Языкъ и обычаи его указываютъ несомнѣнно на происхожденіе отъ древнихъ Пелазговъ-Эпиротовъ, а бытъ и общественная жизнь его являются еще теперь такими, какія господствовали въ Греціи прежде временъ Гомера: ибо, какъ говоритъ изслѣдователь, изучившій нынѣшнихъ Албанцевъ во всей подробности и съ полною любовью, люди эти не достигли еще до степени быта народнаго, но живутъ отдѣльными племенами, подъ господствомъ родовой связи, кровной мести и кулачнаго права, чуждые даже вліянія религіи [1]).

Свидѣтельство мѣстныхъ именъ позволило намъ судить объ отношеніи сѣверной, нагорной Албаніи, оставшейся при прежнемъ населеніи, къ средней, по которой разлились Славяне. Труднѣе вывести заключеніе о тогдашнемъ этнографическомъ положеніи южной Албаніи, гдѣ нынѣ Албанцы-Тоски живутъ подлѣ Грековъ. Страна эта,

---

[1]) См. характеристику Албанцевъ у Гана, Albanesische Studien, въ особенности статьи: Geschlechtsverband (стран. 121), Verfassung der Gebirgsstämme im Bisthum Skodra (173). Вотъ общій выводъ Гана о бытѣ Албанцевъ (стр. 214): „mit dieser natürlichen Abgeschlossenheit (des Landes gegen Aussen) harmonirt der albanesishe Volksgeist auf das innigste, welcher sich in allen öffentlichen Beziehungen niemals über die Ideen des Faustrechtes, der Blutrache und des Stammverbandes zu erheben vermochte, und welcher daher noch heut zu Tage auf einer Culturstufe steht, welche die Römer und Hellenen dereits zu der Zeit hinter sich hatten, als sie in die Geschichte eintraten". — Тотъ же писатель, равно какъ и всѣ другіе путешественники, знакомые съ Албанцами, свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ нихъ религіознаго начала: вѣра составляетъ главную жизненную стихію всѣхъ окружающихъ Албанію народовъ, Сербовъ, Болгаръ, Цинцаровъ, Грековъ; Албанцы же къ ней совершенно равнодушны; большая половина ихъ приняла магометанство; но магометанство также мало проникло въ ихъ бытъ, какъ христіанство, римское или православное, исповѣдуемое другою частью Албанскаго племени, первое на сѣверѣ, второе на югѣ Албаніи.

точно также какъ сосѣдняя часть Ливадіи, изобилуетъ славянскими названіями, перемѣшанными съ греческими и албанскими. Стало быть, и сюда проникли славянскіе поселенцы; но видно они не овладѣли цѣлымъ краемъ, а осталась часть древняго населенія, которая потомъ и поглотила въ себя пришельцевъ—Славянъ. Какое было политическое отношеніе обѣихъ стихій, подчинили ли Славяне Грековъ и Тосковъ, или туземцы укрылись въ неприступныхъ горахъ (гдѣ теперь Чамія и Сули), объ этомъ ничего нельзя сказать. Во всемъ этомъ краѣ только одна крѣпость Никополь оставалась во власти Византіи.

О собственной Греціи имѣемъ свѣдѣнія нѣсколько болѣе вѣрныя. — Вся Өессалія и Ливадія являются намъ въ VIII вѣкѣ въ рукахъ Славянъ. Лишь въ горахъ жили, какъ мы знаемъ, Влахи, потомки романскихъ поселенцевъ.—Аттика обратилась въ славянскую область Велесичей, и въ 799 г. князь этихъ Велесичей, Окоміръ (Ἀκάμηρος) распоряжался въ Аөинахъ и хотѣлъ было поставить Грекамъ императора по своему выбору [1]). Пелопоннисъ получилъ славянское имя *Мореи*, и въ немъ размѣстилось нѣсколько племенъ славянскихъ. Въ немногихъ только твердыняхъ и защищенныхъ горами прибрежныхъ городахъ держались Греки: въ Коринөѣ, въ Патрахъ, въ 3 гаваняхъ древней Мессеніи, именно Коронѣ, Модонѣ и Аркадіи (городѣ), въ Монемвасіи, Аргосѣ, Навпліи, и наконецъ въ южной части Лаконіи за хребтомъ Таигетскимъ, въ городѣ и краѣ, называемомъ Майна. Въ Коринөѣ сидѣлъ воевода, присылавшійся изъ Константинополя, а прочія мѣста защищались и управлялись сами собою.

Такимъ образомъ въ началѣ IX вѣка Греческое племя удерживалось только въ Цареградѣ и его окрестностяхъ, за Анастасіевою стѣною; въ нѣсколькихъ прибрежныхъ укрѣпленныхъ городахъ; въ южной оконечности Лаконіи, да на островахъ Іоническихъ и Архипелага, и наконецъ на побережьѣ Малой Азіи. Но только въ Майнѣ сохранилось еще, вмѣстѣ съ поклоненіемъ Олимпійскимъ богамъ, древнее имя Эллиновъ. Можетъ быть въ Патрахъ и другихъ гаваняхъ Пелопонниса, также какъ на островахъ, народъ былъ тоже чисто Эллинской крови, хотя уже называлъ себя не иначе, какъ *Ромеями* (т. е. Римлянами) [2]). Но въ правительственномъ средоточіи, въ Цареградѣ, какъ видно изъ тогдашнихъ источниковъ, были не Эллины, а всякій сбродъ, остатки Өракійцевъ, Малоазіатцы разныхъ націй (Киликійцы, Понтійцы, Пафлагонцы и др.), Армяне, Сирійцы, множество огреченныхъ Го-

[1]) Өеофанъ, 734.

[2]) См. обо всемъ этомъ подробности у Фалльмерайера (Gesch. d. Halbinsel Morea) и Цинкейзена (Gesch. Griechenlands).

товъ, Славянъ и другихъ *варваровъ*. Весь этотъ сбродъ говорилъ по-гречески, гордился именемъ и міродержавными притязаніями Римлянъ, образованіемъ Эллиновъ и просвѣщеніемъ православныхъ христіанъ; и только какъ носитель этихъ высшихъ идей и воспоминаній стоялъ онъ высоко среди народовъ Европы, которымъ уступалъ и въ нравственной и въ вещественной силѣ.

Цареградъ потерялъ, какъ мы видѣли, въ теченіе VI, VII и VIII вѣка всѣ области Европейскія, отъ Дуная до оконечности Мореи. Могъ ли онъ существовать въ такомъ положеніи, отрѣзанный отъ Европейскаго материка? Правда, онъ держался своимъ флотомъ, своею торговлею и своею властію надъ Малоазіатскимъ побережьемъ и Архипелагомъ. Но и отсюда вліяніе и войска его вытѣснялись Арабскими халифами. Могъ ли Цареградъ существовать, сдавленный между Арабскимъ халифатомъ и Славянскими племенами, которыя уже подступали подъ стѣну, отгораживавшую его отъ Европы? Оба народа, Славяне и Арабы, уже начинали другъ съ другомъ знакомиться и не разъ уже подавали другъ другу руку противъ общаго врага—Византіи [1]). Цареградъ *долженъ* былъ искать себѣ спасенія подчиненіемъ славянскихъ племенъ.

Одинъ и тотъ же народъ славянскій, извѣстный нынѣ подъ именемъ Болгарскихъ Славянъ, распространился отъ Дуная до Мореи. Въ сѣверной полосѣ, между Дунаемъ и Балканами, этихъ Славянъ соединила государственнымъ союзомъ орда, приведенная изъ-за Дона Аспарухомъ. Было бы счастіемъ, если бы власть этого новаго государства распространилась по всему Задунайскому полуострову и обняла всѣ племена славянскія во Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи, Эпирѣ и Греціи. Но государство Аспарухово было, мы знаемъ насильственное; власть его была для Славянъ игомъ завоевателя. Славяне бѣжали отъ нея за горы и за море [2]). Аспарухъ и его преемники заняты были упроченіемъ своего господства въ томъ краѣ, гдѣ они первоначально водворились, и не могли помышлять о дальнѣйшемъ распространеніи. Если же они предпринимали походы, то устремлялись на богатый Цареградъ и тратили свои силы въ бою съ его искусными легіонами, вмѣсто того чтобы подумать о соединеніи всѣхъ Забалканскихъ Славянъ подъ своимъ знаменемъ. Когда имъ случалось нападать на этихъ Славянъ, то Славяне имъ противились, и охот-

---

[1]) См. извѣстія о союзахъ Славянъ съ Арабами въ 664 г. у лѣтописца Ѳеофана (стр. 532), въ 691 и 693 г. у него же, стр. 561, въ 754 г. у него же стр. 661; о сношеніяхъ Симеона Болгарскаго съ Африканскими Арабами говоритъ Кедринъ II, 356.

[2]) Въ 676 г. Славяне бѣжали отъ Болгаръ изъ-за Балкановъ въ Морею; въ 762 г. по свидѣтельству византійскихъ историковъ, до 208,000 чел. Славянъ переселилось изъ Болгаріи въ Виѳинію, въ Малой Азіи.

нѣе подчинялись умному и ловкому правительству Византійскому, нежели тяжелой власти Азіатцевъ-Болгаръ [1]). Такимъ образомъ Болгарскіе правители дали Византіи время оправиться и подчинить себѣ мало-по-малу разрозненныхъ Славянъ въ южной части Балканскаго полуострова.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ завоеванія Болгарами страны между Дунаемъ и Балканами, императоръ Юстиніанъ II успѣлъ подчинить своей власти славянскія племена около р. Струмы и Солуня (688 г.) [2]). Впослѣдствіи, Константинъ Копронимъ, пользуясь побѣдою, одержанною надъ Болгарами, которые были принуждены заключить миръ (755 г.), сдѣлалъ новый наступательный шагъ въ славянскихъ областяхъ; онъ частію разорилъ, частію же завоевалъ «тѣ славянскія области, что въ Македоніи» (такъ выразился лѣтописецъ Ѳеофанъ). Правда, что это завоеваніе было непрочное, и черезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же императоръ принужденъ былъ черезъ пословъ сноситься съ князьями Македонскихъ Славянъ и выкупать у нихъ христіанскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ ими на островахъ Архипелага. Болгаре не заботились объ этихъ племенахъ; въ исходѣ VIII вѣка, знаменитая императрица Ирина собрала войско свое, и пользуясь краткимъ временемъ общаго мира (783 г.), послала патриція Ставракія въ походъ противъ Славянъ: онъ отправился къ Солуню, говоритъ лѣтописецъ, и оттуда въ Элладу, и подчинилъ имперіи всѣ славянскія племена; потомъ онъ вступилъ и въ Пелопонисъ и привезъ оттуда множество плѣнныхъ и добычи въ столицу. Тогда дано было Византіи видѣть странное торжество: полководецъ ея праздновалъ въ ипподромѣ тріумфъ не надъ какимъ нибудь отдаленнымъ непріятелемъ, а надъ Славянами, водворившимися на классической почвѣ Греціи. Но не смотря на тріумфъ Ставракія, славянскія племена въ Ѳессаліи, Ливадіи и Мореѣ оставались еще непокорными.

Между тѣмъ Болгарское государство въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка слагалось и крѣпло. Завоевательное правительство совоплощалось съ завоеваннымъ народомъ. Настала въ Болгаріи блестящая эпоха Крума и благодѣтельная эпоха Бориса. Византія была слаба. Легко бы было Болгарскому правительству подчинить себѣ мелкія, ни отъ кого не зависѣвшія, княжества славянскія въ Македоніи, Ѳессаліи и Греціи. Вся страна Охридская и весь сѣверъ Македоніи и Ѳракіи, дѣйстви-

[1]) Въ этомъ-то видна великая разница въ завоеваніи Задунайскихъ Славянъ Болгарами и Русскихъ Славянъ Варягами. Господство Болгаръ долго находилось въ опасности отъ возстанія завоеванныхъ племенъ, и никогда не въ состояніи было распространиться до естественныхъ границъ того народа, среди котораго оно утвердилось; власть Варяговъ скоро обняла всѣ восточныя Славянскія племена до естественныхъ ихъ границъ, и Рюриковичи не опасались возмущенія подданныхъ Славянъ.

[2]) См. выше, стр. 31.

тельно, вошелъ въ составъ державы Болгарской [1]); но она не обращала вниманія на болѣе отдаленныя племена славянскія, занимавшія почти весь югъ Балканскаго полуострова, она не думала привлекать ихъ къ себѣ. Она искала завоеваній, но завоеваній, можно сказать, политическихъ, а не народныхъ. Константинополь съ одной стороны, Сербія съ другой, вотъ что манило честолюбіе Крума и Симеона. Самимъ же Славянамъ, разселившимся въ греческихъ областяхъ, сосредоточиться и составить государство было совершенно невозможно. Для всѣхъ вообще Славянъ переходъ отъ племенной раздѣльности къ народному и государственному единству былъ самымъ труднымъ историческимъ подвигомъ: какая же была возможность, чтобы его совершили, безъ чужаго пособія, безъ внѣшней точки опоры, мелкія общины, расположившіяся, подъ управленіемъ своихъ жупановъ и князей, отъ Родопскихъ горъ до Солуня, отъ Солуня до Коринѳа, отъ Коринѳа до Спарты, въ странѣ, которая до такой степени изрѣзана цѣпями горъ и заливами, до такой степени неблагопріятна для общенія, какъ ни одна страна въ мірѣ?

И вотъ, въ пору самаго сильнаго развитія Болгарскаго государства, въ IX и первой половинѣ X вѣка, происходитъ постепенное завоеваніе этихъ славянскихъ общинъ Византіею, нравственное ихъ подчиненіе греческой жизни, ихъ эллинизація. Раздробленныя и безсильныя, онѣ не въ состояніи удерживать свою народность: обращаясь въ христіанъ, Славяне эти обращаются тотчасъ и въ византійскихъ Грековъ; Болгарія не даетъ имъ нравственной опоры; дѣло Кирила и Меѳодія, вышедшихъ изъ ихъ среды и имъ первоначально себя посвятившихъ, для нихъ однихъ остается безплоднымъ.

Въ то самое время, когда Крумъ устремляетъ на Византію всѣ силы Болгаръ, Аваровъ и Славянъ отъ Карпатовъ до Балкановъ, Византія въ западной Ахаіи, изъ-подъ Патръ начинаетъ свое прочное завоеваніе между Славянами. Славянскія общины, жившія въ окрестностяхъ Патръ, вдругъ стали тревожить эту греческую крѣпость. Славяне вошли въ сношеніе съ Африканскими Арабами и стали осаждать Патры, а предварительно разорили и выжгли всѣ жилища Пелопонисскихъ Грековъ, какія находились въ открытомъ полѣ. Граждане Патрскіе уже рѣшились сдать городъ и покориться Славянамъ: къ нимъ не шелъ на выручку давно ожидаемый византійскій стратигъ (военачальникъ) изъ Коринѳа. Какъ при великомъ нападеніи Славянъ на Солунь въ 676 году, такъ и здѣсь въ Патрахъ, въ 807-мъ, нужно было чудо, нужна была вѣра въ видимое заступленіе святаго, чтобы подкрѣпить падающій духъ христіанъ и спасти важнѣйшую грече-

---

[1]) См. выше, стр. 76, 77.

скую твердыню въ Мореѣ отъ славянскаго наводненія. Самъ первозванный Апостолъ явился въ видѣніи и вселилъ въ Патрскихъ гражданъ увѣренность, что къ нимъ приближается Коринѳскій воевода, и этимъ побудилъ ихъ къ нежданной вылазкѣ: граждане видѣли, какъ онъ, несясь передъ ихъ рядами на бѣломъ конѣ, поражалъ Славянъ. Затѣмъ пришло Византійское войско и нанесло новый ударъ Славянамъ, уже разбитымъ осажденными гражданами. Славяне должны были покориться императору, который велѣлъ приписать ихъ, какъ данниковъ, къ Патрской митрополіи св. Андрея: «до этого времени, свидѣтельствуетъ одинъ древній памятникъ [1]), въ продолженіе 218 лѣтъ ни одинъ Римлянинъ (т. е. Грекъ, христіанинъ) не могъ безопасно ступить на Пелопоннисской землѣ». — Но не всѣ еще Морейскіе Славяне покорились тогда, а только тѣ племена, которыя занимали Ахаію; да и они не разъ еще колебались въ своемъ подданствѣ. Между 830 и 840 г. всѣ Пелопоннисскіе Славяне находились опять въ полной независимости и безпрестанно нападали на греческія селенія. Наконецъ выслали противъ нихъ легіоны изъ Константинополя: «полководецъ Ѳеоктистъ подчинилъ тогда, — такъ пишетъ Константинъ Багрянородный, — всѣхъ Славянъ въ Ѳессаліи и Элладѣ, и Пелопоннисскія племена, которыя никогда еще не были покорены; одни оставались еще свободными Езерцы и Миляне въ Лакедемоніи и Элидѣ, въ неприступныхъ городахъ Пентедактила, Миляне на одномъ склонѣ, Езерцы [2]) на другомъ; но и тѣхъ удалось Ѳеоктисту побѣдить, и онъ наложилъ на нихъ дань, на Милянъ въ 60 монетъ (золотыхъ), на Езерцевъ въ 300». Но потомъ, при императорѣ Романѣ, вдругъ пришло, повѣствуетъ тотъ же историкъ, извѣстіе отъ Коринѳскаго воеводы, что (около 940 г.) Миляне и Езерцы возстали, не хотятъ слушаться воеводы и императорскихъ повелѣній, не принимаютъ князя, котораго воевода имъ назначилъ, отказыватюся давать людей въ военную службу и платить податъ. Посланный въ Пелопоннисъ военачальникомъ Кринитъ получилъ самыя строгія предписанія. Принялся онъ за дѣло въ Мартѣ мѣсяцѣ и до Ноября жегъ и опустошалъ жилища Славянъ; Миляне и Езерцы наконецъ поддались, и принуждены были платить уже по 600 золотыхъ въ годъ. Вскорѣ однако начались между самими Византійскими начальниками въ Пелопоннисѣ замѣшательства, и въ то же время

---

[1]) Грамота патріарха Николая отъ 1081 года, составленная по записямъ Патрской митрополіи; см. Fallmerayer, Gesch. d. H. Morea, 183.

[2]) Замѣчательно, что въ эпоху Византійскую древнее имя Элиды, ἡ Ἠλεῖα или Ἦλις измѣнилось въ форму τὸ Ἕλος, что значитъ именно *озеро* (также прудъ и болото); дѣйствительно, Элида есть самый низменный и богатый водою край Пелопонниса.

вторглись туда, вѣроятно на своихъ ладьяхъ, какіе-то *Славишане* [1]) (Σκλαβησιανοί), т. е. славянскіе поселенцы, водворенные подъ надзоромъ Византійскихъ властей въ сѣверозападномъ углу Малой Азіи, почти насупротивъ Константинополя, въ окрестностяхъ Никеи, Апамеи и древней Трои, и обязанные, за извѣстное жалованье, служить въ Византійскихъ войскахъ. Езерцы и Миляне воспользовались этими обстоятельствами и потребовали у императора сбавки дани. Императоръ Романъ побоялся, чтобы Славяне не соединились съ *Славишанами* и не отторгли совершенно Пелопонниса отъ имперіи; онъ согласился и освободилъ ихъ отъ надбавленной въ послѣднее время подати.

Такъ еще въ половинѣ X вѣка Славяне въ Пелопоннисѣ страшили Византійскаго государя. Что сдѣлалось съ возмутившимися *Славишанами*, неизвѣстно; объ Езерцахъ и Милянахъ съ тѣхъ поръ тоже не слышно. Славянскія племена въ Греціи жили мирно и все болѣе и болѣе сливались съ греческою стихіею. Болгарія объ нихъ не знала. Славянскія племена въ южной Македоніи и Ѳессаліи, менѣе недоступныя, чѣмъ Миляне и Езерцы, которыхъ защищали крутизны Пентедактила, еще скорѣе и легче подчинились Византійской имперіи. Нѣкоторыя изъ нихъ, граничившія съ Болгаріею, платили дань Болгарскому правительству; но оно и объ нихъ, какъ кажется, мало заботилось и предоставляло ихъ греческому вліянію. Выпишу нѣсколько строкъ изъ византійскаго историка Каменіаты: «На богатой хлѣбородной равнинѣ, простирающейся между Солунемъ и Верріею, разбросаны, говоритъ онъ, славянскія деревни. Ближайшія къ Солуню, именно селенія Дреговичей и Сакулатовъ, зависятъ отъ Солунскихъ властей» [2]); «другія на р. Стримонѣ (Струмѣ), составляютъ особую область подъ управленіемъ императорскаго стратига» [3]); «иныя же платятъ дань не вдалекѣ живущему народу Болгарскому [4]). Тѣ и другіе (т. е. Византійскіе и Болгарскіе подданные) находятся въ близкомъ между собою сосѣдствѣ и чрезъ нихъ идутъ торговыя сношенія съ Болгарами, приносящія городу Солуню большія выгоды въ мирное время. Впрочемъ, нападенія этихъ народовъ на Солунь давно прекратились: особенно съ тѣхъ поръ, какъ между ними распространилось христіанство, городъ пользовался совершенною безопасностію». Это извѣстіе историка Каменіаты относится къ послѣднимъ годамъ IX-го и началу X-го вѣка, именно ко времени наибольшаго могущес-

---

[1]) Σκλαβησιανοί: см. объ нихъ Конст. Багр. de adm. imp. 50 и de caerim. II, 44. Область въ которой они были поселены, назывались Ὀψίκιον: см. о ней его же, de them. I. 4.

[2]) Cameniata, 496.

[3]) Cameniata, 514.

[4]) Каменіата вмѣсто *Болгаръ* употребляетъ имя *Скиѳовъ*.

ства Болгаріи при Симеонѣ; и тогда у нея были подъ рукою славянскія племена, которыя платили дань греческому городу, повиновались греческому стратигу! Стоило бы Симеону захотѣть, и Друговичи, Сакулаты и Струменцы перешли бы подъ его державу; но ему было не до нихъ. — У этихъ Македонскихъ Славянъ, завоеваніе которыхъ Греками относится, какъ мы знаемъ, еще къ 688 г., былъ въ IX вѣкѣ воеводою, поставленнымъ отъ Греческаго императора, великій Меѳодій, прежде нежели онъ посвятилъ себя апостольской проповѣди. Струменцы оставались постоянно въ покоѣ и служили въ Греческомъ войскѣ. — Византійская политика придумала весьма дѣйствительное средство для того, чтобы утвердить свое господство въ Македоніи. Императоръ Ѳеофилъ (829—842) принялъ въ свое подданство около 14,000 людей Турецкаго племени, перешедшихъ въ Малую Азію изъ Персіи (гдѣ въ то время кочевали многочисленныя орды Среднеазіатскихъ выходцевъ, въ родѣ нынѣшнихъ Туркменцевъ и Каракалпаковъ). Этихъ дикарей онъ перевелъ въ Европу и поселилъ ихъ въ Македоніи, на р. Вардарѣ, подлѣ Славянъ-Друговичей и Струменцевъ, обязавъ ихъ только къ службѣ въ своихъ легіонахъ. Вотъ происхожденіе такъ-называемыхъ Турокъ-Вардаріотовъ или Персовъ-Вардаріотовъ (оба имени употребляются безразлично), съ IX вѣка неоднократно упоминаемыхъ въ византійскихъ памятникахъ и еще въ XV-мъ сохранявшихъ свою народную особенность, свой языкъ, свою красную одежду и длинныя, узкія шапки, и свое особенное мѣсто въ придворныхъ церемоніяхъ Византійскаго двора [1]). При переселеніи въ Европу, Турки-Вардаріоты были мусульманами; ихъ мало-по-малу обращали въ христіанство, и уже въ X вѣкѣ подъ вѣдѣніемъ Солунскаго митрополита находилась епархія «Вардаріотовъ или Турокъ» (Βαρδαρειωτῶν ἤτοι Τούρκων); богослуженіе совершалось у нихъ на народномъ языкѣ, какъ доказываютъ рукописные отрывки стариннаго перевода Евангелія на Турецко-Татарскій языкъ, найденные Французскимъ путешественникомъ у ихъ потомковъ, употребляющихъ доселѣ это нарѣчіе [2]). Вѣроятно, отъ этихъ Вардаріотовъ произошли поселенія Турокъ въ Охридской области: мы находимъ ихъ тамъ по извѣстіямъ XII вѣка [3]), но эти поселенія образовались, конечно, гораздо прежде. Одна старинная Болгарская рукопись намекаетъ, къ сожалѣнію въ весьма неопредѣлительныхъ выраженіяхъ, на то, что въ Болгаріи существовалъ какой-то магометанскій край и что постановлены были церковныя узаконенія, какъ на случай пе-

[1]) Codinus de offic. aul. Const. — ἐνδύματα ἐρυθρὰ,... ἐπὶ κεφαλῆς δὲ περσικὸν φόρεμα, ἀγγουρωτὸν ὀνομαζόμενον etc. См. о Вардаріотахъ, Tafel, Thessalonica, 79.

[2]) Poucqueville, Voyage de la Grèce, III, 74.

[3]) Anna Comnena IV, 109.

рехода тамошнихъ мусульманъ въ христіанство, такъ и для предупрежденія того, чтобы христіане, селившіеся въ томъ краѣ, не совращались въ магометанство [1]). Можетъ быть, это относится именно къ поселенію турецкихъ выходцевъ въ Охридской странѣ. Какъ бы то ни было, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Турки-Вардаріоты враждовали съ славянскими племенами, среди которыхъ Византія водворила ихъ, какъ непрошенныхъ гостей, и что они служили ей отличнымъ орудіемъ для того, чтобы слѣдить за Славянами, разобщать ихъ и подчинять своей власти.

Около 850 или 860 года Сакулаты почему-то прогнѣвались на греческое начальство; они стали бунтовать и уходить въ горы. Тогда императоръ Михаилъ призвалъ въ Царьградъ ихъ старшинъ; онъ сидѣлъ въ золотой гридницѣ (хрисотриклиніи) на престолѣ, въ коронѣ, облеченный въ багряницу съ золотою каймою, усыпанную дорогими каменьями; привратникъ являлся съ жезломъ, и вводилъ къ императору славянскихъ старшинъ, одного за другимъ, въ сопровожденіи логоѳета (министра); императоръ говорилъ съ каждымъ и отпускалъ его; потомъ тѣмъ же порядкомъ представлялись ему и другіе Славяне изъ Солунскаго округа, и онъ разговаривалъ съ ними и жаловалъ каждому рубаху (ἐσωφορίον) «въ знакъ покорности» (такъ именно говоритъ Константинъ Багрянородный), и отпускалъ ихъ восвояси. Такъ утверждала Византія, силою и ласкою, власть свою надъ разрозненными Славянами въ Ѳракіи, Македоніи и Греціи. Иго было вначалѣ не тяжелое, но соблазнительное. Всякъ, и Грекъ и варваръ, былъ одинаковымъ членомъ государства и могъ дослужиться до высшихъ почестей, достигнуть престола: христіанство скрѣпляло союзъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ купель крещенія сочетала Скиѳовъ съ христіанскимъ народомъ, говоритъ византійскій писатель, и млеко благочестія потекло для обоихъ, прекратилось разореніе городовъ, потерялъ силу губительный мечъ и водворилось мирное общеніе». Есть одно извѣстіе [2]), свидѣтельствующее объ отношеніяхъ Византійской власти къ Славянамъ, занимавшимъ Македонію, въ первыхъ годахъ X вѣка. Въ 904 г. страшная сила Арабовъ подплыла къ Солуню и

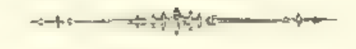
[1]) Вукъ Караджичь, Примјери Српско-Славенскога језика, стр. 7, приводитъ мѣсто изъ пергаменной рукописи Болгарскаго письма (вѣроятно XIV вѣка, какъ мнѣ показалось при видѣ этой рукописи): „Аще кто въ Бльгарѣхъ бѫдеть въ больмытѣхъ (лучше бы можно было прочесть *бохьмытѣхъ*), христіанынь волеѫ вьстѫпить въ бохьмытьскѫѫ вѣрѫ, а не нѫждеѫ. и пакыи приложитсѧ емоу пріити въ христіание и помѣнѫвсѧ, и обратитсѧ въ вѣрѫ христіаньскѫѫ, да таже епитоміѫ доушегоубьнаа ѡтне и матере и доуховьнаго ѡтца и братине и сестрине. Аще кто волеѫ вьстѫпить на крьсть въ бльгарѣхъ или мѫжь или жена и ѡбратитсѧ въ вѣрѫ христіаньскѫѫ да вьсприметь ѡпитоміѫ доушегоубіѧ.

[2]) Cameniata 514 и далѣе.

осадила городъ. Начальникъ Солунскій, Никита, сталъ ободрять испуганныхъ, непривыкшихъ къ оружію жителей: «къ намъ придетъ на помощь, говорилъ онъ, великое множество сосѣдей нашихъ Славянъ (Σκλαβήνων), какъ изъ нашей области, такъ и изъ области Струменскаго воеводы. Это народъ искусный въ стрѣльбѣ изъ лука, такъ что мы не останемся безоружными передъ врагомъ, будетъ у насъ съ чѣмъ встрѣтить его напоръ». — «Онъ тотчасъ принялся за дѣло, говоритъ далѣе византійскій писатель, очевидецъ осады: написавъ письма, разослалъ ихъ по всей окрестности, призывая Славянъ итти скорѣе на помощь, надлежащимъ образомъ вооруженными. Но ихъ явилось только небольшое число, и то люди негодные и неприготовленные къ битвѣ. Это произошло оттого, что эти Славяне были поручены начальству дурныхъ и беззаконныхъ правителей, которые помышляли только о собственной прибыли и неистово брали взятки (δωροληψίαις ἐπιμαινόμενοι). Два и три раза и много разъ писалъ Никита къ Струменскому воеводѣ, выказывая ему, какая на него падетъ отвѣтственность за промедленіе, — Струменскій воевода все-таки не шелъ и никого не слалъ на выручку. Такъ, заключаетъ очевидецъ, обмануты были наши надежды на союзниковъ-Славянъ». Но при всемъ томъ, изъ ближайшихъ мѣстъ Славянъ стеклось въ городъ не мало, и осажденные разставили ихъ въ разныхъ мѣстахъ по стѣнамъ, чтобы мѣтить въ непріятеля стрѣлами. Не долго сражались они такимъ образомъ за Грековъ; при первомъ удобномъ случаѣ они достали ключъ отъ однихъ изъ городскихъ воротъ и ушли, говоря жителямъ, которые хотѣли остановить ихъ, что идутъ звать на помощь свою братью изъ Струменской области. Солунь палъ и сдѣлался жертвою Арабовъ. Могли ли Греки ожидать болѣе усерднаго содѣйствія отъ Славянъ, которыхъ, по собственному своему признанію, притѣсняли и грабили безсовѣстно? Но все-таки эти заброшенныя въ далекомъ краѣ и предоставленныя своему врожденному разъединенію славянскія племена не въ силахъ были избавиться отъ вліянія и власти греческой стихіи, вооруженной силою образованности и государственнаго строя.

Окончательное подчиненіе Пелопонниса около 940 г. завершило Византійское завоеваніе между Славянами на югъ отъ Болгарской границы. Вскорѣ за тѣмъ дошла очередь и до Болгаріи. Цимисхій уже не опасался Македонскихъ и Греческихъ Славянъ, когда шелъ покорять Болгарію. Въ 971 г. не стало государства Болгарскаго, основаннаго завоеваніемъ Аспаруха. Болгарія получила греческихъ начальниковъ и греческіе гарнизоны, точно такъ какъ и другія славянскія области имперіи, какъ Македонія, Ѳессалія, Ливадія, Морея. Слѣдуя примѣру императора Ѳеофила, переселявшаго въ Македонію

Турокъ, Іоаннъ Цимисхій водворилъ значительныя колоніи Армянъ въ южныхъ областяхъ Болгарскихъ, преимущественно въ окрестностяхъ Филиппополя [1]). Лишенный своего правительства и предоставленный самому себѣ, народъ Болгарскій сначала подчинился крѣпкой системѣ Византійской администраціи съ такою же страдательною покорностью, съ какою подчинялись ей славянскія племена подъ Солунемъ и Патрами. — Византія, за два вѣка передъ тѣмъ стѣсненная въ уголкѣ у Босфора и Мраморнаго моря, теперь властвовала надъ Славянами отъ Дуная до оконечности Мореи. Но долго ли понесетъ это иго такая огромная масса славянскаго народа, еще свѣжаго и цѣльнаго, еще неистощеннаго борьбою, еще не переработаннаго византійскою жизнію? Нѣтъ, не долго: онъ возстанетъ, и возстаніе будетъ страшное. Теперь уже общая участь, общее иго византійское, связало народъ Болгарскій, т. е. славянскій народъ въ Болгаріи, съ братьями его, которыми прежнее правительство Болгарское пренебрегло, съ Славянами Солунскими, Ѳессалійскими, Ливадійскими и Морейскими, — и возстанетъ не одинъ народъ Болгарскій, а все Славянство отъ Дуная до Мореи. Трудно будетъ тогда Византіи бороться [2]).

[1]) См. объ этомъ ниже, въ гл. IV-той.

[2]) Слѣдующее къ настоящей главѣ приложеніе, о Славянскихъ поселеніяхъ на Греческой землѣ, помѣщено въ концѣ этого сочиненія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Возстаніе Болгаръ. Первыя дѣйствія Самуила. Освобожденіе славянскихъ племенъ въ греческихъ областяхъ (976—986).

Могущественный Іоаннъ Цимисхій царствовалъ только четыре года послѣ завоеванія Болгаріи. «Еще передъ его смертію явилась, говоритъ лѣтописецъ, длиннохвостая комета и свѣтила болѣе двухъ мѣсяцевъ, предвѣщая близкую смерть императора и неизреченныя бѣдствія, какія готовились государству отъ внутреннихъ войнъ».

Въ 976 г. Цимисхій умеръ. На престолѣ Византійскомъ остался двадцатилѣтній юноша Василій [1]), сынъ императора Романа. Азіатскій военачальникъ Варда провозгласилъ себя императоромъ и долго воевалъ съ полководцами Василія, пока его наконецъ побѣдили и заставили бѣжать къ Арабамъ. Солнце затмилось и звѣзды показались въ полдень: Византія ожидала чего-то страшнаго. Слухъ пронесся по всей землѣ Болгарской, по всѣмъ славянскимъ племенамъ, подданнымъ Византіи, что побѣдителя Цимисхія не стало и что греческія войска заняты междоусобною войною въ Азіи. Болгаре возстали тотчасъ и избрали себѣ въ начальники четырехъ братьевъ, Давида, Моисея, Аарона и Самуила, сыновей одного изъ могущественнѣйшихъ своихъ бояръ [2]). Такъ повѣствуетъ лѣтописецъ Θеофанъ. — Отчего не пред-

---

[1]) Вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Константиномъ.

[2]) Византійцы называли ихъ *комитопулами*, т. е. сыновьями *комита* (латинск. comes). Армянскій историкъ Асохигъ (перев. Эмина стр. 175) означаетъ ихъ подъ тѣмъ же названіемъ (комсадзагъ). Этотъ историкъ прибавляетъ, что Самуилъ былъ родомъ Армянинъ изъ Дерджанскаго округа. Армянское происхожденіе новой Болгарской династіи не представляетъ въ себѣ ничего невозможнаго, ибо мы знаемъ, что еще въ IX вѣкѣ въ Болгарію проникали Армяне (см. выше, стр. 58); однако кажется вѣрнѣе предположить, что эта династія принадлежала къ приверженцамъ павликіанства или богомильства, которое признавалось въ Болгаріи за *Армянскую ересь*, и что историкъ-Армянинъ, услыхавъ объ армянскомъ исповѣданіи новыхъ царей Болгарскихъ, вывелъ изъ этого, будто они были родомъ изъ Арменіи. Ничего въ характерѣ Самуила и его династіи не намекаетъ на иностранное происхожденіе; а есть, напротивъ, указанія, по которымъ мы можемъ заключить, что они едва ли были православные. Вообще разсказъ Асохига о возстаніи Болгаръ противъ Греческой вла-

водили ими преемники прежнихъ ихъ царей? Весь родъ Петра, говоритъ тотъ же Ѳеофанъ, погибъ въ минувшихъ войнахъ; оставались только его два развѣнчанныхъ сына, Борисъ и Романъ, которыхъ держали въ Константинополѣ. Узнавъ о возстаніи въ своемъ отечествѣ, они оба ушли изъ плѣна. Но Бориса, не успѣвшаго снять византійское платье и надѣть болгарское, убилъ на дорогѣ какой-то Болгаринъ, принявъ его за Грека. Романъ (оскопленный въ Константинополѣ по приказанію Цимисхія), прибылъ въ Болгарскій станъ, но принятъ былъ не какъ царь и какъ вождь, а какъ подданный новыхъ, признанныхъ народомъ, правителей. — Это извѣстіе лѣтописца весьма важно. Народъ Болгарскій знаетъ, что въ Константинополѣ живутъ законные наслѣдники престола; но онъ не зоветъ ихъ, не дожидается ихъ возвращенія, а прямо беретъ себѣ въ вожди новыхъ людей; когда внукъ великаго Симеона возвращается на родину, никто объ немъ не заботится, и онъ принужденъ, затаивъ злобу, принять отъ новой династіи, какъ милость, начальство надъ городомъ Скоплемъ [2]) и Скопльскою областію. Такимъ образомъ это возстаніе

сти весьма неточенъ. Онъ начинаетъ съ того, что приписываетъ императору Василію переселеніе въ Македонію Армянъ, для противодѣйствія Болгарамъ, тогда какъ это было дѣломъ Іоанна Цимисхія; тому же Василію присвоиваетъ первоначальное завоеваніе Болгаріи; Самуила называетъ старшимъ изъ братьевъ, предводительствовавшихъ возстаніемъ, тогда какъ онъ былъ младшій. Вотъ его слова: „Императоръ Василій повелъ *комсадцаговъ*, т. е. Самуила и его брата (другой армянскій историкъ Чамчіанъ называетъ этого брата, опять-таки неправильно, Мануиломъ: см. Эмина, тамъ же) съ твардейскими своими полками въ Македонію на войну противъ Булхаровъ. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, они отложились отъ Греческаго императора, перешли къ царю Булхарскому Курту, и какъ мужи храбрые, достигли высокихъ почестей. Послѣ того Греческій царь Василій взялъ на войнѣ Булхарскаго царя Курта, а *комсадцаги*, завладѣвъ всею Булхарскою страной, возстали жестокою войною противъ Греческаго императора“. — Имя *Куртъ*, по замѣчанію г. Эмина, можетъ значить „скопецъ“; у другаго Армянскаго историка, Самуила Анійскаго, Болгарскій царь, низложенный Василіемъ, названъ также Алусіаномъ: „Императоръ Василій, сказано въ хронографѣ Самуила Анійскаго подъ 995 г., пошелъ на Булхарію, откуда принужденъ былъ бѣжать. По прошествіи шести лѣтъ онъ собралъ большое войско и снова пошелъ: схватилъ Булхарскаго царя *Кута, онъ же Алавсіанъ*, и извелъ его смертоноснымъ ядомъ; жену и сыновей отвелъ въ плѣнъ“. Во всѣхъ этихъ Армянскихъ извѣстіяхъ первое завоеваніе Болгаріи Цимисхіемъ спутано съ эпохою царствованія Василія и съ позднѣйшими событіями, въ которыхъ является Алусіанъ, сынъ Аарона, старшаго брата Самуилова. Любопытно впрочемъ, что Армянскіе историки занимаются довольно подробно дѣлами Болгаріи въ концѣ X-го и XI-мъ вѣкѣ, тогда какъ они вообще не упоминаютъ о событіяхъ у иностранныхъ народовъ, когда эти событія не имѣютъ какого либо отношенія къ Арменіи, да и о самой Болгаріи почти не говорятъ прежде этого времени. Видно, что учрежденіе Цимисхіемъ армянскихъ колоній на границахъ Болгаріи обратило вниманіе Армянъ на эту страну и они стали записывать о ней извѣстія. Только извѣстія эти путались, и этимъ объясняется неточность показаній Асохига и другихъ армянскихъ историковъ о болгарскихъ дѣлахъ.

[2]) Теперь по-турецки Ускюпъ, въ Македоніи.

Болгарскаго народа соединено съ явнымъ отреченіемъ отъ его прежняго правительства. Народъ Болгарскій идетъ за новыми вождями. И дѣйствительно, въ немъ, мы увидимъ, какъ будто бы началась какая-то новая жизнь.

Возстаніе, безъ сомнѣнія, готовилось еще при Цимисхіи: ибо, по свидѣтельству лѣтописца, оно вспыхнуло при первой вѣсти объ его смерти.

Куда дѣвались Греческіе гарнизоны, оставленные Цимисхіемъ въ Болгаріи? Объ нихъ больше не говорится. Вѣроятно они частью были перерѣзаны или ушли, частью же, сдавшись Болгарамъ, были приняты въ ряды ихъ войска [1]). Дерстръ (Силистрія), можетъ быть, держался еще. Но возстаніе приняло характеръ общей народной войны: царевича Бориса подстрѣлили на дорогѣ, именно потому, какъ говоритъ лѣтописецъ, что онъ былъ одѣтъ по-гречески.

Гдѣ средоточіе возстанія и гдѣ будетъ главное поприще войны съ Греками? Родина новыхъ вождей Болгарскихъ — городъ Терновъ на Янтрѣ, въ срединѣ собственной Болгаріи. Столица возобновленной Болгаріи будетъ уже не на востокѣ, въ Балканахъ, гдѣ былъ престолъ прежней династіи, а на западномъ краю Болгарской земли, въ Преспѣ близъ Охридскаго озера. Главныя силы новой Болгаріи будутъ сосредоточиваться въ Срѣдцѣ (Софіа), въ Скоплѣ, Прилѣпѣ, Охридѣ, Струмницѣ, Могленѣ, Меленикѣ, Островѣ, Воденѣ, и другихъ городахъ Македоніи и Албаніи. Вотъ гдѣ сердце новой Болгаріи, въ областяхъ Загорской и Котокійской [2]), которыя, не вошедши въ составъ первоначальныхъ завоеваній орды Аспаруховой, были, конечно, наименѣе затронуты пришлою стихіею заволжскихъ Болгаръ завоевателей и потомъ почти всегда оставались въ сторонѣ при борьбѣ Болгарскихъ государей съ Византіею. Сѣверо-восточная часть Болгаріи у Чернаго моря, между Дунаемъ и Балканами, бывшая дотолѣ основою Болгарской державы, теперь стала совершенно въ тѣни за этими свѣжими славянскими землями, впервые выступавшими на поприще исторической борьбы. Поле кровавыхъ битвъ Святослава съ Цимисхіемъ, старая, Придунайская и Черноморская Болгарія какъ будто истощилась и омертвѣла. Мы знаемъ, что города ея, Прѣславъ Великій, Прѣславецъ, Бдынь (Видинъ) и Плесковъ признали власть новаго государя Болгарскаго Самуила [3]); но что

---

[1]) См. Кедрина II, 436 (по Боннскому изд.).

[2]) Подразумѣваю подъ именемъ *Загорія* въ обширномъ смыслѣ всю прилегающую къ Балканскому хребту часть Ѳракіи; имя Котокіе означало, какъ кажется, болгарскую часть Македоніи и средней Албаніи (сравн. выше, стр. 76).

[3]) Нишъ, кажется, въ началѣ отъ него не зависѣлъ; см. ниже, дарственную запись Ипичія.

сталось съ Дерстромъ, съ Варной, съ Месемвріей, съ Анхіаломъ, этими главными крѣпостями и пристанями Симеона? Объ нихъ нѣтъ и помину. Жизнь Болгаріи перешла съ Дуная и Черноморья въ поля Македоніи и долины средней Албаніи.

Первыя событія въ возродившейся Болгаріи не описаны въ византійскихъ хроникахъ. Онѣ говорятъ только, что возстаніе произошло тотчасъ послѣ смерти Цимисхія (976), и потомъ переходятъ къ разсказу о происшествіяхъ, случившихся нѣсколько лѣтъ спустя, когда Греческій императоръ пошелъ войною на Болгаръ. Это весьма понятно: первые годы царствованія Василія II были заняты усмиреніемъ легіоновъ, возмущенныхъ воеводою Вардою; противъ Варды посланы были въ Азію всѣ вѣрныя императору войска; на эту войну было обращено исключительно вниманіе Цареградскихъ жителей. Что̀ дѣлалось въ Болгаріи, ихъ не занимало, пока императоръ Василій не рѣшился вступить съ нею въ борьбу. Вотъ почему современный цареградскій лѣтописецъ и не счелъ за нужное разсказывать намъ о дѣлахъ, казавшихся ему не важными, какъ-то о ходѣ Болгарскаго возстанія, объ устройствѣ новаго государства Болгарскаго, о завоеваніи того или другаго края. На все это онъ только намекнулъ въ нѣсколькихъ общихъ словахъ. — Мы не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ города Охридъ, Преспа, Скопле, Срѣдецъ (Софіа), Терновъ, Прѣславъ, однимъ словомъ вся средняя, нагорная полоса Балканскаго полуострова освободилась отъ Грековъ и стала подъ скиптромъ новой народной династіи. Когда императоръ Василій пошелъ на Болгаръ, всѣ эти города находились уже въ ихъ рукахъ.

Весьма неточнымъ кажется тоже въ повѣствованіи Византійцевъ извѣстіе, будто бы четыре брата-боярича были, при возстаніи Болгаръ, тотчасъ избраны и признаны за вождей. Возстаніе это не было частною попыткою какой нибудь шайки, а общимъ, всенароднымъ дѣломъ. Весь ходъ послѣдующихъ событій доказываетъ это. Кто же сдѣлался государемъ новой Болгаріи? Царевичу Роману она не присягнула, стало быть народъ уже призналъ или по крайней мѣрѣ имѣлъ въ виду признать какого нибудь другаго правителя, и притомъ одного, а не нѣсколькихъ: предполагать иначе, значило бы противорѣчить всѣмъ явленіямъ Болгарской исторіи. — Кто былъ отецъ четырехъ братьевъ, вождей Болгарскихъ?

Вспомнимъ, что еще во время перваго похода Русскаго князя Святослава въ Болгарію, противники династіи Аспаруховой и византійскаго вліянія возбудили мятежъ въ народѣ. Во главѣ возстанія были тѣ же четыре боярича, которые являются предводителями Болгаръ послѣ смерти Цимисхія. Кажется, что тогда же (въ 968 г.) отецъ ихъ провозглашенъ былъ царемъ. Отца ихъ древнія извѣстія, къ со-

жалѣнію весьма неопредѣлительныя и сбивчивыя, называютъ двумя именами: Шишманомъ и Мокромъ. [1]) Торжество Цимисхія на нѣсколько времени подавило стремленія этого боярскаго рода и заглушило имена народныхъ вождей Болгарскихъ. Вѣроятно, они скрылись гдѣ нибудь въ горахъ Албаніи, за Охридомъ, и при первомъ удобномъ случаѣ возобновили тамъ свои дѣйствія противъ Грековъ. Нѣтъ сомнѣнія, что новымъ царемъ Болгарскимъ былъ могущественный бояринъ Шишманъ-Мокръ, отецъ Давида, Моисея, Аарона и Самуила. Царемъ Болгарскимъ именуетъ его и Анна Комнина и одна древняя запись, принадлежавшая церкви св. Михаила въ Солинѣ (Salona, близъ Сплѣта — Spalatro — въ Далмаціи). Современные византійскіе лѣтописцы не упоминаютъ о царѣ Шишманѣ-Мокрѣ, родоначальникѣ новой Болгарской династіи. Почему? Потому что они пропустили, какъ я сказалъ, всѣ событія, совершившіяся въ Болгаріи отъ начала возстанія до вмѣшательства императора Василія въ 986 г. А тогда уже Шишмана-Мокра не было на свѣтѣ. Вотъ что гласитъ упомянутая Далматинская запись:

«Въ 994 году, 9 Февраля, когда царствовалъ святотатственный и беззаконный царь (imperator) Стефанъ (это второе имя Самуила) [2]) въ землѣ Болгаръ и въ прочихъ краяхъ. Вотъ я Пинчій [3]) отмѣтилъ и записалъ на память потомкамъ нашимъ, что мы, будучи сродниками царя Стефана, часто упрекали его въ преступленіи имъ совершенномъ: ибо онъ ослѣпилъ своего отца, а нашего дядю, благочестиваго, христолюбиваго, праведнаго государя царя (imperatorem) Шишмана. Посему онъ изгналъ насъ, братьевъ и сродниковъ своихъ,

---

[1]) Сравн. выше, стр. 143, 145. Имя Мокра, отца Самуила и братьевъ его сохранила Анна Комнина, VII, 3. ἀφ' οὗ δὲ Μόκρος ὁ τῶν Βουλγάρων βασιλεὺς καὶ οἱ ἐξ ἐκείνου γενόμενοι καὶ προσέτι γε Σαμουὴλ ὁ τελευταῖος τῆς Βουλγαρικῆς δυναστείας, καθάπερ ὁ Σεδεκίας τῶν Ἰουδαίων, τῆς ἑσπέρας κατέδραμον. Имя царя Болгарскаго Мокра и вообще личность отца Самуилова, имѣвшаго однако очевидно великое значеніе въ Болгарской исторіи, до того загадочны и темны, что, развѣ при открытіи новыхъ источниковъ, удастся узнать о немъ что-нибудь положительнѣе. Впрочемъ, не должно удивляться, что одно и то же лицо является въ историческихъ памятникахъ съ двойнымъ именемъ; таковъ былъ обычай того времени въ Болгаріи, какъ видно изъ многихъ положительныхъ извѣстій.

[2]) Что этотъ Болгарскій царь *Стефанъ* то же лицо, что Самуилъ, несомнѣнно при свидѣтельствѣ хронологическихъ и историческихъ данныхъ. Я уже сказалъ, что тогдашніе Болгаре носили часто два, а иногда и три имени. Племянникъ Самуила назывался *Владиславомъ* и *Іоанномъ;* сынъ Самуиловъ — *Радоміромъ* и *Романомъ*. Этотъ Радоміръ-Романъ, кромѣ славянскаго и греческо-христіанскаго имени, имѣлъ еще третье, еврейское, *Гавріилъ* (Cedren. II, 458). Подобно Гавріилу-Роману, и отецъ его носилъ одно имя еврейское, а другое греческое. Его славянское имя, если было, не дошло до насъ.

[3]) *Pincius:* вѣроятно, онъ принялъ это имя, звучавшее по-римски, при вступленіи въ Западную церковь.

изъ отечества нашего, земли Болгарской, изъ города Тернова, и возвеличилъ людей лживыхъ и злодѣевъ. Отецъ же его, будучи слѣпъ, укорялъ его въ томъ, что онъ изгналъ насъ; а онъ удавилъ его, и остался подъ отцовскимъ проклятіемъ. Мы же прибыли въ Нишъ, и потомъ, удалившись оттуда, перешли въ землю Хорватскую, къ свѣтлѣйшему и благочестивому королю Держиславу; и онъ принялъ насъ благосклонно и пріютилъ насъ, какъ добрый и милосердый государь, и отвелъ намъ жилища въ предмѣстьѣ Клиша [1]). Здѣсь мы и остались, и приняли истинную католическую вѣру по ученію Римской церкви» и т. д. [2]).

Вотъ какая драма разыгралась тогда во Терновѣ. Вотъ какимъ злодѣяніемъ открывается новая страница въ исторіи несчастнаго народа Болгарскаго. И этотъ отцеубійца долженъ вести его къ побѣдамъ и къ новой исторической жизни!

Погибъ ли Шишманъ въ самомъ началѣ возстанія, или видѣлъ первые его успѣхи, объ этомъ мы ничего не знаемъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что онъ не долго оставался во главѣ освободившейся Болгаріи. Иначе трудно бы было объяснить молчаніе объ нѣмъ въ византійскихъ лѣтописяхъ.

Самуилъ-Стефанъ былъ младшій сынъ Шишмана; но онъ былъ самый воинственный и властолюбивый. Изъ властолюбія онъ ослѣ-

---

[1]) Теперь крѣпостца Клисса близъ Сплѣта (Спалатро).

[2]) Этотъ важный документъ изданъ Фарлатомъ (Illyr. Sacr. II, 11). Вотъ латинскій текстъ, выписанный имъ изъ архива Сплѣтской митрополіи: In Christi nomine Amen. Ab incarnatione domini nostri Jesu Christi anno noningentessimo nonagesimo quarto die vero nona mensis Februarii; tempore quo regnabat sacrilegus et profanus. Imperator Stephanus in terra Bulgarorum in caeterisque regionibus. En ego vir Pincius notavi et scripsi ad memoriam pesterorum nostrorum, quatenus nos cum essemus consanguinei Stephani Imperatoris, saepius ipsum propter ejus delictum redarguimus; excaecaverat enim patrem suum, patruum autem nostrum probum dominum Christicolam justum Sismanum Imperatorem. Quapropter nos fratres ac propinquos suos ex patria nostra fugavit et expulit de terra videlicet Bulgarorum ex urbe Tarnova, exaltavit vero mendaces ac rebelles. Pater autem ejus caecus existens increpavit ipsum de expulsione nostra; at ipse strangulavit eum, et remansit in patris maledictione. Nos autem venimus Missiam (читай Nissiam), et inde recedentes pervenimus Chroatiam ad illustrissimum et probum regem Dircislavum. At ille nos benigne recepit et adjuvit tamquam bonus ac benignus dominus, et collocavit in suburbio Clysii. Illic igitur remansimus et recepimus veram fidem Catholicam secundum institutionem Romanæ eccelesiae. Слѣдуетъ извѣстіе о томъ, какъ Пинчій съ своими братьми „Armonio, Pollemio, Celestino“, съ сестрою „Murca“, съ племянниками „Tetralo, Martino, Alexandro, Ioanne, Paulino, Georgio, Pancratio,“ и съ сыномъ своимъ „Pleso“ рѣшились построить въ Солинѣ церковь св. Архистратига Михаила, и о распоряженіяхъ ихъ для этой постройки. Сохранилось въ Сплѣтѣ еще нѣсколько другихъ дарственныхъ записей Пинчія и его родственниковъ и потомковъ въ пользу той же церкви. Члены этого изгнаннаго болгарскаго рода были въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій настоятелями Солинской церкви св. Михаила. Все это вполнѣ подтверждаетъ подлинность приведенной выше грамоты.

пилъ, а потомъ задушилъ роднаго отца: способенъ ли онъ былъ пощадить братьевъ? Судьба помогла его намѣреніямъ. При самомъ началѣ возстанія, старшаго брата Давида убили, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, между Касторіею и Преспою [1]) какіе-то прохожіе Влахи: первое историческое извѣстіе о Македонскихъ Романцахъ, показывающее притомъ, въ какомъ замѣшательствѣ находился тогда этотъ край, только что свергнувшій съ себя власть Грековъ, и какъ Влахи были нерасположены къ Болгарамъ. Не держали ли они сторону Византія противъ Славянъ? Дѣло было бы понятное; къ сожалѣнію источники наши не даютъ намъ возможности судить о тогдашнихъ взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ народностей, перемѣшанныхъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Погибшаго такимъ образомъ въ нечаянной стычкѣ Давида Болгарскій народъ чтилъ потомъ какъ святаго. Преданіе именовало его царемъ Болгарскимъ. Носилъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько времени царскій вѣнецъ послѣ гибели Шишмана, этого нельзя ни утверждать, ни отрицать; онъ имѣлъ на него право, какъ старшій сынъ; но могъ ли Самуилъ, убивши отца своего изъ желанія царствовать, допустить, чтобы его преступленіе послужило въ пользу другаго? — Во всякомъ случаѣ, скорая смерть Давида отстранила совмѣстничество.

Возстаніе далеко подвинулось. Оно перешло отъ Преспы и Касторіи, т. е. отъ границъ Албаніи, въ восточную часть Македоніи и угрожало уже Адріанопольской области. Болгаре осадили г. Сѣръ (Серресъ). Другой сынъ Шишмановъ, Моисей, велъ осаду, и тутъ его убило камнемъ, брошеннымъ съ городской стѣны. Сѣръ однако былъ взятъ, и многія другія крѣпости въ этой странѣ, Веррія, Сербчище или Сервія, Водена, Островъ и т. д. [2]). Вся Македонія, за исключеніемъ Солуня, занята была Болгарами. Власть ихъ, уже при самомъ началѣ возстанія, распространилась гораздо далѣе границъ прежняго Болгарскаго царства.

У Самуила между тѣмъ оставался только одинъ соперникъ, третій братъ его Ааронъ. «Потому-ли, разсказываетъ лѣтописецъ, что онъ расположенъ былъ, какъ увѣряютъ, въ пользу Римлянъ (т. е. Византійцевъ), или потому что онъ хотѣлъ захватить власть въ свои руки, Самуилъ его убилъ со всѣмъ его родомъ, въ мѣстѣ, называемомъ Раметаница, 14-го Іюля [3]). Одинъ лишь сынъ его Владиславъ,

---

[1]) Въ мѣстѣ называемомъ у Прекрасныхъ деревьевъ, πρὸς τὰς καλὰς δρῦς.

[2]) О взятіи всѣхъ крѣпостей въ этомъ краѣ свидѣтельствуетъ въ общихъ словахъ лѣтописецъ Ѳеофанъ. Какія именно были важнѣйшія крѣпости, доставшіяся Болгарамъ, видно изъ разсказа о слѣдующихъ войнахъ.

[3]) Годъ въ точности неизвѣстенъ, также какъ положеніе Раметаницы.

онъ же Іоаннъ, спасенъ былъ сыномъ Самуиловымъ Радоміромъ-Романомъ [1]). И сталъ Самуилъ единодержавнымъ государемъ всей Болгаріи». Впрочемъ, въ послѣдствіи, слишкомъ 50 лѣтъ спустя, появляется въ исторіи другой сынъ Аарона, Алусіанъ.

Принесши въ жертву своему властолюбію отца и брата, Самуилъ повелъ Болгаръ въ далекіе походы. «Онъ пронесся съ ними, — выписываю изъ того же лѣтописца Ѳеофана, — по всему Западу (т. е. во всему Балканскому полуострову), простирая свои набѣги не только на Ѳракію, Македонію и на окрестности Солуня, но проникая даже въ Ѳессалію, Элладу (т. е. Ливадію) и Пелопоннисъ. И онъ овладѣлъ тутъ многими крѣпостями, изъ коихъ важнѣйшая была Ларисса; жителей ея онъ со всѣмъ домомъ переселилъ во внутрь Болгаріи и, включивъ въ списки своихъ войскъ, употреблялъ ихъ въ походахъ противъ Римлянъ (т. е. Византійцевъ). Онъ вывезъ изъ Лариссы мощи св. Ахиллія епископа и положилъ ихъ въ Преспѣ, гдѣ была его столица» [2]).

Много тяжелыхъ войнъ вели Болгаре съ Греками, много побѣдъ одерживали, много разъ стояли подъ Адріанополемъ, подступали къ Цареграду, но никогда еще не заходили такъ далеко на югъ. Иногда посылались Тервелемъ и Крумомъ, Омортагомъ и Симеономъ легкіе отряды для разоренія южныхъ областей греческихъ; но отряды эти именно только *разоряли* поля Македоніи и Ѳессаліи, и не подступая къ крѣпкимъ греческимъ городамъ, возвращались съ своею добычею. Теперь, едва только поднято знамя возстанія противъ власти Грековъ, мы находимъ сыновей Шишмана — одного подъ Касторіею, другаго осаждающаго Сѣръ: Сѣръ — это ключь къ Солунскому краю, къ Архипелагу, а Касторія лежитъ на дорогѣ изъ Самуиловой столицы Преспы въ Ѳессалію. Братья Самуиловы погибли, но Касторія и Сѣръ были взяты, завоевана была вся Македонія, затѣмъ пала и Ларисса, главная твердыня Ѳессаліи. Очевидно, дѣло шло уже не о мимолетномъ набѣгѣ, а о низверженіи греческой власти въ занятыхъ Славянами областяхъ между Адріатикою и Архипелагомъ. Вызвано общее возстаніе Славянъ, и оттого вся страна такъ быстро передается Самуилу. Поднялась народная волна, и она все поглощаетъ. Гре-

---

[1]) Онъ же Гавріилъ, Cedr. 458.

[2]) Преспой называется нынѣ край около Преспинскаго озера (лежащаго къ юго-востоку отъ озера Охридскаго); столица Самуилова занимала, вѣроятно, островъ, называемый нынѣ Градъ или Градиште, гдѣ, по свидѣтельству г. Григоровича, находятся развалины сорока церквей и монастырей, и лежащую насупротивъ этого острова мѣстность на перешейкѣ между Преспинскимъ озеромъ и озеромъ Вентрокъ, гдѣ нынѣ лежитъ село Агиль, названіе котораго произошло, очевидно, отъ церкви св. Ахиллія (см. Григоровича, Путеш, по Европ. Турціи, стр. 134).

ческіе гарнизоны сдаются, и ихъ приписываютъ къ Болгарскимъ полкамъ (какъ эти гарнизоны состояли преимущественно изъ Славянъ и разныхъ наемниковъ: Варяговъ, Армянъ, Мусульманъ, то Самуилъ имѣлъ такое же право расчитывать на ихъ вѣрность, какъ Византійскій императоръ).

Самуилъ направлялъ свои полки по новой дорогѣ, по которой не ходилъ никто изъ его предшественниковъ. Прежніе Болгарскіе государи шли неизмѣнно изъ-за Балкановъ къ осадѣ Филиппополя и Адріанополя, и, взявъ эти крѣпости послѣ великихъ усилій, подступали съ истощеннымъ войскомъ къ необоримымъ для нихъ стѣнамъ Византіи. Самуилъ оставилъ Грекамъ Филиппополь и Адріанополь и только летучими отрядами безпокоилъ Ѳракію, а главныя силы постоянно двигалъ на югъ, гдѣ жило массами славянское народонаселеніе, еще не привыкшее къ господству чужой народности. Даже близорукіе лѣтописцы византійскіе замѣтили его стремленіе, замѣтили, что онъ искалъ въ южныхъ областяхъ имперіи не временной добычи, а прочнаго завоеванія. «Безнаказанно, говоритъ Зонара, обходилъ Самуилъ западные края имперіи (западными краями назывались въ Константинополѣ Македонія, Албанія, Ѳессалія и Греція), *не только опустошая, но подчиняя области и города своей державѣ* [1])».

Съ помощью народныхъ силъ славянскихъ, народнаго сочувствія, дѣйствія Самуила въ короткое время превзошли своимъ успѣхомъ всѣ многолѣтнія усилія такихъ завоевателей, какими были Крумъ и Симеонъ. Отъ Дуная царство Болгарское простерлось, черезъ Прѣславъ, до границъ Ѳракіи, черезъ Охридъ до Адріатическаго моря, черезъ Меленикъ, Сѣръ и Веррію до Архипелага, черезъ Лариссу до Ѳермопилъ. Полки Самуила, овладѣвъ всѣмъ Эпиромъ до Арт-

---

[1]) Въ славянскомъ переводѣ хронографа Зонары событія эти изложены слѣдующимъ образомъ (привожу текстъ по рукописи сербской редакціи XV вѣка, принадлежавшей монастырю Грачаница на Косовомъ полѣ): „Бльгаре же подвигошесе пáкы, понѥже ѹвѣдѣше ѥако ѹмрѣть цимискыи прѣдаше господьство бльгарское, д—мь брáтіамь. давид мѡусею аарóнѹ и самѹилѹ нарицахѹ же се.си и комитопѹли. зáнѥ бѣхоу сынове едного кнéза бльгарскаго, нарицаемаго кóмить. ѥлици же бѣхѹ ѿ рóда царскаго погыбоше вьси. ѥдинь тьчію ѿ ѿрочеть пéтровѣхъ ѡста. бѣ же и ѡнь скопьць. сице же прѣемшимь четиримь братіамъ господство. давидь ѹбѡ вьскоре ѹмрѣть. мѡуси же пришьд обьступивь сѣрь, и вьнѥгда начеть брáтисе ѹбише сего каменомь тѹ и ѹмрѣть. аарона же вьсма погѹби самѹиль съ родомь своимь. погыбшим же симь тремь братіамь. прѣеть царство бльгарское самѹиль. прьвѣ бо покѹшашесе трéтіи брáть ааронъ прѣети сіѐ, или грьчьскыи быти. сéго ради сáмѹиль въсмà погѹбы аарона. тьчію ѥдинь сынь его ѡста, нарицаемыи иѡань свѣтыслàвь (*такъ* Σφενδοσθλαβος, *названъ онъ ошибочно и въ греческомъ текстѣ Зонары*). прѣем же самѹиль самь царство вьсе бльгарское, и ѡбрѣте отрадѹ. понѥже рымлѧне имѣаху мѣждѹ собою рать. плѣноваше и прѣемлѧше вьсе западные страны и грады“.

скаго залива [1]), вступали уже на древнюю почву Эллады. Коринѳская крѣпость не удержала ихъ; они проникли и въ Пелопоннисъ, освобождая и тамъ славянскія племена отъ Византіи [2]).

[1]) Городъ Никополь (близъ Превезы) со всею окрестностью принадлежалъ Болгарамъ: Кедринъ II. 530.

[2]) Объ этомъ походѣ упоминаетъ между прочими житіе св. Никона, современника императора Василія II (см. Baronius, XVI, 225): „Non longo post tempore Basilius cognomento Apocaucus, prætoris munere nuper auctus, Corinthi versabatur, isthmumque illum præsidio contra Bulgaricos incursus tuebatur. Graviter autem illum angebat non solum molestus ac difficilis, quo tenebatur, sed multo magis urgens metus et pavor Bulgaricæ incursionis, fama gliscente, gentem illam toto Epiro grassatam, in Helladem atque in Peloponnesum copias convertere. Proinde missis Spartam nunciis Apocaucus Niconem avocarat. Enimvero compleverant ejus aures, quæ de illo passim narrabantur, præcipue quæ de summa illius in Deum fiducia et libertate acceperat. Ex quo autem virtutis ejus illecebris capi cœperat, beatum ejus vultum cernere, vocemque audire, votis omnibus gestiebat. Semper enim apud omnes gentes in pretio et veneratione fuit vera philosophia. Divinus quidem vir charitate præstans, Apocauci petitionem propenso animo accipiens, antiquius nihil hábuit quam ut Corinthum celerrime contenderet. Quo appellens, non solum morbo ægrum sua præsentia liberavit, sed metu etiam et terorre Bulgarorum, illos alio cursum suum flexisse significans. Ita omni ex parte facta est jucunda Basilio Niconis oratio“.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Первый бой Самуила съ Византіею. — Столкновеніе съ Сербами.

Дѣло шло для Византіи о жизни и смерти. Она выставитъ послѣдняго человѣка, употребитъ послѣдній динарій, чтобы одолѣть возставшихъ вокругъ ея Славянъ. Для этой борьбы она откажется отъ всякихъ другихъ предпріятій [1]), купитъ какими угодно пожертвованіями миръ съ прочими сосѣдями. Сорокъ лѣтъ будетъ «порфирородный» императоръ противоборствовать Болгарамъ, безчисленные труды и битвы не утомятъ его. Который же изъ бойцовъ одолѣетъ? Одолѣетъ ли тотъ, кто ведетъ силу молодаго, кипучаго народа, или тотъ, кто владѣетъ искусствомъ старой, многоопытной державы?

Велика была сила Самуила Болгарскаго, но сила дикая, нестройная. Слишкомъ быстро образовалось подъ его рукою огромное государство Задунайскихъ Славянъ. Племена въ Македоніи и Албаніи, въ Ѳессаліи, въ Балканахъ, у Дуная и у Чернаго моря могли ли въ нѣсколько лѣтъ крѣпко сростись въ одинъ народъ и такъ глубоко проникнуться духомъ единства, чтобы твердо стоять заодно противъ врага, независимо отъ случайнаго существованія вождя, который умѣлъ собрать ихъ подъ своимъ знаменемъ? Нѣтъ: этотъ союзъ былъ вспышкою чувства общаго раздраженія, а не зрѣлымъ плодомъ опыта и сознанія народнаго. Эта минутная вспышка Задунайскихъ Славянъ вызвала неутомимаго, отважнаго бойца, которому народъ отдалъ себя, и который сталъ необходимъ для народа. И кто былъ этотъ человѣкъ? Отцеубійца, братоубійца, злодѣй, — будетъ ли данъ ему успѣхъ? И будетъ ли данъ успѣхъ тѣмъ поколѣніямъ, которыя пошли за такимъ вождемъ? Страшное, очевидное проклятіе лежало на Са-

---

[1]) Michaël Attaliota. 229. ὁ κύριος Βασίλειος ὁ πορφυρογέννητος, ὃς τεσσαρακοστὸν ἔτος τοῖς Βουλγάροις ἀντιτασσόμενος, καὶ μυρίοις πόνοις καὶ ὅπλοις ἀντιπαραταττόμενος.... Cedren. II. 489. Βασίλειος πρότερον μὲν ὑπὸ τῶν ἐμφυλίων ἀσχολούμενος πολέμων, ὕστερον δὲ καὶ τοῖς κατὰ τοῦ Σαμουὴλ ἔργοις προςλιπαρῶν, οὐκ ἔσχεν εὐκαιρίαν καλῶς καὶ ὡς ἐνεδέχετο τὰ ἐν τῇ ἕω κατασφαλίσασθαι, ἀλλ' ὅσον ἐν φαντασίᾳ γενόμενος ἐκεῖσε, καὶ ὡς ὁ καιρὸς ἀπῄτει ταῦτα καταστησάμενος εἶθ' ὑποστρέψας καὶ ἀσχολίαν ἔμμονον ἔχων καὶ φροντίδαντὸ τῶν Βουλγάρων ὑποτάξαι γένος...

муилѣ и на томъ народномъ дѣлѣ, за которое онъ боролся. Божья кара преслѣдовала его и несчастный народъ, который ему ввѣрился. На всѣхъ концахъ своего обширнаго государства сражался Самуилъ съ отчаянною храбростью, народъ Болгарскій напрягалъ всѣ усилія, приносилъ безчисленныя жертвы, одерживалъ побѣды, и со всѣмъ тѣмъ нигдѣ не находилъ прочнаго успѣха, пораженіе противниковъ не приносило пользы, государство Болгарское разрушалось со всѣхъ своихъ концовъ. — Двѣсти лѣтъ общенія съ Византіею и Византійскаго вліянія лишили Задунайскихъ Славянъ чистоты, нравственной твердости и истинной доблести. Самуилъ и его сподвижники не были лучше и нравственно выше Грековъ. Они заимствовали у Грековъ ихъ оружіе, злодѣяніе и коварство. Но этимъ оружіемъ одряхлѣвшіе Греки того времени защищали начала образованности христіанской и благоустройства государственнаго, наслѣдованныя отъ прежнихъ вѣковъ. А могла ли справедливость судьбы допустить, чтобы этимъ оружіемъ злодѣянія и коварства защищались Славяне, призванные обновить и осуществить начала, которыя Византія хранила, но которыхъ не въ силахъ была приложить къ жизни?

Трудно было однако вначалѣ Византіи подняться на Самуила. Долго собиралась она съ силами. Императоръ Василій не чувствовалъ себя крѣпкимъ на престолѣ, и пока ему грозило возмущеніе Малоазіатскаго воеводы, онъ боялся вступать въ опасную борьбу съ Болгарами. Только въ 981 г., когда внутреннія смуты казались усмиренными и можно было вызвать полки изъ Малой Азіи, онъ рѣшился открыть войну съ Самуиломъ [1]). Онъ повелъ все свое войско. Изъ Константинополя онъ шелъ на Филиппополь, который, какъ мы сказали, не былъ тогда занятъ Болгарами. Оттуда, подвигаясь по большой дорогѣ, которая проходитъ между р. Марицею и цѣпью Родопскихъ горъ (Деспото-дагъ), онъ прошелъ то ущелье Высокаго Балкана, которое теперь называется Дѣвичьимъ (Кызъ-дербентъ) [2]). Отчего Болгаре пустили его въ ущелье? Хотѣли ли они нарочно за-

---

[1]) Армянскій историкъ Асохигъ (перев. Эмина, стр. 175) этому походу предпосылаетъ слѣдующій разсказъ: „Булхарія просила царя Василія отдать сестру свою за мужъ за ея царя. Императоръ въ сопровожденіи митрополита Севастійскаго (Севастія — нын. Сивасъ въ Малой Азіи) отправилъ къ Булхарамъ какую-то женщину изъ своихъ подданныхъ, похожую на сестру свою. По прибытіи той женщины въ землю Булхаровъ, узнали кто она, и потому осудили митрополита, какъ прелюбодѣя и обманщика; цари Булхарскіе сожгли его, обложивъ хворостомъ и соломой". Болгарскіе цари, которымъ Асохигъ приписываетъ эту страшную жестокость, были Самуилъ и его братъ. Гибель митрополита Севастійскаго Армяне считали возмездіемъ за гоненія, которымъ онъ подвергалъ ихъ единовѣрцевъ, жившихъ въ его епархіи, за сопротивленіе постановленіямъ Халкидонскаго собора.

[2]) На сѣверъ отъ Татаръ-базарджика, по дорогѣ къ Ихтиману. См. описаніе его у Ami Boué. Itin. I. 68.

манить его въ глубь своей земли, или, занятые дѣлами на югѣ, позабыли о защитѣ Балкановъ? Первое кажется болѣе вѣроятнымъ, потому что Самуилъ уже успѣлъ воротиться изъ Мореи и ждалъ Грековъ за Балканами. Императоръ поручилъ одному изъ своихъ полководцевъ, Льву Мелиссину, оберегать оставленныя имъ въ тылу тѣснины, а самъ, переваливъ на сѣверный склонъ Балканскаго хребта, черезъ узкую скалистую, покрытую лѣсомъ дорогу, которая затворялась воротами Траяна [1]), двинулся къ Срѣдцу (Софіи). — Срѣдецъ долженъ былъ имѣть въ это время особенно важное значеніе, какъ центральная крѣпость Болгаріи, стоявшая на перепутьѣ между сѣверовосточною, Прѣславскою половиною Самуилова государства и югозападною, Охридскою. Центральное значеніе этого города чувствовалось самими Славянами: на то указываетъ самое имя *Срѣдецъ*. Здѣсь хотѣлъ Василій нанести ударъ новому Болгарскому государству, и въ то же время, ставъ на главной дорогѣ, ведущей черезъ Балканы, онъ надѣялся пресѣчь войскамъ Самуиловымъ спускъ изъ сѣверной части Болгаріи во Ѳракію и Македонію [2]). Онъ укрѣпился станомъ подъ Срѣдцемъ, въ мѣстѣ называемомъ *Стопень* [3]) и хотѣлъ повести отсюда осаду города, мужественно защищаемаго болгарскимъ гарнизономъ. Срѣдецъ лежитъ въ большой, почти круглой равнинѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ горами. По этимъ горамъ разсыпалъ Самуилъ свое войско. Онъ не подходилъ близко къ Грекамъ, избѣгая сраженія въ полѣ, а обступалъ ихъ отовсюду по горнымъ вершинамъ. Ему хотѣлось поймать Василія какъ въ ловушкѣ. Со всѣхъ сторонъ устроивалъ онъ засады. Едва Греки вышли изъ-за вала, которымъ они всегда обносили свой станъ по военному преданію Римлянъ, и начали косить траву, какъ Болгаре напали на нихъ, перебили ихъ, угнали лошадей. Это былъ дурной знакъ. Нужно было спѣшить осадою, чтобы не погибнуть отъ голода. Уже двадцать дней длилась она; все шло дурно, по неумѣнію вождей, говоритъ лѣтописецъ; войско потеряло бодрость духа. Подвели къ городу осадныя орудія, но по неопытности тѣхъ, на кого возложено было дѣло, осажденные взяли и сожгли ихъ. Между тѣмъ уже начинало недоставать продовольствія, и Василій наконецъ рѣшился итти назадъ. Цѣлый день шло войско; ночью, въ лѣсу, оно окопалось и сдѣланъ былъ привалъ. «Вдругъ, едва стемнѣло, поднялась съ востока страшной величины звѣзда, и очертивъ надъ шатрами огромный огненный кругъ, упала на западной сторонѣ стана, у самаго вала, разсыпав-

---

[1]) Близъ Ихтимана, см. тамъ же.

[2]) Leo Diac.

[3]) Στοπώνιον.

шись на безчисленныя искры» [1]). Гибель предвѣщалась неминуемая, по убѣжденію войска. На другой день Греки вступили въ заросшія лѣсомъ лощины между скалистыхъ горъ и, миновавъ ихъ, стали подыматься черезъ Траяново ущелье [2]) (Капулу-дербентъ) къ перевалу. Тутъ-то поджидали ихъ Болгаре и, бросившись съ страшнымъ гикомъ на Грековъ, убили множество людей, взяли императорскій шатеръ со всѣми регаліями и казною. «Я самъ былъ тамъ, въ числѣ несчастныхъ спутниковъ императора, пишетъ Левъ Діаконъ, и сдѣлался бы жертвою Скиѳскаго меча, еслибы какое-то божественное вдохновеніе не внушило мнѣ спуститься вскачь изъ ущелья по склону горы, прежде нежели непріятель имѣлъ время занять ее; оттуда я успѣлъ достигнуть гребня горъ и уйти отъ Болгаръ». — Южное ущелье (Кызъ-дербентъ) было занято, какъ мы знаемъ, Греческимъ отрядомъ. Оттого Самуилъ не могъ преградить Василію дороги; иначе все императорское войско погибло бы въ этомъ походѣ до послѣдняго человѣка. Оно спасалось бѣгомъ по горнымъ дорогамъ и тѣснинамъ, преслѣдуемое сзади Болгарами. Почти вся конница погибла; кромѣ множества убитыхъ, весь обозъ Грековъ остался въ рукахъ побѣдителя. Только въ Филиппополѣ кончилась погоня.

Такъ описываетъ очевидецъ эту великую побѣду, которую Самуилъ одержалъ въ Ихтиманскихъ ущельяхъ. Другіе византійскіе повѣствователи старались скрыть, что это пораженіе нанесено было «Римлянамъ» толпою «варваровъ-Скиѳовъ». Чтобы оправдать внезапное отступленіе императора, обратившееся въ постыдное бѣгство, они предпочли придумать измѣну одного изъ его полководцевъ. Вѣроятно басню эту тогда же пустили въ ходъ въ Константинополѣ, чтобы свалить на кого нибудь вину государя. Главный начальникъ или «доместикъ» Западныхъ, т. е. Европейскихъ, областей имперіи [3]), Стефанъ, прозванный Короткимъ, соперничествовавшій съ полководцемъ Львомъ Мелиссиномъ, который оставленъ былъ въ резервѣ, пришелъ однажды къ Василію ночью, — такъ разсказывали при дворѣ, — и сталъ увѣрять императора, будто Мелиссинъ хочетъ овладѣть престоломъ и уже пошелъ занять Константинополь. Василій, услышавъ это, испугался и тотчасъ далъ знакъ отступленія, чтобы нагнать возмутившагося воеводу; въ ущельѣ на него напали Болгаре и разбили его. Спасшись бѣгствомъ за Балканы, онъ нашелъ Мелиссина на ввѣренномъ ему мѣстѣ, и тогда только понялъ, что онъ

[1]) Leo Diac.

[2]) Левъ Діаконъ не приводитъ именъ ущелій, но направленіе похода Грековъ несомнѣнно явствуетъ изъ его описанія мѣстностей, которое совершенно согласно съ описаніями новѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ.

[3]) ὁ δομέστικος τῆς δύσεως.

былъ предательски обманутъ своимъ *доместикомъ*. Императоръ сталъ гнѣвно упрекать Стефана, но этотъ лгунъ, такъ пишетъ Кедринъ, столь безстыдно защищалъ свою клевету, что Василій вышелъ изъ себя и, бросившись съ своего сѣдалища, схватилъ его за волосы, за бороду и повалилъ на-земь. — Эта некрасивая сцена, внесенная въ Византійскую лѣтопись, даетъ поводъ думать, что доместикъ Стефанъ былъ дѣйствительно въ чемъ нибудь виноватъ при пораженіи Грековъ: Левъ Діаконъ говоритъ же объ оплошности и дурныхъ распоряженіяхъ Греческихъ начальниковъ. Къ этому придрались и провозгласили Стефана виновникомъ всего бѣдствія, которое, по ясному свидѣтельству человѣка, видѣвшаго его своими глазами, имѣло единственною причиною ошибки императора Василія и его воеводъ, храбрую защиту осажденныхъ въ Срѣдцѣ Болгаръ и умныя дѣйствія Самуила.

Къ сожалѣнію, на этомъ событіи прекращается достовѣрная лѣтопись Льва Діакона, и единственнымъ нашимъ источникомъ остается Кедринъ, о правдивости котораго можно уже судить по приведенному случаю.

Послѣ этой побѣды, о которой молва распространилась и въ далекихъ краяхъ Востока [1]), Самуилъ и подвластные ему славянскіе

---

[1]) Исторія Асохика (перев. Эмина, стр. 176): „Послѣ этого (т. е. сожженія митрополита Севастійскаго (см. выше, стр. 206) царь Василій, собравъ войско, самъ лично пошелъ на землю Булхаровъ. Онъ отправился съ густою воинскою силой и обширнымъ лагеремъ занялъ *самую средину ихъ государства*. Булхары поспѣшили и заняли узкіе и горные проходы, по которымъ могъ пройти непріятель: то были мѣста непроходимыя, покрытыя кустарникомъ. Такимъ образомъ, окруживъ царя со всѣмъ его войскомъ, они всѣхъ предали мечу; только армянская пѣхота, спереди и сзади обступивъ царя Василія, другою горною дорогою вывела его въ Македонію. Вся же конница (греческая) со всѣмъ скарбомъ и царскимъ убранствомъ предалась непріятелю.„—Матоей Эдесскій (Bibliothèque historique arménienne, par E. Dulaurier. Chronique de Matthieu d'Edesse): подъ 986—7 годомъ: A cette époque l'empereur Basile conçut le projet de ranger les Boulgares sous son obéissance. Il envoya à Alusianus, leur souverain et à tous les chefs qui relevaient de ce dernier, l'ordre de venir se prosterner devant son trône. Mais ils s'y refusèrent. Basile leva des troupes dans toute l'étendue de ses Etats, et, furieux, s'avança rapidement contre les Boulgares, portant partout dans leur pays la ruine et l'esclavage. Alusianus, de son coté, ayant réuni une armée, marcha à la rencontre de Basile. Une grande bataille fut livrée; le roi des Boulgares eut le dessus, et mit en fuite les troupes de Basile jusqu'à Constantinople. Les Boulgares leur enlevèrent un immense butin et une multitude de captifs. Basile, tout honteux, rentra dans sa capitale. (Матоей Едесскій, I, 27—28, стр. 34). О неправильномъ употребленіи имени Алусіана мы уже упомянули. Легко объяснить, почему Армянскій лѣтописецъ, жившій въ XII в., сто лѣтъ послѣ Самуила, забылъ его имя и замѣнилъ его именемъ позднѣйшаго Болгарскаго государя, его племянника: Алусіанъ, прежде чѣмъ достигъ Болгарскаго престола, былъ долгое время въ Греческой службѣ, какъ правитель области въ Малой Азіи; тамъ его имя сдѣлалось извѣстнымъ Армянамъ и они, узнавъ потомъ, что онъ сдѣлался государемъ Болгаріи, стали приписывать ему подвиги его предшественниковъ.

князья могли безнаказанно доканчивать завоеваніе греческихъ городовъ и областей. Восемь лѣтъ Василій не въ силахъ былъ противопоставить имъ ни одного человѣка. Пораженіе подъ Срѣдцемъ такъ уронило его власть, что войска перестали слушаться своего государя. Выступилъ новый искатель престола въ лицѣ воеводы Фоки; прежній совмѣстникъ Василія, Варда Склиръ, опять явился изъ Персіи и возобновилъ свои притязанія. Возмущеніе длилось въ Малой Азіи, пока наконецъ Фока умеръ, а Склиръ добровольно покорился императору.

Въ эти восемь лѣтъ (981—989) Самуилъ былъ полнымъ хозяиномъ всего Балканскаго полуострова отъ Дуная и отъ Адріатическаго моря до стѣнъ Константинополя. Кромѣ столицы, только Дерстръ (Силистрія) на сѣверѣ и Солунь (Салоники) на югѣ стояли подъ Римскимъ знаменемъ. Прежніе Болгарскіе государи при такихъ обстоятельствахъ непремѣнно пошли бы осаждать Цареградъ. Самуилъ на это и не покушался. Чувствовалъ ли онъ, что войско его неспособно было къ правильной осадѣ такихъ крѣпкихъ стѣнъ, какими Византія себя оградила? Но мы знаемъ, что онъ включалъ греческіе отряды въ свои полки, и потому должны предполагать, что онъ училъ эти полки правильному строю, который составлялъ всю силу Византійскихъ войскъ и который дѣлалъ такую осаду возможною. Вѣроятнѣе, стало быть, то, что его еще занимало устройство новыхъ своихъ областей, и что побережье Адріатики болѣе привлекало его вниманіе, нежели Босфоръ.

Мы сказали, что основаніемъ и центромъ Самуиловой державы была верхняя Македонія, и нынѣ населенная Болгарами. Въ Охридѣ, древней Юстиніанѣ, которую, послѣ четырехсотлѣтняго мрака, труды св. Климента, ученика Меѳодіева, снова просвѣтили и вывели на поприще исторіи, была главная столица Самуилова [1]); вторая столица находилась недалеко отъ Охрида, въ Преспѣ. Въ Охридѣ былъ его дворецъ; тамъ, въ казнохранилищѣ государства Болгарскаго, лежали вѣнцы, украшенные дорогими каменьями, золототканныя одежды, деньги и слитки дорогихъ металловъ. Въ послѣдствіи, когда продолжительная война уже исчерпала Болгарскую казну, тамъ нашли еще до ста кентинаріевъ золота [2]).

До какой степени новая Болгарская династія заботилась о своей столицѣ, доказываетъ огромная работа, которую, если можно положиться на свидѣтельство Анны Комнины, къ сожалѣнію, весьма сбивчивое и неясное [3]), предпринялъ отецъ Самуила и совершилъ онъ

[1]) Cedr. 468. Ἀχρίδες... μητρόπολις οὖσα τῆς πάσης Βουλγαρίας, ἐν ᾗ καὶ βασιλεία τῶν βασιλέων ἵδρυντο Βουλγαρίας.

[2]) Болѣе 600,000 червонцевъ,

[3]) Anna Comn. XII (pag. 371 Парижск. изд.): ὁ δὲ Δρυμὼν οὗτος ὁ ποταμὸς... ῥεῖ ἄνω-

самъ, чтобы осушить окрестности Охрида отъ болотъ, порождаемыхъ близостью озера. Они велѣли пересѣчь эти болота цѣлою системою каналовъ, по которымъ вода стекала въ рѣку Дринъ. На каналахъ было устроено такое количество мостовъ, что мѣсто это получило прозваніе *ста мостовъ*.

Богатый край кругомъ Охридскаго озера, населенный тремя народами—Славянами, Албанцами и Романцами, составлялъ важнѣйшую область Самуилову. Тутъ въ его время являются впервые имена городовъ и волостей, сохранившіяся донынѣ. Я назвалъ уже вторую столицу Болгарскую — Преспу, лежащую недалеко отъ Охрида, на юговостокъ, и окруженную водами озера того же имени. Далѣе на востокъ была у Самуила крѣпость Прилѣпъ, южнѣе Прилѣпа—Бутель или Бытоль [1]) (теперь Монастиръ, главный городъ всей этой страны), еще южнѣе Касторія (иначе Костуръ). Въ Бутелѣ находился дворецъ сына Самуилова, Гавріила, который, можетъ быть, при жизни отца былъ тамъ намѣстникомъ. На западъ отъ Касторіи лежалъ Дѣволь, бывшій, въ первой половинѣ X вѣка, епископскою столицею св. Наума, ученика св. Климента, большой городъ, извѣстный также въ позднѣйшей исторіи Болгарской, но который теперь исчезъ, оставивъ свое имя рѣкѣ, текущей черезъ среднюю Албанію. На западъ отъ Дѣвольскаго края, хребетъ Тморъ, возвышающійся, въ центрѣ Албаніи, на 7000 футовъ, долженъ былъ вскорѣ потомъ служить убѣжищемъ Самуилову семейству, когда счастіе его покинуло.—Край на югъ отъ р. Дѣволя назывался при Самуилѣ, какъ и теперь, Колоніею, и былъ вѣроятно и тогда, какъ теперь, средоточіемъ Романскаго населенія въ Албаніи. Далѣе, на югозападъ отъ Колоніи, власть Самуила простиралась на негостепріимное въ этихъ мѣстахъ прибрежье Адріатики: тутъ находился городъ Дринополь [2]), по которому назывался и весь этотъ край (нынѣшній округъ Аргирокастро).

θεν ἀπὸ τῆς Λιχνίτιδος λίμνης, ἣν ἡ νῦν γλῶττα ἐκβαρβαρώσασα Αχρίδα προσηγόρευσεν, ἀπὸ Μόκρου τοῦ Βουλγάρου βασιλέως τὰ πρῶτα καὶ τὰ ἔσχατα Σαμουὴλ τοῦ ἐπὶ τοῖν βασιλέοιν Κωνσταντίνου καὶ Βασιλείου τῶν πορφυρογεννήτων γεγονότος, δᾶ τινων τάζρων ἑκατὸν, ἃς γεφύρας ἐπονομάζομεν. καὶ γὰρ ἀποῤῥέουσιν ὥσ περάπό τινων ἀρχῶν διαζόρων τῆς λιμνης διῃρημένοι ποταμοὶ εἰς ἑκατὸν ἥκοντες οὐ λήγουσι. κἄθ' οὕτως τῷ κατὰ τὴν Δεύρην ἑνούμενοι ἐξ οὗ καὶ Δρυμὼν ἐπονομάζεται καὶ συνεχεῖς αὐτῷ γινόμενοι πλατύνουσί τε αὐτὸν και μέγιστον .ἐξεργάζονται. Мѣсто это весьма темно: вѣроятно между словами γεγονότος и διά τινων τάφρων есть пропускъ.

[1]) *Бутель* древнѣйшая форма болгарская (*Боутельскы пѫть* въ грамотѣ Константина Асѣня, у Шафарика, Изборъ Хрисовулъ, 24) и греческая (Βουτέλιον); потомъ сдѣлали Бытоль, Битоль (теперешняя болгарская форма), наконецъ Толи-Монастиръ (форма турецкая).

[2]) Кажется, вся средняя часть нынѣшней Албаніи раздѣлялась въ то время на три главныхъ области: Драчскую, Колонійскую и Дринопольскую. Кедринъ говоритъ (II 474): τὰ τοῦ Δυρραχίου καὶ τῆς Κολωνείας καὶ Δρυϊνουπόλεως... κατατοησάμενος ,καὶ φύλακας

На сѣверъ отъ Охридскаго озера начинались Дебри (теперь Дибри), т. е. нагорная часть Албаніи по нижнему теченію Чернаго Дрина. За Дебрями и великимъ хребтомъ Шаромъ [1]) власть Самуила простиралась на обширныя равнины, которыя орошаются Бѣлымъ Дриномъ, Ситницею и верхнею Моравою: Косово поле принадлежало въ то время къ державѣ Македонскихъ Болгаръ [2]).

Вотъ въ какихъ мѣстахъ утвердилась тогда Болгарская держава. Самуилъ стоялъ почти въ виду Адріатическаго моря и у воротъ Сербскаго государства, сосредоточеннаго въ то время на югозападномъ краю Сербскихъ земель, около нынѣшней Черногоріи. Въ этомъ властолюбивомъ человѣкѣ естественно должна была родиться мысль овладѣть гаванями Адріатики и подчинить себѣ ближайшую часть Сербіи. Вотъ несомнѣнная причина, почему Самуилъ, послѣ побѣды надъ императоромъ Василіемъ, не сталъ предпринимать никакихъ значительныхъ дѣйствій противъ Византіи. Онъ пока довольствовался тѣмъ, что съ этой стороны владѣлъ всею Болгаріею до Дуная и Чернаго моря, всею Македоніею до стѣнъ Солуня и до Архипелага, и распоряжался въ Греціи какъ въ своей собственной землѣ.

Правда, онъ постоянно держалъ отрядъ въ окрестностяхъ неприступнаго Солуня и безпрестанно посылалъ своихъ Болгаръ разорять Ѳракію. Набѣги эти значительно вредили Византіи. — Въ 990 г. императоръ Василій двинулся съ войскомъ къ Солуню, и, отслуживъ передъ ракою св. Димитрія благодарственный молебенъ за прекращеніе возстанія въ Малой Азіи, оставилъ въ этомъ важномъ городѣ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ Армянина Григорія Таронита. Самъ же онъ тотчасъ возвратился въ Константинополь и оттуда снова отправился въ Азію, устроивать дѣла Грузіи. Очевидно, Болгарскія войска, которыя находились тогда подъ Солунемъ, не составляли главной силы Самуила; то были только летучіе полки, державшіе Солунь въ блокадѣ. Иначе походъ Василія едва ли обошелся бы безъ сраженія, да притомъ императоръ не рѣшился бы такъ скоро оставить эту страну и не отправился бы въ отдаленную Грузію, если бы Солуню и ближайшимъ окрестностямъ Константинополя угрожала

τοῖς θέμασι καὶ στρατηγοὺς ἐπιστήσας, и обнимаетъ, по видимому, въ этихъ словахъ всѣ пріобрѣтенія Византійскаго государя на западъ и югозападъ отъ Охридскаго озера.— Городъ Дриполь теперь не существуетъ, хотя епархія Аргирокастрская до сихъ поръ носитъ наименованіе Дринопольской. См. свѣдѣнія о Дринополѣ въ χρονογραφία τῆς Ηπείρου, II, 47.

[1]) По-тур. Шаръ-дагъ, древній „mons Scardus“.

[2]) Это видно изъ того, что при распаденіи Самуиловой державы славянскія племена, занимавшія Липляне (т. е. Косово поле) и Моравище (т. е. верховья Моравы), вмѣстѣ съ другими болгарскими областями, изъявили покорность Греческому императору.

немедленная опасность. Нѣтъ, Самуилъ занятъ былъ тогда далеко на западѣ, а Византійскій государь, отказавшись на время отъ завоеванныхъ Болгарами европейскихъ областей, умѣлъ ждать, по примѣру своихъ предшественниковъ, пока сила «варваровъ» остынетъ въ своемъ порывѣ. Въ продолженіе шести лѣтъ, 990—996, ни Болгаре, ни Византія не предпринимали другъ противъ друга никакихъ важныхъ дѣйствій.

Ближайшая къ Охриду и важнѣйшая пристань Адріатики была Драчъ (Дураццо); Византійскій гарнизонъ занималъ ее. Естественно, первый шагъ Самуила на западъ былъ направленъ противъ этого знаменитаго въ древности города, стѣны котораго останавливали дотолѣ напоръ Славянъ. Драчъ былъ взятъ Болгарами [1]. — Сѣвернѣе Драча, другою важною точкою на Адріатическомъ побережьѣ былъ Лешъ (Алессіо, въ древности Елиссъ), при впаденіи Дрина въ море. Неизвѣстно, находилось ли это мѣсто тогда въ рукахъ Грековъ, или Сербовъ. Самуилъ занялъ Лешъ и сдѣлалъ изъ него одну изъ твердынь Болгарскаго царства [2].

За Дриномъ уже начинались въ то время Сербскія жупанства.— Мы видѣли, что въ исходѣ X вѣка первенствующее значеніе между Сербскими областями принадлежало четыремъ югозападнымъ княжествамъ или жупанствамъ, Травуніи, Захолмію, Зетѣ и Подгорію или Діоклеѣ. Въ этихъ четырехъ княжествахъ южно-сербскихъ правили сыновья и внуки великаго жупана Предиміра. Въ Подгоріи жупаномъ былъ молодой Владиміръ, сынъ Хвалиміровъ [3]. «Въ это время», говоритъ Діоклейскій лѣтописецъ, «возсталъ въ народѣ Болгарскомъ нѣкто Самуилъ, который принялъ титулъ императора и много сражался съ Греками и выгналъ ихъ изо всей Болгаріи, такъ что во дни его Греки не смѣли подходить къ ней... А юноша Владиміръ, наслѣдовавъ королевство [4], росъ украшенный всякою мудростію и святостью. И такъ, въ то время, когда Владиміръ былъ молодъ и правилъ областью, наслѣдованною отъ отца, Самуилъ Болгарскій съ большимъ войскомъ явился въ краяхъ Далматскихъ и напалъ на землю короля Владиміра. Король этотъ, будучи человѣкомъ святымъ и не желая погибели кого бы то ни было изъ своихъ, отступилъ смиренно и удалился на гору, которая называется Кривою (qui Obliquus dicitur), со всѣмъ своимъ народомъ. Тогда императоръ (Самуилъ),

[1]) Въ какомъ году неизвѣстно, но въ 995 г. онъ принадлежалъ Болгарамъ. Cedr. II, 451.

[2]) Cedr. II, 468.

[3]) Смотр. выше, стр. 173.

[4]) Діоклеецъ обыкновенно именуетъ Сербскихъ князей или великихъ жупановъ королями — *reges*.

видя, что не можетъ одолѣть его, оставилъ часть своего войска у подножія той горы, а другую часть повелъ съ собою, чтобы осадить городъ Дулциній (по-слав. Олгунъ, на берегу Адріатики сѣвернѣе Леша). А на Кривой горѣ были огненныя змѣи, такія злыя, что едва только ужалятъ человѣка, онъ мгновенно умиралъ; и онѣ дѣлали великій вредъ людямъ и животнымъ. Тогда король Владиміръ вознесъ ко Господу слезную мольбу, дабы онъ избавилъ его народъ отъ этого смертоноснаго насланія, и Богъ услышалъ молитву своего раба, и съ того дня никто не былъ уязвленъ змѣею; и съ тѣхъ поръ, если на той горѣ змѣя ужалитъ человѣка или животное, ея укушеніе не причиняло вреда, и змѣи на той горѣ остались неядовитыми до сего дня. Между тѣмъ императоръ Самуилъ послалъ къ королю Владиміру требовать, чтобы онъ сошелъ съ горы и сдался со всѣми, которые были съ нимъ; но король отказался. Тогда одинъ изъ жупановъ его области, уподобившись Іудѣ предателю, велѣлъ сказать императору: Государь, если угодно твоему Величеству, я выдамъ тебѣ короля. Царь обѣщалъ ему за это великія богатства и почести. Тогда Владиміръ (вѣроятно, узнавъ объ измѣнѣ), созвалъ весь народъ, бывшій съ нимъ и сказалъ: Братья, нужно, чтобы я исполнилъ слово Евангелія, что добрый пастырь душу свою положитъ за овецъ своихъ. Лучше мнѣ положить душу свою за васъ всѣхъ и добровольно предать тѣло свое на казнь, нежели чтобы вы погибли отъ голода или меча. Сказавъ эти слова и многія другія, онъ поклонился всему народу и пошелъ къ Самуилу. Императоръ тотчасъ отослалъ его въ изгнаніе въ страну Охридскую, въ мѣсто, называемое Преспа, гдѣ находился его дворецъ. Тогда онъ, собравъ все свое войско, долго осаждалъ Дулциній, но никакъ не могъ взять этого города. Разгнѣванный, удалился онъ оттуда и началъ грабить, жечь и разорять цѣлую Далмацію».

Первымъ мѣстомъ на пути его была Діоклея или Дукля, близъ Подгорицы [1]). Рагузскія хроники утверждаютъ, что Самуилъ разрушилъ до основанія эту древнюю столицу римскаго Иллирика. Но уже при Константинѣ Багрянородномъ, т. е. за 50 лѣтъ до Самуила, Діоклейская крѣпость была пуста (ἐρημόκαστρον, такъ выражается вѣнценосный историкъ). Мы не знаемъ, оставалось ли тамъ еще городское населеніе послѣ того, какъ римская твердыня была отдана на произволъ окрестныхъ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, если Самуилъ и помогъ разрушенію древняго города, то его удары уже не были особенно чувствительны въ этомъ заброшенномъ мѣстѣ: иначе лѣтописецъ,

[1]) Близъ Подгородицы, на границѣ черногорскихъ Кучей и Албаніи, находится урочище, называемое Дукля, и видны тутъ развалины.

который разсказываетъ намъ объ его походѣ къ Адріатикѣ, и который самъ былъ родомъ изъ Діоклейской области, не умолчалъ бы, конечно, объ этомъ событіи. Рагузскія хроники потому придаютъ особенную важность разрушенію Діоклеи Самуиломъ, что, по ихъ словамъ, архіепископъ Іоаннъ, занимавшій тогда престолъ этой древней митрополіи [1]), бѣжалъ въ Рагузу (Дубровникъ) и потомъ, когда умеръ тамошній епископъ, приглашенъ былъ народомъ занять его мѣсто. Съ тѣмъ вмѣстѣ церковь Рагузская возведена была на степень первостепенной епархіи, зависѣвшей только отъ Рима.—Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе въ Рагузѣ архіепископства случилось около этого времени; но когда именно и при тѣхъ ли обстоятельствахъ, какія приводятся въ Дубровницкихъ хроникахъ, объ этомъ нельзя сказать ничего достовѣрнаго.

Рагуза тогда уже занимала первенствующее мѣсто между городами южной Далмаціи, съ тѣхъ поръ какъ Африканскіе Арабы разорили (въ 867 году) города Розу (по-слав. Рисань, на Которскомъ заливѣ), Которъ и Будву, но отражены были стѣнами и храброю защитою Дубровника. Константинъ Багрянородный называетъ Рагузу главнымъ городомъ Далмаціи. Дубровчане уже во второй половинѣ IX вѣка имѣли такой многочисленный флотъ, что они, какъ мы знаемъ [2]), на своихъ корабляхъ перевезли чрезъ Адріатическое море соединенное войско Хорватовъ, Сербовъ, Захолмцевъ, Требиньцевъ и Конавлянъ, собравшееся, по внушенію Византійскаго императора, для того чтобы выгнать Арабовъ изъ Апуліи. Понятно, что обладаніе этимъ городомъ казалось весьма важнымъ для Самуила. Онъ бросился сперва на Которскій заливъ (bocche di Cattaro) и взялъ Которъ; затѣмъ онъ подошелъ къ Дубровнику. Онъ выжегъ его предмѣстья и всѣ окрестныя селенія. Весь край этотъ обезлюдѣлъ, говоритъ Діоклеецъ. Рагузскія хроники записали походъ Самуила какъ одно изъ ужаснѣйшихъ нашествій, какія испыталъ этотъ мирный уголокъ. Но крѣпкія стѣны Дубровника устояли. Самуилъ оставилъ Дубровникъ и пошелъ далѣе на сѣверъ, опустошая весь берегъ Далмаціи. Достигнувъ Задра (Зары), онъ остановился, и на обратномъ пути прошелъ черезъ Боснію и Расу (Раса — теперь Ново-Пазарская область).

Ни что не позволяетъ сомнѣваться въ справедливости этихъ показаній Діоклейскаго лѣтописца. Его разсказъ о Владимірѣ Сербскомъ оправдывается свидѣтельствомъ византійскихъ писателей, ко-

---

[1]) Она, какъ часть древняго Иллирика, еще въ то время зависѣла отъ Рима, согласно прежнему разграниченію между обоими европейскими патріархатами, когда они находились еще въ единствѣ церковномъ.

[2]) См. выше стр. 60.

торые также называютъ этого государя человѣкомъ «праведнымъ, миролюбивымъ и добродѣтельнымъ». Расширеніе Самуиловой державы по Адріатическому поморью подтверждается одною замѣткою въ древнемъ славянскомъ переводѣ хроники Манассіиной, что при Самуилѣ «Блъгаре до Охрида *и до Драча и дале* царствовашѧ». Не только Подгоріе и Которскій заливъ, т. е. нынѣшняя Черногорія съ окрестнымъ краемъ, но и Требиньская страна остались во власти Самуила. [1]) Вѣроятно также, что его походъ черезъ Боснію и Расу не обошелся даромъ этимъ странамъ и что онѣ, если не были окончательно покорены имъ, то по крайней мѣрѣ, должны были признать себя въ зависимости отъ Болгарскаго царя. Одна сербская лѣтопись, составленная, правда, въ позднее время, но по старымъ источникамъ [2]), говоритъ о нашествіи Болгаръ на Расу въ началѣ XI вѣка. Только это событіе въ ней смѣшано съ событіями, случившимися гораздо позднѣе, въ исходѣ этого столѣтія, и въ слѣдствіе такого смѣшенія, Болгарскій царь названъ не Самуиломъ, а Георгіемъ. Вотъ замѣчательныя слова этой лѣтописи: «А понѣже ѡтъ Сармаци илити нинѣ Рѹсенския державы мы вси язици (лѣтописецъ говоритъ здѣсь о народахъ славянскихъ) всякіи во свое время изидохомъ и во предѣлахъ власти и державѣ Римскои населяхѹся, тако и по намъ инш Славяне изшедше вселишася въ нижнѣи Мисіи, или Сергіа (*такъ*), Трибаліи, Епирѣ, Сервіи, Дардани; тако въ Тракіи и Македоніи биша Болгаріи, ѡни бо послѣднее чрезъ Дѹнаи преидоша и в болших

[1]) Это видно изъ послѣдующаго разсказа Діоклейца.

[2]) Подъ заглавіемъ „Родословіе Сербское". Лѣтопись оканчивается 1521 годомъ; но основной текстъ ея, составленный, очевидно, въ XVI вѣкѣ, дошелъ до насъ въ редакціи XVIII-го, съ разными дополненіями и разсужденіями человѣка, занявшагося тогда его перепискою (какъ кажется, инока Печской Патріаршіи, довольно начитаннаго). При всѣхъ своихъ невѣрностяхъ и позднѣйшихъ вставкахъ, лѣтопись эта заключаетъ въ себѣ много важныхъ извѣстій несомнѣнной достовѣрности, которыхъ нѣтъ въ другихъ, дошедшихъ до насъ, историческихъ памятникахъ Сербскихъ. Она мнѣ извѣстна по тремъ спискамъ, почти сходнымъ между собою: 1) копія, сдѣланная въ Дечанскомъ мон. съ старой, можетъ быть подлинной рукописи переработавшаго лѣтопись редактора, подъ заглавіемъ. „Родословне Сербское или Ирическое. (*читай* Илирическое)" и съ припискою; „Сия история находится въ патриарши Славено сербскои пекскои ѡбаче ѡставлена въ некоторомъ углю црковномъ небрегома кимъ и разрѹшена доволно, и я ѡбрѣтохъ ю и сожалихъся о пеи и дадохъ преписати ю, ѡбаче има недостаточно понеже истнило (*такъ*) бѣ. Смирени Серафимъ іеромонах дечанскои ѡбители постриженикъ"; 2) копія, внесенная, въ концѣ прошедшаго или началѣ нынѣшняго столѣтія, въ рукопись разныхъ житій, хранящуюся въ Печской патріаршіи, подъ заглавіемъ: „Исторія ѡ родословии Славено Сербскаго народа". Подлинникъ, вѣроятно, былъ тотъ самый, съ котораго снятъ Дечанскій списокъ; 3) копія, сдѣланная въ 1791 году Іосифомъ іеромонахомъ Троношскаго монастыря (близь Лозницы, въ Сербіи) и напечатанная, съ подновленнымъ правописаніемъ, въ V книгѣ „Гласника Друштва Србске Словесности". Я буду приводить цитаты по первому списку, который мнѣ кажется лучшимъ.

земляхъ Траческіих поселищася; отъ нихже овогда по един, овогда два и по три краля имѣяхѹ. Тако в тисѹщно петнадесятое лѣто бяше въ долнеи Миси во Епирѣ, нинѣ зовом(омъ) Пиротъ, князъ силніи именем Геωргій иже и звашеся царь Славенскій, котори уже Расию положил бѣ в конечное разореніе.......» [1])

Въ этомъ сказаніи о сильномъ Болгарскомъ государѣ, который, около 1015 года, властвовалъ въ Эпирѣ и придавалъ себѣ великое, неслыханное въ исторіи, наименованіе *царя Славянскаго*, слышится намъ смутный отголосокъ дѣлъ Самуиловыхъ. Какія бы ни были его отношенія къ владѣтелямъ Босніи и Расы, но достовѣрно то, что прилегающія къ Расѣ края: Липляне (т. е. Косово поле) и Моравище (т. е. край у верховьевъ р. Моравы, гдѣ города Морава, Вранья и Лѣсковецъ, имѣвшій прежде независимаго жупана) вошли при Самуилѣ въ составъ Болгарскаго государства [2]).

«Между тѣмъ, разсказываетъ Діоклейскій лѣтописецъ, короля Владиміра держали въ цѣпяхъ въ Самуиловой столицѣ Преспѣ. Денно и нощно предавался онъ посту и молитвѣ, и въ видѣніи явился ему ангелъ Господень, укрѣпляя его и предвѣщая ему, что̀ будетъ съ нимъ, ка̀къ Богъ избавитъ наконецъ его изъ темницы и ка̀къ онъ чрезъ мученичество достигнетъ царствія небеснаго и получитъ вѣнецъ неувядаемый и блаженство вѣчной жизни. Укрѣпленный видѣніемъ ангельскимъ, Владиміръ еще болѣе посвящалъ себя молитвѣ и посту. Случилось тогда, что дочь императора Самуила, по имени Косара, сокрушившись сердцемъ и подвигнутая Духомъ Святымъ, пришла къ своему отцу и стала просить у него позволенія пойти съ своими служанками умыть голову и ноги узникамъ и плѣннымъ.

---

[1]) Дальнѣйшій разсказъ лѣтописи относится къ другой эпохѣ, къ событіямъ въ концѣ XI вѣка.

[2]) См. Кедр. II 467: πρέσβεις ἐκ.... Μωροβίσδου καὶ Λιπενίου и т. д. Косово поле заключало въ себѣ *жупы* Липляне и Лабъ (см. Шафар. Изборъ хрисовоулъ, 3 и др.): Липляне, — въ старину городъ и митрополія, — теперь село между Приштиною и Churодимлею; жупа Лабъ получила свое названіе отъ рѣчки, текущей въ Ситницу. Жупа Морава или Моравище упоминается неоднократно въ сербскихъ памятникахъ. Что она имѣла прежде Самуилова времени независимаго правителя или жупана, видно изъ словъ Константина Багрянороднаго, который пишетъ (de cor. aul. Byz. II 48. εἰς τὸν ἄρχοντα Χρωβατίας. εἰς τον ἄρχοντα Σέρβλων. εἰς τὸν ἄρχοντα τῶν Ζαχλούμων. εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Κανάλη. εἰς τὸν ἄρχοντα τῶν Τραβούνων. εἰς τὸν ἄρχοντα Διοκλείας. εἰς τὸν ἄρχοντα Μωραβίας. ἐπιγραφὴ εἰς αὐτούς. κέλευσις ἐκ τῶν φιλοχρίστων πρὸς τὸν ὁ δεῖνα τὸν ἄρχοντα τῆσδε. Что здѣсь подъ именемъ Моравіи разумѣлась не сѣверная, Великая Моравія, а *жупа* Сербской земли, ясно какъ изъ сопоставленія ея съ другими Сербскими жупами, такъ и изъ повелительнаго тона, въ какомъ Византійскій императоръ писалъ къ ея владѣтелю (извѣстно, что въ X вѣкѣ Сербскіе жупаны признавали надъ собою, конечно лишь по имени, верховную власть этихъ государей); при томъ же во время Константина Багрянороднаго Великая Моравія давно уже перестала имѣть своихъ владѣтелей и находилась въ рукахъ Венгровъ.

Получивъ согласіе отца, она вошла въ темницу и совершила доброе дѣло. Она увидала Владиміра, увидала его красоту, его смиреніе, тихость и скромность, она увидала, что онъ былъ исполненъ разума и мудрости Господней, и остановилась говорить съ нимъ; и рѣчи его показались ей слаще меда и сота. И такъ, не изъ плотской страсти, а изъ состраданія къ его молодости и красотѣ, и слыша, что онъ былъ король и королевскаго рода, она полюбила его, и поклонившись ему, удалилась. Она рѣшилась избавить его изъ цѣпей и пришедши къ императору, простерлась въ ногахъ его и сказала: »Отецъ мой и государь! я знаю, что ты намѣренъ дать мнѣ мужа, по обычаю; и такъ, если угодно твоему Величеству, дай мнѣ теперь мужемъ Владиміра, твоего узника, или знай, что я скорѣе умру, нежели выйду за другаго«. Слыша это, императоръ Самуилъ, который весьма любилъ свою дочь и зналъ притомъ, что Владиміръ рода королевскаго, сильно обрадовался и согласился на ея просьбу. Онъ тотчасъ послалъ за Владиміромъ и, когда его умыли въ банѣ и облекли въ королевскую одежду, велѣлъ его привести къ себѣ, и взирая на него милостиво и поцѣловавъ его предъ боярами (magnatibus) своего царства, передалъ ему свою дочь. Отпраздновавъ свадьбу своей дочери по царскому обычаю, императоръ возвелъ Владиміра въ санъ королевскій, возвратилъ ему землю и королевство его отцовъ и далъ ему еще всю землю Драчскую. Потомъ онъ послалъ къ Драгоміру, брату [1]) Владимірову, и велѣлъ сказать ему, чтобы онъ сошелъ съ горъ (служившихъ ему убѣжищемъ, вѣроятно Черной горы) и возвратился въ свою землю, въ Требинье, и собралъ опять народъ и населилъ свою землю; что̀ и было исполнено».

Изъ этого повѣствованія можно заключить, что Самуилъ, прошедши югозападную часть Сербскихъ земель, рѣшился утвердить свое господство въ этихъ краяхъ чрезъ посредство мелкихъ туземныхъ правителей, которые вступали къ нему въ отношенія вассаловъ и которыхъ онъ старался привязать къ себѣ родственными связями. Нельзя ни утверждать, ни отвергать истины прекраснаго разсказа Діоклейца о Косарѣ; но византійскіе историки удостовѣряютъ насъ, что Самуилъ дѣйствительно выдалъ одну изъ своихъ дочерей за владѣтеля Подгорія Владиміра, и что правитель этотъ умѣлъ хранить миръ въ своей области, среди всеобщей борьбы, которая кипѣла тогда на Балканскомъ полуостровѣ. Они тоже упоминаютъ о томъ, что владѣнія правителя южной Сербіи распространялись въ это время до Драча. Но мы видимъ изъ ихъ разсказа, что самый

[1]) Въ этомъ мѣстѣ лѣтописецъ называетъ его дядею, а нѣсколько далѣе—братомъ Владиміра: сравн. выше, стр. 173.

городъ Драчъ съ его пристанью не былъ отданъ Владиміру: Драчъ былъ нуженъ для самой Болгаріи, какъ природная гавань Охридскаго края. Изъ повѣствованія ихъ, сличеннаго съ словами Діоклейца, мы вправѣ заключить, что сѣверная часть Албанскаго поморья отъ границъ Подгорія до Драча, съ древними городами Баромъ, Скадромъ, Дривастомъ, Свачемъ, Эльбассаномъ, Лешемъ и другими, была отдана Самуиломъ въ управленіе его зятю, и эту-то страну Діоклеецъ разумѣлъ подъ имѣнемъ Драчской земли.

Мы прочли о Владимірѣ повѣствованіе Серба-католика, дошедшее до насъ въ переводѣ латинскомъ. Есть о святомъ сербо-албанскомъ князѣ другое сказаніе, возникшее въ югозападной Болгаріи, въ православной средѣ, вѣроятно въ монастырѣ, имъ самимъ основанномъ близъ Эльбассана, и сохранившееся въ греческой передѣлкѣ [1]). Въ этомъ сказаніи есть, правда, большіе анахронизмы [2]), въ которыхъ, впрочемъ, виновенъ, можетъ быть, не первоначальный его составитель, Болгаринъ, а позднѣйшій греческій редакторъ. Тѣмъ не менѣе почти весь разсказъ о Владимірѣ (которому здѣсь, кромѣ его славянскаго имени, придается еще другое, христіанское, Іо-

---

[1]) Заглавіе его слѣдующее:

Εἰς τὸν ἅγιον ἐν βασιλεῦσι μεγαλομάρτυρα Ἰωάννην τὸν σημειοφόρον μυροβλύτον τὸν θαυματουργὸν Βλαδίμηρον. Это житіе было напечатано въ Мосхополѣ, и принадлежитъ къ величайшимъ библіографическимъ рѣдкостямъ. Сербскій археологъ г. Верковичъ, бывши въ Эльбассанѣ, доставилъ мнѣ списокъ съ хранящагося въ тамошнемъ монастырѣ экземпляра. Я полагаю, что окажу услугу изслѣдователямъ старины юго-славянской, перепечатавъ при первой возможности это любопытное сказаніе. Въ немъ говорится, въ двухъ мѣстахъ что оно заимствовано изъ болгарскаго (т. е. славянскаго) источника. Греческая передѣлка довольно нова, какъ видно по языку. Не найдется ли когда-нибудь славянскій подлинникъ? Извлеченіе изъ этого житія, вмѣстѣ съ службою святому, помѣщено также въ послѣдованіи Іоанна Владиміра, напечатанномъ въ Мосхополѣ, подъ заглавіемъ: Τῇ κβ' τοῦ Μαΐου μηνὸς ψάλλομεν τὴν ἀκολουθίαν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Βλαδιμήρου καὶ θαυματουργοῦ.

[2]) Главный анахронизмъ тотъ, что Іоанна-Владиміра это сказаніе называетъ сыномъ Сербскаго государя Немани и его супруги Анны, родомъ Гречанки. Въ эту ошибку очевидно впали уже въ то время, когда Немања являлся въ преданіяхъ народа первымъ родоначальникомъ Сербскихъ государей; этимъ извѣстнымъ именемъ замѣнили, вѣроятно въ позднѣйшей редакціи житія Владиміра, а, можетъ быть, только въ греческой переработкѣ его, забытое имя отца Владимірова. Другая ошибка вкралась въ указаніе года, въ который построенъ былъ св. Владиміромъ монастырь Эльбассанскій: обозначенъ S. T. 3. (6307 — 799) годъ; если это не позднѣйшая вставка, то вѣроятно анахронизмъ произошелъ отъ какого-нибудь переписчика, который вмѣсто S. Ф. 3. (999) написалъ S. T. 3; составитель же греческой передѣлки нашелъ уже, какъ кажется, эту ошибку въ своемъ текстѣ „болгарскаго синаксара", и на ней основалъ исчисленіе времени, истекшаго отъ эпохи Владиміра; изъ его словъ видно, что дошедшая до насъ греческая передѣлка сказанія принадлежитъ къ началу XVI вѣка: „ναὸς ᾠκοδομήθη καὶ ἐκτίσθη εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ τοῦ ἁγίου τοῦ ὁποίου καὶ τὸ ἅγιον λείψανον... ἑπτακοσίους χρόνους καὶ ἐπέκεινα εὑρίσκεται ἐδῶ μέσα, ἀπὸ κτίσεως κόσμου ς. τ. ζ."

аннъ) носитъ очевидный отпечатокъ неподдѣльнаго историческаго преданія. Онъ именуется въ этомъ сказаніи потомкомъ Сербскихъ государей [1]); его предки участвовали въ распространеніи христіанства, когда оно, подъ покровительствомъ Болгарскаго царя Симеона, проповѣдывалось св. Климентомъ Охридскимъ, и были ревностными противниками богомильской ереси. «И онъ, говоритъ житіе, не посрамилъ своихъ предковъ, но былъ полонъ небесной благодати, кротокъ и смиренъ, молчаливъ и полонъ благочестія. Въ юношескихъ лѣтахъ онъ удалялся отъ окружавшихъ его господскихъ дѣтей и любилъ предаваться молитвѣ. Онъ изучилъ божественныя книги [2]). Когда онъ возросъ, его поручили одному *стратигу*, который обучилъ его военному искусству; онъ въ короткое время такъ усовершенствовался въ немъ, что всѣ дивились его мужеству, но наравнѣ съ успѣхами въ дѣлѣ воинскомъ росли его успѣхи въ добродѣтели и благочестіи. Когда окончено было его образованіе, родители женили его на дочери Самуила, «царя Болгарскаго и Охридскаго». Потомъ онъ наслѣдовалъ престолъ своихъ родителей, и сталъ обладать Далмаціею и Албаніею. Его столицею былъ городъ Албасъ (нынѣ Албассанъ или Эльбассанъ въ средней Албаніи). Это извѣстіе о Владимірѣ, какъ о правителѣ южнаго поморья Сербскаго [3]) и значительной части Албаніи, весьма важно, и подтверждаетъ показаніе Діоклейца о томъ, что великій жупанъ Подгорскій, сдѣлавшись вассаломъ Болгарскаго царства, получилъ въ управленіе сѣверную половину Албаніи почти до Драча, т. е. область нынѣшнихъ Албанцевъ-Геговъ. Хотя въ греческомъ житіи подчиненіе Владиміра царямъ Охридскимъ не выражено прямо, однако и тамъ Самуилъ представляется повелителемъ не только Болгарскихъ, но и Сербскихъ земель, а Владиміръ именуется его союзникомъ. Свидѣтельство этого житія объ Эльбассанѣ, какъ о столицѣ Владиміра, несомнѣнно подтверждается существованіемъ тамъ монастыря, посвященнаго его имени, и въ которомъ до сихъ поръ чтится его память. Объ основаніи этой обители довольно подробно разсказано въ житіи Владиміра: «Близъ его царскаго дворца и строеній государственныхъ на-

---

[1]) Ошибочная вставка имени Неманп, какъ его отца, уже объяснена выше.

[2]) Краткое житіе, помѣщенное въ „Послѣдованіи“, говоритъ, что воспитателемъ Іоанна-Владиміра былъ „тогдашній святѣйшій и мудрѣйшій архіепископъ Охридскій, Николай.“

[3]) Составитель или позднѣйшій переводчикъ житія распространяетъ власть Владиміра на весь Иллирикъ и даже на Сремъ (εἰς τὰ ὅρια τοῦ παμμάκαρος Ἰωάννου τὴν Δαλματίαν λέγω, τὸ Ἄλβανον, καὶ τὸ Σύρμιον, καὶ εἰς τὸ Ἰλλυρικόν), т. е. на всѣ края Сербскаго государства Неманичей; но это, очевидно, позднѣйшая амплификація; въ самомъ житіи вся дѣятельность Владиміра сосредоточена только около границъ Охридской Болгаріи, на Адріатическомъ побережьѣ.

ходился небольшой домикъ, къ которому ночью никто подходить не смѣлъ, потому что это мѣсто было страшное и темное, окруженное водою протекающей тамъ рѣки [1]); отъ густоты деревьевъ лучи солнца и мѣсяца никогда туда не проникали, и человѣка устрашало множество дикихъ звѣрей, тамъ живущихъ (какъ и теперь, — прибавляетъ сказаніе,—хотя въ продолженіе времени мѣсто это значительно измѣнилось и отчистилось). Однажды, уже послѣ смерти своего отца, блаженнѣйшій Іоаннъ-Владиміръ, по своему обыкновенію, поѣхалъ туда верхомъ, въ сопровожденіи троихъ изъ своихъ бояръ. Вдругъ они увидѣли какъ бы орла, на головѣ котораго сіялъ, подобный солнцу, крестъ; когда они, слѣдуя за этимъ чудеснымъ явленіемъ, проникли въ чащу, то крестъ остановился надъ домикомъ. Они соскочили съ коней и пали ницъ передъ крестомъ. Владиміръ тотчасъ началъ строить на этомъ мѣстѣ храмъ Божій и украсилъ его иконою распятаго Христа; онъ непрестанно ходилъ туда молиться; часто онъ, ночью, одинъ удалялся въ чащу и всю ночь проводилъ въ сокровенной молитвѣ. Тамъ, въ храмѣ, построенномъ во имя святаго Іоанна-Владиміра благочестивыми людьми, положены были и хранятся до нынѣ его нетлѣнныя мощи».

[1]) Скумби

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Внутреннія дѣла Болгаріи при Самуилѣ. Богомильство. Состояніе церкви у Сербовъ.

Прежніе государи Болгарскіе, Борисъ, Симеонъ, Петръ, при безконечныхъ распряхъ своихъ съ Греческою имперіею, всегда старались, мы знаемъ, освободить Болгарскую церковь отъ вліянія и власти Византіи, и поэтому много разъ заводили сношенія съ Римомъ. Еще болѣе, конечно, желалъ Самуилъ, чтобы Болгарія была независима отъ Цареградскаго патріархата, и склоненъ былъ къ сближенію съ папскимъ престоломъ: ибо Самуилъ былъ самый ожесточенный врагъ Византіи, какого представляетъ Болгарская исторія; онъ единственный государь Болгарскій, который во все время своего владычества (а онъ царствовалъ долго, 38 лѣтъ), не вступилъ ни въ какое сношеніе, ни въ какой договоръ съ Константинопольскимъ правительствомъ. Притомъ, водворившись на берегу Адріатическаго моря, подчинивъ себѣ южныя области Сербскія, Самуилъ сдѣлался обладателемъ земель, которыя находились въ тѣсной связи съ противоположнымъ берегомъ Италіи и въ то время зависѣли въ церковномъ отношеніи отъ Рима. Тогда различіе въ началахъ между обѣими церквами еще не было такъ ощутительно, какъ оно сдѣлалось въ послѣдствіи. Край, которымъ управлялъ Владиміръ Подгорскій подъ верховною властію Самуила, составлявшій область древней митрополіи Діоклейской, признавалъ себя еще въ XI вѣкѣ подчиненнымъ Римскому патріархату, но конечно вовсе не считалъ себя отчужденнымъ отъ православныхъ церквей Востока [1]). Вѣроятно славянская литургія господствовала здѣсь совмѣстно съ признаніемъ іерархическаго главенства Рима, точно также какъ въ сѣверной части Далмаціи, въ державѣ Хорватскихъ государей, и конечно она

---

[1]) Эта неопредѣленность отношеній къ обѣимъ церквамъ, Восточной и Западной, проходитъ черезъ всю исторію Сербовъ до Немани (во второй половинѣ XII вѣка): мы увидимъ ее ясно обозначенною въ слѣдующую эпоху.

не претерпѣвала въ Діоклейской митрополіи тѣхъ гоненій, которымъ была подвержена въ митрополіи Сплѣтской, гдѣ латинскій элементъ былъ несравненно сильнѣе. — Сближаясь съ Римомъ, государи Болгарскіе, Борисъ, Симеонъ, Петръ, точно также какъ Самуилъ, послѣдовавшій ихъ примѣру, не думали мѣнять вѣру: они дѣлали шагъ политическій, а не духовный. Привлекая ихъ на свою сторону, папа своимъ патріаршимъ благословеніемъ давалъ ихъ власти освященіе, котораго они никакъ не могли получить отъ Византіи: онъ давалъ имъ право носить императорскій вѣнецъ и именоваться царями, и чрезъ то ставилъ ихъ въ глазахъ народа наравнѣ съ «боговѣнчанными» самодержцами Константинопольскими. Еще въ XIII вѣкѣ хранились въ Ватиканскомъ архивѣ документы о томъ, какъ Болгарскій государь Самуилъ возведенъ былъ Римскимъ первосвященникомъ въ санъ императорскій [1]). Документы эти не дошли до насъ, и мы не знаемъ никакихъ подробностей о сношеніяхъ Самуила съ Римомъ. Но что царскій титулъ, для котораго Самуилъ, чрезъ эти сношенія, получилъ освященіе отъ старѣйшаго изъ патріарховъ, остался ему присвоеннымъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Болгаре величали своего государя титуломъ *цѣсарь* (τζαῖσαρ [2]): слово, которое въ послѣдствіи сократилось и стало произноситься *царь*. Изъ иностранныхъ памятниковъ не только Діоклейская лѣтопись и извѣстная намъ Сплѣтская запись 994 года именуютъ Самуила Болгарскимъ императоромъ, но даже византійскіе историки не рѣдко придаютъ ему титулъ βασιλεύς, не смотря на то, что они всегда такъ завистливо берегутъ его исключительно для преемниковъ Константина Великаго.

Принятіе Самуиломъ императорскаго титула и его сближеніе съ Римомъ не могло остаться безъ вліянія на церковныя отношенія Болгарскаго государства. Церковь Болгарская, я сказалъ, всегда стре-

---

[1]) Gesta Innocentii III, ed. Baluze, pag. 52 (Caloioanni domino Blancorum et Bulgarorum): Petisti vero humiliter ut coronam tibi Ecclesia Romana concederet, sicut illustris memoriae Petro, Samueli et aliis progenitoribus tuis in libris tuis legitur concessisse. Nos igitur ut super hoc majorem certitudinem haberemus, regesta nostra perlegi fecimus diligenter; ex quibus evidenter apparet quod in terra tibi subjecta multi reges fuerant coronati. А въ письмѣ къ Иннокентію, Іоаннъ Асѣнь говоритъ: inquisivi antiquorum nostrorum scripturas et libros et beatae memoriae Imperatorum nostrorum praedecessorum leges, unde ipsi sumpserunt regnum Bulgarorum et firmamentum, imperialem coronam super caput eorum et patriarchalem benedictionem; et diligenter perscrutantes in eorum invenimus scripturis, quod beatae memoriae illi Imperatores Bulgarorum et Blancorum Simeon, Petrus et Samuel nostri praedecessores coronam imperii eorum et patriarchalem benedictionem acceperunt a sanctissima Dei Romana ecclesia et ab apostolica Sede, principe apostolorum Petro.

[2]) Смотри ниже разсказъ о пораженіи Болгарскаго государя Іоанна-Владислава, племянника Самуилова, когда Болгарскіе воины, въ паническомъ страхѣ, кричали своему царю: βεζεῖτε ὁ τζαῖσαρ (такъ записано въ византійской лѣтописи, Кедр. II, 466), т. е. „бѣзите, о цѣсарь“ (бѣгите, о царь).

милась къ независимости отъ Константинопольскаго патріархата. Византія всегда боялась, чтобы Болгарская церковь въ этомъ стремленіи не отложилась отъ православнаго міра и не подчинилась Риму, какъ едва не случилось при самомъ введеніи христіанства въ Болгаріи. Потому, когда, въ царствованіе Петра Симеоновича, ослабѣвшая Болгарія на нѣсколько времени вступила въ союзъ съ Византійскимъ дворомъ и перестала ему угрожать, то Византія рѣшилась даже провозгласить Болгарскую церковь независимою и признать за нею права особаго патріархата, лишь бы только удержать ее отъ сношеній съ папою, къ которымъ Петръ былъ весьма склоненъ, при всей своей дружбѣ съ Византійскими государями. Мы знаемъ, что при Петрѣ Болгарская церковь была признана независимымъ (автокефальнымъ) патріархатомъ [1]). Вся іерархія въ Болгаріи была народная [2]). Но когда Болгарія была покорена Цимисхіемъ, то и церковная независимость ея должна была прекратиться. Цимисхій низвелъ преемника Даміанова съ патріаршаго престола и уничтожилъ первый патріархатъ Болгарскій. Могъ ли Самуилъ возстановить его?—При немъ какъ гражданская столица Болгаріи, такъ и духовная, естественно должна была перейти на югъ: архіепископъ Болгарскій Германъ, называвшійся также (вѣроятно въ иночествѣ) Гавріиломъ, пребывалъ частію въ Преспѣ, частію въ Воденѣ (въ южной Македоніи) [3]); его преемники Филиппъ и Давидъ [4]) стали жить въ Охридѣ. Они, разумѣется, имѣли въ управленіи церковью такую же полную независимость, какъ предшественники ихъ, патріархъ Силистрійскій или Прѣславскій, и, можетъ быть, принимали даже титулъ патріаршескій; но права на этотъ титулъ они, конечно, получить не могли. Цимисхій, безъ сомнѣнія, уничтожилъ патріархатъ Болгарскій также торжественно и съ такою же каноническою законностью, какъ Романъ Лакапинъ призналъ его. Возстановить этотъ патріархатъ новымъ приговоромъ Цареградскаго «синклита» нельзя было, при непрекращавшемся разрывѣ съ Византійскимъ правительствомъ, которое считало Самуила мятежникомъ; а искать утвержденія новому патріархату Болгарскому въ Римѣ было бы безполезно, потому что папы, охотно признавая за правителями Болгаріи высшій титулъ государственный, никогда не соглашались, по понятному расчету, даровать ея церкви право на іерархическую

---

[1]) См. выше, стр. 115.

[2]) По свидѣтельству Лекіеновскаго каталога, Левъ, назначенный архіепископомъ Болгаріи при императорѣ Константинѣ Мономахѣ (1042 1054), былъ въ ней *первый* греческій владыка, πρῶτος ἐκ Ῥωμαίων.

[3]) См. въ каталогѣ Лекіена, о которомъ сказано выше, стр. 115.

[4]) Архіепископъ Давидъ не помѣщенъ въ Лекіеновскомъ каталогѣ; онъ намъ извѣстенъ изъ Кедрина.

самостоятельность. Вотъ все, что мы въ состояніи сказать съ достовѣрностью о положеніи Болгарской іерархіи при Самуилѣ.

Мы должны думать, что неоправившаяся еще отъ тяжелой борьбы съ Святославомъ и Цимисхіемъ и лихорадочно напрягавшая всѣ силы для возстановленія своего бытія, Болгарія при Самуилѣ стояла далеко уже не на той степени духовнаго процвѣтанія, которой она достигла въ началѣ X вѣка, при Симеонѣ. Ересь богомильская уже сильно въ ней господствовала. Я замѣтилъ выше, что средоточіемъ преемниковъ манихейскаго дуализма, называвшихся павликіянами[1]), въ IX вѣкѣ была Арменія и что армянскіе павликіяне стали проповѣдывать въ Болгаріи при самомъ обращеніи ея въ христіанство[2]). Мы видѣли, какъ сильно привился дуализмъ на болгарской почвѣ, какъ уже при Петрѣ Симеоновичѣ выступилъ въ Болгаріи такой ересіархъ, который далъ свое имя цѣлой дуалистической церкви. Распаденіе Болгарскаго государства послѣ Петра и неустройство, тогда послѣдовавшее (между прочимъ и уничтоженіе самостоятельности Болгарской церкви), должно было способствовать къ ослабленію въ Болгаріи неукоренившагося еще православія и къ распространенію ереси. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что манихейство, издавна преслѣдуемое Византійскимъ правительствомъ, становилось въ Болгаріи въ оппозицію противъ власти Греческаго императора и, стараясь принять тамъ характеръ народнаго исповѣданія, привлекало къ себѣ послѣдователей не только религіозною своею стороною, но и политическою. Самъ завоеватель Болгаріи, Іоаннъ Цимисхій, непреднамѣренно содѣйствовалъ усиленію въ ней ереси. Вскорѣ послѣ мира съ Святославомъ, онъ совершилъ счастливый походъ въ Малую Азію и привелъ съ собою оттуда, именно изъ Халивіи и Арменіи, множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ немало павликіянъ или манихеевъ. Народъ этотъ былъ воинственный, и Цимисхій поселилъ ихъ, какъ упомянуто выше, въ окрест-

---

[1]) Въ то время манихейство или гностицизмъ въ своемъ первоначальномъ видѣ не существовалъ уже, но дуализмъ, въ немъ такъ сильно развившійся и проникшій въ кругъ христіанскаго міра, возникалъ въ новыхъ ересяхъ, въ которыхъ современники справедливо признавали преемство манихейскаго ученія. Кромѣ павликіянъ, особенно важны были массаліане и евхиты. Ученый авторъ сочиненія о дуалистическихъ ересяхъ средне-вѣковой Европы, Шмидтъ, отвергаетъ происхожденіе богомиловъ или катаровъ отъ этихъ восточныхъ сектъ (Histoire des Albigeois ou Cathares, II, 252—266); по мнѣ кажется, что онъ придалъ слишкомъ много значенія частнымъ разногласіямъ ихъ теорій и обрядовъ. Исторія всѣхъ возможныхъ сектъ свидѣтельствуетъ о безпрестанныхъ перемѣнахъ въ ихъ ученіи, хотя оно переходило преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Впрочемъ, славянскіе источники, которые были недоступны Шмидту, вѣроятно измѣнили бы его взглядъ на этотъ предметъ: ибо въ нихъ совершенно ясно указывается на происхожденіе богомильства отъ дуалистическихъ ересей Востока.

[2]) См. выше, 58.

постяхъ Филиппополя [1]). Онъ хотѣлъ достигнуть этимъ двойной цѣли, говоритъ Анна Комнина: удалить опасныхъ враговъ имперіи изъ горныхъ, неприступныхъ убѣжищъ ихъ родины, гдѣ они постоянно готовы были возмущаться, и сдѣлать изъ нихъ слугъ государства, поручивъ имъ охраненіе Филиппополя съ близлежащими ущеліями Гемоса (Балкана) и поставивъ ихъ тамъ оплотомъ противъ набѣговъ сѣверныхъ *Скиѳовъ* на Ѳракію.—За эту войсковую службу имъ была обѣщана свобода вѣроисповѣданія [2]). Они воспользовались своимъ положеніемъ. «Народъ свободолюбивый и непокорный [3]), они, сдѣлавшись господами Филиппополя, стали угнетать немногихъ бывшихъ тамъ православныхъ жителей, не слушались приказаній императора и дѣятельно распространяли свое ученіе. Все кругомъ Филиппополя,—я выписываю изъ лѣтописи Анны Комнины,—сдѣлалось еретическимъ; и съ тамошними еретиками слился еще другой горькій потокъ, исходившій изъ армянскаго источника»,—она разумѣетъ туземныхъ славянскихъ дуалистовъ, богомиловъ. Когда Болгарія возстала, эти Филиппопольскіе павликіяне, кажется, перешли на ея сторону. Независимо отъ Филиппопольской области, дуалистическая ересь, мы можемъ сказать положительно, господствовала сильно въ Македоніи, около Охрида, въ самомъ сердцѣ Самуиловой державы и въ сосѣднихъ краяхъ. Правда, мы не находимъ на это прямаго указанія въ современныхъ извѣстіяхъ; но мы знаемъ, съ одной стороны, что павликіяне имѣли во второй половинѣ IX вѣка свою организованную церковь въ Македоніи, а съ другой, что въ концѣ XI вѣка все населеніе какого-то города въ Охридскомъ краѣ принадлежало къ ереси [4]) и что въ XII-мъ в. богомилы составляли большинство населенія Могленской епархіи [5]) (въ средней части Македоніи): поэтому не можетъ быть сомнѣнія, что и въ промежуткѣ между

---

[1]) Anna Comnena, ed. Paris. 451—452.

[2]) Это можно заключить изъ всего разсказа Анны Комнины о переселеніи павликіянъ въ Филиппополь.

[3]) Anna Comn. тамъ же: οἱ μέντοι Μανιχαῖοι φύσιν ὄντες ἐλεύθεροι καὶ ἀνυπότακτοι, τὸ εἰωθὸς ἐποίουν, καὶ εἰς τὴν φύσιν ἀνέκαμπτον, πᾶσα γὰρ ἡ Φιλιππούπολις πλὴν ολίγων ὄντων Μανιχαίων, τῶν τε αὐτόθι χριστιανῶν ἐτυράννουν καὶ τὰ τούτων διήρπαζον, μικρὰ φροντίζοντες ἢ οὐδὲν τῶν ἀποστελλομένων παρὰ Βασιλέως. ηὔξανε τοίνον, καὶ τὰ κύκλω Φιλιππουπόλεως πάντα ἦσαν αἱρετικοί. συνεισέβαλε δὲ καὶ τούτοις ἕτερος παταμὸς ὁ τῶν Αρμενίων ἄλμυρος καὶἄλλος ἀπὸ τῶν θολεροτάτων πηγῶν Ἰακώβου.

[4]) Вильгельмъ Тирскій (въ разсказѣ о первомъ крестовомъ походѣ, 1096 г.): „ils (крестоносцы) allèrent établir leur camp dans un pays très fertile, nommé Pélagonie. Ils apprirent qu'il y avait dans le voisinage une ville qui n'était habitée que par des hérétiques...“ Guillaume de Tyr, въ собраніи переводовъ средне-вѣковыхъ историковъ Франціи.

[5]) См. житіе Иларіона Могленскаго.

этими двумя эпохами вліяніе дуалистическаго ученія не прекращалось въ тѣхъ мѣстахъ.

Православіе нашло въ Самуиловой державѣ ревностнаго поборника въ лицѣ пресвитера Космы. Онъ дѣйствовалъ по всей вѣроятности въ послѣдней четверти X вѣка, т. е. въ началѣ царствованія Самуила. Время его жизни опредѣляется тѣмъ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ о царствованіи Петра († 967) какъ о прошедшемъ [1]), но съ другой стороны указываетъ на Іоанна Экзарха, какъ на такого дѣятеля, котораго помнили еще многіе изъ слушавшихъ его проповѣди [2]); Іоаннъ же былъ современникомъ Симеона († 927) и, вѣроятно, жилъ еще при его сынѣ Петрѣ. — Бесѣды Космы противъ богомиловъ дошли до насъ [3]); это единственный памятникъ болгарской письменности въ эпоху Самуила. Почти всѣ онѣ направлены противъ богомиловъ [4]). Гдѣ ихъ писалъ Косма, въ сѣверной ли Болгаріи, или въ Забалканской, отгадать невозможно; но видно, что онъ направлялъ ихъ одинаково противъ обоихъ толковъ, раздѣлявшихъ дуалистическую ересь [5]). Гдѣ бы онѣ ни родились, «Бесѣды» его даютъ намъ понятіе о тогдашнемъ ученіи болгарскихъ богомиловъ и отчасти даже о политической роли, какую они играли. Познакомимся ближе съ тѣмъ, что Косма говоритъ объ этихъ еретикахъ, имѣвшихъ столь великое вліяніе на внутреннюю жизнь древней Болгаріи: свидѣтельство современника и туземца въ этомъ отношеніи неоцѣнимо. Разумѣется, читатель будетъ помнить, что современникъ этотъ писалъ въ увлеченіи борьбы съ богомилами, которые казались ему «злѣе и мерзче бѣсовъ», и что, стало быть, сужденіе его о нихъ не могло оставаться вполнѣ безпристрастнымъ. Тѣмъ не менѣе, по-

---

[1]) Космы пресвитера Бесѣда на богомиловъ (Православный Собесѣдникъ, 1864, ч. 1 стр. 487): „Якоже случися въ Болгарьстій земли, въ лѣта правовѣрнаго царя Петра, бысть попъ, именемъ Богумилъ“ и проч.

[2]) Тамъ же, ч. 2, стр. 425: „Подражайте Ивана прозвитера новаго, его же и отъ васъ самѣхъ мнози знаютъ, бывшаго настуха и ексарха иже въ земли Болгарьстѣй“.

[3]) Онѣ изданы въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1864 годъ, по рукописи, принадлежавшей Соловецкой библіотекѣ и относимой къ XV вѣку; другое, неполное и весьма неисправное изданіе помѣщено въ Загребскомъ „Архивѣ Юго-Славянской Исторіи“ за 1857 годъ, по списку съ рукописи Московской духовной Академіи XVI вѣка.

[4]) Эти бесѣды носятъ общее заглавіе: „Недостойнаго Козмы прозвитера бесѣды на новоявившуюся ересь богомилу“. Первая бесѣда не имѣетъ особаго заглавія; затѣмъ слѣдуютъ бесѣды: 2) о комканіи (т. е. о причастіи); 3) о литургіяхъ; 4) о пророцѣхъ; 5) о ненавидѣніи еретическомъ; 6) о исповѣданіи еретическомъ; 7) о мятущихся черньцѣхъ; 8) о хотящихъ отъити въ черныя ризы; 9) о затворницѣхъ; 10) о добрѣхъ черньцѣхъ; 11) о вѣрѣ; 12) о богатыхъ; 13) о епископѣхъ и попѣхъ. Только бесѣды 7, 8, 9, 10, 12 и 13 не имѣютъ прямаго отношенія къ богомильству.

[5]) Это доказываютъ приведенныя уже (стр. 133) слова Космы, гдѣ онъ различаетъ тѣхъ богомиловъ, которые признавали злое начало творцомъ всего, отъ тѣхъ, которые называли его отпадшимъ ангеломъ или икономомъ (т. е. правителемъ) вселенной.

казанія его объ ихъ ученіи и способѣ проповѣди подтверждаются другими источниками, греческими, славянскими и западными, да и нельзя, впрочемъ, предполагать въ немъ искаженія самыхъ догматовъ богомильства. Онъ серьозно выставляетъ каждое положеніе противниковъ церкви и опровергаетъ его на основаніи Священнаго Писанія: если бы опровергаемыя положенія не выражали дѣйствительнаго ученія богомиловъ, то книга Космы не могла бы имѣть на нихъ никакого вліянія и не достигала бы своей цѣли, т. е. обращенія еретиковъ [1]). Какъ же современникъ Самуила рисуетъ главныя черты богомильства? — Я буду придерживаться буквально словъ Космы.

«Многихъ слышимъ, говоритъ онъ, отъ нашихъ (т. е. православныхъ) бесѣдующихъ: почто Богъ діаволу попущаетъ на человѣка?» Вотъ первый вопросъ, который приготовлялъ нетвердыхъ въ христіанской истинѣ къ принятію манихейскаго ученія. На этотъ вопросъ богомилы отвѣчали теоріею дуализма: «все существуетъ, говорили они, по волѣ діавола: небо, солнце, звѣзды, воздухъ, землю, человѣка, церкви, кресты и все Божіе діаволу предаютъ и просто все движущееся на землѣ и одушевленное и неодушевленное называютъ принадлежащимъ діаволу... И опять, слыша слова Господа: *нынѣ князь міра сего осудися:* и опять: *нынѣ князь міра сего пріидетъ и въ мнѣ не обрящетъ ничесоже* — слыша эти слова, еретики, властелиномъ и княземъ прозвали діавола твари Божіей». Но въ самой теоріи дуализма было разногласіе, которое Косма сознавалъ ясно; онъ говоритъ, что одни изъ еретиковъ «діавола *творца* нарицаютъ человѣкомъ и всей твари Божіей...: иніи же *ангела отпадша* нарицаютъ его; друзіи же *иконома* (т. е. управителя) неправеднаго творятъ его... не бо состоятся вкупѣ рѣчи ихъ, но разновлекутся, аки гнила свита» (т. е. ибо ихъ рѣчи не согласуются, но влекутся розно какъ гнилое сукно). Приписывая созданіе человѣка началу зла, дуалисты гнушались младенцевъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, господствовало единственно начало это, давшее имъ жизнь, и отвергали ихъ крещеніе: «святое крещеніе отмещутъ, свидѣтельствуетъ Косма, гнушающеся крестимыхъ младенецъ. Аще бо ся имъ случитъ видѣти дѣтищь младъ, то аки смрада зла гнушаются, отвращающеся плюютъ....: мамоничища бо ӗ (т. е. младенцевъ) зовутъ, мняще ӗ діаволичища зовуще...» Все ветхозавѣтное они также приписывали началу зла: «отмещутъ (отвергаютъ) Авраама... и Данила и Азарь-

[1]) Ср. что говоритъ объ этомъ Шмидтъ, II, 3: „On ne saurait donc hésiter à ajouter fo aux adversaires (de la doctrine des Cathares) et à considérer leurs ouvrages comme des sources authentiques et suffisantes, sauf à leur appliquer une critique sévère et à se mettre en garde contre les exagérations de leur zèle orthodoxe“.

ины чади и прочихъ пророкъ не пріемлютъ;... [1]) Іоанна же, предтечу и зарю великаго солнца, безчествуютъ, антихристова предтечу наричуще й, его же самъ Господь больша всѣхъ святыхъ показа». Явленіе добра въ мірѣ они видѣли въ Іисусѣ Христѣ, но, какъ уже замѣчено, не почитали Его единороднымъ Отцу, а младшимъ сыномъ Божіимъ, старшаго же именовали Сатанаиломъ, и Сатанаилу приписывали (въ той теоріи, гдѣ дуализмъ не возводился въ начало искони присущее Божеству) созданіе всей твари, основывая это ученіе на ложномъ толкованіи евангельской притчи о двухъ сынахъ [2]). Толкованіе Евангелія не сходило съ ихъ устъ: «покрываютъ лицемѣрнымъ смиреніемъ ядъ свой, ктому же еще святое Евангеліе въ своихъ рукахъ держатъ, и не должнымъ образомъ толкуя его, тѣмъ уловляютъ людей на ихъ пагубу», пишетъ нашъ свидѣтель. Но какъ они толковали Евангеліе? Образчикъ тому мы уже видѣли въ вышеприведенныхъ мнѣніяхъ; но кромѣ того, Косма сообщаетъ намъ много другихъ положеній этой ереси: «Преславныя и пречистыя Богоматере Господа нашего Іисуса Христа не чтутъ, пишетъ онъ,... ихъ же рѣчи и гордости нельзѣ писати въ книги сія». «Что же они говорятъ о святомъ причастіи? не Божіимъ-де повелѣніемъ творится евхаристія и она не есть, какъ вы (т. е. православные) говорите, настоящее тѣло Христово, но какъ и всякій другой простой хлѣбъ: ибо не Христосъ сотворилъ литургію, и поэтому мы не должны творить ея въ честь Его» [3]). — «О крестѣ же Господнемъ они такъ горятъ соблазняясь: какъ ему кланяться? Сына Божія на немъ распяли Жиды, такъ что крестъ скорѣе противенъ Богу. Потому они учатъ своихъ ненавидѣть его, а не кланяться, говоря слѣдующее: если бы кто царева сына убилъ древомъ, можетъ ли древо то быть любо царю? такъ и крестъ Богу». Въ другомъ мѣстѣ Косма говоритъ про этихъ еретиковъ, что они «посѣкаютъ кресты» и дѣлаютъ изъ нихъ себѣ орудія; иконамъ они не кланяются и называютъ ихъ кумирами; ругаются мощамъ и смѣются надъ нами (православными), когда видятъ

---

[1]) Ср. Euthymii Zygadeni (жилъ въ XII вѣкѣ) Narratio de Bogomilis ed. Gieseler. 6: 'Αθετοῦσι πάσας τὰς Μωσαϊκὰς βίβλους и проч. Житіе св. Иларіона Могленскаго: „Где паки, вьпрошаю васъ (говоритъ Иларіонъ богомиламъ), изобрѣтосте душетленную сію язву, еже глаголати, яко древній законъ отъ лукаваго бѣше?"

[2]) Этотъ взглядъ богомиловъ ясно выраженъ у Евѳимія Зигадина (главы VI, VII; ср. Schmidt. II, 59). Косма, имѣя въ виду опроверженіе обоихъ дуалистическихъ толковъ, смѣшиваетъ ихъ въ этомъ отношеніи: „Слышаще во евангеліи Господа рекша притчу о двою сыну, Христа убо творятъ старѣйшаго сына, меньшаго же еже есть заблудилъ отца, діавола мѣнятъ, и сами и мамону прозваша и того творца нарицаютъ и строителя земныхъ веществъ" и т. д.

[3]) Слова Священнаго Писанія о тѣлѣ и крови Господней богомилы толковали въ переносномъ смыслѣ: тѣломъ называли тетро-евангеліе (четвероевангеліе), кровью — апракосъ-апостолъ.

насъ поклоняющимися имъ и просящими отъ нихъ помощи. — Обращаясь съ рѣчью къ самими богомиламъ, Косма говоритъ: «Какъ же вы чины святые хулите, преданные намъ святыми апостолами и богоносивыми отцами, а именно литургію и прочія молитвы, творимыя добрыми христіанами, и говорите: не апостолы литургію предали ни евхаристію, но Іоаннъ Златоустый?... И церковный чинъ хулите, іереевъ и всѣ саны церковные? фарисеями слѣпыми зовете правовѣрныхъ поповъ и много на нихъ лаете, аки псы на конника?» А когда православные ссылались на то, что церковная іерархія ведетъ свое начало отъ апостоловъ, богомилы отвѣчали: «если вы люди священные, какъ вы говорите, — то почто не живете, какъ вамъ повелѣно?.... мы не видимъ васъ такими, какъ повелѣли апостолы: на перекоръ тому все дѣлаютъ попы, упиваются, грабятъ и другое зло втайнѣ творятъ;.... епископы же, не будучи въ состояніи воздерживаться, какъ воздерживаемся мы, — богомилы, — устраняютъ насъ отъ молитвъ, а отъ грѣха не удаляютъ». — «Еретики (выписываю въ другомъ мѣстѣ изъ «бесѣды» Космы), слыша апостола Павла, сказавшаго о кумирахъ: не подобаетъ намъ повиноваться злату и сребру, сотворенному хитростію человѣческою, — мнятъ окаянные, что объ иконахъ это сказано, и нашедши себѣ въ этомъ словѣ предлогъ, не кланяются наединѣ [1]) иконамъ...» «Еретики сами въ себѣ исповѣдь творятъ и рѣшатъ, сами будучи связаны узами діавола; и не только мужи это творятъ, но и жены...». Отвергая все внѣшнее, они являлись строгими аскетами «Діавола... творца нарицаютъ и строителя земныхъ веществъ, и говорятъ, что того велѣніе брать женъ и мясо ѣсть и вино пить; и просто все похуливши наше, сами себя небесными жителями считаютъ, а женящихся людей и живущихъ въ міру мамониными слугами зовутъ». Самъ Косма, слова котораго я продолжаю выписывать, видѣлъ огромное вліяніе этого аскетизма на народъ: «Суть еретики, говоритъ онъ, извнѣ яко овцы образомъ кротки и смиренны, и молчаливы, блѣдны же суть видѣти отъ лицемѣрнаго поста, не говорятъ многословно, не смѣются грохотомъ, не рядятся, хранятся отъ взора, и все творятъ извнѣ такъ что и не разознать ихъ съ правовѣрными христіанами, изнутри же суть волки и хищники, какъ сказалъ Господь. Ибо люди, видя толикое и такое ихъ смиреніе, и почитая ихъ людьми правовѣрными и могущими направить на спасеніе, приближаются къ нимъ и вопрошаютъ ихъ о спасеніи души; они же, подобные волку хотящему взять ягненка, сперва потупляются, воздыхая, и съ смиреніемъ отвѣчаютъ и

[1]) Далѣе Косма говоритъ, что среди православныхъ они лицемѣрно покланяются иконамъ.

притворяются имѣющими предвѣдѣніе о томъ, что на небесахъ, и гдѣ узрятъ человѣка простаго и грубаго, тутъ сѣютъ плевелы ученія своего... Но скажу и другія слова ихъ, коими они уловляютъ грубыхъ людей; они говорятъ: не подобаетъ трудиться, занимаясь земными дѣлами, когда Господь рекъ: не пецѣтеся, что ясте или что піете или во что облечетеся, всѣхъ бо тѣхъ, рече, страны поганыя ищутъ. Оттого иные изъ нихъ ходятъ празно, ни до чего не хотятъ дотронуться руками своими, но переходятъ изъ дома въ домъ, съѣдая чужое имѣніе прельщаемыхъ ими людей...» Богослуженіе у богомиловъ состояло въ слѣдующемъ, по словамъ Космы: «кланяют-ются, затворшеся въ хизѣхъ (жилищахъ) своихъ, четырижды днемъ и четырижды нощію и вся пятеро врата отверсты имуще, яже повелѣна суть затворити; кланяющеся глаголютъ: Отче нашъ, иже еси на небеси; но и то на велико осужденіе имъ есть: иже творца небу и земли отцемъ нарицати словесы, а тварь его діаволю тварь мнятъ. Кланяюще же ся не творятъ креста на лици своемъ». Даже въ день Воскресенія Христова они постились, кланялись и дѣлали «ручныя дѣла», какъ въ обыкновенные дни; не признавали никакихъ изъ установленныхъ церковью праздниковъ. — Косма разсказываетъ намъ, что богомилы не только отвергали устройство православной церкви, но почитали богопротивнымъ весь гражданскій порядокъ, среди котораго они жили: «учатъ своя си не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыхъ, царей ненавидятъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряютъ боляры, мерзки Богу мнятъ работающихъ царю и всякому рабу не велятъ работати господину своему». Къ сожалѣнію, нашъ свидѣтель не говоритъ ничего объ ихъ собственной организаціи. Но мы въ правѣ заключить изъ другихъ извѣстій, что эта организація была крѣпкая и тайная; что въ Болгаріи богомилы имѣли нѣсколько *церквей* [1]); что эти церкви были двухъ толковъ: македонскаго или дреговичскаго (съ ученіемъ объ исконномъ и вѣчномъ дуализмѣ) и собственно-болгарскаго (съ ученіемъ о первенствѣ добраго начала въ Божествѣ) [2]); что члены богомильской *церкви* были раздѣлены на двѣ ступени, простыхъ вѣрующихъ и избранныхъ или *совершенныхъ*, которые достигали этого званія послѣ искуса [3]); что каждая *церковь* имѣла своего старшину или епископа [4]); что иногда (а можетъ быть и постоянно) надъ всѣми богомильскими *церквами* стоялъ высшій учитель, который, уподобляя себя Христу,

---

[1]) См. выше стр. 58, свидѣтельство Петра Сицилійскаго и Фотія о павликіанскихъ церквахъ въ Македоніи, въ Филиппахъ и въ Ахаѣ.

[2]) См. что объ этомъ сказано выше, стр. 133.

[3]) См. Шмидта, II, 139—150.

[4]) См. тамъ же.

окружалъ себя двѣнадцатью учениками или апостолами [1]): такимъ учителемъ былъ самъ попъ Богомилъ въ X вѣкѣ, и мы не имѣемъ права сомнѣваться въ томъ, что власть его передавалась преемственно послѣ его смерти, пока не перешла къ тому монаху Василію, который жилъ въ исходѣ XI и началѣ XII вѣка и о которомъ мы имѣемъ подробное извѣстіе.

Такова характеристика богомиловъ, оставленная намъ современникомъ Самуила. Она объясняетъ причину ихъ быстрыхъ успѣховъ и огромнаго расширенія, какъ между Задунайскими Славянами, такъ и въ Западной Европѣ. Ученіе это дуализмомъ своимъ отвѣчало, конечно не утѣшительно, но доступно грубому уму, на вопросъ о причинѣ господства зла на свѣтѣ; оно обращалось къ народу съ проповѣдью, которую почерпало изъ словъ Евангелія, произвольно толкуемыхъ, и старалось казаться поборникомъ чистыхъ началъ евангельскихъ, въ противность всему ветхозавѣтному и всѣмъ нововведеніямъ позднѣйшихъ вѣковъ церкви; на толкованіи Евангелія оно основывало отреченіе отъ всего внѣшняго и строгій аскетизмъ; этимъ отреченіемъ отъ внѣшняго и наружнымъ аскетизмомъ оно фанатизировало своихъ прозелитовъ (подобное тому явленіе представляютъ въ послѣдствіи пуританцы); оно (и въ этомъ опять сходство съ пуританствомъ) съ одной стороны вооружало своихъ послѣдователей противъ существующаго порядка, церковнаго и гражданскаго, а съ другой, подчиняло ихъ своей особенной, строгой и бдительной, общественной власти и дисциплинѣ.

Составляя такимъ образомъ твердо организованное общество среди общества, отвергая установленія церкви и не признавая законными никакихъ властей, кромѣ своихъ собственныхъ учителей, богомилы, естественно, навлекали на себя вражду и гоненіе. Косма намекаетъ на такія гоненія; весьма вѣроятно, что они были сильны при царѣ Петрѣ, отличавшемся такою ревностью къ церкви, что Болгарія причислила его къ святымъ. Какъ въ послѣдствіи на Западѣ, такъ, конечно, и въ Болгаріи, ересь при первомъ своемъ появленіи скрывалась отъ взоровъ общества, и приверженцы ея въ случаѣ до-

---

[1]) См. Анну Комнину, XIV (стр. 487 Парижск. изд.): Βασίλειος τις μοναχὸς ὠδύνων δώδεκα μὲν ἔχων μαθητάς, οὓς καὶ ἀποστόλους ὠνόμαζεν... ἅπαντες δὲ (Βογόμιλοι) Βασίλειόν τινα κατήγγελον διδάσκαλον καὶ κορυφαῖον πρωτοστάτην τῆς Βογομιλικῆς αἱρέσεως и проч. Сравни съ этимъ положеніе Болгарскаго собора 1210 г., предавшее проклятію „тръклятаго Богомила и Михаила оученика его и Ѳеѡдора и Добрѣ и Сҭефана и *Василіа* и Петра и прочяя стовы оученики и единомѫдръники“ (Синодикъ царя Бориса, см. выше, стр. 131): можно предполагать, что здѣсь приведены не тѣ ученики Богомила, которые окружали его при жизни, а его преемники, начальники секты, и что Василій есть именно тотъ, о которомъ говоритъ Анна Комнина и который былъ главою богомиловъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ (+ 1118).

проса отпирались отъ своихъ мнѣній. «Еретики, говоритъ Косма, не хотятъ славить святыхъ и Божія чудеса похуляютъ; если же кто ихъ вопрошаетъ, такъ ли творите и глаголете, отрекаются и съ клятвою говорятъ: мы не таковы, какъ вы усиливаетесь насъ представить; и столько отвергаются отъ своихъ дѣлъ и молитвъ, что не подумаютъ, чтобы въ нихъ было что либо злаго». «Страха ради человѣческаго, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и въ церковь входятъ, и крестъ и иконы цѣлуютъ, какъ намъ разсказываютъ которые отъ нихъ обратились на нашу истинную вѣру, утверждая, что они все это дѣлаютъ ради людей, а не по сердцу, втайнѣ же кроютъ свою вѣру». Однако лицемѣріе не спасало ихъ отъ преслѣдованій; самъ Косма свидѣтельствуетъ объ этомъ, и даже указываетъ на гоненія, какъ на одну изъ причинъ успѣха богомиловъ, мученія которыхъ возбуждали сострадание и сочувствіе народа: «Многіе не знаютъ, что есть ересь ихъ, и считаютъ ихъ страждущими за правду и имѣющими воспріять плодъ отъ Бога за узы и темницы... Но какъ могутъ они кому бы то ни было быть милыми, хотя и страждутъ десятками тысячъ (тмами), когда они діавола называютъ творцемъ людей!» и проч. Были ли эти гоненія дѣломъ Самуила, или Косма говоритъ о прошедшемъ, объ эпохѣ Петра? Трудно рѣшить это. Вопросъ объ отношеніяхъ Самуила къ богомильской ереси весьма важенъ при опредѣленіи характера его дѣятельности, но мы можемъ отвѣчать на него только догадками. При Цимисхіи, павликіянство, мы знаемъ, свободно распространялось въ Болгаріи, да и греческіе начальники, только что взявшіе въ руки новопокоренное славянское государство, конечно, имѣли довольно заботъ, чтобы только держать матеріально въ повиновеніи обширныя области, и не могли думать о религіозныхъ вопросахъ. Но могъ ли и Самуилъ думать объ нихъ? Могъ ли онъ отважиться на разбирательство религіозныхъ убѣжденій своихъ подданныхъ и на гоненіе одной части ихъ? Онъ только что освободилъ свое отечество отъ иноплеменнаго ига; чтобы упрочить его независимость, онъ завоевывалъ или подчинялъ своему вліянію далекіе края на югъ и на западъ; онъ долженъ былъ возобновить порядокъ управленія въ растерзанной державѣ Болгарской, устроить подати, создать систему военной обороны и въ то же время вести постоянную борьбу съ врагомъ непримиримымъ и неотступнымъ, — Византійскимъ правительствомъ. Въ такое время, очевидно, государь Болгарскій не могъ заниматься обращеніемъ или преслѣдованіемъ еретиковъ въ своемъ отечествѣ. Молчаніе Космы о Самуилѣ многознаменательно: если бы онъ принималъ какія нибудь мѣры для низложенія богомиловъ, то этотъ ревностный поборникъ церкви не преминулъ бы похвалить его. Гоненія же, о которыхъ говоритъ Косма, или относились ко времени

царя Петра, которое было тогда еще свѣжо въ памяти народа, или же предпринимались, въ томъ или другомъ мѣстѣ, самимъ православнымъ населеніемъ и духовенствомъ, помимо воли государя (примѣры тому изобилуютъ въ исторіи). Мало того: мы не только въ правѣ считать Самуила равнодушнымъ къ распространенію богомиловъ; мы можемъ даже предполагать, что онъ самъ не чуждъ былъ ихъ вліянію. Самъ Косма намекаетъ на то, что богомилы пользовались въ его время покровительствомъ власти: «Если, говоритъ онъ, попъ гдѣ либо впалъ въ ихъ вѣру, то онъ тѣмъ самымъ отвергъ все наше; ежели же и держитъ его кто либо, то *страха ради властелей земныхъ;* а умъ его и любовь далеко отъ закона преданнаго святымъ церквамъ». Житіе св. Іоанна Владиміра прямо называетъ племянника Самуилова Владислава и его жену приверженцами богомиловъ [1]), а занесенное въ армянскую лѣтопись сказаніе о происхожденіи Самуила отъ Армянъ [2]) имѣло по всей вѣроятности источникомъ ходившую въ народѣ молву о томъ, что онъ придерживался «армянской ереси», какъ называли въ Болгаріи манихейское ученіе и его новый отпрыскъ, богомильство. Но при всемъ томъ я не посмѣю признать его явнымъ послѣдователемъ ереси. Если бы Самуилъ открыто стоялъ на сторонѣ богомиловъ, то, конечно, папа не рѣшился бы послать ему своего «апостольскаго благословенія и императорскаго вѣнца», да и греческіе лѣтописцы, дышащіе ненавистью къ нему, не преминули бы выставить этого злѣйшаго врага Византіи еретикомъ и противникомъ Христовой истины. При недостаткѣ всякихъ вѣрныхъ указаній, можно догадываться только, что Самуилъ, котораго религіозное положеніе было не менѣе трудно, чѣмъ политическое, — онъ былъ поставленъ между Восточною церковью, при полномъ однако разрывѣ съ ея тогдашнею представительницею, Византіею, съ одной стороны, Римомъ съ другой, и богомильствомъ съ третьей, — что Самуилъ, говорю я, старался держаться въ нѣкоторомъ равновѣсіи между ними и льстилъ и папскому двору и ереси, не отрекаясь однако же отъ православія, вѣры своихъ предшественниковъ и большинства народа. Точно также поступали въ послѣдствіи, въ подобныхъ обстоятельствахъ, нѣкоторые Боснійскіе государи. При такомъ коле-

---

[1]) Житіе св. Владиміра: ὁ πονηρὸς διάβολος.... παρακινεῖ μῖσον καὶ ἔχθραν.... εἰς τὸν ἀδελφόν τῆς γυναικός του τῆς Βασιλίσσης (здѣсь говорится о св. Іоаннѣ Владимірѣ и его женѣ, дочери Самуила, а братомъ этой послѣдней названъ ея двоюродный братъ Владиславъ), καὶ ἐτεχνεύθη κατὰ τοῦ δικαίου (св. Владиміра) ἄδικον θάνατον.... μάλιστα παρακινούμενος τὴν Δαλιδᾶν καὶ πονηροτάτην ὁμόζυγον καὶ κακότροπόν του γυναῖκα οἱ ὁποῖοι, ὡς αἱρετικοί, βαστῶντες ταῖς ῥίζαις τῆς ἰοβόλου αἱρέσεως τῶν Βογομίλων καὶ Μασσαλιανῶν, ὁποῦ εἰκόνας δὲν ἤθελαν νὰ προσκυνοῦν, ἀλλὰ ἦτον εἰκονομάχοι καὶ ἔχθροι τοῦ σταυροῦ, и проч.

[2]) См. выше, стр. 195.

баніи и неискренности убѣжденій, которыми управляли политическіе расчеты, — и папа и павликіяне-богомилы могли считать его своимъ приверженцемъ; но зато православные Болгаре, привыкшіе видѣть въ прежнихъ своихъ царяхъ ревностныхъ поборниковъ церкви, должны были усомниться въ его вѣрѣ. Этимъ мы объясняемъ совершенное отсутствіе имени Самуила въ памятникахъ православной письменности болгарской и полное забвеніе, которому предалъ великаго своего бойца народъ Болгарскій, съ благодарностью вспоминавшій о его благочестивыхъ предшественникахъ, Борисѣ, Симеонѣ и Петрѣ [1]).

Вотъ все, что можно съ нѣкоторою вѣроятностью сказать о внутренней политикѣ Самуила и о внутреннемъ состояніи Болгаріи подъ его управленіемъ. Состояніе ея въ отношеніи къ религіозной жизни было безотрадное: это ясно изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ, и сочиненія Космы пресвитера свидѣтельствуютъ, что таково было дѣйствительно чувство современныхъ поколѣній, или по крайней мѣрѣ тѣхъ людей, которые дорожили православною вѣрою. Отчаянье овладѣвало ими, когда они сравнивали предыдущую эпоху, время Бориса и Симеона, съ настоящимъ, и Косма принужденъ былъ дѣйствовать убѣжденіемъ противъ такого отчаянья. «Подражайте, — увѣщеваетъ онъ современныхъ епископовъ Болгарскихъ, — подражайте бывшимъ прежде васъ въ вашемъ санѣ святымъ отцамъ и епископамъ, я разумѣю Григорія и Василія и Іоанна и прочихъ, имена которыхъ боятся вспомнить бѣсы, которыхъ печали и скорби о людяхъ кто въ силахъ пересказать, которыхъ памятью веселятся ангелы и люди!» — «*Не рци никто же*, продолжаетъ онъ: *не мощно (невозможно) есть въ сія лѣта такому быти, тіи быша святіи велиціи и крѣпціи, и лѣта ихъ добра, нынѣ же зла насташа*. О отцы, не помышляйте! Той бо бывый Богъ и тогда, и нынѣ той же есть и во вѣки и всегда, на всѣхъ мѣстѣхъ милуетъ призывающихъ Его. Подражайте Іоанна пресвитера новаго, егоже и отъ васъ самѣхъ мнози знаютъ, бывшаго пастуха (т. е. пастыря) и ексарха иже въ земли Болгарстѣй. *И не глаголите: не можетъ тако быти въ сія лѣта.* Вся бо Богъ можетъ, аще мы хощемъ сами». — Но вмѣстѣ съ этими словами утѣшенія и надежды вырывались у Космы слова глубокой скорби и гнѣва, когда онъ говорилъ о современномъ ему религіозномъ состояніи Болгаріи. Онъ горько укорялъ духовенство за пороки: особенно обличалъ онъ черницовъ, которые, увлекаемые какимъ-то безпокойствомъ, не находятъ себѣ мѣста, *мятутся*, ищутъ чего-то, и безъ толку отправляются то

[1]) Кромѣ краткихъ замѣтокъ на славянскомъ переводѣ Манассіиной лѣтописи, гдѣ имя Самуила упоминается въ парафразахъ извѣстій, записанныхъ въ греческомъ текстѣ, оно является въ дошедшихъ до насъ славянскихъ памятникахъ только одинъ разъ, именно въ Зографскомъ помяникѣ.

въ Римъ, то въ Іерусалимъ и другія мѣста. Во всей Болгаріи онъ видѣлъ съ одной стороны распространеніе дуалистическихъ толкованій, съ другой господство суевѣрій и обрядовъ языческой старины. «Съ гусльми и плесканіемъ и пѣсньми бѣсовскими вино пьютъ и срящамъ (встрѣчамъ) и сномъ и всякому учепію сатанину вѣруютъ», говоритъ онъ о своихъ современникахъ Но главную опасность составляла для Болгарской церкви въ ту пору, скажу опять, дуалистическая ересь. И потому Косма, проклиная всѣ враждебныя православію вѣрованія, господствовавшія въ его отечествѣ, проклиналъ именно только положенія богомиловъ. Его слова въ этомъ отношеніи такъ опредѣлительны, что я ихъ выпишу, чтобы завершить ими очеркъ духовнаго состоянія Болгаріи въ концѣ X и началѣ XI вѣка: «Иже не вѣруетъ во святую и нераздѣльную Троицу, да будетъ проклятъ. Иже святаго комканія (евхаристію) не мнитъ святаго тѣла и крове Христовы, да будетъ проклятъ. Иже не молится со упованіемъ Святѣй Богородици Маріи, да будетъ проклятъ. Иже не кланяется со страхомъ честному Кресту Господню, да будетъ проклятъ. Иже иконы Господня и Богородичины и всѣхъ святыхъ со страхомъ и любовію не цѣлуетъ, да будетъ проклятъ. Иже словесъ евангельскихъ и апостольскихъ не имать въ честь, да будетъ проклятъ. Иже святыхъ пророкъ не мнитъ Святымъ Духомъ пророчествовавшихъ, но о своемъ умѣ, да будетъ проклятъ. Иже святыхъ всѣхъ не чтетъ ни кланяется мощемъ ихъ съ любовью; да будетъ проклятъ. Иже хулитъ святыя литургіи и вся молитвы, преданныя христіаномъ апостолы и отцы святыми, да будетъ проклятъ. Иже вся твари видимыя и невидимыя не мнитъ Богомъ сотворенны, да будетъ проклятъ. Иже развращаетъ о себѣ (т. е. отъ себя, по своему разсужденію) словеса еваньгельская и апостольская, а не держитъ, якоже исправиша святіи мужи, да будетъ проклятъ. Иже не творитъ Богомъ даннаго Моисеови закона (т. е., кто не почитаетъ Закона даннымъ Моисею Богомъ), но о себѣ нѣкако блядетъ (но отъ себя, по своему разсужденію, ложно толкуетъ), да будетъ проклятъ. Иже на лукахъ (т. е. съ изворотами), а не всею мыслію пріимаетъ правила сего, да будетъ проклятъ. Иже не мнитъ церковныхъ сановъ Господемъ и апостолы строены, да будетъ проклятъ. Иже женитву чистую хулитъ и богатыхъ, носящихъ брачныя ризы съ говѣніемъ (т. е. благоговѣйно), да будетъ проклятъ. Иже мяса ядущихъ хулитъ и вино въ законъ піющихъ и не достойны суща глаголетъ тѣмъ внити въ царствіе Божіе, да будетъ проклятъ».

О внутреннемъ состояніи Сербской земли въ это время мы почти ничего не знаемъ. Надъ нею лежитъ еще глубокій мракъ, который разсѣется только въ XII вѣкѣ. Въ дѣлахъ церковныхъ Сербская

земля еще зависѣла болѣе отъ Рима, нежели отъ Византіи, хотя нѣтъ сомнѣнія, что съ подчиненіемъ южныхъ ея краевъ верховному господству Болгарскаго царя, слабая церковь Сербская должна была перейти отчасти подъ вліяніе Болгарской іерархіи. Я называю Сербскую церковь того времени слабою. Дѣйствительно, мы увидимъ въ послѣдствіи, что только въ XII и XIII вѣкѣ христіанство было утверждено между Сербами и настоящимъ образомъ укорепено въ народѣ. Только въ концѣ XII и началѣ XIII в. св. Сава *просвѣтилъ* Сербскую землю *христіанствомъ*. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что въ предыдущую эпоху христіанство, которому Сербы равнодушно подчинились еще въ VII вѣкѣ, не успѣло проникнуть въ народъ. Князья и *властели*, а равно жители приморскихъ городовъ, конечно исповѣдывали христіанскую вѣру, но масса народа въ своихъ горахъ оставалась въ полуязыческомъ состояніи, не имѣя ни церквей, ни монастырей, ни епископовъ. Этимъ объясняется отсутствіе литературной дѣятельности у Сербовъ до Немани (вступилъ на престолъ въ 1144 г.). Этимъ объясняется безучастіе Восточной и Западной церкви къ вопросу о томъ, къ которой изъ нихъ должна принадлежать Сербія, тогда какъ она, по своему положенію, всего скорѣе могла сдѣлаться, и дѣйствительно сдѣлалась въ послѣдствіи, спорною землею между ними. Безучастіе это было таково, что мы рѣшительно не можемъ сказать, были ли Сербы въ X и XI вѣкѣ православными или римскими католиками. Архіепископъ Діоклейскій и Антиварскій зависѣлъ отъ Рима и имѣлъ притязаніе быть духовнымъ главою всѣхъ Сербскихъ земель [1]); власть его, вѣроятно, распространялась на южную часть Сербскаго приморья или княжество Діоклейское (иначе Подгоріе), но въ его епархіи было, кромѣ латинскаго духовенства, и греческое *или* славянское (такъ писалъ папа Александръ II въ 1062 г.), т. е. православное. Отъ Рима зависѣли также архіепископы полу-итальянскихъ, полу-славянскихъ городовъ Дубровника и Сплѣта и, конечно, имѣли вліяніе на сосѣдніе сербскіе города нынѣшней Герцеговины. Внутри же Сербской земли былъ только одинъ епископъ, именно въ Расѣ [2]), древней столицѣ великихъ жупановъ Сербскихъ, и этотъ епископъ былъ, какъ кажется, членомъ православной церкви. Но изъ этого я не заключаю, чтобы внутреннія земли Сербскія принадлежали безусловно къ Восточной церкви, а приморскія—къ Западной, хотя нѣтъ сомнѣнія, что на Адріатическомъ приморьѣ первенствовало вліяніе Рима, въ

---

[1]) См. буллу папы Александра II, 1062 г., къ Петру архіепископу Антиварскому и Діоклейскому.

[2]) Гдѣ нынѣ Новый Пазаръ.

внутреннихъ краяхъ — Болгаріи и Византіи. Я повторяю прежнюю мысль: христіанство было въ ту пору еще такъ слабо между Сербами, что ни Восточная, ни Западная церковь не обращали вниманія на то, кому они припадлежатъ, а сами они не отдавали себѣ отчета въ различіи исповѣданія, подчиняясь въ этомъ отношеніи случайному вліянію, такъ что и Римъ и православная церковь могли считать ихъ своими. Ясный примѣръ тому представляетъ намъ св. Владиміръ, князь Подгорскій, зять Самуиловъ. И православные и католики признали его святымъ; первые восхваляли его ревность къ православію, вторые — къ католицизму. Дѣло въ томъ, что Владиміръ былъ хорошимъ, ревностнымъ христіаниномъ; а которому изъ двухъ исповѣданій, раздѣлявшихъ христіанскій міръ, онъ хотѣлъ слѣдовать, объ этомъ онъ не помышлялъ и не помышляли еще современные ему Сербы.

Изъ Болгаріи легко могла проникнуть къ Сербамъ богомильская ересь и тѣмъ легче распространиться между ними, чѣмъ слабѣе было въ нихъ сознаніе христіанскихъ истинъ и незначительнѣе церковныя учрежденія въ ихъ краѣ. Дѣйствительно, греческое житіе св. Владиміра свидѣтельствуетъ о господствѣ ереси въ его владѣніяхъ и объ его стараніяхъ искоренить ее [1]). Но эти старанія, какъ видно, не имѣли большаго успѣха, и въ слѣдующую эпоху мы найдемъ богомильство сильно развитымъ въ Сербскихъ земляхъ.

---

[1]) Τῶν Βογομίλων, τῶν αἱρετικῶν Μασσαλιανῶν ἡ κατάλυσις, ἡ τῆς πλανης καὶ τῆς πίστεως ἀνόρθωσις — такъ называетъ его житіе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Великая борьба Самуила съ Византіею.

995 — 1014.

Война съ Византіею никогда не прекращалась совершенно при Самуилѣ. Только со времени пораженія императора Василія, въ 981 г., до 995 г., она ограничилась незначительными дѣйствіями Болгаръ противъ Солуня и Ѳракійскихъ городовъ. Оба государя были, мы знаемъ, заняты далеко другъ отъ друга, одинъ на западѣ, другой на отдаленномъ востокѣ. Но въ 995 г. Самуилъ опять лично подступилъ къ Солуню. Онъ расположилъ свои войска въ засады и отправилъ небольшой отрядъ подъ самый городъ. Увидавъ Болгаръ, Солунскій начальникъ Григорій Таронитъ послалъ своего сына Ашота высмотрѣть силу и движенія непріятеля, и самъ вышелъ за нимъ въ поле. Ашотъ опрокинулъ передовые пикеты Болгарскіе, и преслѣдуя ихъ, попалъ въ засаду. Григорій бросился впередъ съ своимъ войскомъ, чтобы выручить передовой отрядъ, но, окруженный Болгарами, палъ въ бою, а сынъ его остался плѣнникомъ въ рукахъ Самуила. Другой Византійскій полководецъ, Армянинъ какъ и Григорій Таронскій, Саакъ князь Хандцитскій, былъ тоже взятъ въ плѣнъ [1]). Послѣ этого удачнаго дѣла, Болгарскій царь продолжалъ свой

---

[1]) Армянскій историкъ Асохикъ (перев. Эмина, 187) разсказываетъ слѣдующее: „Послѣ того, какъ непокорные, возставшіе противъ царя Греческаго, были истреблены, онъ, воспользовавшись досугомъ, въ 991 году, собравъ безчисленное множество войска, пошелъ на землю Булхаровъ отомстить за себя. Пришедъ, онъ осадилъ городъ Веру (т. е. Веррію), который взялъ, оставилъ тамъ сына князя Таронскаго, магистра Григорія, съ войскомъ противъ Булхаровъ (сравн. объ этомъ разсказъ Византійцевъ, переданный выше, стр. 212). Императоръ оставилъ съ Григоріемъ также Хандцитскаго князя Саака, сына Абела, неоднократно сражавшагося съ Булхарами. Булхарское войско совершило неожиданное на нихъ нападеніе; ему на встрѣчу вышелъ юноша Ашотъ, сынъ Григорія, и былъ взятъ въ плѣнъ. Его отецъ рѣшился, во что бы то ни стало, отомстить за сына; но онъ погибъ со всѣмъ своимъ воинствомъ на войнѣ, гдѣ бывшій съ нимъ Саакъ былъ также взятъ въ плѣнъ. — Послѣ того царь Василій прислалъ на востокъ вызвать патрика Жана (т. е. патриція Іоанна), убившаго Чортванела (одного изъ непокорныхъ императору Армянскихъ князей) и, назначивъ его ма-

походъ на югъ и, перейдя Темпійскую долину и рѣку Пеней (Саламврія), опять пронесся завоевателемъ черезъ Өессалію, Віотію и Аттику, и вторгся въ Пелопоннисъ. Все попадавшееся ему на пути предавалось разграбленію и огню, говоритъ византійскій лѣтописецъ: разумѣется, все то, что принадлежало правителямъ византійскимъ и греческимъ горожанамъ, а не то, что было собственностью хлѣбопашцевъ Славянъ. — Между тѣмъ въ Солунь прибылъ новый полководецъ изъ Константинополя, Никифоръ Уранъ, носившій громкое, но весьма умаленное Самуиломъ, званіе «начальника всего Запада», т. е. всѣхъ западныхъ (Европейскихъ) областей имперіи. Онъ двинулся по слѣдамъ Самуила, чтобы запереть его въ Греціи и отрѣзать ему возвратный путь. Миновавъ Олимпъ, онъ оставилъ въ Ларисѣ весь свой обозъ и тяжести. Съ легкимъ войскомъ онъ достигъ быстрыми переходами Фарсалійской равнины, переправился черезъ р. Апиданъ (теперь Ферсалити) и на берегу Сперхія (Аламана) [1]) у Сѣтуны (древней Ламіи) встрѣтился съ Болгарскимъ войскомъ, которое, возвращаясь изъ Мореи съ множествомъ греческихъ плѣнныхъ, только что прошло Өермопильское ущелье. Рѣка раздѣляла ихъ. Она была необыкновенно высока отъ продолжительныхъ дождей, и ни тотъ ни другой не смѣлъ переходить потока; оба укрѣпились станомъ, Самуилъ на южномъ, Греки на сѣверномъ берегу Аламаны. Болгаре считали разлившуюся рѣку вѣрною защитою; но Урану посчастливилось найти бродъ. Ночью совершилъ онъ переправу и напалъ въ расплохъ на спящій станъ Болгарскій. Перебито было въ темнотѣ множество Болгаръ, растерявшихся и не думавшихъ о защитѣ. Самъ царь Самуилъ и сынъ его Гавріилъ-Романъ, сильно раненные, чуть не попались въ руки Грековъ: они спрятались между трупами и потомъ ушли, пользуясь темнотою; съ остаткомъ своего войска они пробрались въ горы Этоліи и оттуда, вершинами Пинда, достигли Охрида. Уранъ освободилъ греческихъ плѣнныхъ, обнажилъ трупы павшихъ Болгаръ, разграбилъ ихъ станъ и съ богатою добычею привелъ свое войско обратно въ Солунь.

гистромъ, отправилъ въ Македонію противъ Булхаровъ. Онъ далъ имъ не одно сраженіе съ необыкновеннымъ мужествомъ, но наконецъ, побѣжденный, попалъ въ руки врагамъ, которые отвели его въ свою землю и въ какой-то крѣпости заключивъ его въ темницу, держали какъ Саака и Ашота. Такимъ образомъ война съ Булхарами затянулась на многіе годы".

Позднѣйшій историкъ Арменіи, Матөей Эдесскій (Dulaurier, стр. 35) пишетъ, что въ 991 г. императоръ Василій одержалъ побѣду надъ Болгарами и смылъ ею стыдъ прежняго своего пораженія; это очевидно недоразумѣніе. Асохикъ, изъ котораго Матөей Эдесскій вѣроятно выписывалъ, говоритъ только, что Василій „хотѣлъ отомстить за себя"; но это ему тогда еще не удалось.

[1]) Течетъ въ сѣверной Греціи, нѣсколько южнѣе Турецкой границы.

То была неудача отъ неосторожности; новый ударъ готовила Самуилу измѣна въ собственной семьѣ. Мы знаемъ о романической любви его дочери Косары къ Владиміру Сербскому. Страннымъ образомъ въ византійскихъ источникахъ повторяется подобный разсказъ, но о другой дочери Самуила, имени которой они намъ не сохранили. Она влюбилась въ плѣннаго Ашота, сына прежняго Солунскаго воеводы Григорія Таронскаго. «Убью себя, если ты разлучишь насъ», говорила она отцу, и Самуилъ принужденъ былъ согласиться на бракъ ихъ. Когда кончились брачные пиры, Самуилъ отправилъ ихъ въ Драчъ, и назначилъ Ашота правителемъ этой приморской твердыни (996 г.). Ашотъ умѣлъ уговорить свою жену бѣжать съ нимъ въ Грецію. Въ одномъ изъ вельможъ Драчскихъ, Хрисиліи (имя обличаетъ въ Хрисиліи потомка прежнихъ греко-римскихъ жителей Драча, но для Грековъ того времени онъ казался уже Болгариномъ), нашелъ Ашотъ участника въ измѣнѣ. Съ Болгарскою царевною намѣстникъ и зять Самуиловъ скрылся изъ города и сѣлъ на одну изъ византійскихъ триремъ, которыя держали въ блокадѣ эту главную гавань Болгаріи. Они прибыли въ Царьградъ. Императоръ почтилъ Ашота званіемъ магистра, а дочери Болгарскаго царя пожаловалъ высшій женскій придворный санъ (ζωστή). Бѣглецы привезли съ собою письмо Хрисилія, въ которомъ онъ обѣщалъ передать Драчъ Грекамъ, если его и двухъ его сыновей наградятъ титуломъ патриціевъ. Василій, конечно, согласился, и въ Драчъ былъ впущенъ начальникъ Греческаго морскаго отряда, Евстаѳій Дафномила [1]). Непонятно, какимъ образомъ Самуилъ, послѣ бѣгства своей дочери и Ашота, не умѣлъ предупредить дальнѣйшей измѣны въ Драчѣ: ибо въ сношеніяхъ императора съ Хрисиліемъ должно было пройти не мало времени.—Одинъ изъ сыновей этого предателя, Николай «Болгаринъ», въ послѣдствіи былъ начальникомъ греческаго войска въ Азіи, и въ 1033 г. сражался съ Персіянами у Вавилона [2]).

Съ своей стороны Самуилъ заводитъ такія же интриги. Приходится императору отправить въ ссылку, за тайныя сношенія съ Болгарскимъ царемъ, двухъ изъ знатнѣйшихъ своихъ сановниковъ, магистра Павла Вова, вельможу солунскаго, и знаменитаго въ то время своимъ умомъ и краснорѣчіемъ протоспаѳарія Малакина. Та же участь угрожала двумъ изъ лучшихъ греческихъ военачальниковъ, которымъ императоръ ввѣрилъ защиту Адріанополя: видя свои намѣренія открытыми, они оба перешли къ Самуилу, Ватаца со всѣмъ своимъ родомъ (это была потомъ одна изъ знаменитѣйшихъ фамилій византійскихъ) и Василій Глава (998 г.).

[1]) Кедр. II, 449 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 502.

Императоръ наконецъ рѣшился опять предпринять лично походъ въ Болгарію (999 г.). Прежнимъ путемъ пошелъ онъ на Филиппополь и оттуда на Срѣдецъ (Софіа), но не подступая къ этому городу, довольствовался взятіемъ окрестныхъ Болгарскихъ укрѣпленій. Успѣхъ былъ еще небольшой, и Василій возвратился въ Мосинополь (въ южной Θракіи) [1]), чтобы готовиться къ новой войнѣ. Теперь, повидимому, онъ понялъ, какъ надобно было нападать на Самуила. Удары, направленные на Срѣдецъ, научили его, что въ срединѣ своей Болгарія была крѣпка. Нужно было поражать Самуила на краяхъ его огромной, безсвязной державы. Изъ тѣснаго треугольника между Цареградомъ, Солунемъ и Филиппополемъ, въ которомъ заключена была тогда Византійская имперія въ Европѣ, императоръ могъ по произволу устремляться то на Черноморскіе города Болгаріи, то на ея владѣнія въ Македоніи и Албаніи, то на южную ея оконечность, простиравшуюся до Лепантскаго залива; а могъ ли Самуилъ поспѣвать всюду на защиту?

Я назвалъ державу Самуила огромною, безсвязною массою. Можемъ ли мы составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ ея объемѣ и устройствѣ въ то время, когда она вступила въ рѣшительную борьбу съ Византійскою имперіею?

Я уже описалъ ея средоточіе, область Охридскую, обнимавшую западную Македонію (нын. пашалыкъ Монастирскій) и всю нынѣшнюю среднюю и сѣверную Албанію. Мы знаемъ, какъ Самуилъ къ этому зерну своего государства присоединилъ на сѣверѣ часть земель, населенныхъ Сербами. На югъ его власть простиралась по древнему Эпиру, Этоліи и Акарнаніи: Никополь (близъ нын. Превезы на Артскомъ заливѣ) и Навпактъ (Лепанто) были болгарскими городами. Θессалію Самуилъ держалъ въ своихъ рукахъ посредствомъ нѣсколькихъ крѣпостей; но въ Элладѣ и Пелопоннисѣ власть его не успѣла упрочиться: предпринимая походы въ эти края, куда звало его, конечно, сочувствіе покоренныхъ Греками Славянъ (ибо если бы онъ искалъ только добычи, какъ увѣряютъ византійскіе писатели, то ходилъ бы за нею въ роскошныя окрестности Константинополя, а не въ бѣдную, каменистую, столько разъ ограбленную, Аттику и Морею), Болгарскій государь не имѣлъ времени перейти здѣсь отъ набѣговъ къ постоянному военному занятію страны. Зато во всей Македоніи до стѣнъ Солуня онъ утвердился посредствомъ цѣлой системы укрѣпленій, охранявшихся постоянными болгарскими гарни-

[1]) Положеніе намъ въ точности неизвѣстно, но видно, что Мосинополь находился въ южной Θракіи, гдѣ нибудь между Димотикою и Архипелагомъ. Въ „Leonis Sap. notitia“ сказано, что Митрополиту „Trajanopolitano, Rhodopæ“ подчинены епархіи: Didymotichi, Macræ, Mosynopoleos, Anastasiopoleos и проч.

зонами. Главные изъ этихъ военныхъ постовъ были, идя съ юга на на сѣверъ: Сербчище (по-греч. Cepвia) [1]), Верріа [2]), Островъ, Сѣтена, съ дворцомъ Самуила, Водена, Нотія [3]), Могленъ, Сѣръ (по-греч. Серресъ), Мелеппкъ на границѣ Ѳракіи, въ области Загорской, Струмница, окруженная нѣсколькими другими укрѣпленіями, теперь не существующими, Штипъ, Просѣкъ, лежавшій близъ Штипа, и наконецъ Скопле [4]). Средній узелъ Балкановъ (гдѣ нынѣ Кюстендиль и Дубница), охранялся крѣпостью Перникомъ [5]) и въ этой странѣ, столь важной для обладанія всѣми окрестными областями, у Самуила было, по свидѣтельству Византійцевъ, до *тридцати пяти* укрѣпленій, подчиненныхъ, какъ кажется, вѣдѣнію главнаго начальника въ Перникѣ [6]).

На сѣверъ отъ Балкановъ, Самуилъ владѣлъ всею Болгаріею до Чернаго моря. Внутри края у него были крѣпости Срѣдецъ, Нишъ, Великій Прѣславъ (близъ Шумлы). По Дунаю — Бѣлградъ, Бдынь (Видинъ) и Прѣславецъ; только Силистрія находилась въ рукахъ Грековъ.—Византійскій лѣтописецъ упоминаетъ о какомъ-то общемъ начальникѣ крѣпостей внутренней Болгаріи (ὁ τῶν ἐνδοτέρω κάστρων τοπάρχης), но трудно сказать, какую именно изъ областей Болгарскихъ лѣтописецъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ.

Выше приведенное исчисленіе болгарскихъ крѣпостей показываетъ, что въ Македоніи и Албаніи сосредоточено было гораздо больше военныхъ силъ, чѣмъ на сѣверной сторонѣ Балкановъ. Рѣдко можно найти въ исторіи Славянъ такую обширную оборонительную военную систему, какъ та, которую въ концѣ X вѣка Самуилъ создалъ въ южныхъ областяхъ Болгаріи. Видно, мы не ошиблись, сказавши, что держава Самуилова, такъ быстро достигнувшая огром-

---

[1]) По-тур. Селвидже. Старое славянское имя, Сръбчище, сохранено въ переводѣ Зонары, о которомъ я упомянулъ выше.

[2]) Βέρροια. Арменскій историкъ Асохигъ увѣряетъ, что Верріа была взята Византійскимъ императоромъ въ 991 г. (см. выше). Если это было такъ, то нужно полагать, что Верріа вскорѣ опять (вѣроятно послѣ гибели Григорія Таронскаго и его войска) перешла въ руки Болгаръ: это видно изъ дальнѣйшихъ событій.

[3]) Мѣстечко въ Могленскомъ краѣ.

[4]) Штипъ, по-тур. Истибъ, Скопле—Ушкюпъ.

[5]) Положеніе Перника опредѣляется какъ направленіемъ послѣдующихъ походовъ имп. Василія, въ которыхъ Перникъ упоминается, такъ въ особенности житіемъ св. Симеона Немани (изд. Шафар. стр. 8), гдѣ онъ помѣщенъ между Срѣдцемъ и Стобомъ (на югъ отъ Дубницы): стало быть онъ находился гдѣ нибудь около Дубницы или Самакова.

[6]) На это указываетъ разсказъ Кедрина (II, 467) о начальникѣ Перника, который явился къ Греческому императору въ сопровожденіи начальниковъ 35 укрѣпленій, сдавшихся вмѣстѣ съ нимъ, тогда какъ о крѣпостяхъ *внутренней* Болгаріи (т. е. на сѣверной сторонѣ Балкановъ) именно говорится тамъ же, что онѣ подчинены были другому общему начальнику (Βογδάνος ὁ τῶν ἐνδοτέρω κάστρων τοπάρχης).

ныхъ размѣровъ, представляла тѣло безсвязное: за недостаткомъ органическаго, народнаго единства между своими областями, могущественный завоеватель принужденъ былъ опереться на систему внутренней военной защиты. И судьба этой державы опять доказываетъ, что безъ живаго единства народнаго самая крѣпкая система военной защиты не въ силахъ спасти государства.

О гражданскомъ устройствѣ тогдашней Болгаріи мы не знаемъ почти ничего. Но и тѣ намеки, которые встрѣчаются въ скудныхъ лѣтописяхъ византійскихъ, указываютъ на такую же безсвязность, на такой же недостатокъ органической цѣльности. Правда, Самуилъ вводилъ въ своихъ владѣніяхъ однообразныя учрежденія и общіе законы, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ податямъ. Установляя во всей Болгаріи равномѣрный налогъ, онъ, по извѣстію Византійцевъ, принялъ за основное правило, что каждый Болгаринъ, владѣющій парою воловъ, долженъ вносить въ казну ежегодно одну мѣру (μόδιον) пшеницы, одну мѣру проса и одну корчагу (στάμνον) вина [1]). — Но онъ не имѣлъ возможности держать въ рукѣ управленіе всѣмъ своимъ государствомъ. Онъ принужденъ былъ раздавать свои города и области вельможамъ, которые владѣли ими почти независимо. Можно сравнить систему его управленія съ феодальною системою Запада. На такое устройство указываетъ примѣръ Сербскаго князя Владиміра, котораго Самуилъ сдѣлалъ своимъ вассаломъ; на это указываетъ примѣръ Романа, сына царя Петра Симеоновича, которому Самуилъ, какъ сказано въ древнемъ извѣстіи, *далъ владати* въ Скоплѣ, и перешедшаго изъ греческой службы въ болгарскую Армянина Ашота, который получилъ Драчскую область; на это указываетъ извѣстіе лѣтописи о вельможахъ болгарскихъ, которые вели на войну *свои собственные полки* (οἱ μεγιστᾶνες τῶν Βουλγάρων... μετὰ τῶν οἰκείων ἕκαστος ταγμάτων [2]); это наконецъ несомнѣнно при безпрестанныхъ случаяхъ измѣны со стороны этихъ вельможъ, которые, какъ мы увидимъ, почти вездѣ по собственному произволу то воевали съ Греками, то входили съ ними въ сношенія и передавались имъ.

При такомъ положеніи Болгаріи ничего не могло быть благоразумнѣе со стороны Византійскаго императора, какъ тотъ планъ войны, которому онъ сталъ слѣдовать: именно, чтобы нападать на Самуила съ отдаленныхъ концовъ его державы.

Такимъ образомъ Василій, въ 1000 году, послалъ сильное войско черезъ восточный Балканъ, по дорогѣ, по которой Цимисхій столько разъ водилъ Грековъ. Полководцы Василіевы взяли (съ боя или из-

[1]) Cedr. II, 530.
[2]) Тамъ же, 469.

мѣною, неизвѣстно) Великій Прѣславъ (близъ Шумлы) [1]), Плиску (или Плесковъ [2]) и Малый Прѣславъ (или Переяславецъ) на Дунаѣ [3]), и возвратились назадъ побѣдителями [4]). Въ городахъ этихъ оставлены были гарнизоны [5]).

На слѣдующій годъ (1001) самъ императоръ повелъ войско въ противоположную сторону, на югъ, черезъ Солунь. Самуилъ не вышелъ къ нему на встрѣчу: что его удержало, неизвѣстно. Война все болѣе и болѣе сосредоточивалась около укрѣпленныхъ городовъ болгарскихъ. Походъ Василія въ южную Македонію начался важнымъ успѣхомъ: Верріа была передана ему болгарскимъ правителемъ, Драгоміромъ, котораго за то наградили титуломъ проконсула Римской имперіи. Отъ Верріи императоръ пошелъ далѣе на югъ, къ границѣ Ѳессаліи, и осадилъ Сербчище (иначе Сервіа, на западъ отъ Олимпа). Здѣсь по крайней мѣрѣ болгарскій воевода (Николай, прозванный Николицею, по причинѣ малаго роста) оборонялся храбро и упорно. Наконецъ крѣпость была взята приступомъ и самъ Николица попался въ плѣнъ. Императоръ хотѣлъ приласкать его, и взявъ съ собою въ Константинополь, пожаловалъ его въ патриціи. Но Николица не желалъ прослыть измѣнникомъ и убѣжалъ къ Самуилу. Самуилъ, пользуясь удаленіемъ императора, который послѣ этого похода возвратился въ столицу, напалъ на Сербчище и, вмѣстѣ съ Николицею, старался отнять его у Грековъ. Но Василій еще въ этомъ году во второй разъ поспѣлъ туда и выручилъ Сербчище, принудивъ Самуила къ отступленію. Николица нечаянно наткнулся на греческій отрядъ и опять приведенъ былъ плѣнникомъ къ Василію, который въ этотъ разъ не думалъ уже склонять его на свою сторону, а велѣлъ держать въ заключеніи.

---

[1]) На мѣстѣ древняго Великаго Прѣслава теперь стоитъ село, о которомъ сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія въ Цареградскомъ Вѣстникѣ (отъ 14 Сентября 1857):... „въ наше-то село Преслава... ся считать днесь до 200 кѫщи Българскы... и 100 кѫщи Турцы... И е направено наше-то село до полы на Балканъ-атъ, и разложено до самы-атъ пѫть между Шуменъ (Шумла) и Котелъ (Казань), кое-то има четыри часа растояніе отъ Шуменъ кѫмъ западъ и е много едно прекрасно мѣсто... и е много любопытно Българомъ заради вети-те (ветхихъ, т. е. старинныхъ) му зданія що сѫ остали отъ старовременни-те владѣтели Български: що-то и до днесь има да стои останала нѣкоя часть отъ крѣпость-та му“.

[2]) См. выше, стр. 110 и 151.

[3]) Рущукъ (см. выше, стр. 142), или же, можетъ быть, нынѣшнее село Приславъ близъ Тульчи.

[4]) См. Кедр. II, 452. Приписка къ слав. переводу Манассіиной лѣтописи (по изд. Черткова). Сьй Василіе царь разби Самоила царѣ Българомъ по в. щи (т. е. дважды) и прѣятъ Бъдыи, и Плискѫ и великы Прѣслав и малыи, и прочяѫ градовы многы, сиѫ и Скопіе прѣдано быст емꙋ Романом сына Петра царѣ. тамо бо бѣ далъ емꙋ Самоилъ царь владати. ибѡ Блъгаре до Охрида и до Драча и дале царствоваша.

[5]) Это видно изъ дальнѣйшаго хода завоеваній Василія въ Болгаріи.

Отъ Сербчища императоръ не пошелъ на Самуила, а двинулся къ южному концу его государства, въ Ѳессалію, чтобы сначала оторвать ее отъ Болгаріи. Безъ большаго, кажется, труда отобралъ онъ тамъ укрѣпленія, занятыя Болгарами, и возстановилъ тѣ, которыя были разрушены Самуиломъ. Плѣнныхъ Болгаръ онъ перевелъ въ такъ называемый Волеръ, край, лежавшій, какъ кажется, въ южной Ѳракіи, за Родопскимъ хребтомъ [1]).

Онъ размѣстилъ въ Ѳессаліи греческіе отряды, и на возвратномъ пути явился подъ Воденою, одною изъ главныхъ Самуиловыхъ крѣпостей въ южной Македоніи, закрывавшую дорогу изъ Солуня въ Охридъ. Крѣпость стояла на площадкѣ, устроенной природою на отвѣсныхъ скалахъ, въ 80 футовъ вышиною; ее окружалъ потокъ, который выходитъ подземнымъ ложемъ изъ Островскаго озера и образуетъ подъ крѣпостію нѣсколько водопадовъ [2]). Послѣ долговременной осады императоръ взялъ эту твердыню. Непонятно, почему Самуилъ не явился на выручку главнаго оплота своего государства. Въ Воденѣ оставленъ былъ сильный гарнизонъ, а Болгаръ, защищавшихъ ее, переселили опять въ Волеръ. Ихъ начальникъ, Дражанъ, человѣкъ отличной храбрости, доставшійся также въ руки Грековъ, показываетъ намъ своимъ примѣромъ, до какой степени византійская жизнь была въ то время противна лучшимъ изъ Болгаръ. Онъ просилъ у императора позволенія остаться на жительствѣ въ Солунѣ, и получивъ согласіе, женился тамъ на дочери перваго старосты (πριβατάριος) храма св. Великомученика Димитрія. У него родилось въ Солунѣ двое дѣтей, но онъ не выдержалъ, ушелъ изъ греческаго города; его схватили и, по ходатайству тестя, избавили отъ наказанія; онъ убѣжалъ во второй разъ и, пойманный опять, былъ снова прощенъ и оставленъ въ Солунѣ; здѣсь онъ жилъ въ своей новой семьѣ и имѣлъ еще двухъ дѣтей, но все-таки бѣжалъ въ третій разъ и, когда попался въ руки Грековъ, уже не нашелъ пощады: его посадили на колъ.

Походъ 1002 года былъ опять направленъ на восточный край Болгаріи. Имѣя здѣсь точками опоры, — въ Балканахъ Великій Прѣславъ, а на Дунаѣ Переяславецъ и Силистрію, императоръ Василій могъ уже легко подвигаться вверхъ по теченію Дуная и вытѣснять Самуила шагъ за шагомъ изъ коренной Болгаріи. Онъ подступилъ къ Ви-

---

1) Βολερος: край этотъ находился вблизи Мосинополя (о которомъ см. выше), какъ видно изъ византійскихъ лѣтописей. Въ болгарской грамотѣ, изданной Шафарикомъ (Изб. Хрис. 2) чтеніе *или бωлери* основано на недоразумѣніи; подлинное чтеніе есть *или в ωдрин* (т. е. Адріанополь): см. статью С. Н. Палаузова въ I томѣ Изв. Вт. Отд. Акад. Наукъ.

2) Кедр. II, 453. Ami Boué, Itin. I, 281.

дину и восемь мѣсяцевъ осаждалъ этотъ городъ. Наконецъ Видинъ былъ взятъ приступомъ. Императоръ тщательно возстановилъ и упрочилъ Видинскія укрѣпленія и, оставивъ въ немъ отрядъ войска, владѣлъ уже всѣмъ теченіемъ Дуная въ Болгаріи. Только на западномъ краю Бѣлградъ принадлежалъ еще Самуилу. — Во время осады Видина, Самуилъ, видно думая отвлечь императора, обратился (изъ Охридской области) на Адріанополь. Здѣсь праздновался съ великимъ торжествомъ, съ крестными ходами, день Успенія пресв. Богородицы, какъ Самуилъ внезапно ударилъ на Адріанополь и ворвался въ городъ. Но, неизвѣстно почему, Болгаре не могли удержаться въ немъ и возвратились назадъ съ богатствами Адріанопольскихъ гражданъ.

Отъ Видина императоръ Василій не пошелъ обратно по прежней дорогѣ. Онъ рѣшился смѣлымъ движеніемъ проникнуть въ самое сердце Болгаріи. Онъ повелъ свое войско на югозападъ, вѣроятно черезъ Нишъ и по долинѣ Моравы, и, разрушивъ на пути нѣсколько болгарскихъ укрѣпленій, явился подъ Скоплемъ (въ древнихъ памятникахъ Скопіе, по-тур. Ушкюпъ), однимъ изъ первостепенныхъ, столичныхъ городовъ Болгаріи, какъ его называетъ современный историкъ [1]). Самуилъ ожидалъ непріятеля: онъ стоялъ съ своимъ войскомъ у Скопля, на южной сторонѣ Вардара. Время было осеннее, рѣка эта была въ разливѣ, и Самуилъ также неосторожно понадѣялся на защиту ея водъ, какъ недавно въ Ѳессаліи, подъ Фарсаломъ. Одинъ изъ воиновъ императора нашелъ бродъ. Греки переправились тихомолкомъ, и Самуилъ не посмѣлъ принять сраженія. Онъ поспѣшно отступилъ, оставивъ въ рукахъ непріятеля свой шатеръ и весь Болгарскій станъ. Тогда правитель Скопля передался императору и вручилъ Грекамъ этотъ важный городъ. Измѣнникъ былъ Романъ, сынъ Болгарскаго царя Петра, внукъ великаго Симеона, имя котораго онъ прибавлялъ къ своему имени [2]). Это было послѣднее историческое дѣйствіе прежней знаменитой династіи Болгарской. Императоръ наградилъ несчастнаго Романа-Симеона почестями, пожаловалъ его въ патриціи и назначилъ правителемъ города Авидоса въ Малой Азіи.

Изъ Скопля императоръ повернулъ на востокъ, по Филиппопольской дорогѣ, проходящей мимо главнаго, западнаго узла Балканскихъ горъ. Здѣсь его долго задержала осада Перника, важнѣйшей крѣпости въ этой части Балкановъ. Византійскіе историки хвалятъ болгарскаго начальника въ Перникѣ, по имени Кракру (Κρακρᾶς), какъ превосходнаго военнаго человѣка. Не было возможности взять крѣ-

---

[1]) Кедр. II, 527.

[2]) Кедр. II, 455. Ῥωμανός.... Συμεὼν τῷ τοῦ πάππου ὀνόματι μετονομασθείς.

пость силою, а Кракра этотъ былъ неподкупенъ. Императоръ пошелъ къ Филиппополю и оттуда возвратился въ свою столицу.

Послѣ этого великаго похода Греки долго не предпринимали рѣшительныхъ дѣйствій противъ Самуила. Обладая теченіемъ Дуная, стоя твердой ногой на восточныхъ Балканахъ, держа въ своихъ рукахъ ключъ Македоніи, Водену, и имѣя здѣсь важную точку опору внутри страны, Скопле, Василій ежегодно вторгался въ Болгарію, разоряя все, что попадалось ему на пути. «Самуилъ», какъ увѣряютъ византійскіе лѣтописцы, «не смѣлъ уже встрѣчать его въ открытомъ полѣ и избѣгалъ сраженія; со всѣхъ сторонъ наносились ему удары, и онъ потерялъ свою прежнюю энергію». Подробности этихъ дѣйствій не изложены въ нашихъ источникахъ, но планъ Василія ясенъ. Онъ хотѣлъ утомить Самуила безпрерывными нападеніями то съ сѣвера, то съ юга и, стѣснивъ мало-по-малу тотъ кругъ, въ которомъ онъ защищалъ независимость Болгаріи, поразить его окончательно тогда, когда его держава ограничится одною Охридскою областью. Одинъ позднѣйшій византійскій лѣтописецъ [1]) увѣряетъ, что Василій оставилъ даже своимъ преемникамъ завѣщаніе — слѣдовать этой медленной системѣ войны въ случаѣ новой борьбы съ Болгарскимъ народомъ. Онъ увѣковѣчилъ память своихъ многотрудныхъ походовъ противъ Самуила въ надписи, высѣченной на мраморной доскѣ въ Сосѳеновомъ монастырѣ близъ Константинополя, и въ надписи этой передалъ Византіи тайну своихъ успѣховъ: «если когда нибудь опять возстанутъ Болгаре [2]), писалъ онъ, то нельзя покорить ихъ мгновенными битвами, а надобно постепенно овладѣвать ихъ городами и укрѣпленіями, надобно постепенно разорять ихъ землю, и наконецъ вывести ихъ изъ терпѣнія».

Эта не блестящая, но тягостная война длилась одиннадцать лѣтъ (1003—1013). Какихъ усилій она стоила Византіи, видно изъ того неслыханнаго въ Римскомъ правѣ закона, который изданъ былъ Василіемъ по случаю войны съ Болгарами [3]): именно, чтобы казна не оскудѣвала, онъ велѣлъ брать съ богатыхъ недоимки, которыя оставались на бѣдныхъ подданныхъ имперіи. Во все время этой войны онъ оставилъ безъ вниманія всѣ прочія дѣла имперіи, всѣхъ другихъ враговъ ея, ограничиваясь единственно дѣйствіями, которыя дали ему въ исторіи титулъ Болгароубійцы (Βασίλειος ὁ Βουλγαρόκτονος).

¹) Никита Хоніата, 488.

²) Хоніата вмѣсто имени Болгаръ употребилъ имя Влаховъ: это произошло оттого, что въ то время, когда онъ писалъ, въ Болгаріи царствовала Влашская династія и имя Влаховъ сдѣлалось въ употребленіи синонимомъ Болгаръ.

³) См. Кедр. II, 456. 475. — Армянинъ, Матѳей Едесскій (Dulaurier, 37) говоритъ, подъ 1006—1007 г.: Basile rassembla toutes les forces de son empire et marcha contre les Boulgares. Il séjourna longtemps dans leur pays occupé à leur faire une guerre terrible.

Какія усилія были употреблены Болгарами для своей защиты, объ этомъ мы не можемъ составить себѣ понятія, не имѣя никакихъ историческихъ данныхъ. Но положеніе ихъ было, какъ кажется, затруднено еще неожиданнымъ ударомъ съ сѣвера.

Мы знаемъ, что въ IX столѣтіи земля между Дунаемъ и Савою (нын. Сремъ и Славонія) принадлежала Болгаріи. Въ этомъ краѣ собралось, вѣроятно, много Славянъ и потомковъ Заволжскихъ Болгаръ, бѣжавшихъ передъ Мадьярами, которые, какъ извѣстно, покорили около 900 года обширныя Болгарскія области на сѣверной сторонѣ Дуная. Послѣ завоеванія Болгаріи Цимисхіемъ, въ этой отдаленной странѣ остался независимымъ правителемъ Болгарскій воевода Баянъ, которому одно древнее сказаніе придаетъ даже титулъ короля [1]); власть его простиралась до г. Модруши въ древней Либурніи (нын. Хорватской военной границѣ). Край этотъ находился еще большею частію въ язычествѣ: воевода Баянъ пригласилъ, въ 994 году, знаменитаго Чешскаго проповѣдника, св. Войтѣха, остановиться въ Модрушѣ для обращенія народа, въ то время, когда этотъ могущественный распространитель римско-католическихъ началъ въ Славянскомъ мірѣ проѣзжалъ чрезъ Далмацію и Хорватію, возвращаясь изъ Рима въ свое отечество. Но неизвѣстно, успѣлъ ли онъ здѣсь въ своей проповѣди. Когда возстановлена была Самуиломъ Болгарская держава, воевода Баянъ вѣроятно подчинился новому царю Болгарскому: извѣстія Византійцевъ указываютъ на то, что Сремъ принадлежалъ Самуилу.

На эту-то сѣверозападную окраину Болгарскаго государства напали Мадьяры. Мадьярскій лѣтописецъ разсказываетъ, что новообращенный ихъ король, св. Стефанъ, около 1005 г., «повелъ свои войска на Баяна [1]), воеводу Болгаръ и Славянъ, которые живутъ въ

---

[1]) См. Farl. Ill. Sacr. III, 14.

[2]) (Thurocz изд. Швандтнера). 2, 30 „Post haec autem movit exercitum super Kean ducem Bulgarorum et Sclavorum, quae gentes loca naturali situ munitissima inhabitant: unde etiam multis laboribus et bellicis sudoribus praedictum ducem vix tandem devicit et occidit, et inaestimabilem copiam thesaurorum, et praecipue in auro et gemmis ac preciosis lapidibus accepit; et locavit ibi unum proavum suum nomine Zoltan; qui postea haereditavit illas partes transsilvanas, et ideo vulgariter dici solet Erdelii Zoltan. Erat enim ille antiquissimus qui vixerat usque ad tempora sancti regis, et ideo voluit ipsum esse super gentes opulentas, etc. Въ дошедшемъ до насъ текстѣ Туроца болгарскій воевода названъ *Kean*, но это безъ всякаго сомнѣнія ошибка позднѣйшихъ переписчиковъ: въ венеціянской хроникѣ Дандула (у Муратори, XII, 233), гдѣ извѣстіе о походѣ св. Стефана противъ Болгаръ очевидно заимствовано изъ какой нибудь венгерской лѣтописи, мы читаемъ не *Kean*, а *Boam* (искаженіе вмѣсто *Boian*): „Rex quoque (Stephanus) devicto Boam Bulgarorum duce atque Sclavorum, de ejus thesauris aedificavit atque dotavit ecclesiam s. Mariae in Alba“. Всего правильнѣе сохранила имя это чешская Опатовицкая лѣтопись: *Bajenus*. — Мы объяснили уже прежде (см. стр. 76), какъ въ мадьярскихъ лѣтописяхъ образовалось чтеніе *Kean* вмѣсто *Kerm* (т. е. Кремъ

странѣ, неприступной по своей природѣ. Въ слѣдствіе этого онъ лишь послѣ великихъ трудовъ и подвиговъ воинскихъ успѣлъ наконецъ побѣдить воеводу и убилъ его, и взялъ неисчислимыя богатства, въ особенности множество золота и драгоцѣнныхъ камней. Онъ поставилъ тамъ правителемъ одного изъ своихъ *прадѣдовъ* (proavus), по имени Солтана, который въ послѣдствіи получилъ Трансильванію и потому названъ былъ *Эрдельи Солтанъ*. Онъ былъ самый старый человѣкъ, который дожилъ до временъ Святаго Короля, и потому король хотѣлъ, чтобы онъ начальствовалъ надъ страною богатою. Обогатившись чрезвычайно этими сокровищами, король Стефанъ украсилъ соборную церковь въ Стольномъ Бѣлградѣ [1]), основанную имъ самимъ, золотыми алтарями, крестами, чашами и священническими ризами, тканными золотомъ и усыпанными дорогимъ каменьемъ. И онъ подарилъ этой церкви и другимъ храмамъ Божьимъ нужные для богослуженія священные сосуды. Потомъ святѣйшій король прибылъ въ городъ Старую Буду, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ св. Эмерикомъ и королевою, и, не находя тамъ зданія, въ которомъ прославлялся бы Творецъ, тотчасъ началъ строить тамъ, на богатства вышесказаннаго Баяна, князя Болгаръ и Славянъ, имъ убитаго, обитель во имя св. апостоловъ Петра и Павла......»

Въ какой мѣрѣ Самуилъ участвовалъ въ этой войнѣ, неизвѣстно.

Настало роковое время для воителя отцеубійцы и братоубійцы. Утомленный борьбою, Самуилъ старался удерживать природными преградами напоръ Византійскихъ полковъ. Онъ загородилъ въ Родопскихъ горахъ у рѣки Струмы, на дорогѣ изъ Ѳракіи въ Македонію, ущелья подъ горою Бѣласицею, называвшіяся Кимбалунгъ (т. е. длинное поле) и Ключъ (Κλειδίον), чрезъ которыя императоръ Василій въ послѣднее время обыкновенно вторгался въ его владѣнія [2]). Онъ пе-

---

или Крумъ) въ имени знаменитаго Болгарскаго государя IX вѣка: переписчикъ Туроца, не разобравъ слова *Boan* въ подлинникѣ, поставилъ вмѣсто того уже извѣстное ему имя вождя болгарскаго, *Kean*, и такъ эта ложная форма вкралась въ текстъ мадьярскаго повѣствователя.

[1]) По-нѣм. Stuhlweissenburg.

[2]) Кедр. II, 457, εἰδὼς οὖν ὡς ἔθος ἀεὶ τῷ βασιλεῖ διὰ τοῦ λεγομένου Κιμβαλόγγου καὶ τοῦ Κλειδίου ποιεῖσθαι τὰς διελεύσεις, ταύτην ἔγνω τὴν δυσχωρίαν ἐπιτειχίσαι. Хотя имена этихъ двухъ ущелій не встрѣчаются на картахъ и въ описаніяхъ, однако ихъ положеніе въ точности опредѣляется географическими данными, которыя представляетъ разсказъ Кедрина объ этомъ походѣ. Они вели между цѣпями горъ, которыя носятъ названіе Арнаутъ-балканъ, Алибурунъ, Чаирли-балканъ, Плашкавица, Султаница и др. и которыя, отдѣляя Ѳракію отъ равнинъ Македоніи, находятся на дорогѣ изъ Серреса и Валовишта (Демиръ-гиссаръ) въ Струмицу. На этой дорогѣ г. Григоровичъ (Очеркъ путеш. 146) видѣлъ гору Бѣласицу, упоминаемую Византійцемъ Кедриномъ (II, 458. Βλασίτζα: это варіантъ, который долженъ быть принятъ за правильное чтеніе, вмѣсто напечатаннаго въ текстѣ изданій Βαλαθίστα). — Что касается до имени *Кимба-лунгъ*, то

рерѣзалъ ихъ широкимъ валомъ и рвомъ и расположилъ въ нихъ крѣпкую стражу. Самъ онъ стоялъ за валомъ съ своимъ войскомъ. Василій (весною 1014 г.) пошелъ по дорогѣ, на которой Самуилъ ожидалъ его. Онъ пытался преодолѣть преграду силою, но встрѣтилъ твердый отпоръ: Болгаре отражали удачно всѣ приступы Грековъ. Между тѣмъ Самуилъ нашелъ возможность отрядить въ тылъ непріятеля значительную часть своего войска, подъ начальствомъ одного изъ лучшихъ болгарскихъ воеводъ, Николицы, который прежде такъ храбро защищалъ Сербчище [1]). Николица быстро двинулся на Солунь, но встрѣченъ былъ передъ этимъ городомъ императорскимъ намѣстникомъ Ѳеофилактомъ Вотаніатою и его сыномъ Михаиломъ, и проигралъ сраженіе. Греческій историкъ, писавшій въ послѣдствіи панегирикъ императора Никифора Вотаніаты, разсказываетъ намъ о подвигахъ, которые совершилъ въ этой битвѣ отецъ Никифоровъ, Михаилъ: безпристрастія въ его словахъ не нужно искать, но мы должны ихъ привести, не имѣя лучшаго. «Когда приблизилось къ Солуню, повѣствуетъ Атталіота, несказанное множество Болгаръ, то воевода (Михаилъ Вотаніата, сынъ намѣстника Ѳеофилакта) не испугался. Онъ устроилъ въ городѣ средства защиты, а самъ съ немногими охотниками вышелъ въ поле, и возвышаясь мужествомъ на столько, на сколько непріятель гордынею и надеждою на превосходство числа и оружія, устремился прямо на строй Болгаръ. Цѣлое поле покрылъ онъ трупами убитыхъ, и никто не могъ устоять подъ ударами его руки. Со всѣхъ сторонъ бросались на него съ копьями ряды непріятельскіе, но никто не былъ въ силахъ выбить его изъ сѣдла. Мечемъ своимъ отражалъ онъ острія ихъ копій, и вокругъ его валились Болгаре, тотъ съ отрубленною головою, другой разсѣченный пополамъ съ головы до ногъ, третій разрубленный по серединѣ тѣла, множество съ различными ранами. А неисчислимое, необозримое множество Болгаръ окружало его какъ море, угрожая утопить его въ своихъ живыхъ волнахъ. Но онъ кидался на нихъ съ рыканьемъ льва и поражалъ каждаго, кто къ нему приближался. Мало-по-малу стали они, объятые ужасомъ, разступаться вокругъ его и издалека мѣтить въ него своими копьями и стрѣлами. Тогда онъ, собравъ свою дружину, устремился на отступающихъ, довершилъ ихъ пораженіе, и обратилъ ихъ въ бѣгство. И когда Михаилъ сталъ

оно, очевидно, романское (цинцарское) и указываетъ на существованіе у р. Струмы романскихъ стихій еще въ XI вѣкѣ.

[1]) Этотъ Николица, во второй разъ взятый въ плѣнъ Греками подъ Сербчищемъ, вѣроятно выкупился. Кедринъ говоритъ объ немъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 474): Νικολιτζᾶς ὁ πολλάκις ληφθεὶς καὶ τοσαυτάκις ἀφεθεὶς (Николица, который былъ много разъ схваченъ и столько же разъ отпущенъ).

взирать на множество павшихъ и бѣгущихъ, на сверхъестественный подвигъ, имъ самимъ совершенный, онъ схваченъ былъ круженіемъ головы при мысли о непостоянствѣ дѣлъ человѣческихъ и палъ въ обморокѣ съ коня, весь мокрый отъ крови непріятельской и отъ воды рѣки (у которой происходило сраженіе). И дивились всѣ колѣна земныя его подвигу.......» Такъ писались въ то время панегирики на счетъ несчастнаго, безгласнаго народа Болгарскаго.

Императоръ Василій все еще однако стоялъ у заваловъ. Побѣдители Николицы, Θеофилактъ и Михаилъ Вотаніата присоединились къ нему съ Солунскими полками. Императоръ отчаявался уже въ успѣхѣ похода и думалъ объ отступленіи, но Филиппопольскій воевода выручилъ его. Смѣлымъ маршемъ успѣлъ онъ обойти высокую гору Бѣласицу, у подножія которой находилось ущеліе. Обойдя ее, 29-го Іюля 1014 г., онъ вдругъ, съ ужасающимъ гикомъ, устремился съ высоты въ тылъ Болгарскаго войска, которое защищало завалы. Въ то же время Василій сдѣлалъ приступъ: валъ былъ покинутъ. Поспѣшно разрушилъ Василій работы Болгаръ и бросился на разстроеннаго непріятеля. Схваченные съ обѣихъ сторонъ, Болгаре оборонялись. До 15,000 чел., какъ говорили, попалось въ плѣнъ; много пало. Самуилъ съ трудомъ ушелъ. Его спасъ сынъ, который храбро прочистилъ ему дорогу, поражая нападающихъ, и посадивъ на лошадь, умчалъ его въ Прилѣпъ. Дѣло неслыханное: Василій всѣмъ 15 тысячамъ болгарскихъ плѣнныхъ велѣлъ выколоть глаза, оставляя съ адскою проніею на каждую сотню слѣпыхъ вожатымъ одного криваго. Такъ отпустилъ онъ ихъ къ Самуилу.

Завоевавъ переходъ черезъ Родопскія горы, Василій пошелъ на Струмницу. По дорогѣ онъ взялъ укрѣпленіе Мачукъ (Ματζούκιον). Приблизившись къ Струмницѣ, онъ отправилъ Солунскаго начальника Вотаніату съ порученіемъ занять горы, окружающія этотъ городъ, сжечь тамъ болгарскія села и расчистить обратную дорогу въ Солунь. Болгарскіе отряды пустили его въ свои горы, но когда онъ, исполнивъ, какъ ему казалось, свое порученіе, хотѣлъ возвратиться къ императору подъ Струмницу, онъ вдругъ увидалъ себя въ безвыходной тѣснинѣ, среди высотъ, занятыхъ непріятелемъ, который, защищенный отъ ударовъ, безнаказанно валилъ на Грековъ каменья и осыпалъ ихъ стрѣлами. Вотаніата погибъ тутъ съ цѣлымъ своимъ полкомъ.

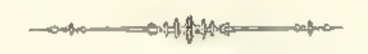
Это такъ испугало Василія и такъ разстроило его дѣла, что онъ снялъ осаду Струмницы и отступилъ въ Загорье, т. е. западную часть Θракіи, за Родопскія горы. Тамъ онъ остановился подъ Меленикомъ, сильною Болгарскою крѣпостью, которая была очень важна, потому что служила Самуилу точкою опоры для дѣйствій во

Ѳракіи. Построенный на скалахъ, въ ущельѣ Перинъ-дага, Мелепикъ защищенъ былъ со всѣхъ сторонъ природными стремнинами и искусственными валами и рвами. Болгаре изо всей окрестной страны скрылись въ этотъ городъ и защищались въ немъ отъ Грековъ. Не надѣясь взять Меленика силою, Василій послалъ туда одного изъ своихъ приближенныхъ евнуховъ, Сергія, который отличался ловкостью своихъ рѣчей и хитростію. Сергій говорилъ такъ умно и дѣйствовалъ такъ хитро, что склонилъ Меленичанъ къ сдачѣ. Они положили оружіе и вступили въ византійское подданство. Василій обошелся съ ними необыкновенно ласково, а въ Мелеuикѣ оставилъ греческій гарнизонъ.

Пораженіе подъ Бѣласицею было для Болгаріи сильнымъ ударомъ, за который не могла вознаградить гибель Вотаніаты въ Велицскихъ горахъ [1]); взятіе Меленика было другимъ ударомъ, не менѣе чувствительнымъ. Третьимъ, самымъ страшнымъ ударомъ для молодаго государства, которому не давали времени окрѣпнуть, была смерть Самуила.

Была жестокость, которая могла ужаснуть даже убійцу роднаго отца, брата и племянниковъ. Образованная Византія своею безчеловѣчностью ужаснула самую безчеловѣчную душу, какую произвела «варварская» Болгарія. Самуилъ находился въ своей столицѣ, Преспѣ, когда къ нему привели нѣсколько тысячъ болгарскихъ ратниковъ съ выколотыми глазами. Этого зрѣлища онъ не вынесъ. Онъ палъ наземь замертво. Пришедши въ себя, онъ спросилъ холодной воды, но какъ скоро выпилъ, схваченъ былъ «болью въ сердцѣ» (χαρδιάγμῳ, такъ говоритъ лѣтописецъ), и черезъ два дня умеръ, 15 Сентября 1014 года.

Мало въ исторіи Славянской болѣе трагическихъ личностей. Если бы мы больше знали о Самуилѣ Болгарскомъ, какой бы предсталъ предъ нами великій и темный образъ!

[1]) Такъ называется цѣпь горъ на югъ отъ Струмницы, по Солунской дорогѣ, гдѣ по всей вѣроятности, отрядъ Вотаніаты попался въ засаду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Гавріилъ-Радоміръ. Іоаннъ-Владиславъ. Второе паденіе Болгарскаго царства. Подчиненіе Сербовъ верховной власти Византіи. 1014—1019.

Смерть Самуила казалась столь важнымъ событіемъ, что ее записывали даже въ Италіи, гдѣ въ то время такъ мало знали о дѣлахъ на Востокѣ и такъ мало объ нихъ заботились. «Въ 1015 году, говоритъ лѣтописецъ Лупъ, явилась комета въ Февралѣ мѣсяцѣ, и скончался король Самуилъ, и сынъ ему наслѣдовалъ» [1]).

Этотъ сынъ, рожденный отъ плѣнной Ларисскянки и носившій, по примѣру своего отца и родственниковъ, два имени, ветхозавѣтное и христіанское, Гавріилъ и Романъ, и еще третье, славянское, Радоміръ, не былъ похожъ на отца. Сколько онъ, говорятъ, превосходилъ его ростомъ и силою, столько уступалъ ему умомъ. Греческій государь, видно, зналъ, что не имѣетъ уже дѣла съ прежнимъ противникомъ. Какъ скоро пришла къ нему вѣсть о смерти Самуила, онъ, 24 Октября, поспѣшилъ въ Солунь и тотчасъ же повелъ оттуда войско, прямо на Охридскую область, гдѣ не смѣла при Самуилѣ ступить нога непріятельская. А при сынѣ его Византійскій императоръ не побоялся ворваться въ нее среди зимы. Никто не препятствовалъ ему. Онъ достигъ Бутеля (иначе Битоль или Монастиръ) и сжегъ тутъ дворецъ Гавріила. Изъ Бутеля Греческій отрядъ направился на сѣверъ и взялъ Прилѣпъ и Штипъ. Самъ же императоръ, переплывъ на плотахъ рѣки Черную и Водену, 9-го Января 1015 года благополучно возвратился въ Солунь.

Съ наступленіемъ весны онъ опять вступилъ въ Болгарію. Нужно было во второй разъ осаждать Водену, гдѣ взбунтовался гарнизонъ, состоявшій, вѣроятно, изъ разноплеменныхъ наемниковъ. Послѣ дѣятельной осады люди эти были принуждены сдаться и переселены [2]). Императоръ построилъ здѣсь, для охраненія горныхъ проходовъ, два новыхъ укрѣпленія [3]), и тѣмъ окончилъ этотъ походъ.

---

[1]) Lup. Protospath, у Мураторп, VIII, 41.

[2]) Ихъ переселили въ Волеръ, о которомъ уже была рѣчь.

[3]) Эти укрѣпленія названы Кардіа и св. Иліи.

Царь Гавріилъ измѣнилъ политикѣ своего отца. Онъ рѣшился войти въ переговоры съ Византіею, и думалъ помириться съ врагомъ непримиримымъ. Императоръ, находившійся тогда Солунѣ (вѣроятно для приготовленій къ новому походу), получилъ письмо отъ Болгарскаго царя, который, по увѣренію византійскаго историка, обѣщалъ ему «покорность и послушаніе». Мы не вѣримъ, чтобы содержаніе Гавріилова письма было такъ унизительно. Но уже то, что вождь и глава возставшаго противъ Византіи народа Болгарскаго и Славянскаго послѣ сороколѣтней борьбы открывалъ сношенія и предлагалъ миръ, въ то время какъ Греки стояли еще на славянской почвѣ, было гибельнымъ признакомъ упадка духа. Василій не повѣрилъ искренности своего противника, и вмѣсто отвѣта Болгарскому царю, послалъ сильный отрядъ въ Могленскую область, куда входъ былъ открытъ взятіемъ Водены. Начальниками этого авангарда были лучшіе греческіе полководцы, Никифоръ Ксифія, виновникъ побѣды подъ Бѣласицею, и Константинъ Діогенъ, преемникъ Вотаніаты въ Солунскомъ воеводствѣ. Они выжгли весь Могленскій край и занялись осадою города Моглена. Вскорѣ подоспѣлъ и самъ императоръ, съ главнымъ войскомъ. Болгарами начальствовалъ Илица, «князь Могленскій» (ὁ ἄρχων Μογλένων). Въ Могленѣ же находился одинъ изъ первыхъ болгарскихъ вельможъ, Дометіанъ Кавканъ, «совѣтникъ Гавріиловъ», и около него собралось множество бояръ. Значительное войско затворилось съ ними въ осажденномъ городѣ. Василій повелъ правильную осаду. Онъ отрѣзалъ рѣчку, протекавшую черезъ городъ [1]), сталъ вести подкопы, и когда подвелъ ихъ подъ основаніе стѣны, наложилъ въ мину дровъ и разныхъ горючихъ веществъ: стѣна была взорвана и повалилась. Начальниковъ и воиновъ императоръ велѣлъ перевести въ Армянскую область Аспраканію [2]), а людей, неспособныхъ носить оружіе, предоставилъ своимъ ратникамъ для продажи въ рабство. — Вскорѣ за тѣмъ пала другая Болгарская крѣпость, Нотія, близъ Моглена.

Былъ у Василія какой-то человѣкъ, по имени Романъ съ отрѣзанною рукою (χειροτμητός), черезъ котораго, какъ кажется, шли тайныя сношенія его съ Болгарами и приготовлялось дѣло недоброе. Этотъ Романъ принесъ своему государю уже извѣстное намъ письмо Гавріила. Потомъ Романъ «корнорукій», если можно употребить такое выраженіе, опять скрылся въ Болгарію. Мы, кажется, имѣемъ право приписать его интригамъ послѣдовавшее за тѣмъ черное дѣ-

---

[1]) Рѣчка эта называется Могленица или иначе Быстрица.

[2]) Собственно Васпураканъ, т. е. часть Арменіи или верхней Мидіи, граничащую съ Малою Азіею и занятую тогда Греческими войсками. Кедринъ говоритъ: ἡ ἄνω Μηδία, ἣν Ασπρακανίαν ὀνομάζουσι σήμερον.

ло, о которомъ разсказываетъ Діоклейскій пресвитеръ. Вотъ слова этого лѣтописца. «Когда умеръ императоръ Самуилъ, то сынъ его Радоміръ наслѣдовалъ царство, и былъ онъ человѣкъ великой силы и далъ много сраженій Грекамъ, во время Греческаго императора Василія, и завладѣлъ всею землею Греческою до самаго Константинополя. Испугался императоръ Василій, что потерястъ свое царство, и отправилъ тайное посольство къ двоюродному брату Радоміра, Владиславу. Зачѣмъ ты не мстишь за кровь отца своего? такъ велѣлъ онъ сказать Владиславу. Прими отъ меня золота и серебра, сколько тебѣ угодно, и будь намъ другомъ, и возьми себѣ царство Самуила, который убилъ твоего отца, а своего брата: убей, если можешь, его сына Радоміра, который теперь владѣетъ престоломъ. Услышавъ это, Владиславъ склонился на слова императора. Однажды, когда Радоміръ отправился на охоту, онъ поѣхалъ съ нимъ верхомъ и, ударивъ его, положилъ на мѣстѣ. Такъ умеръ Радоміръ и убійца его Владиславъ воцарился вмѣсто его».

Діоклейскій лѣтописецъ, конечно, преувеличилъ подвиги Радоміра-Гавріила, когда назвалъ его завоевателемъ, оттѣснившимъ Грековъ подъ самыя стѣны Константинополя. Преданіе сдѣлало Радоміра, можно сказать, участникомъ славы его отца. Но разсказъ объ его смерти не подверженъ сомнѣнію [1]). Понятно, что византійскіе панегиристы императора Василія умолчали объ участіи своего государя и героя въ этомъ преступленіи. Они говорятъ только, что Гавріилъ-Радоміръ погибъ на охотѣ отъ руки своего двоюроднаго брата, въ какомъ-то мѣстѣ, называемомъ Петрьско (Πετρισκός) [2]), и что на пятый день послѣ взятія Потіи явился въ станъ Василія Романъ Хиротмитъ съ посланцами Іоанна-Владислава и съ письмомъ отъ него. Въ письмѣ Іоаннъ-Владиславъ извѣщалъ императора, что онъ убилъ Гавріила и воцарился въ Болгаріи, и предлагалъ условія мира съ Византіею. Въ этотъ разъ Василій не отвергъ посланія и мирныхъ предложеній Болгарскаго государя: признакъ, что его отношенія къ Іоанну-Владиславу были другія, чѣмъ къ сыну Самуилову. Онъ съ

---

[1]) Даже армянскій историкъ, Матѳей Эдесскій (Dulaurier, 40) зналъ, что Болгарскій государь былъ умерщвленъ по приказанію Василія, только онъ ошибся въ имени этого государя (см. выше стр. 209, объясненіе этой ошибки), и отнесъ его смерть и покореніе Болгаріи Византіею къ 1011—1012 г.; вотъ его слова: „En l'an 460 (19 mars 1011—17 mars 1012) Basile réunit une armée et marcha contre les Boulgares, qu'il vainquit. Il passa au fil de l'épée, sans miséricorde, les habitants d'un grand nombre de provinces, ravagea tout l'occident et en ramena les populations en servitude. Il extermina entièrement la nation des Boulgares. Il fit périr par le poison le vaillant Alusianus, leur souverain, et après lui avoir ôté ainsi la vie, il prit sa femme et ses enfants et les conduisit à Constantinople.

[2]) Есть село Петрьско близъ Острова.

тѣмъ же Романомъ Хиротмитомъ отправилъ къ нему свою отвѣтную грамоту «съ золотою печатью», и черезъ нѣсколько дней получилъ подписанные Іоанномъ-Владиславомъ и «князьями Болгарскими» (τῶν ἀρχόντων Βυλγαρίας) договорные акты. Условія мира, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Кедринъ приводитъ здѣсь опять свою стереотипную фразу о «послушаніи и покорности императору», фразу, которая безсмысленно повторяется византійскими историками при всякомъ заключеніи мира, какія бы ни были его условія, выгодныя или невыгодныя для преемниковъ кесарей. Во всякомъ случаѣ, можно полагать, что миръ, предложенный Іоанномъ-Владиславомъ непріятелю, который стоялъ на болгарской почвѣ и съ которымъ его связали тайныя интриги, приведшія къ убійству Гавріила, не былъ выгоденъ для Болгаръ. Видно, что, между прочимъ, занятые императоромъ города Македоніи, Водена, Могленъ и другіе, были предоставлены ему.

Это происходило въ началѣ 1015 года.—Императоръ принялъ въ свою службу знатнаго болгарскаго военачальника, Кавкана, того самаго, который попался въ плѣнъ въ Могленѣ. Затѣмъ «Болгароубійца»,—такъ называли Василія его льстецы и поклонники, — удалился изъ Болгаріи, не надолго.

Смерть Аарона, котораго такъ жестоко, со всѣмъ его семействомъ, предалъ смерти родной его братъ, Самуилъ, была черезъ 40 лѣтъ отомщена, и на комъ же? на сынѣ Самуиловомъ, который спасъ жизнь будущаго своего убійцы, осужденнаго Самуиломъ на погибель вмѣстѣ съ отцомъ и братьями. Какая трагическая судьба всего этого рода, повторяемъ мы. Сынъ убилъ отца, братъ и дядя убилъ брата и племянниковъ: нужно же было, чтобы мстителемъ этихъ страшныхъ злодѣяній сдѣлался, въ другомъ поколѣніи, именно тотъ единственный человѣкъ, которому долгъ благодарности запрещалъ мщеніе.

Поразивъ сына Самуилова, предавъ смерти въ слѣдъ за тѣмъ и жену Гавріила и ослѣпивъ его старшаго сына, помирившись съ Греками (это было другое преступленіе противъ памяти великаго воителя Болгарскаго), Владиславъ задумалъ нанести новый ударъ семьѣ и политикѣ Самуила. Ударъ этотъ былъ направленъ противъ Владиміра, правителя южной части Сербскихъ земель и сѣверной Албаніи, въ которомъ Самуилъ нашелъ себѣ зятя и вѣрнаго вассала. Послушаемъ опять Діоклейскаго лѣтописца:

«Какъ только Владиславъ овладѣлъ царствомъ, онъ послалъ звать къ себѣ короля Владиміра. Услыхавъ объ этомъ, королева Косара стала удерживать своего мужа и говорила ему: Государь мой, не ѣзди туда, чтобы не случилось съ тобою, — Боже сохрани! — того же, что съ братомъ моимъ. Пусти меня, я поѣду, увижу и услышу, ка-

ковъ новый императоръ (Болгарскій). Если ему угодно, пусть онъ убьетъ меня, только бы ты не погибъ. Итакъ съ разрѣшенія своего мужа, королева поѣхала къ своему двоюродному брату, который принялъ ее честію и дружбою, но не съ чистосердечною. За тѣмъ онъ отправилъ во второй разъ посольство къ Владиміру; онъ велѣлъ передать ему золотой крестъ въ знакъ клятвы и сказать ему: Зачѣмъ сомнѣваешься и не хочешь пріѣхать? Супруга твоя находится при мнѣ, и не потерпѣла никакого зла, а напротивъ, съ честью принята была мною и моимъ дворомъ. Прими мою клятву крестомъ и приди ко мнѣ, чтобы я могъ увидѣть тебя; потомъ возвратишься съ честью и дарами въ свою землю вмѣстѣ съ супругою своею. Король послалъ ему такой отвѣтъ: Мы знаемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который пострадалъ за насъ, не былъ пригвожденъ къ золотому или серебряному, а къ деревянному кресту. Итакъ, если клятва твоя и слова твои истинны, то пришли съ духовными лицами крестъ деревянный, и я, благодатью Господа нашего Іисуса Христа, полагающій надежду на животворящій крестъ и драгоцѣнное древо, приду къ тебѣ. Тогда императоръ (т. е. Іоаннъ-Владиславъ) призвалъ къ себѣ двухъ архіереевъ (одинъ изъ нихъ былъ архіепископъ Болгарскій Давидъ) [1]) и какого-то монаха, коварно произнесъ предъ ними ложную клятву свою и, вручивъ имъ деревянный крестъ, послалъ ихъ къ королю. Пришедши ко Владиміру, они привѣтствовали его и передали ему клятву и крестъ. Король же, принимая крестъ, палъ ницъ и поклонился ему и, облобызавъ, положилъ его на груди своей; потомъ, взявъ съ собою немногихъ спутниковъ, поѣхалъ къ императору. Императоръ же велѣлъ устроить по дорогѣ засады, откуда его люди бросились бы на проѣзжающаго и убили бы его. Но Всемогущій Богъ, который съ дѣтства охранялъ раба своего, не восхотѣлъ, чтобы онъ нашелъ смерть вдалекѣ отъ людей, и послалъ ангеловъ своихъ оберегать его. Когда король проѣзжалъ черезъ мѣста, гдѣ были расположены засады, убійцы видѣли его окруженнымъ крылатыми воинами съ трофеями въ рукѣ, и, узнавъ ангеловъ Господнихъ, бѣжали, устрашенные, каждый восвояси. Король же пріѣхалъ въ дворецъ императора въ мѣстѣ, называемомъ Преспа, и какъ скоро вступилъ въ жилище, началъ, по своему обыкновенію, молиться Господу

---

[1]) Имя Давида не упомянуто Діоклейскимъ лѣтописцемъ, но участіе его въ этомъ дѣлѣ засвидѣльствовано Кедриномъ, II, 463: Βλαδιμηρὸς ὁ ἐπὶ θυγατρὶ τοῦ Σαμουὴλ κηδεστής, ἀνὴρ ἐπεικὴς καὶ εἰρηνικὸς καὶ ἀρέτης ἀντεχόμενος... ἐπειδὴ ὁ Γαβριὴλ παρὰ τοῦ Ἰωάννου ἀπώλετο, καὶ οὗτος παρασπονδηθεὶς καὶ τοῖς ὅρκοις πιστεύσας παρὰ τοῦ Ιωάννου δοθεῖσιν αὐτῷ διὰ Δαβὶδ τοῦ ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας ἑαυτὸν ἐνεχείρισε καὶ μετὰ μικρὸν ἀπεσφάγη. Въ этихъ словахъ заключается сущность всего разсказа Діоклейца о Владимірѣ Сербскомъ, и этимъ совпаденіемъ доказывается, что лѣтопись Діоклейская составляетъ въ эту эпоху уже достовѣрное историческое свидѣтельство.

Небесному. Узнавъ объ его пріѣздѣ, императоръ разсердился гнѣвомъ великимъ, ибо онъ рѣшилъ въ сердцѣ своемъ, чтобы онъ погибъ въ дорогѣ: самъ же онъ не хотѣлъ казаться участникомъ его смерти, такъ какъ онъ произнесъ клятву и передалъ ему крестъ черезъ руки епископовъ и монаха; потому-то онъ и расположилъ засады на пути его. Но видя неудачу своей злой козни, Владиславъ, садясь за обѣденный столъ, послалъ воиновъ убить его. Король продолжалъ еще молитву, когда они его окружили. Понявъ ихъ замыслъ, онъ призвалъ обоихъ епископовъ и монаха, которые находились съ нимъ въ церкви, и сказалъ имъ: Что это такое, господа мои? что вы сдѣлали? зачѣмъ вы меня такъ обманули? зачѣмъ я повѣрилъ вамъ и клятвамъ вашимъ, и умираю невинный? Они же отъ стыда не смѣли поглядѣть ему въ лицо. Тогда король, совершивъ молитву, исповѣдался, и вкусивъ тѣла и крови Господней, взялъ въ руки крестъ, полученный имъ отъ императора, и сказалъ: Молитесь за меня, господа мои, и сей честный крестъ да свидѣтельствуетъ за меня, вмѣстѣ съ вами, въ день суда, что я умираю безъ вины. За тѣмъ онъ поцѣловалъ крестъ и, давъ миръ епископамъ, среди рыданія всѣхъ, вышелъ изъ церкви и за порогомъ ея, у церковныхъ дверей, убитъ былъ воинами, 22 дня мѣсяца Мая (1015 года). Епископы же подняли тѣло его и погребли въ той же церкви съ хвалебными пѣснями. И по произволенію Божію, дабы объявились заслуги блаженнаго мученика Владиміра, многіе, страждущіе разными недугами, помолившись надъ его гробомъ, находили исцѣленіе; ночью же видно было всѣмъ сіяніе надъ гробомъ мученика, подобное свѣту множества горящихъ свѣчъ. А супруга блаженнаго Владиміра оплакивала его много дней великимъ плачемъ, какого словами описать нельзя. Императоръ (Болгарскій), видя чудеса, которыя тамъ совершались Богомъ, пораженъ былъ страхомъ и позволилъ двоюродной сестрѣ своей взять тѣло ея мужа и похоронить, гдѣ ей угодно. Тогда Косара взяла тѣло блаженнаго Владиміра и отвезла въ мѣсто, называемое Краина [1]), гдѣ былъ его дворецъ, и положила въ церкви пресвятой Дѣвы Маріи. Тамъ лежитъ тѣло его нетлѣнно, благоухая какъ бы исполненное множества ароматовъ, и въ рукахъ у него тотъ самый крестъ, который онъ получилъ отъ императора Владислава. Ежегодно, въ день празднества ему, собирается въ той церкви множество народа и, заслугами и ходатайствомъ его, подаются тамъ молящимся съ чистымъ сердцемъ многія блага, до нынѣшняго дня. Супруга же бл. Влади-

[1]) Преданіе, по-видимому справедливое, (приводимое Фарлатомъ, въ VII т., изд. Coletti) указываетъ на деревню *Краина* въ славянской волости Мърковичи (близъ Скадра или Скутари, въ сѣверной Албаніи), какъ на мѣстопребываніе Владиміра; тамъ говорятъ, сохранились остатки древней церкви, въ которой онъ былъ похороненъ.

міра, Косара, постригшись въ иноческій образъ, благочестиво и свято кончила жизнь свою при той же церкви, и была похоронена въ ней у ногъ своего мужа... Сколько же и какія чудеса Господь Богъ благоизволилъ совершить чрезъ раба своего, блаженнаго Владиміра, о томъ желающій пусть прочтетъ книгу дѣяній его (librum gestorum eius), въ которой записаны по порядку дѣла его [1]), и онъ убѣдится, что святый мужъ сей духомъ своимъ соединился съ Господомъ [2]), и что Богъ пребывалъ съ нимъ».

Довольно сходно съ этимъ повѣствованіемъ разсказываетъ о смерти Владиміра греческое, передѣланное съ славянскаго, житіе его. Но въ этомъ разсказѣ, какъ вообще въ цѣломъ житіи, царствуетъ гораздо большая неопредѣленность и сбивчивость, нежели въ повѣствованіи Діоклейца. Видно, что тотъ, кто составлялъ его по какимъ нибудь хранившимся въ народѣ преданіямъ, былъ уже гораздо дальше отъ описываемой эпохи, чѣмъ древнѣйшій сербскій лѣтописецъ. Въ греческомъ житіи убійца Владиміра по ошибкѣ названъ сыномъ Самуила. Но одно весьма важное указаніе сохранило намъ это житіе: именно, оно говоритъ о склонности Болгарскаго царя къ богомильской ереси, и въ этомъ находитъ причину его ненависти къ Владиміру, усердному противнику богомиловъ и поборнику православія. Сказанію о смерти св. Владиміра предшествуетъ въ житіи извѣстіе о войнѣ съ Греческимъ императоромъ, въ которой Владиміръ явился союзникомъ Самуила. Это извѣстіе не относится, какъ видно, къ одному какому нибудь опредѣленному походу Василія противъ Болгаръ, а обнимаетъ какъ будто бы въ одномъ смутномъ образѣ всѣ эти войны: отдѣльныя историческія черты уже сгладились въ преданіи, когда оно было записано въ нашемъ памятникѣ. Тутъ являются и братья Самуила, жившіе только при началѣ его борьбы съ Греками, и походъ Василія въ горы Албаніи, относящійся къ концу этой борьбы. Но при всей своей сбивчивости, разсказъ греческаго житія любопытенъ, и мы его здѣсь приводимъ: «Въ тѣ дни, говоритъ житіе, императоръ Римскій (т. е. Византійскій), порфиродный Василій, производя нападенія на Болгаръ и вторгаясь въ ихъ земли, предпринялъ великую войну противъ тестя святаго Іоанна (Владиміра), царя Самуила, обитавшаго въ Охридѣ, и его братьевъ. Вооружились, для сопротивленія ему, царь Болгарскій Самуилъ съ своими братьями, Моисеемъ, Давидомъ и Аарономъ, [3]) которые облада-

---

[1]) Это ясно указываетъ на существовавшее нѣкогда пространное житіе Владиміра, писанное прежде Діоклейской лѣтописи, т. е. вѣроятно еще въ XI вѣкѣ. Есть ли надежда открыть гдѣ нибудь этотъ драгоцѣнный памятникъ?

[2]) Agnoscet profecto, quod ipse vir sanctus unus Spiritus cum Domino fuit.

[3]) Имя Аарона пропущено въ житіи, вѣроятно по ошибкѣ писца.

ли Болгарскими, Сербскими и Германскими [1]) странами, предѣлами Мисовъ [2]) и вообще сѣверными краями. Вооружились они и собрали безчисленныя войска; и послѣ жаркаго боя, Римляне, при первомъ напорѣ, побѣдили Болгаръ и проникли до внутренней столицы Болгарской, великаго города (μεγαλόπολιν) Лихнида, нынѣ называемаго Охридъ. Оттуда они начали вторгаться въ предѣлы блаженнѣйшаго Іоанна (Владиміра), т. е. въ Далмацію, Албанію, Срѣмъ и Иллирикъ. Но здѣсь ошибся храбрый императоръ Римскій порфирородный Василій; и мужество Іоанна (Владиміра) и сила его оружія, и его упованіе на помощь Божію, а также непроходимость горъ, недоступность подоблачныхъ вершинъ [3]) и тѣснины тамошнихъ ущелій, все это вмѣстѣ окружило его, какъ сѣть паука муху; непріятель былъ разсѣянъ доблестнымъ Іоанномъ, и побѣжденный возвратился вспять. А Іоаннъ, которому Богъ далъ побѣду надъ врагами, прославился и былъ восхваляемъ не только у сосѣднихъ народовъ, но и въ отдаленныхъ странахъ. Такъ онъ продолжалъ жить и царствовать по заповѣдямъ Божіимъ, устремляя свой умъ единственно ко Всевышнему Царю, который и сподобилъ его, какъ того жаждала душа его, пролить кровь свою изъ любви къ Нему и принести свою жизнь Ему въ жертву. Врагъ рода человѣческаго вселилъ ненависть къ святому въ душу брата его супруги, который, нося на лицѣ видъ братской любви, сталъ въ сердцѣ своемъ готовить ему смерть, подвигнутый сатаною и подстрекаемый новою Далидою, своею лукавою и злобною женою: ибо они, какъ еретики, поддерживали смертоносное ученіе богомиловъ или массаліановъ, которые отвергали поклоненіе св. иконамъ и были иконоборцы и враги Креста. Однажды, когда Іоаннъ съ шуриномъ своимъ по обычаю выѣхали вмѣстѣ и отправились изъ Охрида къ Червеню (κατὰ τὸ Τερβαίνη?), злодѣй вдругъ вынулъ мечъ и внезапно ударилъ своего зятя и повалилъ его, отрубилъ голову святому тѣмъ самымъ мечемъ, который получилъ отъ него въ подарокъ».

Убивъ Владиміра, Іоаннъ-Владиславъ занялъ его владѣнія (т. е. Албанское поморье отъ Которскаго залива и Черной Горы до Драча). Братъ Владиміра, Драгоміръ, бѣжалъ съ частью народа за Которскій заливъ и скрылся тамъ (вѣроятно въ горахъ Черногоріи и южной Герцеговины). Утвердившись на Албанскомъ поморьѣ, Болгарскій царь тотчасъ устремился на Драчъ [4]), важнѣйшій торговый

---

[1]) Царство Болгарское представляется составителю житія, какъ обнимающее весь сѣверъ Европы.

[2]) Мисы — древніе жители Болгаріи.

[3]) κεραυνίων κορυφῶν — можетъ быть, намекъ на Акрокеравнскія горы въ Албаніи.

[4]) Или Дураццо.

пунктъ на этомъ поморьѣ, который Самуилъ потерялъ еще въ 995 или 996 году и съ тѣхъ поръ не могъ воротить. Греческая колонія въ Драчѣ наслаждалась миромъ, говоритъ византійскій лѣтописецъ, пока ея сосѣдомъ былъ добродѣтельный Сербскій князь; но теперь опять настали для нея военныя тревоги.—Дружба Іоанна-Владислава съ Византіею, какъ мы видимъ, не была продолжительна. По какому случаю произошелъ разрывъ, неизвѣстно. Діоклейскій лѣтописецъ говоритъ, что городъ Драчъ обѣщанъ былъ Владиславу Греческимъ императоромъ въ награду за убіеніе сына Самуилова, но что когда онъ явился подъ Драчемъ, его туда не впустили. Авторитетъ Діоклейца въ этомъ отношеніи, конечно, не заслуживаетъ большаго довѣрія. Но весьма возможно, что Василій, подговаривая Іоанна-Владислава на выгодное для его политики злодѣяніе, дѣйствительно обѣщалъ ему уступку этой столь важной для Болгаріи пристани, что Владиславъ, послѣ заключенія мира съ Греками, пошелъ занять Драчъ, какъ свою законную собственность, и что отказъ Василія исполнить свое (вѣроятно, словесное, неофиціальное) обѣщаніе былъ причиною возобновленія вражды. Какъ бы то ни было, но еще осенью того же 1015 года, въ которомъ убитъ былъ Гавріилъ и заключенъ миръ, императоръ Василій, «убѣдившись, что Болгарскій государь обманывалъ его своими миролюбивыми увѣреніями и затѣвалъ дѣла, противныя своимъ обѣщаніямъ (это слова византійскаго лѣтописца), рѣшился опять вторгнуться въ Болгарію». Входъ въ Македонію былъ открытъ ему и онъ легко проникъ въ самое сердце Болгарской державы. Опустошивъ окрестности Острова [1]) и поля между Бутелемъ (или Битолемъ, иначе Монастиръ) и Охридомъ [2]), онъ явился подъ столицею Болгаріи. Всѣмъ попадавшимся въ его руки Болгарамъ онъ выкалывалъ глаза. Охридъ былъ взятъ, и Василій уже надѣялся окончательно утвердить за собою престольный городъ Самуила. Между тѣмъ Іоаннъ-Владиславъ стоялъ подъ Драчемъ, принявъ лично начальство надъ осадою, которую открыли его полководцы. Защиту Охридской страны онъ поручилъ Ивацѣ [3]), «мужу отличнѣйшему и испытанному». Вѣроятно, намѣреніе Болгаръ было заманить непріятеля какъ можно дальше въ свою землю. Иначе нельзя бы было понять, почему они отдали Охридъ безъ боя, тогда какъ у нихъ

[1]) И еще другой, неизвѣстной намъ крѣпости, Соска (Σωσκός) близь Острова.

[2]) Этотъ край обозначается въ византійскихъ лѣтописяхъ древнимъ именемъ *Пелагоніи.*

[3]) Это имя, Ивацa (Ἰβάτζης) есть, очевидно, такое же уменьшительное прозвище, какъ Николица и Несторица (Νικολιτζᾶς, Νεστορίτζης): о первомъ Кедринъ говоритъ именно: Νικολαος, ὃν Νικολιτζᾶν ὑποκοριζόμενοι διὰ τὸ βραχὺ τῆς ἡλικίας ἐκάλουν); мнѣ кажется, что настоящая славянская форма была *Иванецъ,* или *Иваница,* а *Ивацa* есть греческая передѣлка; но я удержалъ имя, какъ оно записано въ лѣтописи.

было большое войско, занимавшееся осадою Драча. Разсчетъ удался: Василій уже сбирался идти изъ Охрида еще далѣе на западъ, на выручку Драча, какъ вдругъ весь аррієргардъ его, оставленный между Битолемъ и Охридомъ [1]), былъ истребленъ Ивацею. Испуганный Василій тотчасъ далъ приказаніе отступать и въ этомъ отступленіи, скорѣе похожемъ на бѣгство, бросилъ Охридъ и ушелъ въ Солунь [2]).

Неудача этого слишкомъ смѣлаго похода заставила Василія опять прибѣгнуть къ прежнему способу войны. Отказавшись на время отъ завоеванія Охридскаго края, онъ принялся снова за медленную работу покоренія городовъ, черезъ которые центръ тогдашней Болгаріи сообщался съ ея оконечностями. Онъ послалъ одинъ отрядъ осаждать Струмницу, а другой къ Срѣдцу (Софіи) [3]); но успѣхъ ихъ ограничился только взятіемъ двухъ незначительныхъ укрѣпленій [4]) и опустошеніемъ полей. Императоръ Византійскій рѣшился даже прибѣгнуть къ опасному средству, которое нѣкогда употребилъ его предшественникъ, Никифоръ Фока, для низложенія Болгаръ: онъ хотѣлъ нанять на Руси вспомогательную дружину. Съ Русью онъ находился въ тѣсной связи: его сестра была за Великимъ Княземъ Владиміромъ, и въ это именно время (1015—1016 г.) греческій отрядъ, посланный имъ на корабляхъ на сѣверный берегъ Чернаго моря, велъ вмѣстѣ съ Русскими князьями удачную войну противъ Хазаровъ. Желаніе Василія было исполнено. Русская дружина прибыла и присоединилась къ войску, которое готовилось итти на Болгаръ. Въ 1016 г. войско это подъ личнымъ предводительствомъ императора выступило противъ Срѣдца (Софіи), но остановлено было осадою извѣстной уже намъ болгарской твердыни въ Балканахъ, Перника. Болгаре защищались такъ храбро и наносили непріятелю такой уронъ, что, простоявъ подъ Перникомъ 88 дней, Василій отступилъ и безуспѣшно возвратилсяво Ѳракію, въ Мосинополь.

Въ то же время и Болгаре перенесли войну на сѣверъ и, подобно Грекамъ, стали искать себѣ союзниковъ за Дунаемъ. Іоаннъ-Владиславъ отправилъ въ Черноморскія области храбраго воеводу Кракру, отличившагося прежнею защитою Перника въ 1002 г. Воевода этотъ собралъ тамъ большое войско и вошелъ въ сношенія съ Пече-

[1]) Подъ начальствомъ стратига Георгія Гонициаты и протоспаѳарія Ореста.

[2]) Византійскій историкъ, впрочемъ, прикрываетъ это неблаговидное отступленіе тѣмъ, что императоръ будто бы имѣлъ въ виду преслѣдованіе Ивацы (τὸν Ἰβάτζην καταδραμὼν καὶ διώξας); но подобное преслѣдованіе могло бы только увлечь его въ глубь Болгаріи, и, конечно, не вывело бы его на Солунскую дорогу.

[3]) Первымъ начальствовалъ Давидъ Аріанита, вторымъ Ксифія.

[4]) Кедринъ называетъ эти укрѣпленія, а именно: Θερμίτζα близъ Струмицы и Βοιῶν близъ Срѣдца (Софіи).

нѣгами. Для Болгаръ тѣмъ естественнѣе было звать къ себѣ на помощь этихъ степныхъ дикарей, что Русскіе князья, всегдашніе враги Печенѣговъ, послали дружину на помощь Греческому императору. Вскорѣ и самъ царь Болгарскій явился на сѣверѣ, въ слѣдъ за своимъ воеводою, и сталъ готовиться къ нападенію на Дерстръ (Силистрію), главную точку опоры Грековъ на Дунаѣ.

Давъ зимою отдыхъ войску и усиливъ его новымъ наборомъ, Василій слѣдующею весною (1017) возобновилъ дѣйствія. Онъ направился въ ту сторону, которая была тогда слабѣе защищена, именно въ южную Македонію, и взялъ тамъ какую-то крѣпость [1]); добыча была раздѣлена на три части: одна треть для греческаго войска, другая для русской дружины, третья для императорской казны. Во время этой осады авангардъ греческій разорялъ поля въ Охридской области, уводилъ поселянъ, захватывалъ стада. Послѣ перваго успѣха, императоръ двинулся къ Касторіи, но нашелъ ея стѣны неприступными и возвратился назадъ. Онъ долженъ былъ спѣшить. Его звалъ на сѣверъ стратигъ Силистрійскій, Грузинъ Цицикій [2]), который уже видѣлъ себя окруженнымъ Болгарами и Печенѣгами. Но императоръ, едва ли полагая возможнымъ поспѣть на выручку Силистріи, занялся другими предпріятіями, чтобы воспользоваться удаленіемъ болгарскихъ силъ и утвердиться въ юговосточной Македоніи. Онъ взялъ крѣпость Вышеградъ [3]), усилилъ средства обороны въ Верріи и сталъ брать укрѣпленія въ окрестностяхъ Острова и Мольска. Сюда пришла къ нему вѣсть, что нападеніе Владислава на Силистрію не удалось, потому что Печенѣги, почему-то поссорившись съ Болгарами, отказали имъ въ помощи. Успокоенный этимъ, императоръ занялся осадою города Сѣтены (теперь село Ситина, недалеко отъ Острова), гдѣ находился замокъ, принадлежавшій Самуилу. Овладѣвъ Сѣтеною, Василій нашелъ тамъ большіе запасы пшеницы, которые раздалъ своему войску, а все остальное въ городѣ онъ велѣлъ сжечь. Осада Сѣтены, какъ видно, взяла много времени: ибо пока императоръ стоялъ въ этомъ мѣстѣ, Іоаннъ-Владиславъ успѣлъ прибыть изъ-подъ Силистріи въ Македонію. Василій послалъ противъ него сильный авангардъ. Отрядъ этотъ попалъ въ весьма опасное положеніе, и чуть не былъ отрѣзанъ Болгарами. Узнавъ о томъ, Василій, не теряя минуты, сѣлъ на коня и съ словами: «кто человѣкъ военный, за мной!» поскакалъ впередъ. Войско устремилось за нимъ. Внезапное появленіе его такъ смутило передовые бол-

---

1) Кедринъ называетъ ее Λογγὸν (Лжгъ).
2) Τζιτζίκιος, υἱὸς τοῦ πατρικίου Θευδάτη τοῦ Ἴβηρος.
3) Положеніе ея въ точности неизвѣстно.

гарскіе пикеты, что они бросились бѣгомъ назадъ въ станъ Владислава и кричали ему: «*бѣзите, о цѣсарь!* (βεζεῖτε 'ο τζαῖσαρ)» [1]), т. е. «бѣгите, о царь!» Паническій страхъ овладѣлъ Болгарскимъ государемъ и его войскомъ. Всѣ бѣжали, покинувъ станъ. Прежде запертый Болгарами греческій авангардъ бросился за ними въ погоню; онъ взялъ въ плѣнъ до 200 тяжело вооруженныхъ (πανοπλίτας) Болгаръ и какого-то родственника [2]) Владиславова; также овладѣлъ онъ лошадьми и походными вещами Болгарскаго царя.

Послѣ этой побѣды, императоръ возвратился въ Водену и, сдѣлавъ здѣсь нужныя распоряженія, 9 Января 1018 г. прибылъ въ Константинополь.

Между тѣмъ Іоаннъ-Владиславъ скоро оправился отъ пораженія подъ Сѣтеною, и пользуясь краткимъ отдыхомъ, который давалъ ему Василій, принялся опять за свой любимый замыслъ: онъ возвратился къ осадѣ Драча и «съ варварской пышностью и гордынею» [3]) явился подъ стѣнами приморской твердыни. Но въ началѣ осады, при первой схваткѣ, онъ былъ пораженъ смертельно ударомъ, неизвѣстно кѣмъ направленнымъ [4]). Вотъ какъ Діоклейскій пресвитеръ разсказываетъ его гибель: «Въ то самое время, когда перенесено было тѣло блаженнаго Владиміра изъ Преспы въ Краину, императоръ Владиславъ явился съ большимъ войскомъ, чтобы занять землю бл. Владиміра и городъ Драчъ, какъ ему было обѣщано императоромъ Василіемъ въ награду за совершенныя имъ убійства [5]). И такъ, пока онъ пребывалъ передъ Драчемъ, однажды, въ то время какъ онъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ, ему явился вооруженный воинъ въ образѣ св. Владиміра. Это его такъ ужаснуло, что онъ, вскочивъ съ своего сѣдалища, закричалъ изо всей силы: «Сюда, сюда, воины мои, защищайте меня, Владиміръ хочетъ убить меня!» и бросился бѣжать Въ это мгновеніе поразилъ его ангелъ и онъ палъ на землю, мертвый и тѣломъ и душою. Тогда князья и воины и всѣ люди его, объятые страхомъ и ужасомъ, зажгли свой станъ и въ ту же ночь разбѣжались, всякій восвояси. Такъ случилось, что богомерзкій убійца, который, сидя за обѣденнымъ столомъ, приказалъ умертвить блаженнаго Владиміра, самъ пораженъ былъ въ часъ обѣда, дабы сдѣлаться воиномъ сатаны».

---

[1]) Кедр. II, 466.

[2]) ἀνέψιον.

[3]) Слова лѣтописца Кедрина.

[4]) Кедр. II, 466.

[5]) Здѣсь Діоклеецъ правильно отдѣляетъ городъ Драчъ отъ владѣній Владиміра Подгорскаго, между тѣмъ какъ прежде онъ включилъ этотъ городъ въ область своего любимаго героя.

Смерть похитила послѣдняго дѣятельнаго члена изъ Шишманова рода, который, можно сказать, самъ себя растерзалъ. Послѣ Іоанна-Владислава остались только женщины и дѣти. Только двое изъ вельможъ Болгарскихъ, сподвижниковъ Самуила, уже извѣстные намъ по имени, Ивацъ и Николица, думали продолжать войну за независимость Болгаріи; но это были частныя попытки; народъ ихъ не поддерживалъ. Мы объяснили происхожденіе Самуиловой державы порывомъ славянскаго чувства, которое вдругъ, отъ Коринѳскаго перешейка до Дуная, возгорѣлось негодованіемъ на иго Византіи. Но этотъ порывъ народнаго чувства къ независимости и единству не окрѣпъ, не обратился въ прочное народное сознаніе, въ жизненную потребность народа. Давно уже, мы видѣли, онъ остылъ, а когда не стало прежнихъ вождей, онъ угасъ совершенно, уступая мѣсто трусости, корысти и равнодушію. Со дня смерти Іоанна-Владислава, зданіе Самуилово рушилось: Византіи стоило только подбирать обломки.

Послушаемъ разсказа греческаго лѣтописца. Когда императоръ Василій получилъ отъ Драчскаго намѣстника, патриція Никиты Пигониты, извѣстіе о смерти Іоанна - Владислава, онъ тотчасъ же выступилъ изъ столицы. Какъ скоро онъ прибылъ въ Адріанополь, къ нему явились братъ и сынъ «знаменитаго» Кракры, съ радостною вѣстью, что «славная» крѣпость Перникъ и еще тридцать пять другихъ крѣпостей желаютъ ему сдаться. Почтивъ посланцевъ какъ должно и возведя Кракру въ степень патриція, императоръ поѣхалъ въ Мосинополь, гдѣ его ожидали другіе посланцы изъ Пелагоніи (т. е. Охридскаго края), Липлянъ (на Косовомъ полѣ) и Моравища (т. е. края у верховьевъ Болгарской Моравы), съ объявленіемъ о готовности ему покориться. Изъ Мосинополя Василій прибылъ въ Сѣръ (Серресъ); здѣсь предсталъ самъ Кракра въ сопровожденіи начальниковъ тридцати пяти изъявившихъ покорность укрѣпленій, и былъ принятъ самымъ привѣтливымъ образомъ. Также явился Драгомужъ, начальникъ Струмницы, и былъ пожалованъ въ патриціи. Онъ привелъ съ собою къ императору освобожденнаго въ это время патриція Іоанна, бывшаго правителя Халдіи [1]), который, попавшись въ плѣнъ къ Самуилу, содержался подъ стражею въ Болгаріи 22 года [2]). Двинувшись изъ Серреса, императоръ Византійскій вскорѣ ступилъ на болгарскую почву, и начался для него не походъ, а торжественное шествіе. Едва онъ приблизился къ Струмницѣ, какъ его встрѣтилъ архіепископъ Болгарскій Давидъ съ письмомъ отъ Маріи, су-

---

¹) Такъ называлась часть Арменіи.

²) Это тотъ самый Патрикъ Жанъ, о взятіи котораго въ плѣнъ Болгарами упоминаетъ армянскій лѣтописецъ Асохигъ, см. выше, стр. 242

пруги Іоанна-Владислава, которая обѣщала удалиться изъ Болгаріи, если исполнены будутъ императоромъ нѣкоторыя ея требованія. Явился также Богданъ, «начальникъ крѣпостей во внутренней Болгаріи», и былъ награжденъ саномъ патриція, за то что и прежде уже былъ приверженъ къ императору и убилъ своего собственнаго зятя (кого именно и по какому случаю, лѣтописецъ не объясняетъ). Изъ Струмицы Василій направился къ Скоплю, и, оставивъ тамъ полномочнымъ начальникомъ (στρατηγὸν αὐτοκράτορα) патриція Давида Аріаниту, повернулъ назадъ на крѣпости Штипъ и Просѣкъ, привѣтствуемый и прославляемый литіями и пѣснями. Потомъ, взявъ вправо, онъ двинулся на Охридъ, вступилъ въ столицу Болгаріи и расположилъ подъ нею свой станъ. Народъ стекался къ нему, привѣтствуя его «пѣснями, рукоплесканіями и хваленіями». Василій вошелъ въ опустѣлый дворецъ царей Болгарскихъ и отворилъ ихъ казнохранилище. Онъ взялъ царскіе вѣнцы и золототканныя ризы, золото же [1]) роздалъ въ жалованье своему войску. Назначивъ правителемъ Охридскимъ своего воеводу, Евстаѳія Дафномилу, и оставивъ ему сильный отрядъ, Василій возвратился въ свой станъ, подъ городомъ. Къ нему привели сюда вдову Іоанна-Владислава со всѣмъ царскимъ семействомъ Болгарскимъ. Съ Маріею были трое сыновей и шесть дочерей ея, одинъ незаконный (вѣроятно, еще малолѣтный) сынъ Самуила, двѣ его внучки и пять (тоже, кажется, малолѣтныхъ) внуковъ его, дѣтей Гавріила-Романа. Изъ числа послѣднихъ одного ослѣпили по приказанію Владислава. Семья была многочисленная, но въ ней не осталось ни одного человѣка, способнаго дѣйствовать. Правда, не всѣ сыновья Іоанна-Владислава пришли вмѣстѣ съ матерью отдаться въ руки Грекамъ. Старшій, Прусіанъ [2]) (по-славян-

[1]) Уже было упомянуто, что Василій, по словамъ византійскаго лѣтописца (Кедр. II, 468), нашелъ въ Охридскомъ казнохранилищѣ, кромѣ денегъ, до 100 кентинаріевъ золота въ слиткахъ.

[2]) Странны по своему не-славянскому звуку имена этой царской семьи Болгарской: Шишманъ, Алусіанъ, Прусіанъ, Деліанъ (Δελιανός, Δελεανός или Δαλειανός). Въ помянникѣ Зографскаго монастыря (писанномъ на бумагѣ, въ листъ, и переплетенномъ въ 1504 году), помѣщенъ былъ, въ 1502 году заимствованный изъ другаго, древнѣйшаго помянника, списокъ Болгарскихъ царей (подъ заглавіемъ „Помени *Господи* въ православной вѣрѣ царе блъгарскые“): въ этомъ спискѣ, сообщенномъ мнѣ К. Д. Петковичемъ, но къ сожалѣнію, представляющемъ имена Болгарскихъ государей безъ всякаго хронологическаго порядка (путаница вѣроятно произошла отъ многократнаго переписыванія), приведены между прочими имена царей Бориса, Симеона, Петра, Бориса, Романа, Шишмана (кромѣ того еще два Іоанна Шишмана, относящіеся къ позднѣйшей династіи Асѣничей), Давида, Самуила, Гавріила-Радоміра (эти два имени поставлены отдѣльно, безъ сомнѣнія по ошибкѣ одного изъ переписчиковъ; Іоанна-Владислава нѣтъ въ помянникѣ); кромѣ этихъ именъ, намъ уже знакомыхъ, и многихъ другихъ, принадлежащихъ къ позднѣйшимъ эпохамъ, мы читаемъ имя какого-то царя *Фружина*: это есть, по всей вѣроятности, болгарская форма того имени,

ски, кажется, Пружинъ), съ двумя братьями, скрывался въ дебряхъ хребта Тмора (въ средней Албаніи, близъ Бѣлграда Албанскаго или Берата). Но напрасно онъ надѣялся, что Болгарскій народъ пойдетъ за нимъ. Народъ равнодушно смотрѣлъ, какъ князья и вельможи, сподвижники Самуила, одинъ за другимъ подчинялись Греческому императору. Подъ Охридомъ Василій принялъ присягу «Несторицы, Зарицы и младшаго Доброміра, которые перешли къ нему каждый съ своими полками», по выраженію лѣтописца Кедрина. Греческій отрядъ окружилъ Тморъ, убѣжище Прусіана и его братьевъ, и они вскорѣ сдались. Между тѣмъ самъ императоръ продолжалъ объѣздъ покорявшейся страны. Изъ Охрида онъ перенесъ свой станъ во вторую столицу Самуила, Преспу. На какой-то горѣ надъ Преспинскимъ озеромъ онъ выстроилъ новое укрѣпленіе, Василиду, а другое заложилъ у самаго озера, вѣроятно на перешейкѣ, отдѣляющемъ малое Преспинское озеро отъ большаго. Изъ Преспы онъ хотѣлъ прямо итти къ Костуру (или Касторіи); но его смутила вѣсть, что сопротивленіе въ Болгаріи еще не совсѣмъ подавлено. Одинъ человѣкъ еще думалъ продолжать борьбу. Это былъ могущественный бояринъ Ивацa. Онъ удалился въ непроходимыя горы, называвшіяся Брохотъ или Врохотъ (Βροχωτός), въ которыхъ находился прекрасный дворецъ царей Болгарскихъ съ садами и разными увеселительными строеніями (мѣсто это называлось Пронише (?) Προνίστα). Здѣсь скрывался онъ «и не хотѣлъ покориться волѣ Божіей» (пишетъ Кединъ), «но собирая мало-по-малу приверженцевъ, готовилъ возстаніе, и уже видѣлъ себя въ мечтѣ государемъ Болгарскимъ». — Въ слѣдствіе этого неожиданнаго противодѣйствія, императоръ Василій, какъ скоро водворилъ греческое управленіе въ Преспѣ, повернулъ на югозападъ, къ Дѣволю, ближе къ мѣсту, гдѣ слышалось послѣднее дыханіе болгарской свободы. Въ Дѣволѣ онъ, возсѣдая на высокомъ престолѣ, принялъ Прусіана и двухъ его братьевъ, царевичей Болгарскихъ, положившихъ оружіе передъ греческимъ отрядомъ, который преслѣдовалъ ихъ на высотахъ Тмора. Императоръ помиловалъ плѣнни-

---

которое Греки передѣлали въ Προυσιάνος; но во всякомъ случаѣ, имя это не славянское... — Съ этими именами Алусіанъ, Прусіанъ нельзя не сопоставить имени, прославившагося въ Болгаріи въ слѣдующую эпоху, *Асѣнъ*, которое у Грековъ пишется Ἀσάν или Ἀσάνος; а это имя принадлежало роду романскаго (волошскаго) происхожденія: позволено ли предполагать то же самое о предшествовавшей Асѣнямъ династіи Болгарской и привести въ подкрѣпленіе этой мысли еще то поразительное множество ветхозавѣтныхъ именъ въ этой семьѣ (Давидъ, Моисей, Ааронъ, Самуилъ, Гавріилъ), которое страннымъ образомъ совпадаетъ съ свидѣтельствомъ еврейскаго путешественника XII вѣка, Веніамина, объ употребительности іудейскихъ именъ у Волоховъ Θессалійскихъ. Все это, разумѣется, только гипотезы, основанія которыхъ, по недостатку свѣдѣній объ этомъ времени, суть самыя шаткія.

ковъ, и пожаловалъ Прусіана въ магистры, а братьевъ его въ патриціи. Онъ надѣялся также склонить къ сдачѣ Ивацу, но въ то же время готовился преодолѣть его упорство оружіемъ. Онъ послалъ ему грамоту, въ которой увѣщевалъ непреклоннаго Болгарина, чтобы онъ, «когда все его отечество покорено, не сопротивлялся одинъ и не предпринималъ невозможной борьбы, которая можетъ кончиться лишь его собственною гибелью». Ивaца отвѣчалъ на посланіе императора и умѣлъ находить всякаго рода отсрочки и извиненія, такъ что императоръ потерялъ въ Дѣволѣ 55 дней, ожидая, что онъ придетъ и сдастся. Пришлось бы возобновить войну въ Болгаріи, еслибы одинъ Грекъ не ухитрился, необыкновеннымъ сочетаніемъ коварства со смѣлостью, схватить самаго Ивацу. Вотъ какъ византійскій историкъ разсказываетъ это дѣло, характеризующее тогдашніе нравы и тогдашнее состояніе умовъ въ Болгаріи:

Охридскій правитель Евстаѳій Дафномила узналъ, что императоръ весьма бы желалъ избавиться отъ Ивацы, и рѣшился оказать своему государю эту услугу (я перевожу слова Кедрина). Выбравъ удобное время, онъ открылъ свое намѣреніе двумъ изъ вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ, и взялся за дѣло. Предстоялъ у Ивацы торжественный праздникъ, въ день Успенія пресв. Богородицы. Къ этому дню былъ у него обычай сзывать не только сосѣдей и близкихъ людей, но и множество народа изъ дальнихъ мѣстъ [1]). Итакъ Евстаѳій отправился съ своими слугами незванный на этотъ праздникъ и, встрѣтя на дорогѣ часовыхъ, сторожившихъ проѣздъ, объявилъ свое имя и приказалъ доложить ихъ господину, что онъ ѣдетъ къ нему участвовать въ веселіи празднества. Ивaца былъ необыкновенно удивленъ, какимъ образомъ непріятель приходитъ къ нему добровольно и отдается ему въ руки; но тѣмъ не менѣе, онъ велѣлъ его пропустить, обнялъ его и принялъ радушно. На другой день, послѣ заутрени, когда всѣ гости разошлись въ отведенные имъ покои, Евстаѳій пришелъ къ Ивацѣ и просилъ его удалить на мгновеніе находившихся около его людей, чтобы онъ могъ сообщить ему наединѣ нѣчто весь-

[1]) Такое торжество въ извѣстный церковный праздникъ у частнаго человѣка есть то же самое, что теперь еще существующій между Сербами православнаго исповѣданія обычай „славити крсно (крестное) имя". Цѣлый родъ имѣетъ общій праздникъ и старшій въ домѣ сзываетъ и угощаетъ въ этотъ день всѣхъ друзей, сосѣдей и знакомыхъ. Замѣчательно, что изъ числа христіанскихъ святыхъ весьма немногіе празднуются такимъ образомъ (всего чаще св. Георгій, св. Николай, архангелъ Михаилъ, Іоаннъ Креститель). Тотъ же самый обычай существуетъ и во многихъ мѣстахъ Албаніи (особенно, кажется, въ сѣверной ея части): есть рода, даже между обращенными въ магометанство Арнаутами, которые празднуютъ, какъ день своего покровителя, праздникъ св. Георгія, Николая, Димитрія, Михаила и др. Нѣтъ сомнѣнія, что христіанство приняло и освятило существовавшіе у этихъ народовъ еще въ язычествѣ родовые праздники.

ма важное и для него полезное. Ивица не подозрѣвалъ обмана и хитрости, и былъ увѣренъ, что Евстаѳій желаетъ вступить въ число участниковъ его предпріятія противъ императора Василія. Онъ приказалъ своимъ слугамъ удалиться и, взявъ Евстаѳія за руку, повелъ его въ густой садъ, гдѣ была бесѣдка, изъ которой разговоръ не могъ быть слышенъ, по причинѣ густой зелени. Какъ скоро они вошли въ нее и Ивица былъ удаленъ отъ своихъ, Евстаѳій, у котораго рука была сильна и проворна, бросился на него, повалилъ его на землю и, ставъ ему колѣномъ на грудь, захватилъ ему дыханіе; въ то же мгновеніе онъ позвалъ своихъ слугъ, которые, по условію, послѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи и, дожидаясь знака, тотчасъ прибѣжали на зовъ своего господина. Втроемъ они держали Ивацу, зажали ему ротъ одеждою и выкололи ему глаза. Послѣ того они взяли его и бросили изъ сада въ прилегающій дворъ, сами же бѣгомъ устремились въ верхніе покои дома и здѣсь съ обнаженными мечами ожидали, что будетъ. Дѣло тотчасъ разгласилось и несказанная толпа стала сбѣгаться, одни съ мечами, другіе съ копьями, иные съ стрѣлами, съ камнями, съ палками, съ горящими полѣньями и все это кричало: «бейте, жгите, рѣжьте на куски, засыпайте каменьями измѣнниковъ, обманщиковъ! не давать пощады злодѣямъ!» Видя сбѣгавшуюся толпу, Евстаѳій отчаялся въ возможности спастись; однако онъ обратился къ своимъ товарищамъ, убѣждая ихъ не упадать духомъ и не передаваться врагамъ, которые не пощадятъ ихъ, а только замучатъ ужаснѣйшею смертью; самъ же онъ выглянулъ въ окно на толпу и, сдѣлавъ знакъ, что хочетъ говорить, сказалъ народу: «Не изъ вражды къ вашему князю сдѣлалъ я это. Вы сами знаете, что онъ Болгаринъ, а я Грекъ (Ρωμαῖος), да къ тому же Грекъ не изъ Ѳракіи или Македоніи, а изъ Азіи: люди свѣдущіе знаютъ, какъ она далеко отъ вашей земли. Вы легко поймете, что я рѣшился на это дѣло не изъ какой-нибудь прихоти, а по нуждѣ. Вѣдь иначе я не бросился бы, какъ сумасшедшій, на явную смерть. Дѣло это было приказано императоромъ, и я, какъ послушный слуга, исполнилъ приказаніе. Если же вы хотите казнить меня, то, вы видите, я въ вашей власти. Но я не такъ легко отдамся на смерть и буду бить каждаго, кто подойдетъ, до послѣдняго издыханія. Смерть наша вѣрная, но мы погибнемъ счастливыми, зная, что есть человѣкъ, который взыщетъ на васъ каждую каплю нашей крови. Не долго будете вы ему сопротивляться!» Эта рѣчь, и въ особенности угроза местью императора такъ испугала этихъ людей, что они мало-помалу стали расходиться въ разныя стороны; а старѣйшіе и благоразумнѣйшіе кончили тѣмъ, что изъявили покорность императору, такъ что Евстаѳій могъ безпрепятственно взять Ивацу и отвести его

къ Василію. Государь, за такой «доблестный» поступокъ его (ἀνδραγαθία) тотчасъ же наименовалъ стратигомъ и намѣстникомъ Драчскимъ, и пожаловалъ ему все движимое имущество Ивацы; Ивацу же отдалъ подъ стражу.

Вскорѣ послѣ паденія Ивацы уничтожено было *послѣднее* сопротивленіе въ Болгаріи. Извѣстный полководецъ Самуиловъ, Николица, который столько разъ попадался въ руки Грековъ и всякій разъ уходилъ, скрывался въ горахъ съ толпою людей. Высланъ былъ противъ него отрядъ. Его товарищи мало-по-малу переходили къ Грекамъ; другіе были пойманы. Тогда и Николицу взяло отчаянье. Онъ ночью пришелъ въ Греческій станъ и сдался. Императоръ отправилъ его въ заточеніе, въ Солунь.

Василій продолжалъ заниматься устройствомъ покоренной страны. Установивъ уже новое управленіе въ Битолѣ, Охридѣ, Преспѣ, Дѣволѣ, онъ учредилъ теперь Драчскую область, Колонію и Дринополь [1]). Каждая область подчинена была воеводѣ (стратигу), который имѣлъ въ своемъ распоряженіи отрядъ войска. Плѣннымъ, которыхъ Самуилъ во множествѣ уводилъ изъ греческихъ областей и поселялъ въ Болгаріи, дозволено было остаться тамъ, если захотятъ, или возвратиться на родину. Вообще, въ управленіи Болгаріею, Василій сохранилъ весь порядокъ, установленный Самуиломъ. Подати и способъ ихъ взыманія остались неизмѣненными: Болгаре должны были платить въ Византійскую казну только то, что бралъ съ нихъ собственный ихъ государь.

Василій прибылъ въ Касторію. Тутъ представили ему двухъ дочерей Самуила (старшая называлась Екатерина). Какъ только онѣ увидѣли въ свитѣ императора царицу Марію, вдову Іоанна-Владислава, убійцы ихъ брата, онѣ какъ бѣшеныя бросились не нее, какъ будто бы хотѣли разорвать ее на клочки. Императоръ успокоилъ ихъ и обѣщалъ имъ богатства и всякій почетъ. Въ то же время онъ пожаловалъ Марію титуломъ *зосты* и отправилъ ее въ Константинополь съ ея дѣтьми.

Самъ же онъ изъ Касторіи продолжалъ путь на югъ. Не достаточно было покорить и устроить Болгарію; слѣдовало еще успокоить взволнованную Болгарами полу-славянскую Грецію. Василій направился къ Аѳинамъ. Пока его полководецъ Ксифія разрушалъ до основанія болгарскія укрѣпленія въ Сербчицѣ, Соскѣ (Σωσκός) и окрестныхъ мѣстахъ, онъ самъ прибылъ въ крѣпость Стагусъ, въ Ѳессаліи. Здѣсь настигъ его и предсталъ предъ его очи, «въ образѣ

---

[1]) Колонія есть юговосточная часть средней Албаніи, между Горицею и Лясковичами; Дринопольская область есть нынѣшній Аргирокастрскій округъ въ Эпирѣ.

раба» (т. е. какъ плѣнникъ, отдающійся на произволъ побѣдителя), Бѣлградскій воевода Елемагъ (? Ἐλεμάγος) съ товарищами своими. — Изъ этого показанія лѣтописца Кедрина можно заключить, что полководцы византійскіе, которымъ поручены были занятые прежде Василіемъ крѣпости на Дунаѣ, исполняли въ сѣверной Болгаріи то же самое дѣло, какое императоръ лично взялъ на себя въ югозападныхъ областяхъ, и что тамъ также подчинялся византійскому правленію упадшій духомъ народъ славянскій.

У Сѣтуны (или Зитуны) императоръ Василій посѣтилъ покрытое костями поле битвы, въ которой Самуилъ (въ 995 г.) былъ пораженъ Никифоромъ Урановъ. Въ Ѳермопилахъ (которыя тогда носили уже прозаическое имя *Скелосъ*, т. е. Ущелье) онъ осмотрѣлъ стѣну, выстроенную [1]) въ недавнее время трусливыми Греками для защиты отъ вторженій Болгаръ. Прибывъ въ Аѳины, Василій совершилъ, въ храмѣ пресв. Богородицы, благодарственное молебствіе за побѣды и украсилъ эту церковь многочисленными драгоцѣнными приношеніями. Въ Аѳинахъ онъ провелъ зиму съ 1018 на 1019 годъ. Когда устроены были дѣла въ Греціи, онъ подумалъ о возвращеніи въ Константинополь. Столица увидала новаго тріумфатора. Съ зубчатою короною на головѣ вступилъ онъ въ Золотыя Ворота Византіи. Ему предшествовали плѣнники и плѣнницы: Марія, супруга царя Іоанна-Владислава, дочери Самуиловы и множество Болгаръ. Черезъ украшенныя трофеями улицы шествовалъ онъ въ «Великую» церковь св. Софіи и, послѣ молебствія, вошелъ во дворецъ, принимать поздравленія патріарха и сановниковъ съ покореніемъ Болгаріи.

Такимъ образомъ случилось, говоритъ византійскій историкъ [2]), что «Болгарія, почитавшаяся неприступною, могущественною и неодолимою и долго не повиновавшаяся императорамъ, Болгарія, которая отрѣзывала Византіи подвозъ жизненныхъ припасовъ и всѣхъ необходимыхъ предметовъ, была блистательно и доблестно завоевана; и Греческая держава получила на западѣ безопасность и миръ, и вмѣсто прежней скудости, стала наслаждаться изобиліемъ и благосостояніемъ».

Дѣйствительно, Византія имѣла право привѣтствовать торжествующаго «Болгароубійцу» (Βουλγαρόκτονος), какъ своего благодѣтеля и избавителя. Сорокъ лѣтъ тому назадъ она была отрѣзана отъ Европы. Прежняя столица Востока задыхалась и чахла въ собственныхъ стѣнахъ и въ тѣсномъ уголкѣ Ѳракійскаго приморья, котораго славянская волна не успѣла захватить; а теперь она опять властвовала

---

[1]) Въ мѣстѣ, называемомъ Ῥουπένη.

[2]) Attaliota, 234.

надъ своею природною областью и житницею, надъ всѣмъ полуостровомъ отъ Дуная до Адріатическаго моря и оконечностей Мореи.

Императоръ Василій, конечно, велъ дѣло съ большимъ умомъ и показалъ, въ борьбѣ своей съ Болгарами, несомнѣнный талантъ, какъ военнаго, такъ и государственнаго человѣка. Но *онъ* ли покорилъ Болгарію? — нѣтъ; предъидущій разсказъ убѣдитъ каждаго, что самъ народъ Болгарскій отдалъ себя ему въ руки.

Славянскіе народы, по видимому, способны къ единству только въ большихъ размѣрахъ. Имъ нужно полное, цѣльное соединеніе на широкомъ просторѣ. Федеративное сочетаніе мелкихъ обществъ для нихъ невозможно; такого сочетанія (любимаго преимущественно Германскимъ племенемъ, также какъ въ древности Греческимъ) они не выдерживаютъ; они въ немъ чахнутъ, и при первомъ толчкѣ, союзъ распадается. Есть тому много примѣровъ въ исторіи западныхъ и южныхъ Славянъ. Такъ было и въ тогдашней Болгаріи. Образовать цѣльное единство народное, цѣльное государство, невозможно было для племенъ, разселившихся между Дунаемъ и Мореею, между Адріатическимъ и Чернымъ морями, въ странѣ, перерѣзанной вдоль и поперекъ цѣпями горъ, почти лишенной внутреннихъ сообщеній, и гдѣ ктому же Славяне перемѣшаны были съ чужими народами, Албанцами, Влахами, Греками. Возможна была въ такой странѣ только федерація славянскихъ племенъ, сочетаніе отдѣльныхъ славянскихъ группъ, Придунайской, Охридской, Черногорской, Македонской, Ѳессалійской, Морейской и т. д. подъ однимъ верховнымъ предводителемъ. Общій порывъ противъ иностраннаго ига породилъ, мы видѣли, такую федерацію въ концѣ X вѣка; но не долго устояла она. Византія была ничтожна, дряхла, поражена смертельною порчею; Славяне были свѣжи, бодры, еще почти неиспорчены. Но Византія несла съ собою въ борьбу крѣпкое начало безусловнаго единства государственнаго, и передъ этимъ началомъ рушилось слабое и условное начало славянской федераціи. Читатель видѣлъ, какъ цѣлыя области славянскія покидали знамя своей независимости и покорялись государственному началу Византіи. Чрезъ нѣсколько столѣтій мѣсто Византіи займутъ Турки, и мы увидимъ повтореніе того же самаго явленія. Судьба Самуиловой Болгаріи есть первое приложеніе общаго закона, который проходитъ черезъ всю исторію Задунайскихъ Славянъ: Славяне Задунайскіе, вслѣдствіе условій мѣстныхъ и племенныхъ, не могутъ сами изъ себя выработать единство и сдѣлаться цѣльнымъ народомъ, способнымъ къ долговѣчной политической самостоятельности; въ порывахъ къ независимости, они могутъ составить только мелкія единицы, слагающіяся на время въ болѣе или менѣе обширныя федераціи; но всякій разъ эти федераціи распадаются пе-

редъ началомъ государственнымъ, приносимымъ извнѣ. До сихъ поръ это государственное начало приносилось къ Задунайскимъ Славянамъ только врагами, и ихъ историческая жизнь была, я думаю, несчастнѣе, чѣмъ жизнь какого бы то ни было другаго народа на свѣтѣ.

Овладѣвъ въ 1018 г. всею Болгаріею, Византія, естественно, стала притягивать къ себѣ и сосѣднія славянскія племена. Они такъ и льнули къ ней. Мы упомянули уже о подчиненіи Бѣлграда. На другомъ краю Сербскихъ земель, покорилось ей Подгоріе, наслѣдіе св. Владиміра Сербскаго. «Подчинились также, говоритъ византійскій лѣтописецъ, сосѣднія племена Хорватовъ, находившіяся подъ властью двухъ братьевъ: когда эти правители присягнули императору и получили почетные титулы и подарки, то и народъ поддался вмѣстѣ съ ними. Непокорнымъ оставался только одинъ князь Срѣмскій [1]) (Срѣмомъ называется уголъ между нижнею Савою и Дунаемъ). Константинъ Діогенъ, правитель пограничной съ Срѣмомъ области (онъ былъ, вѣроятно, воеводою Бѣлградскимъ) [2]), отправилъ къ нему посла, чтобы условиться о свиданіи для переговоровъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ, клятвенно обѣщая не сдѣлать ему зла; если же славянскій князь все-таки, не смотря на клятву, имѣлъ опасеніе, то онъ приглашалъ его выѣхать къ нему на встрѣчу, съ тремя слугами, на средину рѣки Савы, гдѣ воевода будетъ ожидать его, тоже съ тремя провожатыми. Князь повѣрилъ и поѣхалъ на свиданіе на срединѣ рѣки. Пока они разговаривали, Діогенъ вдругъ вынулъ спрятанный за пазухою ножъ и вонзилъ ему въ бокъ. Владѣтель Срѣма палъ за-мертво, а люди его тотчасъ обратились назадъ, чтобы спастись бѣгствомъ. Діогенъ немедленно двинулъ стоявшее вблизи войско и съ значительною силою ворвался въ Срѣмъ. Онъ умѣлъ напугать и вмѣстѣ съ тѣмъ смягчить щедрыми обѣщаніями вдову убитаго князя, такъ что она изъявила покорность и передала Срѣмъ императору. Ее отправили въ Византію и выдали тамъ за одного изъ вельможъ, а Діогенъ сдѣлался правителемъ пріобрѣтеннаго края».

Власть Византіи распространилась такимъ образомъ на уголъ между Дунаемъ и Савою, столь важный въ военномъ отношеніи, какъ оплотъ Бѣлграда. Еще прежде того, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ болгарскимъ намѣстникомъ въ Бѣлградѣ, подчинилась Греческому правительству большая часть нынѣшняго Сербскаго княжества, гдѣ народъ, какъ кажется, жилъ еще въ совершенной апатіи, не принимал участія въ дѣятельности своихъ сосѣдей и собратій, Болгаръ и при-

---

[1]) Кедр. 477. ὁ τοῦ Σιρμίου κρατῶν ἀδελφὸς τοῦ Νεστόγγου Σέρμων. Это имя, Σέρμων, вѣроятно искажено. Кедринъ выражается объ его братѣ Нестугѣ (т. е. Нестжгъ), какъ о лицѣ извѣстномъ его читателямъ: однако объ немъ нѣтъ нигдѣ упоминовенія.

[2]) Сравн. Кедр. II, 483.

морскихъ Сербовъ. Мы должны предполагать, что мелкія славянскія *жупы* (волости) въ этомъ краѣ признавали надъ собою верховную власть Болгарскаго царя, когда онъ обладалъ, на сѣверѣ ихъ страны, Бѣлградомъ, на югѣ Моравищемъ и Липлянами, и что онѣ потомъ безпрекословно поддались Византіи, какъ скоро она сдѣлалась наслѣдницею Болгарскаго правительства. — Кто же были Хорваты, которые, по свидѣтельству Византійцевъ, добровольно также подчинились императору Василію? Вѣроятно, подъ именемъ Хорватской земли разумѣли въ Константинополѣ нынѣшнюю Герцеговину и Боснію: эти самые Хорваты являются потомъ въ византійскихъ сказаніяхъ сосѣдями Діоклейцевъ, т. е. жителей Подгорскаго княжества (Черногоріи и окрестнаго края). Впрочемъ, византійскіе историки XI вѣка употребляютъ имя Хорватовъ весьма неопредѣлительно, отождествляя ихъ съ Сербами, и приведенное выше извѣстіе Кедрина о подчиненіи Хорватовъ, оставалось бы для насъ темнымъ, если бы мы не имѣли другаго свидѣтельства, показывающаго, какъ послѣ паденія царства Болгарскаго, власть Византіи почти безпрепятственно распространилась надъ всѣмъ сѣверо-западнымъ угломъ Балканскаго полуострова, занятымъ Сербо-Хорватскими племенами. Приведемъ весь этотъ разсказъ Діоклейскаго пресвитера, показанія котораго въ эту эпоху заслуживаютъ уже полнаго довѣрія:

«Братъ блаженнаго Владиміра, Драгоміръ, услышавъ о смерти императора Болгарскаго Іоанна-Владислава, собралъ свой народъ и свое войско, чтобы возвратить себѣ землю и государство отцовъ своихъ. Подошедши къ заливу Которскому (онъ съ своими приверженцами, какъ видно, бѣжалъ отъ Болгаръ въ горы Герцеговины), онъ приказалъ своимъ людямъ переправиться на судахъ черезъ заливъ [1]); Которяне же [2]), приготовивъ ладьи, вышли къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и виномъ и обильными съѣстными припасами, и пригласили его отобѣдать на островѣ св. Гавріила. Драгоміръ съ немногими изъ своихъ вступилъ въ одну изъ барокъ (naviculam) и прибылъ къ назначенному мѣсту. Пока готовили обѣдъ, Которяне, видя, что

[1]) Природа мѣстности, дѣйствительно, такова, что обойдти Которскій заливъ сухимъ путемъ невозможно.

[2]) Которъ, какъ другіе города Далмаціи, составлялъ особую городскую общину, отдѣльную отъ окрестнаго славянскаго края и основанную на юридическихъ началахъ римскаго муниципія (хотя въ Которѣ славянская стихія была сильнѣе, чѣмъ въ Дубровникѣ, Сплѣтѣ, Задрѣ и др.). Которяне уже тогда, мы видимъ, держали въ своихъ рукахъ судоходство по заливу. Завистливо охраняя себя отъ власти государя, въ чьей землѣ ихъ городъ находился, они не хотѣли пускать его въ свои стѣны, и приготовили ему обѣдъ на островѣ. Дальнѣйшій разсказъ еще яснѣе представлятъ вражду и зависть муниципія къ землѣ и ея князю. Въ этомъ отношеніи выписываемое здѣсь мѣсто Діоклейской лѣтописи весьма замѣчательно.

Драгоміръ имѣлъ съ собою мало людей, а что сами они были многочисленны, и зная также, что никто не могъ поспѣть съ берега къ нему на помощь на этотъ островъ, начали говорить между собою такимъ образомъ: Императоръ Болгарскій погибъ, и государи нашей земли погибли, только этотъ одинъ остался отъ ихъ рода; если онъ будетъ жить и владѣть землею, худо намъ будетъ; онъ станетъ прижимать насъ такъ точно, какъ прижимали другіе государи, его отцы и братья. Убьемъ же его, и не останется никто, чтобы прижимать и безпокоить насъ и дѣтей нашихъ. Потомъ, сидя за столомъ, они думали и передумали объ этомъ и, разгорячась виномъ, вдругъ встали и бросились на него, чтобы его убить. Видя это, онъ схватилъ свой мечъ и побѣжалъ въ церковь, и, стоя внутри церкви, защищалъ входъ обнаженнымъ мечемъ, такъ что никто не смѣлъ перешагнуть порога. Тогда нѣкоторые влѣзли на церковь и, разломавъ крышу, стали бросать на него каменья и бревна, и такъ убили его, и за тѣмъ, сѣвъ въ барку, убѣжали въ городъ. Народъ же его, узнавъ, что случилось, разошелся по домамъ. — Супруга Драгоміра, послѣ смерти своего мужа, возвратилась на родину [1]). Она была дочь Лютоміра, великаго жупана Расы; она повела съ собою двухъ дочерей своихъ (и своего молодаго сына Доброслава). Прибывъ въ Расу, она нашла своего отца умершимъ, и отправилась тогда, вмѣстѣ съ своей матерью, въ Боснію къ своимъ дядьямъ... — Между тѣмъ, послѣ смерти императора Болгарскаго Владислава, императоръ Василій собралъ большое войско и множество кораблей, и сталъ завоевывать страну; онъ овладѣлъ всею Болгаріею, а также Расою, Босніею, всею Далмаціею [2]) и всѣмъ приморскимъ краемъ до предѣловъ нижней Далмаціи».

Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ 1018 года, не только граждане Котора и безгосударная область Подгорская (иначе Діоклея), но и великій жупанъ Расы (т. е. южной Босніи), великіе князья Требинья (южной Герцеговины) и Захолмія (средней и сѣверной Герцеговины)

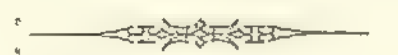
---

[1]) Діоклейскій пресвитеръ говоритъ, что жена Драгоміра была въ то время беременна и въ бѣгствѣ въ Боснію родила сына Доброслава, „въ Дринской жупѣ, въ мѣстѣ называемомъ Брусно". Въ этомъ есть безъ сомнѣнія ошибка, ибо какъ оказывается изъ сравненія его же дальнѣйшаго разсказа съ свидѣтельствомъ Византійцевъ, въ 1033 г. Доброславъ съ своими сыновьями велъ возстаніе противъ Грековъ, въ 1040 году его сынъ Гоиславъ сражался съ Греками, въ 1050 другой сынъ его Михаилъ управлялъ Сербами: ясно, что рожденіе Доброслава не можетъ быть отнесено къ 1019 году, какъ выходитъ изъ словъ Діоклейца. Не случилось ли оно при бѣгствѣ Драгоміра передъ Самуиломъ Болгарскимъ около 990 года и не смѣшалось ли съ позднѣйшимъ сходнымъ событіемъ въ разсказѣ лѣтописца, руководствовавшагося не писанными свидѣтельствами, а преданіемъ?

[2]) Имя Далмація обнимало въ то время и большую часть нынѣшней Герцеговины.

и банъ Боснійскій [1]) признали надъ собою верховную власть Византійскаго императора. Лютовидъ, великій князь Захолмскій, сталъ носить титулъ «протоспаѳарія и стратига Сербскаго и Захолмскаго» [2]).

Пятнадцать лѣтъ (1019—1034) весь Балканскій полуостровъ повиновался Византіи. Но уже въ это время духъ независимости начиналъ готовить въ Задунайскихъ Славянахъ противодѣйствіе чужому правительству, которое подчинило ихъ себѣ силою своего государственнаго начала.

[1]) Владѣтель Босніи носилъ титулъ бана (см. Шафарика, Изб. Хрис. IV, VI), владѣтель Захолмія (и кажется, также владѣтель Требинья или Травуніи) — великаго князя (тамъ же, VII); владѣтель же Расы удерживалъ древній Сербскій титулъ великаго жупана (см. византійскихъ историковъ). Такъ точно называетъ ихъ Діоклейскій пресвитеръ: magnus juppanus Rassae; juppano Rassae, et Bano Bosnae et Principi regionis Chelmanae, и т. под.

[2]) Kukuljevica Sakcinskog, Izvestje o putovanju kroz Dalmaciju u Napulj i u Rim, стр. 22, гдѣ упоминается грамота этого Лютовида монахамъ св. Бенедикта на остр. Кромѣ, хранящаяся въ Рагузскомъ архивѣ и относимая г. Кукулевичемъ къ 1030—1040 г. О томъ же Захолмскомъ князѣ Лютовидѣ упоминаетъ, около этого же времени, Діоклейскій пресвитеръ.

Старинныя поселенія Славянъ на Греческой землѣ.

(Приложеніе къ I-й главѣ II-й части).

Я коснулся Славянскихъ поселеній на землѣ Эллинской. Этотъ предметъ возбудилъ, какъ извѣстно, въ послѣднее время большіе споры. Знаменитый нѣмецкій ученый Фалльмерайеръ первый поднялъ вопросъ, доказавъ, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, обширность славянскихъ поселеній на греческой почвѣ въ средніе вѣка и сильное участіе славянской стихіи въ образованіи Ново-Греческаго народа. Его мнѣніе сдѣлалось предметомъ жаркихъ и не совсѣмъ безпристрастныхъ нападеній со стороны самихъ Грековъ и ихъ поклонниковъ на Западѣ. Гордымъ своею народностью Эллинамъ обидно было подумать, что они, можетъ быть, не потомки Леонида и Ѳемистокла, а какихъ-нибудь варваровъ, Радославовъ и Владиміровъ. На Фалльмерайера и его послѣдователей посыпались самыя неприличныя выраженія гнѣва. Стоитъ прочесть статьи греческихъ ученыхъ и публицистовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что ими въ этомъ спорѣ руководствовало не строгое убѣжденіе науки, а ложное народное самолюбіе. Пора кончить этотъ споръ, недостойный исторіи. Неужели еще сомнѣваются въ томъ, что никакое племя не можетъ жить долго, физически и нравственно, своими собственными стихіями, безъ новаго притока жизни, безъ новыхъ силъ, извнѣ почерпаемыхъ? Что бы сталось съ Греческимъ народомъ, если бы онъ не обновлялся свѣжими стихіями? Давно бы не было ни одного Грека на свѣтѣ! Для Греческаго народа не должно быть обидно, что въ его организмъ вошло много славянскихъ стихій; напротивъ, онъ долженъ дорожить этимъ свидѣтельствомъ своей духовной, своей жизненной силы, которая мирно переработала и пріобщила себѣ цѣлыя племена юныхъ пришельцевъ; онъ долженъ дорожить тѣмъ, что въ его жилахъ течетъ не одна кровь растлѣнныхъ рабовъ Рима, нѣкогда смѣнившихъ собою поколѣнія свободныхъ Аѳинянъ и Спартанцевъ, но и кровь того могущественнаго племени, которое одно въ мірѣ имѣетъ право ожидать несравненно бо́льшаго въ будущемъ, нежели сколько дало ему прошедшее. Для насъ же важно изученіе не только однихъ тѣхъ вѣтвей этого племени, которыя получили государственное развитіе и прямо участвовали въ судьбахъ исторіи; для насъ важно изученіе и тайнаго, такъ сказать, физіологическаго вліянія

Славянъ на окружающій ихъ міръ. Потому мы не должны оставить безъ вниманія эти безвѣстныя, давно исчезнувшія поколѣнія, которыя населили опустѣлую землю Греческую и дали новыя стихіи жизни Эллинскому народу. Прежде всего нуженъ матеріалъ для этого почти нетронутаго еще предмета. Предлагаю здѣсь этотъ матеріалъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ мнѣ доступенъ. Историческія свидѣтельства о Славянахъ на греческой почвѣ скудны; но не скудно другое, еще достовѣрнѣйшее свидѣтельство; свидѣтельство мѣстныхъ именъ. Теперь у насъ уже есть подробные и полные статистическіе списки мѣстностей въ Эпирскомъ пашалыкѣ и въ Греческомъ королевствѣ,— для Эпира въ прекрасной книгѣ: Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου τῶν τε ὁμόρων ἑλληνικῶν καὶ ἰλλυρικῶν χωρῶν, συντεταγμένη ὑπὸ Π. Α. Π. ἐν Ἀθήναις 1857 (2 тома); для Греціи въ сочиненіи: Τὰ Ἑλληνικά, ὑπὸ Ἰακώβου Ρ. Ραγκαβῆ, ἐν Ἀθήναις 1853 — 1855 (3 тома). Изъ нихъ я выпишу мѣстныя имена славянскаго происхожденія, приводя притомъ и общее число селеній въ каждомъ краѣ, чтобы можно было судить объ отношеніи славянскихъ именъ къ общей массѣ мѣстныхъ названій. Только такой трудъ можетъ дать дѣйствительное, фактическое основаніе для сужденія о славянскихъ поселеніяхъ на греческой землѣ. Конечно, при такомъ сужденіи надобно будетъ имѣть въ виду, что славянская рѣчь угасла въ этой странѣ уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ и что, слѣдовательно, мѣстныя имена славянскія съ тѣхъ поръ постоянно уменьшались числомъ, вслѣдствіе исчезновенія прежнихъ поселеній или замѣна ихъ непонятныхъ народу названій новыми, тогда какъ количество поселеній съ названіями греческими, албанскими и турецкими постоянно прибывало; стало быть, списокъ сохранившихся доселѣ въ Греціи мѣстныхъ именъ славянскаго происхожденія представляетъ лишь, можно сказать, въ уменьшенномъ масштабѣ размѣры прежняго распространенія славянской стихіи въ этой странѣ. Но и эти данныя должны будутъ разсѣять всякія сомнѣнія объ огромномъ участіи славянской стихіи въ образованіи Ново-Греческаго народа.

То, что я здѣсь предлагаю, есть, какъ я сказалъ, только матеріалъ для рѣшенія означеннаго вопроса. Полной критической обработки этого матеріала я не могу взять на себя. Потому я не подвергнусь упреку, если подлѣ названій несомнѣнно славянскаго происхожденія поставлю такія, которыхъ славянское начало сомнительно или требуетъ сличенія съ другими мѣстными именами для того, чтобы быть приписаннымъ тому или другому народу. Нѣкоторое излишество въ приводимомъ матеріалѣ не можетъ повредить столько, сколько повредили бы пропуски, которые заставили бы другаго начать трудъ съизнова. Гдѣ славянская форма имени совершенно ясна, я буду ставить ее подлѣ греческой, какъ она теперь пишется; приводя эти *вѣроятныя* славянскія формы, буду придерживаться преимущественно особенностей Македоно-Болгарскаго нарѣчія, съ которымъ языкъ древнихъ Славянъ въ Эпирѣ и Греціи имѣлъ, естественно, наиболѣе сходства [1]). Гдѣ славянская форма имени не представится мнѣ

---

[1]) Для собственныхъ именъ Македоно-Болгарскихъ драгоцѣнный, хотя къ сожалѣнію крайне отрывочный и неполный, матеріалъ находится въ путешествіи В. И. Гри-

совершенно опредѣленною и вѣроятною, тамъ я просто буду отмѣчать теперешнее греческое названіе. Прошу читателя не забывать, что въ Ново-Греческомъ языкѣ β читается какъ *в*, γ какъ *г* придыхательное (gh), а передъ *і* почти какъ *j*, δ какъ *д* придыхательное (dh), хотя эти буквы часто замѣняютъ собою, въ иностранныхъ словахъ, чистыя *б*, *г* и *д*, но что, собственно и правильно, чистый звукъ *б* выражается сочетаніемъ μπ, звукъ *г* — сочетаніемъ γκ, звукъ *д* — сочетаніемъ ντ. Такова однако неопредѣленность греческаго правописанія въ выраженіи звуковъ *б*, *г* и *д*, что вмѣсто ихъ часто пишется π или β, κ и τ (напримѣръ, Греки пишутъ: Ἀπτούλ Μετζίτ, т. е. Абдулъ-Меджидъ). Звуки *ж* и *ш*, также чуждые Греческому языку, выражаются въ иностранныхъ словахъ буквами ζ и σ. Всѣ эти особенности надобно имѣть въ виду при возстановленіи первоначальныхъ славянскихъ формъ въ греческихъ мѣстныхъ названіяхъ.

Начинаю перечень, идя съ сѣвера на югъ, и съ запада на востокъ.

А) ЭПИРЪ. I. ОБЛАСТЬ АВЛОНСКАЯ.

1) *Округъ Бератскій:* (число семействъ, мусульманскихъ 8863, православн. 3136; подати: 2,393,000 піастр. [1]); господствующій языкъ Албанскій; число селеній 300; изъ нихъ съ славянскими именами слѣдующія:

а) Собственно въ Бератскомъ краѣ: Бѣлградъ (городъ, иначе Арнаутъ-Бѣлигратъ, по-албански Бератъ); Водица Βοδίτζα; Вертепъ Βερτόπι; **Пештани** Πέστjανη; Новани Νόβανη; Κοστράνη; Οὐζινόβα; Кѫпиново Καπινόβα; Кучево Κουτζιόβα; Ορίτζjα; Σμόυρανη; Ajούζενα; Морава Μοράβα (большая и малая); Ντουχάνασι; Богополе Βογκοπόλjα; Сербяни Σερέβjανι; Горани Γκόρανη; Садовица Σαντοβίτζα; Брестяни Πρέστjανη; Велиска (Вельско) Βελίσκα; Синя Σινjα; Боляна Μπόλιανη; **Старово** Σταρόβα; Ζαποκίκα; Μολίστι; Планишники Πλjανισνίκι; Τσορογιαβι; Τότζιαρι; Доброници Τομπρονίκη.

б) Въ Великой Музакіи: Сѣменица Σεϊμένιζα; Косово Κωσόβα (большое и малое); Ajούσνα; Σίανη; Кочани (въ Блг. Кочено) Κότζιανη; Μούτζιανη; Арденица [2]) Αρδενίτζα; Πετόβα; Любовца Λίμποφτζα (двѣ); Гоздаряни Γκοσδά-

горовича. Я отмѣтилъ широкою печатью тѣ, встрѣчающіяся въ Эпирѣ и Греціи, имена, которыя въ томъ же точно видѣ являются у Болгаръ и приведены въ сочиненіи ученаго нашего профессора.

[1]) Эти статистическія данныя, собственно, не идутъ сюда; но когда дѣло идетъ о странѣ, такъ мало извѣстной, какъ Эпиръ, такого рода цифры, относящіяся къ современному состоянію народонаселенія, не могутъ быть излишними. Замѣчу, что въ исчисленіи населенія семейство не принимается только въ смыслѣ брачной четы съ дѣтьми, но часто заключаетъ въ себѣ нѣсколько брачныхъ паръ, живущихъ однимъ домомъ; такъ въ Янинскомъ округѣ означено въ переписи 9657 семействъ, а собственно, брачныхъ паръ тамъ считается 14651.

[2]) Собственныя имена славянскія въ Эпирѣ и Греціи ясно свидѣтельствуютъ, что въ древнемъ нарѣчіи тамошнихъ Славянъ (также какъ въ древнемъ нарѣчіи Славянъ Прибалтійскихъ) гласная *а* часто произносилась передъ *р* и какою-нибудь нѣмою согласною, а не посреди ихъ.

ρκνη; Ρωσομάνη; Градище [1]) Γρατίστα; Бабуня Μπαμπούνια; Λέβανη (двѣ); Κημίστανη.

в) Въ Малой Музакіи: Поличани Πολjοτζάνι; Горичани Γκορίτζjανη; Χαλβατζέκι; Кучи Κούτζη; Трѣновище Τρανοβίστα; Статица Σταματίτζα; Бѣлица Μπελίτζα; Ягодина Γjαγοντίνα; Струбы Στρούμπι; Видище Βιδίστα; Новоселье Νοβοσέλια; Σπίστα; Μπάλτιζα; Жупаны Σουπάνοι; Селки Σέλκι (большіе и малые); Μπιτζjάκανη; Τριζα; Цѣлоградъ Τζελογράδι; Бростари Μπροστάρι; Радостаны Ῥαδοστάναις; Πάλτιζα; Τζιαβάρι; Γραιτζαλή; Μογιαλοῦ; Πετοσιάνη; Χοτσjάρα; Λέβανη (двѣ); Стары Στάρι; Μποτζιόβα; Червены Τζερβένι; Λμπάρι; Μάτκα; Тополя Τοπόγjα (двѣ); Бьзово Μπισjοβα; Μπισάνη.

г) Въ Каратопракѣ: Нова Νόβα; Дивяка (въ Блг. Дивяци) Διβιάκα; Кривокуѣи [2]) Κροοκούκκι; Камниоа Καμνίτζα; Бабуня Μπαμπούνjα.

д) Въ Верхней Малакастрѣ: Вельчани или Бѣльчани Βέλτζjανη; Грѣбешь Γέρμπεσι; Κούτα; Γρεσίτζα; Моляни Μόλjανη; Плещани Πλέστjανη; Γριζάρα; Кремняри Κρεμινάρα.

е) Въ Нижней Малакастрѣ: Μπομπράτι; Новоселье Νεβοσέλια; Быстровица Μπιστροβίτζα; Ростковицы Ῥοσκοβέτζι; Κούργιαση; Велюси Βιλjόσι; Μπέρτζι; Γράτζιασι; Λέβανη; Καλένjα; Дреново Αντρένοβα; Бѣлешово Μπιλισjόβα; Куѣари Κούκκjαρη; Осоя (въ Блг. Осои) Οσόγjα; Высока Βισόκα; Казница Κασνίτζα; Пештяни Πέστjανη; Горишово Γκορισjόβα; Боляре (?) Μπαλέρι; Γκjονίτζα; Бѣсово Μπjεσόβα; Роздіе Ῥοσδία; Робы (въ Блг. Рабы) Ρόμπι.

2) *Округъ Томарицкій:* число сем. мусульм. 1600; христіанъ нѣтъ; подати 130,000 піастр.; языкъ Албанскій; число селеній 43:

Грѣбина Κιρμπίτζα; Τιρόβα; Дуньска (въ Блг. Гдуне) Ντούνσκα; Градецъ Γραντέτζι; Углярикъ или Ульяникъ Ουγjανίκου; Залѣсия Ζαλjόσνια; Соколяты Σοκογjάτι; Милёво Μηλjόβα; Староведка (въ Блг. Староведъ) Σταροβέτσκα; Гёрговица Γjωργοβίτζα; Кучи Κούτζι; Орѣхово Ρεχόβα; Μπάρτζjαι; Старовецка Σταροφίτσκα; Кованичани Κοβανίζανη; Ποστένα; Лѣсково Λεσκόβα; Добрени Ντομπρένη; Μπουράνη; Κότκα; Βιδάνι; Смердяни Σεμερδένjα (двѣ).

3) *Округъ Скрапарійскій:* 1840 мусульманскихъ, 60 христ. семействъ; подати: 148,260 піастровъ; языкъ Албанскій; число селеній 68:

Цѣровода Τσεροβόντα; Τσιγκριμπόνια; Μποζούκι; Селяни Σέλjανη; Βερζέζια; Радиши Ῥάντισι; Градецъ Γραντέτζι; Вершище Βερσίστα; Осоя Ὀσόγjα; Добруша (въ Блг. Добрушево) Ντομπρούσjα; Гостиницка Γοστίντζκα; Берзака Μπερσάκα; Копривницка Κοπρίντζκα; Αjάντανη; Велюси Βελούσjα; Высоцка Βισούτζκα; Поляна Πολίνα; Цѣренище Τσερενίστι; Ηλιτζίντζκα; Сѣверяни Σεβράνη; Боровицка Μπορότζκα; Ράμπανη; Мученицка Μουτζέντζκα; Орѣховица Ῥεοβίτζα;

---

[1]) *щ* во всѣхъ этихъ именахъ должно быть произносимо по-болгарски, т. е. какъ *шт*.

[2]) Можно, кажется, предполагать въ нарѣчіи Славянъ, давшихъ названія этимъ мѣстностямъ, существованіе мягкихъ *к* и *г* тамъ, гдѣ Сербы пишутъ ћ и ђ; звуки эти, въ старину господствовавшіе у Сербовъ, теперь еще составляютъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ нарѣчія Болгаръ въ Македоніи и Албаніи; я ставлю здѣсь начертанія ћ и ђ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Македонскій Болгаринъ произнесъ бы *кь* и *гь*, а Сербъ — *чь* и *джь* (или въ нѣкоторыхъ краяхъ *ть* и *дь*); слово куѣа значитъ домъ.

Τσεπάνη; Πρίστjα; Ситица Σιτίτζα; Забержане [1]) Ζαμπιρζάνι; Утричани Οὐτριτζάνη; Кяпиново Καπινόβα; Крушево Κρουσjόβα; Γεργjόβα; Λούσνjα; Трубихово Τρουμπιχόβα; Ζjαπάνη; Слатина Σλατίνα; Сѣрово Σιαρόβα; Цѣрово Τσjερόβα; Низица Νησjέτζα; Велесни Βελέσνjα; Τολάνη; Осоня Οσόνjα.

4) *Округъ Авлонскій:* 3986 мусульм., 344 христ. семействъ; подати: 1,575,000 піастр.; языкъ Албанскій, на приморьѣ вмѣстѣ съ Греческимъ; число селеній 64:

Артъ [2]) Ἄρτα; Звѣринецъ Σβερνέτζι; Ῥωμίτζα; Грънецъ Γκιρνέτζι; Везанище Βεζανίστι; Лѣпеница Λεπενίτζα; Τράμπυανη; Церковина Τσερκοβίνα; Горица Γορίτζα; Κιρκόβα; Μπεσίστι Глубочаре Γιομποτζάρι Канина Κάνινα; Зеленица Ζελενίτζα или Ασελῃνίτζα; Трясовище Τρασοβίστα; Водица Βοντίτζα; Гуменица Γουμενίτζα; Братаньи Μπρατανjοί; Τερμπάτζι; Вранище Βρανίστα; Радима Ῥαδήμα; Песково Πεσκόβα; Τρεμπλιόβα; Горищи Γορίστι; Кропищи Κροπίστι; Μαυρόβα; Αμονίτζα; Лукобръдо [3]) Λουκοβέρδι; Αλιμπάνι; Новоселье Νοβοσέλια; Μοχρίζι; Χαλιμνίτζα.

5) *Округъ Тепеленскій:* 2970 мусульм., 1057 христ. семействъ; подати 250,000 піастр.; языкъ Албанскій, въ нѣкоторыхъ селахъ вмѣстѣ съ Греческимъ; селеній 64:

Теплѣни Τεπελένη; Междугорани Μεζουτγοράνι; Драготы Δραγότι; Мечпіщи Μετζίστι; Каливцы Καλιβέτζι; Канищи Κανίστι (также Κανίζα); Μοτρίτζα; Костяни Κώστιανη; Изворп Ἰσβόρι (также съ подобозначащимъ [4]) греческимъ именемъ Χιονώδης; однако село албанское); Γλέβα; Κομάρη; Сельска Σέλτζκα; Σαλέσι; Μαριτζάνη; Любетиня (въ Блг. Любетино) Λιουφτίνια; Βιμπλjάνη; Ниваны Νίβανη (верхніе и нижніе); Коньско Κόντζκα; Χοπτέβα; Πονίτζα или Απονίτζα; Тополево Τοπόλοβον (также Τοποβα); Малосево Μαλέσοβον; Худокући Χουντοκούκκι; Хлѣбово Λιάμποβον; Χόρμοβον; Връхуля Ραχούλα (другое имя этого села, Кодра, именно значитъ по-албански, небольшая вершина, холмъ).

6) *Округъ Преметскій:* 3095 мусульм., 1446 христ. семействъ; подати 603,000 піастр.; языкъ Албанскій (въ 3 селеніяхъ также Греческій; селеній 147:

Преметы Πρεμμετὴ; Малосево Μαλέσοβον; Брѣжани Μπρέζανη; Αργόβα; Грабово Γραμπόβα (два); Липа Λίππα; Штръбьци Στριμπέτζι; Полубари Πουλούμπαρι; Драчово Δρατζόβα; Ζέποι; Малобръдо Μαλιμπάρδι; Λιούσνjα; Βινέτζι; Требожище Τρεμποζίστι; Баня Μπένjα; Μαριτζάνη; Τορανίκη; Τσαρσόβα; Радохово Ῥαδοχόβα; Постѣняни Ποστένιανη; Βλjάσοβον; Лѣсня Λεσνjα; (село) Камника, τοῦ Καμνίκου; Радимище Ῥατιμίστι; Пештани Πέστανη; Ковачищи Κοβάτζιστι; Красово Κρασόβα (двѣ); Изгары Ἰσγάρι; Δελβίνα; Λιμπίβανη; Гдуняни (въ Блг. Гдуне) Ὀγδούνανη; Τρεμίστι: Новоселье Νοβοσέλjα; Любицка Λίουπτζκα; жгряни Ὀγγρένη; Селеница Σελενίτζα (двѣ); Забаляни Ζαβαλιάνη; Κοστρέτζι; Гостивищи Γοστιβίστι; Ζερέτζι; Търново Τρενόβα; Дебри Τέπερη; Брестяни Μπρέσ-

[1]) Вмѣсто *Забрежани*, по вышеуказанной особенности нарѣчія этихъ Славянъ.

[2]) *Артъ* или *ръть* значило у южныхъ Славянъ вершина и мысъ.

[3]) *Бръдо* у южныхъ Славянъ значитъ гора.

[4]) *Изворъ* у южныхъ Славянъ значитъ источникъ.

τανη; Дермари (въ Блг. Дермища) Ντερμαρι; Витищи Βιτίστι; Горошани Γκοροσίανη; Ζάρκανη; Μισίτζκα; Гостевицы Γοστεβίτζι; Орахово Ραχόβα; Любоня Λιμπόνια; Борчани Μπόρτζανη; Родовицка Ρατοβίτζκα; Билюши Μπιλjούσι; Березници Βεραζίστι; Огорицка Ογόρτζκα; Грабовицка Γραμπότζκα; Μπλέτζκα; Γοστομίτζκα; Стернецы Στερνέτζι; Косово Κοσόβα; Хотково Χοτχόβα; (село) Бодаря τοῦ Μποντάρι; Кошино Κοσινα; Зленца Ζλένσα; Гостевищи Γοσταΐστι; Мокрица Μοκρίτζα; Велчищи Βελτζίστη; (село) Куħаря τοῦ Κούκκιαρη; Сеничани Σενιτζάνη; Подгорани Ποτγοράνι; Πάβαρη; Мазани Μάζανη; Родани Ῥοντάνη; Лѣсковецъ Λεσκοβέτζι; Ζεπόβα; Горица Γορίτζα.

7) *Округъ Погонянскій:* 100 мусульм., 1955 христ. семействъ; подати 696,500 піастр.; языкъ Греческій; селеній 43:

Погоняни Πωγωνιανή, имя края; Βίσσανη; Медвѣжа Μεγβέζα; Стратинище Στρατινίστα; Καστάνιανη; Βάλτιστα или Βελτίστη; Αρίνιστι; Красово Κεράσοβον; Царовина Ζάροβίνα, иначе Καισαρόχωρον; Βομπλὸν; Долъ Δολόν; Воштина Βοστίνα; Божаникъ Μπουζάνικον; Τσάτιστα; Поличани Πολιτζάνη (Πολιτεανή) [1]; Сельска Σέλτζκα; Хлъмъ Χλωμὸν (или Φλωμὸν); Τσαραπλάνα; Διπαλίτζα или Διπολίτζα; Останица Ὀστανίτζα (иначе Ὑποστενίτζα) [2]; Месаре Μεσαρjὰ; Валевище Βαλεβίστα; Μπούτζικον.

II. ОБЛАСТЬ ДЕЛВИНСКАЯ.

1) *Округъ Аргирокастрскій:* 2760 мусульм., 2194 христ. семействъ, подати 625,625 піастр.; языкъ Албанскій и Греческій вмѣстѣ, въ нѣкоторыхъ селахъ только Греческій; селеній 57:

Σαρακινίστα; Νόκοβον; Дервичани Δερβίτζανη; Βάνιστα; Χάσκοβον; Дубяни Δούβιανη (или Дпвяни Δύβιανη); Сувратка Σουφράτικα; Горица Γορίτζα; Πόδριστα; Селье Σελειό; Λουβίνα или Λυβίνη; Кусовица Κουσσοβίτζα; Заврѣхъ Ζάβροχον; Хлѣбово Λιάμποβον; Суха Σουχὰ (иначе Ἐσοχὴ); Лѣтовище Λιτοβίστα; Треносище Τρανοσίστα; Любохово Λιμπόχοβον; Неправище Νεπράβιστα.

2) *Округъ Делвинскій:* 2820 мусульм., 3405 христ. семействъ; подати 960,672 піастр.; языки Албанскій и Греческій вмѣстѣ, въ нѣсколькихъ селеніяхъ отдѣльно тотъ или другой; число селеній 118:

Лѣвенище Λεβενίστα; Хмѣлица Χουμελίτζα; Пруги Προυγκὶ; Гардикжħи [2])

---

[1]) Первая форма народная, вторая принаряженная по книжному; такихъ двойныхъ именъ мы найдемъ много, особенно въ собственной Греціи, гдѣ сильнѣе, чѣмъ въ Эпирѣ, преобладаетъ желаніе приблизиться къ классицизму.

[2]) Безъ обычной въ остаткахъ этого нарѣчія перестановки гласной *а* при *р*, было бы Градикжħи (чит. Градикåħи), т. е. домостроители: подобныя сочетанія съ словомъ куħа весьма употребительны и у Сербовъ; что касается гласной *ж*, то она является въ мѣстныхъ названіяхъ греческихъ Славянъ то съ первоначальнымъ носовымъ звукомъ, то въ видѣ *у*, какъ у Сербовъ, то въ видѣ *а*, какъ у теперешнихъ Болгаръ: такая неопредѣленность неудивительна въ обломкахъ языка, который, подвергаясь порчѣ и угасая, не могъ, конечно, выработать себѣ однообразной фонетики; такое же точно колебаніе въ произношеніи древняго *ж*, то какъ носовое *ан*, *он* или *ун*, то какъ

Γαρδικάκι; Πετζιά, Μουζίνα; Круги [3]) Κρόγκοι или Ὑδατόφορος; Дровяни Δρόβjανη (верхніе и нижніе); Лѣшница Λεσίνιτζα (двѣ); Церковица Τσαρκοβίτζα; Дебри Δίβρη (три); Λόβινα; Веляхово Βελιάχοβον; Нивица Νίβιτζα (мѣстечко и село); Худостово Κοντόστοβον; Луково Λούκοβον; Сѣница Σένιτζα (или Ξένιζα); (село) Голѣма τοῦ Γκόλέμη; Гардиħи Γαρδίκι (мѣстечко); Борцы Μπόρτζι (мѣстечко); Λετενούσι; Полица Πολυάνα (мѣстечко); Кучи Κούτζι (мѣст.); Κουλουρίτζα; Румяница Ῥουμάντζα (или Ρωμαντία); Аварица или Яворица Ἀβαρίτζα; Ардошево Αρδασόβα; Верхъ Βεργόν; Рядиште Ρεντίστα; Σμενιτζα или Λσμενίτζα; Γριάζανι; Σμάλτζανι; Τσαρα.

3) *Округъ Филіатскій:* 1,540 мусульм., 1845 христ. семействъ; подати 700,000 піастр.; языкъ Албанскій вмѣстѣ съ Греческимъ, но въ большей половинѣ селеній только Греческій; селеній 56:

Конецполе Κονίσπολις (мѣстечко); Коньско Κόντζκα; Верба Βέρβα; Σκλίαβι; Доляни Ντόλjανη или Δολιανή; Скупица или Епископица Σκουπίτζα, Ἐπισκοπίτζα; Любово Λίμποβον; Κεραμίτζα; Плѣшивица Πλησίβιτζα; Орахово Ἀράχοβα; Куħинище Κοκκινίστα; Воля Βωλά; Ρεβανή; Λίστα; Γλούστα; Кучи Κούτζι; Враня Βρανjα.

4) *Округъ Парамиѳійскій:* 673 мусульм., 1,051 христ. сем.; подати 534,848 піастр.; языкъ въ части селеній Греческій, въ части Греческій вмѣстѣ съ Албанскимъ; селеній 66:

Каменье Καμίνjα; Гардиħи Καρδίκι; Καρβουνἄρι (сравн. «Карвунская» хора, въ древн. Болгарскихъ грамотахъ); Николицы Νικολίτζι; Петровица Πετροβίτζα; Веляне Βέλjανη; (село) Войника τοῦ Βοϊνίκου; Хвойка Χόϊκα (Χοϊκή); Станово Στάνοβον; Ζελεσσός; Драгани Δραγάνη (иначе Δρυογενής); Оздина Ὀσδίνα; Залогъ Ζάλογκον (верхній и нижній); Довля Ντοβλᾶ; Вреникъ Βρενῖκον; Лабиница (въ Блг. Лабунища) Λαμπινίτζα; Селяники Σαλονίκη; Селяни Σέλjανη; Попово Πώποβον; Корищани Κορίστjανη; Главица Γλαβίτζα; Прадолы Πραδάλη (иначе Παρδαλή); Вершина Βουρσίνα или Βυρσίνα; Граница Γρανίτζα; Радовищи Ῥαδοβίσδι; Стрегунцы Στρεγωνέτζι; Карсово Κεράσοβον; Лазяне Λαζjανά; Ζαραβούτζι; Копра Κόπρα; Любяхово Λυβίαχοβον; Лѣвиħище Λυβίκιστα.

5) *Округъ Маргаритійскій:* 1568 мусульм., 618 христ. семействъ; подати (вмѣстѣ съ Фанарійскимъ округомъ) 826,000 піастр.; языкъ Албанскій вмѣстѣ съ Греческимъ; 41 селеніе:

Αρπίτζα; Воля Βόλια; Кучи Κοῦτζι; Арвеница Αρβενίτζα; Косовица Κοσοβύτζα, Връстово Βράστοβον; Миликуħи Μηλικουκκιά; Σαλύτζα; Корытяни Κορύτjανη; Сѣномѣрица Σενομερίτζα (или Ξενομερίτζα); Сѣница Σενίτζα (или Ξενίτζα); Поштяни Πέστjανη (или Ὀπισθιανή); (село) Ливадаря τοῦ Λιβαδάρι.

6) *Округъ Фанарійскій*: 363 христ. семейства; языкъ Греческій и Албанскій; 24 селенія:

у, то какъ *а*, замѣтилъ я въ угасающей рѣчи Славянъ Померанскихъ, около Лебскаго и Гардскаго озеръ.

[1]) Греческое названіе Ὑδατόφορος указываетъ на это объясненіе; слово *круга* живетъ у насъ въ уменьшительномъ *кружка*.

Горица Γορίτζα; Σπλάντζα; Ἄρτζα; Νεμίτζα или Ἀνεμίτζα.

7) *Округъ Паргскій:* 140 мусульм., 282 христ. семейства; подати 200,796; языкъ Греческій съ Албанскимъ; 3 селенія:

Парга т. е. Прага [1]) Πάργα.

III. ОБЛАСТЬ ЯНИНСКАЯ.

1) *Округъ Коницкій:* 1187 мусульм., 2582 христ. семейства; подати 658,619 піастр.; языкъ Греческій, во многихъ мѣстахъ вмѣстѣ съ Албанскимъ; 60 селеній:

Коница Κόνιτζα; Радоны Ῥαντόνι; Лѣковпѣи Λjακοβίκι; Горица Γορίτζα или Ἀγορίτζα; Γρήσπανη; Μελίσδανη; Красово Κεράσοβον; Върбяни Βούρπjανη или Βορπιανὴ; Търново Τούρναβον; Сельцы Σέλτζι; Στράτζανη (Στρατειανὴ); Ἀρμάτοβον; Враниште Βράνιστα; Зелище Ζέλιστα; Βίσεντζκον; Златѣна Ζλάταινα; Παλιοσέλι; Старичани Σταρίτζανη; Изворы Ἴσβόρι; Καντζκον; Δέντζικον; Луцко Λούτζικον; Кротиниште Κροτίνιστα; Τσέρτζικον; Саново Σανοβὸν; Πομπίτζικον; Перовицка Περοβίτζκα; Дервенье Δερβένjα; Осѣцка Οσέτζκα; Глина Γλύνα.

2) *Округъ Гревенскій:* 742 мусульм. 3676 христ. семействъ; подати: 1,038,200 піастр.; языкъ Греческій, въ значительной части селеній вмѣстѣ съ Романскимъ; 81 селеніе:

Гребень Γρεββενά, Довратово Δοβράτοβον; Кривцы Κρύβτζι; Дебрениште Δεβρόνστα; Βαντζικὸν; Вивище (—Ивище) Βίβιστα; Радовищи Ῥαδοβίστι; Τριβένι или Τριβούνι (ср. Травунія, Требинье); Радошиниште Ῥατοσινίστα; Πιχροβινίτζα; Βέλια; Μπούρα; Добряни Ντόβρανη; Βραβονίστα; Βριάσινον; Воденецко Βοδέντζικον; Липеница Λιπενίτζα; Ζάλοβον; Орѣхово Ῥιάχοβον; Ζογόστι; Рубаре Ῥουμπάρι; Πινjάρι; Дымница Διμηνίτζα; Плѣсъ или Плѣша Πλέσjα; Любиново Διμπίνοβον; Синихово Σινίχοβον; Πηγαδίτζα; Ситово Σίτοβον; Западъ Ζαπαντός; Κυραχαλίτζα; Лавница Λαβανίτζα.

3) *Округъ Веницкій:* языкъ Греческій; 245 мусульм., 688 христ. семействъ; подати 238,000 піастр.; 26 селеній:

Βέντζα; Хулениште Χουλενίστα; Τορονίκη; Μπλέντζκον; Свильцы Ζφίλτζι; Μπούρονα или Μπούρονον; Μπόρισσα или Βορισσός; Садовица Σαντοβίτζα; Λουντίσνον; Гостимы Γοστόμι или Φιλόξενος; Вербово Βορμπόβι; Коприва Κοπρίβα.

4) *Округъ Мецовскій:* языкъ Романскій вмѣстѣ съ Греческимъ; 1164 христ. семействъ; подати 145,000 піастр.; 5 селеній:

Μέτσοβον; Μηλιά.

5) *Округъ Янинскій:* 850 мусульм., 9657 христ. семействъ; подати 3,346,105 піастр.; 225 селеній:

a) Въ краѣ Загорье (языкъ Греческій, въ нѣсколькихъ селеніяхъ вмѣстѣ съ Романскимъ): самое имя края, Ζαγορίον; Δοβρᾶ; Σουδενὰ (двѣ); Равня Ῥαβένjα (двѣ); Ἀρτζίστα; Βεϊτζα (двѣ); Βεϊτζικον; Черваре Τσερβάρι; Καπέσοβον;

---

[1]) Такъ и Прибалтійскіе Славяне говорили и потомки ихъ въ Помераніи говорятъ до сихъ поръ *паргъ*, вмѣсто *прагъ*, т. е. порогъ.

Βραδέτον; Чепелово Τσεπέλοβον; Лясковцы Λιασκοβέτζι; Доляни Δόλjανη; Цѣдило Τσοντίλα; Столово Στολοβόν; Камнье Καμινjά; Добриново Δομπρίνοβον; Лѣшница Λεσινίτσα; Λάϊστα; Чернеши Τσερνέσι; (село) Дрестника (τοῦ) Δρεστενίκου; (село) Драгаря (τοῦ) Δραγάρι.

б) Въ краѣ Курендо (языкъ Греческій): Зелево Ζέλοβου; Τουντίλα; Гардинѣи Γαρδίκι; Садовица Σαντοβίτσα; Коньско Κόντζκα; Подгора? Πογδορὰ (или Ὑπεκδορὰ); Загорица Ζαγόρτζα; Кобыляни Κοβίλjανη (или Κοβελιανὴ); Горянище Γουργjάνιστα; Грибово Γρίμποβον; Ораховица Ἀραχοβίτζα; τοῦ Βαγενίτι; Γραμμένα; Вълчище Βελτζίστα; Καρίτζα; Церковище Τσερκοβίστα; Γριτζούνιστα; Зелище Ζελίστα; Γρανιτζοπούλα; Тихополяни Τειχοπολιανὴ или Χοπόλjανη; Βρύανιστα; Орѣхово Ῥιάχοβον; Σούτιστα; Грибяни Γρόμπjανη или Γρυπιανή; Подгоряни? Πογδόριανη (или Ὑπεκδοριανή); Доляна Δολιανά; Загоряни Ζαγόρjανη; Радотовы Ῥαδοτόβι; Μπράγjα или Βρυγία; Βάνιστα; Сеструны Σειστρούνι (или Σιτηρώνιον); Γλύζjανη (см. ниже, примѣч.); Λαψίστα (см. тамъ же).

в) Въ краѣ Малакаси (языкъ Греческій): Сербяна Ζερβιανὰ; Ардомище Ἀρδομίστα; Γιάννιστα; Βραδοβάρι; Лужицы или Лозицы Λουζέτζι и Λοζέτζι; Φρασστανὰ (см. ниже, примѣч.); Κοτόρτζι; Корытяни Κορύτтjανη; Плѣша Πλέσjα; Βαλτζόρα; Καλέντζι; Σκλοῦποι; Ζωβίστιανα; Михалицы Μηχαλίτζι; Βασταβέτσι; Προσβάλλα; Γύτιστα; Δερβεντίστα; Χρυσοβίτζα; Γοβριτζὰ (или Γαβρισσός).

г) Въ краѣ Цараковиста (языкъ Греческій съ Албанскимъ): Цьркъвище Τσαρακοβίστα; Βοδίβιστα; Равня Ῥαβένια; Борцы Μπάρτζι; Крехово Κρύφοβον (см. ниже, примѣч.); Πεστὰ; Σκλίβανη или Κλιβανὴ; Борача Μποράτζα; Τέροβον; Μουσοτίτζα; Зорище Ζώριστα; Милихово Μελίχοβον; Копаны Κωπάνοι; Δερβιζανὰ; Συῤῥιζανὰ; Драговцы Δραγοβέτζι; Сеструны Σειστρούνιον; Муковина Μουκοβίνα; Ардоши Ἀρδοσοὶ; Липа Λίππα; Цѣричане Τσερίτζανα; Τρατζανὰ; Плѣша Πλέσσα; Милинки Μιλυγκοὶ.

6) *Округъ Артскій:* языкъ Греческій; 240 мусульм., 4,802 христ. семействъ; подати 2,333,000 піастр.; 116 селеній:

Артъ или Ретъ [1]) Ἄρτα; Старока Σταρόκκα; Κρανjα; Δέλοβα; Подгора Ποδογόρα (или Παιδαγορὰ); Волище Βούλιστα; Свиленикъ Σφελλένικον; Μολιανὰ; Στριβίνα; Равня Ῥάμνια; Кукулище Κουκουλίστα; Косовище Κοσοβίστα; Горичани Γκορίτζανα; Скупа Σκοῦπα; Τρόβιστα; Бродъ Βροντόν; Воляна Βούλjανα; Бредище Μπρέντιστα; Низище Νισίστα (или Ἀρχική); Гременица Γρεμμενίτζα; Пещяна Πεστιανὰ (или Ὀπισθιανή); Λιμίτζικον; Χόσσjανα; Βελεντζικὸν; Брѣстеница Βρεσθενίτζα; Μπότζι; Бѣляна Μπιλjανά.

7) *Округъ Превезскій:* языкъ Греческій, въ немногихъ селеніяхъ вмѣстѣ съ Албанскимъ; 120 мусульм., 1,530 христ. семействъ; подати 599,200 піастр.; 39 селеній:

Превеза Πρέβεζα; Михалицы Μηχαλίτζι; Любохово Λιμπόχοβον; Σέσοβον; Λοῦτζα; Витина Φτύνα или Φυτίνα; Корытяни Κορύτjανη; Кравари Κράβαρι; Заровина Ζαροβίνα; Церкъвяни Τσερκούβjανα; Дубяни Δουβjανὰ (или Διβιανὰ); (село) Влада Βλάντου (верхнее и нижнее); Горана Γόρανα (или Ἀγορανά); Земелье Ζεμέλια; Русяча Ῥουσιάτζα.

---

[1]) См. выше, примѣч. къ I, 4.

Примѣчаніе. Имена рѣкъ и горъ въ Эпирѣ, къ сожалѣнію, не обозначены въ статистическомъ сочиненіи, которымъ я пользовался для именъ селеній; въ этомъ отношеніи мы должны, пока, довольствоваться географическими картами; но и на лучшей изъ нихъ, на картѣ Европейской Турціи Киперта, обозначены только названія самыхъ главныхъ горъ и рѣкъ; прочихъ мы не знаемъ. Изъ тѣхъ, которыя находятся на картѣ, слѣдующія носятъ явный отпечатокъ славянскаго происхожденія. Горы: Бѣлогость, Островица (замѣчательно, близъ Островицы, названіе другой горы, Боснія), Грива, «Nemertzika», Сопоты, Смолица, «Kratschovo», «Wolutza», Баба, Лобаница и др.; рѣки: «Kutzowitza», «Deschitza», «Levkaritza», «Tscharkow», Тополица, Бѣлица, «Ssutzista», Быстрица (Vistritza) и т. д. — Я говорилъ о томъ, что славянскія имена должны были исчезать подъ наплывомъ греческихъ и албанскихъ, какъ скоро Славянскій языкъ угасъ въ этихъ краяхъ. Доказательство этому представляютъ старинные акты: въ нихъ относительное количество славянскихъ именъ больше, нежели какое существуетъ въ настоящее время. Почтенный составитель «Хронографіи Эпира», этого превосходнаго труда, на которомъ мы основали наши изысканія о Славянскихъ поселеніяхъ въ этой странѣ, приводитъ двѣ грамоты императора Андроника Палеолога Старшаго, одну 1319, другую 1321 г., касательно доходовъ и церковнаго устройства города Іоаннины (Янины). Тутъ исчисляются принадлежавшія къ Янинскому округу мѣстности. Выпишу всѣ эти имена безъ исключенія; читатель увидитъ, чот бо̀льшая часть изъ нихъ славянскаго происхожденія и сколько славянскихъ именъ въ этомъ краѣ съ тѣхъ поръ исчезло. Въ грамотѣ 1319 года: Βοτίβιστα (теперь Βοδίβιστα, вѣроятно Водовище), Ζελοχοβίστα (Челоховище, теперь не существ.), Ψεάδα (не сущ.), Σαντοβίτζα (Садовица, есть и нынѣ), Ἀρδιχοβίστα (Ардиховище-Радиховище, не сущ.), Γλοξίανι (Гложани? теперь Γλόζjανη), Γαρδίκι (Гардиħи, теперь тоже), Λεαυσίστα (Лѣвшище, теперь Λαψίστα), Τριστεανίκον (Трьстѣникъ, теперь Τριστενίκον въ Загоріи), Τρεαβοβιδίστα (вѣроятно Трявовиште, теперь не сущ.), Νοβοσέλη (Новоселье, есть), Ἀρδομηστία (Ардомище-Радомище, есть), Σίπκα (Сыпка, теперь, можетъ быть, Σοπική въ Погонянахъ), Ῥαδοτόβι (Радотово, есть), Δρεάνοβον (Дрѣново, не сущ.), Φρεάστανα (Врѣстана, теперь Φραστανὰ въ Малакасіи), Λιπνίτζα (Липница, теперь Διμπνίτζα въ Парамиѳіи), Κοπάντζι (Копанци, теперь не сущ.), Στρώμη (Струма, не сущ.), Δρεαβοφά (теперь Δραγοφά въ Курендо), Κοπάνη (Копани, есть), Κρεχοβόν (Крехово, теперь Κρύφοβον), наконецъ: τὸ περὶ τὴν Βαγενετίαν (ср. сказанное выше о племени Βαγενέται и село τοῦ Βαγενίτι въ краѣ Курендо) λιβάδιον, и Σκούπιτζα (есть). Въ грамотѣ 1321 года: Παροικεῖον (есть), Πόβλιστα (не сущ.), Ἄρουλα (Оръля, теперь Ἄρλους въ Малакасіи), Τόπλιστα (Топлище, не сущ.), Ραψίστα (есть), Βελτζίστα (есть), Δουζέτζι (Лужьцы, есть), Σειστρούνι (Сеструны, есть) съ слѣдующими жителями: σὺν τῷ Μάρκῳ, τῷ Τσέχλῃ, τῷ Ποθητῷ, τῷ Βλαδιμήρῳ; далѣе, села: Τοβόλιανη (есть), Λαυσίστα (см. выше), Σερβιάνα (Сербяна, есть), Φρεαστάνα (см. выше), Ἰωάννιστα (Іоанище, теперь Γιάννιστα), Τιμοσμίδενα (не сущ.), Σφόνιστα (Звонище, не сущ.), Ρασοβίστα (Росовище, не сущ.), Πρά-

τοκες (Пратоки, не сущ.), Σουχᾶ (Суха, есть); приходы, подвластные Іоаннинской митрополіи, были тогда: τοῦ Ζαγορίου (Загоріе), τοῦ Τσεμερνίκου (Чемерникъ, теперь Τσουμέρκον), τοῦ Σμοκόβου (Смоково) καὶ τοῦ Σεστρουνίου (Сеструны): всѣ четыре имени славянскія.

Б) ЭЛЛАДА.

I. **Акарнанія** (рѣка Воинякова Βοϊνίκοβον, древній Инахъ; озера: Болгарское λίμνη τοῦ Βούλγαρη; Большое Озеро Μεγάλη Ὄζερος; Малое Озеро Μικρὰ Ὄζερος; Λεζινι; островъ Dragonero [1]); горы Габрова Gabrovo; Bergandi, Arnitsa).

Округъ Воницкій: города: Воница Βονίτσα (древн. Ἀνακτόριον, Actium); Драгомѣсто Δραγομέστον или Δραγομέστρι (др. Ἀστακός); Тригардіе (— Триградіе, Τρίγαρδον, на мѣстѣ древняго города Οἰνιάδαι). Селенія: Забръдо Ζαβέρδα; Κονιδάρι; Дръжово Δερσοβὰ; Ζάβιτσα; Μερδενίκου; Βλυζανὰ; Χρυσοβίτσα; Галица Γαλιτσᾶ; Λιγοβίτσι (развал. монастыря); Подоловица Ποδολοβίτσα; Конопино Κονοπίνα; Калица Καλίτσα; Γαρδι (пустошь); (а всего въ этомъ округѣ 44 селенія).

Округъ Валтскій: Πρεβέντα; Верница Βερβίτσα; Гдунище Δούνιστα; Μπονίκοβον; Малый Садъ Μαλισάδος; Πριάντσα; Δρουμίστα; Каменье Καμίνι (всѣхъ селеній 38).

II. **Этолія** (горы: Глогова Γλογοβά, древн. Ταφίασσος; Връшова, Βαράσοβα, древн. Χαλκίς; Смолѣна Smoliena; Veloukhi; Voulgara; Mlocka; Psiana; Ardini; Tritzovo).

Округъ Трихонійскій: Западъ Ζάπαντον; Село Σέλου; Γκιρτοβός; Кошино Κοσίνα; Τσεβελιάσα; Западьна Ζαπαντίνα; Μπέρικος; Дерихово Δερίκοβα; Στριγανία; Миленково Μελίγγοβα; Μορόσκλαβον; Дервечище Δερβέκιστα (подлѣ другая деревня съ однозначащимъ именемъ по-гречески: Μεγαδένδρον); Χρυσοβίτσα (т. е. Крешевица или Крушевица); Мочище Μόκιστα; Простово Προστοβά (верхнее и нижнее); Желихово Σελίχοβον; Връхоли Βροχωλή; Гущяни Γούστjανη; Γούριτσα; Βλοχός; Λιγόστjανα; Ζακώνjα (всѣхъ селеній 54).

Округъ Эвританійскій: Карпеница (на картѣ Karpenitza, у Рангави Καρπενήσιον); Καρότσα; Властово Λάστοβον; Село Σελά; Ερχίστα; Γορανιάδες; Голяни Γόλjανη; Търново Τέρνοβον; Домнище (?Дымнище) Δομνίστα; Τσεκλείστα; Търнъ Τέρνος; Селица Σέλιτσα; Ῥωσκά; Копрѣна Κόπραινα; Κουτίβα; Доляна Δολιανά; Ψιανά; Село Σέλος; Ἄμπλjανη; Ἀνδράνοβα; Τσερκοβοπτελέα (замѣчательно это сочетаніе славянскаго слова *церковь* съ греческимъ πτελέα, что значитъ вязъ и также подпорка, къ которой привязывается виноградная лоза); Дѣвичина Δεβίτσινα; Корытище Κορόκιστα; Χόχλια; Драговица Δραχοβίτσα; Елово Ἔλοβα; Δομιανοί; Връхъ Βράχα; Ключъ Κλειτσός; Μοῦχα; *Καρύτσα*; Орахово Ἀράχοβα; Τέροβα; Μύγδοβα; Δροβιτάτικον; Красово Κεράσοβον; Ви-

[1]) Имена, приводимыя здѣсь французскими буквами, заимствованы изъ подробной карты Греціи, изданной Французскою топографическою экспедиціею въ Грецію.

няни Βενίανη; Φραγγίστα; Елшани Ἔλσjανη; Враняна Βρανjανά; Ἐπαινjανά: Βελισδόνι; Граница Γρανίτσα; Влъчище Βελτσίστα; Зеленица Ζελενίτσα; Хоржгово Χορίγκοβον; Липяна Λιπιανά; Тополяна Τοπόλιανα; Συβίτσα; Κόνjαβη; Крачица Κρατσίτσα (всѣхъ селеній 140).

Округъ Мисолунгскій: Рѣчьна Ῥετσένα; Клисово Κλείσοβα; Могыла Μαγοῦλα; Μούσορα; Дворица (на картѣ Doritza, у Рангави Δόριζα); Μπρέσακον; Μεσάριστα; Ῥάϊκα; Красово Κεράσοβον; Σιβίστα (всѣхъ селеній 44).

Округъ Лепантскій: Βρώστjανη; Δελβίνα; Коньско Κόνισκα; Περίστα; Ποκίστα; Дервица Δερβιτσά; Ἀρτοτίβα; Τερπίτσα; Πέλιστα; Συνίστα; Орахово Ἀράχοβα; Κλεπᾶ; Аворани (Яворяне) Ἀβόρανη; Трънoво Τέρνοβα; Сельбица Σελπίτσα; Люботини Λομποτινή (большіе и малые); Βαλβίτσενα; Граница Γρανίτσα; Голѣмы Γουλέμι; Длъга Δέλγα; Ἀμόρανη; Βετοφίστα; Ἀνδρίβιστα; Село Σέλος; Χρήσοβον; Низворн Νίσβαρη; Ливница Λιμνίτσα; Ветлище Βετολίστα; Ἐλετσοῦ; Козица Κοζίτσα; Κουτσουλίστα; Воица Βοϊτσά; Струмяни Στρώμνjανη; Зелище Ζελίστα; Житище Σιτίστα, Палуково Παλούκοβα (большое и малое) (всѣхъ селеній 79).

III. **Фокида** (горы: Хлъмъ Khlomo, — одинъ въ Фѳіотидѣ, другой въ Локридѣ; Голина Goulina; Vardousia; Didavista; Belisista; Βελοῦχι; Смоково Σμόκοβον, древн. Τυμφρηστός; рѣка Καρβουναριά, древн. Ἀσωπός):

Округъ Фоіотидскій: Σούρπη; Гавряни Γαύρjανη; Гардиhи Γαρδίκιον; Χαμάκες; Охлады Ἀχλάδι; Велесь Βελέσι; Λογγίτσι; Νίκοβα; Черновиhи Τσερνοβίτι; Куhа Κουκjα; Земяна Σεμανή; Πετσοτά; Сѣтуны Σειτούνι; Дьбри Δίβρη; Λιμογάρδι; Αντινίτση; Гардикжhи Γαρδικάκι; Βαρδάταις; Δέλφινον (ср. Δελβινον); Комарици Κουμαρίτσι; Προκοβενίκος; Крале Καράλι и подлѣ, Βασιλικά; Μάντετσι; Лѣсково Δjάσκοβον; Смоково Σμόκοβον; Bogomilos (на картѣ); Бръвляни Μπρούφλjανη; Κλονί; Гардиhи Γαρδίκι; Горяне Γόργjανη; Николицы Νικολίτσι; Селяна Σέλjανη; Ῥοβαλjάρι; Κούρνοβον; Στύρφακα; Льнокладь Δjανοκλάδι; Ζέλι; Βετσούλι (всѣхъ селеній 130).

Округъ Доридскій: Граница Γρανίτσα; Лучево Λούτσοβος; Аворъ (Яворъ) Ἄβορος; Στρουζα; Σκαλοῦλα; Вѣтриница Βιτρινίτσα; Веленикъ Βελενῖκος; Σώταινα; Πλέσια; Βίδαβη; Киселы Κίσελη; Лжгъ Λόγγος; Δρεστενά; Вощиница Βοστινίτσα; Костарица Κοσταρίτσα; Ардотино (— Радотино) Ἀρτοτίνα; Ζουριάνον; Аворhи Ἀβορίτη; Оглавище Ἀγλαβίστα (всѣхъ селеній 52).

Округъ Парнассидскій: Σιγδίτσα или Σιγδίκων; Σεργοῦνι; Σερνικάκι; Κοῆστι; Κολοπετινίτσα; Тополя Τοπόλια; Μουσουνίτσα (верхняя и нижняя); Горица Γουρίτσα; Огоряни Ἀγόρjανη; Сувала Σουβάλα (верхняя и нижняя); Βάργjανη; Хлъмъ Χλωμόν; Κουκουβίτσα; Μπρλος; Каняни Κάνjανη (всѣхъ селеній 39).

Округъ Локридскій: Богдано Μπόγδανον; Кобылина, Κοβίλινα; Гарденица Γαρδενίτσα; Велица Βελίτσα; Μπέλεσι; Δόριτζα; Ζέλι; Пологъ Πόλογος; Хубово Χούμποβον; Γλούνιστα; Δερνίτσα; Малешино Μαλεσίνα; (село) Рада Ῥάδου; Ἀρκίτσα; Лжгъ Λόγκος; Голѣмы Γουλέμι; Μενδενίτσα (всѣхъ селеній 87).

IV. **Віотія.**

Округъ Ливадійскій: Σοῦρπι; Граница Γρανίτσα; Копрѣна Κάπραινα; Στεβενίκον; Огоряни Ἀγόργjανη; Κούμαρος; (село) Добра Δομβροῦ; Орахово Ἀράχωβα или Ῥάχωβα (всѣхъ селеній 57).

Округъ Θивскій: Добрѣна Δομπρένα; Хвостіе Χώστια; Χλεμποτσάρι; Δερβενοσάλεσι; Λιάτανι; Βράτσι; Κριμπάτσι; Δρίτσα; Ῥετσώνα; Φλόκα; Тополя Τοπόλια; Гардица Καρδίτσα; Σέγγενα; Οὔγγρα (всего селеній 80).

V. **Мегарида.** *Округъ Мегаридскій:* Могыла Μαγοῦλα (всѣхъ селеній 12).

VI. **Аттика** (гора Belétsi).

Округъ Аттическій. Только селенія Хорваты Χαρβάτι, и пустоши Равна Ῥαφίνα, Βαλανίδιτσα и Πετρίτσα въ волости Кропійской на югъ отъ Гиметта, Велячнѣи Βιλλιατζίκι, Широко Σιράκον, Врапа Βρανᾶ и Καλέντζι въ волости Мараѳонской, да Koritzia (на картѣ) въ Филійской, на югъ отъ Пернеса, представляютъ слѣды славянскихъ поселеній. На островѣ Эгинѣ Σφεντοῦρι.

VII. Островъ **Эввія** (Эвбея). Въ округѣ *Ксирохорійскомъ:* Быстрица Βίστριτσα; Σίμνια; Гдуне Ἄγδινον; Γουργοβίτσα; въ округѣ *Халкидскомъ:* (село) Бодина Μποτίνου; Λοῦτσα; Τροῦποι; Заимы Ζαίμι (необитаемый островокъ); въ округѣ *Каристійскомъ:* Запады Ζαπάντι; Καλέντζι; Ζερμπίσια; Γιαννίτσι; Μπεζάνοι. На островахъ, прилегающихъ съ сѣверо-востока къ Эвбеѣ, Скопелосѣ, Скиросѣ и проч. нѣтъ славянскихъ именъ.

В) МОРЕЯ.

VIII. **Ахая** (гора Вода Βόδα, древн. Παναχαϊκόν; р. Μποχούσια, древн. Κερυνίτης; Ὀριόλος, древн. Λάρισσος).

Округъ Патрскій: Securing Тополево Τοπόλοβα; Каменица Καμινίτσα; Καστρίτσι; Δραστενά; Βελβίτσι; Орахово Ἀράχοβα; Βελίζι; (село) Драгана Δραγάνου; Садомирь Σανταμέρι (тутъ же гора того же имени); Μπράτι; Велицы Βελιτσαῖς; Крале Κράλι; Орле Ἄρλα; Хвостьно Φώστενα; Γομοστόν; Марица Μαρίτσα; Τραγανόν; Ῥίκαβα; Γουρζούμιστα; Λόπεσι; Простовица Προστοβίτσα; Гребень Γρεβενόν; Красица Κρασίτσα; Голѣмы Γολέμι; Καλέντζι; Φλόκα; Рогозно Ἀραγόζενα; Равьница Ἀραβονίτζα; Γρόπα; Проводъ Προβοδός; Аворина (Яворина) Ἄβερνα; Λεμπίστα; Села Σελᾶ; Πιτίτσα; Τραγάνος (всѣхъ селеній 144).

Округъ Эгіалейскій: Вощица Βοστίτσα (др. Αἴγιον); Κουνινᾶ; Орахово Ἀράχοβα; Лѫгъ Λόγγος; Γκρέκα (вблизи и Φράγκα); Кроково Κρόκαβα; Гардьна Γαρδενά; Пепельница Πεπελινίτσα; Връшова Βερσοβᾶ; Βλοβοκά; Боровица Ποροβίτσα; Καλύβια Σελγανίτικα и Κορασάνικα; Λασινjά (всѣхъ селеній 60).

IX. **Коринѳія.** *Округъ Коринѳскій:*

Запады Ζαμπάντη; Клепье Κλένια (верхнее и нижнее); Δερβενάκι; Μπότσικα; Μπόζικα; Воевода Βοιβόντα; Кучи Κούτσι (двѣ); Δερβενάκι; Дужа Δούσια; Коняники Κουνιάνικα; Μαυριάνικα; Ζερβιάνικα; Τσερεγούνι; Лѣхово Λέχοβα; Λούζι (двѣ); Βάλτσα; Земьно Ζεμενόν; Μάζανι; Бѣлина Βελίνα; Владуша Βλαντούσια; Μεσινόν; Живище Σιβίστα; Βίλια (всѣхъ селеній 157).

X. **Элида** (гора Хлъмъ Khelmos).

Округъ Элейскій: Гостуни Γαστούνη; Завали Σαβάλια; Ροβιάτα; Калица Καλύτσα; Хлъми Χέλμι; Малиѣи Μαρλίκι, Κοκλασιμίτσα, Βάλακα; Луковица Λουκόβιτσα (верхняя и нижняя); Λόπεσι; Слива Σκλίβα; Боковина Μποκοβίνα; Βάλμι; Дьбри Δίβρη; Мощеница Μοστενίτσα; Борьце Ποριτσόν; Гръмучани Γερ-

μουτσάνι; Врьбьна Βερβινή; Цѣпяна Τσιπιανά; Κερτέζα; Κούμανι; Μπεντένι (сравн. Бѫдынь); Πέρσενα; Βύλιζα; Μοράχα; Φλόκα; Δροῦβα; Σμόλια; Μπράτι; Τραγανόν; Γλαρέντσα; Враня Βρανᾶ (всѣхъ селеній 178).

Округъ Калавритскій: Коловрѫты Καλάβρυτα (во множественн. числѣ); Высока Βυσωκά; Врѣхие Βραχνί; Субрѫдо Σούβαρδον; Храстиѣи Κραστικοί; Судьна Σουδενά; Гдунище Δούνιστα; Κέρτεζη; Сърбяни Συρμπάνι; Κούβελος; Κάνι; Бростьно Βρόστενα; Κόκοβα; Мостицы Μαστίτσι; Мокролѫгъ Μακρόλογκος; Краварн Κράβαρι; Кърпина Κερπινή; Πετσακοί; Κλαπατσοῦνα; Дымьна Δούμενα; Βυλιβίνα; Δίγελα; Βάλτσα; Κυρίτσοβα; Ζαροῦχλα; Λειβάρτζι; Красово Κεράσοβα; Χόζοβα; Μορόχοβα; Вършицы Βερσίτσι; Λεχούνι; Ἀλάστενα; Λόπεσι; Σηλίτσα; Селяна Σελιάνα; Орахово Ῥάχοβα; Берговица Βεργουβίτσα; Κούβελος; Гумьница Γουμένιτσα (верхняя и нижняя); Лопата Λαπάτα; Ἀσάνι; Гърбеши Γκέρμπεσι; Мокрѣѣи Μαχρίκια; Сопотъ (въ Блг. Сопотско) Σοποτόν; Χόβολι; Стрѣзово Στρέζοβα; Скупы Σκοῦπι; Βεσίνι; Анастасово Ἀναστάσοβα; Десьно Δεσινόν; Δροβολοβόν; Камьняни Καμινιάνοι; Сливьно Σιλίβενα (всѣхъ селеній 133).

XI. **Аркадія** (горы: Малево Malevo; Еленица Hellénitsa; Zavitsa; Хлъмъ Khelmos).

Округъ Гортинскій: Корытьно Καρύταινα; Καρβουνάρη; Ѫгленово Ἐγκλένοβα; Παλοῦμπα; (село) Серба Σέρβου; Братица Μπρατίτσα; Μαρκενίτσα, Бѣлеши Μπέλεσι; Τσάρεσι; Βυδάκι; Κοντοβάζαινα; Дъбрица Δίβριτσα; Боковина Μποκοβίνα; Παραλογγός; Гардарици Καρδαρίτσι; Подгора Ποδογυρᾶ; Върбица Βερβίτσα; Каляни Καλιάνι; Κόκλα; Ἀλβανίτσα; Βυζίτσι; Боляри Μπουλιάρι; Τσερβίκος; Τσιάρνι; Топорище Τοπόριστα; Βαλτεσινίκος; Γλανιτσιά; Кърпины Κερπινή; Глогово Γλόγοβα; Могыляна Μαγούλjανα; Каменица Καμενίτσα; Витина Βυτίνα; Γαρζενίκος; Граница Γρανίτσα; Νεμνίτσα; Кърница Κερνίτσα; Στεμνίτσα; Σύρνα; Дымичана Δημιτσάνα; Затона Ζάτοννα; Жиговище Ζυγοβίστι; Трьстьно Τρεστενά; Орахово Ἀράχοβα; Зерзево Ζέρζοβα; Βλόγγος; (село) Рада Ῥάδου (всѣхъ селеній 133).

Округъ Триполицскій (или Мантинейскій): Триполица Τριπολίτζα; Горица Γορίτζα (др. Мантинея); Μπεδένι (два); Μπόσουνα; Γράνες; Кѫдрево Καντρέβα; Μπαρμπίτσα; Βαλτέτσι; Ζέλι; Κουβέλι; Могыла Μαγοῦλα; Красица Κερασίτσα; Βερτζοβα; Любовици Λιμποβίσι; Χρυσοβίτσι; Сливьно Σιλίμνα; Ζαράχοβα; Τσιγιανά; Μπεζενίκος (всѣхъ селеній 102).

Округъ Кинурійскій: Конопіе Κουνουπιά; Καστανίτσα; Малево Μαλεβά; Ситьно или Житьно Σίταινα; Ζάβιτσα; Маслина Μάσκλινα; Доляна Δολιανά; Върбьно Βέρβαινα (всѣхъ селеній 49).

Округъ Мегалопольскій: Ἄκωβος; Καμαρίτσα; Гардиѣи Γαρδίκι; Заимы Ζαΐμη; Грабово Κραμποβός; Αστάλα; Тербуны Τερμπούνι; Поврѣхъ Μποβέρχι (всѣхъ селеній 64).

XII. **Арголида** (гора Малево Malevo).

Округъ Аргосскій: Βαρδουβά; Πλέσα; Τουρνίκι; Гумно Γουμνόν; Бѣлеши Μπέλεσι (верхніе и нижніе); Στέρνα; Хървати Χαρβάτι (всѣхъ селеній 49).

Округъ Навплійскій: Τζέφον; Κούτσι; Дымьно Δήμινα; Гърбеши Γκερμπέσι (всѣхъ селеній 43).

Въ округѣ Спецційскомъ (заключающемъ въ себѣ и близлежащую

часть материка, древнюю Эрміониду) нѣтъ славянскихъ именъ; въ округѣ Идреко-Тризинскомъ (ἐπαρχία Ὕδρας καὶ Τροιζηνίας) только Конопица Κουνουπίτσα.

XIII. **Мессинія.**

Округъ Олимпійскій: Ἀνδρίτσαινα; Бѣлуши Μπελούσι; Дълга Δέλγα; Μπέρεχλα; Ῥόβια; Горьно Γόρενα; Рогозъ Ῥογκοζον; Σέχουλα; Μπάρτζι; Μπισμπάρδι; Лѫгъ Λογγός; Брѣстъ Βρεστόν; Челехово Τσελέχοβα; Нивица Νίβιτσα; Καλέντζι; Σερβοτά; Σχαριάνη; Σοπωτοῦ; Крьстьно Κρέστενα; Мокриша Μακρύσια; Ῥόσοβον; Мудрица Μουντρίζα; (село) Грека Ἰκρέκα; Μαζι; Ομπρᾶ; ѫгъльница Ἀγολινίτσα; Воляница или Боляница Βωλάντσα; Κανjά; Голѣмы Γολέμι; Τροῦπες; Слива Σχλίβα; Δραγόϊ; Бойка Μπόϊκα; Гардица Γάρδιτσα; Павлица Παύλιτσα; Σμαρλίβα; Врьбица Βερβίτσα; Λινίστενα; Копаница Κοπανίτσα; Мудра Μουντρά; Μουφκίτσα; Островицы Στροβίτσι (всѣхъ селеній 110).

Область Трифилійская: Πλεμενιάνου; Карвуни Καρβούνι; Маленицѣи Μαλενίτι; Подгора Ποδογορά; Моряна Μώραινα; Λυγούδιστα; Μουζοῦστα; Брѣстье Βερεστjά; Огорѣлица Ἀγορέλιτσα; Пьница Πάνιτζα; Φλόκα; Село Ζελᾶ; Лѣсовицѣи Λεσοβίτι; Μάλη; Κλονί; Ἀσσύτενα; Малицѣи Μαλίκι; Βοδίσοβα; Καλίτσενα ѫгъляни Αγαλjανή; Копаница Κοπάνιτσα; Σουλιμᾶ; Влака Βλάκα; Κούβελα (всѣхъ селеній 80).

Округъ Пилійскій (Наваринскій): Ἀβαρινίτσα; Γουβαλοβορός; Πισάσκι; Ялово Γjάλοβα; Крвица Κρυβιτσά; Милица Μηλίτσα (двѣ); Ζάχαλι; Σούμπαλι (два); Драга Δράγκα; Λογκᾶ; Паса (всѣхъ селеній 124).

Округъ Мессинскій: Поляна Πολαίνα; Βούταινα; Мокрена Μάκρενα; Запади Σαπάντι; Ῥαδου; Πουλίτσι; Πιπερίτσα; Σίμιζα; Голѣмы Γχολέμι; Ζερμπίσια; Загоряна Ζαγάρενα; Χρύσοβα; Διαβολίτσι (ср. городъ и рѣка Дѣволь въ Албаніи); Горяница Γαράντσα; Ῥερέϊκα; Могыла Μαγοῦλα (всѣхъ селеній 102).

Округъ Каламатскій: Γιάνιτσα; Κατσίκοβον; Κατσαρέϊκα; Τηνίοβα; Поляна Πολjανή; Гардицѣи Γαρδίκι; Чърница Τσερνίτσα; Σίτσοβα; Анастасово Ἀναστάσοβα (большое и малое) (всѣхъ селеній 52).

XIV. **Лаконія** (горы: Koubenova Bardouno-khoria).

Округъ Лакедемонскій: Вършьникъ Βαρσενῖκος; Вършава Βάρσοβα; Могыла Μαγοῦλα; Сустѣни Σουστιάνοι; Σκλαβοχώρι; Σοχᾶ; Годьно Γοδένα; Τσίντσινα (ср. Цадзинъ или Цазинъ въ Босніи); Жупьна Ζούπενα; Горица Γοριτσᾶ; Τούνι; Брѣстьно Βρέσθενα; Орахово Ἀράχοβα; Върбица Βαρβίτσα; Ῥόζαινα; Ῥεματιανή; Огоряне Ἀγόρjανη; Рогозьно Ῥογκόζαινα; Λογκάνικος; Γεωργίτσι; Βεργαδέϊκα; Κοτίτσα; Τολέϊκα; Бърдоня Βορδονjά; Σερβέϊκα; Солины Σωλῆναι; Орахъ Ὄραχος; Λόπεσι; Μοσχονέϊκα; Μπολανέϊκα, Κονιδίτσα; Клада Κλαδᾶ; Плѣша Πλέσσα; Περγαντέϊκα; Каменье Καμίνjα; Воляна Βολιάνα; Дворица Δόριζα; Сръбица или Жарбица Ζαρμπίτσα; Горяни Γοράνοι; Κοτσατίνα; Половица Πολοβίτσα; Лядина Λιαντίνα; Καρίτσα; Λεβέτσοβα; Μαλιτσίνα; Στρουντζᾶ; Ῥόζοβα; Зелина Ζελίνα; Πρίτσα; Цѣрье Τσέρjα; Чесвина Τσεσφίνα (всѣхъ селеній 174).

Округъ Итильскій: Τσίμοβα; Крляникъ Κριλιάνικα; Новоправица Νουπρεβίτσα; Ὄροβα; Μπρέντα; Доли Δολοί (верхніе и нижніе); Былево Μπίλjοβα;

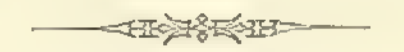
Τριγχότσοβα; Селица Σέλιτσα; Горница Γούρνιτσα; Νίκοβος; Πρίπιτσα; Цѣрье Τσέρja (верхнее и нижнее); Лѣшьново Δjασίνοβα; Крьтищи Κριτίστη; Βαιδονίτσα; Любохово Λουμπόχοβα; Боговница Μπογονύτσα; Λοσνά; Орахово Ἀράχοβα; Σβύνα; Τράπιτσα; Боляри Μπουλαροί (верхніе и нижніе); Гардьница Καρδενίτσα (всѣхъ селеній 140).

Округъ Гиѳійскій: Пьница Πάνιτσα; Παλοβά; Добра Τούμπρα; Σχαμνίτσα; Старѣльца Σταρέλτσα; Τσιχοβά; Копрьна Κύπρινα (всѣхъ селеній 83).

Округъ Эпидавра Лимирскаго (Ἐπιδαύρου Λιμήρας): нѣтъ славянскихъ именъ.

На островахъ Кикладскихъ: на Тиносѣ Σκλαβοχώρι.

На островахъ Іоническихъ и на Критѣ нѣтъ славянскихъ именъ.

II.

О КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ.

II.

О Кириллѣ и Меѳодіи [1].

I.

Когда изобрѣтена славянская азбука?

Мнѣніе, что славянская азбука изобрѣтена въ 862 году, основывается у насъ преимущественно на сочиненіи О. М. Бодянскаго; таковъ выводъ его обширной и ученой книги «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ». Но выводъ этотъ, при огромной учености, которою онъ обставленъ, имѣетъ до сихъ поръ характеръ гипотезы, далеко не всѣми Славянами принятой. Многіе предпочитаютъ свидѣтельство древнѣйшаго изъ дошедшихъ до насъ сказаній объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ (сказаніе Черноризца Храбра), гдѣ прямо говорится, что изобрѣтеніе сдѣлано въ 855 году, и находятъ въ подкрѣпленіе этого доводы въ «Славянскихъ древностяхъ» Шафарика [2]).

Конечно, цифра, записанная Черноризцемъ Храбромъ, при отдаленности эпохи и сбивчивости разнородныхъ источниковъ, можетъ показаться сомнительною; притомъ же самое событіе, — изобрѣтеніе письменъ, — такого рода, что полной исторической достовѣрности въ опредѣленіи года, въ которомъ оно совершилось, искать невозможно.

[1]) Настоящія статьи о славянскихъ первоучителяхъ были написаны въ 1862 году для газеты „День", по случаю явившагося у насъ въ то время предположенія праздновать въ этомъ году тысячелѣтнюю годовщину изобрѣтенія славянскихъ письменъ.

[2]) Слав. Древн. переводъ Бодянскаго, т. II, кн. 1, стр. 295; кн. 2, стр. 316. Впослѣдствіи Шафарикъ перемѣнилъ свое мнѣніе и отнесъ изобрѣтеніе письменъ къ 862 году. Но и на этомъ онъ не остановился: въ послѣдніе годы своей жизни онъ полагалъ, что письмена славянскія дѣйствительно изобрѣтены были Кирилломъ въ 862 году, но не тѣ письмена, которыя мы приписываемъ ему и называемъ кириллицей, а напротивъ, азбука, извѣстная подъ именемъ глаголицкой; начало же общеупотребительныхъ (кирилловскихъ) письменъ славянскихъ онъ присвоиваетъ ученику Кирилла и Меѳодія, Клименту Болгарскому и относитъ къ позднѣйшему времени. Это предположеніе мы разсмотримъ впослѣдствіи.

Могли ли даже современники, не говоря о потомкахъ Кирилла, знать навѣрно, въ какомъ именно году ему пришла мысль дать Славянамъ самобытную азбуку и письменность, и онъ въ первый разъ попытался начертать на листѣ пергамена звуки славянскаго языка?

Очевидно, что годъ можетъ быть въ этомъ случаѣ опредѣленъ только приблизительно. Что касается до меня, то, имѣя тутъ передъ собою двѣ цифры, 855 и 862 годъ, первую, основанную на свидѣтельствѣ Храбра, а вторую, выведенную О. М. Бодянскимъ, изъ сличенія разныхъ другихъ показаній, я все-таки долженъ признать первую цифру вѣрнѣйшею; чѣмъ однако же нисколько не уменьшается, въ глазахъ моихъ, ученое достоинство книги многоуважаемаго Московскаго профессора.

Въ краткой статьѣ я находилъ бы неумѣстнымъ подробный разборъ вопроса, который, при всей незначительности своей, чрезвычайно сложенъ и много занималъ ученыхъ славянскихъ (одинъ Шафарикъ представилъ о немъ три совершенно различныхъ заключенія); изложу въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ свое мнѣніе. Я считаю 855 годъ наиболѣе подходящимъ къ истинѣ не только потому, что онъ опирается на положительномъ свидѣтельствѣ древняго памятника, но главное потому, что этотъ годъ, соотвѣтствуя общему ходу событій, заключаетъ въ себѣ внутреннее, такъ сказать, вѣроятіе.

Можно принять за фактъ совершенно достовѣрный (и никто, прочитавъ со вниманіемъ древнія сказанія и сличивъ ихъ между собою, въ томъ не усомнится), что изобрѣтеніе славянскихъ письменъ и переводъ священнаго писанія не были для Кирилла и брата его Меѳодія предпріятіемъ случайнымъ, на которое натолкнуло ихъ одно лишь внѣшнее побужденіе — порученіе Византійскаго правительства проповѣдывать христіанство въ Болгаріи и Моравіи; несомнѣнно, напротивъ, что это было въ нихъ дѣломъ внутренняго сознанія и убѣжденія, выработаннаго всею обстановкою ихъ жизни, и что благопріятныя внѣшнія обстоятельства только помогли имъ осуществить съ громаднымъ успѣхомъ то, къ чему ихъ влекло призваніе. Кириллъ [1]) родился и воспитывался въ Солуни, главномъ городѣ Македоніи, которая тогда еще болѣе, чѣмъ въ настоящее время, была въ полномъ смыслѣ страною славянскою. Только въ главномъ городѣ сохранялась греческая стихія, но городъ этотъ окружали славянскія селенія и онъ былъ сборнымъ для нихъ мѣстомъ. Тамошніе Славяне, подпавши подъ власть Византійской имперіи, были уже обращае-

[1]) Извѣстно, что онъ до принятія схимы предъ смертію своею, носилъ имя Константина; но для избѣжанія сбивчивости я буду здѣсь постоянно называть его тѣмъ именемъ, подъ которымъ онъ остался извѣстенъ потомству и чтится церковью.

мы въ христіанство; но вѣра христіанская оставалась для нихъ одною формальностью, которой они подчинялись въ угоду своимъ правителямъ, но которая ничего не говорила ни уму ихъ, ни сердцу. Такова была среда, въ которой выросъ Кириллъ. Среда эта, со всѣми ея нуждами, должна была сдѣлаться тѣмъ болѣе ему извѣстною, что старшій братъ его Меѳодій, въ продолженіе многихъ лѣтъ, былъ начальникомъ одной части Македоніи, именно той части ея, которая, по своему исключительно-славянскому населенію, называлась въ то время Славиніей [1]). Присоединимъ же къ этимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ искреннее, глубокое христіанское настроеніе Кирилла, жажду духовнаго подвига, которою онъ, какъ видно изъ всѣхъ древнихъ сказаній, отличался съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и мы поймемъ, что мысль помочь Славянамъ и сдѣлаться для нихъ вѣстникомъ Божіей благодати должна была овладѣть имъ еще въ молодости, когда онъ жилъ именно въ этой средѣ. Далѣе, возьмемъ во вниманіе, что Кириллъ получилъ самое совершенное образованіе, свѣтское и духовное, какое только могла дать тогдашняя Византія, и мы поймемъ, что средство, для осуществленія его мысли, — средство, на которое указывали и ученіе церкви, и примѣры ея исторіи, — тогда же опредѣлилось и уяснилось въ его сознаніи. Если бы Кирилломъ не владѣло убѣжденіе въ его призваніи сдѣлаться просвѣтителемъ народа Славянскаго, если бы эта идея не росла въ немъ вмѣстѣ съ нимъ самимъ и не была цѣлію его жизни, а только случайнымъ въ ней эпизодомъ, то могъ ли бы онъ, въ свой недолгій вѣкъ, совершить такое громадное дѣло, — дѣло, отъ котораго ведетъ свое начало духовное развитіе всѣхъ Славянскихъ народовъ? Неужели для того достаточно бы было шести лѣтъ офиціальной дѣятельности его въ Моравіи? И какимъ образомъ объяснить его вліяніе на своего брата Меѳодія, который былъ гораздо старше и сановитѣе его, и котораго онъ заставилъ, совсѣмъ къ тому неприготовленнаго, обратиться, послѣ правительственной службы, къ изученію книгъ, а затѣмъ къ проповѣди, и сдѣлаться преданнѣйшимъ его помощникомъ? Мнѣ кажется очевиднымъ, что Кириллъ былъ изъ числа тѣхъ избранныхъ людей, которые внутри себя находятъ свое предопредѣленіе исполнить великое историческое дѣло и посвящаютъ себя ему исключительно. Я считаю, съ точки зрѣнія психологической, совершенно невозможнымъ допустить, чтобы Кириллъ взялся за свое историческое дѣло только вслѣдствіе посольства въ Константинополь Моравскаго князя Ростислава (въ 862 году), и одно это было бы для меня вполнѣ убѣдительно, если бы даже ничего другаго не говорило въ пользу

---

[1]) Кажется, это была сѣверо-восточная часть Македоніи.

моего мнѣнія. Но оно подтверждается положительными свидѣтельствами древнихъ памятниковъ, лингвистикой и связью историческихъ фактовъ.

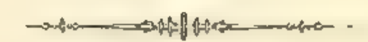
Я упомянулъ о сказаніи Храбра (который писалъ еще, когда были живы люди, видѣвшіе первоучителей славянскихъ), гдѣ изобрѣтеніе письменъ отнесено къ 855 году. Сверхъ того, есть другія свидѣтельства, что изобрѣтеніе совершено въ Македоніи, что тамъ Кириллъ предпринялъ переводъ священнаго писанія, для просвѣщенія Славянъ въ своей родинѣ, уже частію крещенныхъ; указывается даже на мѣсто, гдѣ Кириллъ положилъ начало этому дѣлу, именно Брегальница, край въ Македоніи, въ которомъ протекаетъ рѣка, носящая и донынѣ это имя. Это показаніе потому особенно вѣроятно, что вообще, чѣмъ точнѣе и положительнѣе въ какомъ нибудь историческомъ извѣстіи географическія и тому подобныя данныя, тѣмъ свидѣтельство ближе къ источнику, и точность эта всегда исчезаетъ по мѣрѣ перехода историческаго факта въ область легенды. Брегальница находится именно въ той (сѣверо-восточной) части Македоніи, которая по преимуществу называлась Византійцами Славиніей, и эта-то страна находилась въ то время подъ управленіемъ Меѳодія: не была ли тутъ для Кирилла самая близкая, самая лучшая почва для первой попытки славянской письменности, славянскаго богослуженія? Не естественно ли, что именно здѣсь первый, еще скромный успѣхъ святаго дѣла, начатаго младшимъ братомъ подъ его глазами, побудилъ Меѳодія отказаться отъ свѣтской власти и посвятить себя обращенію Славянъ? Наконецъ, если бы могло остаться малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что Македонія была родиною славянскихъ письменъ и славянскаго перевода священныхъ книгъ, то его отстранило бы свидѣтельство неопровержимое, не подлежащее искаженію, какъ письменный памятникъ: свидѣтельство языка. Чѣмъ болѣе мы знакомимся съ нынѣшнимъ нарѣчіемъ Болгаръ Македонскихъ, тѣмъ яснѣе становится, что оно представляетъ въ живой рѣчи народа тѣ свойства, которыя служатъ *отличительными,* такъ сказать діалектическими, признаками Церковно-Славянскаго языка [1]) въ ряду вѣтвей славянскихъ. Въ этомъ отношеніи получаютъ особенную важность изданные недавно сборники народныхъ пѣсенъ Македонскихъ Болгаръ, г. Верковича, и въ особенности прекрасный сборникъ братьевъ Миладиновыхъ, которые поплатились тюремнымъ заключеніемъ и насильственною смертію за любовь къ своей народности.

Въ сравненіи со всѣми тѣми данными, которыя въ совокупности своей составляя, мнѣ кажется, полную достовѣрность, указываютъ

---

[1]) Разумѣется, въ его древнѣйшихъ памятникахъ.

на Македонію, какъ на родину славянской письменности, на Македонскихъ Славянъ, какъ на то племя, для котораго Кириллъ первоначально предназначалъ свои труды, — что значитъ, я спрашиваю, противорѣчіе, такъ называемыхъ, Паннонскихъ житій? Вѣдь житія эти, источникомъ которыхъ были сказанія, записанныя въ Великой Моравіи, имѣютъ въ виду преимущественно дѣятельность Кирилла въ этой странѣ. Понятно, что Моравія, которая, вначалѣ, действительно, болѣе всего воспользовалась трудами Кирилла и Меѳодія, могла, или лучше сказать, должна была приписать своему вліянію и самый поводъ къ этимъ трудамъ. Но уже одно то, что въ моравскихъ памятникахъ говорится объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ совершенно неопредѣлительно, безъ указанія мѣста, гдѣ оно совершилось, безъ обозначенія года изобрѣтенія, довольно ясно указываетъ на неточность свѣдѣній, бывшихъ тамъ въ ходу объ этомъ событіи. Наконецъ, если бы мы, слѣдуя позднѣйшему мнѣнію Шафарика и заключенію О. М. Бодянскаго, отнесли начало славянской письменности къ тому времени, когда Кириллъ и Меѳодій вызваны были въ Моравію, т. е. къ 862 году, то какъ же мы согласили бы этотъ фактъ съ совершившимся прежде того, въ 859 году, обращеніемъ въ христіанство Болгарскаго князя Бориса и части народа Болгарскаго? Обратилъ ихъ, какъ извѣстно, Меѳодій: неужели же онъ, по примѣру тѣхъ греческихъ и латинскихъ монаховъ, на которыхъ такъ жаловались Славяне, принесъ въ Болгарію христіанство безъ славянскихъ письменъ, безъ богослуженія и книгъ, понятныхъ народу? Неужели только спустя годъ или два послѣ обращенія державы Болгарской, Кириллъ и Меѳодій, вслѣдствіе посольства изъ Моравіи, догадались, что Славянамъ нужно возвѣщать христіанство на ихъ языкѣ?

II.

Имѣлъ ли Кириллъ непосредственное вліяніе на русскихъ Славянъ.

Мнѣ кажется, что слишкомъ мало обращаемо было вниманія на значеніе поѣздки Кирилла и Меѳодія въ землю Козарскую. Поѣздка въ Козарію обыкновенно представляется какимъ-то постороннимъ эпизодомъ въ дѣятельности Кирилла и Меѳодія: первая половина ихъ жизни принадлежитъ Македоніи и тамошнимъ Славянамъ [1]); вдругъ они вырываются изъ этой среды и ѣдутъ миссіонерами на берега Азовскаго моря къ какому-то татарскому хану; потомъ возвращаются и продолжаютъ свое дѣло среди Славянъ, уже въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, подъ оффиціальнымъ покровительствомъ, въ Болгаріи и державѣ Велико-Моравской. Неужели это было такъ, и между тремя эпохами въ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія нѣтъ никакой внутренней связи?

Достовѣрно, что Козары были народомъ тюрко-татарской семьи, что языкъ ихъ былъ нарѣчіемъ тюркскимъ. Извѣстно также, что православная Византія для проповѣди христіанства употребляла языкъ, народу понятный. Представляется вопросъ: могли ли Кириллъ и Меѳодій знать козарскій языкъ? На это нѣтъ указанія [2]), нѣтъ въ томъ ни малѣйшей вѣроятности. Гдѣ бы могли они изучить этотъ языкъ?

---

[1]) Съ этою эпохою тѣсно связано и пребываніе Кирилла въ Царградѣ, гдѣ онъ довершилъ свое образованіе, и отшельничество Меѳодія на Олимпѣ, гдѣ онъ, въ монастырскомъ уединеніи, по выраженію житія, *прилежалъ книгамъ*, готовясь промѣнять поприще военное и правительственное на ту дѣятельность, которой себя уже посвятилъ его младшій братъ.

[2]) Въ житіи, правда, говорится, что Кириллъ, прибывъ въ Херсонъ, выучился бесѣдѣ и книгамъ *жидовскимъ* и чтенію книгъ самарянскихъ; но даже, если мы не примемъ это за гиперболу, то это значило только, что Кириллъ ознакомился съ священнымъ языкомъ той части Козаръ, которые исповѣдывали іудейскую вѣру; еврейскій же языкъ уже въ началѣ II-го вѣка (при Адріанѣ) совершенно вышелъ изъ употребленія даже въ самой Палестинѣ; позволительно ли думать, что онъ въ IX вѣкѣ могъ служить орудіемъ проповѣди у полудикаго народа въ степяхъ Придонскихъ? И на какомъ языкѣ сообщался Кириллъ съ Козарами-магометанами? Вѣдь, конечно, не на древне-еврейскомъ.

Не въ Солуни же и Македоніи, не въ Константинополѣ, у знаменитаго Фотія [1]), не въ монастырѣ Олимпійскомъ. Укажутъ, можетъ быть, на Болгарію, гдѣ пришлая тюркская стихія наложила на славянское населеніе государственную власть: но, во-первыхъ, Болгарія открылась Кириллу и Меѳодію лишь по возвращеніи изъ козарской миссіи, а главное, въ то время тюркская стихія въ Болгаріи уже почти поглощена была славянскою. Предполагать, что сношенія съ какими нибудь Болгарами въ Солуни и Константинополѣ могли вести къ знакомству съ тюркскимъ языкомъ во второй половинѣ IX вѣка, значило бы то же самое, что предполагать, будто сношенія съ Русскими во времена Нестора могли познакомить съ языкомъ норманнскимъ. Какимъ же образомъ годились Кириллъ и Меѳодій для миссіи къ кагану [2]) Козарскому и его подданнымъ?

Мы знаемъ изъ древней лѣтописи Русской, что въ то время, когда жили Кириллъ и Меѳодій и когда возникло у Славянъ Новгородскихъ государство Рюрика, юго-восточная часть Славянъ въ нашемъ отечествѣ находилась подъ властію Козаръ; именно подъ 859 г. записано, что Козары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей [3]). Славяне составляли въ державѣ хана Козарскаго стихію весьма значительную; если примемъ во вниманіе безплодность и неспособность къ заселенію степнаго пространства Прикаспійскаго, гдѣ сосредоточивалась собственно Козарская, тюркская стихія, то мы скажемъ даже, что главная масса жителей ханства были Славяне, тѣмъ болѣе, что они, какъ видно изъ арабскихъ писателей, простирались далеко на востокъ и юго-востокъ отъ Несторовыхъ Сѣверянъ и Вятичей, по Дону и нижней Волгѣ и, кажется, жили колоніями и у Азовскаго моря (Тмуторакань).

Вообще, надобно помнить, что въ эту древнюю эпоху югъ нынѣшней Россіи былъ несравненно болѣе славянскимъ, чѣмъ впослѣдствіи. На то указываетъ сличеніе арабскихъ свидѣтельствъ X вѣка съ тѣмъ, что мы знаемъ объ этомъ краѣ въ позднѣйшее время. На то указываетъ еще яснѣе Несторъ, когда онъ, въ повѣствованіи своемъ о древнѣйшихъ временахъ, говоритъ объ Уличахъ и Тиверцахъ, что они простирались по Днѣстру до моря и имѣли тамъ свои города, тогда какъ позднѣе не видать уже въ этой странѣ славянскихъ поселеній. О прочихъ данныхъ, подтверждающихъ то же самое, я для краткости не упоминаю. Съ VI вѣка мы замѣчаемъ сильный приливъ славянской стихіи съ сѣвера на югъ, къ Черному морю и далѣе,

---

[1]) Впослѣдствіи патріарха; онъ былъ наставникомъ Кирилла.

[2]) Или хакану, т. е. хану.

[3]) Власть ихъ простиралась и на Радимичей.

къ Дунаю и за Дунай (см. византійскихъ историковъ); отливъ начался только съ X вѣка, со времени вторженія Печенѣговъ и образованія Русскаго государства, въ которомъ тѣснимые дикими пришельцами Славяне находили убѣжище и возможность безпрепятственной колонизаціи на сѣверѣ. За Печенѣжскою волною послѣдовала волна Половецкая, за нею волна Татарская; славянская стихія все болѣе и болѣе отливала къ сѣверу и сѣверо-востоку и тамъ укрѣплялась и росла, оставляя степныя пространства тюркскимъ кочевникамъ. Но не таково еще было положеніе Черноморскихъ странъ въ половинѣ IX вѣка, во время путешествія Кирилла и Меѳодія. Они тамъ были за полстолѣтія до вторженія Печенѣговъ; въ Черноморскихъ странахъ властвовали Козары, отличавшіеся отъ другихъ тюркскихъ пришельцевъ человѣчностью и относительною образованностью; Славяне, которые подчинялись имъ, какъ видно, безъ особеннаго сопротивленія, не были еще принуждены бѣжать изъ этихъ мѣстъ, и поселенія ихъ, по всей вѣроятности, были весьма значительны въ краяхъ, черезъ которые пролегалъ путь изъ Константинополя и Херсона къ ставкѣ хакана Козарскаго. А сверхъ того, возможно ли предполагать, чтобы и среди собственныхъ Козаръ не было много Славянъ, промышленниковъ, торговцевъ, плѣнныхъ, а можетъ быть и служилыхъ людей?

Съ другой стороны, какъ въ ханствѣ Козарскомъ, также точно и въ тогдашней имперіи Византійской, славянская стихія была многочисленна, вѣроятно, многочисленнѣе всѣхъ другихъ [1]). Вотъ, стало быть, посредствующее звено между обоими государствами, — элементъ славянскій; вотъ языкъ, на которомъ византійскій христіанинъ могъ проповѣдывать евангеліе при дворѣ хана Козарскаго и между его подданными, — языкъ славянскій; вотъ почему для миссіи въ Козарію избраны были люди, посвятившіе себя обращенію Славянъ, люди, которые несли съ собою славянскія письмена и славянскій переводъ евангелія [2]). Иначе эта миссія казалась бы мнѣ не только необъяснимою, но даже безцѣльною. Въ моихъ глазахъ, поѣздка Кирилла и Меѳодія къ Козарамъ предполагаетъ непремѣнно, что они предварительно сдѣлались извѣстными въ Константинополѣ попыткою передать ученіе Христово на языкѣ славянскомъ, и это, скажу мимоходомъ, служитъ для меня новымъ и весьма сильнымъ подкрѣпленіемъ

---

[1]) Разумѣется, въ европейской части имперіи.

[2]) На это есть даже положительное указаніе въ одномъ древнемъ прологѣ, гдѣ сказано, что Кириллъ упросилъ Меѳодія сопутствовать ему къ Козарамъ, *зане умѣяше языкъ Словѣньскъ* (Бодянск. о вр. происх. Слав. письменъ, 73). Разумѣется, однако, что это мѣсто не можетъ быть принимаемо въ томъ смыслѣ, будто самъ Кириллъ не зналъ по-славянски.

моей мысли, что изобрѣтеніе славянскихъ письменъ совершилось прежде поѣздки въ Козарію, т. е. до 858 года. Извѣстно, что Кириллъ записалъ (разумѣется, по-гречески) содержаніе преній съ магометанами и евреями у Козаръ, и что Меѳодій перевелъ это сочиненіе по-славянски: къ чему бы служилъ такой переводъ, если бы Меѳодій не имѣлъ въ виду оставить Козарамъ, исповѣдывавшимъ частію магометанство, частію іудейство, и подвластнымъ имъ Славянамъ, на письмѣ доводы, которыми Кириллъ въ бесѣдахъ и преніяхъ своихъ опровергалъ ученіе муллъ и раввиновъ? Вѣдь переводъ такого сочиненія для другихъ Славянъ, особенно въ ту эпоху, не имѣлъ бы никакой цѣли, и конечно Меѳодій не взялся бы за него впослѣдствіи, ни въ Болгаріи, гдѣ ему приходилось проповѣдывать христіанство язычникамъ (и отчасти, можетъ быть, противодѣйствовать христіанскимъ же, но еретическимъ толкамъ), ни въ Моравіи, гдѣ опять-таки нужна была не полемика съ жидами и магометанами, а работа для искорененія языческихъ вѣрованій и борьба съ Западнымъ духовенствомъ.

Во всякомъ случаѣ, я считаю несомнѣннымъ то, что Кириллъ и Меѳодій посланы были въ Козарію не только какъ знатоки христіанскаго богословія вообще, а именно какъ люди, спеціально приготовленные къ дѣятельности миссіонеровъ *между Славянами*. Козарская миссія не была постороннимъ эпизодомъ въ жизни апостоловъ славянскихъ; оффиціально назначенная для кагана и его степной, тюркской орды, она въ сущности опиралась на славянской стихіи, подвластной этой ордѣ. При дворѣ кагана успѣхъ былъ не великъ; Козары остались частію іудеями, частію магометанами: но кто знаетъ, не запало ли родное слово проповѣдниковъ славянскихъ гораздо глубже въ душу тѣхъ Славянъ, которыхъ они встрѣчали во время своего пребыванія въ нынѣшней южной Россіи? Весьма понятно, что даже современники, не говоря о потомкахъ, не замѣчали значенія завоеванной славянской стихіи въ краѣ, который носилъ тогда названіе Козаріи и, по господствующему племени, людямъ постороннимъ казался точно землею козарскою; мы знаемъ не мало подобныхъ случаевъ не только въ древней, но и въ новѣйшей исторіи. Однако какимъ образомъ мы объяснимъ то замѣчательное преданіе, что Кириллъ, во время путешествія въ Козарію, нашелъ евангеліе и псалтирь, писанныя *Русскими* письменами, и «человѣка обрѣтъ глаголюща тою (т. е. русскою) бесѣдою и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ, своей бесѣдѣ прикладая различіе письменъ, гласная и согласная, и къ Богу молитву держа, вскорѣ начатъ чисти и сказовати (т. е. читать и говорить)?» Преданіе это, какъ извѣстно, подало поводъ къ различнымъ толкованіямъ и догадкамъ; но, по моему мнѣнію, оно

есть не болѣе, какъ перешедшее въ область легенды воспоминаніе о томъ, что Кириллъ встрѣтившись, по прибытіи изъ Константинополя въ Крымъ, съ Русскимъ [1]) Славяниномъ (или, вѣрнѣе, съ Русскими Славянами) и готовясь въ Херсонѣ къ поѣздкѣ въ козарскія владѣнія, старался въ это время примѣнить свое нарѣчіе и свой переводъ священныхъ книгъ къ языку подвластныхъ Козарамъ Славянъ: а это, разумѣется, въ ту эпоху, было еще весьма легко [2]); Херсонъ же, какъ важнѣйшій городъ Черноморской страны, какъ значительный торговый центръ, не могъ не представить случая къ такому приготовленію. — Недаромъ также на Руси столь упорно держалось мнѣніе, что Кириллъ изобрѣлъ грамоту *для Русскихъ*, что онъ на русскій языкъ переложилъ священныя книги: это мнѣніе имѣло то же основаніе, какъ и то, что грамота славянская изобрѣтена для Моравіи: Кириллъ положилъ основаніе христіанскому просвѣщенію между Славянами, которые, нѣсколько лѣтъ спустя, стали именоваться Русью, точно также какъ онъ положилъ основаніе христіанскому просвѣщенію между Славянами Моравскими: и тѣ и другіе, естественно, могли приписать себѣ ту славу, что они были первоначальными, такъ сказать, виновниками его великаго дѣла.

---

[1]) Разумѣется, Русскими эти Славяне въ то время еще не назывались, и я употребляю это названіе только для краткости, вмѣсто того, чтобы говорить: „юго-восточные Славяне, принявшіе потомъ наименованіе Русскихъ“. Если же въ древнемъ житіи Кирилла говорится о Русскихъ, то это произошло, очевидно, оттого, что во время составленія житія названіе „Русь, Рушьскый“ было уже общеизвѣстнымъ.

[2]) Въ какомъ нибудь другомъ, болѣе буквальномъ смыслѣ (напримѣръ, что у тогдашнихъ Черноморскихъ Славянъ уже существовалъ переводъ евангелія и псалтири, писанный, напримѣръ, глагольскими буквами, какъ думали нѣкоторые), я не могу принять этого сказанія. Полный разборъ вопроса увлекъ бы меня слишкомъ далеко. Укажу только на то, что въ житіи Кирилла, все вообще мѣсто, гдѣ находится приведенное извѣстіе, носитъ на себѣ очевидный отпечатокъ легенды: непосредственно передъ тѣмъ говорится, что онъ выучился въ Херсонѣ языку и книгамъ жидовскимъ, „переложилъ“ (перевелъ) восемь частей грамматики (должно быть, еврейской), выучился также книгамъ Самарянскимъ; а за приведенными словами о Русскихъ книгахъ слѣдуетъ разсказъ о чудесномъ обрѣтеніи въ морѣ мощей св. Климента. Не ясно ли, что когда писалось житіе, историческая дѣятельность Кирилла въ Херсонѣ уже начинала облекаться въ образъ легенды? Это тѣмъ болѣе естественно, что житіе было составлено въ Моравіи или Панноніи: могли ли въ этихъ странахъ свѣдѣнія о дѣятельности проповѣдниковъ славянскихъ на отдаленномъ востокѣ сохранить историческую точность? Могла ли встрѣча Кирилла съ Русскими Славянами и ознакомленіе его съ ихъ нарѣчіемъ, — фактъ весьма простой, но который именно въ исторической своей простотѣ долженъ былъ казаться непонятнымъ въ Моравіи, потому что тамъ едва ли кто подозрѣвалъ значеніе славянской стихіи въ землѣ Козарской, — могъ ли такой фактъ представиться Моравскому жизнеописателю иначе, какъ въ видѣ какого-то чуда, какъ сверхъ естественное проявленіе благодати Божіей? Догадка Шафарика, что Русскій, съ которымъ бесѣдовалъ Кириллъ, былъ Готѳъ, такъ мало соотвѣтствуетъ общему смыслу извѣстія, что я о ней не говорю; да и возможно ли, чтобы Моравскій Славянинъ, писавшій житіе Кирилла, когда славянская Русь уже существовала на Днѣпрѣ, подъ именемъ Русскаго разумѣлъ не Русскаго, а Готѳа?

Еще важнѣе русскаго преданія въ этомъ отношеніи легенда византійская, которая прямо связываетъ дѣло Кирилла съ Русскою землею. Въ этой легендѣ [1]) разсказывается *первое* крещеніе Руси, бывшее (въ 866 году) въ концѣ царствованія Византійскаго императора Михаила III. Самое событіе, т. е. принятіе христіанства нѣкоторыми людьми на Руси въ то время, когда княжили въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ, — самое событіе, я говорю, совершенно достовѣрно: оно утверждается свидѣтельствомъ современнымъ и неопровержимымъ, — окружнымъ посланіемъ патріарха Фотія и другими показаніями. Въ легендѣ оно представлено съ подробностями, которыя частью упоминаются и другими писателями, разсказывающими о томъ же событіи, а частью заимствованы изъ преданій о послѣдующемъ крещеніи Руси при Владимірѣ; но вотъ чѣмъ легенда особенно замѣчательна. Патріархъ Фотій свидѣтельствуетъ въ своемъ окружномъ посланіи, что недавно передъ тѣмъ (т. е. именно около 866 года) къ Руссамъ посланъ былъ епископъ, и что между ними водворилось христіанское богослуженіе; а легенда развиваетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: «Императоръ Василій Македонянинъ [2]), отправилъ къ Руссамъ архіерея, человѣка благочестиваго и добродѣтельнаго, и съ нимъ двухъ мужей, Кирилла и Аѳанасія (не ошибка ли, вмѣсто Меѳодія?), также замѣчательныхъ добродѣтелью и мудростью, и не только исполненныхъ знанія священныхъ книгъ, но и отличавшихся внѣшнею (т. е. свѣтскою) образованностью; они, прибывши туда, стали учить и крестить всѣхъ и приводить къ христіанскому благочестію. Находя же этотъ народъ совершенно варварскимъ и дикимъ, поименованные мужи не были въ состояніи обучить его 24-мъ греческимъ письменамъ, и потому, опасаясь, чтобы онъ не уклонился снова отъ благочестія, изобрѣли для него тридцать пять письменъ и научили его этимъ буквамъ; названія ихъ слѣдующія: азъ, буки и проч. (слѣдуетъ исчисленіе славянскихъ буквъ)». Все это, разумѣется, не исторія, а легенда; но часто легенда хранитъ забытые слѣды исторіи, и въ этомъ смыслѣ я считаю приведенный разсказъ Византійца весьма знаменательнымъ. По моему мнѣнію, въ немъ выражается, спутавшееся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ событій, воспоминаніе о миссіи Кирилла и Меѳодія въ Черноморскія страны и о томъ, что отъ нихъ тогда получили Славяне въ нашемъ отечествѣ первые начатки грамотности и христіанства.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди Кирилла и Меѳодія въ Козаріи, положеніе тамошнихъ Славянъ измѣнилось. Часть этихъ Славянъ промѣняла подданство хакану Козарскому на власть новыхъ

[1]) Anonymus Bandurii.

[2]) Вступившій на престолъ въ 867 году.

пришельцевъ съ далекаго сѣвера. Варяги Аскольдъ и Диръ стали княжить въ Кіевѣ. Эти удалые витязи поплыли на Константинополь и осадили его; ихъ попытка не удалась, корабли ихъ были разсѣяны бурею. А вскорѣ за тѣмъ къ Греческому императору пріѣзжаетъ изъ Русской земли мирное посольство, съ извѣщеніемъ, что Руссы желаютъ креститься. Къ нимъ, какъ я сказалъ, отправляютъ епископа, и христіанство начинаетъ водворяться на Руси. Наши, но довольно поздніе, источники утверждаютъ, что крестился и самъ князь Кіевскій Аскольдъ, и хотя о томъ умалчиваетъ лѣтопись Несторова, однако, какъ она вообще не упоминаетъ о тогдашнемъ крещеніи Руси, —засвидѣтельствованномъ впрочемъ достовѣрными современными показаніями — то это можетъ быть приписано только случайному забвенію факта; да и въ самой Несторовой лѣтописи есть такое извѣстіе, которое объясняется только тѣмъ, что Аскольдъ сдѣлался христіаниномъ [1]). Потомъ является Олегъ какъ бы представителемъ языческой реакціи между южно-русскими Славянами. Но уже при Игорѣ христіанство на Руси почти равносильно язычеству [2]), уже при Игорѣ есть въ Кіевѣ соборная церковь. Эти послѣдніе факты, при отсутствіи въ то время на Руси какихъ либо внѣшнихъ побужденій или постороннихъ усилій въ пользу христіанской вѣры [3]), не могли развиться вдругъ, и непремѣнно предполагаютъ многолѣтнее, постепенное возрастаніе въ народѣ христіанства, со времени перваго крещенія при Аскольдѣ; они предполагаютъ также, что это первое крещеніе было болѣе, чѣмъ мимолетною прихотью какого нибудь правителя (Аскольдъ же и погибъ вскорѣ), и что были въ самомъ народѣ люди, которые, принявъ новую вѣру, стали ея держаться даже при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Какъ же намъ судить объ этомъ первомъ крещеніи Руси, совершившемся при Аскольдѣ, около 866 года, менѣе десяти лѣтъ спустя послѣ проповѣди Кирилла и Меѳодія въ странахъ Черноморскихъ? Должны ли мы предполагать, что между этими двумя событіями не было никакой связи, что мысль принять христіанство явилась вдругъ, какъ нибудь случайно, Аскольду или кому либо другому на Руси, послѣ неудачнаго похода на Константинополь, можетъ быть для того, чтобы задобрить Грековъ (хотя они, впрочемъ, были неопасны для Русскихъ и не могли помышлять о мщеніи)? Или же событіе это было плодомъ предварительнаго знакомства южно-русскихъ Славянъ съ христіанствомъ, плодомъ путешествія апостоловъ славянскихъ въ Козарскую державу, гдѣ они,

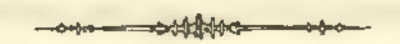
[1]) Именно, что надъ его могилою построена была церковь.
[2]) См. договоръ Игоря съ Греками.
[3]) Правители были язычники; иностранныхъ проповѣдниковъ евангелія на Руси, сколько мы знаемъ, тогда не было.

по словамъ житія, обратили 200 человѣкъ и выхлопотали у кагана свободу христіанскаго вѣроисповѣданія въ его областяхъ? И если, какъ весьма вѣроятно, принялъ христіанство самъ варяжскій князь Аскольдъ, то не было ли его рѣшеніе послѣдствіемъ того, что онъ нашелъ уже между Славянами Приднѣпровскими исповѣдниковъ новой религіи, и ихъ-то, можетъ быть, надѣялся сдѣлать опорою новаго порядка вещей, созданнаго у этихъ Славянъ варяжскими пришельцами? Я ставлю эти вопросы, но не берусь отвѣчать на нихъ, и не знаю данныхъ для ихъ рѣшенія. Скажу только, что второе предположеніе, т. е. что крещеніе Руси при Аскольдѣ имѣло прямую связь съ предшествовавшею проповѣдью Кирилла и Меѳодія въ Козарскихъ владѣніяхъ, кажется мнѣ, на сколько могу судить при тѣхъ данныхъ, которыми мы теперь располагаемъ, наиболѣе естественнымъ и потому наиболѣе вѣроятнымъ. Замѣчательно, что въ древнѣйшей, дошедшей до насъ, русской проповѣди, въ словѣ Иларіона о законѣ и благодати, великій князь Владиміръ нѣсколько разъ названъ *каганомъ*: я умѣю объяснить себѣ употребленіе этого иноземнаго и иновѣрческаго титула въ *церковномъ* сочиненіи русскаго проповѣдника, писавшаго свою «похвалу кагану нашему Владимеру» въ такое время, когда о дѣйствительномъ козарскомъ вліяніи не могло быть и помину,— я умѣю объяснить себѣ это только при томъ предположеніи, что титулъ государей Козарскихъ уже освященъ былъ на Руси церковнымъ преданіемъ; а это вело бы церковное преданіе Руси прямо къ проповѣдникамъ у Козарскаго кагана, къ Кириллу и Меѳодію.

Во всякомъ случаѣ, признаемъ ли мы, что христіанство на Руси ведетъ свое начало непосредственно отъ личнаго дѣйствія Кирилла и Меѳодія въ южномъ краѣ нашего отечества, или отвергнемъ эту мысль,—историческій фактъ остается несомнѣненъ: Кириллъ и Меѳодій проповѣдывали Славянамъ въ нашемъ отечествѣ, и именно славянская стихія въ державѣ кагана Козарскаго обусловливала ихъ миссію въ этотъ дальній край. Россія, вмѣстѣ съ Сербами и Болгарами, есть наслѣдница дѣла Кирилла и Меѳодія, — того дѣла, для котораго они трудились, преимущественно между Славянами западными, но котораго западные Славяне не въ силахъ были отстоять отъ враговъ. По мысли и духу, Кириллъ и Меѳодій принадлежатъ намъ, и безъ насъ давно не осталось бы помину о славянской грамотѣ, славянскомъ богослуженіи, о духовной самобытности Славянъ, обо всемъ томъ, чему посвятили жизнь свою первые просвѣтители Славянскихъ народовъ. Но, признавая себя, по мысли и духу, наслѣдниками дѣла Кирилла и Меѳодія, мы привыкли считать ихъ, въ матеріальномъ, такъ сказать, смыслѣ, чуждыми землѣ нашей; придерживаясь нѣсколько односторонняго взгляда западныхъ Славянъ на ихъ дѣятельность, мы привыкли

думать, что при жизни своей Кириллъ и Меѳодій не имѣли случая дѣйствовать на Славянъ восточныхъ, на предковъ *нашего* народа, что слово Кирилла и Меѳодія вовсе ихъ не коснулось. На Западѣ въ послѣднее время нѣкоторые писатели, прикрывающіе исторіею цѣли политическо-религіозныя (Штульцъ, Гинцель и др.), старались все болѣе и болѣе съузить кругъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія и присвоить ее единственно Славянамъ западнымъ, нынѣ принадлежащимъ къ церкви латинской; а съ другой стороны, ученые, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, каковы Шафарикъ, Ганушъ, у насъ Макарій, Филаретъ, Бодянскій и др., вывели тотъ же результатъ изъ безпристрастныхъ, строго научныхъ, изысканій, въ которыхъ они, однако же, можетъ быть, слишкомъ исключительно сосредоточивались на буквѣ того или другаго древняго сказанія, всегда болѣе или менѣе односторонняго. Въ недавнее еще время полагали, на основаніи сличенія всѣхъ разнообразныхъ историческихъ данныхъ, что дѣятельность Кирилла и Меѳодія началась среди Славянъ Македонскихъ, что затѣмъ ею воспользовалась Болгарія въ собственномъ смыслѣ, и что наконецъ она перенесена была на западъ, въ Моравію и Паннонію, откуда коснулась, съ одной стороны, Хорватіи и Далмаціи, съ другой — Чехіи и южной части Польши: таковъ былъ и первоначальный взглядъ Шафарика; впослѣдствіи же, придерживаясь исключительно текста Паннонскихъ житій, ученые, въ томъ числѣ и самъ Шафарикъ, стали утверждать, что Кириллъ и Меѳодій единственно для западныхъ Славянъ изобрѣли письмена и перевели священное писаніе, только этихъ славянъ, при жизни своей, имѣли въ виду. Изъ представленныхъ мною соображеній можно было, надѣюсь, убѣдиться, какъ мало такой взглядъ согласенъ и съ древними свидѣтельствами, и съ общимъ ходомъ событій, и съ указаніями языка. Но мало того, что слѣдуетъ возвратиться къ прежнему мнѣнію и поставить Македонію и Болгарію наряду съ землями западныхъ Славянъ въ кругу апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія; надобно въ этотъ кругъ включить и Славянъ восточныхъ, принявшихъ потомъ названіе Руси; надобно признать, что и Русскій Славянинъ, вмѣстѣ съ Славяниномъ Македонскимъ и Болгарскимъ, вмѣстѣ съ Моравцемъ, Чехомъ и Полякомъ, былъ призванъ къ христіанскому просвѣщенію Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ этомъ, насколько я понимаю сохранившіяся свидѣтельства, сомнѣнія быть не можетъ, и вопросъ заключается только въ томъ: сохранилось ли ученіе просвѣтителей Славянскихъ на Руси преемственно и было непосредственнымъ источникомъ той христіанской жизни у Славянъ южно-русскихъ, которая, нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди апостоловъ славянскихъ въ южныхъ предѣлахъ земли нашей, проявилась первымъ крещеніемъ Руси при Аскольдѣ, и

которую мы потомъ видимъ значительно развитою при Игорѣ,—или же дѣло Кирилла и Меѳодія исчезло безслѣдно послѣ ихъ отъѣзда изъ Козаріи и возстановлено было въ тѣхъ краяхъ новыми проповѣдниками. Даже въ этомъ послѣднемъ предположеніи, которое, какъ мнѣ кажется, менѣе вѣроятно, вліяніе Кирилла на Русь не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію: ибо какъ епископа для Руси, по просьбѣ тамошнихъ правителей, долженъ былъ назначить патріархъ Фотій, то онъ, наставникъ и другъ Кирилла, едва ли бы отправилъ къ новообращавшемуся славянскому народу другаго проповѣдника, какъ кого либо изъ учениковъ изобрѣтателя славянской азбуки, устроителя славянскаго богослуженія; Кириллъ же былъ тогда еще въ живыхъ.

III.

Кириллица ли изобрѣтена Кирилломъ?

Я упоминалъ о томъ, какъ въ послѣднее время нѣкоторые писатели, частью изъ цѣлей полемическихъ, частью на основаніи ученаго, но едва ли достаточно всесторонняго разбора древнихъ текстовъ,— хотѣли съузить кругъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія и присвоить ее исключительно Западно-Славянскимъ землямъ. На этомъ не остановились; иные пошли далѣе и сдѣлали попытки отнять у Кирилла и Меѳодія то, чѣмъ Русь, Сербы, Болгары въ теченіе вѣковъ считаютъ себя имъ обязанными: письмена, называемыя кирилловскими, и тотъ переводъ священныхъ книгъ, который послужилъ основаніемъ богослуженія и исходной точкой литературы у всѣхъ Славянъ, принадлежащихъ къ Восточной церкви. Вмѣсто *этого* дѣла, стали приписывать Кириллу и Меѳодію грамоту, извѣстную подъ именемъ *глагольской*, которая по причинѣ своего неудобства и безобразія не могла имѣть ходу между Славянами и состояла, съ половины XIII вѣка, подъ особеннымъ покровительствомъ Римскаго двора. Это мнѣніе очевидно можетъ служить орудіемъ политическо-религіознымъ; не даромъ оно, ведя свое начало отъ глубоко-ученаго, но, можетъ быть, не совсѣмъ чуждаго подобныхъ стремленій Копитара, принято на вѣру писателями, защищающими у западныхъ Славянъ римскіе интересы. Но теперь мнѣніе это стоитъ въ наукѣ не только какъ посторонняя ей гипотеза: нѣтъ, оно явилось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подкрѣпленное всею силою авторитета Шафарика, который посвятилъ ему свое послѣднее сочиненіе (писанное, вопреки его прежнему обыкновенію, по-нѣмецки). Такимъ образомъ, предположеніе, что первоучителямъ славянскимъ принадлежитъ не наша письменность, а письменность глагольская, наша же, такъ называемая теперь Кирилловская грамота, изобрѣтена не Кирилломъ, а однимъ изъ его учениковъ (Климентомъ Болгарскимъ), получило большую важность. Оно важно въ двоякомъ смыслѣ: и какъ вопросъ чисто-ученый, отъ рѣшенія котораго многое зависитъ въ пониманіи древней исторіи и литературы славянской, и какъ вопросъ, такъ сказать, народный, вопросъ о томъ, имѣло ли ду-

ховное просвѣщеніе одинъ общій источникъ, однихъ родоначальниковъ у всѣхъ славянскихъ народовъ, или же Русь, Болгарія, Сербія, однимъ словомъ, православный Славянскій міръ былъ съ самаго начала въ раздвоеніи съ Славянами западными, а люди, которыхъ всѣ Славяне привыкли считать своими общими просвѣтителями, въ дѣйствительности послужили только Славянамъ Латинской церкви, и то неудачною попыткою самостоятельной письменности?

Еслибы послѣднее предположеніе, на основаніи доводовъ Шафарика, было признано вѣрнымъ, то мы не имѣли бы никакого права и никакой надобности признавать Кирилла и Меѳодія своими. Когда мы произносимъ ихъ имена, какъ нашихъ первоучителей, мы должны прежде всего уяснить себѣ вопросъ о глаголицѣ. Необходимо, чтобы и люди, не охотно углубляющіеся въ отвлеченные ученые споры, но которыхъ занимаютъ интересы славянскіе, дали себѣ отчетъ въ томъ: справедливо ли, что Кириллъ и Меѳодій были творцами нашей, называемой кирилловскою, грамоты и письменности нашей, что грамота и письменность наши были первоначально общимъ достояніемъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, или это есть старый предразсудокъ и заблужденіе?

Вотъ почему, не смотря на всю сухость темы, я долженъ представить основныя положенія этого вопроса. Постараюсь показать его, по возможности, со всѣхъ сторонъ, чтобы въ такомъ предметѣ, — отъ пониманія котораго зависитъ весь взглядъ нашъ на значеніе Кирилла и Меѳодія, весь смыслъ ихъ дѣла, — чтобы въ такомъ предметѣ не устранить никакого, сколько нибудь значительнаго обстоятельства. Я принужденъ ограничиться только самыми существенными чертами: задача, можетъ быть, довольно трудная — изложить въ предѣлахъ краткой статьи ученый споръ, для котораго нужна бы была цѣлая монографія. Но дѣлать нечего: приступимъ къ этой задачѣ въ краткой статьѣ, когда рѣшеніе вопроса намъ нужно, а въ книгахъ онъ не рѣшенъ. Прошло уже четыре года [1]), какъ Шафарикъ и Ганушъ освятили своимъ ученымъ авторитетомъ мнѣніе объ изобрѣтеніи Кирилломъ и Меѳодіемъ письма глагольскаго, и до сихъ поръ никто между западными Славянами не представилъ серьезнаго возраженія. У насъ Шафарику возразилъ весьма дѣльно и обстоятельно г. Викторовъ; но его цѣль была исключительно — критика доводовъ Шафарика, а не полное обсужденіе вопроса, и къ сожалѣнію, его ученыя изслѣдованія прошли въ Русской литературѣ почти незамѣченными, а другимъ Славянамъ, кажется, даже вовсе неизвѣстны. Такимъ образомъ, перевѣсъ остается до сихъ поръ рѣшительно на сторонѣ гла-

---

[1]) Писано въ 1862 году.

голитскаго ученія, особенно у западныхъ Славянъ: теорія Шафарика и Гануша является, въ настоящее время, какъ послѣдній выводъ науки; неспеціалисты принимаютъ ее со словъ ученыхъ. А что, если теорія окажется не выводомъ науки, а плодомъ софизмовъ? Но къ дѣлу.

1) Извѣстно, что кирилловская азбука состоитъ изъ 24 буквъ греческаго алфавита и прибавленныхъ къ нимъ знаковъ для звуковъ, чуждыхъ греческому языку и свойственныхъ славянскому, и что азбука глагольская, вполнѣ соотвѣтствуя кириллицѣ системой выраженія звуковъ и порядкомъ буквъ, отличается отъ нея только оригинальнымъ, весьма вычурнымъ, ихъ начертаніемъ. Есть ли какая нибудь вѣроятность, чтобы Кириллъ, Грекъ родомъ [1]) и воспитаніемъ, выросшій и начавшій свою дѣятельность среди такихъ Славянъ, часть

---

[1]) Называя Кирилла и Меѳодія Греками, я этимъ однакоже не рѣшаю, происходили ли они отъ эллинской или, можетъ быть, отъ славянской крови. Вопросъ этотъ не имѣетъ существеннаго значенія и едва ли можетъ быть рѣшенъ при извѣстныхъ намъ данныхъ. Одно краткое житіе прямо называетъ Кирилла Болгариномъ (это то̀ самое житіе, въ которомъ находится замѣчательное свидѣтельство о *Брегальницѣ*, — краѣ Македоніи, — какъ той мѣстности, гдѣ Кириллъ сталъ впервые проповѣдывать Славянамъ и принялся за составленіе для нихъ книгъ: житіе это, найденное мною въ Призренѣ, напечатано въ VI т., 5 выпуска Извѣстій II отд. Акад. Наукъ. Такое показаніе не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго и можетъ быть согласовано съ другими источниками, гдѣ Кириллъ и Меѳодій названы Греками. Достовѣрно то, что они были сыновья человѣка, занимавшаго важную военную должность въ Солунѣ, городѣ, который служилъ въ ту эпоху убѣжищемъ и средоточіемъ греческой стихіи въ Македоніи. Достовѣрно то, что Кириллъ (Константинъ) еще въ молодости былъ взятъ къ Константинопольскому двору и тамъ получилъ образованіе; достовѣрно то, что Меѳодій занималъ высшую еще, чѣмъ его отецъ, военно-правительственную должность. Такимъ образомъ, если и можно допустить предположеніе, что въ жилахъ Кирилла и Меѳодія текла славянская кровь, то все-таки они уже не были Славяне, а Византійцы. Подобныхъ примѣровъ мы знаемъ много, особенно въ первые вѣка Византійскаго государства: императоръ Юстиніанъ, — также, по всей вѣроятности, Велисарій, — патріархъ Никита въ VIII вѣкѣ, императоръ Василій Македонянинъ, современникъ Кирилла и Меѳодія, и другіе. — Славяне по происхожденію, люди эти однако вполнѣ принадлежатъ Греческой Византіи. И такъ, относительно Кирилла и Меѳодія, мы въ правѣ признать *возможнымъ* и до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, что и они, какъ поименованныя мною лица и многіе другіе знатные Византійцы, были славянскаго происхожденія; мы должны признать *достовѣрнымъ*, что славянскій языкъ они знали какъ свой родной, еще когда жили въ отцовскомъ домѣ въ Солунѣ (на это указываетъ и древнее житіе); но съ другой стороны, мы должны признать *достовѣрнымъ* и то, что уже отецъ ихъ не принадлежалъ *народу* славянскому, что они были и считали себя Греками. Было бы крайнею несправедливостью, на основаніи догадки о славянскомъ происхожденіи Кирилла и Меѳодія, отнимать у греческой Византіи ихъ великій, безсмертный подвигъ для Славянъ. Подвигъ этотъ принадлежитъ греческой Византіи, въ средѣ которой Кириллъ и Меѳодій родились и выросли, которая дала имъ образованіе, которая воспитала въ нихъ духъ древняго христіанскаго апостольства: надобно помнить, что Византія, подъ корою бездушія и разврата языческаго Рима и среди начинавшихъ пробиваться въ ней новыхъ ростковъ эгоистической національной исключительности эллинской, еще хранила въ то время чистую струю христіанскаго братства, всеобъемлющей христіанской любви.

которыхъ уже обращена была Греками и пользовалась греческимъ алфавитомъ [1]), не пришелъ къ простой мысли — организовать этотъ алфавитъ примѣнительно къ славянскимъ звукамъ, а вмѣсто того вздумалъ замѣнять готовыя и уже извѣстныя Славянамъ буквы *а, в, г, д,* и проч. новыми, странными начертаніями? Воспитанникъ энциклопедически-ученаго Фотія, онъ не могъ не знать о томъ, какъ одна и та же историческая азбука переходила, совершенствуясь, отъ народа къ народу; онъ не могъ не знать изъ церковной исторіи объ Ульфилѣ, который, въ тѣхъ же почти мѣстахъ, гдѣ онъ самъ готовился дѣйствовать, примѣнилъ греческую же азбуку къ потребностямъ языка Готовъ.

2) Азбука кирилловская, какъ *первый* изобрѣтенный алфавитъ славянскій, имѣетъ характеръ совершенно раціональный: историческая, основная часть ея, азбука греческая, оставлена при томъ же расположеніи буквъ, какое въ ней было, не смотря на видимый ихъ безпорядокъ; изъ буквъ прибавочныхъ, близкія по звуку къ Греческимъ поставлены подлѣ ихъ, *б* передъ *в*, *ж* и ѕ (читалось первоначально какъ *дз*) [2]) предъ *з*, всѣ остальныя помѣщены послѣ греческихъ буквъ, а на самый конецъ отнесены тѣ знаки [3]), которые сохранены какъ наслѣдство греческой азбуки, но для славянскаго языка вовсе не пригодны. Глагольская азбука, какъ я сказалъ, совпадаетъ съ кириллицей, какъ относительно порядка буквъ, такъ и самой системы выраженія звуковъ. И того и другаго нельзя бы было объяснить, если бы она была созданіемъ первоначальнымъ и самобытнымъ, а не сколкомъ съ готовой уже азбуки кирилловской; иначе изобрѣтатель, позволивъ себѣ полный разгулъ фантазіи въ начертаніи буквъ, никакъ не сталъ бы въ расположеніи ихъ придерживаться того порядка, который имѣетъ смыслъ только при сохраненіи самой азбуки, гдѣ этотъ порядокъ образовался исторически, а въ системѣ выраженія звуковъ онъ, конечно, позволилъ бы себѣ бо́льшія отступленія отъ греческой, нежели сколько могъ желать тотъ, кто примѣнялъ греческій алфавитъ

---

[1]) По этому самому, защитники глаголитской теоріи *непремѣнно* отвергаютъ всю, предшествовавшую поѣздкѣ въ Моравію, дѣятельность Кирилла и Меѳодія между Славянами. Выше я старался показать ложность такого взгляда.

[2]) Замѣчу кстати, что буква ѕ имѣетъ значеніе *только* для нарѣчія Македонскихъ Болгаръ: они донынѣ выговариваютъ не *з*, а *дз*, гдѣ въ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятникахъ пишется *зѣло*, напр. дзвѣзда, бладзѣ, т. е. благо и т. п. Присутствіе этой буквы въ глаголицѣ, — носящей на себѣ, какъ лучше всѣхъ показалъ самъ Шафарикъ, отпечатокъ западнаго происхожденія, и гдѣ потому самому такая буква была совсѣмъ не нужна, подтверждаетъ то, что глаголица есть сколокъ съ кирилловской азбуки. Разумѣется, это *дз*, которое изображалось древнимъ *зѣло*, не имѣетъ ничего общаго съ польскимъ и бѣлорусскимъ смягченнымъ *дз*, позднѣйшею формаціею изъ звука *д*.

[3]) Кси, пси, ѳита, ижица.

къ нуждамъ языка славянскаго. Какъ сколокъ съ кириллицы, глагольская азбука получаетъ смыслъ; какъ алфавитъ, самостоятельно изобрѣтенный, она немыслима [1]).

3) Относительно выраженія буквами цифръ, кирилловская азбука придерживается *исторической* системы, завѣщанной Греками, такъ что новыя, исключительно славянскія, буквы, въ ней не выражаютъ цифръ (*а* значитъ 1, *в* — 2, *г* — 3 и т. д.); глагольская азбука придерживается системы *логической*, цифры изображаются буквами подъ-рядъ (*а* — 1, *б* — 2, *в* — 3, *г* — 4 и т. д.). Есть ли малѣйшій смыслъ въ томъ предположеніи, что послѣдняя система предшествовала у Славянъ первой, что отъ новаго, логическаго порядка въ соотвѣтствіи цифръ буквамъ, вздумали возвратиться къ старому историческому?

4) Въ глагольской азбукѣ противъ кирилловской прибавлена только одна буква, именно смягченное *д* (такъ называемое *дервъ*): этотъ звукъ составляетъ существенный признакъ нарѣчія Славянъ Приадріатическихъ, которые съ весьма древнихъ временъ включили для него начертаніе и въ кириллицу; а извѣстно, что Кириллъ именно между этими Славянами никогда не жилъ и стало быть на ихъ нарѣчіи не могъ писать; въ нарѣчіи же Славянъ Македонскихъ, которое было для Кирилла какъ родное [2]), это смягченное *д* не существуетъ.

5) Самое древнее, полное и достовѣрное свидѣтельство, какое существуетъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ, сказаніе Храбра, указываетъ именно на кириллицу, какъ на ту азбуку, которую изобрѣлъ Кириллъ. Тамъ говорится, что «Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, сотворилъ Славянамъ письмена, 38 числомъ, одни *по чину греческихъ письменъ, другія же по славянской рѣчи*»; что онъ поступилъ въ отношеніи къ письменамъ греческимъ точно также, какъ Греки къ письменамъ жидовскимъ [3]), что изъ славянскихъ 38 буквъ 24 *подобны греческимъ письменамъ*, именно *а*, *в*, *г* и т. дал. (исчисляются всѣ буквы, перешедшія въ кириллицу изъ греческаго алфавита), а 14 «*по словѣньску языку*», именно *б*, *ж* и проч. Что мо-

---

[1]) Это ужъ было ясно сознано и выражено ученымъ и безпристрастнымъ Нѣмцемъ Шлейхеромъ.

[2]) „Вы бо еста Селунянина, да Селуняне все чисто словеньски бесѣдуютъ", говорилъ императоръ Михаилъ Кириллу и Меѳодію, отправляя ихъ въ Моравію (см. житіе Меѳодія): очевидно, что нарѣчіе славянское, которое они знали *какъ Солуняне*, было нарѣчіе македонское.

[3]) Вѣрнѣе финикійскимъ, какъ говоритъ далѣе самъ Храбръ. Какъ ясно высказывается въ этихъ словахъ сознаніе Славянина, писавшаго въ началѣ X вѣка, что азбука, изобрѣтенная Кирилломъ, была развитіемъ и примѣненіемъ азбуки Греческой, точно также, какъ греческая — финикійской!

жетъ, кажется, быть яснѣе и убѣдительнѣе и, въ виду такого свидѣтельства, можно ли толковать о томъ, что Кириллъ былъ изобрѣтателемъ азбуки, въ которой именно нѣтъ письменъ, подобныхъ греческимъ? [1])

6) Главное показаніе, на коемъ зиждется вся теорія тѣхъ, которые приписываютъ Кириллу азбуку глагольскую, принадлежитъ краткой греческой похвалѣ св. Клименту, архіепископу Болгарскому: тамъ говорится, что Климентъ «придумалъ другія начертанія письменъ для большей ясности, чѣмъ тѣ, которыя изобрѣлъ мудрый Кириллъ». Изъ этого выводятъ, что Климентъ (одинъ изъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, дѣйствовавшій въ Болгаріи въ послѣднихъ годахъ IX-го и въ началѣ X вѣка), былъ творцомъ новой славянской азбуки, замѣнившей первоначальную Кириллову глаголицу,—именно нашей такъ называемой кириллицы, ибо 1) кириллица дѣйствительно яснѣе глагольской азбуки, и 2) Климентъ жилъ и писалъ между Славянами, подчиненными греческому вліянію (тогда какъ дѣятельность Кирилла, предполагается при этомъ, принадлежала только Славянамъ западнымъ).

Жаль однако, что ученые, какъ Шафарикъ, Ганушъ и др., опирающіе свою теорію на этомъ текстѣ, приняли его на вѣру, не подвергнувъ предварительно критикѣ. А критика тутъ сказала бы многое. Надобно замѣтить, что мы имѣемъ два греческихъ сказанія о Климентѣ Болгарскомъ: одно пространное, первоначальный текстъ котораго принадлежитъ, какъ видно, одному изъ учениковъ Климента, а дошедшая до насъ греческая редакція — знаменитому писателю XI вѣка, архіепископу Ѳеофилакту,—и краткую похвалу (или такъ называемое проложное житіе), гдѣ находится приведенное выше извѣстіе [2]).

Первое описываетъ жизнь св. Климента весьма подробно и носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрнаго историческаго повѣствованія; а въ немъ-то нѣтъ ни слова про изобрѣтеніе Климентомъ азбуки; онъ пред-

---

[1]) Для того, чтобы отдѣлаться отъ простаго и очевиднаго смысла Храброва сказанія, Шафарикъ и Ганушъ принуждены были прибѣгнуть къ удивительнѣйшимъ натяжкамъ и напр. утверждать, будто Храбръ, говоря объ изобрѣтеніи Кирилломъ *письменъ*, разумѣлъ собственно не *письмена*, а звуки, изъ которыхъ 24 будто оказались „по подобію греческихъ письменъ". Тяжело видѣть, какъ человѣка, подобнаго Шафарику, idée fixe могла привести къ *такого рода* несообразности: оставляя въ сторонѣ странность предположенія, что Храбръ писалъ не то, что хотѣлъ сказать, какъ же Кириллъ въ славянскихъ *звукахъ* могъ найти „подобіе 24 греческимъ письменамъ", когда въ числѣ этихъ письменъ есть и лишнее *и* и лишнее *о* (омега), и *ф*, и ѳита, и кси, пси, и ижица, — являющіяся не только въ кирилловской азбукѣ, но (за исключеніемъ двухъ предпослѣднихъ) и въ самостоятельной будто бы глаголицѣ?

[2]) Рукопись, въ которой она найдена, принадлежитъ XIII или XIV вѣку.

ставляется, напротивъ, ревностнѣйшимъ поборникомъ и распространителемъ той письменности, начало которой положено было Кирилломъ и Меѳодіемъ. Уже это [1]) бросаетъ тѣнь недовѣрія на свидѣтельство, заключающееся въ краткой похвалѣ Клименту. Похвала эта, какъ и бо́льшая часть подобнаго рода произведеній литературы, не есть сочиненіе самостоятельное, а извлеченіе изъ пространнаго житія (на которое ссылается и самъ авторъ ея), извлеченіе, писанное съ извѣстными и, такъ сказать, установленными пріемами риторической амплификаціи. Въ началѣ похвалы говорится, напримѣръ, о Болгарахъ, что они во время о́но жили у горы Олимпа въ Малой Азіи и оттуда прогнаны были Александромъ Великимъ къ Сѣверному океану. Вотъ какъ безцеремонно авторъ обращается съ исторіею. Непосредственно за извѣстіемъ о составленіи Климентомъ какихъ-то новыхъ начертаній, сказано, что онъ перевелъ *все* священное писаніе, и похвальныя слова, и житія мучениковъ и святыхъ, и священныя пѣснопѣнія. Напротивъ того, пространное житіе, указывая опредѣлительно на письменныя работы Климента, вовсе не приписываетъ ему такого громаднаго труда, который былъ бы не подъ силу одному человѣку. Тамъ сказано, что ему принадлежатъ краткія слова,—похвалы и поученія,—на праздники господскіе, богородичные, крестителя, апостоловъ и святыхъ, — а равно переводъ Цвѣтной Тріоди. Вотъ до какой степени составитель похвалы преувеличивалъ то, что находилъ въ своемъ оригиналѣ. Но откуда же взялось извѣстіе о составленіи Климентомъ новыхъ письменныхъ знаковъ? Мнѣ кажется, дѣло объясняется весьма просто. Въ пространномъ житіи находится мѣсто, гдѣ авторъ, какъ очевидецъ трудовъ Климента, разсказываетъ, что Климентъ никогда не былъ празднымъ, но частію училъ мальчиковъ, «однимъ указывая *начертаніе письменъ*, другимъ *объясняя* смыслъ написаннаго, инымъ образуя руку для письма», частію же занимался чтеніемъ или писаніемъ книгъ и т. п. Вотъ это мѣсто, гдѣ говорится про обученіе *начертанію письменъ* и *объясненіе* ихъ смысла, осталось, какъ видно, въ памяти сочинителя, извлекавшаго изъ пространнаго житія краткую риторическую похвалу болгарскому святому, и вслѣдствіе обычной амплификаціи перешло подъ его перомъ въ фразу объ изобрѣтеніи *начертаній письменъ* для бо́льшей *ясности*. На это указываетъ сходство подчеркнутыхъ мною выраженій въ обоихъ мѣстахъ [2]); но главное, вотъ что придаетъ представленной здѣсь догадкѣ такую степень вѣроятности, которая въ моихъ гла-

[1]) Замѣчательно, что и Шафарикъ и Ганушъ обходятъ молчаніемъ столь важное обстоятельство.

[2]) Въ пространномъ житіи: γραμμάτων χαρακτῆρας; σαφηνίζων, а въ краткой похвалѣ: χαρακτῆρας γραμμάτων; σαφέστερον.

захъ равняется полной достовѣрности. Въ краткой похвалѣ Клименту соблюденъ точь-въ-точь, во всей этой части повѣствованія, тотъ самый порядокъ изложенія, какой находится въ пространномъ житіи. Послѣднее разсказываетъ о томъ, какое покровительство Болгарскій государь Михаилъ-Борисъ оказалъ Клименту, и затѣмъ изображаетъ неутомимую ревность этого святителя; тутъ слѣдуютъ приведенныя мною слова объ его трудахъ какъ наставника юношества и писателя; далѣе говорится о множествѣ учениковъ, имъ образованныхъ и проч. Каждому изъ этихъ параграфовъ соотвѣтствуетъ фраза въ краткой похвалѣ, и фраза о составленіи Климентомъ новыхъ «начертаній письменъ для бо́льшей ясности» занимаетъ въ ходѣ разсказа то именно мѣсто, гдѣ въ пространномъ житіи сказано просто про обученіе «начертанію письменъ и объясненіе ихъ смысла». — Таково главное свидѣтельство, на которомъ думали опереть теорію, что Климентомъ изобрѣтена новая славянская азбука; пусть читатель посудитъ, можетъ ли оно быть принято безпристрастной критикой? А что сказать про тѣ историческія соображенія, которыя приводятся Шафарикомъ и его послѣдователями какъ доказательство, что этотъ мнимый новый алфавитъ, придуманный Климентомъ, былъ именно алфавитъ греко-славянскій, т. е. наша кириллица, и что, значитъ, глагольская азбука принадлежитъ Кириллу? Они говорятъ, что какъ Климентъ трудился между Славянами Болгарскими, подчиненными Греческой церкви и греческому вліянію, то господству этого вліянія должно приписать мысль о примѣненіи греческаго алфавита къ языку славянскому, тогда какъ Кириллъ и Меѳодій, дѣйствовавшіе между Славянами западными, не имѣли къ тому повода. Я спрашиваю: въ комъ вѣроятнѣе предполагать вліяніе греческое, въ Кириллѣ ли и Меѳодіи, которые были родомъ Греки, изъ которыхъ первый образовался въ Константинополѣ, а второй долго служилъ Византійскому царю, долго жилъ въ греческомъ монастырѣ,—или въ Климентѣ, родомъ Болгаринѣ, получившемъ образованіе подъ руководствомъ Меѳодія въ Моравіи? И въ какое время вѣроятнѣе предполагать греческое вліяніе у Болгарскихъ Славянъ: въ то ли время, когда начали между ними свою проповѣдь Кириллъ и Меѳодій и когда Болгаріей правилъ миролюбивый Михаилъ-Борисъ, столь замѣчательно уступчивый Византійскому двору, что это можетъ быть объяснено только соединеніемъ слабости характера съ преданностью новообращеннаго христіанина своему духовному отцу [1])—или въ эпоху святительской дѣятельности Климента въ Болгаріи, когда государемъ былъ сынъ Борисовъ Симеонъ [2]), заклятый врагъ Византіи, не переставав-

[1]) Греческій императоръ Михаилъ былъ его воспріемникомъ.

[2]) Первые годы дѣятельности Климента въ Болгаріи, по возвращеніи его изъ Мо-

шій воевать съ нею и завершившій эту многолѣтнюю борьбу своимъ блистательнымъ походомъ подъ стѣны Константинополя?

Я разобралъ оба важнѣйшихъ текста, относящихся къ спору о томъ, которая изъ двухъ древнихъ славянскихъ азбукъ изобрѣтена первоучителемъ Кирилломъ. Одинъ изъ этихъ текстовъ прямо и положительно указываетъ на кириллицу; другой, принимаемый за основаніе противоположнаго мнѣнія, падаетъ при первомъ прикосновеніи критики. Остальные, приводимые въ этомъ ученомъ спорѣ, тексты имѣютъ значеніе только второстепенное, и если поборники глаголитской теоріи находили въ нихъ, такъ или иначе, намекъ въ пользу своего мнѣнія, то это проистекало лишь отъ недоразумѣнія, или же требовало натяжекъ, иногда доходившихъ (говорю особенно о сочиненіи г. Гануша) до смѣшнаго. Вотъ примѣръ подобнаго недоразумѣнія. Шафарикъ придаетъ особенную важность фразѣ, встрѣчающейся въ одной похвалѣ Кириллу: «не на тужемь (т. е. чужомъ) основаніи свое дѣло полагающа, но изнова писмена въображьша и съврьшиста въ языкъ новъ»; оказывается однако, что слова: *не на чужомъ основаніи полагающіе свое дѣло,* которыя представляются Шафарику, какъ *поразительное* свидѣтельство, что Кирилломъ изобрѣтена та азбука, которая не основана на чужой, греческой,—вовсе не относятся къ изобрѣтенію письменъ, а къ предъидущей фразѣ, гдѣ говорится о дѣлѣ Кирилла и Меѳодія, какъ *проповѣдниковъ* и новыхъ апостоловъ. Недоразумѣніе произошло отъ того, что Шафарикъ взялъ эту фразу отдѣльно, а не въ связи съ смысломъ цѣлаго мѣста. Далѣе (больно подумать, что подобный умъ могъ до такой степени погрѣшить противъ здраваго смысла), Шафарикъ находитъ *implicite*r доказательство происхожденія глаголицы отъ Кирилла въ томъ, что онъ, по словамъ современниковъ, изобрѣлъ письмена *славянскія, новыя* письмена, тогда какъ кириллица-де въ сущности не славянская азбука, а греческая, а потому самому и не новая. Но въ такомъ случаѣ, какъ же греческую и латинскую азбуку называютъ греческою и латинскою, русскую—русскою и проч., когда первыя двѣ основаны на финикійской, послѣдняя на греческой? И вѣдь нельзя бы было сказать, напримѣръ, что Ульфила изобрѣлъ *новый* (т. е. не существо-

---

равін, принадлежатъ еще царствованію Михаила-Бориса; но подъ конецъ своего царствованія, Борисъ сталъ уже гораздо независимѣе относительно Византіи, нежели прежде; притомъ же, кажется, Борисъ собственно не правилъ тогда Болгаріею и жилъ въ монастырскомъ уединеніи, предоставивъ правленіе сыну. Климентъ удалился изъ Моравіи только послѣ смерти Меѳодія, бывшей въ 885 году, а уже съ 888 года начинается жестокая борьба Болгаріи съ Византіей, смѣнившая 45-лѣтній миръ между этими двумя странами, миръ, который совпадаетъ именно съ эпохою, когда жили Кириллъ и Меѳодій. И при такихъ историческихъ фактахъ намъ говорятъ о греческомъ вліяніи при Климентѣ, объ отсутствіи греческаго вліянія при Кириллѣ и Меѳодіи!

вавшій до него) готскій алфавитъ, потому что основа его была тоже греческая? Но еще смѣлѣе въ своихъ натяжкахъ г. Ганушъ. Есть одинъ древній славянскій акростихъ, въ которомъ каждой буквѣ соотвѣтствуетъ строчка, касающаяся предметовъ вѣры или жизни Спасителя: «*А*зъ есмь богъ,—*Б*огъ бо есмь,—*В*ѣдѣ (т. е. вѣдаю) бо вся» и т. д. Въ этомъ акростихѣ на букву *и* приходятся, вмѣсто двухъ, три строчки: «*И*же вы скрозѣ море проведохъ, — *И* въ пустыни вы насытихъ,—*И*гемону мя предасте». Г. Ганушъ пораженъ такою несообразностью: тутъ очевидный слѣдъ первоначальнаго глагольскаго алфавита, говоритъ онъ, ибо въ глаголицѣ послѣ буквъ *и* и *i* стоитъ третья буква, мягкое *д* (дервь), и третій стихъ ей соотвѣтствуетъ: надобно читать: «*демону* мя предасте»; потомъ, при перепискѣ акростиха кириллицей, стихъ этотъ передѣлали по недоразумѣнію въ «*игемону мя предасте*». Позволительно ли до такой степени жертвовать смысломъ для предвзятой теоріи? Г. Ганушъ забылъ одно: что Христосъ никогда не былъ преданъ *демону,* а что предали его именно *игемону* Пилату! Какое же тутъ глагольское *д?* А если бы онъ прочиталъ весь акростихъ въ связи, то увидѣлъ бы, что эта лишняя строчка на букву *и* была нужна, чтобы какъ нибудь связать предъидущее съ послѣдующимъ.

Избавляю читателя отъ дальнѣйшаго разбора разныхъ мелочныхъ аргументовъ, приводимыхъ въ защиту глаголитской теоріи. Всѣ они не выдерживаютъ критики и теряютъ всякое значеніе, когда подорваны главныя, основныя положенія этой системы. Приведу только, въ заключеніе, три весьма важныхъ довода, окончательно, какъ мнѣ кажется, ее опровергающіе; доводы эти могутъ быть изложены весьма кратко:

1) *Argumentum ad hominem.* Глагольскій переводъ евангелія (какъ показываетъ самъ Шафарикъ) заключаетъ въ себѣ мѣста, переведенныя безсмысленно, вслѣдствіе того, что одно греческое слово было принято за другое, сходное по звуку, иныя же слова оставлены вовсе безъ перевода, тогда какъ въ древнѣйшемъ кирилловскомъ переводѣ нѣтъ такихъ погрѣшностей. Возможно ли, чтобы глагольскій переводъ, обличающій въ его составителѣ нетвердое пониманіе греческаго языка, принадлежалъ Греку Кириллу, ученику Фотія, Кириллу, ученость котораго пріобрѣла ему между современниками прозваніе философа?

2) *Доказательство палеографическое.* Почеркъ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятниковъ совпадаетъ точь-въ-точь съ почеркомъ греческихъ памятниковъ первыхъ трехъ четвертей IX вѣка, именно того времени, которому принадлежитъ составленіе Кирилломъ славянскихъ письменъ; напротивъ того, подъ конецъ IX вѣка и въ на-

чалѣ X-го, во время, къ которому относятъ начало кириллицы люди, приписывающіе ее Клименту, употреблявшійся Греками почеркъ разнится отъ почерка этой славянской азбуки [1]).

Наконецъ 3) *Доказательство лингвистическое.* Діалектическія особенности нарѣчія древнѣйшихъ кирилловскихъ памятниковъ встрѣчаются именно въ Македоніи, родинѣ Кирилла; глагольскіе памятники отличаются отъ кирилловскихъ разными словами и формами, принадлежащими нарѣчіямъ западнымъ, въ особенности же, какъ показалъ Шафарикъ, такими словами, которыя свойственны нарѣчію Приадріатическихъ Хорватовъ и сосѣднихъ имъ Словенцевъ: а извѣстно, что именно между этими племенами Кириллъ никогда не жилъ [2]).

По этимъ-то лингвистическимъ указаніямъ я считаю, насколько можно судить по имѣющимся теперь даннымъ, наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе, высказанное въ первый разъ, кажется, Прейсомъ, что глагольская азбука составлена была именно въ приморской Хорватіи, (гдѣ и сохранилась донынѣ), вслѣдствіе наступившихъ съ конца IX вѣка, въ подвластныхъ папѣ славянскихъ земляхъ, гоненій на все, сопряженное съ греческимъ вліяніемъ вообще и въ особенности на письменность, оставленную Славянамъ Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Изъ приморской Хорватіи, гдѣ гоненіе было въ началѣ всего сильнѣе, новая, очищенная отъ греческихъ элементовъ, азбука славянская должна была тотчасъ перейти и къ сѣверозападнымъ, также подчиненнымъ Риму, славянскимъ племенамъ (есть весьма древніе слѣды глаголицы въ Чехіи) и черезъ нихъ посредство могла сдѣлаться извѣстною и на Руси. Здѣсь иные писцы могли даже, пожалуй, приписывать, по незнанію, глагольскія книги св. Кириллу, напримѣръ, какъ Новгородскій попъ Упирь Лихій, переписывавшій въ 1047 году

---

[1]) Основываюсь въ этомъ отношеніи на приведенномъ сочиненіи г. Викторова, который извинитъ меня, что я, приходя часто къ тѣмъ же выводамъ, какіе имъ сдѣланы въ разборѣ мнѣній Шафарика, не ссылаюсь на него, и съ другой стороны, не обозначаю того, что имъ не было высказано или въ чемъ съ нимъ не совсѣмъ схожусь.

[2]) Чтобы выйти изъ затрудненія, Шафарикъ принужденъ былъ придумать двѣ гипотезы, совершенно произвольныя, и надстроить ихъ одну надъ другою: 1) что Кириллъ и Меѳодій избрали для перевода священныхъ книгъ нарѣчіе Паннонскихъ Славянъ, подвластныхъ князю Коцелу, и 2) что нарѣчіе это, исчезнувшее вслѣдствіе водворенія въ Панноніи Мадьяръ, заключало именно тѣ слова, которыя составляютъ нынѣ особенность Хорватовъ и Словенцевъ. Странно: о Паннонскомъ нарѣчіи мы рѣшительно ничего не знаемъ; какъ же приписывать ему гипотетически тѣ или другія слова и на этомъ основывать выводъ? А вотъ что еще страннѣе: допустивъ даже, что первоучители славянскіе переводили не на Македонское нарѣчіе, которое было для нихъ какъ родное, а на одно изъ нарѣчій западныхъ Славянъ, среди которыхъ стали дѣйствовать,—съ какой стати они предпочли бы нарѣчіе незначительнаго княжества Коцелова языку того народа, который составлялъ тогда государственный центръ всего западнаго Славянства и былъ средоточіемъ ихъ собственныхъ трудовъ,—языку Славянъ Моравскихъ?

книгу Толкованій Пророчествъ, судя по разнымъ признакамъ, съ глагольскаго оригинала, — говоритъ, что переписывалъ онъ ее «исъ куриловицѣ», т. е. съ кирилловицы. Какое значеніе придается этой замѣткѣ защитниками глагольской теоріи! Это чуть ли не одинъ изъ важнѣйшихъ ихъ аргументовъ. А между тѣмъ, что значатъ слова Новгородскаго попа Упиря? ничто иное, какъ то, что Новгородскій попъ Упирь, жившій двѣсти лѣтъ послѣ Кирилла, считалъ рукопись пророчествъ, положимъ писанную и глаголицей, происходящею отъ Кирилла. Но развѣ это мнѣніе должно быть принято за историческое свидѣтельство? И почему же тогда защитники глагольской теоріи съ такимъ презрѣніемъ отвергаютъ столь же почтенное по древности своей мнѣніе, что глаголица изобрѣтена св. Іеронимомъ? — Проникая съ одной стороны на сѣверъ, глагольская азбука съ другой легко могла сдѣлаться извѣстною на юго-западѣ, въ той части Болгаріи, которая въ тѣ времена простиралась до Адріатическаго моря и находилась въ близкомъ сосѣдствѣ съ тогдашнимъ государствомъ приморскихъ Хорватовъ. Въ Болгаріи именно только тамъ и найдены слѣды употребленія глаголицы. Отысканныя въ этихъ мѣстахъ рукописи глагольскія весьма древни, древнѣе, чѣмъ рукописи, находящіяся въ самой Хорватіи; но впрочемъ носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды Хорватскаго нарѣчія. Относительная древность глагольскихъ рукописей болгарскихъ передъ хорватскими, а равно и тотъ фактъ, что найденныя въ юго-западной Болгаріи глагольскія рукописи также относительно древнѣе кирилловскихъ и что есть палимпсесты и списки, въ которыхъ глагольское письмо замѣнено кирилловскимъ, — все это служитъ послѣднимъ серьезнымъ доводомъ защитникамъ глаголитской теоріи. Шафарикъ въ особенности налегаетъ на эти факты. Къ сожалѣнію, онъ не принялъ въ соображеніе весьма простой вещи, которая однако ниспровергаетъ всю его аргументацію: именно, онъ забылъ то, что и въ древности книги писались для употребленія, а не для храненія въ пользу потомства. Въ приморской Хорватіи глагольская азбука должна была замѣстить *запрещенную* и вытѣсняемую латинскимъ духовенствомъ кирилловскую; рукописи глагольскія были тамъ нужны въ обиходѣ, потому онѣ и скоро портились, ветшали и замѣнялись новыми списками; эта замѣна ускорялась и тѣмъ, что древнѣйшія глагольскія рукописи были еще приспособлены къ богослуженію по обряду Восточной церкви, который при Кириллѣ и Меѳодіи сдѣлался господствующимъ и у западныхъ Славянъ; по этому самому онѣ, по мѣрѣ утвержденія латинства между Хорватами, становились негодными; требовались новыя, примѣненныя къ богослуженію по римскому обряду. Вотъ, кажется, простая причина, почему въ Хорватіи, хотя и родинѣ глаголицы, не могло

сохраниться глагольскихъ рукописей изъ самой древней эпохи. Представимъ себѣ съ другой стороны, что при самомъ началѣ появленія глаголицы, нѣкоторыя книги, ею писанныя, проникли въ ближайшіе къ приморской Хорватіи края юго-западной Болгаріи (а что онѣ проникли туда именно изъ приморской Хорватіи, доказываютъ, какъ я замѣтилъ, признаки языка). Въ юго-западной Болгаріи не было причины, чтобы глагольская письменность вытѣснила кирилловскую; глагольскія рукописи были тамъ доступны немногимъ, кирилловскія оставались общеупотребительными: кирилловскія, значитъ, скорѣе ветшали, чаще переписывались и замѣнялись новыми; глагольскія, будучи въ мѐньшемъ употребленіи, могли сохраняться долѣе (тѣмъ болѣе, что въ православной Болгаріи не было никакой нужды замѣнять древнѣйшую, православную редакцію глагольскихъ текстовъ редакціею, приспособленною къ римскому богослуженію), и если кто рѣшался ихъ переписывать, то переписывалъ охотнѣе общепонятною кириллицей, чѣмъ глаголицей; иной, для сбереженія дорогаго пергамена, стиралъ глагольское письмо и на такомъ палимпсестѣ писалъ кирилловскими буквами. Вотъ, кажется, немудреное объясненіе приведенныхъ фактовъ, получающихъ такой неестественный смыслъ у тѣхъ, которые строятъ на нихъ глаголитскую теорію [1]).

Замѣчательно, что Храбръ, столь ясно указывающій намъ на изобрѣтеніе Кирилломъ именно кирилловскаго, греко-славянскаго письма, намекаетъ и на то, что въ его время были попытки передѣлать азбуку Кириллову. «Устрояютъ и еще», говоритъ онъ, письмена для Славянъ. Защищая дѣло Кириллово, онъ не рѣшается утверждать, чтобы его азбука была нѣчто совершенное, однако при этомъ замѣчаетъ, что удобнѣе, «послѣжде *потворити*, неже первое *створити*». Мнѣ кажется, что это есть намекъ на глаголицу: время, въ которое писалъ Храбръ (т. е. начало X столѣтія), совпадаетъ съ вѣроятнѣйшей эпохой ея происхожденія, а слово *потворити*, которое не можетъ значить — передѣлать самостоятельно, а значитъ, очевидно, сдѣлать по какому нибудь образцу, измѣнить, и притомъ, как видно

---

[1]) Самъ Шафарикъ признавалъ достовѣрнымъ, хотя не сгруппировалъ, слѣдующее: 1) древнѣйшіе глагольскіе памятники отличаются особенностями преимущественно *Хорватскаго* нарѣчія; 2) древнѣйшіе глагольскіе памятники приспособлены къ богослуженію по *Восточному* обряду; 3) въ Хорватіи усилія Рима заставили замѣнить *Восточный* обрядъ *Латинскимъ;* 4) въ Хорватіи найдены глагольскія рукописи только позднѣйшей редакціи, приспособленныя къ *Латинскому* ритуалу, и 5) нѣсколько древнѣйшихъ глагольскихъ рукописей, приспособленныхъ къ *Восточному* обряду и съ особенностями нарѣчія *Хорватскаго*, найдены въ ближайшей къ древнему Хорватскому государству части православной Болгаріи. Трудно понять, какимъ образомъ Шафарикъ, Ганушъ и др. могли не видѣть, въ какой связи эти факты должны быть поставлены одинъ къ другому, и того простаго вывода, который изъ нихъ слѣдуетъ.

изъ употребленія этого глагола въ разныхъ памятникахъ, — измѣнить къ худшему, даже поддѣлать [1]), — слово это какъ нельзя лучше выражаетъ характеръ глагольскаго письма и отношеніе его къ кирилловскому. — Допустивъ предположеніе, что̂ глаголица произошла въ приморской Хорватіи, гдѣ славянское богослуженіе, созданное Кирилломъ и Меѳодіемъ, было, по настоянію папскаго престола, уже въ 925 году осуждено и запрещено постановленіемъ помѣстнаго собора, — мы поймемъ цѣль составленія новой азбуки. Цѣль эта была — въ краѣ, гдѣ не хотѣли или нельзя было прямо противостать папскому авторитету, спасти славянскую письменность, скрывъ ея греческій характеръ подъ знаками, совершенно своеобразными и для непосвященнаго непонятными. Этой цѣли соотвѣтствовалъ и тотъ весьма древній, нелѣпый разсказъ, будто изобрѣтателемъ глагольскаго алфавита былъ Іеронимъ, святой, особенно уважавшійся Римскою церковью, которая получила отъ него свой каноническій текстъ священнаго писанія. Впрочемъ, эта ли именно, или другая, была первоначальная цѣль составленія глагольской грамоты, исторія дѣйствительно опредѣлила ей такое значеніе. Это было дѣйствительно нѣчто въ родѣ тайнописи, за которою кое-гдѣ между западными Славянами успѣла скрыться народная стихія въ церкви — отъ безпощаднаго «нивелированья» средневѣковаго Рима, и которой Римъ не побоялся впослѣдствіи дать свое освященіе, именно потому, что глаголица могла быть только исключеніемъ, привилегіею для немногихъ и, удовлетворяя народному чувству избраннаго меньшинства, ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлаться орудіемъ общаго образованія, достояніемъ массъ [2]). Такой характеръ глагольской грамоты и письменности несомнѣненъ и очевиденъ; несомнѣненъ и очевиденъ также характеръ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, этихъ неутомимыхъ миссіонеровъ, которые, по выраженію современниковъ, «столько трудились Христа ради, на сѣверныхъ и южныхъ и западныхъ странахъ», дабы «насѣять духовныя словеса безчисленнымъ племенамъ», дабы «разумно просвѣтить письменами и ученіемъ» «многоплодный языкъ сло-

---

[1]) См. Словарь Миклошича: потворити — mutare; παρατιτρώσκειν, laedere (потворити прѣданиꙗ): calumniari (потворити кого о блоудѣ; потворити светаго доуха дѣйство; потворила и прѣльстила градъ вьсь); vituperare, transgredi. Этотъ же оттѣнокъ выступаетъ въ другихъ нарѣчіяхъ: *потворити* по-чешс и значитъ „обезобразить“, по-сербски и по-словенски „оклеветать“, т. е. обезобразить нравственно.

[2]) Вся исторія глаголицы, не говоря о наружномъ ея видѣ, выказываетъ въ ней такой характеръ. Особенно же ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ тотъ фактъ, что папа Климентъ VI, уступая настойчивымъ требованіямъ Карла IV о возстановленіи въ Чехіи богослуженія на языкѣ народномъ, допустилъ тамъ *глаголицу* и славянскую литургію по глаголитскимъ книгамъ, но съ тѣмъ, чтобы служба эта совершалась въ *одномъ только* монастырѣ.

венскій»; вся борьба ихъ съ латинскимъ духовенствомъ, борьба, ихъ погубившая и погубившая ихъ дѣло на Западѣ, истекала изъ разногласія двухъ принциповъ: что книжное ученіе и пониманіе вѣры и ея обрядовъ назначено всему народу, или что оно должно быть достояніемъ немногихъ. Какъ же согласовать эти двѣ вещи, характеръ глагольской грамоты, и направленіе Кирилла и Меѳодія? Неужели твореніе не носитъ на себѣ отпечатка мысли его творца, или можетъ носить отпечатокъ мысли, прямо противорѣчащей его духу? Указаніемъ на эту внутреннюю, существенно важную, въ моихъ глазахъ, несообразность глаголитской теоріи дополняю всѣ тѣ, историческія и прочія, доказательства, которыя, надѣюсь, достаточно убѣдили читателя, что Кириллу и Меѳодію дѣйствительно принадлежитъ *наша*, всенародная, славянская грамота, что дѣйствительно *они* основатели нашей письменности и нашего просвѣщенія.

IV.

Какъ относятся къ Кириллу и Меѳодію современные Славяне?

Кириллъ и Меѳодій имѣли ту замѣчательную судьбу, что и по истеченіи тысячи лѣтъ не принадлежатъ еще окончательно *прошлому*, что и ныньче, въ XIX вѣкѣ, ихъ имя нераздѣльно съ вопросами, взглядами, страстями современнаго міра Славянскаго. Никто другой изъ историческихъ дѣятелей славянской древности въ этомъ отношеніи не можетъ сравниться съ ними. Такая особенность въ историческомъ значеніи Кирилла и Меѳодія совершенно понятна. Это были, въ древности, единственные дѣятели *всеславянскіе*. Ихъ труды принадлежали одинаково и южнымъ Славянамъ, и западнымъ, и восточнымъ. Славянская Македонія и Болгарія считаютъ ихъ по праву своими, своими считаетъ ихъ по праву Моравія и земля Словаковъ и Чехія; и Полякамъ они не чужіе, ибо Краковская земля (область тогдашняго государства Великоморавскаго) входила въ составъ паствы Меѳодія, и какой-то, иначе намъ неизвѣстный, «князь силенъ вельми, сѣдя въ Вислѣхъ» былъ имъ убѣждаемъ къ принятію христіанства [1]);

---

[1]) Князь этотъ, по словамъ житія, ругался надъ христіанами и творилъ имъ пакости; тогда Меѳодій послалъ ему сказать: „добро ти ся бы крестити, сыну, волею на своей земли, да не, плѣненъ, нудми (т. е. по принужденію) крещенъ будеши на чужей земли, и помянеши мя“. И это сбылось, прибавляетъ житіе, не объясняя, однако, гдѣ и кѣмъ этотъ князь былъ взятъ въ плѣнъ и крещенъ. При тогдашнемъ состояніи Германіи, невозможно предполагать, чтобы она воевала съ княземъ „на Вислѣхъ“ и принудила его креститься; ее раздѣляли при томъ отъ Польской земли обширные края независимыхъ Славянъ, обитавшихъ между Эльбой и Одрой. Единственною христіанскою землею въ сосѣдствѣ съ Польшею была въ то время могущественная держава Великоморавская, и ея королю Святополку должно приписать взятіе въ плѣнъ Вислянскаго князя и его крещеніе.—Славянское богослуженіе по греческому обряду продолжалось въ Краковѣ еще въ XIII вѣкѣ (см. Зубрицкаго, Критико-Истор. Повѣсть Червонной Руси, переводъ Бодянскаго, стр. 20 и др.). Чтобы поставить такой важный фактъ, какъ вліяніе Кирилла и Меѳодія на древнюю Польшу, выше всякаго сомнѣнія или подозрѣнія въ пристрастіи, переведу здѣсь слова польскаго ученаго, г. Августа Бѣлёвскаго (изъ предисловія къ новому изданію Польскаго Словаря Линде, стр. 10 и 11): „Исторія Славянъ въ IX и X вѣкѣ, по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ ее точнѣе, убѣждаетъ насъ, что колыбель языка церковнаго (cerkiewnego, т. е. церковно-славянскаго) была преимущественно тамъ, гдѣ находилась также колыбель орга-

даже на землю Лужицкихъ Сербовъ простиралось вліяніе Меѳодія [1]). Наконецъ, и тѣхъ Славянъ, которые назвались Русскимъ народомъ,

низованнаго польскаго общества, именно въ Великой Моравіи. Возвѣщенное здѣсь Кирилломъ и Меѳодіемъ ученіе перешло впослѣдствіи къ Хорутанамъ Коцела и къ Борисовымъ Болгарамъ" (относительно послѣдняго г. Бѣлевскій введенъ въ ошибку распространеннымъ теперь у западныхъ Славянъ ложнымъ мнѣніемъ, будто славянская грамота была *впервые* сочинена для Моравіи); „но нива, на которую главнымъ образомъ пали сѣмена ихъ проповѣди и гдѣ принесли первые плоды, были Славяне Ростислава и Святополка, держава которыхъ простиралась до истоковъ Буга и лѣваго берега Вислы. Выработанный между этими Славянами первый письменный языкъ, на которомъ распространяема была между нами вѣра Христова, сдѣлался образцомъ письменности для всѣхъ Славянъ, и все, что писалось въ Польшѣ туземцами, какъ въ ту пору, такъ и долгое время потомъ,—*писалось не иначе, какъ только изобрѣтенными Кирилломъ буквами.* Ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ древняя легенда о Кириллѣ. Монета Болеслава Храбраго съ кирилловскою надписью; хроника Ярослава каноника Плоцкаго (принадлежавшаго къ латинскому обряду), писанная имъ кириллицей въ 1219 году, на которую ссылался Прусскій епископъ Христіанъ и слѣды которой нынѣ отысканы (wyśledzona) въ Кенигсбергскомъ архивѣ; еще древнѣйшія польскія книги, писанныя этою азбукою и упоминаемыя Несѣцкимъ и другими достовѣрными свидѣтелями; отдѣльныя кирилловскія буквы, невольно выскользнувшія изъ-подъ пера писца Маргаритиной псалтыри и другіе подобные памятники достаточно утверждаютъ справедливость вышесказаннаго. И такъ кириллица была нѣкогда повсемѣстно употребляема въ Польшѣ, и написанныя Меѳодіемъ и его преемниками церковно-славянскія (cerkiewne) книги были образцомъ, по которому мы, какъ и прочіе Славяне, воздѣлывали нашъ первоначальный письменный языкъ, пока языкъ этотъ, около XIV вѣка, не былъ вытѣсненъ вліяніемъ чешскаго. Можетъ быть, что изданная въ 1851 г. Миклошичемъ въ Вѣнѣ Супрасльская рукопись, въ которой мы находимъ особливыя носовыя буквы и наиболѣе словъ, по звуку и значенію соотвѣтствующихъ польскимъ, окажется, при тщательномъ изслѣдованіи, однимъ изъ кирилловскихъ памятниковъ, писанныхъ въ Польшѣ. Эта рукопись принадлежитъ, какъ извѣстно, времени не позднѣе XI вѣка, и такимъ образомъ относится къ числу древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ". Догадка г. Бѣлевскаго о польскомъ происхожденіи Супрасльской рукописи, если бы она подтвердилась, была бы тѣмъ важнѣе, что послужила бы самымъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ существованія въ Польшѣ XI вѣка не только кирилловской грамоты, но и восточнаго исповѣданія: ибо рукопись содержитъ въ себѣ житія древнихъ святыхъ, переведенныя съ греческаго, и поученія греческихъ отцовъ церкви, между прочимъ и патріарха Фотія, который былъ столь ненавистенъ Риму; ни малѣйшаго слѣда латинства въ ней нѣтъ. Не смѣю однако произнести сужденія о степени вѣроятности этой догадки; при чтеніи памятника,—правда, совершенно поверхностномъ,—мнѣ представлялись доводы et pro et contra; во всякомъ случаѣ, вопросъ заслуживаетъ внимательнаго изученія. Если бы впрочемъ Супрасльская рукопись не могла быть признана за памятникъ, писанный въ Польшѣ, то все-таки мнѣ кажется несомнѣннымъ, что она по крайней мѣрѣ читалась Поляками. Это я заключаю не только изъ того, можетъ быть, случайнаго обстоятельства, что она попала въ Супрасльскій монастырь близъ Бѣлостока, сколько изъ одной приписки, весьма древней, судя по начертанію мягкаго *юсъ*, въ ней находящемуся. Она кончается словами: „Господь, имѣ миръ душамо моимо". Очевидно, что писавшій эти строки былъ не твердъ въ орѳографіи, если онъ вмѣсто *душею моею* могъ написать *душамо моимо*. Но такого рода описка была *невозможна* для другаго Славянина, кромѣ какъ для Поляка, который, не зная хорошенько, какъ выразить свое протяжно произносимое носовое окончаніе duszą moją, сдѣлалъ изъ него *душамо моимо*.

[1]) Это признаетъ г. Богуславскій въ своей прекрасной книгѣ „Rys dziejów Serbo-Łużyckich„ (очеркъ исторіи Сербо-Лужицкой), стр. 44—46, приводящій при этомъ за-

коснулось непосредственно, — надѣюсь, что я въ этомъ убѣдилъ читателя, — слово Солунскихъ братьевъ.

На порогѣ исторической жизни Славянскаго племени эти люди стоятъ предвѣстниками его духовнаго единства: такъ точно въ иныхъ легендахъ мы читаемъ, что младенца озаряетъ символическое, пророческое видѣніе того, чѣмъ онъ долженъ быть въ возрастѣ зрѣлаго мужа. Вотъ этотъ-то пророческій, символическій характеръ даетъ Кириллу и Меѳодію такое *современное* значеніе въ Славянскомъ мірѣ. И для южныхъ, и для западныхъ Славянъ они болѣе, чѣмъ историческіе дѣятели, основатели ихъ просвѣщенія; они также знамя славянскаго самосознанія и единенія, и потому-то память ихъ чтится въ особенности у тѣхъ именно племенъ, которымъ ближе къ сердцу идея ихъ славянства, ихъ славянскаго братства: таковы на югѣ Болгаре, на западѣ Чехи, Моравцы, Словаки, Хорваты, Словенцы.

Имя этихъ дѣятелей IX вѣка такъ тѣсно связано съ настоящимъ положеніемъ славянскихъ народовъ, что имъ, этимъ именемъ, весьма естественно, играютъ современныя политическо-религіозныя страсти. Для клерикальной партіи въ западно-славянскихъ земляхъ Кириллъ и Меѳодій имѣютъ важность первостепенную, судя по тому усердію, какое люди этой партіи выказываютъ къ ихъ памяти: пишутъ ихъ исторію, то съ полнымъ парадомъ учености, то въ формѣ болѣе популярной, то наконецъ въ видѣ статей въ духовныхъ журналахъ и книжекъ для простонароднаго чтенія, сочиняютъ имъ молитвы, службы и литаніи, воспѣваютъ ихъ въ эпосѣ и лирическихъ стихахъ, составляютъ во имя ихъ церковныя братства [1]), посвящаютъ имъ церкви и придѣлы, распространяютъ десятками тысячъ ихъ образа и медальоны, заботятся объ ихъ мощахъ [2]). Отчего такая палинодія? Какимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій, которые при жиз-

мѣчательныя слова Лелевеля о проповѣдникахъ Восточной церкви, какъ о носителяхъ идеи *вселенскаго* христіанства, и ясно выставляющій, въ противоположность характеру этихъ проповѣдниковъ, пагубные для Славянъ принципы римскихъ миссіонеровъ. Указанія г. Богуславскаго на значеніе Меѳодія для Лужицкихъ Сербовъ можно бы дополнить еще ссылкою на нѣмецкаго лѣтописца Титмара (VI, 60).

[1]) Какъ-то: „Наслѣдіе св. Кирилла и Меѳодія", общество, основанное въ 1850 г. въ Моравіи, распространенное также между Венгерскими Словаками и имѣющее нѣсколько тысячъ членовъ; „Братство св. Кирилла и Меѳодія", учрежденное въ 1852 г. въ Брнѣ (Брюннъ, въ Моравіи) при тамошней семинаріи; „Братство св. Кирилла и Меѳодія для обращенія несоединенныхъ (съ Римомъ) Славянъ", утвержденное Піемъ IX 12 мая 1852 г. Относительно послѣдняго братства мы знаемъ только его постановленія, особыя индульгенціи, которыя даются его членамъ, и особую молитву, которая ему присвоена; но о дѣятельности его не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

[2]) Было объявлено западнымъ Славянамъ въ клерикальныхъ газетахъ, что послѣ долгихъ изысканій открытъ въ Моравіи слѣдъ мощей св. Меѳодія; было имъ объявлено также, что мощи св. Кирилла найдены въ Римѣ и что папа имѣлъ намѣреніе торжественно открыть ихъ въ 1863 году. Кажется, однако, что это не состоялось.

ни своей терпѣли столько преслѣдованій отъ «ультрамонтанцевъ» своего времени, Кириллъ и Меѳодій, ученики которыхъ, тотчасъ послѣ ихъ смерти, были изгнаны изъ Моравіи латинскимъ духовенствомъ, и труды которыхъ—славянская письменность и богослуженіе, осуждены какъ ересь и искоренены,—какимъ образомъ эти самые люди сдѣлались теперь предметомъ такой любви и такого почитанія клерикальной партіи въ земляхъ западныхъ Славянъ? Отреклась ли она, въ настоящее время, отъ тѣхъ принциповъ, на основаніи которыхъ преслѣдовала во время оно съ такимъ ожесточеніемъ дѣло Кирилла и Меѳодія? Едва ли. Принципы остаются неизмѣнными, но обстоятельства измѣнились. Клерикальная партія у западныхъ Славянъ поняла, что съ пробужденіемъ въ этихъ народахъ самосознанія и неодолимаго стремленія къ единенію во имя славянскаго сродства,—Кириллъ и Меѳодій, какъ знамя, какъ символъ нѣкогда бывшаго и потому могущаго быть снова, духовнаго единства Славянъ, получаютъ огромное значеніе; а съ тѣмъ вмѣстѣ, она поняла, какая съ этимъ именемъ, съ этимъ символомъ сопряжена опасность,—опасность, заключающаяся въ нѣсколькихъ простыхъ историческихъ фактахъ, а именно: 1) что Кириллъ и Меѳодій были родомъ Греки и воспитанники Греческой церкви; 2) что Кириллъ и Меѳодій были посланы для обращенія *западныхъ* Славянъ церковью *Восточною* и Византійскимъ правительствомъ; 3) что Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали между западными Славянами во имя началъ, которыя признавала и признаетъ церковь Восточная и которыхъ никогда не признавала церковь Западная; 4) что Кириллъ и Меѳодій и между западными Славянами совершали богослуженіе по обряду Восточной церкви; и наконецъ 5) что дѣло Кирилла и Меѳодія было истреблено церковью латинскою въ земляхъ, ей подвластныхъ, тогда какъ оно у Славянъ, принадлежащихъ къ православному исповѣданію, осталось неприкосновеннымъ и сдѣлалось ихъ народнымъ достояніемъ. Читатель видитъ, какою грозою имя Кирилла и Меѳодія является латинству; какъ воспоминанія, сопряженныя съ этимъ именемъ, могутъ у западныхъ Славянъ подорвать самыя основы латинской церкви. А бороться противъ возрастающей популярности этого имени было бы безполезно и только увеличило бы опасность. И вотъ, клерикальная партія напрягаетъ тамъ всѣ свои силы, употребляетъ всѣ средства, чтобы, такъ сказать, усыновить Кирилла и Меѳодія католицизму, чтобы загладить какъ нибудь въ ихъ исторіи то, что можетъ произвести невыгодное впечатлѣніе, чтобы, усердіемъ къ ихъ памяти удовлетворяя народному чувству, обратить заключающуюся въ имени Кирилла и Меѳодія силу въ свое собственное орудіе. Словомъ, сознавая невозможность бороться *противъ* этого знамени, клерикальная партія хочетъ захва-

тить его въ свои руки. Для того, разумѣется, нужно бываетъ подвергнуть исторію особеннаго рода операціямъ, утаить одни факты, перетолковать другіе, выставить третьи въ особенномъ свѣтѣ: но у клерикальной партіи за этимъ дѣло не станетъ. Я, разумѣется, считаю совершенно безполезнымъ разбирать всѣ эти толкованія; если читателю любопытно, то онъ можетъ познакомиться съ ними въ сочиненіяхъ каноника Штульца [1]), профессора богословскаго училища въ Литомѣрицахъ Гинцеля [2]) и другихъ писателей той же категоріи. Достаточно показать конечную цѣль всего этого; яснѣе она не можетъ быть выражена, какъ въ книгѣ г. Штульца «Жизнь св. Кирилла и Меѳодія, апостоловъ славянскихъ», написанной, надобно сказать, съ большимъ умѣньемъ и талантомъ и которая распространена въ Моравіи и Чехіи обществомъ «Наслѣдіе Кирилла и Меѳодія» въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Вотъ заключительная страница этого сочиненія: «Подъ конецъ нельзя намъ обойти молчаніемъ еще одного обстоятельства, которое тщательному изслѣдователю является предзнаменованіемъ того, что и нынѣ еще святые апостолы наши должны сдѣлаться, такъ сказать, мостомъ къ соединенію раздѣленныхъ въ вѣрѣ Славянъ. Извѣстно, что Кириллъ и Меѳодій суть, такъ сказать, единственные святые католическихъ Славянъ западныхъ, которые пользуются не меньшимъ уваженіемъ на востокѣ. Въ Сербіи, въ Болгаріи и въ цѣлой имперіи Русской чтится имя нашихъ святыхъ братьевъ; память ихъ прославляется донынѣ въ согласіи и съ сыновнею любовью. Конечно, Сербы, Болгаре, Русскіе забыли, что гробъ св. Кирилла находится въ Римѣ; они забываютъ, что папа назначилъ и посвятилъ св. Меѳодія въ епископы; забываютъ, что папы были главными охранителями и покровителями нашихъ апостоловъ; забываютъ, съ какимъ довѣріемъ святые братья эти прибѣгали и «льнули» къ престолу св. Петра, къ папѣ. Но они не забыли, что Кирилломъ и Меѳодіемъ намъ дано участіе въ общеніи святыхъ, въ церкви Божіей. Честь, воздаваемая святымъ апостоламъ нашимъ, не составляетъ ли такимъ образомъ какъ бы связи, соединяющей братій, отторгнутыхъ обманомъ сварливыхъ Грековъ, съ нами, сынами святой церкви католической? Не подаетъ ли это намъ надежду, что братья, помнящіе своихъ отцовъ въ вѣрѣ (Кирилла и Меѳодія), мало-по-малу вспомнятъ также, откуда они получили право на святое дѣло апостольское, кѣмъ были въ немъ хранимы? Человѣкъ не видитъ будущаго, судьбы Божіи скрыты отъ взоровъ смерт-

[1]) Wypsání žiwota swatých bratři Cyrilla a Mathoda sepsal Štulc. 1847. Žiwot swatých Cyrilla a Methodia, apostolu Slowanských sepsal Štulc. 1857.

[2]) Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der Slavischen Liturgie, v. Hinzel, второе изданіе въ 1861 году.

ной твари; но намъ по всему кажется, что св. Кириллъ и Меѳодій, по Божьему изволенію, своимъ примѣромъ и памятью сдѣлаются однажды еще,—и то, если Богъ дастъ, въ близкой будущности,—апостолами единства *католическаго* между Славянскими народами».

Я показалъ разныя стороны того значенія, которое имѣютъ Кириллъ и Меѳодій между западными и южными Славянами. А что же сказать про насъ? Отчего мы такъ равнодушны къ памяти первоучителей славянскаго племени, провозвѣстниковъ его духовнаго единства? Какимъ образомъ ихъ имена, съ которыми у другихъ Славянъ соединяется такъ много надеждъ и разнообразныхъ стремленій, которыя тамъ извѣстны и чтимы въ каждой хижинѣ, нашимъ глазамъ представляются не иначе, какъ сквозь библіотечную пыль и ученый туманъ? Отчего и въ церковномъ отношеніи, мы, пользующіеся въ теченіе десяти вѣковъ трудами Кирилла и Меѳодія,—письменами, которыя они изобрѣли, языкомъ, который они увѣковѣчили переводомъ священныхъ книгъ и литургіи, который мы отъ нихъ получили,—мы до такой степени невнимательны къ нимъ, что предали забвенію даже имя ихъ въ службахъ церковныхъ, ежедневно совершаемыхъ, даже выпустили его изъ свѣтскаго календаря, содержащаго однако имена мало у насъ извѣстныхъ, по дѣятельности своей, святителей греческихъ, иверскихъ, персидскихъ? Отчего, наконецъ, духовная литература наша остается безучастною въ виду всѣхъ тѣхъ огромныхъ, непрестанныхъ усилій, которыя дѣлаются клерикальною партіею на Западѣ, чтобы, такъ сказать, отвоевать первоучителей славянскихъ? А между тѣмъ было бы такъ легко состязаться съ нею и разрушить всѣ ея софизмы, хотя бы просто на основаніи Паннонскихъ житій Кирилла и Меѳодія: вѣдь житія эти, писанныя несомнѣнно въ области Западной церкви, какъ видно изъ особеннаго уваженія къ папскому престолу, въ нихъ проявляющагося, и изъ титула *апостолика,* который въ нихъ придается папѣ, согласно обычаю средневѣковой латинской Европы,—житія эти не могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи къ Восточной церкви, и все-таки они рѣшаютъ въ пользу ея не только историческій вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи, но и вопросъ догматическій, рѣшаютъ его такъ ясно, что тутъ и тѣни сомнѣнія оставаться не можетъ. Опредѣлительность этихъ свидѣтельствъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали въ предѣлахъ обѣихъ церквей и въ такую эпоху, когда догматическое разногласіе между ними едва начинало находить себѣ формулу. Но при всей неясности вопроса въ то время, Паннонскія житія говорятъ прямо, что Кириллъ и Меѳодій всѣми силами своими отвергали «ересь тріязычниковъ», т. е. ученіе тѣхъ, которые допускали богослуженіе только на трехъ языкахъ:

еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, и «ересь іопаторскую»,—греческое слово, которымъ обозначается догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына,—и что это именно было главною причиною гоненій, которыя они терпѣли на Западѣ. Сохранилось также «Исповѣданіе вѣры» св. Кирилла и Меѳодія, свидѣтельствующее о томъ, что ихъ ученіе не имѣло ничего общаго съ латинствомъ [1]). Старалась ли духовная литература наша о разъясненіи этихъ фактовъ и всего съ ними связаннаго? Я не говорю о почтенныхъ трудахъ нѣкоторыхъ писателей, каковы преосвященный Макарій, Филаретъ и г. Горскій: ихъ изслѣдованія о первоучителяхъ славянскихъ обогатили науку. Но что значатъ эти немногія изслѣдованія въ сравненіи съ огромной церковно-полемической литературой, обработывающей на Западѣ вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи? и не свидѣтельствуетъ ли самая немногочисленность этихъ трудовъ и ихъ исключительно ученый характеръ о томъ, какъ мало еще живаго интереса соединяется у насъ съ этимъ вопросомъ?—Между тѣмъ, древняя Русь, древняя церковь Русская вовсе не были такъ безучастны къ памяти славянскихъ просвѣтителей; это видно изъ древней письменности нашей, изъ того, что русскими писцами сохранена бо́льшая часть драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ о Кириллѣ и Меѳодіи. Вниманіе къ нимъ охладѣвало на Руси въ московскій періодъ, по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны возрастающее сознаніе ея особности, народной и государственной, все болѣе и болѣе заслоняло собою память объ общемъ славянскомъ источникѣ, а съ другой, въ церкви Русской элементъ греческій, византійскій, бралъ перевѣсъ надъ древнимъ славянскимъ, болгарскимъ элементомъ. А въ петербургскій періодъ могло ли остаться на Руси мѣсто идеѣ славянства, и потому самому, Кириллъ и Меѳодій не должны ли были потерять для насъ всякое значеніе? Въ настоящее время, какъ я сказалъ, имя ихъ важно особенно для тѣхъ народовъ славянскихъ, въ которыхъ историческая нужда вызываетъ сознаніе славянства, славянскаго братства. Тамъ, гдѣ народность крѣпка сама по себѣ, гдѣ для нея достаточно ея собственнаго самосознанія и нѣтъ такой настоятельной потребности искать ей опоры въ общей идеѣ славянства, участіе къ памяти Кирилла и Меѳодія гораздо слабѣе, напримѣръ у Сербовъ или у Поляковъ. А мы? Нужды прямой, осязательной нужды намъ нѣтъ искать опоры въ идеѣ славянства, въ славянскомъ общеніи; мы сильны сами по себѣ, *мы* нужны другимъ Славянамъ, а намъ они развѣ видимо нужны? Внѣшняго пово-

[1]) Объ этомъ „Исповѣданіи“ см. статью преосвященнаго Филарета, епископа Рижскаго: „Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители“ (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1846, 4).

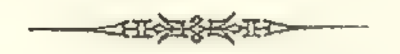
да къ пробужденію въ Россіи идеи славянства не было и нѣтъ, а внутреннимъ путемъ органическаго развитія она можетъ явиться только какъ плодъ и вѣнецъ самосознанія собственной народности, въ чемъ мы, кажется, еще не далеко ушли! Вотъ какимъ образомъ я объясняю себѣ то огромное разстояніе, которое существуетъ между нашимъ обществомъ и другими Славянами въ степени развитія славянской идеи, чувствъ славянской общности. Иные заграничные Славяне, познакомившись съ Россіею, приходятъ просто въ отчаяніе отъ нашего равнодушія къ идеѣ славянства, отъ совершеннаго отсутствія въ общественной (не говоря о домашней) жизни нашей того сознанія, что Русскій человѣкъ сверхъ того Славянинъ. Но факту этому нечего удивляться; я, по крайней мѣрѣ, ни мало не прихожу въ отчаяніе на счетъ будущности славянской идеи въ нашемъ отечествѣ. Теперь ей еще нѣтъ мѣста въ нашемъ *общественномъ* сознаніи [1]) но, по моему мнѣнію, она будетъ плодотворнѣе тамъ, гдѣ можетъ вырости только изъ внутреннихъ, органическихъ началъ народной жизни, нежели въ тѣхъ странахъ, гдѣ вызвана внѣшнею потребностью самосохраненія: въ странахъ этихъ и идея славянская по существу своему остается только внѣшнею.

Это не освобождаетъ каждаго изъ насъ лично отъ обязанности содѣйствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, развитію между нами славянской идеи: ибо безъ нея наше собственное народное самосознаніе не можетъ быть полно; а потому самому никто изъ насъ, не безучастный къ народному и славянскому самосознанію нашему, не можетъ быть равнодушенъ къ памяти тѣхъ людей, которые въ древности служатъ символомъ духовнаго единства Славянъ. Въ средѣ Русскаго народа особенное призваніе должны имѣть въ этомъ дѣлѣ Малоруссы. Отъ нихъ я ожидаю, въ настоящее время, бо́льшаго сочувствія къ памяти Кирилла и Меѳодія, чѣмъ отъ общества Великорусскаго, и вообще считаю ихъ призванными къ особенному участію въ развитіи между нами славянской идеи. Кіевъ ближе къ другимъ Славянамъ, чѣмъ Москва, и точно также племя Малороссійское ближе къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ племя Великорусское: оно ближе къ нимъ своимъ языкомъ, который, не имѣя такого рѣзко-опредѣленнаго типа, какъ нашъ Великорусскій языкъ, стоитъ какъ бы на серединѣ между имъ и нарѣчіями западныхъ Славянъ, и въ западныхъ краяхъ Малорусскаго племени сливается съ рѣчью Венгерскихъ Словаковъ; оно ближе къ другимъ Славянамъ и въ отношеніи историческомъ и общественномъ. Часть Малорусскаго племени, въ Галиціи и сѣверной Венгріи, несетъ на себѣ то же самое иго иноземнаго владычества,

[1]) Писано въ 1862 году.

подъ которымъ бьются Славяне западные и южные: что мы, въ положеніи другихъ Славянъ, понимаемъ только отвлеченно, то эта часть Русскаго народа чувствуетъ и знаетъ по опыту. Мы были всегда самостоятельны, государство было наше, и страданія наши были всегда по нашей собственной винѣ; Малорусское племя своего государства не имѣло, и завоевавъ себѣ на минуту самостоятельность, тотчасъ же отъ нея отказалось, въ пользу общерусскаго единства; его страданія имѣли источникомъ не только его собственныя вины, но и вины чужія: вотъ другая причина, почему положеніе другихъ Славянъ можетъ быть ему гораздо понятнѣе и ближе къ сердцу. Наконецъ и то, въ чемъ Малорусское племя отдалилось отъ коренныхъ началъ славянскихъ, уступивъ западнымъ общественнымъ началамъ (бо̀льшее развитіе въ народѣ начала личности, отсутствіе поземельной общины, бо̀льшая особность городской жизни и т. п.), служитъ какъ бы переходомъ отъ своеобразнаго славянскаго быта племени Великорусскаго къ западно-европейскому быту Славянъ западныхъ. А ко всему этому прибавимъ, что вѣковая борьба съ Поляками, — для насъ имѣющая преимущественно значеніе государственнаго вопроса и представляющаяся намъ, болѣе или менѣе, какъ нѣчто безличное и отвлеченное, а у Малоруссовъ затрогивающая всѣ струны народной жизни, какъ домашняя, личная тяжба, что эта повседневная борьба Малоруссовъ непремѣнно должна вызывать въ нихъ, какъ примирительницу, идею славянскую. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, Малоруссы могутъ первые выработать въ своей средѣ и внести въ общественное сознаніе Русской земли идею славянства; они стоятъ какъ бы связующимъ звеномъ нашимъ съ остальнымъ Славянскимъ міромъ. Безспорно, славянская идея можетъ найти полное свое опредѣленіе и развитіе только тамъ, гдѣ въ наибольшей полнотѣ хранятся жизнію народною общественныя стихіи славянскаго организма и гдѣ поколѣніе Славянское проявило себя не только пассивнымъ самосохраненіемъ, но и дѣятельнымъ строеніемъ общественнымъ и государственнымъ, и открыло себѣ поприще всемірно-историческое, — въ средѣ племени Великорусскаго. Но какъ идея славянская зародилась впервые на Западѣ, у тѣхъ Славянъ, которые почти утратили внутреннія общественныя стихіи славянскія, зародилась тамъ, какъ внѣшній признакъ, какъ средство самосохраненія погибавшаго народа, — такъ, переходя въ Россію, не должна ли она и здѣсь сдѣлаться общественнымъ достояніемъ впервые среди того племени, которое, хотя уступило исторіи часть своихъ древнихъ органическихъ началъ славянскихъ (напримѣръ ослабленіемъ элемента общиннаго), но за то имѣетъ болѣе, чѣмъ другія вѣтви Русскаго народа, внѣшнихъ побужденій къ сознанію своего славянства? Такимъ образомъ

идея славянства, постепенно расширяясь, пока не захватитъ въ свой кругъ всѣ народы Славянскіе, съ тѣмъ вмѣстѣ переходила бы отъ внѣшняго значенія къ внутреннему, изъ порожденія матеріальныхъ условій и требованій становилась бы мало-по-малу свободнымъ плодомъ сознанія народныхъ началъ. Эту мысль я выдаю не болѣе какъ за предположеніе, за гаданіе; однако, можетъ быть, недаромъ Шевченко, поэзія котораго имѣла единственно мотивы народные, нашелъ въ ней, кромѣ струны народной малороссійской и струны религіозной, еще третью струну, — славянскую (поэма Гусъ и великолѣпное посланіе къ Шафарику, — и то и другое написанныя еще въ сороковыхъ годахъ). Но во всякомъ случаѣ если Малорусская земля и кажется намъ въ настоящее время ближе къ живому, внѣшнему сознанію славянства, славянскаго единства и братства, то несомнѣнно также, что пока сознаніе это не усвоится землею Великорусскою, пока не сдѣлается тутъ общественнымъ достояніемъ, общественнымъ двигателемъ всей Россіи, — и самая идея славянская не достигнетъ полнаго осуществленія, и наше собственное народное самосознаніе останется недовершеннымъ. Потому-то, я полагаю, долгъ каждаго изъ насъ, если мы хотимъ у насъ народнаго самосознанія, способствовать по возможности укорененію и развитію въ Россіи славянской идеи.

III.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЧЕХІИ.

III.

Очеркъ исторіи Чехіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ

(По поводу тысячелѣтія Россіи).

Въ настоящемъ 1862 году празднуется тысячелѣтіе Русскаго государства. У насъ, въ Россіи, гдѣ вообще мистицизмъ мало развитъ и цифрѣ 1000 не приписывается чрезвычайнаго, таинственнаго смысла, публика, по всей вѣроятности, не придаетъ особеннаго значенія этому событію: для большинства тысячелѣтіе едва ли покажется знаменательнѣе какого-нибудь 998-лѣтія или 1003-лѣтія; народъ же нашъ, мы полагаемъ, остается едва ли не равнодушнымъ, когда ему говорятъ, что Русскому государству минуло тысяча лѣтъ. Однимъ словомъ, собственно для самой Россіи, тысячелѣтіе ея не составляетъ ничего особенно знаменательнаго.

Но въ отношеніи къ другимъ славянскимъ народамъ событіе это получаетъ иной смыслъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы Славяне стали праздновать тысячелѣтіе Россіи какими-нибудь церемоніями; по разнымъ обстоятельствамъ, у однихъ нѣтъ къ тому охоты, у другихъ возможности, а большинство, вѣроятно, и не знаетъ о томъ, что̀ такое 1862 годъ для Русскаго государства. Находятся однако, мы увѣрены, между Славянами люди, вникающіе въ историческую судьбу своего племени, которые глубоко обрадовались тысячелѣтію Россіи, глубоко задумались надъ нимъ, — обрадовались этому событію и задумались надъ нимъ болѣе, быть можетъ, чѣмъ кто-либо въ самой Россіи. Дѣйствительно, тысячелѣтіе Россіи является вполнѣ знаменательнымъ *историческимъ* фактомъ только въ сравненіи съ судьбою другихъ славянскихъ земель. Мы, разумѣется, отстраняемъ тутъ всякій мистицизмъ; мы, подобно читателямъ нашимъ, не видимъ, чтобы цифра 1000 сама-по-себѣ имѣла особенное значеніе, въ родѣ того, напримѣръ, какое находили въ ней древніе Римляне, когда они

съ таинственнымъ трепетомъ встрѣчали тысячелѣтіе всемірной своей державы.

Нѣтъ; но цифра эта представляется гранью, черезъ которую не перешло ни одно изъ прежде бывшихъ государствъ славянскихъ. Единственный между славянскими народами, народъ Русскій переходить эту грань, вступаетъ во второе тысячелѣтіе государственнаго бытія. Государство Чешское, даже если возможно возвести его начало къ полумиѳическому Само (627 г.) и продолжить его существованіе на столѣтіе, въ которое Чешское государство, по присоединеніи къ Австрійской монархіи, сохраняло еще внутреннюю автономію, т. е. до 1620 г., даже и въ такомъ случаѣ Чешское государство семью годами не дожило до тысячелѣтія. Государство Польское простояло 935 лѣтъ (860—1795). Вѣкъ прочихъ славянскихъ государствъ былъ еще короче: государство Сербское прожило нѣсколько болѣе 800 лѣтъ (640—1458), государство Болгарское, и то съ большими перерывами, 725 лѣтъ (668—1393), государство Хорватское менѣе пяти столѣтій (638—1102); о прочихъ, возникавшихъ въ разное время и еще менѣе долговѣчныхъ славянскихъ государствахъ мы не говоримъ. Вотъ именно въ сравненіи съ этими цифрами, тысячелѣтіе Россіи можетъ быть названо явленіемъ дѣйствительно знаменательнымъ, получаетъ смыслъ факта историческаго или, вѣрнѣе сказать, живаго свидѣтельства, заявленнаго исторіею. Надъ свидѣтельствомъ этимъ намъ, и въ особенности другимъ Славянамъ, нельзя не призадуматься: отчего существованіе всѣхъ прочихъ славянскихъ государствъ было такъ кратковременно, что ни одно изъ нихъ не дожило до тысячелѣтія, и оно для нихъ представляется какимъ-то роковымъ, недосягаемымъ предѣломъ? Отчего всѣ они менѣе чѣмъ въ десять вѣковъ совершили полный кругъ бытія своего, отъ темнаго заложенія государственнаго порядка какимъ-нибудь Самомъ или Пястомъ, до совершеннаго разрушенія, до Бѣлогорской битвы и Косцюшкова «finis Poloniæ»? и отчего же въ Русской землѣ этого роковаго цикла, въ который вмѣстилась вся жизнь другихъ славянскихъ государствъ, отъ колыбели до могилы, — тысячелѣтія едва достало на внѣшній ростъ и сложеніе государственнаго организма, и на грани втораго тысячелѣтія ей предстоитъ *еще только въ будущемъ* — фазисъ внутренняго самосознанія, внутренней самодѣятельности?

Есть надъ чѣмъ задуматься; но кто изъ насъ въ силахъ разрѣшить эти вопросы, когда, съ одной стороны, исторія прежде бывшихъ, западныхъ и южныхъ, славянскихъ государствъ, хотя уже завершенная и потому доступная полному всестороннему сужденію [1]), еще

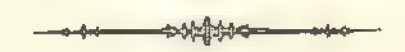
[1]) Я говорю, разумѣется, объ исторіи *государствъ*, а не о самихъ народахъ, которые пережили паденіе своихъ государствъ.

такъ мало приведена въ извѣстность или же такъ искажена современными пристрастіями, что дѣйствительный смыслъ ея остается покуда почти непонятнымъ, а съ другой стороны, исторія Россіи не подлежитъ окончательному приговору: ибо хотя мы, болѣе или менѣе, знаемъ, какія начала въ ней развивались и какія въ ней дѣйствовали силы, но результаты, къ которымъ она направляется, покрыты непроницаемою завѣсою будущаго. Настоящая минута, когда празднуется тысячелѣтіе Русскаго государства, невольно вызоветъ во многихъ изъ насъ желаніе оглянуться на судьбу другихъ государствъ славянскихъ, обнять ее взоромъ и сравнить въ общихъ чертахъ съ судьбою Россіи. Но къ какимъ бы выводамъ ни привело такое сравненіе, никто изъ насъ не рѣшится приписать имъ болѣе, чѣмъ приблизительную, а часто только гадательную вѣрность. Не станемъ однако воздерживаться отъ подобныхъ сужденій и выводовъ изъ опасенія односторонности и неточности. Одни частные факты удовлетворить насъ не могутъ; мысль наша невольно требуетъ обобщенія, заключенія, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о собственной семьѣ народной. А если бы стали утверждать, какъ намъ не разъ приходилось слышать, что не время еще думать объ общихъ выводахъ относительно исторіи Славянъ, — такъ какъ фактическая сторона ея еще слишкомъ мало разработана, — то мы позволимъ себѣ указать на примѣръ естественныхъ наукъ. Тамъ попытки обобщеній признаются полезными и нужными даже тогда, когда частные факты еще мало приведены въ извѣстность и обслѣдованы. Впослѣдствіи, общій взглядъ на нихъ дополнится, измѣнится, замѣнится другимъ; но обобщеніе не бываетъ лишнимъ и при началѣ развитія науки, для самаго уясненія фактовъ, для отысканія ихъ соотношеній, для направленія мысли отъ данныхъ извѣстныхъ къ неизвѣстнымъ.

Какъ обобщеніе въ наукахъ естественныхъ исходитъ изъ того положенія, что все въ природѣ подчинено непреложному закону, точно также, разумѣется, обобщенію явленій историческихъ мы должны предпослать признаніе основною, несомнѣнною истиною — что исторія не есть простое сцѣпленіе случайностей. Если бы судьба народовъ не обусловливалась своими законами, то какое значеніе имѣлъ бы для насъ, положимъ, тотъ фактъ, что изъ всѣхъ славянскихъ земель одна Россія создала государство долговѣчное? Это зависѣло, сказали бы мы тогда, отъ такихъ-то и такихъ-то внѣшнихъ обстоятельствъ, совершенно случайныхъ, которыя могли и не быть или быть иначе, такъ что, напримѣръ, Россія и не простояла бы тысячу лѣтъ, а гдѣ нибудь въ другой Славянской землѣ образовалось бы государство сильное и прочное.

Не отвергая огромнаго вліянія на судьбу каждаго народа — внѣшнихъ обстоятельствъ, имѣющихъ въ отношеніи къ нему характеръ случайности (хотя и они, сами по себѣ, суть плодъ историческихъ законовъ), мы думаемъ, что дѣйствіе на народъ этихъ внѣшнихъ, случайныхъ обстоятельствъ опредѣляется внутренними условіями его собственной жизни. Посредственно или непосредственно, исторія народа создается его органическими законами, которые, непосредственно, обусловливаютъ его внутреннее развитіе, посредственно же опредѣляютъ дѣйствіе на это развитіе внѣшнихъ обстоятельствъ. — Пояснимъ нашу мысль примѣромъ изъ исторіи Польши. Всякій знаетъ то стеченіе внѣшнихъ обстоятельствъ, которое положило конецъ Польскому государству; но кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что дѣйствіе этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ на судьбу Польши было обусловлено внутреннимъ ея разрушеніемъ? Внутреннее разрушеніе Польши произошло, какъ извѣстно, отъ ненормальнаго развитія шляхетскаго сословія, отъ водворенія въ странѣ совершенно чуждаго городскаго класса (нѣмецкіе мѣщане; магдебургское право; Жиды), наконецъ отъ вліянія римско-католическихъ идей, которыя въ крайности своей выразились въ іезуитахъ, этихъ отравителяхъ Польши. И шляхта, и нѣмецкое мѣщанство съ Жидами, и римскія церковныя идеи, все это было, очевидно, чужое первоначальной славянской почвѣ Польши. Зерна всѣхъ этихъ началъ были, мы знаемъ, занесены на славянскую почву Польши случайнымъ, внѣшнимъ ея соприкосновеніемъ съ средневѣковымъ Западомъ; но отчего эти чужія зерна такъ сильно въ ней принялись, какимъ образомъ могли они развиться на ней такъ могущественно, что притянули къ себѣ всѣ ея жизненные соки и заглушили на польской почвѣ природный ростъ ея первоначальныхъ славянскихъ началъ? Въ разрѣшеніи этого вопроса мы нашли бы ключъ къ пониманію смысла польской исторіи...

Но предметомъ настоящаго очерка мы избрали не Польшу, а другое славянское государство, тоже не дожившее до тысячелѣтія, — государство Чешское. Къ нему мы и обращаемся.

I.

Чехія до XIV вѣка. — Постепенное подчиненіе ея западно-европейской жизни. — Карлъ IV: Чехія становится главою Римско-Нѣмецкой имперіи. — Славянская оппозиція въ Чешскомъ народѣ.

Общій характеръ чешской исторіи до конца XIV вѣка можетъ быть опредѣленъ въ немногихъ словахъ. Вся эта эпоха въ жизни Чешскаго государства ознаменовывается постепеннымъ подчиненіемъ его западной Европѣ, постепеннымъ сближеніемъ и, такъ сказать, сроіценіемъ Чехіи съ латино-германскимъ міромъ.

Чешскій народъ былъ малъ и слабъ. Значительною частью границъ своихъ онъ соприкасался непосредственно съ населеніемъ нѣмецкимъ. Нѣмцы имѣли надъ нимъ громадный перевѣсъ обширности владѣній, числа и матеріальныхъ средствъ. Отношенія ихъ не могли съ древнѣйшихъ временъ не быть крайне враждебными. Опасность положенія заставила Чеховъ ранѣе другихъ славянскихъ племенъ приняться за государственную организацію, — и съ самаго же начала политическаго бытія своего, народъ этотъ ощутилъ потребность въ единеніи съ другими землями славянскими. Можно сказать, что идея славянской федераціи также стара между Чехами, какъ самая ихъ политическая жизнь: первый устроитель Чешскаго государства, Само [1]) является вмѣстѣ съ тѣмъ главою союза западныхъ славянскихъ народовъ, общими силами сражающихся за свою независимость противъ Нѣмцевъ и Аваровъ. Съ той поры идея такого союза три раза возобновлялась въ древнѣйшую эпоху чешской исторіи, и каждый разъ — главное, что побуждало западные славянскіе народы къ сближенію, была необходимость борьбы съ Германіею. Со временъ Карла Великаго, она смотрѣла на этихъ Славянъ, какъ на подданныхъ, принадлежавшихъ ей по праву: въ этомъ случаѣ завоевательныя стремленія Нѣмецкаго племени находили себѣ оправданіе и поощреніе въ представленіи о Германскомъ государѣ, какъ вселенскомъ монархѣ, преемникѣ Римскихъ императоровъ, призванномъ къ вер-

---

[1]) Въ первой половинѣ VII вѣка.

ховной власти надъ христіанскимъ міромъ и къ покоренію варварскихъ народовъ. Завоеванія Карла Великаго и его наслѣдниковъ вызвали у западныхъ Славянъ въ концѣ IX вѣка федерацію, средоточіемъ которой сдѣлалась Моравія и земля Прикарпатская (такъ наз. Велико-Моравское государство): Чехія добровольно подчинилась главѣ этого союза. Но недостало духа единства и выдержки для того, чтобы упрочить политическое зданіе, которое нѣсколько времени обнимало весь западный славянскій міръ отъ средней Эльбы до границъ Болгаріи. Вторженіе Венгровъ не встрѣтило достаточнаго сопротивленія, и они завоевали самый центръ этой федераціи, земли между Карпатами, Дравою и Дунаемъ. Отрѣзанная отъ южнаго Славянства и предоставленная собственнымъ силамъ, Чехія тотчасъ должна была поддаться Германіи. Но дѣло не обошлось безъ упорной борьбы. Нѣсколько разъ въ теченіе X вѣка старалась Чехія освободиться отъ этой зависимости. Однако, борьба была ей не по силамъ и самые воинственные князья Чешскіе принуждаемы были склоняться, какъ вассалы, передъ государями Нѣмецкими. Въ концѣ X вѣка была сдѣлана новая попытка собрать въ одно цѣлое разрозненныя земли западныхъ Славянъ. Сама Чехія стала во главѣ большаго славянскаго государства, заключавшаго въ себѣ, кромѣ Моравіи и Силезіи, оба склона Карпатскихъ горъ до верховьевъ Днѣстра. Но и въ этотъ разъ силы притяженія оказалось слишкомъ мало, такъ что государство, созданное могущественными Болеславами Чешскими, распалось тотчасъ послѣ смерти втораго изъ нихъ [1]). А когда, вслѣдъ за тѣмъ, на борьбу съ Германіей для освобожденія западнаго Славянства выступила Польша, когда ея королемъ (Болеславомъ Храбрымъ) сдѣлана была третья попытка связать западныхъ Славянъ въ одно политическое тѣло и онъ захотѣлъ включить въ эту державу и Чеховъ, то Чехи бросились въ объятья Германіи и съ ея помощью избавились отъ владычества Польскаго государя: но за то земля Чешская вошла навсегда, какъ вассальная страна, въ предѣлы Римско-Нѣмецкой имперіи (1002—1004 г.).

Этимъ кончается первый періодъ чешской исторіи, періодъ первобытной славянской жизни. Въ теченіе слѣдующихъ столѣтій, Чехія все болѣе и болѣе втягивается въ міръ западно-европейскій. Продолжительное дробленіе государства на удѣлы и междоусобія удѣльныхъ князей (1055—1197) способствовали, разумѣется, утвержденію вліянія Германіи. Это было время разложенія прежняго славянскаго быта подъ дѣйствіемъ западно-европейскихъ средневѣковыхъ понятій и учрежденій. Прошла наконецъ эта хаотическая эпоха; Чеш-

[1]) Болеславъ II умеръ въ 999 г.

ское государство устроилось вновь и могло выступить дѣятельнѣе въ исторіи. Нѣсколько разъ въ теченіе XIII и XIV в. оно поднимается до значительной высоты могущества и вліянія. Но государство Отакаровъ и Карла IV, по своему духу, по гражданскому своему устройству и быту общественному, принадлежитъ уже болѣе латино-германскому Западу, чѣмъ міру славянскому. Оно создало у себя шляхетское сословіе, съ знатными *панами*, которые живутъ въ своихъ замкахъ подобно баронамъ нѣмецкимъ, и съ простымъ рыцарствомъ, которое соревнуетъ съ рыцарями французскими и нѣмецкими въ соблюденіи всѣхъ законовъ и обычаевъ средневѣковаго благороднаго сословія. Оно учредило себѣ города на особомъ нѣмецкомъ правѣ и населило ихъ бюргерами, призванными изъ Германіи; оно наполнило свои владѣнія иностранными колонистами, выгородивъ ихъ изъ общаго земскаго права, и самое право это постепенно приблизило къ началамъ германскаго феодальнаго порядка. Свое древнее славянское вѣче оно превратило въ сколокъ съ средневѣковыхъ западно-европейскихъ сеймовъ благороднаго и мѣщанскаго сословій. Оно стало въ рядъ самыхъ ревностнѣйшихъ католическихъ державъ: Римская церковь, подъ вліяніемъ Германіи водворившаяся въ Чехіи вмѣсто восточнаго исповѣданія, принятаго ею первоначально, во время соединенія съ державою Велико-Моравскою, — Римская церковь мало-по-малу пріобрѣла въ Чешскомъ королевствѣ такія богатства и такое значеніе, какими пользовалась даже не во всѣхъ Германскихъ и Романскихъ земляхъ. Славянскія начала были совершенно подавлены или сглажены въ тогдашней Чехіи. Велика была сила Отакара I, его сына короля Вячеслава, и особенно Отакара II, блистательнаго завоевателя и рыцаря; но ни одинъ изъ этихъ государей не думалъ уже, какъ въ старину ихъ предшественники, воспользоваться своимъ могуществомъ для того, чтобы разорвать ослабѣвшую, при тогдашнемъ упадкѣ императорской власти, цѣпь вассальныхъ отношеній Чешской земли къ Германіи. Напротивъ того, они дорожили титуломъ и правами имперскаго курфирста, политика ихъ была тѣсно связана со всѣми внутренними дѣлами Германіи. А въ XIV вѣкѣ, при Карлѣ IV, Чехія была уже не только вполнѣ западно-европейскимъ государствомъ: она сама сдѣлалась главою «священной Римской имперіи Нѣмецкой націи (heiliges römisches Reich deutscher Nation)»; король Чешскій, вѣнчанный въ Римѣ короною цесарей, сталъ въ челѣ западно-европейскихъ государей, и столица его, старо-славянская Прага, сдѣлалась центромъ политической и умственной жизни Германіи. Чехія до такой степени усвоила себя тогдашнюю западно-европейскую образованность, что стала главнымъ разсадникомъ ея для всѣхъ Нѣмец-

кихъ земель [1]). Мало того, что Чехія въ общественномъ устройствѣ и бытѣ своемъ утратила все славянское; она даже внѣшнимъ образомъ, такъ сказать, переставала быть славянскою землю, замѣняя славянскій языкъ нѣмецкимъ не только въ общественномъ дѣлопроизводствѣ, но и въ частной жизни и литературѣ. При такомъ положеніи, утрата государственной независимости, какъ естественное послѣдствіе утраты самостоятельности общественной и бытовой, предстояла Чехіи неминуемо. Это было такъ очевидно, что даже самъ государь Чешскій, Карлъ IV, хотя Нѣмецъ родомъ, а воспитаніемъ Французъ, испугался быстраго исчезанія всего того, что обусловливало политическую самобытность Чешской земли, и сталъ противодѣйствовать ея «обезъязыченію» (если можно употребить въ прозѣ слово нашего поэта). Онъ рѣшился возстановить въ Прагѣ изгнанное изъ Чешской земли давнымъ-давно, послѣ долгихъ преслѣдованій, славянское богослуженіе. Это былъ первый признакъ наступающей реакціи. Но могла ли эта реакція перейти въ народъ, вызвать наружу, еще быть можетъ не совсѣмъ угасшія въ его нѣдрахъ, славянскія начала, внести ихъ въ жизнь общественную и возродить ими Чешскую землю? Въ народѣ Чешскомъ дѣйствительно были сѣмена, изъ которыхъ могла возникнуть такая реакція. — Надобно прежде всего замѣтить, что Славяне не были исконными жителями Чешской земли (Боіогема); они ею овладѣли, какъ вооруженные переселенцы, овладѣли ею въ эпоху историческую; а переселенецъ, занявшій чужую землю, естественно стоитъ на сторожѣ, менѣе безпеченъ и податливъ, тщательнѣе бережетъ свое добро и дорожитъ имъ, чѣмъ исконный житель края, человѣкъ, которому и въ голову не приходитъ мысль о необходимости отстаивать свое наслѣдственное достояніе.

„Нехвально намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду,
У насъ правда по закону свату,
Ю-же принесеху отци наши
Въ се-же жирне власти презъ три рѣкы"! [2])

Эти замѣчательныя слова донеслись къ намъ изъ глубочайшей древности, изъ Чехіи еще дохристіанской: а могъ ли бы въ ту младенческую эпоху, у какого-бы то ни было народа, а тѣмъ болѣе у воспріимчиваго народа славянскаго, родиться такой ясный, сознательный взглядъ на различіе между своимъ закономъ и чужимъ, на необходимость держаться *своей* правды и не принимать чужой, если бы *своя* правда, *свой* законъ не были именно *принесены* предками,

[1]) Пражскій университетъ, основанный въ 1348 г., — первый „въ Германіи".

[2]) „Не похвально намъ искать правды въ Нѣмечинѣ; у насъ правда по святому закону, правда, которую принесли отцы наши въ эти плодородныя страны — черезъ три рѣки".

которымъ не даромъ достался благодатный край Чешскій, если бы отцы и дѣды владѣли имъ испоконъ вѣка? Эта любовь къ *своему* поддерживалась потомъ недружелюбнымъ соприкосновеніемъ съ нѣмецкою стихіею, которая, съ тѣхъ поръ какъ водворилась окончательно въ собственной Австріи (между IX и XI вѣками), а съ другой стороны овладѣла землею Полабскихъ Сербовъ (нынѣшнею Саксоніею, въ X и XI в.) и Силезіею (въ XII и XIII в.), — охватила Чехію съ сѣвера, юга и запада и постоянно грозила поглотить своими растущими волнами славянскую землю, врѣзывавшуюся полуостровомъ въ глубь германскихъ странъ. Тяжелое матеріальное давленіе иноземной стихіи ощущалось народомъ Чешскимъ ежечасно въ продолженіе всего историческаго его развитія, и понятно, что оно питало въ немъ ту чуткость къ опасности отъ враждебныхъ славянству началъ, какая высказалась уже на порогѣ исторіи чешской, въ словахъ, которыя народная пѣснь вложила въ уста вѣщей Любуши. Въ средневѣковой Европѣ (такъ гласитъ мнѣніе, сдѣлавшееся почти общимъ мѣстомъ), чувства народности не было, народность не сознавалась и принципъ ея не имѣлъ вліянія на историческія событія. Но если мнѣніе это не приложимо нигдѣ безъ ограниченій, то въ отношеніи къ Чехіи оно оказывается совершенно ложнымъ. О Чехахъ въ средніе вѣка можно сказать, что идея народности была въ нихъ такъ жива, сознаніе ея такъ развито, какъ въ наше время еще не у многихъ племенъ. По мѣрѣ того, какъ правители Чехіи впутывались въ дѣла Германіи, какъ они и большая часть знати и горожанъ подчинялись господству нѣмецкаго духа, быта и языка, идея народности росла и крѣпла въ людяхъ, предвидѣвшихъ въ отступленіи отъ славянскихъ началъ гибель своей родины, и находила себѣ горячихъ, — мало этого выраженія, — ярыхъ представителей, въ родѣ автора стихотворной хроники, извѣстной подъ именемъ Далимиловой. Писанная въ началѣ XIV вѣка, она дышетъ такимъ славянскимъ патріотизмомъ, такою ненавистью къ овладѣвавшему Чехіею германизму, что многія страницы ея кажутся журнальною полемикой нынѣшняго дня, и еще недавно издать ее въ Прагѣ можно было лишь съ пропусками. Одно уже произведеніе это является важнымъ симптомомъ въ такую эпоху, когда Чехія, судя по ходу ея политической и общественной жизни, готова была (подобно княжествамъ Силезскимъ и Померанскому около того же времени) изъ самобытнаго славянскаго государства сдѣлаться чисто нѣмецкимъ членомъ Германской федераціи, называвшейся священною имперіею. А хроника Далимилова не составляетъ исключенія въ средневѣковой литературѣ чешской. Подобныя выраженія чувствъ славянскаго народнаго патріотизма встрѣчаются и въ другихъ памятникахъ, напр. даже въ сочиненіяхъ

благодушнаго Ѳомы Щитнаго, лучшаго писателя до-гуситской Чехіи, замѣчательнаго философа своего времени (жилъ во второй половинѣ XIV вѣка). Явно, что въ тогдашней Чехіи славянскій духъ еще не умеръ, что онъ, напротивъ, находилъ себѣ сознательное выраженіе въ оппозиціи противъ торжествующаго вліянія иноземныхъ началъ. Уже по одному тому, что участь Чеха простолюдина, и особенно земледѣльца, страшно ухудшилась подъ дѣйствіемъ общественнаго устройства, принятаго отъ Германіи, — слѣдуетъ предполагать, что оппозиція эта пользовалась сочувствіемъ народной массы. Мы должны сказать болѣе: она была голосомъ чешскаго простонародія, представительницею его мысли; это яснѣе всего доказываютъ дальнѣйшія событія.

Но преданность своему, потому только, что оно свое, отвращеніе къ чужому, потому только, что оно чужое, ничего не произведутъ. И народная оппозиція въ средневѣковой Чехіи, конечно, ничего бы не произвела, если бы подобно тому, какъ было между Славянами на Балтійскомъ поморьѣ и въ другихъ мѣстахъ, оппозиція эта оставалась при одной ненависти къ чужому, при одномъ сопротивленіи нѣмецкой гражданственности, — если бы въ Чехіи народное начало не воплотилось въ положительной идеѣ, сдѣлавшейся его знаменемъ, предметомъ его вѣрованій и стремленій. Ибо народъ, когда онъ погибаетъ, можетъ быть вызванъ къ жизни только силою вѣры въ идею, которая дастъ ему историческое дѣло, которая, показавъ ему цѣль, одушевитъ его на подвигъ. И нужно еще, чтобы эта идея не была сама по себѣ устранена, обречена на гибель развитіемъ человѣчества. Въ исторіи славянской сравнимъ съ Чехами племя Силезское и Поморянъ; не оружіе Германіи, а ея духъ, ея общественныя начала овладѣли ими въ XIII и XIV вѣкѣ, точно также какъ Чехіею; но какую идею, какое знамя они ей противопоставляли? Никакого, развѣ только то, что они были Славяне, а не Нѣмцы; и племена эти (числомъ едва ли уступавшія Чехамъ, а по своему положенію находившіяся въ гораздо меньшей опасности) вымерли, ничѣмъ не ознаменовавъ себя въ исторіи. Сравнимъ съ Чехами славянскія племена, занимавшія все пространство между Эльбой и Одрой и которыя Германія истребила до послѣднихъ слѣдовъ. Матеріально, они составляли массу, не въ примѣръ сильнѣйшую, чѣмъ Чехи. Боролись они съ невѣроятнымъ мужествомъ четыреста лѣтъ; но боролись за отжившее язычество противъ христіанской земли, за устраненную уже во всей тогдашней Европѣ старую племенную свободу противъ страны, сознавшей свое народное и государственное единство.

II.

Преданіе Восточной вселенской церкви въ Чехіи. — Вліяніе Пражскаго университета. — Виклефъ. — Появленіе Гуса.

Идею, воскресившую Чешскій народъ въ началѣ XV вѣка, дала религія. Идея эта не была плодомъ личнаго умозрѣнія, а жила въ Чешскомъ народѣ какъ преданіе, болѣе или менѣе затемнявшееся, но никогда не угасавшее: это было преданіе о христіанствѣ *вселенскомъ*, свободномъ отъ тѣхъ стихій, которыя сдѣлали изъ Западной церкви въ средніе вѣка ѳеократическую монархію, исключительно принадлежавшую семьѣ народовъ Романскихъ и Германскихъ. Въ созданіи этой монархіи Славяне не участвовали, и принимались въ нее не какъ братья и граждане, а какъ варвары и подданные, въ римскомъ смыслѣ этихъ словъ: barbarae, subjectae nationes. Присоединяясь къ латинской церкви, Славянинъ тѣмъ самымъ поступалъ подъ власть не только духовнаго главы союза Западныхъ народовъ, но и его свѣтскаго главы, Римско-Германскаго императора. Такъ было съ Чехіею, и этого ига ей не удавалось свергнуть; она даже сроднилась съ нимъ до такой степени, что вассальная зависимость отъ Германской имперіи сдѣлалась для Чешской земли однимъ изъ коренныхъ основаній ея государственнаго права и политическихъ отношеній. Такъ было съ княжествами Поморскими, съ землею Лужицкою, съ Карпнтіей и др., гдѣ католицизмъ повлекъ за собою не только политическое, но и полное общественное господство нѣмецкой стихіи. Такъ было даже съ отдаленной Польшей, которой не мало труда стоило избавиться отъ вассальныхъ отношеній къ Нѣмецкому государству, создавшихся въ силу самаго обращенія ея въ католицизмъ [1]). Вотъ внѣшняя причина, почему Римская церковь Славянъ отъ себя отталкивала; а внѣшнему характеру ея соотвѣтствовали и внутрен-

[1]) Германія простирала свои притязанія и на прочія земли Славянъ католиковъ, на королевство Хорватское и на Далмацію; но эти земли вскорѣ подпали подъ непосредственную зависимость отъ другихъ, католическихъ же державъ, Венгріи и Венеціи. Отъ первой, какъ извѣстно, вслѣдствіе принятія ею католицизма, Римско-Нѣмецкіе императоры вначалѣ требовали признанія ихъ верховныхъ правъ, а Венеція входила, хотя не непосредственно, въ составъ той священной монархіи, главами которой были императоръ и папа.

нія свойства, — аристократическій духъ устройства церковнаго, исключеніе народа изъ церковной жизни самимъ богослужебнымъ языкомъ, преобладаніе иноземнаго, римско-нѣмецкаго права и быта, которое сопровождало католицизмъ во всѣ славянскія земли, куда онъ только проникалъ. Иныя племена славянскія, которыя, прямо изъ язычества вступивъ въ Западную церковь, не знали христіанства въ другой формѣ, могли съ этой церковью свыкнуться: христіанская основа религіи удовлетворяла ихъ чувству, — и чуждыя, римско-нѣмецкія, стихіи, привитыя къ этой основѣ, вмѣстѣ съ нею внѣдрялись въ ихъ жизнь и духъ: самый разительный примѣръ представляетъ Польша. Но не то было у Чеховъ. Они знали про другое христіанство, нежели какое господствовало въ ихъ землѣ и главами котораго были Римскій папа и Нѣмецкій цесарь. Они знали про первобытную вселенскую церковь, и знали, что современный католицизмъ не есть эта церковь. Обратили ихъ въ христіанство люди, пришедшіе съ востока, принесшіе съ собою священныя книги на языкѣ славянскомъ, на немъ совершавшіе богослуженіе, учившіе христіанской вѣрѣ не такъ, какъ учили проповѣдники изъ Германіи и Италіи; даже внѣшніе обряды религіозные были у нихъ не тѣ, и обряды служенія первыхъ вѣроучителей, сопровождаемые священными словами, народу понятными, не легко уже могли изгладиться изъ его памяти [1]). Въ концѣ IX вѣка Чехи приняли христіанство, какъ принесли его изъ Греціи и Болгаріи Кириллъ и Меѳодій, — и только чрезъ сто лѣтъ, въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка, католицизмъ, подчиняя себѣ Чехію по мѣрѣ того, какъ она подчинялась Германіи, утвердился въ ней окончательно; только черезъ двѣсти лѣтъ, въ 1096 году, изъ нея вытѣснено было богослуженіе по древнимъ православнымъ книгамъ славянскимъ. Вотъ изъ какого источника шло въ Чешскомъ народѣ преданіе о какой-то лучшей, ближайшей къ христіанской истинѣ церкви, нежели та, которая у него господствовала и которую наложила на него Германія вмѣстѣ съ своею верховною властію, своимъ бытомъ, своими ненавистными для славянскаго племени учрежденіями. Прошедшее завѣщало Чешскому народу въ области религіозной — идеалъ, и этотъ идеалъ долженъ былъ храниться тѣмъ крѣпче и живѣе, что онъ, вслѣдствіе всѣхъ историческихъ обстоятельствъ, находился въ неразрывной связи съ подавленными въ Чешскомъ государствѣ стихіями славянской народности, подобно тому, какъ ка-

[1]) Такъ Чехи никакъ не могли привыкнуть къ принятію причастія подъ однимъ видомъ хлѣба, и еще въ XIV в., т. е. до появленія Гуса, стремились возстановить „чашу“ въ причастіи. Въ XIV же вѣкѣ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ чешскихъ, Матвѣй изъ Янова, по словамъ древняго сказанія, совершалъ богослуженіе по греческому обряду.

толицизмъ, съ другой стороны, воплощалъ въ себѣ начала Западнаго міра, грозившія ей окончательнымъ истребленіемъ.

Вліяніемъ древняго религіознаго преданія, жившаго въ народѣ Чешскомъ, объясняется между прочимъ и то, что императоръ Карлъ IV, въ видахъ уступки національному чувству своихъ подданныхъ, прибѣгнулъ именно къ возстановленію въ Прагѣ славянскаго богослуженія, — хотя онъ, ревностный католикъ, сдѣлалъ это не иначе, какъ съ ограниченіями, предписанными папою, и съ сохраненіемъ римскихъ догматовъ. Но эта внѣшняя уступка, разумѣется, не могла удовлетворить стремленіямъ чешской народности, которая, съ быстрымъ въ то время развитіемъ образованности въ краѣ, укрѣплялась все болѣе и болѣе силою самосознанія. Ибо образованность губитъ только тѣ народности, которыя не имѣютъ внутренней жизни, не сознаютъ въ себѣ идеальной задачи: только эти народности охраняются невѣжествомъ и исчезаютъ при соприкосновеніи съ просвѣщеніемъ. Но та народность, которая одушевлена идеею и ощущаетъ въ себѣ силу для ея осуществленія, вызывается просвѣщеніемъ къ сознанію своей задачи и къ дѣятельности, неминуемому слѣдствію такого сознанія. Такъ и народность чешская, хранившая безсознательно идею, данную ей предшествующими вѣками, только тогда ее поняла и устремилась за нею, когда въ странѣ разлилось образованіе, благодаря въ особенности основанному Карломъ IV университету, который сдѣлался тотчасъ умственнымъ средоточіемъ не только самой Чехіи, но и сосѣднихъ странъ, Германіи, Польши, Венгріи. Въ XIV вѣкѣ уже зашевелились на Западѣ вопросы объ исправленіи церкви. Мысли Запада становились достояніемъ образованныхъ Чеховъ; но тамъ, на Западѣ, идеи реформаторовъ оставались, пока, неприложимою мечтою; въ Чехіи слова Англичанина Виклефа, которыя въ самой Англіи замерли безъ отголоска, — въ Чехіи слова этого ученаго, отвергавшаго авторитетъ папы, требовавшаго согласованія существующей церкви съ коренными началами христіанства, сдѣлались голосомъ народнымъ: ибо въ Чехіи почва была готова, живое преданіе хранило образъ искомой церкви и ожидало сознательнаго выраженія. Уже до появленія сочиненій Виклефа, проповѣдники чешскіе [1]), увлекавшіе за собою народъ цѣлыми толпами, высказывали мысли, отрицавшія самыя начала католицизма. Наконецъ, явился Иванъ Гусъ (род. 1369 г.), вышедшій изъ среды простаго народа (сынъ земледѣльца) и при этомъ достигшій въ Пражскомъ университетѣ высшихъ

[1]) Какъ то: Миличь изъ Кромѣрижа (умеръ 1374) и его ученикъ Матвѣй изъ Янова, о которомъ мы уже упомянули. Миличь изъ Кромѣрижа замѣчателенъ, между прочимъ, тѣмъ, что онъ сталъ проповѣдывать по-чешски, тогда какъ прежде проповѣдники, разсчитывавшіе въ Чехіи на успѣхъ, говорили свои слова по-нѣмецки.

ученыхъ степеней. Онъ провозгласилъ опредѣленно и безусловно идею возстановленія вселенской апостольской церкви и съ тѣмъ вмѣстѣ славянской народности въ Чехіи [1]). Огромный переворотъ наступилъ въ жизни Чешскаго народа.

III.

Характеръ гуситства. — Его различіе отъ протестантизма.

Мы объяснили себѣ происхожденіе гуситства двумя стихіями. Съ одной стороны, стихія, такъ сказать, внѣшняя и личная: это развитіе въ странѣ образованія, выставлявшее ощутительнѣе злоупотребленія современной латинской церкви и потребность ея исправленія, вліяніе западныхъ идей, между прочимъ, сочиненій Виклефа и т. п. Съ этой стороны, Гусъ, равно какъ его предшественники и послѣдователи, являются какъ бы протестантами, личными нововводителями въ церкви, — и съ этой исключительно точки зрѣнія смотрятъ на нихъ нынѣшніе Чехи и всѣ западные писатели. Но безконечно важнѣе внутренняя, народная стихія, источникъ жизни и силы личныхъ представителей народной идеи чешской, основа и идеальная цѣль всего движенія, обозначаемаго въ исторіи именемъ Гуса. Эта стихія намъ уже извѣстна, — мы видѣли, откуда она взяла свое начало. Ея присутствіе даетъ гуситству характеръ совершенно своеобразный, существенно отличный отъ позднѣйшаго западнаго протестантизма. Посудимъ объ одномъ: западный протестантизмъ, созданный Лютеромъ и Кальвиномъ, не ограничился однимъ народомъ, а водворился во многихъ странахъ, столь различныхъ между собою, какъ Англія и Венгрія, Франція, Германія и Польша; но нигдѣ, непосредственно, не совершалъ внутренняго общественнаго переворота, не потрясалъ существующаго государственнаго порядка и оставался, вначалѣ, въ области исключительно религіозной. Гуситство, напротивъ того, не распространилось за предѣлы земли Чешской [2]) и даже

[1]) Что дѣятельность Гуса не была исключительно сосредоточена на вопросахъ религіозныхъ, и что онъ имѣлъ въ виду *непосредственно* и славянскую народность въ своемъ отечествѣ, явствуетъ изъ всей его жизни и сочиненій.

[2]) Разумѣемъ подъ этимъ именемъ и нераздѣльно связанную съ Чехіею Моравію; отчасти гуситство перешло и къ Словакамъ, народность которыхъ почти тождественна съ чешско-моравскою.

тамъ принято было единственно природными Чехами. Хотя, повидимому, потребность религіозной реформы могла быть одинаково ощутительна всѣмъ жителямъ края, и Нѣмцы, обитавшіе десятками тысячъ въ Чехіи, составляли въ ней элементъ, относительно болѣе развитый, чѣмъ туземцы-Славяне [1]), однако же ни одинъ Нѣмецъ не сдѣлался послѣдователемъ Гуса. А съ другой стороны, проповѣдь чешскаго реформатора, при такихъ тѣсныхъ предѣлахъ вліянія, захватывала жизнь несравненно глубже, чѣмъ нѣмецкій протестантизмъ: она произвела въ Чехіи немедленно полный переворотъ, не только религіозный, но также и политическій и общественный, она какъ бы переродила въ одно мгновеніе весь народъ Чешскій. Отчего же такое существенное различіе въ дѣйствіи той и другой церковной реформы? Западный протестантизмъ былъ, какъ намъ кажется, реакціей личной религіозной мысли передовыхъ людей своего времени противъ церковнаго авторитета Рима: такимъ образомъ, онъ не затрогивалъ непосредственно ничего, кромѣ церкви, но и распространялся за то вездѣ, гдѣ мысль его творцовъ, по религіозному состоянію и степени образованности страны, могла найти себѣ отголосокъ; распространялся притомъ всегда сверху внизъ, отъ аристократіи и горожанъ переходя (а часто и не въ силахъ будучи перейти) въ народъ. Гуситство, съ другой стороны, было реакціей подавленной народности, нашедшей себѣ проявленіе въ мысли религіозной; и такова причина, почему дѣло Гуса охватило все, что было въ землѣ Чешской, и религію, и правительство, и общество, однимъ словомъ, весь существующій порядокъ вещей. Но по тому же самому, внѣ предѣловъ народности, которой оно было выраженіемъ, и въ людяхъ, не принадлежавшихъ къ этой народности, хотя жившихъ въ той же землѣ, гуситство не могло имѣть послѣдователей; и Германія, которая такъ скоро потомъ сдѣлалась главною представительницею протестантизма, не только не привѣтствовала съ сочувствіемъ освобожденія религіозной мысли въ Чехіи, но, напротивъ того, встрѣтила гуситское движеніе съ самою яростною враждою, съ враждою, въ полномъ смыслѣ народною [2]): ибо именно Германія наложила на Чешскій народъ тѣ стихіи, противъ которыхъ гуситство было реакціей. Наконецъ, еще замѣчательная черта различія: западный протестантизмъ, какъ мы сказали, становился сперва достояніемъ высшихъ классовъ, и иногда оставался при нихъ и не проникалъ въ простой народъ; а чешская религіозная реформа, обозначенная именемъ Гуса, сдѣлалась

---

[1]) Нѣмцы составляли по преимуществу городское, промышленное населеніе; Славяне — сельское, земледѣльческое.

[2]) Любопытно въ этомъ отношеніи прочесть отзывы о гуситахъ современныхъ нѣмецкихъ писателей, напримѣръ Эшеплёра.

тотчасъ исповѣданіемъ простолюдиновъ, — въ аристократіи же нашла немного приверженцевъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему опредѣленію характера обоихъ религіозныхъ движеній, чешскаго и западно-европейскаго; и можно ли, при всемъ этомъ, не признать ихъ явленіями, существенно различными? Можно ли, какъ привыкли говорить западные писатели, считать гуситство какимъ-то недодѣланнымъ предшественникомъ нѣмецкаго протестантизма?

Какъ гуситство было проявленіемъ одной народности, такъ и самая религіозная идея, въ немъ заключавшаяся, принадлежала исключительно этой народности и отличалась отъ религіозной идеи позднѣйшаго нѣмецкаго протестантизма. Протестантизмъ былъ раціоналистическимъ преобразованіемъ церкви, гуситство — стремленіемъ возсоздать въ ней то, что существовало въ народѣ, какъ дѣйствительное преданіе минувшаго. Все предыдущее развитіе чешской исторіи, нами изложенное въ главнѣйшихъ чертахъ, указываетъ на этотъ источникъ гуситскаго движенія, и всякое сомнѣніе, собственно съ богословской точки зрѣнія, которой мы не касались, устранено учеными изслѣдованіями одного нашего соотечественника [1]). Ссылаясь на него, мы здѣсь не станемъ вдаваться въ разборъ догматическихъ мнѣній Гуса, и укажемъ только на одинъ фактъ, мелкій, но который тѣмъ разительнѣе указываетъ на основу преданія въ гуситствѣ. Между прочими упреками церкви латинской, гуситы всегда выставляли то, что она не допускаетъ причащенія младенцевъ; какъ скоро Чехи свергали съ себя власть Рима, они тотчасъ приносили младенцевъ къ причастію, и когда, впослѣдствіи, начались переговоры о примиреніи гуситскаго исповѣданья съ католицизмомъ, то они постоянно требовали, чтобы за ихъ церковью признано было право причащенія младенцевъ. И съ такою настойчивостью повторяли Чехи это требованіе, что, очевидно, причащеніе младенцевъ было у нихъ обычаемъ дорогимъ народу и съ которымъ онъ уже не хотѣлъ разстаться. Представимъ себѣ: мыслимо ли это въ средѣ, ищущей раціоналистической реформы въ церкви? Ясно, что причащеніе младенцевъ предполагаетъ безусловную, непосредственную вѣру въ таинство, въ его дѣйствіе на человѣка, если только онъ самъ не отвергаетъ его актомъ сознанія (мыслію или дѣломъ). Раціонализмъ, напротивъ, прикоснувшись къ ученію о таинствѣ, непремѣнно захочетъ — не распространить его, какъ дѣлали Чехи, а ограничить, поставить въ зависимость отъ сознанія человѣка. Такъ Римская церковь, вѣрная юридическому раціонализму древняго Рима, весьма естественно отвергла причащеніе въ возрастѣ безсознательномъ; а про-

[1]) Г. Новикова, „Гусъ и Лютеръ“.

тестантскія секты, чтобы быть вполнѣ послѣдовательными, еще болѣе ограничили доступъ къ евхаристіи, требуя для него не только возраста способнаго къ сознанію, какъ Римъ, но дѣйствительнаго сознанія, доказаннаго испытаніемъ, которое составляетъ сущность конфирмаціи. Одна только церковь Восточная сохранила обычай первобытнаго христіанства, которое, съ своею непосредственною вѣрою въ завѣщанное Христомъ таинство, допускало къ нему и младенцевъ. И когда мы знаемъ, что Чехи-гуситы XV столѣтія стояли грудью за этотъ обычай, что причащеніе младенцевъ было однимъ изъ тѣхъ предметовъ вѣры, за которые цѣлый народъ проливалъ потоками кровь свою, то можно ли не признавать древняго, пришедшаго съ Востока, религіознаго преданія, ожившаго въ гуситствѣ, и позволительно ли толковать о немъ, какъ о проявленіи личнаго раціонализма и нововводительства въ церкви [1])?

Конечно, личный раціонализмъ все болѣе и болѣе прививался къ гуситству, по мѣрѣ того, какъ оно было призвано къ практическому осуществленію своихъ идей, и съ теченіемъ времени овладѣлъ имъ совершенно,—мы сейчасъ увидимъ, по какимъ причинамъ. Но не въ немъ, повторяемъ, былъ источникъ религіознаго и политическаго переворота, потрясшаго Чехію въ началѣ XV вѣка, а въ народѣ, и въ тѣхъ стихіяхъ, которыя онъ хранилъ по преданію, въ стихіи перво-

[1]) Чешскіе историки, писавшіе о гуситствѣ, слишкомъ мало обращали вниманіе и на слѣдующій, весьма знаменательный фактъ. Вѣрнѣйшій другъ и ученикъ Гуса, его товарищъ въ жизни и на мученическомъ кострѣ, Іеронимъ Пражскій, не задолго до своей смерти, совершилъ путешествіе въ Литву и Русь. Положимъ, что его влекло на Востокъ не преданіе народное, а личное желаніе познакомиться съ тамошнимъ христіанствомъ (чего, надобно замѣтить, мы не видимъ ни въ комъ изъ основателей собственно протестантскихъ сектъ). Однако путешествіе Іеронима не ограничилось наблюденіями иновѣрца надъ Восточною церковью: въ Витебскѣ и Псковѣ онъ открыто сталъ въ общину православныхъ, вмѣстѣ съ ними принималъ причастіе, въ спорахъ съ католиками защищалъ Восточную церковь, какъ истинную, —чѣмъ и причинилъ такой соблазнъ въ Литвѣ, что эти поступки были поставлены Констанцскимъ соборомъ въ число важнѣйшихъ обвиненій, на основаніи которыхъ соборъ приговорилъ его къ смертной казни. Спрашивается: могъ ли протестантъ-нововводитель въ Римской церкви, человѣкъ, относившійся къ ней единственно съ точки зрѣнія личнаго раціонализма, до такой степени *забыться*, отречься отъ своего характера, чтобы прямо вступить въ другую историческую церковь, еще болѣе дорожившую преданіемъ, еще менѣе податливую на личное нововводительство, чѣмъ Римская церковь? Нѣтъ сомнѣнія: Іеронимъ, также мало, какъ его учитель Гусъ, былъ протестантъ-нововводитель. Преданіе указывало ему на Востокъ, какъ на источникъ древней народной вѣры Чеховъ; пріѣхавъ въ среду православныхъ, онъ ощутилъ себя въ родной семьѣ церковной; ему даже не нужно было особеннаго акта обращенія (иначе переходъ въ православіе столь знаменитаго въ свое время богослова былъ бы, безъ сомнѣнія, торжественно заявленъ); онъ просто пріобщился къ исповѣданью, котораго и прежде не считалъ себя чуждымъ. Если же путешествіе Іеронима на Востокъ не принесло особенныхъ плодовъ, то причина въ томъ, что онъ по возвращеніи попалъ тотчасъ въ Констанцскую тюрьму, а оттуда на костеръ.

бытнаго христіанства, предшествовавшаго въ Чехіи водворенію католицизма и имъ подавленнаго, и въ стихіи славянской народности, забитой вліяніемъ Германіи. И эти-то двѣ стихіи, уже прежде не разъ напоминавшія о своемъ существованіи, вырвались на поприще исторіи въ краснорѣчивомъ словѣ и въ еще болѣе краснорѣчивой жизни и смерти Гуса: то, что таилось въ безмолвіи чешскихъ деревень, какъ преданіе, или высказывалось какъ требованіе въ томъ или другомъ частномъ вопросѣ, нашло въ немъ сознательное и полное выраженіе. Гусомъ поднято было знамя, вокругъ котораго народъ Чешскій могъ собраться для дѣйствія.

IV.

Гуситскія войны и ихъ результатъ.

Но Чешскій народъ, по своей малочисленности, при вещественномъ перевѣсѣ и нравственномъ господствѣ приковавшей его къ себѣ Западной Европы, не былъ въ состояніи переработать чужое, его тѣснившее, мирнымъ, правильнымъ развитіемъ своихъ славянскихъ началъ: вмѣсто того, чтобы преодолѣть, поглотить, уничтожить ей несвойственныя начала, славянская стихія въ Чехіи, напротивъ, подавлялась все болѣе и болѣе въ то самое время, когда государство Чешское стояло на высотѣ политическаго могущества. Что же могла сдѣлать славянская стихія въ Чехіи? Ей оставался тотъ отчаянный исходъ, къ которому бросаются народы, когда тяготѣющее надъ ними зло таково, что мирнымъ и правильнымъ развитіемъ оно ослаблено и уничтожено быть не можетъ: Чешскому народу оставались средства насильственныя, революціонныя. Когда Гусъ, поднявшій голосъ за возстановленіе вселенскаго преданія въ церкви и за права чешской народности передъ иноземными стихіями, былъ сожженъ въ Германіи соборомъ Западной Европы (1415 г.), Чехи возстали и бросились истреблять насильственно тò, чтò въ теченіе столѣтій накопилось въ ихъ землѣ римско-католическаго и нѣмецкаго. Время, наступившее послѣ смерти Гуса, имѣетъ вполнѣ значеніе революціи и по своему характеру совершенно сходствуетъ съ тѣми революціями, какія вспыхнули потомъ на Западѣ, въ Англіи въ XVII вѣкѣ, во Франціи въ XVIII-мъ. Это была первая въ новомъ европейскомъ мірѣ и, надобно замѣтить, единственная въ мірѣ Славянскомъ революція въ соб-

ственномъ смыслѣ этого слова, т. е. насильственное и внезапное ниспроверженіе самимъ народомъ существовавшаго въ странѣ общественнаго порядка [1]). Согласно общему духу того времени и особеннымъ условіямъ исторической жизни Чешскаго народа, революція эта имѣла, мы знаемъ, главнымъ предметомъ и главною цѣлію вѣру; но она далеко не ограничилась областью церковною. Время гуситскихъ войнъ (1419—1434) ознаменовалось и изгнаніемъ законнаго государя, и ниспроверженіемъ всего прежняго общественнаго порядка, и поголовнымъ истребленіемъ или изгнаніемъ нѣмецкаго населенія, водворившагося въ Чехіи, и попытками уничтожить неравенство сословій, и поползновеніями къ комунизму. Подъ самосозданнымъ правленіемъ Жижки и Прокопа отброшены были всѣ условія средневѣковой общественной жизни, и простолюдинъ становился рядомъ съ рыцаремъ— и въ военномъ строю и въ общественномъ сходѣ. А что борьба велась не только за вѣру, но и за народность чешскую и вообще славянскую, и что сами бойцы того времени это сознавали, — о томъ свидѣтельствуютъ ихъ собственныя выраженія въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ. — Тогдашняя Чехія, какъ и другія земли въ эпохи революціи, наводитъ на умъ черезчуръ избитое, но вѣрное сравненіе съ вулканическимъ взрывомъ: наибольшая сила огня пожирается внутреннимъ кипѣньемъ, подъемомъ скалъ, бореніемъ стихій; но ничто не можетъ противостать тѣмъ раскаленнымъ потокамъ, которые огнедышащая гора извергаетъ во всѣ стороны. Вспомнимъ внутренніе ужасы революціонной Франціи конца XVIII вѣка и тѣ четырнадцать армій, которыя она, во время самаго страшнаго разгара междоусобій и казней, во время полнаго банкротства и анархіи, посылала побѣждать всѣ сосѣднія державы. Такою же точно представляется и революціонная Чехія начала XV вѣка: внутри раздоръ, кровопролитіе, жестокости и казни безъ счету, поддѣлка денегъ [2]), всеобщее разореніе,—и въ то же время дивное одушевленіе противъ враговъ, побѣды неимовѣрныя! По свидѣтельству современника, Чешская земля въ эту пору потеряла треть своего населенія; но весь Западный міръ не могъ одолѣть одного небольшаго народа! Со всѣхъ своихъ концовъ скликала католическая Европа крестовыхъ воиновъ противъ «заклятыхъ враговъ церкви и языка нѣмецкаго»; года проходили въ непрестанномъ бою; стотысячныя арміи—

---

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь революцію именно въ этомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ возстанія противъ чужаго правительства или чужаго господствующаго племени,—что въ наше время такъ часто и такъ несправедливо называютъ или клеймятъ именемъ революціи.

[2]) Совершенно тоже, что въ наше время называется государственнымъ банкротствомъ. Революціонное правительство чешское чеканило деньги изъ олова или желѣза и выпускало ихъ по обязательной цѣнѣ серебряныхъ денегъ.

лучшія силы всей Германіи и Венгріи съ союзниками, приходившими на помощь даже изъ отдаленнѣйшихъ государствъ католическихъ, — гибли подъ кованными желѣзомъ цѣпами, которые геніальный полководецъ далъ въ руки чешскимъ простолюдинамъ, или разбѣгались передъ ихъ крѣпкимъ строемъ: католическія націи высылали новыя арміи, и эти арміи въ свою очередь гибли. Чехи наконецъ перенесли войну въ сосѣднія Нѣмецкія земли, и принудили соборъ Западной Европы искать перемирія и соглашенія съ «бунтовщиками», отвергнувшими все то, что было основаніемъ вѣры и общественнаго порядка для тогдашняго западнаго человѣчества.

Таковы были эти гуситскія войны, величайшій (въ соразмѣрности съ силами) подвигъ мужества, когда-либо совершенный славянскимъ народомъ. Характеръ ихъ, повторяемъ, въ полномъ смыслѣ революціонный: это былъ полнѣйшій переворотъ въ судьбѣ Чешской земли; это былъ внезапный взрывъ задавленной тамъ славянской стихіи, которую воздвигла, какъ общее знамя, идея первобытной христіанской церкви, развившись изъ преданія, оставленнаго въ народѣ проповѣдью древнихъ Восточныхъ учителей; это былъ отчаянный порывъ — низвергнуть то, что наложено было на Чешскую землю вѣковымъ господствомъ западной религіи и западныхъ общественныхъ началъ, и возстановить первоначальную вѣру и славянскую народность. Этотъ характеръ гуситскихъ войнъ слишкомъ мало сознается теперь Чехами, стоящими на церковной почвѣ исключительно римско-католической и нѣмецко-протестантской. Оттого они, и даже великій ихъ историкъ Палацкій, не довольно ясно, какъ намъ кажется, видятъ историческую необходимость гуситской революціи въ жизни Чешскаго народа, и представляютъ себѣ этотъ громадный переворотъ чѣмъ-то случайнымъ, навѣяннымъ внѣшними вліяніями (такимъ является онъ и у Палацкаго); иные же оплакиваютъ это событіе, даже не съ строго-католической точки зрѣнія, а въ смыслѣ патріотическомъ, полагая, что Чешскій народъ развился бы могущественнѣе и правильнѣе, если бы не своротилъ съ пути, по которому шелъ до Карла IV. Внѣшній блескъ Чешскаго государства при Карлѣ IV заставляетъ ихъ забывать, что въ это самое время народъ Чешскій находился, такъ сказать, въ виду смерти, что онъ готовъ былъ угаснуть мирнымъ перерожденіемъ въ нѣмецкую народность, какъ случилось въ ту же эпоху съ Славянами въ Силезіи и Помераніи (которые, также какъ Чехи, не были завоеваны Германіей, а подчинились ея общественнымъ и нравственнымъ стихіямъ, и находились притомъ подъ властію своихъ природныхъ, славянскихъ по происхожденію, династій). Плодомъ гуситской революціи было не только то, что Чешскій народъ, свергнувъ съ себя господство чу-

жеземныхъ началъ, завоевалъ себѣ на два вѣка общественную самостоятельность; революція эта не только стяжала ему славу великаго нравственнаго подвига освобожденія отъ ига средневѣковой жизни, который не пропалъ даромъ для всего человѣчества; нѣтъ: если народность Чешская, засыпавшая уже предсмертнымъ летаргическимъ сномъ въ XIV вѣкѣ, уцѣлѣла и сохраняетъ еще свою жизненность въ XIX-мъ, не смотря на всѣ бывшія гоненія и бѣдствія, то,—надобно сказать рѣшительно,—Чехи этимъ обязаны гуситской революціи, которая въ нихъ, племени одинокомъ и слабомъ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ чужими стихіями, подавленномъ въ своей собственной землѣ нѣмецкою культурою и массою нѣмецкихъ жителей, оставила на всѣ вѣка зародышъ недовѣрія и оппозиціи къ западнымъ элементамъ и стремленія къ нравственной самостоятельности. Результатъ гуситской революціи былъ несомнѣненъ и великъ для Чеховъ въ отношеніи къ ихъ народности и къ ея духу. Но могла ли она достигнуть тѣхъ цѣлей, религіозныхъ и политическихъ, къ которымъ стремилась непосредственно? Задача была не по силамъ такому маленькому народу и при такомъ непомѣрномъ перевѣсѣ враждебныхъ началъ. Взглянемъ на обѣ стороны этой задачи, религіозную и политическую.

V.

Религіозное развитіе Чехіи послѣ Гуса. — Стремленіе къ Восточному православію. — Табориты; Чешскіе братья. — Чашники. — Базельскіе компактаты. — Сліяніе съ протестантами.

Была ли возможность Чехамъ осуществить мысль Гуса и, какъ мечталъ великій учитель, воздвигшій свой народъ къ новой жизни, возсоздать первобытную церковь вселенскую? Гдѣ могли они найти необходимую для этого историческую точку опоры, то живое преданіе, безъ котораго всякій строилъ бы зданіе церковное по своему усмотрѣнію и, если бы удалось достигнуть какого нибудь единства, то лишь сдѣлкою или условнымъ признаніемъ авторитета того или другаго богослова. Словомъ, могло ли гуситство, по происхожденію своему столь далекое отъ началъ протестантизма, не проявиться на дѣлѣ протестантскою сектою?

Собственное преданіе народное указывало Чехамъ на Востокъ,

какъ на источникъ ихъ первобытной вѣры. Дѣйствительно, одинъ Востокъ могъ дать искомую точку опоры христіанскаго исповѣданія, свидѣтельствовавшаго о себѣ внутреннимъ авторитетомъ своего неизмѣннаго преданія и своего единства. И туда-то, на Востокъ, на земли православныя, обращали Чехи свои взоры, въ надеждѣ получить оттуда желанный свѣтъ божественной истины. Исторія гуситства показываетъ цѣлый рядъ попытокъ сблизиться съ церковью Восточною, чтобы въ ней найти живое свидѣтельство первобытнаго христіанства. Еще при жизни Гуса, его неизмѣнный товарищъ и любимый ученикъ, Іеронимъ Пражскій, ѣдетъ въ Литовскія и Русскія земли; въ Витебскѣ и Псковѣ онъ всенародно пріобщается къ православной церкви. Но, по возвращеніи оттуда, онъ тотчасъ попадаетъ въ тюрьму и на костеръ: дѣло остается безъ послѣдствій. Потомъ Чехи безпрестанно ищутъ связи съ православными жителями земли Галицкой, упорно добиваются непосредственныхъ (помимо католической Польши) сношеній съ полу-русскою Литвою и съ ея, въ то время почти православнымъ, дворомъ, предлагаютъ престолъ св. Вячеслава князьямъ Литовскимъ. Этотъ народъ, только что завоевавшій себѣ свободу, съ восторгомъ отдаетъ правленіе земли своей безвѣстному юношѣ, сыну православнаго Новгородъ-Сѣверскаго князя Дмитрія Ольгердовича Корибута, котораго государю Литовскому Витовту заблагоразсудилось отправить къ Чехамъ, какъ своего представителя. Самъ Жижка, покрытый славою непобѣдимости, неограниченный диктаторъ Чехіи, безпрекословно подчиняется пришельцу изъ Литвы. Но преданная Риму Польша и преимущественно польское духовенство, — вмѣшательствомъ своимъ пресѣкаютъ эту связь, заставляютъ Витовта отказаться отъ сближенія съ гуситами, отозвать изъ Чехіи своего намѣстника. Чехи не отчаяваются и задумываютъ войти въ непосредственное единеніе съ церковью Константинопольскою. Наконецъ, цѣль, кажется, достигнута: представители Константинопольской церкви убѣдились въ полномъ согласіи гуситовъ [1]) съ вѣрованіями православныхъ и торжественною грамотою принимаютъ Чеховъ въ лоно православной церкви. Но едва грамота подписана и отправлена, Константинополь дѣлается добычею Турокъ, и здѣсь опять связь порвана. Сама судьба какъ будто преслѣдовала всѣ попытки Чеховъ стать на почву Восточнаго христіанства. Дѣло въ томъ, что самая мысль эта, отъ которой однако такъ много зависѣло для Чеховъ, завѣтъ ихъ прошлаго и единственный исходъ къ достиженію цѣли ихъ религіознаго стремленія,—самая мысль эта, говоримъ, была въ ту эпо-

[1]) Именно такъ называемыхъ Чашниковъ, непосредственныхъ послѣдователей ученія Гусова: они составляли значительное большинство гуситовъ.

ху практически-неисполнима. XV вѣкъ былъ временемъ крайняго затемнѣнія православнаго Востока. За Дунаемъ православные Славяне и Греки погибали; Москва была только незначительное княжество, закрытое отъ Европы татарщиною. Литва, сильная своими православными областями, уже подчинялась, оффиціально, католицизму. Нигдѣ православная церковь не имѣла внѣшнихъ средствъ для поддержанія связей, заводимыхъ съ нею Чехами, и столько лежало на ней горя, мрака и невѣжества, что, если бы даже не оказывалось случайныхъ препятствій, она едва ли могла бы получить дѣйствительное вліяніе на духовную жизнь такого народа, какъ Чехи, которые въ умственномъ развитіи стояли неизмѣримо выше всего христіанскаго Востока. Такимъ образомъ отрѣзана была у Чеховъ почва, которая хранила древнее преданіе христіанства. Отрѣшившись отъ Рима съ цѣлію возсоздать первобытную церковь вселенскую, они должны были ограничиться личнымъ толкомъ: чуждые протестантства по идеѣ, они должны были сдѣлаться протестантами. Самъ Гусъ, по особенной цѣльности взгляда и безспорно также благодаря древнему религіозному преданію, вынесенному изъ народной среды, — въ состояніи былъ создать ученіе, вполнѣ соотвѣтствующее духу вселенскаго православія. Но это религіозное преданіе, которое Гусъ могъ вынести изъ народной среды, было въ ней, мы сказали, только безсознательною памятью старины,—и въ Гусѣ оно, силою личнаго суда, нашло сознательное выраженіе. Но съ тѣмъ вмѣстѣ преданіе это было убито: ибо въ народѣ Чешскомъ оно не заключало въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ принциповъ и, выразившись въ сознаніи, какъ плодъ личнаго суда, уже ничего не могло противоставить этому новому, чисто-протестантскому началу. Пояснимъ нашу мысль, представивъ ее въ видѣ болѣе осязательномъ. Гусъ, по смыслу своего ученія, не былъ протестантъ; онъ былъ православный: но такимъ онъ сдѣлался на основаніи протестантскаго начала личнаго построенія церкви. Для внутренней православной стороны Гусова ученія Чехи, какъ сказано, не въ состояніи были найти никакой опоры въ народахъ, общимъ и преемственнымъ согласіемъ сохранявшихъ это ученіе; въ самомъ же народѣ Чешскомъ такой опоры не могло дать преданіе, которое вело свое начало отъ Кирилла и Меѳодія, будучи слишкомъ слабо, слишкомъ смутно, стерто вѣковымъ господствомъ латинской церкви. И такъ живую силу имѣлъ въ себѣ только другой принципъ — начало личности въ ученіи вѣры. И дѣйствительно, тотчасъ послѣ смерти Гуса, послѣдователи его дробятся на множество сектъ, представляющихъ все разномысліе ученія вѣры, отрѣшившагося отъ почвы преданія. Кромѣ нѣкоторыхъ, доходящихъ до крайностей раціонализма или мистицизма, большая часть этихъ сектъ оста-

навливаются въ предѣлахъ, близко соотвѣтствующихъ позднѣйшимъ ученіямъ западныхъ протестантовъ. Самою замѣчательною и важною изъ такихъ сектъ были Таборскіе братья. И у нихъ исходною точкою осталась идея возстановленія первобытной церкви; но идея эта приняла характеръ мистическій, она перешла въ идею возсозданія царствія Божія на землѣ. Враждебный напоръ Западной Европы вызывалъ въ Чехахъ вооруженное сопротивленіе: и вотъ подъ вліяніемъ этихъ двухъ стихій — мистической идеи о царствіи Божіемъ и патріотической борьбы съ Европою, образовалось это религіозно-воинственное братство, которое носило грозное въ исторіи имя Таборитовъ. Въ отношеніи догматическомъ, они пришли къ тѣмъ самымъ почти положеніямъ, какія выработалъ впослѣдствіи Кальвинъ и которыя составляютъ сущность реформатскаго ученія. Но мысль создать на землѣ царствіе Божіе придавала ихъ стремленіямъ направленіе соціальное: чтобы осуществить царствіе Божіе, основанное на законѣ христіанскаго братства, они не только отвергли различіе сословій, но даже нѣкоторое время старались ввести у себя общность имущества. Осуществить же царствіе Божіе, осуществить законъ евангельскаго братства они хотѣли насильственнымъ истребленіемъ его противниковъ: въ этомъ проявлялся тотъ воинственный духъ, который вызвала въ Чешскомъ народѣ революціонная борьба противъ Западнаго міра. Табориты приняли на себя обязанность мстителей за нарушеніе христіанскаго закона, за оскорбленіе «языка Чешскаго и Славянскаго» [1]), они провозгласили себя воителями Божіими: «Богъ — Господь нашъ! бейте, убивайте, никого не щадите», — въ этихъ заключительныхъ словахъ боевой пѣсни Жижковой выразился духъ Таборскаго братства. Со временемъ, когда внѣшніе враги были отражены и воинственный порывъ охладѣлъ въ Чешскомъ народѣ, братство это своими соціальными стремленіями возбудило противъ себя страшную реакцію и было подавлено въ междоусобной борьбѣ, о которой мы скажемъ подробнѣе впослѣдствіи; но тогда появилось въ Чехіи новое ученіе *братій*, которое, изъ той же точки отправленія, какъ Табориты, дошло до выводовъ прямо противоположныхъ. Мы говоримъ о такъ называемыхъ *Чешскихъ* или *Моравскихъ Братьяхъ*. Догматическою стороною своею также чрезвычайно близко подходя къ кальвинизму, *Братья*, подобно Таборитамъ, стремились къ созданію на землѣ царствія Божія. Но Таборцы брались за мечъ, чтобы осуществить «слово Божіе»; мечомъ они ограждали «слово Божіе» отъ католической Европы, мечомъ карали противниковъ «слова Божія» въ своемъ отечествѣ; а братство, основан-

---

[1]) Собственныя выраженія Жижки.

ное въ половинѣ XV вѣка Петромъ Хелчицкимъ и которое живетъ доселѣ въ общинахъ Гернгутеровъ, это новое религіозное братство въ Чешскомъ народѣ не только положило мечъ въ ножны, но прокляло мечъ и взялось создать «царство слова Божія» на основаніи полнаго отрицанія не только всякаго насилія, но и всякой внѣшней силы, всякаго внѣшняго закона. Законъ нравственный, по мнѣнію Хелчицкаго, имѣетъ безпредѣльную силу дѣйствія на человѣка, и всякое внѣшнее установленіе только ограничиваетъ эту силу. На этомъ основаніи онъ отвергалъ законность государственнаго устройства и всякихъ властей и учрежденій; война, въ его глазахъ, безусловно противна Богу; ученики его должны были воздерживаться отъ всякихъ должностей общественныхъ и государственныхъ; они должны были переносить все, терпѣливо подчиняться всему, никогда не отражая силы силою, никогда не мстя зломъ за зло, дѣйствуя единственно нравственнымъ оружіемъ убѣжденія. Не представляетъ ли это братство прямой реакціи противъ предшествовавшей ему кровавой общины Таборитовъ? И не состоитъ ли тихое, свѣтлое, исполненное евангельской любви общество *Братій* въ живой органической связи съ цѣлымъ развитіемъ религіозной мысли чешской, которая отъ идеи возстановленія первобытной церкви Христовой перешла, естественнымъ влеченіемъ, къ мечтѣ осуществить на землѣ царствіе Божіе?

Но все это было только, такъ сказать, боковою вѣтвію гуситскаго корня. Таборское братство оставалось небольшою общиною преимущественно составленною изъ простаго народа, *Братія* — столь же немногочисленною общиною людей, преимущественно изъ высшихъ образованныхъ классовъ. Огромное большинство Чеховъ старалось не отступать отъ ученія Гуса: это были такъ называемые Чашники (по-латыни Утраквисты). Силясь удержаться на догматической почвѣ своего великаго наставника, они принуждены были сочинить себѣ родъ условнаго, обязательнаго исповѣданія, въ которомъ хотѣли воспроизвести ученіе первобытной церкви. Но эта Гуситская церковь постоянно колебалась и постоянно искала себѣ исторической точки опоры. При невозможности найти ее на Востокѣ и при страхѣ, внушаемомъ крайними сектами, оставалось только возвратиться къ церкви Римской, прибѣгнуть къ ея преданію и авторитету. И вотъ гуситы, только что отразившіе войска крестоносцевъ, которыхъ Римская церковь противъ нихъ направляла, только что истреблявшіе съ ожесточеніемъ всѣ памятники католицизма, идутъ на сдѣлку съ Римскою церковью. Имъ хочется быть католиками, т. е. членами такой церкви, которая основана на авторитетѣ преданія, но съ тѣмъ, чтобы не признавать всего того, что въ католицизмѣ явно противорѣчило первобытному вселенскому христіанству (непогрѣшимости папъ,

причащенія подъ однимъ видомъ хлѣба, аристократическаго и свѣтскаго характера іерархіи и т. под.). Соборъ, который представлялъ тогда Римскую церковь и имѣлъ притязаніе на характеръ вселенскаго, согласился на сдѣлку, отчасти по политической необходимости (чтобы положить конецъ страшнымъ вторженіямъ гуситовъ въ католическія земли), отчасти, чтобы выказать свое собственное значеніе: ибо Базельскій соборъ почиталъ себя инстанціею, стоящею выше Римскаго первосвященника, и для заявленія этого права случай былъ прекрасный — признать законность исповѣданія, которое, отвергая безусловную власть папы надъ церковью, съ тѣмъ вмѣстѣ желало утвердиться на преданіи, хранившемся въ Западномъ христіанствѣ. Условное Гуситское исповѣданіе, о которомъ мы сейчасъ говорили, было признано и освящено соборомъ Римской церкви, въ такъ-называемыхъ Базельскихъ компактатахъ (1436 г.). Но папа не утвердилъ ихъ, и преемники Евгенія IV продолжали ихъ отвергать съ непреклоннымъ упорствомъ. По самому характеру Западной церкви, соборное начало было ей несвойственно: ибо оно состояло въ непримиримомъ противорѣчіи съ принципомъ полновластія главы этой церкви, папы; а изъ этихъ двухъ принциповъ, послѣдній, т. е. полновластіе папы, было живымъ плодомъ всего духовнаго развитія средневѣковаго Запада; напротивъ того, соборъ, какъ верховное судилище церкви, которому долженъ былъ подчиняться и папа, являлся тамъ лишь тѣнью стараго порядка церковнаго, къ которому прибѣгали въ минуту крайняго раздраженія народовъ противъ недостоинства и разврата «непогрѣшимаго» первосвященника. Но стоило только явиться подъ Римской тіарой лицу, сколько нибудь энергическому и внушавшему уваженіе,—и папа безъ особеннаго затрудненія закрывалъ соборъ или разгонялъ его и откладывалъ въ сторону его постановленія. Такъ было и съ Базельскимъ соборомъ. Гуситская церковь осталась по прежнему безъ основанія. Положеніе ея сходствовало съ позднѣйшимъ французскимъ янсенизмомъ въ послѣднемъ фазисѣ его развитія, какъ самостоятельной церковной общины. Въ положеніи этомъ была существенная фальшь. Гуситское исповѣданіе хотѣло опираться на авторитетъ церкви католической и, ссылаясь на освященіе, данное ему Базельскимъ соборомъ, считало себя вѣрною этому авторитету; а тотъ, въ комъ сосредоточивался весь авторитетъ церкви католической, папа, предавалъ это самое Гуситское исповѣданіе проклятію, какъ ересь, требовалъ отъ послѣдователей его безусловнаго повиновенія.

Это внутреннее противорѣчіе томило и обезсиливало гуситовъ. Въ немъ оставаться долго было невозможно. Многіе возвращались къ чистому, безусловному католицизму. Большинство, съ появленіемъ въ Германіи протестантской проповѣди, перешло въ лютеранство или

кальвинизмъ. Изъ передовыхъ двигателей религіозной мысли на Западѣ, какими они были въ началѣ XV вѣка, — Чехи въ началѣ XVI-го вѣка стали учениками нѣмецкихъ и швейцарскихъ реформаторовъ. Отчего это случилось? Какимъ образомъ Гусъ и гуситы, которыхъ называютъ предшественниками протестантизма, не могли однако создать его, не могли провести въ жизнь Западнаго міра идею реформы и оставили другимъ это великое дѣло, съ котораго начинается новая эра въ развитіи человѣческой мысли? Всѣ религіозные выводы Западныхъ реформаторовъ, всѣ самыя разнообразныя ихъ положенія встрѣчаются уже въ ученіи того или другаго чешскаго проповѣдника. Какимъ же образомъ Чехи, за сто лѣтъ до Лютера и Кальвина знавшіе и говорившіе все то, чѣмъ Лютеръ и Кальвинъ обновили духовную жизнь Западной Европы, — какимъ образомъ Чехи не только не сдѣлали ничего подобнаго, но сами же потомъ пошли въ ученики къ Лютеру и Кальвину? Не знаемъ, задавалъ ли себѣ этотъ вопросъ кто-либо изъ чешскихъ историковъ или изъ историковъ реформаціи. Для насъ, послѣ того, какъ мы вникли въ коренное различіе происхожденія гуситства и нѣмецкаго протестантизма, такой вопросъ долженъ разрѣшиться весьма просто.

Мы не станемъ тутъ прибѣгать къ мистическому понятію о духѣ времени и утверждать, что народы еще не были зрѣлы къ принятію реформы, когда идея ея возникла въ Чехіи (хотя не отрицаемъ безусловно и этого). Намъ не нужно также ссылаться на матеріалистическое понятіе о вліяніи племеннаго начала, будто оно было виною того, что Чехи, какъ Славяне, не могли быть вожатаями Германскаго міра въ его духовномъ развитіи (хотя, конечно, и племенное начало имѣло тутъ свое дѣйствіе). Все это условія второстепенныя; главная же, существенная причина, почему Чехи не сдѣлались основателями протестантизма, та, что они сами не хотѣли быть протестантами. Въ развитіи своихъ ученій, въ примѣненіи своихъ теорій, они могли приходить ко всѣмъ результатамъ протестантизма; но первоначальная, основная идея ихъ была другая; другая также была ихъ цѣль. Помимо собственной воли, каждый изъ нихъ дѣлался протестантомъ; но создать протестантизма никто изъ нихъ не былъ въ состояніи, ибо что человѣкъ творитъ безсознательно, то не можетъ овладѣть духомъ людей и народовъ.

Протестантизмъ есть отрицаніе преданія въ церкви, есть построеніе церкви на единой основѣ личнаго раціонализма, толкующаго такъ или иначе откровенныя писанія. А мы видѣли уже, въ чемъ заключалась первоначальная, коренная идея гуситства, мы знаемъ, какъ далека была отъ настоящаго протестантизма эта идея — возстановленіе вселенской церкви, какъ церкви, основанной на дѣйствительномъ

преданіи, какъ церкви, исторически существовавшей въ землѣ Чешской. Такая идея была невозможна въ мірѣ Германскомъ и къ нему непримѣнима: ибо понятіе о церкви дѣйствительной, исторической, отождествлялось для него съ католицизмомъ; другой онъ не зналъ, и выходъ изъ католической церкви, когда она стала ему въ тягость, представлялся ему только въ построеніи новой церкви силами личнаго раціонализма. Но идея гуситовъ осталась неосуществленною и, послѣ столѣтняго опыта, могла уже быть признана неосуществимой. Условное исповѣданіе такъ назыв. Чашниковъ, прибѣгнувшее снова къ Римской церкви за авторитетомъ преданія, но которое, устраняя самое основаніе этого авторитета, непогрѣшимость намѣстника Христова, оставалось ересью въ глазахъ Римской церкви, — такое исповѣданье не могло удовлетворить людей, сколько нибудь отдававшихъ себѣ отчетъ въ началахъ своей религіи. Многіе, какъ мы сказали, возвращались безусловно къ католицизму. Но жертва была слишкомъ тяжела для народа, который выдержалъ такую страшную борьбу противъ Рима и всей католической Европы. И вотъ, когда нѣмецкіе реформаторы выступили прямо противъ самаго принципа исторической церкви, съ безусловнымъ отрицаніемъ преданія, съ мыслью утвердить церковь на одномъ личномъ толкованіи священныхъ книгъ, то Чехи бросились къ нѣмецкому протестантизму, какъ къ новому слову истины. Другаго исхода не оставалось. Старшіе братья въ дѣлѣ религіозной реформы, Чехи вдругъ очутились въ ней учениками Германіи и Швейцаріи. Большая часть Чашниковъ сдѣлались лютеранами, многіе кальвинистами; съ кальвинистами, съ другой стороны, стали сливаться *Братья* Чешскіе, потому что догматическая сторона ихъ ученія была, какъ мы сказали, весьма сродна кальвинизму, а первоначальная идея этой общины — установленіе на землѣ царства безусловной свободы духа, мало-по-малу устранялась требованіями практической жизни. Переходъ былъ такъ быстръ, что папскій дворъ, спѣша предупредить совершенное сліяніе Чеховъ съ западными протестантами, рѣшился теперь (въ 1564 г.) признать и благословить отдѣльную Гуситскую церковь Чашниковъ, основанную на извѣстныхъ намъ Базельскихъ «компактатахъ». Но церковь эта съ тѣмъ вмѣстѣ теряла всякое живое значеніе: она становилась общиною вѣрующихъ въ непогрѣшимость папы католиковъ, которымъ папа, какъ бы изъ снисхожденія, даровалъ право причащаться хлѣбомъ и виномъ, читать евангеліе въ церкви по-чешски. Даже (какая насмѣшка судьбы!) члены ордена іезуитовъ стали раздавать людямъ, считавшимъ себя послѣдователями Гуса и Рокицаны [1]), причастіе изъ чаши съ виномъ, чи-

---

[1]) Рокицана — знаменитѣйшій изъ вѣроучителей чешскихъ послѣ Гуса, около пятидесяти лѣтъ управлявшій Гуситскою церковью (умеръ въ 1471 г.).

тали въ церквахъ священное писаніе на чешскомъ языкѣ. Эта мнимо-гуситская церковь, гуситская только по виду, а въ сущности безусловно подчиненная авторитету папскому, стала такъ ненавистна Чехамъ, что они поспѣшили ее упразднить при первой возможности. Воспользовавшись минутою, когда, подъ правленіемъ императора Максиміліана, имъ предоставлена была свобода дѣйствія, Чехи, черезъ три года послѣ утвержденія папою Базельскихъ компактатовъ, сами провозгласили эти компактаты недѣйствительными и тѣмъ самымъ объявили гуситскую церковь несуществующею. Народъ Чешскій, почти полтораста лѣтъ съ такими страшными жертвами отстаивавшій свою самостоятельную церковь, вдругъ отказался отъ нея, какъ только увидѣлъ ее подъ покровомъ полновластія папскаго. Своими руками разорвавъ актъ Базельскаго собора, на которомъ основалось ихъ исповѣданіе, по утвержденіи этого акта папою, какъ непогрѣшимымъ главою христіанства, — гуситы-чашники въ 1567 г. окончательно соединились съ лютеранами и кальвинистами, или же возвратились къ католицизму.

Такъ кончилось религіозное движеніе Чеховъ. Часть народа сдѣлалась западными протестантами, другая часть снова католиками. Религіозное движеніе, которое развилось изъ остатковъ славянской духовной жизни въ Чехіи, которое сосредоточило въ себѣ всѣ самобытныя стихіи, всѣ живыя силы этой страны, — кончилось полнымъ разочарованіемъ, полнымъ духовнымъ подчиненіемъ Чешскаго народа Латинскому и Нѣмецкому міру.

VI.

Политическая сторона гуситской революціи. — Славянская партія принимаетъ характеръ партіи демократической. — Ея пораженіе. — Конституціонная монархія Юрія Подѣбрадскаго.

Прослѣдимъ теперь другую сторону развитія гуситской революціи. Достигла ли она своей цѣли въ отношеніи гражданскомъ и политическомъ?

Цѣль эта была далеко не такъ опредѣленна, какъ цѣль религіозная, потому что самая идея, поднявшая Чешскій народъ къ революціи, принадлежала къ области церкви. Въ отношеніи гражданскомъ и политическомъ, революція гуситская поставляла себѣ сознательно

только одну задачу: освободить Чеховъ-Славянъ отъ преобладанія Нѣмцевъ. Эта задача была вскорѣ исполнена. Нѣмецкая часть населенія въ городахъ и деревняхъ чешскихъ погибла или разсѣялась; Нѣмецъ, сынъ «благодѣтеля Чешской страны», знаменитаго Карла IV, императоръ Сигизмундъ, рядомъ страшныхъ пораженій поплатился за попытки завоевать оружіемъ свой наслѣдственный престолъ; крестовые полки Германіи и прочихъ странъ разбиты и прогнаны были съ позоромъ: славянская стихія осталась полною владычицею самостоятельной, свободной земли Чешской, предоставленной самой себѣ. Посмотримъ же, въ какомъ видѣ эта стихія возстановитъ государство, которое она вырвала изъ рукъ иноземцевъ; какъ устроится тамъ славянское общество, сдѣлавшись неограниченнымъ хозяиномъ въ Чешской землѣ.

Не даромъ прожила Чехія четыреста лѣтъ общественною и политическою, также какъ духовною, жизнію германскаго Запада. Чехи могли сохранить чувство своей славянской народности и ненависть къ духовному и общественному гнету нѣмецкаго міра. Народъ этотъ могъ возстать и освободиться отъ Нѣмцевъ: но сохранить и возстановить у себя стихіи общественной жизни славянской было не въ его власти. Матеріальная и духовная сила Запада, втянувшаго Чешскій народъ въ свой кругъ, была слишкомъ велика сравнительно съ силами его собственныхъ славянскихъ стихій. Возставши и освободившись, онъ все-таки не могъ оторваться отъ общественной почвы, на которую привлеченъ былъ Западомъ. Образовать цѣльное государство и общество изъ собственныхъ славянскихъ началъ было уже дѣломъ несбыточнымъ для Чешскаго народа въ XV вѣкѣ.

Однако, въ первыя мгновенія революціи, казалось, Чешскимъ народомъ овладѣлъ духъ новой жизни общественной. Принятая отъ средневѣковой Германіи гражданская и государственная организація, съ ея сословною исключительностью, повидимому, исчезла изъ Чешской земли и дала мѣсто новому порядку вещей. Весь народъ выступилъ какъ цѣльное тѣло, оживленное единымъ духомъ. Весь народъ совѣщался о дѣлахъ вѣры и правленія, о защитѣ отечества; онъ выбиралъ вождей, онъ отражалъ крестовыя войска Западной Европы. Исходя изъ мистической идеи возсозданія на землѣ царствія Божія, братство Таборитовъ, съ религіозною стороною котораго мы уже ознакомились, прямо отвергло сословное начало; а въ этомъ братствѣ были и люди рыцарскаго сословія, какъ самъ вождь его Жижка, и члены высшей знати, какъ Николай изъ Гусинца, Викторинъ изъ Подѣбрадъ и множество другихъ, и цѣлыя городскія общества съ своими бургомистрами и «консулами» (ратманами). Новый духъ вѣялъ въ эти первые дни революціи. Но сословное начало германское слиш-

комъ глубоко вкоренилось въ жизнь и понятія Чеховъ; потрясти или обновить его оказалось невозможнымъ. Таборское братство стало быстро терять характеръ всенародной общины, какою оно въ началѣ, казалось, готово было сдѣлаться; оно стало все болѣе и болѣе съуживаться, такъ сказать, въ особую демократическую партію. Отъ нея все рѣзче отдѣлялись привиллегированныя сословія, притягивая вновь въ кругъ своихъ старыхъ исключительныхъ интересовъ большую часть тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые сперва примкнули къ Таборитамъ, — и принимая съ своей стороны опредѣленный характеръ консервативной партіи. Только общая опасность отъ внѣшнихъ враговъ сближала обѣ стороны; но послѣ первыхъ побѣдъ надъ непріятелемъ, открылась снова та бездна, которую стихіи Западной жизни положили въ Чехіи между тремя привиллегированными сословіями (высшею знатью, рыцарствомъ и мѣщанствомъ) и безправною массою народа. Однако, въ этой массѣ народной духъ оживился, простолюдинъ чешскій извѣдалъ свою силу, когда онъ, подъ предводительствомъ Жижки, своими страшными цѣпами молотилъ головы нѣмецкихъ бароновъ и чешскихъ рыцарей-католиковъ. Необходимо завязалась борьба, — первообразъ борьбы, которая потомъ такъ долго велась въ западныхъ государствахъ Европы, борьба привиллегированныхъ сословій съ демократическою партіею, опиравшеюся на простой народъ. Такъ мало осталось у Чеховъ въ ихъ славянской стихіи началъ общественной организаціи, что сторона, по преимуществу славянская, народная, сдѣлалась тамъ представительницею стремленій противообщественныхъ и противогосударственныхъ. Табориты, прославившіеся такими дивными военными подвигами, не представляли собою никакой органической идеи въ сферѣ общественной; они принялись за полное ниспровержение общественнаго порядка: ихъ послѣдними словами были терроръ и коммунизмъ. Читая о Таборитахъ, этой чешской демократической партіи XV вѣка, думаешь, что дѣло идетъ о якобинцахъ и соціалистахъ революціонной Франціи. А въ противоположность этой партіи, привиллегированныя сословія, аристократія и мѣщанство, то-есть, собственно представители общественныхъ началъ германскихъ въ Чехіи, воплотили въ себѣ идею общественнаго и государственнаго порядка. Это было роковымъ приговоромъ для Чехіи: то, что она заимствовала отъ Запада, то, противъ чего возсталъ въ ней славянскій духъ, оказалось основою ея общественнаго организма; въ славянской ея стихіи уже изсякъ источникъ для общественнаго творчества. Борьба обѣихъ сторонъ была страшная, кровавая; исходъ — несомнѣненъ. Только необходимость отчаяннаго сопротивленія громаднымъ войскамъ, которыя Западные народы высылали для подавленія чешской революціи, давала силу партіи Таборитовъ, этимъ якобин-

цамъ гуситской Чехіи. Съ прекращеніемъ опасности, они были задавлены союзомъ трехъ привиллегированныхъ сословій, знати и рыцарства съ горожанами. Та часть народной массы, которая не хотѣла возвратиться въ прежнее униженіе и уходила за границу, составила родъ казачества, но казачество безцѣльное, безплодное для родной страны, скитавшееся, какъ толпы наемниковъ, по сосѣднимъ государствамъ. Чехія возвратилась вполнѣ къ тому общественному строю, который былъ на нее въ прежніе вѣка наложенъ вліяніемъ Германскаго міра. Перемѣна отъ дѣйствія революціи была только внѣшняя. Въ пылу одушевленія патріотической борьбою, верхній слой чешскаго общества стряхнулъ съ себя господство нѣмецкихъ обычаевъ и нѣмецкаго языка. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что во второй половинѣ XIV вѣка, при Карлѣ IV и Вячеславѣ IV, нѣмецкій языкъ господствовалъ совершенно при дворѣ Чешскихъ королей, въ семействахъ знати и между жителями столицы; а въ половинѣ XV вѣка, Нѣмка, шестилѣтняя дочь герцога Саксонскаго, обрученная съ однимъ изъ сыновей короля Чешскаго и взятая для воспитанія въ Чехію, совершенно забыла тамъ нѣмецкій языкъ и, послѣ пятилѣтняго пребыванія при дворѣ въ Прагѣ, умѣла говорить только по-чешски. Внѣшняя перемѣна, мы повторяемъ, была огромная. Но въ сущности, верхній слой чешскаго общества не измѣнился. Онъ остался аристократіею въ средневѣковомъ германскомъ смыслѣ, аристократіею, раздѣленною притомъ, какъ и въ тогдашней Германіи, на сословіе высшей знати и на сословіе простыхъ благородныхъ или рыцарей. Городской классъ тоже пересталъ говорить по-нѣмецки и одушевился сознаніемъ славянской народности; но онъ остался такимъ же замкнутымъ сословіемъ средневѣковыхъ «бюргеровъ», какимъ былъ въ Германіи. Эти три привиллегированныя сословія, согласно принятымъ отъ Запада понятіямъ, продолжали вмѣщать въ себѣ всю полноту гражданскаго общества, весь народъ, какъ политическое тѣло. А самый народъ очутился снова исключеннымъ изъ жизни общественной и сталъ быстро приближаться къ совершенному порабощенію.

Дальнѣйшій ходъ чешской революціи, послѣ пораженія демократической партіи въ Липанскомъ побоищѣ (1434 года), во многомъ напоминаетъ явленія, которыми завершались позднѣйшія революціи на западѣ Европы. Реакція, послѣ побѣды аристократіи и мѣщанства надъ стороною народною, ознаменовалась тотчасъ попыткою реставраціи. Чехія приняла законнаго короля своего, Сигизмунда, который семнадцать лѣтъ (1419—1436) ждалъ отъ нея признанія своихъ правъ. Но король, окруженный католиками и эмигрантами чешскими, съ нимъ возвратившимися на родину, не хотѣлъ сообразоваться съ порядкомъ вещей, созданнымъ революціею, особенно съ правами гу-

ситской церкви, заключавшимися въ Базельскихъ компактатахъ [1]), и уже черезъ годъ произошелъ разрывъ. Только немедленно за тѣмъ послѣдовавшая смерть Сигизмунда и, годъ спустя, кончина его преемника [2]), пропитаннаго тѣми же понятіями, предупредили вторичное ниспроверженіе чешскаго престола. Сама собою, со смертію Сигизмундова наслѣдника Альбрехта, Чехія очутилась снова безъ государя.

Наступила анархія, но не такая, какая сопровождаетъ революцію во время ея разгара, — нѣтъ; а анархія утомленной революціею страны. Неограниченные властители Чехіи, аристократія и мѣщанство, предались полному разгулу своеволія. Повсемѣстная неурядица, драки между *панами*, драки пановъ съ горожанами, закабаленье слабыхъ сильными, вотъ какой видъ представляетъ эта эпоха (1439—1448). Но между тѣмъ внѣшній врагъ не смѣлъ тронуть Чехіи: такой страхъ нагнала революціонная земля своими побѣдами. Въ общемъ неустройствѣ, стала выдаваться мало-по-малу, въ средѣ аристократіи чешской, помышлявшей только о своихъ корыстныхъ цѣляхъ, личность молодаго человѣка, одареннаго необыкновеннымъ умомъ и мужественною любовью къ роднѣ, и онъ рѣшился вывести ее изъ хаоса. Ловкимъ и смѣлымъ ударомъ, такимъ, къ какому вполнѣ идетъ современное названіе *coup d'état*, Юрій Подѣбрадскій устранилъ главныхъ представителей анархическаго самовластія аристократіи и, поддерживаемый сочувствіемъ огромнаго большинства жителей, взялъ въ руки правленіе Чехіи, сперва съ титуломъ верховнаго губернатора, потомъ какъ намѣстникъ молодаго сына Альбрехтова, короля Ладислава, имъ же добровольно признаннаго и посаженнаго на престолъ, наконецъ, послѣ смерти этого Ладислава, какъ избранный и вѣнчанный король земли своей (1457—1471).

Юрій Подѣбрадскій вначалѣ возвысился, какъ мы сказали, насиліемъ. Онъ былъ одною изъ самыхъ энергическихъ личностей своего вѣка. Тѣмъ не менѣе, трудно найти въ исторіи примѣръ государя, который умѣреннѣе и притомъ съ такою сознательною умѣренностью пользовался своими правами и своею властію. Правленіе его отличалось какъ особенно частымъ созваніемъ сеймовъ, такъ и необыкновеннымъ уваженіемъ короля къ ихъ мнѣнію и рѣшеніямъ. Царствованіе Юрія Подѣбрадскаго представляетъ весьма опредѣленную попытку основать государственный порядокъ на равновѣсіи королевской

---

[1]) Мы объяснили выше значеніе этого договора, которымъ гуситы хотѣли возвратиться въ общеніе съ Римскою церковью, сохраняя въ то же время свою духовную независимость отъ папской власти.

[2]) Альбрехта, эрцгерцога Австрійскаго: какъ зять Сигизмунда, не оставившаго мужскаго потомства, онъ былъ избранъ ему въ наслѣдники, какъ Чехами, такъ и Венграми. Сынъ Альбрехта, Ладиславъ, родился только послѣ смерти своего отца.

власти съ законодательнымъ голосомъ тѣхъ трехъ сословій, въ которыхъ, какъ мы знаемъ, вмѣщалось гражданское общество страны.

Намъ извѣстно, что такою государственною организаціею Чехія обязана была прежней эпохѣ своей исторіи. Дѣйствительно, государственный строй Чехіи при Подѣбрадѣ не заключалъ въ себѣ никакихъ началъ, которыхъ не было при Отакарахъ и Карлѣ IV, когда страна эта находилась совершенно подъ властію германскаго духа. Но тотъ порядокъ вещей, который въ то время носилъ на себѣ отпечатокъ иноземнаго происхожденія, который велъ за собою и внѣшнее господство нѣмецкой стихіи въ языкѣ, въ обычаяхъ, политическихъ стремленіяхъ, — этотъ самый порядокъ вещей, говоримъ мы, въ Чехіи Подѣбрадовой является какъ бы переработаннымъ въ горнилѣ революціи, очищеннымъ отъ иностраннаго характера, воспринявшимъ въ себя духъ славянской народности. Монархія Подѣбрадова представляетъ прекрасный снимокъ съ западнаго средневѣковаго конституціоннаго правленія, того правленія, образецъ котораго въ дальнѣйшемъ нормальномъ его развитіи являетъ намъ исторія Англіи. Снимокъ былъ сдѣланъ давно, въ XIII и XIV вѣкѣ; но онъ оставался мертвеннымъ подражаніемъ, пока гуситская революція не оживила всѣхъ частей его сознаніемъ народности. Таковъ былъ плодъ гуситской революціи въ области гражданской и государственной; таковъ былъ и общій итогъ политическаго развитія Чехіи: конституціонная монархія, основанная на сословныхъ началахъ, принятыхъ отъ Запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутая идеею славянской народности.

Но это политическое зданіе, — работа осьми-вѣковой исторіи Чешскаго народа, — оказалось недолговѣчнымъ. Царствованіе Юрія Подѣбрадскаго, при которомъ Чешское государство только достигло окончательнаго устроенія, было вмѣстѣ и его апогеемъ, и началомъ его паденія. Какой же былъ въ немъ зародышъ смерти? Или только внѣшняя сила разрушила это государство? — Даже въ настоящее время, по прошествіи четырехъ вѣковъ, государство Подѣбрадово внушаетъ глубокое сочувствіе всякому, кто познакомится съ той эпохой [1]).

---

[1]) Такое впечатлѣніе производитъ личность Юрія Подѣбрадскаго и состояніе Чехіи подъ его правленіемъ не только на историковъ чешскихъ, но и на иностранцевъ, изучавшихъ этотъ періодъ чешской исторіи. Приведу въ примѣръ нѣмецкаго писателя Іордана, посвятившаго Юрію Подѣбрадскому цѣлое сочиненіе (das Königthum Georgs von Podebrad, Leipzig 1861) и Француза, Saint René Taillandier (см. рядъ статей его: le roi George de Podiebrad, épisode de l'histoire de Bohême, въ Revue des deux Mondes, 1862 года). Статьи послѣдняго представляютъ извлеченіе изъ IV-го тома исторіи Чехіи Палацкаго (томъ этотъ касается именно эпохи Подѣбрада) и изъ вышеприведенной книги г. Іордана; но въ извлеченіе это г. Тальяндье внесъ самостоятельный взглядъ на религіозное значеніе гуситства, на его существенное разли-

Оно поражаетъ насъ, какъ свѣтлая картина, благородное твореніе художника, среди безобразныхъ очертаній, представляемыхъ тогдашними государствами Западной Европы. Невольно возмущаешься противъ печальной участи, постигшей это прекрасное государство Подѣбрадово, невольно думаешь: изъ такихъ начатковъ какіе великолѣпные могли бы развиться плоды для Чехіи, для славянскаго міра, для всей Европы, если бы не безжалостная злоба Римскихъ папъ, если бы не властолюбивое коварство Матвѣя Корвина!... И при этихъ мысляхъ душа негодуетъ на нихъ за дѣла, покрытыя четырехсотълѣтнею давностью.

Въ нравственномъ отношеніи негодованіе справедливо. Съ нравственной точки зрѣнія, образъ дѣйствія Пія II и Павла II, образъ дѣйствія Венгерскаго короля противъ Юрія Подѣбрадскаго возмутительны. Но они ли помѣшали упрочиться въ Чехіи престолу Подѣбрада и его благородной идеѣ правленія, они ли были виновниками паденія Чешскаго государства?

VII.

Царствованіе Юрія Подѣбрадскаго.—Избраніе ему въ преемники Владислава Польскаго.

Во время гуситской революціи, какъ мы видѣли, Чехія стояла одиноко среди всѣхъ окрестныхъ странъ. Представитель славянской реакціи противъ германскаго духа, представитель идеи первобытной церкви вселенской противъ средневѣковаго папизма, народъ Чешскій являлся всему католическому міру изчадіемъ кромѣшныхъ силъ, воплощеніемъ самого сатаны [1]). Германія, подкрѣпляемая другими За-

чіе отъ позднѣйшаго нѣмецкаго протестантизма. Взглядъ этотъ близко совпадаетъ съ нашимъ мнѣніемъ, изложеннымъ выше. Г. Тальяндье видитъ также въ гуситствѣ не попытку раціоналистической реформы, а стремленіе возстановить первобытную вселенскую церковь. Только онъ не знаетъ историческихъ данныхъ, обусловившихъ появленіе этого стремленія именно въ Чешскомъ народѣ, онъ не знаетъ положительной основы, изъ которой оно развилось и черпало силу. Вотъ почему оно, въ изложеніи французскаго писателя получаетъ совершенно эпизодическій характеръ, являясь какой-то громадной прихотью, овладѣвшей умами Чеховъ въ XV вѣкѣ.

[1]) Любопытно, между прочимъ, то, что во время энтузіазма, возбужденнаго чудесными побѣдами Дѣвы Орлеанской, возникла на Западѣ надежда, что она, воительница Божія, кончивъ свою задачу во Франціи, пойдетъ истреблять Чеховъ. Ей приписывали посланіе, гдѣ она это предвѣщала.

падными странами, и Венгрія со всѣхъ сторонъ осаждали его своими войсками; даже Польша, предпочитая интересы Рима дѣлу славянской народности, помогала его врагамъ. На всемъ пространствѣ земли не было у него поддержки, не было союзника. Однако онъ устоялъ тогда, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы.

Съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились. Послѣ подавленія народной партіи Таборитовъ, въ Чехіи восторжествовали снова, если не народность нѣмецкая, то общественныя начала германской жизни; въ то же время гуситы рѣшились на примиреніе съ Римскою церковью. Наконецъ, подъ сильной рукой Юрія Подѣбрадскаго анархія улеглась и уступила мѣсто благоустроенному порядку. Подобіе средневѣковыхъ государствъ западно-европейскихъ, монархія Подѣбрадова не представляла, въ своей общественной и политической организаціи, современному Западу ничего чуждаго и антипатическаго. Напротивъ того, она привлекала къ себѣ сочувствіе его королей и князей, его юристовъ и политиковъ, она являлась имъ идеаломъ гражданскаго общества. Такое отношеніе Запада къ Чешскому государству при Подѣбрадѣ не должно удивлять насъ, хотя мы знаемъ, какія страшныя для Запада воспоминанія соединялись въ ту пору съ именемъ Чеховъ, и какъ гордо они противопоставляли Германскому міру свою славянскую народность. Но не столько внѣшніе признаки народности, сколько внутреннее тождество или противорѣчіе общественныхъ началъ сближаютъ и раздѣляютъ человѣческія общества. Въ Чехіи Подѣбрадовой просвѣщеннѣйшіе люди тогдашней Германіи и Франціи узнавали всѣ стихіи своего собственнаго общественнаго строя; но они видѣли въ ней то, до чего сама Германія и Франція еще не достигали въ XV вѣкѣ и что дано было Чехіи революціею, вызвавшею въ ней повсемѣстную самодѣятельность общественную, и высокою личностью государя, наслѣдника этой революціи и ея умирителя: они видѣли въ Чехіи сознательно устроенный порядокъ государственный, общество, проникнутое народнымъ патріотизмомъ, государя, дорожившаго одинаково преимуществами своей власти и правами своихъ подданныхъ. Король Чешскій былъ могущественнымъ посредникомъ, къ которому обращались курфирсты и герцоги нѣмецкіе въ своихъ распряхъ; онъ вступилъ въ тѣсную связь со многими изъ нихъ; онъ былъ сильнѣйшимъ членомъ Германской имперіи и въ то же время ея безпристрастнымъ миротворцемъ. Онъ выручалъ неразъ изъ бѣды безпомощнаго императора Фридриха III и имѣлъ на него огромное вліяніе. Патріоты нѣмецкіе, видя безсиліе императорской власти и распаденіе своего отечества, мечтали о томъ, чтобы вручить ему, еретику — Славянину, съ ти-

туломъ короля Римскаго, верховное управленіе «священной» имперіи Германской; и этотъ планъ не казался въ то время несбыточнымъ и страннымъ. Польша, Франція, Бургундія уважали короля Чешскаго и находились съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ. Онъ былъ тестемъ и другомъ короля Венгерскаго Матвѣя Корвина. Чехія въ то время была одною изъ первостепенныхъ державъ Европы. Но какъ быстро она сошла съ этой высоты! Опасность, повидимому ничтожная въ сравненіи съ тѣми бурями, которыя народъ Чешскій выдержалъ во время гуситской анархіи, могла въ нѣсколько лѣтъ разрушить благоустроенное, со всѣхъ сторонъ обезпеченное государство Подѣбрадово. Вѣроятно, начало разрушенія лежало въ самой основѣ этого государства.

Мы говорили уже, что гуситское движеніе въ своей религіозной сторонѣ не могло найти послѣдователей въ другихъ европейскихъ странахъ, и объяснили себѣ причину этого существеннаго его различія отъ позднѣйшаго нѣмецкаго протестантизма. Мы знаемъ также, что новыя общественныя стремленія, которыя заключались въ гуситствѣ, не выдержали борьбы съ общественными началами, принятыми Чехіею отъ средневѣковаго Запада, и что вышедшее изъ гуситской революціи государство было по прежнему основано на этихъ началахъ. Но въ то же время, государство Подѣбрадово оставалось порожденіемъ революціи и носило на себѣ печать своего происхожденія. Идея *государства,* какъ безусловнаго представителя блага общественнаго, какъ самоузаконяющагося воплощенія общественнаго права, была чужда средневѣковому Западу, который ограничивалъ право общественное правами сословными и личными, и для идеи государства искалъ узаконенія не въ ней самой, а во внѣшней ѳеократической власти. Гуситская революція свергла съ Чешскаго народа вѣру въ безусловный авторитетъ папскій, источникъ освященія для всѣхъ средневѣковыхъ государствъ на Западѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, революція эта, въ борьбѣ, ею вызванной, выдвинула въ сознаніи Чеховъ идею общественнаго блага, какъ права, которое царило надъ всѣми другими правами. Государство Подѣбрадово наслѣдовало эти политическіе плоды революціи. Юрій Подѣбрадскій былъ первый еретикъ на престолѣ въ Западной Европѣ; въ первый разъ верховная власть государственная не только обходилась безъ освященія отъ главы церкви, но даже не признавала самаго принципа этого освященія, т. е. вѣры въ папу, какъ Божія памѣстника; въ первый разъ государство на Западѣ отрѣшалось отъ церкви и въ себѣ самомъ, въ идеѣ общественнаго блага, котораго оно было представителемъ, находило свое узаконеніе. Словомъ, монархія Юрія Подѣбрадскаго бы-

ла, какъ выражаются Западные писатели, первымъ примѣромъ секуляризаціи государства [1]).

Вся Европа въ то время стремилась къ этому самому результату. Но то, что было медленно, шагъ за шагомъ, пріобрѣтенье за пріобрѣтеньемъ, достигаемо Людовикомъ XI во Франціи, Генрихомъ VII въ Англіи, Фердинандомъ Католическимъ въ Испаніи и всѣми мелкими владѣтелями германскими, это разомъ, въ полной мѣрѣ, досталось Чехіи, какъ наслѣдство ея революціи. Оттого-то необыкновенное значеніе Чешскаго государства въ тогдашнемъ политическомъ мірѣ; оттого-то сочувствіе, которымъ Чешскій король и государственное устройство Чехіи пользовались при европейскихъ дворахъ и со стороны передовыхъ людей тогдашней Европы. Нравственное вліяніе Чешскаго государства, какъ олицетворенія новаго политическаго начала, носившагося по всей Европѣ, было огромное. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, государству Чешскому предстояла еще борьба съ противникомъ,—безспорно, одряхлѣвшимъ, но все-таки страшнымъ для западныхъ народовъ, съ папскимъ престоломъ. Папы, и особенно люди, одаренные такимъ умомъ, какъ дипломатъ Эней Сильвій (Пій II), такою высокомѣрною энергіей, какъ венеціанскій патрицій Барбо (Павелъ II), не могли не видѣть, что политическая власть надъ міромъ уходила изъ ихъ рукъ; главною, открытою, безусловною представительницею секуляризаціи государства была Чехія. И такъ, вотъ намѣстникъ Христовъ призываетъ Юрія Подѣбрадскаго предъ апостольскій судъ, чтобы отречься отъ ереси и, по примѣру прежнихъ королей и императоровъ, принести изъявленіе покорности священному престолу; затѣмъ на голову ослушника сыплются проклятья за проклятьями, и эти анаѳемы, въ которыхъ истощено все, что могла придумать разъяренная своимъ безсиліемъ ѳеократія, повторяются, какъ зловѣщее пророчество, въ каждомъ конклавѣ, при каждомъ священнодѣйствіи Римскаго владыки: всѣ пружины дипломатическаго искусства пущены въ ходъ, чтобы приговору ѳеократіи надъ государствомъ Чешскимъ найти мірскаго исполнителя.

Но не видать исполнителя. Напротивъ того, всѣ государи Европы заняты, какъ мы сказали, проведеніемъ въ жизнь той же самой идеи, которая осуществлена была въ монархіи Чешской и которая именно навлекла на нее всю эту бурю проклятій; никто изъ нихъ не трогается на призывъ папскій, а многіе еще болѣе сближаются съ Юріемъ, иные даже протестуютъ въ Римѣ противъ его осужденія, берутъ его подъ свою защиту предъ папскимъ дворомъ. А между тѣмъ, Юрій,

[1]) Эта идея особенно полно и подробно, но какъ намъ кажется, съ односторонностью, слишкомъ исключительною, развита въ книгѣ. г. Іордана „das Königthum Georgs von Podebrad“, о которой мы уже упомянули.

съ своей стороны, опережая на цѣлыя столѣтія своихъ современниковъ, предлагаетъ разнымъ правительствамъ составленіе «парламента Европейскихъ государей», который устранилъ бы вмѣшательство Римскаго первосвященника въ свѣтскія дѣла и рѣшалъ бы мирнымъ судомъ споры между государствами. Онъ очевидно боялся за Чехію и думалъ обезпечить ея положеніе; онъ будто чуялъ грозу, уже тогда, когда громы Божія намѣстника еще умирали въ стѣнахъ Ватикана и глубокій миръ окружалъ Чешскую землю.

И гроза наступила: Римскій дворъ нашелъ желаннаго союзника. Къ подножію апостольскаго престола припалъ одинъ изъ членовъ чешской аристократіи, который за сопротивленіе закону и вооруженный разбой, подвергся строгости королевской власти, панъ Гинекъ Битовскій изъ Диктенбурга (1464 года). Павелъ II принялъ его подъ свой покровъ, какъ невинную жертву. Начало было положено. Аристократія чешская прислушалась къ происходившему въ Римѣ и рѣшила, что власть такого строгаго блюстителя порядка государственнаго, какимъ былъ король Юрій, для нея невыносимо тягостна. Главнѣйшіе члены ея составили между собою конфедерацію подъ предлогомъ защиты католической религіи и правъ папскаго престола; папа благословилъ ихъ на подвигъ; они подняли оружіе противъ короля. Междоусобная война потрясла значеніе Подѣбрада при европейскихъ дворахъ, выказала слабость Чешскаго государства, и слабостью этою воспользовался властолюбивый король венгерскій Ватвѣй Корвинъ. Ему теперь показалось легко присоединить Чехію къ своей державѣ, и онъ объявилъ себя покровителемъ конфедераціи чешскихъ «пановъ», исполнителемъ папскаго приговора надъ еретикомъ Юріемъ. Папа передалъ ему Чешскій престолъ, собраніе «пановъ» чешскихъ и моравскихъ провозгласило его своимъ королемъ.

Но Юрій Подѣбрадскій не былъ покинутъ. Представитель чешской народности и государственной независимости, представитель гуситской церкви и патріотическихъ преданій гуситскихъ войнъ, онъ имѣлъ на своей сторонѣ массу народа, гуситское духовенство, большинство горожанъ, часть рыцарства (т. е. низшей аристократіи) и даже многихъ «пановъ», которые предпочитали благо отечества интересамъ сословнаго самовластія. Борьба была одна изъ самыхъ упорныхъ и кровопролитныхъ. Юрій Подѣбрадскій выказался во всей высотѣ своего благороднаго духа и военнаго таланта. Но время чудесъ гуситскихъ войнъ прошло: такой восторгъ одушевленія, такое лихорадочное напряженіе народныхъ силъ, какое въ ту пору возбудила революція, не могло быть явленіемъ нормальнымъ и продолжительнымъ; и Чехи при Юріѣ Подѣбрадскомъ, по прежнему превосходя непріятеля храбростью и военнымъ искусствомъ, уже испытывали на себѣ — что значитъ ве-

щественный перевѣсъ числа. Наступало время, когда Чешскій народъ долженъ былъ ощутить свою матеріальную слабость среди большихъ народовъ Европы и необходимость опереться на какое-нибудь другое государство. Первымъ вѣстникомъ этой идеи былъ самъ король Юрій. Мы уже упомянули, что онъ, еще до возстанія чешскихъ вельможъ и союза ихъ съ Венгерцами, предлагалъ постоянный Европейскій конгрессъ, въ надеждѣ этимъ обезпечить положеніе своего отечества. Потомъ, въ началѣ возмущенія аристократіи, онъ думалъ примирить съ собою Римскій дворъ обѣщаніемъ изгнать Турокъ изъ Европы и хотѣлъ, соединенными силами Чехіи и Венгріи (съ послѣднею еще не было разрыва), возстановить Восточную имперію: онъ самъ мечталъ надѣть на себя императорскій вѣнецъ въ св. Софіи. Наконецъ, когда удары Корвина и внутреннихъ враговъ разсѣяли всѣ блестящіе замыслы и нужно было думать о спасеніи государства, Юрій, чувствуя, что ему не долго остается жить, созвалъ земскій сеймъ и предложилъ ему назначить наслѣдникомъ чешскаго престола — не кого либо изъ сыновей своихъ (хотя изъ нихъ двое уже славились воинными доблестями и пользовались любовью народа), а сына Польскаго короля Казиміра, Ягеллова внука Владислава. Сеймъ утвердилъ предложеніе короля.

Вскорѣ потомъ (1471) умеръ Юрій Подѣбрадскій, одинъ изъ самыхъ великихъ и добрыхъ людей, которыми можетъ гордиться Славянскій міръ; онъ умеръ среди разгара борьбы съ аристократическою партіею въ собственной землѣ и съ Венгерскимъ завоевателемъ: умеръ непобѣжденнымъ, но оставляя свой народъ въ страшномъ изнуреніи отъ междоусобной войны, и войны съ внѣшнимъ врагомъ, несравненно сильнѣйшимъ.

Воля Юрія Подѣбрадскаго была исполнена. Чехи, и сами сыновья покойнаго короля, «для блага языка славянскаго» [1]), признали Владислава Польскаго своимъ государемъ. Матвѣй Корвинъ продолжалъ войну еще восемь лѣтъ, и при нерѣшительности, съ какою Польша вступалась за Чехію, достигъ отчасти своей цѣли. Онъ заключилъ миръ лишь тогда, когда Владиславъ уступилъ ему (правда только въ пожизненное владѣніе) половину чешскихъ земель, т. е. Моравію и почти всю Силезію. Владиславъ сохранилъ одну Чехію въ тѣсномъ смыслѣ и Лузацію.

Чехія сошла со сцены всемірной исторіи. Могущественная держава Подѣбрада сдѣлалась однимъ изъ второстепенныхъ королевствъ европейскихъ. За то на развалинахъ государства, которое почерпнуло

---

[1]) Regnum Bohemiæ ad honorem omnipotentis Dei augmentum fidei christianæ et decus linguagii slavonici publico consensu acceptat: такова была формула, произнесенная (по-польски) 15-лѣтнимъ Владиславомъ, когда онъ принималъ Чешскую корону.

столько силъ изъ революціоннаго порыва гуситскаго и которому Юрій Подѣбрадскій далъ правильную организацію конституціонной монархіи, царила аристократія. Она одержала побѣду и нашла въ своемъ королѣ Владиславѣ государя, какой былъ ей надобенъ. Слабый по природѣ, онъ былъ притомъ, по воспитанію своему, проникнутъ польскими идеями полновластія шляхты и давалъ этимъ идеямъ свободный просторъ развитія въ своемъ новомъ отечествѣ. Аристократія стала дѣйствительною правительницею Чехіи.

VIII.

Владиславъ и Людовикъ Ягеллончикъ. — Чехія и Моравія принимаютъ характеръ аристократической республики. — Борьба аристократіи съ городскимъ сословіемъ.

Между тѣмъ какъ Чехія, изнемогая отъ внутренняго разстройства и внѣшней войны, искала опоры въ союзѣ съ Польшею, Венгры съ своей стороны, тѣснимые завоеваніями Турокъ, почувствовали также, что имъ однимъ не устоять и что необходимо имъ привлечь къ себѣ новыя силы. Слѣдствіемъ этой потребности было то, что Венгрія, послѣ смерти Матвѣя Корвина, призвала на свой престолъ короля Чешскаго [1]). Владиславъ переѣхалъ въ Будимъ. Отторгнутыя Корвиномъ отъ Чехіи области были ей возвращены, но политическое значеніе государства Чешскаго еще болѣе упало. Уже однимъ своимъ матеріальнымъ перевѣсомъ Венгрія неминуемо должна была перетянуть Чехію, и охраненіе Венгріи отъ Турокъ потребовало всѣхъ силъ обоихъ соединившихся народовъ. Чехія сдѣлалась только какъ бы запаснымъ складомъ, откуда почерпались деньги и люди на защиту Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ идея союза съ Польшею во имя славянской народности, идея, которую завѣщалъ Чехамъ ихъ величайшій государственный человѣкъ, Подѣбрадъ, уступила мѣсто союзу Дунайскихъ народовъ, соединенію чисто политическому, основанному на однихъ внѣшнихъ интересахъ, и въ которомъ Чехія жертвовала больше, нежели сколько она получала. Притянувъ Чехію къ себѣ, Венгрія, такъ сказать, приковала ее къ своему тогдашнему жизненному дѣлу, къ борьбѣ съ Турками. Политическій центръ тяжести

[1]) Въ 1490 году.

перешелъ для Чехіи на Дунай, въ столицу неславянскаго народа; политическою задачею, на которую Чешскій народъ долженъ былъ тратить свои силы, сдѣлалась нескончаемая война, ему посторонняя уже по самому его положенію, чуждая его государственнымъ потребностямъ. Чехія вступала въ *австрійскій* періодъ своей исторіи, хотя еще не принадлежала къ Австріи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благородная идея защиты христіанства отъ ислама имѣла тутъ важное вліяніе. Но едва ли она объясняетъ образъ дѣйствія Чеховъ при Владиславѣ и его сынѣ Людовикѣ Ягеллончикѣ. Личной воли самого короля нельзя при этомъ брать въ расчетъ. Конечно, честолюбію Владислава льстила блестящая корона Венгерская и, принявъ эту корону, онъ принялъ на себя и обязанность защищать ее. Но обязанность эта не касалась Чехіи: король не смѣлъ располагать ея силами безъ согласія сейма. На престолѣ Чешскомъ даже могущественныя личности, какъ Карлъ IV и Юрій Подѣбрадскій, далеко не были самовластны; а при безхарактерномъ Владиславѣ королевская воля почти ничего не значила и правленіе было на дѣлѣ предоставлено сейму чешскихъ сословій и тѣмъ знатнымъ «панамъ», которые занимали высшія государственныя должности; при сынѣ же Владиславовомъ, Людовикѣ, по случаю его малолѣтства, дѣла Чехіи остались совершенно на попеченіи этихъ пановъ и сейма. Какимъ же образомъ чешскій сеймъ и паны-правители такъ легко согласились отдать свою родину въ кабалу Венгріи? Трудно допустить, чтобы они могли простереть христіанское безкорыстіе до такого самозабвенія и, для защиты чужой земли отъ мусульманъ, лишить свое отечество самостоятельной политической роли, жертвовать всѣми его войсками, всей его казной. Не забудемъ при томъ, что самой Чехіи отъ Турокъ не угрожала близкая опасность: никогда турецкая нога не ступала на земли Чешской короны; не забудемъ и того, что большинство Чеховъ были гуситы или протестанты, а Венгры — католики, которые столько разъ выказывали противъ гуситовъ и Чеховъ вообще фанатическую ненависть и которымъ Чешскій народъ отплачивалъ такимъ озлобленіемъ, что почти всякій разъ, когда король являлся въ Прагу въ сопровожденіи какихъ нибудь Венгерцевъ, дѣло кончалось дракою и ихъ изгнаніемъ. И все таки, каждый годъ, сеймъ чешскихъ сословій соглашался посылать новые и новые полки на Дунай, гдѣ они храбро бились и обыкновенно погибали; огромные для того времени налоги, цѣлыя сотни тысячъ «грошей», безпрекословно налагались сеймомъ на Чешскій народъ и пополняли истощенную казну Венгерскаго королевства.

Нѣтъ: не безкорыстное служеніе христіанству было существенною причиною такого самопожертвованія, а напротивъ, весьма ко-

рыстный расчетъ чешской аристократіи [1]). Ей было выгодно отсутствіе государя, занятаго исключительно дѣлами другой страны, ей было выгодно отсутствіе самостоятельной политической идеи въ Чехіи. Между королемъ, не могшимъ справиться съ одною Венгріей, и аристократіей чешскою образовалась обоюдно подразумѣвавшаяся, а иногда высказываемая довольно ясно, сдѣлка: «мы, говорила аристократія, будемъ назначать тебѣ на сеймахъ сколько нужно денегъ и войска для Венгріи, а ты насъ оставляй распоряжаться дома, какъ хотимъ». И дѣйствительно, аристократія чешская могла дѣлать, что хотѣла. Чехія въ это время обратилась въ нѣчто похожее на аристократическую республику съ номинальною властью короля; а Моравія, гдѣ высшая знать или сословіе пановъ имѣло большой перевѣсъ надъ низшей аристократіей или рыцарствомъ, устроилась на подобіе республики олигархической. Тамъ пятнадцать «панскихъ» родовъ организовались въ замкнутый кругъ и предоставили себѣ исключительное право занимать всѣ высшія правительственныя и судебныя должности; они совершенно завладѣли земскимъ сеймомъ, и для того чтобы устранить всякое постороннее вліяніе, старались все болѣе и болѣе ослаблять государственную связь Моравіи съ Чехіей.— Въ обѣихъ странахъ эта эпоха ознаменовалась окончательнымъ прикрѣпленіемъ къ землѣ, или, лучше сказать, порабощеніемъ простаго народа. Прошло съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ со времени пораженія демократической партіи Таборитовъ, и аристократія чешская вполнѣ упрочила свое владычество надъ массою народною: иго, которое

---

[1]) Просимъ принимать здѣсь и вездѣ въ настоящемъ очеркѣ слово *аристократія* въ смыслѣ нѣмецкаго Adel, французскаго noblesse и т. д. Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ понятіяхъ и историческихъ преданіяхъ Россіи, нѣтъ дѣйствительно соотвѣтствующаго выраженія. Слово *дворянство* было бы безсмыслицей въ изложеніи исторіи Западныхъ Славянъ, потому что на этомъ словѣ лежитъ слишкомъ рѣзко и опредѣлительно печать понятія о *дворѣ* государевомъ, о сословіи *служебномъ* государству, тогда какъ у Славянъ, принявшихъ начала Западной жизни, высшее сословіе заключало въ себѣ прямо противоположную идею *независимости* отъ государственной власти, стремленіе устранить ее и самому сдѣлаться государствомъ. Самымъ вѣрнымъ въ этомъ случаѣ было бы слово *шляхта*, свойственное одинаково Польшѣ и Чехіи; однако мы не рѣшаемся употреблять его въ изложеніи чешской исторіи потому что оно, оставшись у насъ спеціально польскимъ словомъ, не имѣетъ въ языкѣ нашемъ общаго права гражданства и потому въ особенности, что мы привыкли соединять съ нимъ оттѣнокъ польскаго понятія о формальномъ демократическомъ равенствѣ лицъ этого сословія, понятія, не развившагося въ чешской „шлехтѣ". Поневолѣ приходится прибѣгать къ обще-европейскому слову *аристократія*, но съ тѣмъ чтобы оно было понимаемо не въ томъ тѣсномъ значеніи, какое имѣла аристократія въ древнихъ республикахъ, а въ смыслѣ „благороднаго сословія" Западной Европы, не исключавшаго въ своей средѣ дѣленія на высшую знать (nobility, по-чешски *паны*, у Поляковъ и Венгровъ *магнаты*) и на простыхъ „свободныхъ людей" (gentry, „рыцари" или въ Чехіи и также въ древней Польшѣ, *владыки* и т. д.).

она постепенно, въ разныхъ частныхъ случаяхъ и какъ злоупотребленіе, налагала на низшій классъ жителей, сдѣлалось повсемѣстнымъ и получило силу закона. За тѣмъ аристократіи оставалось еще подчинить себѣ городское сословіе. Она приступила къ этому немедленно и стала добиваться уничтоженія двухъ правъ, на которыхъ главнымъ образомъ основывалось политическое значеніе и экономическое благосостояніе горожанъ въ Чехіи. То были: право участвовать въ сеймахъ, какъ третье сословіе, и монополія пивоваренія и винокуренія. Исключить городское сословіе изъ сейма и овладѣть въ свою пользу этою монополіей сдѣлалось главною цѣлью всѣхъ усилій чешской аристократіи въ послѣдніе годы XV-го и въ первую четверть XVI-го вѣка. Сильные многолюдствомъ своимъ, богатствомъ и промышленнымъ развитіемъ, города вооружились на защиту своихъ правъ, завязалась мелкая, но повсемѣстная и ожесточенная, междоусобная война, то утихавшая, то вспыхивавшая снова,—безотрадное и почти единственное содержаніе чешской исторіи въ тѣ годы. Городское сословіе отстояло большую часть своихъ правъ; но вообще эта междоусобная война еще хуже разстроила государство, уже такъ сильно пострадавшее отъ ударовъ «панской» конфедераціи противъ короля Юрія и явившихся ей на помощь внѣшнихъ враговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще болѣе возрасло значеніе и власть чешской аристократіи, не столько даже отъ уступокъ, какими горожане принуждены были купить свое спокойствіе, сколько отъ общаго безпорядка и замѣшательства, среди котораго паны и рыцари могли расширить на просторѣ свои права и вольности.

IX.

Общій характеръ развитія Чехіи до начала XVI вѣка. — Аристократическое начало: оно парализуетъ жизнь Чешскаго государства.—Избраніе Фердинанда Габсбургскаго.—Его борьба противъ чешской старины.—«Кровавый» сеймъ 1547 года.

Окинемъ теперь взглядомъ государственное развитіе Чехіи до второй четверти XVI-го вѣка. Въ началѣ она, мы знаемъ, поневолѣ приняла общественныя стихіи и систему государственной организаціи отъ средневѣковой феодальной Германіи. И когда она возстала противъ нѣмецкой народности и духовнаго ига Запада, то все-таки не могла выйти изъ круга его общественныхъ и государственныхъ

началъ: принципъ сословный и аристократическій не могъ быть поколебленъ въ Чехіи. Послѣ короткаго перерыва во время революціоннаго пыла и разгара борьбы съ Западною Европой, аристократія вмѣстѣ съ мѣщанствомъ возвратились къ прежней исключительности и заглушили демократическія попытки Таборитовъ; въ этихъ классахъ опять сосредоточилась, на подобіе Запада, вся общественная и политическая жизнь Чешскаго народа. Государственный порядокъ возстановился на прежнихъ основахъ, но благодаря развившемуся во время революціи сознанію общественныхъ интересовъ, государство Чешское опередило въ своей организаціи всѣ тогдашнія Западныя страны. Чехія при Юріи Подѣбрадскомъ сдѣлалась образцомъ современныхъ ей конституціонныхъ монархій западно-европейскихъ и главною представительницею овладѣвавшей міромъ идеи полноправности государства въ противность отжившей средневѣковой ѳеократіи. Все, повидимому, предвѣщало Чехіи блестящее государственное развитіе; можно было ожидать, что Чехія, ставъ впереди всѣхъ современныхъ государствъ Запада, пойдетъ ровнымъ съ ними шагомъ, съ одной стороны усиливая власть правительственную, которая въ ту пору повсемѣстно возрастала, а съ другой стороны, смягчая, по примѣру остальной Западной Европы, исключительность сословныхъ привилегій расширеніемъ гражданскихъ правъ народа. Но тотъ историческій моментъ, который на Западѣ послужилъ исходною точкою дальнѣйшаго громаднаго развитія, по справедливости называемаго «новою» эрою въ сравненіи съ прежнею жизнію человѣчества, этотъ самый историческій моментъ оказался въ Чехіи крайнимъ предѣломъ поступательнаго движенія. Отъ него она вдругъ повернула назадъ, къ среднимъ вѣкамъ. Аристократія вырвалась изъ круга, ей принадлежавшаго въ Чешской, какъ и въ другихъ средневѣковыхъ конституціонныхъ монархіяхъ, вооружилась противъ государственнаго начала, заключила союзъ съ послѣднимъ въ Европѣ защитникомъ средневѣковыхъ ѳеократическихъ притязаній, стала подъ покровительство иностраннаго завоевателя и, низвергнувъ Чехію въ политическое ничтожество, упрочила въ ней свое полное владычество. И съ тѣхъ поръ, какая перемѣна во всемъ! При Юріи Подѣбрадскомъ мы называли Чехію передовою представительницею тѣхъ политическихъ идей, къ которымъ стремился весь Западный міръ, она была современнымъ идеаломъ государствъ; а 10 или 20 лѣтъ спустя, что̀ дѣлаетъ Чехія? Порабощаетъ простой народъ, тогда какъ Западъ кладетъ начало его освобожденію; подавляетъ города, когда Западъ всѣми мѣрами способствуетъ ихъ развитію; доводитъ правительственную власть до ничтожества, когда западъ вооружаетъ ее громадными силами; учреждаетъ родъ аристократической республики, когда Западъ на разва-

линахъ феодальной вольницы воздвигаетъ абсолютныя монархіи. Не отрѣшаясь отъ общественныхъ началъ Запада, оставаясь въ кругѣ его жизни, Чехія пошла прямо въ разрѣзъ общему ходу его развитія. Западный міръ долженъ былъ раздавить ее.

Никакая внѣшняя сила не ставила ее на этотъ путь. Мы видимъ тутъ внутреннюю, постепенную, неудержимую работу аристократическаго начала. Польша представляетъ намъ поразительное сходство съ этимъ явленіемъ, которое мы встрѣчаемъ и въ древней Сербіи, и при такомъ совпаденіи, мы не въ правѣ считать этого случайнымъ. Чуждый аристократическаго принципа въ первоначальную, чисто-славянскую эпоху своей исторіи, Чешскій народъ, воспринявъ его отъ Германіи, не могъ, какъ народы германскіе, родившіеся, такъ сказать, съ этимъ принципомъ, найти ему въ своемъ организмѣ законнаго отправленія и уравновѣсить его съ другими общественными силами. Пока аристократическое начало могло жить и развиваться совмѣстно съ началомъ государственнымъ, Чехія росла, не отставая отъ Западныхъ странъ и даже опережая ихъ. Но наступила минута, когда государство, не уживаясь долѣе съ понятіями аристократіи, должно было вступить съ нею въ борьбу, и тогда-то на Западѣ силы народныя выручили государство: оно сломило аристократію или смирило ея произволъ; а у Чеховъ мы видѣли противное. Потому ли, что народный организмъ славянскій по природѣ своей былъ слишкомъ мягокъ и податливъ для того, чтобы выдержать на себѣ, не поддаваясь ей, прививку такой властолюбивой стихіи, какова аристократія, или потому, что самой прививкѣ должно было предшествовать ослабленіе и разстройство въ народномъ организмѣ славянскомъ, или наконецъ по обѣимъ причинамъ вмѣстѣ,— во всякомъ случаѣ не нашлось въ Чешской землѣ никакого противодѣйствія аристократіи, никакихъ силъ, на которыя государство въ состояніи было бы опереться, и аристократія, одержавъ верхъ надъ государствомъ, могла съ тѣхъ поръ развиться тамъ до крайностей, невиданныхъ на Западѣ, ибо она одна продолжала развиваться, а все прочее чахло и замирало. Какъ чужеядное растеніе на организмѣ славянскаго племени, аристократія втянула въ себя всѣ его жизненные соки; доведя народъ до омертвѣнія, она сама хотѣла вмѣстить въ себѣ полноту народной жизни; разбивъ государство, она сама хотѣла заключить государство въ своемъ сословіи.

Пока Чехія приближалась такимъ образомъ къ осуществленію того порядка вещей, который еще полнѣе мы видимъ въ Польшѣ; пока аристократія чешская воевала съ городскимъ сословіемъ, чтобы низложить эту послѣднюю преграду своему полновластію и Чешская земля возвращалась къ идеямъ средневѣковой аристократической воль-

ницы,—Западный міръ измѣнялся подъ вліяніемъ новаго духа. Мы назвали папу Павла II, того самого, который благословлялъ чешскихъ «пановъ» на борьбу съ государственнымъ началомъ, — послѣднимъ представителемъ средневѣковой ѳеократіи. При его преемникахъ, папскій престолъ отказался отъ проиграннаго дѣла. Вмѣсто того, чтобы быть верховнымъ властителемъ владыкъ земныхъ, папа рѣшился сдѣлаться ихъ помощникомъ: вмѣсто прежней борьбы съ началомъ государственнымъ, церковь католическая стала подъ покровительство государственнаго начала, и за содѣйствіе, которое она оказывала монархамъ къ достиженію абсолютизма, получала отъ нихъ въ воздаяніе матеріальныя средства для обезпеченія своего господства надъ умами ихъ подданныхъ. Къ такому союзу, во всей безусловной полнотѣ его примѣненія, прилѣпились Габсбурги, соединившіе въ ту пору подъ своимъ правленіемъ громадную массу земель Испанской короны съ наслѣдственными землями Австрійскими, которыя приносили съ собою также императорскій престолъ Германіи. Габсбурги сдѣлались главными въ Европѣ представителями католицизма и абсолютной монархіи.

И въ это время случилось, что король Чешскій, молодой Людовикъ Ягеллончикъ, погибъ въ Венгріи, въ битвѣ съ Турками, не оставивъ наслѣдника (1526 г.); и выборные, назначенные отъ трехъ сословій чешскаго сейма для избранія новаго короля, отдали престолъ Чешскій Габсбургу, Фердинанду эрцгерцогу Австрійскому, брату всемогущаго короля Испанскаго и Германскаго императора Карла V.

Насъ озадачиваетъ такой выборъ. Какимъ образомъ Чехи, по большей части гуситы или протестанты и всѣ проникнутые духомъ сословной вольности, могли отдать себя добровольно подъ власть Габсбурга, величайшаго, послѣ его роднаго брата, поборника католической церкви и государственнаго начала, доводимаго до крайности абсолютизма?

Много частныхъ причинъ соединилось, чтобы рѣшить этотъ выборъ. Во-первыхъ, Фердинандъ, по праву женскаго престолонаслѣдія и стариннаго, заключеннаго еще въ 1364 году, но не исполнявшагося прежде [1]), договора между Чешскимъ (Люксенбургскимъ) и Австрійскимъ домами, былъ ближайшій кандидатъ на чешскій престолъ, и хотя престолъ этотъ былъ избирательный, однако Чехи, при выборѣ, обыкновенно принимали въ соображеніе и наслѣдственное право. Во-вторыхъ, они привыкли и въ прежнее время видѣть у себя на престолѣ Австрійцевъ (именно, въ первой половинѣ XV вѣка, Альбрехтъ

[1]) Напр. при избраніи Юрія Подѣбрадскаго послѣ смерти Ладислава и при назначеніи Владислава королевича Польскаго наслѣдникомъ Юрія.

и сынъ его Ладиславъ, изъ которыхъ послѣдній былъ очень любимъ); мысль о союзѣ съ Дунайскими землями укрѣпилась у нихъ въ царствованіе Владислава и Людовика, королей Чешскихъ и Венгерскихъ, и привела въ забвеніе болѣе естественный союзъ съ Польшею: вѣроятно они надѣялись (и не совсѣмъ напрасно), что и Венгрія возьметъ себѣ въ государи того же Фердинанда. Притомъ не было другаго, достаточно обращавшаго на себя вниманіе, претендента изъ иностранныхъ принцевъ, а посадить на престолъ своего брата—Чеха, не рѣшалась завистливая аристократія; наконецъ Фердинандъ осыпалъ Чеховъ обѣщаніями покровительства ихъ правамъ и вольностямъ, и они, быть можетъ, ему и повѣрили. Казалось бы, всѣ эти второстепенныя соображенія не могли быть не довольно сильны, чтобы побудить Чеховъ наложить на самихъ себя руку, призваніемъ на свой престолъ жесточайшаго противника всего, что было Чеху дорого и свято, противника, вооруженнаго къ тому же огромною, отъ нихъ независѣвшею, матеріальною силою. Во всякомъ случаѣ, выборъ Фердинанда является однимъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ того политическаго неразумія, которымъ, можно сказать, сама судьба преслѣдовала владычество аристократіи въ славянскихъ земляхъ, какъ будто бы въ кару за ея измѣну началамъ народной жизни [1]).

Войдя, съ воцареніемъ Фердинанда, въ составъ огромнаго сбора Габсбургскихъ земель, Чехія, разумѣется, утратила послѣдній остатокъ своего самостоятельнаго значенія въ политическихъ дѣлахъ Европы. Роль ея ограничилась умноженіемъ войскъ и денегъ, которыми располагала Габсбургская династія. Оставалось только уничтожить права и вольности чешскихъ сословій, вымести изъ круга Западныхъ странъ [2]) этотъ послѣдній остатокъ средневѣковыхъ конституцій и покорить Чеховъ государственному началу ново-европейскому, какъ его понимали Габсбурги. Борьба длилась безъ малаго столѣтіе.

---

[1]) Аристократія венгерская показала въ этомъ отношеніи гораздо болѣе политической проницательности. Тамъ только одна небольшая партія прельстилась наслѣдственными правами и обѣщаніями Фердинанда, и разными неправдами провозгласила его королемъ; большинство же отвергло его и выбрало природнаго Мадьяра, Седмиградскаго князя Заполью. Къ несчастію для Венгріи, дѣло Запольи было потомъ проиграно, вслѣдствіе неестественнаго союза, который онъ принужденъ былъ заключить съ Турками для противодѣйствія Фердинанду.

[2]) Въ то время Венгрія и Польша (послѣдняя вслѣдствіе своего соединенія съ Литвою и южною Русью) принадлежали гораздо болѣе къ міру восточно-европейскому, нежели къ западному; въ этомъ смыслѣ мы называемъ Чехію послѣднею среди Западныхъ странъ представительницею средневѣковыхъ началъ. Хотя тѣ же почти начала общественныя господствовали, болѣе или менѣе, въ Польшѣ и Венгріи, однако, какъ страны эти не входили тогда, подобно Чехіи, въ общій кругъ западно-европейской жизни и стояли какъ бы особнякомъ, то онѣ не являлись тамъ такою аномаліей и помѣхой для западнаго міра, какъ въ Чехіи.

Непримиримое противорѣчіе между Фердинандомъ и чешскими сословіями въ понятіяхъ о государствѣ и государственной власти обозначилось съ перваго дня. Высшая знать и рыцарство тотчасъ сблизились съ горожанами, которыхъ такъ недавно еще пытались исключить изъ земскаго сейма; всѣ три сословія стали опять за одно, съ тѣхъ поръ какъ нужно было спасать вообще старую сословную организацію, одинаково дорогую и аристократіи и горожанамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе прежняго возрасла въ Чехіи нравственная сила аристократіи и особенно «пановъ», какъ передоваго, богатѣйшаго, вліятельнѣйшаго сословія: ибо дѣло аристократіи и ея сословныхъ интересовъ слилось съ общимъ земскимъ дѣломъ, съ защитою внутренней автономіи земли Чешской; аристократія сдѣлалась представительницею чешской независимости, чешской народности. — Мы знаемъ, что вездѣ главною союзницею и главнымъ орудіемъ Габсбурговъ была католическая церковь. Тѣснѣе и крѣпче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, должно было связаться дѣло Габсбурговъ съ дѣломъ католицизма въ отношеніи къ Чехамъ, которые съ духомъ непокорности государственному началу соединяли всѣ оттѣнки ереси религіозной, отъ секты *Братій*, радикально противоположной всѣмъ основамъ Римской церкви, до близкаго къ ней, но все-таки ей враждебнаго, ученія Чашниковъ. Борьба политическая должна была неминуемо захватить и область религіозную. Габсбурги, въ своихъ усиліяхъ подвести Чехію подъ уровень испано-австрійскаго абсолютизма, являлись поборниками единоспасающей церкви противъ безбожныхъ еретиковъ (а можетъ быть, и дѣйствительно вѣрили въ такое призваніе: кто разгадаетъ душу какого нибудь Фердинанда I или того Фердинанда II, передъ которымъ первый былъ еще идеаломъ вѣротерпимости). По тому самому оппозиція Чеховъ государственному началу габсбургскому сливалась съ противоборствомъ католицизму. Но въ этомъ противоборствѣ, источникъ котораго не былъ уже религіозный, а политическій, Чехи не могли выступить во имя какой нибудь опредѣленной, самостоятельной религіозной идеи, какъ сто лѣтъ тому назадъ, во время гуситскихъ войнъ; да и не было у нихъ опредѣленной религіозной идеи, съ тѣхъ поръ какъ гуситство потеряло свое значеніе и протестантскій раціонализмъ Лютера и Кальвина сталъ замѣнять мысль Гусову о возсозданіи первобытной вселенской церкви [1]). Но и не исповѣданье аугсбургское или гельветическое, какъ опредѣленная религіозная система, могло быть противопоставляемо Чехами католицизму, сдѣлавшемуся политическимъ орудіемъ Габсбурговъ, а самая основа аугсбургскаго и гельветическаго исповѣданій, свобода религіознаго су-

---

[1]) Этотъ переходъ мы уже выше старались объяснить.

жденія, свобода совѣсти. Свобода совѣсти была принципъ, логически противоположный той идеѣ, на которой основывалась габсбургская политика въ отношеніи религіозномъ, т. е. представленію о католицизмѣ, какъ о единоспасительномъ, а потому самому *обязательномъ* исповѣданіи. Свобода совѣсти сдѣлалась знаменемъ Чеховъ.

Такимъ образомъ, силою вещей, составился тамъ союзъ старой, средневѣковой, отживавшей въ Европѣ, идеи аристократической, — привилегированной, такъ сказать, вольности, — съ новою, начинавшею являться въ міръ, идеею духовной свободы. Сыновья и внуки тѣхъ самыхъ «пановъ», которые сражались противъ Юрія Подѣбрадскаго за католицизмъ и права ѳеократіи, стали теперь ревностнѣйшими борцами за вѣротерпимость: переходъ совершился не силою внутренняго, если можно такъ выразиться, развитія убѣжденій, а перестановкою интересовъ аристократіи, какъ сословія. И если не этимъ людямъ дано было провести въ міръ великое начало духовной свободы, то по крайней мѣрѣ они пали подъ честнымъ знаменемъ. Борьба съ Габсбургскою династіей и ея принципами соединила подъ знаменемъ чешской аристократіи всѣ благородныя и возвышенныя стремленія: любовь къ родинѣ, преданность ея правамъ и независимости, служеніе христіанской идеѣ свободы духа и нераздѣльная съ этой идеей ревность къ наукѣ и просвѣщенію, — вотъ что олицетворила въ себѣ аристократія чешская въ XVI и началѣ XVII вѣка, выступивъ въ бой съ бездушной тиранніей, съ іезуитскимъ фарисействомъ Габсбурговъ, съ духовнымъ рабствомъ и мракомъ, на которыхъ они основывали свою власть. И хотя аристократія чешская, по самому историческому принципу своему, носила въ себѣ начала смерти, какъ для себя самой, такъ и для страны, которой сдѣлалась представительницею, хотя она, какъ мы увидимъ, сама, внутреннимъ своимъ разложеніемъ, доставила торжество Габсбургамъ, — тѣмъ не менѣе высокъ остается ея подвигъ въ этой борьбѣ. Сама по себѣ, какъ сословіе, какъ порожденіе чуждыхъ и разрушительныхъ для славянской страны общественныхъ началъ, чешская аристократія была чѣмъ-то преступнымъ передъ народнымъ духомъ; съ этой отвлеченной точки зрѣнія гибель ея должна быть признана исторически необходимою и, въ такомъ смыслѣ, можно считать эту гибель справедливою. Но въ житейской дѣйствительности, не какъ отвлеченность, а какъ живое общество людей, движущихся въ борьбѣ страстей и убѣжденій, она была права; она защищала дѣло чистое и святое; и кровавое паденіе ея напоминаетъ тѣ древнія трагедіи, въ которыхъ чистая и святая личность человѣка гибнетъ за роковую вину, ему самому невѣдомую. Пока исторія останется не безучастною къ добру и злу, она съ сочувствіемъ и сердечною болью разсказывать будетъ о тог-

дашнихъ чешскихъ дѣятеляхъ, объ этихъ страдальцахъ за права родной земли и свободы совѣсти, каковы были Рабштейнъ, Костка изъ Поступицъ, Вратъ и Аугуста, каковы были Будова, Гарантъ Полчицкій, Есенскій, Шликъ, Чернинъ и прочіе 47 мучениковъ Пражскихъ, каковы были Благославъ, Жеротинъ и Коменскій.... Но мы здѣсь не разсказываемъ частности историческихъ событій; наша задача — стараться вникнуть въ ихъ отвлеченный смыслъ и логическую послѣдовательность, и поэтому мы должны сосредоточить наше вниманіе не на тѣхъ благородныхъ личностяхъ, не на тѣхъ высокихъ подвигахъ, которые украшаютъ послѣднія страницы чешской исторіи, а напротивъ, на томъ, что̀ сдѣлало эти личности безсильными, эти подвиги безплодными.

Что вначалѣ всего болѣе обезпечило Габсбургское правительство въ отношеніи Чеховъ и приготовило испано-австрійской политикѣ первую надъ ними побѣду, — было внутреннее противорѣчіе идей, руководившихъ Чехами въ ихъ борьбѣ за свою автономію. Съ одной стороны, они, какъ мы видѣли, воплощали въ себѣ передовую идею вѣка, идею религіозной свободы, начало въ ту эпоху еще новое и являвшееся чѣмъ-то революціоннымъ. Но съ другой стороны, они были безусловными консерваторами: ибо ратовали противъ новаго, нивелирующаго начала государственнаго, за сохраненіе «стародавнихъ, утвержденныхъ присягами и договорами, правъ, привилегій и вольностей королевства Чешскаго и маркграфства Моравскаго». И въ этомъ опять-таки какой переходъ въ идеяхъ отъ исторической перестановки интересовъ: преемники гуситской революціи сдѣлались представителями начала давности, легитимности! Святыней, которую они отстаиваютъ, стала буква той или другой старой грамоты, гдѣ были написаны, утвержденныя прежними королями, привилегіи чешскихъ сословій. Фердинандъ Габсбургскій распорядился довольно просто: онъ позаботился о томъ, чтобы зданіе, гдѣ хранились государственные акты Чехіи, сгорѣло [1]); и этотъ пожаръ, въ самомъ дѣлѣ, значительно ослабилъ чешскія сословія въ ихъ постоянной тяжбѣ съ королевскою властію, лишивъ ихъ подлинниковъ большей части тѣхъ документовъ, на которыхъ они основывали свои права.

Принципъ легитимности, служившій Чехамъ опорою, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ ихъ безсилія. Въ виду властелина, который, подъ покровомъ идеи абсолютной полноправности монарха и безусловной обязательности католической вѣры для спасенія душъ человѣческихъ, не признавалъ законнымъ ничего противорѣчившаго этимъ

---

[1]) Этотъ *историческій* пожаръ въ Прагѣ произошелъ въ 1541 году. По всѣмъ сохранившимся извѣстіямъ, можно полагать почти съ полною достовѣрностію, что онъ былъ слѣдствіемъ поджога со стороны одного изъ клевретовъ Габсбургскаго дома.

идеямъ и ничѣмъ не стѣснялся, — Чехи ссылались на писанное право, и дальше не могли итти: ибо принципъ легитимности не дозволялъ посягнуть на власть законнаго государя. Чешскіе сеймы протестовали; Габсбурги дѣйствовали. И когда дѣйствія короля, становясь все болѣе и болѣе противозаконными, наконецъ доводили сеймъ до крайности и нужно было или вовсе отказаться отъ старыхъ правъ, или принять положительныя мѣры сопротивленія, то распоряженія сейма отзывались постояннымъ колебаніемъ и противорѣчіемъ: онъ все-таки не рѣшался на явное возмущеніе, а своими поступками, уже выходившими изъ предѣловъ строгой законности, только давалъ королю желанный случай къ возмездію. Таковъ характеръ столь важныхъ для судьбы Чехіи событій 1547 года. Именно, король для содѣйствія своему брату императору Карлу V, въ его походѣ противъ главы нѣмецкихъ протестантовъ, Саксонскаго курфирста Іоанна-Фридриха, — король Фердинандъ своею властію, не спрашивая сейма, приказалъ набрать въ Чехіи войско. Чины [1]) чешскіе протестовали противъ такого неслыханнаго у нихъ распоряженія, король не уступалъ и сталъ брать Чеховъ подъ свои знамена. Чешскій сеймъ, съ своей стороны, созвалъ земскую рать для защиты отечества, избралъ полководца, назначилъ временныхъ правителей; но какъ бы пугаясь каждаго своего шага, Чехи дальше не пошли. Они держали земскую рать на границѣ, зрительницею происходившей въ сосѣдней Саксоніи войны; съ Фердинандомъ продолжалась безконечная переписка, продолжалась до тѣхъ поръ, пока Фердинандъ извѣстилъ чешскіе чины, что дѣло кончено: курфирстъ Саксонскій былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ подъ Мюльбергомъ. Что оставалось дѣлать? Чехи послали поздравить своего короля съ побѣдою и, чтобы устранить самое явное свидѣтельство своей непокорности, распустили земскую рать. Фердинандъ съ своею арміей вступилъ въ Чехію; паны и рыцари поспѣшили къ нему съ повинною; Прага хотѣла было обороняться, но оставленные другими сословіями, горожане должны были тоже покориться. Фердинандъ занялъ столицу нѣмецкими войсками. Простой народъ два раза вооружался и принимался бить и выгонять ихъ; но уже Чехія была не та, какъ въ то время, когда Жижка съ простымъ народомъ, поддержанный горожанами, вырвалъ Прагу изъ рукъ стотысячнаго войска Сигизмундова. Въ этотъ разъ, горожане и паны приняли подъ свою защиту нѣмецкій гарнизонъ и усмирили народный мятежъ. Когда наконецъ Фердинандъ стянулъ къ Прагѣ всю свою армію, онъ открылъ сеймъ, который Чехи, отъ казней, его ознаме-

[1]) Подъ именемъ *чиновъ* мы разумѣемъ совокупность трехъ сословій (пановъ, рыцарей и горожанъ), заключавшихъ въ себѣ законодательную власть въ Чехіи, то, что по-чешски называлось Stavové, по-нѣмецки Stände.

новавшихъ, прозвали «кровавымъ». Послѣ казни четырехъ лицъ, Фердинандъ заставилъ чешскія сословія отказаться отъ важнѣйшей основы ихъ вольностей, отъ того права, которое давало Чехіи при Ягеллонахъ характеръ аристократической республики, отъ права составлять сеймъ и постановлять на немъ рѣшенія безъ королевскаго соизволенія. За тѣмъ онъ приступилъ къ наказанію отдѣльныхъ сословій. Наименѣе пострадали «паны»: за исключеніемъ немногихъ лицъ, наиболѣе компрометированныхъ и наказанныхъ конфискаціями, король пощадилъ ихъ сословіе совершенно; нѣсколько строже покаралъ онъ рыцарей, но страшно досталось городскому сословію, значеніе котораго въ общественныхъ дѣлахъ было почти уничтожено новыми постановленіями. Водворить въ Чехіи исключительное господство католицизма показалось королю еще несвоевременнымъ; но онъ приступилъ къ этому дѣлу изгнаніемъ всѣхъ членовъ секты *Братій* и тѣмъ, что, кромѣ католической, признана была терпимою въ Чехіи только церковь гуситовъ-чашниковъ, унія которой съ Римомъ была потомъ осуществлена Фердинандомъ [1]).

---

[1]) Побѣда Фердинанда повлекла за собою также, между прочимъ, установленіе въ Чехіи цензуры. Вотъ что говоритъ объ этомъ Пельцель (Geschichte von Böhmen 1782 ч. II, стр. 617): „Пражскій соборный капитулъ сдѣлалъ въ 1547 г. Фердинанду представленіе, что въ Чехіи печатаются въ разныхъ мѣстахъ еретическія книги, а также ввозятся туда изъ другихъ странъ и свободно распространяются въ народѣ; по этому случаю капитулъ просилъ короля назначить особыхъ досмотрщиковъ, безъ вѣдома и одобренія которыхъ никакая книга не должна была печататься въ королевствѣ или туда ввозиться. Король исполнилъ это желаніе и ввелъ въ Чехіи цензуру. Съ тѣхъ поръ мало и печаталось въ Чехіи, кромѣ латинскихъ стихотвореній, книгъ о космографіи, сборниковъ городскихъ законовъ и т. п. Только послѣ смерти Фердинанда, цензура утратила свою силу, которая за то сдѣлалась еще страшнѣе съ 1620 года. Бальбинъ (чешскій писатель XVII вѣка, членъ ордена іезуитовъ) принужденъ былъ семь разъ подвергнуть цензурѣ свою „Epitome“. А въ наше время строгость возросла до такой степени, что никакая книга, хотя бы разсуждала о каменномъ углѣ или объ искусствѣ ковать лошадей, не могла быть ввезена изъ за границы и продаваема, не пролежавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ цензурѣ. Самая лучшая книга запрещалась изъ за одного какого-нибудь мѣста, не понравившагося книжному судьѣ. Рукописи должны были доставляться въ цензуру въ двухъ экземплярахъ, печатныя книги переплетенными. Строгость цензуры и затрудненія доставать ученыя пособія удерживали ученыхъ отъ продолженія своихъ занятій, и музы готовились уступить мѣсто варварству, если бы монархъ Іосифъ II не призвалъ ихъ обратно своимъ мудрымъ распоряженіемъ“.

X.

Фердинандъ низлагаетъ городское сословіе, покровительствуетъ высшей аристократіи. — Борьба въ нѣдрахъ чешской аристократіи. — Придворная партія магнатовъ-католиковъ и національная партія рыцарей-протестантовъ.—Іезуиты. — Максимиліанъ II и Рудольфъ: золотой вѣкъ чешской литературы. — Вторженіе Пассауцевъ. — Воцареніе Матіаса. — Мартиницъ и Славата выброшены изъ окна.—Вмѣшательство иностранцевъ.—Безсиліе Чехіи. — Бѣлогорская битва.

Послѣ «кроваваго сейма» 1547 г., настаетъ новый и послѣдній фазисъ въ исторіи Чешскаго государства. До сихъ поръ мы видѣли борьбу аристократіи съ началами, ее стѣснявшими. Сперва она низвергаетъ туземную государственную власть, потомъ подчиняетъ простой народъ своему неограниченному господству и затѣмъ обращаетъ свои усилія противъ городскаго сословія. Попавши, по собственной винѣ своей, подъ державу Габсбургскаго дома, она возобновляетъ союзъ съ горожанами и за одно съ ними борется за сословныя права и свободу совѣсти. Она побѣждена. Побѣдитель Фердинандъ, какъ мы видѣли, довольно умѣренно воспользовался низложеніемъ Чеховъ, потому, вѣроятно, что при порывѣ энтузіазма, какой увлекалъ тогда европейскіе народы къ протестантизму, онъ былъ слишкомъ доволенъ нежданнымъ торжествомъ въ Саксоніи и боялся возбудить новую бурю мѣрами, черезъ-чуръ крутыми. Какъ бы то ни было, Фердинандъ I, который могъ, на «кровавомъ» сеймѣ 1547 года, сдѣлать то, что сдѣлалъ Фердинандъ II, среди потоковъ крови, на «похоронномъ» сеймѣ 1627 г. [1]), окончательно разрушить и уничтожить Чешское государство, — Фердинандъ I не рѣшился на это. Онъ предоставилъ дѣло своимъ преемникамъ, или, вѣрнѣе сказать, самой силѣ вещей. Онъ сохранилъ за Чехіею ея внутреннюю автономію, съ отнятіемъ лишь тѣхъ правъ, которыя несовмѣстны были съ монархическимъ порядкомъ, даже конституціоннымъ. Низложивъ городское сословіе и пощадивъ аристократію, Фердинандъ I тѣмъ самымъ возвысилъ послѣднюю до полнаго почти преобладанія на сеймѣ, оставилъ въ ея рукахъ все земское управленіе. Такимъ образомъ, чешская аристократія достигла, хотя подъ строгимъ надзоромъ короля-Габсбурга и по его милости, того, чего добивалась она столько времени: исключительнаго господства въ чешскомъ обществѣ. Трудно сказать, руководилъ ли Фердинандомъ безсознательный инстинктъ по-

---

[1]) На этомъ сеймѣ похоронены были всѣ политическія и религіозныя права и вольности Чешской земли.

литическій, или обдуманный планъ; но во всякомъ случаѣ, его разсчетъ былъ вѣренъ, когда онъ, неравномѣрно распредѣляя между чешскими сословіями свои удары, всю тяжесть ихъ обрушилъ на города. По самому своему характеру, городское сословіе могло бы, какъ tiers-état на Западѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, притянуть къ себѣ народныя силы, и сдѣлалось бы тогда соперникомъ слишкомъ опаснымъ для габсбургскаго абсолютизма. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Габсбургамъ суждено было извѣдать это въ Голландіи. Привлечь къ себѣ городское сословіе, прельстить его придворною жизнію, связать его съ интересами династіи было, во всякомъ случаѣ, несравненно труднѣе, чѣмъ аристократію, особенно высшую, къ которой именно, какъ намъ извѣстно, Фердинандъ оказалъ особенную снисходительность.

И тутъ-то начинается, повторяемъ, новый и послѣдній фазисъ въ ходѣ чешской исторіи. Въ самой аристократіи образуется раздвоеніе, борьба переходитъ въ ея собственную среду, она своими руками отдаетъ себя и Чешскую землю на жертву Габсбургамъ.

Внутреннее раздвоеніе въ аристократіи сдѣлалось историческою необходимостью съ того дня, какъ она перестала встрѣчать соперничество въ другихъ стихіяхъ общественныхъ. Весьма естественно, что сословіе, заключающее въ себѣ идею прирожденнаго превосходства и преобладанія надъ остальными слоями народа, будетъ стоять болѣе или менѣе за-одно, пока имѣетъ дѣло съ общественными силами, ему противодѣйствующими. Но отнимите это противодѣйствіе, какъ сдѣлалъ Фердинандъ I въ Чехіи, низвергнувъ городское сословіе и оставивъ все внутреннее самоуправленіе страны въ рукахъ аристократіи, — и вы увидите, что присущая ей идея превосходства и преобладанія начнетъ свою работу въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Изъ среды аристократіи выдѣляться будутъ *магнаты;* наступитъ борьба начала олигархическаго съ прежними общими интересами аристократическаго сословія; и при этомъ понятно, что магнаты, какъ люди наиболѣе высокіе и склонные искать почестей и важнѣйшихъ должностей государственныхъ, станутъ стремиться туда, гдѣ раздаются должности, почести и богатства [1]), — ко двору. Такъ случилось и въ Чехіи.

Уже въ послѣдніе годы царствованія Фердинанда I-го, начинаетъ ясно обозначаться, среди аристократіи, партія придворныхъ вельможъ; и какъ, разумѣется, существенное условіе для сближенія съ Габсбургскимъ дворомъ есть преданность католицизму, то партію эту

[1]) Надобно замѣтить, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, дворъ былъ обильнѣйшимъ источникомъ богатствъ, вслѣдствіе обычая раздавать вельможамъ огромныя помѣстья, которыми располагала корона, и потому что съ нѣкоторыми государственными должностями сопряжены были громадные доходы.

образуютъ тѣ изъ «пановъ» чешскихъ, которые остались вѣрны Римскому исповѣданью или впослѣдствіи возвратились къ нему. По собственному желанію этихъ «пановъ», Фердинандъ призвалъ въ Чехію іезуитовъ [1]) и этимъ, такъ сказать, вложилъ душу въ придворно-католическую партію чешскихъ магнатовъ.

Послѣ смерти Фердинанда настало какое-то затишье въ дѣятельности Габсбургскаго дома (мы говоримъ объ австрійской, а не объ испанской его вѣтви), благодаря личному характеру двухъ императоровъ, Максимиліана и Рудольфа [2]), изъ которыхъ первый не хотѣлъ, а второй не умѣлъ проводить съ достаточною энергіею политическія и религіозныя начала своей династіи. Чехи пользовались такимъ покоемъ, какого не было въ ихъ землѣ со времени Карла IV [3]), и внутреннею свободою въ томъ видѣ, въ какомъ она была имъ оставлена послѣ извѣстнаго намъ «кроваваго» сейма. Чехи называютъ это время золотымъ вѣкомъ своего просвѣщенія и своей литературы.

Мы не будемъ вдаваться въ вопросъ о томъ, была ли кротость и вѣротерпимость Максимиліана II слѣдствіемъ просвѣщенныхъ убѣжденій политическихъ, или благодушнаго характера, нерасположеннаго къ насилію. Во всякомъ случаѣ Максимиліанъ, точно также какъ черезъ двѣсти лѣтъ Іосифъ II, стоитъ какимъ-то одинокимъ, удивляющимъ исторію, исключеніемъ въ длинномъ ряду поколѣній своего дома, всѣхъ этихъ мрачныхъ Габсбурговъ, безжалостно преслѣдующихъ одну деспотическую цѣль. Казалось, судьба создала Максимиліана и вручила ему на 12 лѣтъ правленіе Австрійскими землями нарочно для того, чтобы показать, что и Габсбурги могли бы быть людьми съ человѣческимъ сердцемъ, что и они могли бы основывать свою власть на свободномъ развитіи народовъ. По желанію сейма чешскаго, Максимиліанъ, какъ было уже упомянуто въ другомъ мѣстѣ, согласился на уничтоженіе такъ называемыхъ Базельскихъ компактатовъ, этого знаменитаго акта, которымъ въ старину гуситы думали утвердить свое исповѣданье на христіанскомъ преданіи Западной

---

[1]) Это было въ 1556 г. Первоначально поселились въ Чехіи 12 членовъ ордена Лойолы, которымъ король отвелъ для жилья полуразрушенный во время гуситскихъ войнъ монастырь св. Климента въ Прагѣ и назначилъ небольшое жалованье изъ казны. Черезъ 75 лѣтъ вся Чехія была рѣшительно въ рукахъ ордена, который владѣлъ такими богатствами, что когда Фердинандъ II предлагалъ іезуитамъ въ даръ новыя, конфискованныя у протестантовъ имѣнія, они отъ нѣкоторыхъ отказывались: на это Фердинандъ однажды возразилъ: „Accipite, patres! non semper habebitis Ferdinandos!“ берите отцы! не всегда будутъ у васъ Фердинанды. См. статью священника (католическаго) Іосифа Эренберга: o přatelskem poměru měštanstva k šlechtě od r. 1547—1620. Часопись Чешскаго Музея, 1849, кн. 3-я.

[2]) Максимиліанъ II царствовалъ съ 1564 по 1576 годъ; Рудольфъ II съ 1576 по 1611.

[3]) Карлъ IV умеръ въ 1378 г.

церкви, съ исключеніемъ однако папской власти, и который сдѣлался орудіемъ въ рукахъ Рима и іезуитской пропаганды съ тѣхъ поръ, какъ папа, по настоянію Фердинанда (въ 1564 г.), освятилъ этотъ актъ своимъ авторитетомъ и привелъ такимъ образомъ гуситскую церковь въ унію съ Римомъ. Съ уничтоженіемъ компактатовъ, унія эта, просуществовавъ только три года, рушилась сама собою, и Чехи, получившіе съ тѣмъ вмѣстѣ отъ своего государя полную свободу исповѣданья, слились совершенно съ Западными протестантами. Но какъ царствованіе Максимиліана осталось безъ слѣда въ преемственной политикѣ Габсбургской династіи, такъ точно и пріобрѣтенная Чехами въ это царствованіе свобода нашла въ ихъ собственной средѣ враговъ, которые не дали ей упрочиться и помогли преемникамъ Максимиліана ее уничтожить. Олигархическая партія магнатовъ-католиковъ, руководимая іезуитами, тѣмъ рѣзче стала отдѣляться отъ общей массы аристократіи, чѣмъ крѣпче въ этой послѣдней укоренялась реформа Лютера и Кальвина. А какъ мы знаемъ, что аристократія чешская, вмѣстѣ съ ненавистнымъ для іезуитовъ принципомъ свободы совѣсти, защищала древнія земскія права и вольности, что она, въ своей оппозиціи стремленіямъ габсбургской политики, сдѣлалась представительницею чешской автономіи и самой народности чешской, то, удаляясь отъ своихъ прежнихъ собратій, магнаты становились съ тѣмъ вмѣстѣ въ антагонизмъ съ пользами этой народности, съ общественными правами и самостоятельностью своей родины. Они должны были сдѣлаться пособниками габсбургскаго деспотизма не только для придворныхъ выгодъ, но, такъ сказать, безкорыстно, по внутреннему влеченію своихъ принциповъ, и это стремленіе чешскихъ магнатовъ-католиковъ тѣмъ яснѣе обозначилось при императорѣ Максимиліанѣ, что онъ самъ, лично, вовсе не требовалъ такого рода услуги. Любопытно и то, что поддерживали въ это время іезуитовъ и содѣйствовали ихъ распространенію въ Чехіи не одни только магнаты Римскаго исповѣданья, но и нѣкоторые вельможи протестанты, даже члены *братской* общины: потому ли, что іезуиты такъ хорошо умѣли притворятся предъ ними, или потому, что присущее этимъ вельможамъ стремленіе къ тиранніи олигархической встрѣчало что-то родное въ іезуитахъ, этихъ высшихъ представителяхъ тиранніи, какихъ видѣло человѣчество?

Воцарился безхарактерный, странный, повидимому полупомѣшанный, но безусловно преданный исконнымъ идеямъ Габсбурговъ, императоръ Рудольфъ. Придворно-іезуитская партія магнатовъ мало по малу замѣщала своими членами всѣ важныя государственныя должности, шагъ за шагомъ завоевывала католицизму — сперва равносильное съ протестантскимъ исповѣданіемъ значеніе въ общественныхъ

дѣлахъ Чехіи [1]), а за тѣмъ и преимущество предъ нимъ. Рудольфъ, на сколько умѣлъ, покровительствовалъ этимъ усиліямъ. Еще болѣе помогъ онъ имъ неумышленно тѣмъ, что перенесъ въ Прагу свою столицу и свой дворъ, весь проникнутый духомъ и преданіями испанскими, дворъ, идеаломъ и руководителемъ котораго былъ Аранжуэсскій дворъ Филиппа II. Тридцатилѣтнее слишкомъ пребываніе въ Прагѣ императора, любившаго окружать себя учеными, поэтами и художниками, способствовало блестящему развитію чешской жизни; но вліяніе двора страшно ускорило внутреннее распаденіе чешской аристократіи. Не одинъ представитель могущественнѣйшихъ «панскихъ» родовъ принялъ, для придворной карьеры, католицизмъ и сталъ сотрудникомъ или орудіемъ іезуитовъ: въ томъ числѣ Вильгельмъ Славата, сдѣлавшійся потомъ столь извѣстнымъ въ исторіи какъ товарищъ Мартиница [2]) въ невольномъ полетѣ изъ окна Пражскаго дворца, въ этомъ роковомъ приключеніи, съ котораго началась Тридцатилѣтняя война; въ томъ числѣ Карлъ изъ Лихтенштейна, богатѣйшій и знатнѣйшій вельможа Моравіи, будущій палачъ своего народа; въ томъ числѣ еще болѣе знаменитый палачъ, не только своего, но и другихъ народовъ, Альбрехтъ-Вячеславъ изъ Вальдштейна, котораго Нѣмцы привыкли называть Валленштейномъ [3]). Въ продолженіе этихъ тридцати лѣтъ большинство высшей аристократіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ перевѣсъ богатства и вліянія, перешли на сторону двора и іезуитовъ. Все смѣлѣе и дерзче становились придворные магнаты и ихъ наставники іезуиты, все рѣшительнѣе становились мѣры, которыя Рудольфъ, ими руководимый и подстрекаемый, при-

---

[1]) Со времени объявленія Максимиліаномъ вѣротерпимости, протестантизмъ имѣлъ въ Чехіи огромный перевѣсъ общественнаго вліянія, по самому числу своихъ послѣдователей, ибо на сто челов. протестантовъ едва приходился тамъ одинъ католикъ. Протестантизмъ казался въ то время въ Чехіи господствующею, а католицизмъ только терпимою религіей.

[2]) Ярославъ изъ Мартиницъ былъ тоже одинъ изъ знатнѣйшихъ членовъ чешской аристократіи и вмѣстѣ съ Славатою стоялъ, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, во главѣ придворно-іезуитской партіи.

[3]) Переходъ Славаты и Лихтенштейна въ католицизмъ относится къ первымъ годамъ царствованія Рудольфа; переходъ Валленштейна (который былъ гораздо моложе) къ концу этого царствованія. Валленштейнъ принадлежалъ къ высшей аристократіи моравской и былъ близкій родственникъ Карла изъ Жеротина, члена секты *братій* и главы національной и протестантской партіи въ Моравіи; самъ будучи протестантомъ, онъ однако воспитывался въ коллегіи іезуитовъ въ Оломуцѣ. Замѣтимъ кстати, что имена, какъ Лихтенштейнъ, Вальдштейнъ и т. под., не должны быть принимаемы за признакъ нѣмецкаго происхожденія этихъ вельможъ: напротивъ того, они были чистые Славяне. Нѣмецкія же имена произошли оттого, что когда чешскіе и моравскіе „паны" начали строить себѣ (въ XIII и XIV вѣк.) замки, по примѣру Западныхъ бароновъ, то они придумывали для этихъ замковъ, по большей части, нѣмецкія названія; и эти названія замковъ, опять таки согласно Западному обычаю, съ частицею *изъ*, соотвѣтствующею нѣмецкому von, сдѣлались ихъ фамильными именами.

нималъ для уничтоженія дарованной его отцомъ свободы совѣсти и старыхъ земскихъ правъ [1]). Все глубже, рѣзче, непримиримѣе становилось, въ аристократіи чешской, раздвоеніе между магнатами-католиками, которые составляли габсбургскую и (что значило то же самое) іезуитскую партію, и протестантскимъ большинствомъ, которое, въ противоположность магнатамъ-католикамъ, можно назвать партіею національною. На каждомъ шагу, при каждомъ, самомъ маловажномъ вопросѣ законодательства или земскаго управленія, при замѣщеніи каждой, самой ничтожной, должности, въ каждомъ внѣшнемъ проявленіи общественной жизни, встрѣчаются и борются другъ съ другомъ противоположныя стремленія этихъ двухъ партій. Очевидно, что всѣ эти безчисленныя мелкія столкновенія приведутъ наконецъ къ невозможности существовать вмѣстѣ: скоро уже раздвоеніе, образовавшееся въ чешской аристократіи, должно будетъ разрѣшиться борьбою на жизнь и на смерть.

Въ другихъ странахъ, подвластныхъ Рудольфу, іезуиты дѣйствовали не менѣе усердно, чѣмъ въ Чехіи, но не имѣли тамъ такой сильной опоры въ самомъ обществѣ. Ихъ поступки, доходившіе иногда до невѣроятной наглости, возбудили въ аристократіи венгерской и австрійской [2]) общее негодованіе противъ слабоумнаго государя, авторитетомъ котораго они прикрывались. Возстаніе началось въ Венгріи [3]) и привело къ тому, что не только сама Венгрія, но и Австрія и Моравія отложились отъ Рудольфа и признали своимъ правителемъ его брата Матіаса. Вездѣ возстановлена была вѣротерпимость и земская автономія. Руководитель Моравцевъ въ этомъ движеніи, Карлъ изъ Жеротина (одна изъ самыхъ благородныхъ личностей своего вѣка) призывалъ Чеховъ къ участію въ этомъ общемъ дѣлѣ. Тутъ-то обнаружилось, какъ сильно уже въ чешскомъ обществѣ укоренилась придворно-іезуитская партія. Она не только успѣла остановить всѣ попытки Чеховъ присоединиться къ знамени освобожденія, поднятому въ Венгріи и Моравіи, но заставила сеймъ созвать земское ополченіе на защиту того Рудольфа, который давно уже сдѣлался посмѣшищемъ для всѣхъ и игрушкою въ рукахъ іезуитовъ.

---

[1]) Важнѣйшія изъ этихъ мѣръ были: въ 1581 г. изгнаніе чешскихъ *братій*; въ 1584 г. запрещеніе поминать Гуса и Іеронима какъ святыхъ; въ 1602 г. попытка возстановить Базельскіе компактаты въ томъ значеніи, какое они получили при Фердинандѣ, воспретить въ Чехіи протестантское богослуженіе и исключить протестантовъ изъ всѣхъ должностей.

[2]) Мы говоримъ, разумѣется, объ Австріи въ тѣсномъ смыслѣ, объ Австрійскомъ эрцгерцогствѣ: тамъ протестантизмъ, особенно въ Верхней Австріи, былъ въ то время чрезвычайно силенъ: къ нему принадлежала почти вся тамошняя аристократія.

[3]) Въ 1604 году. Вождемъ возстанія былъ извѣстный въ венгерской исторіи Стефанъ Бочкай.

Конечно, дѣло не могло обойтись безъ нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу національной партіи. Такъ какъ протестантскіе чины составляли большинство сейма, то императоръ Рудольфъ принужденъ былъ дать имъ какое-то полуобѣщаніе признать свободу совѣсти.

Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ въ Чехіи, Матіасъ отказался отъ мысли занять мѣсто своего брата на Пражскомъ престолѣ [1]). Обѣ родственныя земли, Моравія и Чехія пошли разными путями. Моравія сдѣлалась по-старому страною религіозной свободы и аристократической вольности, въ Чехіи наступили страшныя замѣшательства.

Здѣсь національная протестантская партія оживилась и какъ бы воскресла духомъ съ тѣхъ поръ, какъ она, располагавшая сеймомъ по численному перевѣсу голосовъ, могла предлагать двору свои условія, и въ правѣ была приписать себѣ спасеніе Рудольфа. Съ нею уже не такъ легко было сладить; протестантскіе чины почувствовали свою силу, — и поступки противной партіи, ничтожные въ сравненіи съ прежними сносившимися терпѣливо и едва возбуждавшими скромный протестъ, теперь могли, какъ искра, зажечь пожаръ.

Рудольфъ, по внушенію магнатовъ-католиковъ и іезуитовъ, отказался исполнить обѣщаніе, данное въ минуту опасности, и не хотѣлъ объявить свободу вѣроисповѣданія. Протестантскіе чины взволновались на сеймѣ. Какъ въ 1547 году, такъ и теперь, въ 1609-мъ, они избрали временныхъ правителей, созвали земское войско, назначили своихъ полководцевъ, но опять-таки не отважились идти далѣе и рѣшительнымъ шагомъ обезпечить независимость своей родины. Они удовлетворились вынужденнымъ насильственно у императора подписаніемъ «грамоты величества», такъ называемаго *маестата*: эта аристократія славянская, въ которой мы не разъ уже встрѣчали такое поразительное политическое неразуміе и которая однако представляла собою всю жизнь страны и самое бытіе чешской народности, — эта аристократія успокоилась тѣмъ, что полупомѣшанный Рудольфъ, постоянно опекаемый іезуитами, подписалъ, дрожащей отъ досады рукою, свое имя на листѣ пергамена, обѣщавшемъ Чехіи свободу вѣроисповѣданья и сохраненіе всѣхъ земскихъ правъ и вольностей [2]).

Между тѣмъ, религіозная борьба, происходившая въ Чехіи, ра-

---

[1]) Онъ заключилъ съ Рудольфомъ договоръ въ Либнѣ (въ 1608 г.): Рудольфъ сохранилъ Чехію и императорскую корону, а Матіасъ былъ признанъ правителемъ Венгріи, Моравіи и Австріи.

[2]) Придворно-католическая партія такъ явно высказывала свое намѣреніе не признавать обязательности этого документа, что одинъ изъ ея предводителей, „панъ“ Попелъ изъ Лобковицъ, который, какъ канцлеръ королевства, долженъ былъ контрасигнировать грамоту, положительно отказался это сдѣлать.

зыгрывалась во всѣхъ почти краяхъ Западной Европы. Вездѣ орденъ іезуитовъ успѣлъ произвести огромную реакцію въ пользу католицизма, и протестанты, какъ-бы очнувшись и ощутивъ свои повсемѣстныя потери, стали собираться съ силами для рѣшительнаго отпора. Въ Германіи образовалась «унія» протестантскихъ князей, подъ покровительствомъ французскаго короля Генриха IV, и въ противоположность ей, составилась «священная лига» католическая, которою руководилъ испанскій дворъ и которая главнымъ образомъ опиралась на силу нѣмецкихъ Габсбурговъ. Интересы чешскіе входили, такимъ образомъ, въ кругъ интересовъ обще-европейскихъ, но только своею религіозною стороною. Въ отношеніи общественномъ и политическомъ не было между ними ничего общаго. Въ Германіи и вообще на Западѣ, обѣ стороны, протестантская и католическая, стояли на одной и той же почвѣ общественныхъ и государственныхъ понятій. Генрихъ IV и Филиппъ III Испанскій, Германскіе князья, протестанты и члены католической лиги, одинаково опирались на принципъ государственнаго полновластія, одинаково располагали всѣми средствами, которыми это начало, восторжествовавъ надъ остатками средневѣковой аристократической вольницы, вооружило европейскія монархіи. Борьба шла между ними не за принципъ государственнаго устройства [1]), а за религію и за политическое преобладаніе, которое католицизмъ доставлялъ Габсбургскому дому и его помощникамъ, протестантизмъ — французскому двору и его союзникамъ. Одна только Чехія, поставленная посреди Западныхъ странъ, между сѣверной и южной Германіей, держалась еще другихъ началъ общественныхъ и государственныхъ, прикована была своею аристократіею къ среднимъ вѣкамъ. Въ сущности, Чехи не были ни за «унію» протестантскихъ государей, ни за «лигу» государей католическихъ; они жили другою жизнію общественной; религіозная борьба, между ними происходившая, принадлежала, можно сказать, другому міру понятій и стремленій, нежели религіозная борьба въ Германіи: борьба протестантизма съ католичествомъ была въ Чехіи борьбою національной аристократіи съ олигархіею, искавшею опоры въ дворѣ лишь для утвержденія своего исключительнаго владычества. Между тѣмъ, успѣхъ протестантизма или католичества въ Чехіи составлялъ вопросъ первостепенной важности для Германіи, для всей

[1]) За исключеніемъ однако Франціи, гдѣ протестантизмъ являлся еще до нѣкоторой степени съ идеями средневѣковой аристократіи. Оттого Генрихъ IV, вступивъ на престолъ, отрекся отъ протестантизма, но внѣ Франціи продолжалъ покровительствовать ему всѣми мѣрами, для противодѣйствія австрійско-испанскому вліянію; оттого кардиналъ Ришелье, силою подчиняя Ларошельскихъ протестантовъ государственной власти, въ то же время дѣятельно помогалъ протестантизму въ Германіи.

Европы. По самому центральному положенію своему, Чехія могла, въ этомъ случаѣ, дать рѣшительный перевѣсъ той или другой сторонѣ. По мѣрѣ того, какъ приближался разрывъ, какъ усиливалось предчувствіе неминуемой борьбы европейской, вся Германія, Франція, Испанія, Англія, Данія, словомъ всѣ Западныя страны съ возрастающимъ участіемъ слѣдили за событіями въ Чехіи; и, съ своей стороны, обѣ партіи чешскія тѣснѣе и тѣснѣе, такъ сказать, прижимались, одна къ протестантскому, другая къ католическому союзу на Западѣ. Онѣ какъ будто чувствовали, до какой степени Западныя страны, развитіемъ государственной организаціи, учрежденіемъ постоянныхъ армій, введеніемъ болѣе правильной финансовой системы, переросли ихъ несчастное отечество, остававшееся при средневѣковой неурядицѣ. Обѣ партіи, и національная и олигархическая, спѣшили обезпечить себя внѣшнею поддержкою. Вмѣшательство Западныхъ силъ во внутреннюю борьбу чешскихъ партій становилось неизбѣжнымъ.

Столѣтіе исключительнаго господства аристократическаго начала поставило Чехію въ положеніе безвыходное. Ея общественная организація осталась ветхою развалиной среди новыхъ зданій государственныхъ, возникшихъ въ ея сосѣдствѣ. И въ этой-то ветхой развалинѣ идетъ междоусобная борьба, исходъ которой имѣетъ жизненную важность для сосѣдей; обѣ борющіяся стороны ищутъ между ними друзей и зовутъ ихъ на помощь. Но къ той ли, или къ другой сторонѣ подоспѣетъ помощь, все равно: при первомъ приступѣ извнѣ, ветхая развалина рухнетъ и похоронитъ подъ собою все общество, въ ней живущее.

Первый приступъ досталось сдѣлать католической лигѣ, по естественному развитію историческихъ обстоятельствъ, источникъ которыхъ восходитъ къ тому времени, когда Чехи, связавъ свою судьбу съ Габсбургскою династіей, поставили себя въ безвыходную роль постоянныхъ бунтовщиковъ противъ своего католическаго правительства, и, какъ мы сказали, этого перваго приступа было довольно, — и Чехія лежала безжизненной развалиной у ногъ побѣдителя, которому самая побѣда ничего не стоила.

Представимъ въ нѣсколькихъ словахъ ходъ этихъ событій, завершающихъ исторію Чешскаго государства.

Мы видѣли, какъ національная партія въ чешской аристократіи, составляя огромное большинство на земскомъ сеймѣ и почувствовавъ свое значеніе, когда ей представился случай спасти корону императора Рудольфа, вышла изъ прежней своей апатіи и начала довольно рѣшительно противодѣйствовать усиліямъ придворнымъ олигарховъ и іезуитовъ; мы видѣли, какъ она вымогла у Рудольфа исполненіе свое-

го обѣщанія—соблюдать свободу исповѣданія и земскія права. Мысль объ иностранномъ вмѣшательствѣ тотчасъ явилась придворно-іезуитской партіи и она сдѣлала попытку, которая, правда, не удалась вслѣдствіе нерѣшительности императора, но которая могла служить уже «признакомъ времени». Именно, въ сосѣдствѣ съ Чехіею, въ независимомъ Пассаускомъ епископствѣ, которымъ управлялъ Габсбургскій принцъ-епископъ Леопольдъ, стояло войско, набранное въ виду какихъ-то разстроившихся предпріятій на Рейнѣ и которому нечего было дѣлать. Вдругъ, по знаку, данному изъ Праги, 13 тысячный корпусъ Пассаудевъ вступаетъ въ Чехію и, овладѣвъ по дорогѣ нѣсколькими городами, врывается въ столицу. Но дѣло было ведено безпорядочно, не было настоящаго вождя. Чехи успѣли кое-какъ приготовиться къ оборонѣ, и Рудольфъ, испугавшись и потерявъ голову, отрекся отъ всякаго участія въ этомъ предпріятіи. Чешскіе чины и собранное ими наскоро войско выпроводили Пассаудевъ. Національная партія, страшно раздраженная, подняла бурю на сеймѣ, взяла Рудольфа подъ стражу и чуть-было не открыла суда надъ священнѣйшею особою Римскаго императора. Почти рѣшено было устранить вообще всю Габсбургскую династію, но магнаты-католики были уже слишкомъ вліятельны и слишкомъ тѣсно связаны съ этою династіей. Одинъ изъ нихъ, Вячеславъ Кинскій,—недавно участвовавшій въ заговорѣ о призваніи Пассаускаго войска, довѣренное лицо испанской дипломатіи,—умѣлъ ловкою тактикою поставить себя во главу патріотическаго движенія Чеховъ и поворотилъ его въ пользу Матіаса: Рудольфомъ пожертвовали, принудили его отречься отъ престола, но чешская корона осталась въ Габсбургскомъ домѣ. Рудольфовъ братъ Матіасъ былъ признанъ Чешскимъ королемъ (1611 г.).

Во время этихъ замѣшательствъ, земля Чешская возвратилась къ полному разгулу аристократической анархіи, среди которой однако дѣйствительная власть принадлежала уже, главнымъ образомъ, нѣсколькимъ магнатамъ, преимущественно католической партіи. Вскорѣ поднятъ былъ вопросъ о наслѣдствѣ престола, такъ какъ у старика Матіаса не было дѣтей. Онъ усыновилъ и назначилъ своимъ преемникомъ, мимо родныхъ своихъ братьевъ, двоюроднаго брата эрцгерцога Фердинанда, заслужившаго это предпочтеніе огромнымъ своимъ значеніемъ въ лигѣ католическихъ государей и покровительствомъ, которое ему оказывали іезуиты. Это была, дѣйствительно, самая энергическая, самая цѣльная личность между Габсбургами, какую помнитъ исторія. Первую славу свою онъ пріобрѣлъ еще въ концѣ XVI вѣка, когда онъ, управляя Штиріею, Каринтіею и Краиною, въ продолженіе пяти лѣтъ, съумѣлъ, вооруженною силою, т. е. цѣлымъ рядомъ систематически организованныхъ и распредѣленныхъ военныхъ экзекуцій,

обратить эти области изъ протестантизма въ католичество. Теперь чешскому сейму предстояло рѣшить: признаетъ ли онъ этого эрцгерцога будущимъ королемъ Чешскимъ, или отвергнетъ выборъ Матіаса; ибо, надобно помнить, Чешскій престолъ оставался до сихъ поръ избирательнымъ. Протестантское, національное большинство сперва рѣшительно воспротивилось назначенію наслѣдникомъ престола человѣка, который такъ рѣзко заявилъ свои убѣжденія въ Штиріи. Снова возникла мысль покончить вообще съ Габсбургами [1]). Но католическіе магнаты успѣли завладѣть собраніемъ и, заставивъ главныхъ двигателей національной партіи удалиться, провели выборъ Фердинанда, котораго тотчасъ же короновали заранѣе, какъ будущаго короля Чешскаго. Для успокоенія сейма, онъ присягнулъ хранить права и вольности Чешской земли.

Два раза въ теченіи ста лѣтъ чешская аристократія совершала, можно сказать, сознательно убійство надъ самой собою и своимъ отечествомъ: въ первый разъ совершило его все высшее сословіе въ совокупности, когда оно, послѣ пресѣченія Польской династіи, добровольно отдало Чехію Габсбургамъ (въ 1526 г.); во второй разъ его совершила выдѣлившаяся изъ среды аристократіи олигархія, когда она (въ 1616 г.) посадила на престолъ въ Прагѣ злѣйшаго врага всему, что составляло самое бытіе Чехіи.

Разрывъ между національной партіей и правительствомъ, душою котораго былъ Фердинандъ, предстоялъ неминуемо. Какъ скоро будущность казалась обезпеченною его признаніемъ и коронаціею, католическая партія приступила къ рѣшительнымъ мѣрамъ, начала закрывать и разрушать протестантскія церкви, и Матіасъ, на жалобу чешскихъ чиновъ, отвѣчалъ изъ Вѣны, что это дѣлалось по его приказанію и что тѣ, которые жаловались — мятежники. По выслушаніи такого отвѣта, Чехи остались на минуту въ недоумѣніи, но вдругъ рѣшились распорядиться, «по старо-чешскому обычаю», — и выбросили въ окно двухъ королевскихъ намѣстниковъ вмѣстѣ съ правительственнымъ секретаремъ [2]). Дѣйствительно, обычай былъ старо-

---

[1]) „Всею Ческою землею говорятъ, чтобъ быть послѣ Цесаря (Матіаса) на Ческой землѣ королемъ Саскому курфирсту", писали въ 1616 г. въ Москву послы Мясной и Постниковъ (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. II, стр. 1326). Если настоящія строки попадутся кому либо изъ Чеховъ, разработывающихъ исторію своего отечества, то мы желали бы обратить ихъ вниманіе на это важное изданіе, въ которомъ найдутся разныя любопытныя подробности относительно чешскихъ и вообще австрійскихъ дѣлъ.

[2]) Это случилось 26 мая 1618 года. Имена выброшенныхъ намѣстниковъ нами уже упомянуты: это были „панъ" Ярославъ изъ Мартиницъ и „панъ" Вильгельмъ Славата; секретаря звали Филиппъ Фабриціусъ Платтеръ. Извѣстно, что не смотря на высоту паденія (около 7 саженъ), они не убились, попавъ на кучу навоза. Ихъ спасла

чешскій: ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ, народъ, подъ предводительствомъ Жижки, выбросилъ въ окно Пражскихъ ратмановъ, и открылъ этимъ гуситскую войну. Но Чехія была уже не та, какъ въ старину. Теперь не народъ вооружался подъ вдохновеніемъ высокой идеи, а бушевала только одна аристократическая партія.

Партія эта, повторяя въ третій разъ одинъ и тотъ же образъ дѣйствія, составила временное правительство и созвала земскую рать, поручивъ начальство надъ нею одному изъ знатнѣйшихъ протестантовъ Чехіи, Генриху Турну, оправдавшему этотъ выборъ замѣчательными военными дарованіями. Въ то же время однако она вела переговоры съ Матіасомъ, надѣясь еще уладить дѣло миромъ. Но Габсбургское правительство было радо случаю встрѣтиться съ Чехами, какъ съ открытыми бунтовщиками, и разсчитывало на вѣрную побѣду, тѣмъ болѣе, что имѣло въ самой Чехіи на своей сторонѣ сильную католическую партію. Войска габсбургскія вступили въ Чехію и начали дѣйствовать противъ Турна; но первая кампанія была для нихъ весьма неудачна, благодаря искусству чешскаго полководца и неспособности австрійскихъ генераловъ.

Дѣло чешской аристократіи не могло уже стать народнымъ дѣломъ. Между аристократіей и народомъ какъ будто не осталось ничего общаго. Народъ началъ возставать только нѣсколько лѣтъ спустя, когда дѣло было уже окончательно проиграно аристократіей и когда габсбургское мщеніе, со всѣми своими ужасами, коснулось непосредственно домашняго очага поселянина: тогда было поздно, и эти частныя вспышки простонародья легко тушились въ потокахъ крови. Но пока дѣйствовала одна аристократія, и хотя она поднялась и пошла въ бой за независимость отечества, за права Чешской земли, за свободу народнаго исповѣданія, народъ однако оставался совершенно равнодушнымъ къ борьбѣ. Онъ поставлялъ рекрутъ въ земскую рать, когда являлись ихъ требовать, но не выходилъ изъ апатіи, въ которую привела его сама аристократія, сосредоточивъ въ себѣ всю земскую жизнь [1]). Вожди движенія до такой степени чув-

---

отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій „пани" Поликсена изъ Лобковицъ; впослѣдствіи Мартиницъ и Славата страшно мстили своимъ соотечественникамъ за этотъ поступокъ и послужили Фердинанду II и іезуитамъ превосходными орудіями въ той ужасающей „операціи", которую они, послѣ побѣды, предприняли надъ Чешскимъ народомъ.

[1]) Пусть не обвинятъ насъ въ одностороннемъ изображеніи и искаженіи характера чешскихъ событій оттого, что мы, говоря объ аристократіи и ея вліяніи на судьбу Чехіи, упускаемъ изъ виду городское сословіе и духовенство. Если бы мы имѣли возможность вдаваться въ частности, выставлять не только самыя крупныя и общія черты, но и ихъ оттѣнки, то мы останавливались бы и на этихъ сословіяхъ. Но ихъ значеніе было второстепенное: аристократія была главнымъ съ конца XV вѣка, а со второй половины XVI-го единственнымъ существеннымъ факторомъ, если можно такъ

ствовали слабость свою, что рѣшились нанять къ себѣ въ службу иностраннаго генерала Мансфельда съ 14-тысячнымъ корпусомъ войскъ, который былъ имъ набранъ въ разныхъ краяхъ Германіи.

Императоръ Матіасъ умеръ (1619 г.). При открытой войнѣ съ Габсбургскимъ домомъ, національная партія чешская не могла, очевидно, признать за его преемникомъ Фердинандомъ правъ на Чешскій престолъ. Она избрала королемъ Чешскимъ Фридриха, Пфальцскаго курфирста, человѣка совершенно неспособнаго, но который, какъ зять короля Англійскаго и какъ глава «уніи» нѣмецкихъ протестантскихъ князей, подавалъ Чехамъ, болѣе всѣхъ другихъ кандидатовъ, надежду на сильную иностранную помощь. Въ то же время, на защиту Чеховъ явились венгерскія войска, посланныя Седмиградскимъ княземъ Бетленомъ. Дѣло чешское все болѣе и болѣе теряло національное значеніе, иностранные союзники скоро взяли его совершенно въ свои руки. Король Фридрихъ отстранилъ даже знаменитаго вождя чешскаго, Турна, который съ своею небольшою арміею сдѣлалъ чудеса и чуть не взялъ самой Вѣны; вмѣсто его, предводительство было поручено герцогу Христіану Ангальтскому, какъ главному военному начальнику протестантской «уніи» въ Германіи. Такимъ образомъ, въ 1620 году, вели защиту правъ и независимости Чешской земли: нѣмецкій принцъ Ангальтъ, венгерскій вождь Борнемисса и наемный генералъ Мансфельдъ; а противъ нихъ шли, на выручку католической партіи въ Чехіи: Баварскій герцогъ Максимиліанъ, вождь «священной лиги» въ Германіи; австрійскій генералъ Бюкуа (Bucquoi) съ нѣмецкими и бельгійскими полками; испанскій генералъ донъ. Балтазаръ Маррадасъ и наконецъ, польскій шляхтичь Калиновскій съ отрядомъ «Лисовчиковъ» [1]), недавно дравшихся и разбойничавшихъ въ Москов-

---

выразиться, чешской исторіи. Горожане примыкали къ ней и, какъ протестанты, слѣдовали движеніямъ національной партіи аристократической. Съ половины XVI вѣка они не представляли собою никакого самостоятельнаго политическаго направленія. Въ отношеніи къ народу, городское сословіе составляло также нераздѣльное цѣлое съ аристократіей, ибо привилегіи средневѣковыхъ „бюргеровъ" совершенно отдѣляли ихъ отъ низшихъ классовъ; для народа они были такою же почти аристократіей, какъ паны и рыцари. Что касается до духовенства, то оно только во время гуситскихъ войнъ играло значительную политическую роль въ Чехіи. Впослѣдствіи, духовенство гуситское, сдѣлавшееся съ теченіемъ времени протестантскимъ, являлось, какъ весьма второстепенная сила, въ рядахъ національной аристократической партіи, а туземное духовенство католическое (самое немногочисленное) слѣдовало послушно внушеніямъ и руководству іезуитовъ и магнатовъ-католиковъ и входило въ составъ ихъ партіи. Впрочемъ, ни протестантское, ни католическое духовенство не составляло въ Чехіи признаннаго „земскаго сословія" и не участвовало въ сеймѣ.

[1]) Подъ этимъ именемъ обозначались остатки шаекъ, образовавшихся, подъ начальствомъ Лисовскаго и другихъ вождей, во время вмѣшательства Поляковъ въ московскія дѣла при Самозванцахъ.

скомъ государствѣ и которыхъ король Польскій Сигизмундъ III препроводилъ теперь на службу къ Габсбургамъ.

8 Ноября 1620 года произошла битва на Бѣлой-горѣ у Праги. Сама по себѣ, битва была вовсе незначительная, въ ней участвовала только малая часть войскъ (съ каждой стороны около 20 тысячъ), и хотя побѣда одержана была габсбургскою стороною, однако дѣло, казалось бы, не могло считаться проиграннымъ. Еще Прага способна была выдержать долгую осаду и въ ней собирались бѣжавшіе съ Бѣлой-горы полки; еще было у столицы 17 баталіоновъ свѣжаго войска; еще новые отряды Венгерцевъ подходили на помощь; еще Мансфельдъ стоялъ въ тылу у непріятеля, и положеніе побѣдителей было крайне опасное. Но жизнь отлетѣла изъ чешскаго стана, изъ чешскаго общества. Все тамъ потеряло голову. Герцогъ Ангальтскій совѣтовалъ королю Фридриху бросить чешское дѣло, потому что «Чехи колеблются, говорилъ онъ: они ненадежны». Правъ ли онъ былъ или нѣтъ въ этомъ сужденіи, но Фридрихъ малодушно покинулъ страну, вручившую ему свою послѣднюю защиту. Какъ только онъ уѣхалъ, все рухнуло въ Чехіи. Всякая мысль о сопротивленіи исчезла. Все отдалось, все покорилось безусловно Фердинанду.

Этимъ кончается исторія Чехіи, какъ государства. Наша задача исполнена. Мы прослѣдили, на сколько могли, внутреннее развитіе этого славянскаго государства, чрезъ всю его, безъ малаго тысячелѣтнюю, исторію, сперва чрезъ ту эпоху, въ которую средневѣковый Западъ подчинилъ Чеховъ своимъ религіознымъ и общественнымъ стихіямъ, потомъ чрезъ эпоху революціи, когда славянская народность въ Чехіи, подъ знаменемъ религіозной идеи, сохраненной издревле, пыталась вырваться изъ оковъ Западнаго міра, и за тѣмъ, чрезъ всѣ ступени возстановленія господства Западныхъ началъ преимущественно въ лицѣ аристократіи, которая, поглотивъ въ себѣ всю общественную жизнь страны, наконецъ сама въ себѣ разложилась и бросила Чехію, какъ безсильную жертву, къ ногамъ Габсбурга. И въ этомъ Габсбургѣ, въ этой страшной личности Фердинанда II, какъ будто соединились — и вся накипѣвшая злоба ультрамонтанскаго фанатизма противъ народа, который первый на Западѣ стряхнулъ съ себя иго Римской ѳеократіи и двѣсти лѣтъ держалъ въ Европѣ знамя религіозной свободы, — и вся накопившаяся жажда мести Германскаго міра противъ чуждаго племени, которое столько разъ покрывало позоромъ германскія ополченія, — и вся ненависть торжествующаго деспотизма къ странѣ, цѣлое столѣтіе тягавшейся съ нимъ за свои права и вольности... Но наша задача кончена, и здѣсь не мѣсто было бы описывать, какъ этотъ мучитель съ глубокой ироніей выберетъ себѣ орудія между чешскими магнатами, мечтавшими о соб-

ственномъ самовластіи; какъ онъ начнетъ мучить свою жертву, какъ онъ наругается надъ ея святыней, принудитъ ее отречься отъ всего, что ей завѣщало многовѣковое славное прошедшее, забыть самое прошедшее; какъ онъ будетъ медленно выпускать изъ нея кровь и оставитъ ее своимъ преемникамъ неподвижнымъ трупомъ, въ надеждѣ, можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ она убита на вѣки [1]).

---

[1]) Мы опасаемся, чтобы нѣкоторые изъ читателей, незнакомые съ подробностями дѣйствій Фердинанда II въ Чехіи, предавшейся безусловно, послѣ Бѣлогорской битвы, „его милосердію", не сочли преувеличенными и фантастическими наши выраженія о „мучителѣ" и „жертвѣ". Напротивъ того, никакія слова не могутъ передать тѣхъ ужасовъ, которые совершены были тогда габсбургскимъ правителемъ надъ Чехіею, — и того безсилія, съ какимъ Чехія сносила всѣ эти, постепенно усиливаемыя, истязанія. Чтобы дать о томъ нѣкоторое понятіе, представимъ хронологическій перечень главнѣйшихъ правительственныхъ распоряженій и другихъ событій, постигшихъ Чехію послѣ Бѣлогорской битвы, заимствуя этотъ перечень изъ исторіи Пельцеля (Geschichte von Böhmen), напечатанной въ 1782 году, книги крайне сухой, но извѣстной своею добросовѣстностью и авторъ которой высказываетъ даже преданность Габсбургской династіи.

1620 г. Тотчасъ послѣ сдачи Праги, солдаты, по наущенію іезуитовъ, собираютъ изъ домовъ книги на чешскомъ языкѣ и сжигаютъ ихъ, безъ разбора, на площадяхъ.

1621 г. 3 Марта. Всѣ профессора и священники кальвинисты или члены *братской* секты принуждены немедленно покинуть Чехію.

1621 г. Іюня 21. Казнь 47 „мучениковъ Пражскихъ", т. е. всѣхъ славнѣйшихъ представителей національной партіи и просвѣщенія въ Чехіи.

1621 г. Іюня 22. Важнѣйшіе изъ Пражскихъ горожанъ высѣчены и высланы изъ Чехіи: одинъ изъ нихъ, Николай Дивишъ, былъ предварительно продержанъ цѣлый часъ пригвожденнымъ за языкъ къ висѣлицѣ.

1621, въ теченіи остальныхъ мѣсяцевъ. Всѣ протестантскіе священники высланы изъ Чехіи, съ конфискаціею имущества, какъ и у всѣхъ прочихъ казненныхъ или изгнанныхъ. Для исполненія этого, отряды драгунъ разосланы по всей странѣ.

1622 г. 5 Марта. Протестанты удалены отъ всѣхъ должностей.

1622 г. 30 Апрѣля. Изъ Пражскаго университета удалены всѣ прежніе преподаватели и онъ переданъ іезуитскому ордену.

Объявлено всепрощеніе всѣмъ участникамъ возстанія, которые сознаются въ такомъ участіи и принесутъ повинную. На это приглашеніе отзываются 728 „пановъ" и рыцарей, большинство чешской аристократіи. Записавъ ихъ имена, какъ бывшихъ мятежниковъ, у нихъ конфискуютъ имѣнія, на сумму 24 милліоновъ „копъ" грошей („копа" грошей стоила около 5 флориновъ серебромъ). Послѣ этого распоряженія, одинъ изъ рыцарей, Ржичанъ, старался возбудить возстаніе въ народѣ, но оно было легко подавлено.

1623 г. 18 Января. Чаша и мечъ, сооруженные Юріемъ Подѣбрадскимъ на фронтонѣ Тынскаго собора, какъ символъ религіозной и политической независимости Чехіи, уничтожены. Прахъ Рокицаны сожженъ.

1624 г. Въ Чехіи воспрещено всякое не католическое богослуженіе. Иновѣрцы не могутъ принадлежать къ городскому сословію и заниматься ремеслами въ городахъ. Преобразованіе протестантскихъ церквей въ католическія.

1624 г. Марта 24. Новое распоряженіе: никто, кромѣ католиковъ, не имѣетъ права жениться; всѣ, прежде заключенные протестантами браки признаются незаконными (надобно помнить при этомъ, что протестантизмъ не составлялъ въ Чехіи какой нибудь незначительной религіозной общины; нѣтъ, болѣе девяти десятыхъ Чешскаго населенія принадлежали въ то время къ протестантизму. Такимъ образомъ, удары, на-

Изъ предѣловъ нашего изслѣдованія выходитъ также и тотъ современный намъ періодъ, въ который Чехія, послѣ двухсотъ-лѣтняго

правляемые подъ предлогомъ религіозной ревности, противъ протестантизма, въ дѣйствительности поражали *всю народность чешскую*, и избавлялись отъ нихъ, какъ католики, только иностранцы, тамъ обитавшіе, да магнаты придворной партіи).

1626 г. Всѣ протестанты, живущіе въ Чехіи, обязаны къ положенному сроку обратиться въ католическую вѣру. Не исполнившіе этого, лишаются, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, права заниматься ремеслами и продавать что бы то ни было; больные, находящіеся въ госпиталяхъ, если не обратятся, выгоняются оттуда, каково бы ни было ихъ болѣзненное состояніе.

Множество штрафовъ и другихъ наказаній положено для тѣхъ, которые будутъ уклоняться отъ исполненія обрядовъ католической церкви. — Всѣ протестанты въ Прагѣ, которые не обяжутся немедленно обратиться, изгоняются за границу.

1626 и 1627 г. Отряды и даже цѣлые полки разсылаются по всѣмъ городамъ и деревнямъ Чехіи для производства тамъ „реформаціи", т. е. насильственнаго обращенія протестантовъ въ католицизмъ. При этомъ страшныя жестокости и поруганія святыни религіозной и нравственной. Вотъ характеристическій случай, разсказываемый Пельцелемъ. Одному чешскому чиновнику Пржибику Енишеку, поручено было „реформировать" городъ Домажлицы (по нѣм. Taus), но онъ встрѣтилъ въ жителяхъ непреклонное упорство и жаловался на свою неудачу одному изъ своихъ товарищей по этому дѣлу, начальнику „реформаціоннаго" отряда, Испанцу донъ-Мартину де-Хуерда. Испанецъ побился съ нимъ объ закладъ на 500 червонцевъ, что онъ съумѣетъ „реформировать" городъ Домажлицы. Вступивъ туда съ своимъ отрядомъ, онъ расположилъ тамъ на квартиру въ каждый домъ по нѣскольку своихъ солдатъ, — и черезъ нѣсколько дней жители Домажлицы явились къ нему съ полною готовностью отречься отъ протестантизма. Выигравъ свой закладъ, донъ-Мартинъ де-Хуерда сжалился надъ Енишекомъ и заставилъ домажлицкихъ жителей заплатить за него проигранныя ему, донъ-Мартину, деньги. — Въ г. Прахатицахъ жители вздумали защищаться: ихъ было убито 1660 чел. Такія же страшныя сцены происходили по деревнямъ. Возстаніе поселянъ въ Куржимскомъ округѣ подавлено со страшными жестокостями. — Громадная, повсемѣстная эмиграція изъ Чехіи.

1627 г. въ Нолбрѣ. Самъ императоръ Фердинандъ II пріѣзжаетъ въ Прагу и созываетъ сеймъ. „Грамота Величества" императора Рудольфа (по которой Чехи должны были пользоваться свободой вѣроисповѣданья), право избранія короля, обязательность чешскаго языка въ судахъ и земскомъ управленіи, — объявлены уничтоженными; католическое духовенство введено въ сеймъ, какъ особое сословіе и поставлено во главу прочихъ сословій. Учрежденъ въ Прагѣ „реформаціонный" судъ изъ нѣсколькихъ магнатовъ и духовныхъ лицъ съ неограниченною властію преслѣдовать протестантизмъ. Вслѣдствіе распоряженій этого суда, до 30.000 семействъ, въ томъ числѣ 158 аристократическихъ родовъ, по исчисленію канцлера королевства, Вильгельма Славаты (намъ уже извѣстнаго), покидаютъ Чехію. Распоряженія эти возбуждаютъ двѣ вспышки народнаго возстанія, которыя легко подавлены.

Затѣмъ, послѣ побѣды Густава-Адольфа у Лейпцига, въ 1631 г., Чехія на семь мѣсяцевъ опять освобождена была отъ Габсбургской власти и перешла въ руки протестантовъ. Но всѣ предъидущія мѣры Фердинанда такъ удачно ее доконали, что она даже не пошевелилась отъ этой перемѣны и до конца тридцатилѣтней войны оставалась пассивнымъ театромъ войны между Шведами и Австрійцами, страшно страдая отъ разоренія съ обѣихъ сторонъ. Къ концу 30-лѣтней войны она даже какъ бы привыкла къ габсбургской власти, такъ что въ 1648 г. жители Праги вооружились на помощь австрійскому войску и храбро отражали приступы Шведовъ; за что новый императоръ Фердинандъ III, по заключеніи мира, объявилъ Чехамъ прощеніе и запретилъ поминать ихъ прошлыя вины. Въ Чехіи оставалось 800.000 жителей, а предъ началомъ тридцатилѣтней войны — ихъ считалось до трехъ милліоновъ.

летаргическаго сна, мало-по-малу возвращается къ жизни: ибо она ожила не какъ государство, а какъ народность; а въ состояніи ли будетъ эта народность создать себѣ когда либо государственную форму, или осуждена жить вѣчно подъ нѣмецкою властію, или, наконецъ, найдетъ себѣ мѣсто въ какомъ нибудь Славянскомъ союзѣ, —предсказать это не рѣшится самый смѣлый пророкъ. Только мы видимъ, что новая Чехія имѣетъ совершенно иной характеръ, нежели Чехія прежнихъ временъ. Чешское государство умерло при полномъ господствѣ аристократіи, новая Чехія воскресаетъ изъ среды простаго народа.

УКАЗАТЕЛЬ.

Указатель [1].

I.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ.

[1]) Въ настоящемъ указателѣ не помѣщены имена мѣстностей, заключающіяся въ приложенномъ къ «Исторіи Сербовъ и Болгаръ» спискѣ славянскихъ поселеній на греческой землѣ (стр. 281—296). Равнымъ образомъ не обозначены въ указателѣ встрѣчающіяся почти на каждой страницѣ «Исторіи Сербовъ и Болгаръ» названія: Болгарія, Болгары, Сербія, Сербы, Византія, Греки, Дунай, Балканскій полуостровъ, Константинополь и т. под.

II.

ИМЕНА ПЛЕМЕННЫЯ И МѢСТНЫЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИСТОРІЯ СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

Часть первая.

Часть вторая.

II.

О КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ.

III.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЧЕХІИ.

УКАЗАТЕЛЬ.

ОПЕЧАТКА:

на стр. 109, строка 17 снизу, вмѣсто „Константинополи Багоянародными„ — читай: *Константиномъ Багрянороднымъ.*

2007058538